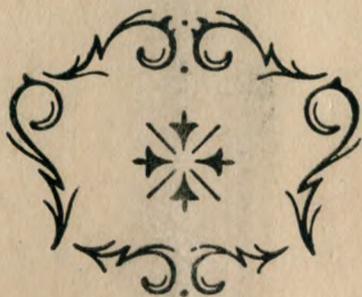

ДЕНИ
ДИДРО
СОЧИНЕНИЯ

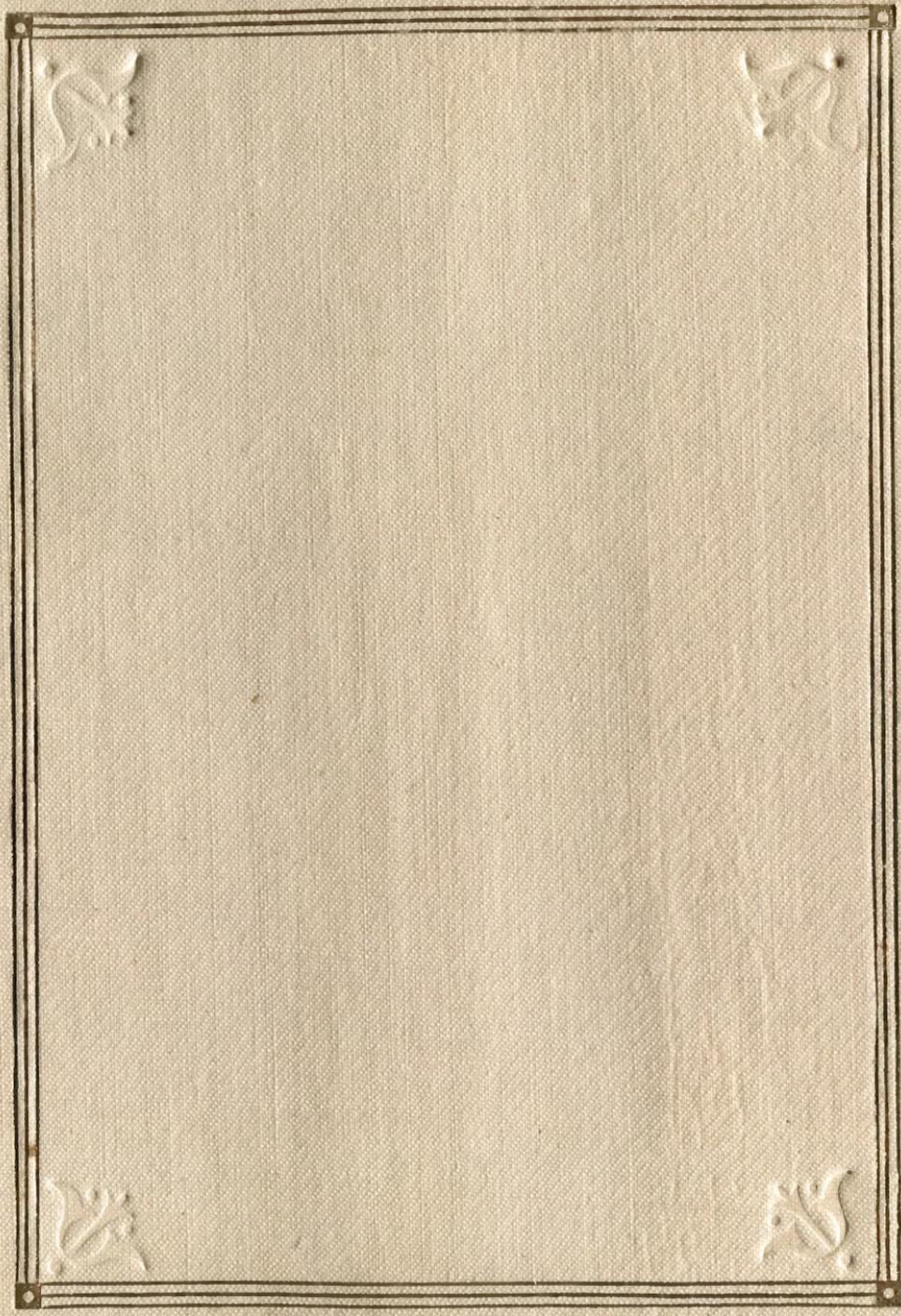
ДЕНИ
ДИДРО
СОЧИНЕНИЯ

ACADEMIA

Дидро—идейный вожь революционной французской буржуазии XVIII в., талантливый, остроумный и блестящий представитель эпохи просвещения. Французская «Энциклопедия» XVIII в., как систематизация и оформление буржуазной идеологии, как оружие борьбы против «фанатизма и тирании», обязана всем своим содержанием его всеобъемлющему уму и боевому темпераменту. Нет ни одной области идеологии, в которой бы Дидро не сказал своего веского и решающего для XVIII в. слова. Философия, техника, естественные науки, литература, театр, искусство по заслугам считают Дидро в своих рядах. В десяти томах собрания сочинений Дидро «Academia» дает все его наиболее важные и характерные произведения.

Цена Р. 9.00
Переплет Р. 2.00

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДЕНИ ДИДРО

(1713 — 1784)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в десяти томах

Под общей редакцией

Н. К. ЛУПНОЛА

А С А Д Е М И А

Москва — Ленинград

Д Е Н И Д И Д Р О

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ II

Ф И Л О С О Ф И Я

Редакция и вступительная статья

И. К. Лунина

Перевод В. К. Сережникова и П. С. Юшкевича

Примечания М. Д. Цебенко

А С А Д Е М І А

1 9 3 5

DENIS DIDEROT
OEUVRES CHOISIES

Супер-обложка и переплет
Б. В. Шварца

Дидро. *С портрета маслом Фрагонара*

Основные проблемы философии Дидро (Бог, природа, человек)

1

Годы философской деятельности Дидро неравномерно и неравнозначно распадаются на два периода — период подготовки материалистической философии, так сказать, годы философского сложения личности Дидро — от начала его литературной работы до начала пятидесятых годов — и период зрелого материализма мыслителя — от начала пятидесятых годов до конца жизни. Таким образом первый, подготовительный, период занимает лишь несколько (меньше десятка) лет; второй же тянется на протяжении по крайней мере тридцати лет.

Неравнозначны эти периоды не только по времени продолжительности или, — что, конечно, более важно, — по своему идейному направлению, но и по внутреннему содержанию обсуждаемых мыслителем проблем. В первый период философии, собственно, еще нет; она составляет содержание второго периода. В первый период имеет место нарастание того, о чем говорил Дидро перед самой своей смертью, как о первом шаге к философии, именно нарастание религиозного неверия. Лишь разделившись совершенно с религией, мог Дидро приступить к построению своей философской системы.

Но для исследователя жизни и всего литературного наследия Дидро первый период имеет, несомненно, боль-

шое значение, ибо он показывает тот путь, идя по которому Дидро пришел к материализму.

Уже самое раннее более или менее оригинальное произведение Дидро — вольный перевод «Опыта о заслуге и добродетели» английского моралиста и вольнодумца Шефтсбери (1745) — обнаруживает отход Дидро от ортодоксального католицизма и даже от христианства. Точка зрения Дидро в это время — *теизм*. Мыслитель сам в согласии с пониманием века определяет, что такое теизм. Теизм не верит уже в религиозно-церковные догматы того или иного вероисповедания; так, например, теизм отрицает догмат о непорочном зачатии, о пресуществлении даров и т. д., и т. п., но теизм принимает существование бога, как верховного существа, создавшего вселенную, принимает реальность морального добра и зла, бессмертие души, награды и наказания после смерти; по вопросу об откровении теизм занимает, так сказать, выжидательную позицию: он не утверждает, но и не отрицает его, а ожидает доказательств.

В 1745 году Дидро считал теизм «общей основой всех религий» и полагал, что через эту «общую основу» он может приблизиться к истинному христианству, отнюдь еще не сознавая, что он сделал первый шаг от христианства, чтобы никогда уже к нему не приближаться.

На этом этапе развития Дидро привязывают к религии этические соображения. Религия, по его мнению, является опорой добродетели; там, где религии нет, добродетель неустойчива, непрочна. Если заменить теизм гипотезой всеобщей необходимости явлений, то рухнет жизнь после смерти, рухнет идея наград и наказаний за добрые и злые дела.

Но уже в это время Дидро останавливается перед одним вопросом, который навязывается ему самой жизнью, его собственными наблюдениями: если «нет добродетели без веры в бога», то как быть с фактами, которые свидетельствуют о том, что атеисты вовсе не являются злодеями и живут честно, не ожидая ни наград за это,

ни наказаний за свой атеизм в будущей жизни, не ожидая даже самой этой жизни.

Таким образом практическая жизнь и опыт подсказали Дидро, что добродетель, как ни подпирал он ее верой, может обойтись без этой сомнительной подпорки, может сочетаться с атеизмом. Эта мысль является логическим переходом к следующей работе Дидро—к «Философским мыслям».

В «Философских мыслях» (1746) Дидро порывает уже не только с христианством, но и с теизмом. Здесь Дидро—*деист*. Деизм, опять-таки в собственном понимании Дидро и XVIII века, принимает бытие бога, как высшего мироустроющего принципа, принимает реальное различие между моральным добром и злом, но нацело отрицает откровение и сильно сомневается в бессмертии души и будущем возмездии.

Местами Дидро, подобно Монтэню и Бэйлю, не дает прямых ответов, заставляя читателя самого поразмыслить над трудными философско-теологическими загадками. Однако было бы неправильно поэтому зачислять Дидро в скептики,—*деистический* ответ автора ясен. Любопытно и то, что из всех спорящих по этим вопросам сторон Дидро считает наиболее крепкими позиции *деиста* и *атеиста*, но до поры до времени он убежденно придерживается точки зрения первого.

Вера в откровение, в «боговдохновенность» библии им уже оставлена, ничего не говорят ему и «чудеса», да и зачем «чудеса», которыми наполнено не только христианство, но и язычество, когда Дидро удовольствовался бы одним разумным силлогизмом; однако христианство не может представить Дидро ни одного такого силлогизма. Поэтому-то христианский бог ставится им на один уровень с домовыми, лешими и оборотнями. Это все—*суеверие*, а *суеверие* более несправедливо к богу, чем *полное безверие*. Исходя из этого положения, Дидро в 1746—1747 годах считает, что у *атеиста* есть только один серьезный враг,—не христианин, не человек, придерживающийся той или иной исторической религии,

а деист, сторонник *естественной* религии. С этих позиций и написаны «Философские мысли».

К деизму пока привлекает Дидро все-та же этическая проблема: у деиста больше всего побуждений быть добродетельным, у атеиста эти побуждения отсутствуют; его честности не хватает опоры. Но так как еще в «Опыте о заслуге и добродетели» Дидро должен был признать наличие честных и добродетельных атеистов, то на помощь своему моральному аргументу Дидро прибавляет еще один аргумент, заимствованный у английских деистов школы Локка, это — так называемое физико-телеологическое доказательство бытия божия.

Деистическая литература XVII—XVIII веков знала два таких «доказательства» — космологическое и физико-телеологическое — в дополнение к возрожденному Декартом онтологическому.

Онтологическое доказательство, умозаключавшее от понятия к предмету, от идеи бога (по Декарту, врожденной идеи) к его существованию, было совершенно чуждо Дидро, воспитанному в значительной степени на английском эмпиризме, отрицавшем какие бы то ни было врожденные идеи.

Космологическое доказательство, отправлявшееся от отдельных вещей и явлений, как следствий, к причинам, от этих причин, рассматриваемых опять как следствия, к их причинам и так далее и доходящее до «причины причин», до первопричины, которая и почиталась уже божественной причиной, божеством, — это космологическое доказательство не представлялась Дидро особо сильным, — напротив, он понимал, что физические и космологические аргументы могут лишь усилить позиции атеиста.

Из всех классических «доказательств» оставалось таким образом лишь *физико-телеологическое* доказательство. Оно, кстати сказать, наиболее подходило к моральным аргументам самого Дидро. Основывалось это нехитрое «доказательство» на разумности и целесообразности устройства вселенной, всех ее частей и отдельных существ. Высшее целеполагающее, по целям действующее и целе-

сообразно всеустраивающее существо, или начало и есть бог. «Доказательство» это фигурировало и у Локка и у Лейбница; его-то и принимал в 1746—1747 годах Дидро.

«Разве божество не запечатлено столь же ясно в глазу насекомого, как способность мыслить — в произведениях великого Ньютона? — патетически восклицал Дидро... — Подумайте же, что я вам противопоставляю только крыло бабочки, только глаз клеща, а я мог бы раздавить вас тяжестью всей вселенной».

Хотя в этой тираде Дидро и фигурируют некоторые естественно-научные сюжеты, но они привлечены сюда автором не как естествоиспытателем, а как чистым философом деистического толка. Внимательное же изучение химии, физиологии и биологии, поскольку можно говорить об этих науках в XVIII веке, заставит вскоре Дидро, уже как философа-натуралиста, самому противопоставить «крылу бабочки» такой простой предмет, как яйцо, и с еще большим и, нужно сказать, более обоснованным пафосом заявить, что яйцо ниспровергает все богословско-метафизические доводы о божестве.

Непосредственно следующая за «Философскими мыслями» «Прогулка скептика» (1747) еще более продвигает Дидро вперед к атеизму, хотя и в этом произведении он остается пока деистом.

Несколько перегруженная аллегориями и не отличающаяся особыми литературными достоинствами «Прогулка скептика» важна, однако, некоторыми новыми в литературном творчестве Дидро мотивами. Во вступительном диалоге один из собеседников, за которым скрывается сам Дидро, заявляет, что из всех окружающих его явлений он знает только два, заслуживающих внимания и обсуждения: «предпишите мне молчание в отношении *религии и правительства*, — и мне не о чем будет говорить».

Такой выбор объектов для обсуждения свидетельствует о большой чуткости Дидро как общественно-политического мыслителя. В течение второй четверти XVIII века во Франции уже имело место массовое антикатолическое движение; на рубеже же второй и третьей четверти века

вопросы политические стали выдвигаться едва ли не на первое место. Конкретно Дидро реагировал на них в это время в «Белой птице, детской сказке», в «Прогулке скептика» же он продолжал обсуждать религиозно-философские проблемы.

В этой аллегории Дидро выводит святош, ханжей и религиозно-верующих людей в аллее терний, философов различных направлений — в аллее каштанов, и беспечных светских распутников — в аллее цветов. Нэжон был прав, что наибольший идейный интерес представляет философская аллея, ибо со святошами и ханжами Дидро расправился еще в предыдущих произведениях, убожество же «светской философии» позволило ему потратить на аллею цветов лишь несколько страниц.

В аллее каштанов Дидро сталкивает не только философа со святошей с видимой победой первого, но и философов различных школ. Философские, вернее, опять-таки, религиозно-философские симпатии Дидро очевидны. *Пирронистов* и *скептиков* Дидро быстро сбрасывает со счетов: они ничего не знают и знать не хотят; все, что они видят, по их мнению, может быть, и представляет собою что-нибудь, но, может быть, и не представляет собою ничего; с ними никакой проблемы не решишь. *Спинозисты* обрисованы Дидро явно неудовлетворительно: в 1747 году он понимает еще Спинозу крайне упрощенно, гипостазирова субстанцию и усматривая в ней непосредственно данную в чувствах эмпирическую природу; спинозисты для него «играют разумом и некоторыми двусмысленными выражениями». Последователи Беркли, *субъективные идеалисты*, или, как их называет Дидро, *эгоисты*, попросту высмеиваются им. Если не считать пустых и крикливых «фанфаронов», с которыми тоже делать нечего, то на сцене, как серьезные противники, вновь остаются только *деисты* и *атеисты*.

Дидро позволяет атеисту оспаривать и то самое физико-телеологическое доказательство, которое составляло последний довод деиста. Разве уж все так прекрасно и целесообразно на земле? разве нет здесь уродства и

безобразия? Вот в саду навалены в беспорядке камни, мусор, земля; в этой куче очень удобно для себя расположились червяк и муравей. Что сказать о них, если они придут в экстаз от разумности садовника, который так целесообразно расположил для них всю эту «систему»?!

Дидро пытается задержаться на позициях телеологии, но каждый его тезис парируется выведенным им самим атеистом. Вместо крыла бабочки в «Прогулке скептика» фигурируют внутренности шелкоичного червя с неизменным добавлением: «А какое преимущество можно извлечь в этом отношении из анатомии человеческого тела и познания других явлений природы!» — «Ничего другого, кроме того, что материя организована», — хладнокровно возражает атеист, и по существу это возражение остается уже без парирования со стороны деиста.

Принципиально, теоретически Дидро уже ничего не может возразить атеисту, но практически он продолжает еще настаивать на деизме. Атеист должен быть посрамлен, и это посрамление достигается весьма дешевым способом: когда все философы возвращаются с прогулки, то застают дом атеиста разграбленным, жену его похищенной, а детей убитыми; это сделал тот святоша, которого атеист обучал безбожии и отсутствию наказаний после смерти и который таким образом усвоил учение атеиста! Такой трюк пришлось выдумать Дидро, так как он не нашел еще материалистического и атеистического обоснования морали.

На позициях деизма Дидро задержался не дальше 1749 года. Это не значит, что он полностью разработал к тому времени материалистическую философию, но это значит, что он уже твердо стал на путь материализма, который вскоре и освободил его от остатков деистической позиции. Недаром Маркс писал в «Святом семействе» о том, что деизм представляет собою для материалиста наиболее удобную форму избавиться вовсе от религии.

Действительно, в 1749 году в «Письме о слепых в назидание зрячим» мы видим у Дидро развернутую программу материалистической философии. Имея уже такую программу, Дидро вскоре разработал и систему в целом.

Изучая психологию слепых, сам наблюдая слепых и разговаривая с ними, Дидро убедился в том, что для них не существует физико-телеологического доказательства бытия бога, да и сами слепые разве не являются лучшим доказательством того, что не все во вселенной организовано целесообразно и разумно.

В уста умирающего слепого математика и ученого Саундерсона Дидро вкладывает речи атеиста из «Прогулки скептика». Правда, другой ученый математик и физик, Ньютон, верил в бога, но если Ньютон «поверил на слово богу», то почему должен верить на слово Ньютону Саундерсон?

«Письмо о слепых» предназначалось для печати, и Дидро несколько «сгладил» в нем печальный для деизма конечный вывод. Он заставил Саундерсона после материалистических и атеистических рассуждений умереть со словами: «боже Кларка и Ньютона, помилуй меня!» — но эти вложенные автором в уста Саундерсона слова уже не меняют дела, и прав был ранний исследователь Дидро идеалист Дамирон, говоря, что в «Письме о слепых» Дидро хотел бы еще верить в бога, на самом же деле он уже больше не верит.

Тот же Дамирон хочет еще найти кое-какие остатки веры в бога в «Мыслях об объяснении природы» (1754). Однако не видеть атеизма в этих «Мыслях» значит быть более слепым, чем Саундерсон. У Дидро, правда, встречаются еще кой-когда слова «вечный», «предвечный», но все это — не более как внешние привески для отвода глаз и цензуры. Нэжон в своих мемуарах совершенно правильно отзывается о литературно-политической тактике Дидро в «Мыслях»: «Видно, что он, — пишет Нэжон, — скрывается и боится быть понятым теми, кто имеет власть преследовать; но ни один из тех, для кого он писал, из философов, здесь не ошибся; а это было как раз то, чего он хотел».

Дидро, например, высказывает удовлетворение, что «вера научила нас тому, что животные вышли из рук творца такими, какими мы их видим», а после того на

протяжении страницы излагает свою гипотезу трансформизма — предвосхищение теории происхождения видов путем естественного отбора.

Таким же громоотводом для автора, уже посидевшего в тюрьме после «Письма о слепых», должна была служить и так называемая «Молитва», завершавшая «Мысли об объяснении природы». «Молитва» эта напоминает молитву некоего швейцарца из вольтеровского анекдота: «Боже, если ты существуешь, спаси мою душу, если она существует!» В этом нетрудно убедиться из последних отрывков «Молитвы» Дидро:

«Я не перестал бы любить истину и добродетель, ненавидеть ложь и порок, если бы я знал, что тебя нет, или что ты есть, но это тебя оскорбляет. Таков я, необходимо организованная частица вечной и необходимой материи или, быть может, твое создание».

Дидро хотел приложить эту «Молитву» к «Мыслям», чтобы смягчить впечатление у могущественных врагов «Энциклопедии», *хотел*, ибо, увидев, что «Молитва» все же оказывается весьма двусмысленной, он распорядился вырвать ее из всех экземпляров уже отпечатанных «Мыслей». По свидетельству Нэжона, только три экземпляра «Мыслей» ушли из типографии с этой ненужной и никчемной концовкой.

Так в начале пятидесятых годов, меньше чем через десять лет своей литературной деятельности, Дидро решил одну из основных философско-религиозных проблем своего времени. Ни для рациональной, ни — тем более — для откровенной теологии в его мировоззрении не было больше места. На очереди стояла положительная работа по созданию стройной материалистической философии.

2

В «Святом семействе» Маркс правильно указывает два направления французского материализма, которые в дальнейшем его развитии переплетаются между собой. Эти два направления — *картезианская материалистиче-*

ская физика, во-первых, и *английский эмпиризм*, во-вторых.

Маркс прав, говоря о том, что оба направления в дальнейшем тесно переплетаются; и если в первом случае он, несомненно, имеет в виду Гольбаха, а во втором — Гельвеция, то верно, что, например, основы теории познания Гольбаха были навеяны английским эмпиризмом. Что же касается Дидро, то в нем одним налицо переплетение и органическое слияние мотивов как материалистической физики Декарта (но не его метафизики), так и материализованного эмпиризма Локка.

Как известно, Декарт в своей метафизике различал две, правильнее сказать, даже три субстанции: *бога, тело и душу*. Однако у самого Декарта бог, создав две остальные субстанции, в дальнейшем как бы отступал в сторону, и поэтому правильно, что в историю философии Декарт вошел как дуалист.

По его учению, атрибутом тела (т. е. основным свойством субстанции, без которого она не может ни существовать, ни даже мыслиться) является *протяжение*, атрибутом же души — *мышление*. Таким образом, по Декарту, телу только протяженно и не мыслит, мыслит же непротяженная душа.

Все остальное многообразие явлений и процессов сводилось Декартом к модусам (т. е. случайным, ненужным состояниям или проявлениям субстанции). Так, *движение* Декарт определял лишь как модус протяжения, т. е. как ненужное состояние протяженной субстанции, наряду с *покоем, фигурой, величиной* и т. п. *Время*, по Декарту, было лишь модусом мышления, что в переводе на обычный язык означало, что время не присуще вещам самим по себе, не является формой их существования, а является лишь способом нашего созерцания; такое решение проблемы времени, само собою разумеется, было не материалистическим, а феноменистическим.

Дуализм Декарта ставил перед ним самим совершенно неразрешимые трудности: как быть с человеком, состоя-

щим из тела и души? как быть с животным? Компромиссный характер дуализма Декарта весьма поспешно разрубил гордиев узел проблемы животных: животные состоят только из тела, души у них нет, животные — простые машины. Такое «решение» могло удовлетворить католическую церковь (да и бытовое православие, согласно которому ведь у собаки тоже нет души, а есть только «пар»!), но зато сделало Декарта посмешищем в ряде поколений философов, отголоски чего есть еще и у Дидро.

Труднее было «справиться» с человеком: Декарту пришлось не только объявить его как бы состоящим из двух субстанций, но и указать в человеке «седалище» души, что он и сделал, с удовлетворением найдя в голове человека непарный орган — шишковидную железу, и что равным образом послужило объектом длинного ряда философских насмешек, в том числе и у Дидро.

Однако справедливость требует сказать, что тот же Декарт, переходя к физике, оставлял свою божественную субстанцию у ее порога и, имея в физике дело лишь с так называемыми вторичными причинами, строил всю физику на материалистических основах.

Хотя XVIII век отгнул корпускулярную физику Декарта и усвоил атомистическую физику Ньютона, но именно материалистический дух картезианской физики послужил мощным толчком к развитию французского материализма.

Уже ученик, а одно время и друг Декарта, Леруа, которого Маркс ставит в начале французского материализма, заявил, — правда, в весьма осторожной форме, — что *душа* является лишь *модусом* тела; это было философским началом конца души как самостоятельной субстанции.

Известно далее, что уже Спиноза материалистически преодолел дуализм Декарта, утвердив единую и единственную субстанцию, и притом как причину самой себя. Этим устранялся бог как причина субстанции, сохранившись на некоторое время еще лишь как название спинозовской субстанции. Но что он потерял все и всякие

божественные свойства еще у самого Спинозы, это видно из того, что спинозовская субстанция в качестве одного из своих атрибутов имеет *протяжение* и что она не творит из ничего, да еще по целям, а лишь необходимо производит различные существа и модусы. Вторым атрибутом единственной протяженной, стало быть, материальной субстанции Спинозы было мышление. Таким образом единая субстанция Спинозы была протяженна, и она же мыслила. Это и означало в XVII веке материалистическое решение основной философской проблемы в отношении бытия и мышления; это и вошло как основной принцип во французский материализм.

Менее удовлетворительно обстояло дело в системе Спинозы с временем и движением. *Время*, бесконечная длительность во времени, и в этом смысле вечность распространялась у Спинозы лишь на мир модусов, субстанция же была вечна в смысле полной неподверженности времени, она была, таким образом, вневременна. *Движение* не было объявлено и Спинозой атрибутом субстанции; движение, наряду с покоем, было лишь бесконечным модусом субстанции, взятой под атрибутом протяжения. Такое решение Спинозой проблемы времени и движения придавало всей его системе характер глубоко статический и метафизический и ставило перед последующими поколениями материалистов ряд задач, которые еще необходимо было разрешить.

Один из таких материалистов конца XVII и начала XVIII века, англичанин Джон Толанд, примыкая во всем к Спинозе, подверг его резкой критике именно за статичность субстанции, настаивая на том, что движение должно считаться таким же свойством субстанции, как и протяжение. Это утверждение Толанда делает его связующим звеном между Спинозой и французскими материалистами.

Продолжая и для XVIII века завершая намеченную выше философскую линию, французский материализм в лице Дидро признает также лишь одну единую и единственную субстанцию; этой субстанцией оказывается *ма-*

терия. Материя пребывает во *времени* и в *пространстве*, которые выступают как формы бытия материи. Материя, само собой разумеется, *протяженна*. Последними элементами материи являются, в соответствии с уровнем естествознания XVIII века, физические молекулы, в которых не трудно усмотреть материализованные монады Лейбница. Дело в том, что основным свойством материи на ряду с протяжением у Дидро выступает и *движение*. Это движение является не только видимым молярным движением, движением масс, но и невидимым молекулярным движением, движением, присущим физическим молекулам. Дидро различает движение, как перемену места — трансляции, и движение, как *nisus* — внутреннее напряжение или тяготение. «Абсолютный покой, — говорит Дидро, — абстрактная концепция, его нет в природе. Движение — столь же реальное свойство, как длина, ширина, глубина», т. е. как протяжение. Таким образом основы материализма Дидро воспроизводят субстанциальный монизм Спинозы, однако в его динамизированном виде (движение — атрибут субстанции), а также с материалистическим решением проблемы времени.

Но есть еще одно существенное отличие материализма Дидро от материализма Спинозы: Последний, как помнится, объявил мышление также атрибутом своей протяженной субстанции. Для того времени это было совершенно необходимо и единственно устраняло декартовский дуализм. Однако вопрос значительно усложнился после того, как время было признано формой бытия материи, а движение — ее основным свойством.

Вопрос теперь углублялся. Ясно было, что мыслит материя, как единственная субстанция, а не какая-то иная сущность, но всякая ли материя мыслит? всегда ли материя мыслила? Отвечая на этот вопрос, Дидро, а также и другие французские материалисты говорили не о мышлении, а о *чувствительности* материи, имея в виду, что мышление есть развитая форма чувствительности. Поэтому тот же вопрос ставился так: всякая ли материя чувствительна? всегда ли материя была чувствительной?

По этому вопросу у французских материалистов не было единомыслия. Робинэ совершенно уверенно утверждал, что чувствительна всякая материя, ибо всякая материя организована; нет неорганизованной — на языке XIX века, неорганической — материи. Гольбах, напротив, заявлял, что мыслит не всякая материя; а лишь известным образом организованная. Точка зрения Дидро, развиваясь в том же русле, несколько отличается от позиции Робинэ и Гольбаха. Правда, в «Разговоре Даламбера с Дидро» он допускает, что и «камень чувствует», но он не сторонник гилозоизма, т. е. теории всеобщей одушевленности материи, хотя иной раз и кажется, что близок к нему. Во-первых, как говорит Ленин, «мы уже на примере Дидро видели настоящие взгляды материалистов. Не в том состоят эти взгляды, чтобы выводить ощущение из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи»*, а во-вторых, подобно скрытому и открытому движению, Дидро признает скрытую и открытую формы чувствительности материи или, как он выражается, чувствительность инертную (в неорганической материи) и чувствительность деятельную (в высших проявлениях органической материи). «Как живая сила, — пишет он, — обнаруживается при трансляции, а мертвая при давлении, так деятельная чувствительность характеризуется у животного, а может быть, и у растения известными заметными действиями; в существовании же инертной чувствительности можно удостовериться при переходе ее в состояние деятельной».

Таким образом точка зрения Дидро устраняет возможность разрыва единой материи и заранее отстраняет возражения дуалистов: материя едина, она протяженна, она находится в движении, и она же, а не какая-то иная субстанция, ощущает, но эта чувствительность, присущая всякой материи в потенции, в возможности, деятельно

* В. И. Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», М. 1933, стр. 38.

проявляется лишь в материи, известным образом организованной.

Гениальна и исчерпывающа по этому вопросу формулировка В. И. Ленина: «В ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и в «фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением. Таково предположение, например, известного немецкого естествоиспытателя Эрнста Геккеля, английского биолога Ллойда Моргана и др., не говоря о догадке Дидро»*.

Таковы краеугольные камни материалистической философии Дидро, однако этим не исчерпывается его философская проблематика. Единство материального мира, единство природы нужно было обосновать не только, так сказать, в плане метафизическом, но и в плане натурфилософском, более эмпирическом. Традиционная философия вырывала человека из всей природы, утверждая его в качестве «царя» последней и «венца творения» верховного существа. Проблема человека поднимала вопрос о классификации всех предметов и существ, всех произведений природы. Дидро был неудовлетворен имевшими место в его время попытками искусственной классификации; он стоял за естественную классификацию, которая, по его мысли, должна была отражать строй самой природы, ее систему. Эта система природы рисовалась ему как последовательная цепь существ, как многочисленная их иерархия. «Нужно начинать, — пишет Дидро в первом же параграфе «Элементов физиологии», — с классификации существ, начиная с инертной молекулы, если таковая есть, переходя к живой молекуле, к микроскопическому животному, к животному-растению, к животному и человеку».

С громадным вниманием следит Дидро за естественнонаучной литературой своего времени, ища и находя в ней ответы на волновавшие его вопросы. Основная задача его

* В. И. Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», М. 1933, стр. 37.

в этом отношении — найти те разрывы в единой цепи существ, которые позволили бы ему эмпирически обосновать единство природы. Поэтому-то он с таким удовлетворением отмечает в своих тетрадах и факт открытия в 1768 году Эллисом плотоядного растения — мухоловки (*muscipula dioica*), и иные феномены зоофитов, заноса их в рубрику «смежность растительного царства с животным». Все это нужно ему, чтобы подтвердить его тезис, — между прочим направленный и против религиозно-церковного учения, — о единстве всех «царств природы». «Всякое животное, — пишет он, — более или менее человек, всякое растение — более или менее животное». «Растительное царство могло бы быть и было первым источником животного царства и само получило свой источник в царстве минеральном; а это последнее, — подходит Дидро к своему выводу, — вышло из всеобщей гетерогенной материи».

Несомненно, в своих поисках звеньев, которые бы заполняли кажущиеся разрывы единой цепи природы, Дидро следует лейбницевскому принципу «природа не делает скачков», принципу по своему существу антидиалектическому, но, во-первых, со времен Маркса и Энгельса известно, что французский материализм не знал еще диалектики и в этом смысле был метафизическим, а во-вторых, и Дидро и весь старый материализм необходимо рассматривать в исторической перспективе. В то время речь шла о том, чтобы вопреки утверждениям христианских богословов показать естественное единство мира и во всех частях и частицах устранить декартовский дуализм. В этом смысл «Человека-машины» Ламеттри, его же «Человека-растения», наконец его же философского памфлета «Животные больше, чем машины». В этом смысл и дидеровских поисков зоофитов и его же попыток отстоять истину самопроизвольного зарождения организмов. Поэтому в тот период, когда естествознание еще лишь эмпирически накапливало факты, принцип «природа не делает скачков» был в руках материалистов прогрессивным методологическим правилом,

Единство всех царств природы, искомое и найденное Дидро, Ламеттри, Робинэ, было бы в их руках еще недостаточно эффективным оружием против христианских теологов, если бы оно принималось лишь статически. Между тем постоянство и неизменность видов было прочным устоем современного Дидро естествознания. Лишней признавал, что «виды сяють различны, сколь различными создал их бесконечный бог». Метафизичность и механистичность французского материализма общеизвестны. И однако нужно сказать, что Дидро (а в известной степени и Ламеттри) прорвал в некоторых пунктах метафизичность мировоззрения старого материализма и оказался предшественником эволюционных теорий XIX века. В этом отношении заслуживают внимания идеи Дидро о трансформизме видов.

Неизменность видов для Дидро — нелепость. Перечисляя несколько, с его точки зрения, нелепостей, он пишет: «Вот одно из подобных предположений — на поверхности земли имеется существо, животное, которое всегда было таким, как сейчас». В «Элементах физиологии» под рубрикой «Животные» Дидро записывает: «Не следует думать, что они всегда были и останутся такими, какими мы их видим. Это результат бесконечного потока времени, по прошествии которого кажется, что их окраска, их форма сохраняет стационарное положение, но так только кажется». Таким образом идея *изменчивости* видов у Дидро налицо.

Равным образом в век, которому были совершенно чужды идеи наследственности, который еще целиком питался локковским образом «чистой доски», Дидро формулирует, правда, почти в форме афоризма, идею *наследственности*: «Наблюдение, — записывает он, — которым не следовало бы пренебрегать: от матери к ребенку, который в течение девяти месяцев составляет с ней одно целое, переходят склонности, вкусы, органические привычки, всю действенность которых мы не можем хорошенько знать».

И, наконец, у Дидро, и притом начиная еще с

1749 года, можно проследить в зародыше идею *выживания наиболее приспособленных*. Эта идея выражена у него в форме процесса «очищения» вселенной от уродливых существ, от существ, наименее приспособленных к данным сочетаниям материи. «Что такое урод?» — спрашивает Дидро, и отвечает: «Существо, длительность которого несовместима с существующим порядком. Но общий порядок изменяется непрерывно. Как среди этого непостоянства продолжительность вида может оставаться неизменной? Только молекула вечна и неизменна».

Под заглавием «Противоречивые существа» Дидро записывает: «Это такие, организация которых не соответствует остальной вселенной. Произведшая их слепая природа изгоняет их; она позволяет оставаться только тем, кто может сносно сосуществовать с общим порядком, которым столь тщеславятся ее панегиристы». «Мир — жилище сильного», — таков заключительный аккорд «Элементов физиологии».

Конечно, было бы неправильно на основе этих высказываний Дидро представлять его каким-то Дарвином до Дарвина. Кстати сказать, если быть строгим, то у Дидро можно найти и высказывания, конкретно сближающие его с Ламарком, но бесспорно одно — в антидиалектический, метафизический XVIII век Дидро поднялся до понимания идей трансформизма, до предвосхищений некоторых идей будущих эволюционных теорий XIX века.

Так разрешал Дидро основные философские, конкретнее говоря — натурфилософские проблемы своего времени.

3

Вторым направлением французского материализма, по справедливому указанию К. Маркса, является английский эмпиризм, ближайшим образом — философия Локка. Маркс говорит, что этот вид материализма «составляет, по преимуществу, французский образовательный элемент и ведет прямо к социализму»,

Философия Локка оказала сильнейшее влияние на теорию познания французских материалистов и послужила основой для их социально-исторических и социально-педагогических взглядов. Однако было бы неверно думать, что французские материалисты ученически позаимствовали теорию познания Локка; последняя сыграла роль только отправного трамплина в их собственных теоретико-познавательных построениях.

Говоря об основных проблемах теории познания Дидро, необходимо остановиться на проблемах источника познания, критерия истинности познания и реальности познания, ибо таковы важнейшие проблемы этой области философии XVIII века.

Сам Локк насчитывал два источника познания: *ощущения* и *рефлексии*; ощущения понимались Локком материалистически как результат воздействия внешнего мира на органы чувств человека, но дело в том, что второй источник познания, — рефлексии, эти «созерцания душою своей собственной деятельности», — был равноправен и равнозначен первому источнику, — ощущениям. В силу этого Локк не избежал гносеологического дуализма. Ощущения, внешний опыт — материалистический момент в теории познания Локка — оказывался в вечном противоречии с психологическим моментом — рефлексиями, внутренним опытом. Это не давало возможности Локку стать подлинным материалистом и направляло его в сторону феноменализма, признания существования субстанции, но одновременно отказа в возможности сознания ее. Такое феноменалистическое решение Локком проблемы реальности познания сочеталось у него с его двойственным критерием истинности представлений: если по линии ощущений истиной выступало соответствие представлений предмету их, то по линии внутреннего опыта истиной оказывалось согласие одних идей с другими идеями, что делало излишним обращение к внешнему опыту, к объективному миру.

В юности Дидро вместе с Кондильяком примкнул к теории познания Локка, и «Опыт о происхождении че-

ловеческих знаний» (1746) Кондильяка грешит еще все тем же гносеологическим дуализмом. Но уже вскоре, по мере нарастания материалистических моментов в мировоззрении Дидро, второй источник познания Локка был оставлен.

Вскоре разошлись пути материализма в лице Дидро и непоследовательного сенсуализма в лице Кондильяка: в 1754 году «Мысли об объяснении природы» показали, что автор их, Дидро, стоит целиком и в области теории познания на материалистических позициях; вышедший же в том же году «Трактат об ощущениях» Кондильяка свидетельствовал о том, что автор хотя и отказался от рефлексии, как источника познания, но застрял на феноменализме.

Таким образом французский материализм в лице Дидро прорвался за круг ограниченного, так называемого рефлексивного эмпиризма Локка и вышел твердой поступью к сенсуализму материалистического типа, диаметрально разойдясь с другим учеником Локка, с Беркли, от своего учителя перешедшим к субъективному идеализму. Именно это имеет в виду Ленин, когда пишет, что оба «и Беркли, и Дидро вышли из Локка».

Итак, по Дидро, единственным источником познания, первичным актом в процессе познания, являются ощущения. Ощущения рассматриваются, как результат воздействия внешнего материального мира на наши органы чувств; в этом заключается материалистическая установка теории познания Дидро.

Критерием достоверности представлений, по Дидро, является внешний опыт; истинными можно назвать лишь те представления, которые соответствуют отражаемым в них материальным предметам. До практики, как критерия истины, французский материализм, в том числе и Дидро, не дошел, что наложило известный отпечаток созерцательности на всю его теорию познания.

Исходя из некоторых формулировок Дидро, в частности в «Элементах физиологии», французских материалистов иногда представляют агностиками, феноменали-

стами, отрицавшими возможность познания внешнего мира. Против такой совершенно ложной интерпретации решительно возражал, в полном соответствии с фактами, В. И. Ленин. В самом деле, нет ничего более неверного, как представлять себе французских материалистов агностиками. Весь строй их мысли, все их методологические предпосылки, все их конкретные выводы и обобщения свидетельствуют о том, что они были научно убеждены в реальности познания, в познаваемости материального мира. Им, и в частности Дидро, свойственны иногда лишь мотивы, примерно, такого рода: как мало еще познано, как много еще предстоит познать. Но, конечно, от признания того, что предмет еще не познан, до утверждения непознаваемости этого предмета расстояние громадное и в принципиальном смысле непроходимое.

Вместе с тем Дидро нельзя назвать в теории познания ограниченным, хотя бы и материалистического типа, сенсуалистом. Последним был Гельвеций, но именно с Гельвецием у Дидро были изрядные расхождения по вопросам теории познания, как это видно из работы «Систематическое опровержение книги Гельвеция «Человек».

Задача заключается в том, чтобы разобраться во взаимоотношениях между показаниями органов чувств и разумом, между чувственными и рациональными моментами в процессе познания. Несколько узко сенсуалистически настроенный Гельвеций рубил с плеча: «Чувствовать это значит судить». Против таких положений Гельвеция и выступает решительно Дидро. «Это утверждение, — пишет он, — как оно заявлено, не кажется мне строго правильным. Глупец чувствует, но, может быть, не судит; совершенно лишенное памяти существо чувствует, но не судит. Суждение предполагает сравнение двух представлений».

Мысль Дидро развивается по следующему пути: несомненно, чтобы судить и действовать, необходимо быть организованным так, как мы, необходимо ощущать. Ощущения — первичные и необходимые условия познания,

но «брать условия вместо причин значит упражняться в ребяческих паралогизмах и ничего не значащих умозаключениях». Человек сочетает, сопоставляет, комбинирует свои представления примерно с такой же естественностью, как птица летает или рыба плавает, но каждый человек своей физической организацией, естественными способностями, темпераментом расположен к сочетанию таких-то представлений предпочтительнее, чем к сочетанию иных представлений. В этом деле громадную роль играет «организация» человека и прежде всего его мозга.

У человека пять органов чувств; со своими показаниями они выступают как бы в качестве свидетелей, но есть судья — «специальный орган, мозг, которому пять свидетелей делают свои доклады». Как хороший судья выносит свой приговор, только внимательно выслушав показания всех свидетелей, так и разум должен судить на основании всех данных чувств. Этот судья не должен брать на веру показания ни одного из свидетелей, иначе суждение будет односторонним, неверным, но, с другой стороны, он и не должен фантазировать, не должен отрываться от показаний свидетелей.

Разум, не отрывающийся от мира опыта, от показаний чувств, но контролирующий, осмысливающий их, есть сам как бы чувство, берущее все показания в связи, универсальное чувство. Разум есть связь, сочетание того, что дано чувствам в разъединении; разум — орган целостности человека. «Не думайте, что я забавляюсь, — обращается Дидро к Гельвецию, — без соотносителя, без судьи, общего для всех ощущений, без органа, помнящего в совокупности все, что к нам приходит от ощущений, без такого органа живой инструмент каждого чувства имел бы, быть может, мгновенное сознание своего существования, но не было бы никакого определенного сознания животного или человека в целом».

Таким образом Дидро устанавливает конкретное единство разума и чувств, или, по-фейербаховски, единство чувств и мышления. Вместе с тем это является дальнейшим развитием и разъяснением того «применения

рационального метода к данным чувств», о котором говорил Маркс в связи с методологией Ф. Бэкона.

Возражения Гельвецию со стороны Дидро не суть возражения из какого-то иного философского лагеря. И Гельвеций, и Дидро — материалисты. Возражения Дидро сводятся к некоторому ограничению безудержного сенсуализма Гельвеция, к некоторому подчеркиванию роли физиологических особенностей человека, наконец, к уточнению положений французского материализма.

Достаточно привести несколько «расхождений» между Гельвецием и Дидро, записанных последним, чтобы убедиться в этом и вместе с тем увидеть основную проблематику французских материалистов в науке о человеке.

Он (Гельвеций) говорит: воспитание значит все.
Скажете: воспитание значит много.

Он говорит: воспитание — единственный источник различия между людьми. *Скажете:* это один из главных источников.

Он говорит: организация не значит ничего. *Скажете:* организация значит меньше, чем это обычно думают.

Он говорит: все нормально организованные люди одинаково способны ко всему. *Скажете:* ко многому.

Он говорит: наши удовольствия и страдания сводятся всегда к физическим удовольствиям и страданиям. *Скажете:* довольно часто.

Он говорит: интерес вполне заменяет недостаток организации. *Скажете:* более или менее, в зависимости от недостатка.

Он говорит: характер зависит целиком от обстоятельств. *Скажете:* я думаю, что они видоизменяют его.

Он говорит: только законодательство и правительство делают народ невежественным или просвещенным. *Скажете:* я признаю это относительно массы населения...»

В приведенных положениях Гельвеция и уточнениях Дидро находят свое отражение и те социальные проблемы, о которых говорилось во вступительном очерке к пер-

вому тому сочинений Дидро. Характер человека, его нравы, его поведение зависят от внешних обстоятельств и главным образом от законодательства и правительства. Если желательно изменить нравы человека, сделать его, например, добродетельным, то нужно начинать не с изменения человека, а с изменения общественной и государственной структуры.

Такие представления, конечно, не могут быть названы историко-материалистическими, но давно известно, что французские материалисты и не были материалистами в области понимания общественных явлений. Однако несомненно, что эти их представления звучали по-революционному в условиях феодально-абсолютистской Франции XVIII века. Они означали, что необходимо бороться с законодательством и правительством, уродующими природу и организацию человека. К такому практическому выводу приводила трактовка материалистами проблем науки о человеке. Решение этих проблем Гельвецием, как одним из крупнейших представителей французского материализма, даже с некоторыми ограничениями Дидро, позволило Марксу утверждать, что это направление французского материализма «приводит непосредственно к социализму и коммунизму». Маркс прямо пишет: «Не требуется большого остроумия, чтобы усмотреть связь между учением материализма о природной склонности к добру, о равенстве умственных способностей людей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека, о высоком значении индустрии, о нравственном праве на наслаждение и т. д. — и коммунизмом и социализмом»*.

Как видит читатель, Маркс перечисляет как раз те проблемы, которые были предметом обсуждения Гельвеция и Дидро. Развивая дальше свою мысль, Маркс продолжает: «Если человек черпает все свои знания, ощущения и проч. из чувственного мира и опыта, получаемого

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. III, «Святое семейство» стр. 160.

от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек познавал в нем истинно человеческое, чтобы он привыкал в нем воспитывать в себе человеческие свойства. Если правильно понятый интерес составляет принцип всякой морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами. Если человек несвободен в материалистическом смысле..., то должно не наказывать преступления отдельных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступления и предоставить каждому необходимый общественный простор для его существенных жизненных проявлений. Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими... Если человек по природе своей общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по отдельным личностям, а по целому обществу»*.

Говоря о социализме и коммунизме, Маркс имеет в виду, само собою разумеется, утопический социализм. Соответственно он приводит имена Фурье, Оуэна, Каба и других.

Так, разрушая божественный ореол старой философии, материалистически понимая природу и хотя и идеалистически, но в аспекте влияния внешнего опыта, интерпретируя человека, французский материализм XVIII века, и в первых его рядах Дидро, этот любимый писатель Маркса, вплотную подходил к утопическому социализму.

И. Луцтол

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. III, «Святое семейство», стр. 160.

**ДОБАВЛЕНИЕ
К «ПУТЕШЕСТВИЮ» БУГЕНВИЛЛЯ.**

**РЕЧЬ ФИЛОСОФА,
ОБРАЩЕННАЯ К КОРОЛЮ.**

**РАЗГОВОР ФИЛОСОФА
С ЖЕНОЙ МАРШАЛА ДЕ***.**

Добавление к «Путешествию» Бугенвилля

I. Обсуждение «Путешествия» Бугенвилля

А. Это великолепное звездное небо, под покровом которого мы вернулись вчера и которое, казалось, обещало нам прекрасную погоду, не сдержало своего слова.

В. Откуда вы это знаете?

А. Туман такой густой, что скрывает от нас соседние деревья.

В. Это правда. Но этот туман, который держится в низших слоях атмосферы лишь потому, что в них избыток влаги, может ведь опуститься на землю?

А. Но он может и, наоборот, подняться вверх, в высшие слои воздуха, где последний не так плотен и, как говорят химики, не насыщен.

В. Придется подождать.

А. Да, но чем вы займетесь во время ожидания?

В. Я читаю.

А. Все еще это путешествие Бугенвилля?

В. Да, все еще его.

А. Я совершенно не понимаю этого человека. Молодые годы он отдал занятиям математикой, требующим, как известно, сидячего образа жизни, и вот внезапно он покидает эту созерцательную и уединенную жизнь, чтобы променять ее на полную труда и деятельности профессию скитающегося путешественника.

В. Это не совсем так. Если корабль не что иное, как пловучий дом, и если вы обратите внимание, что мореплаватель, странствующий по необъятным морям, остается заключенным и неподвижным в довольно тесном помещении, то он вам представится совершающим кругосветное путешествие на доске, подобно тому, как мы с вами совершаем путешествие вокруг вселенной на вашем паркете.

А. Другая бросающаяся в глаза странность—это противоречие между характером Бугенвилля и его затеей. У Бугенвилля склонность к светским развлечениям, он любит женщин, зрелища, хороший стол. Он с такой же легкостью втягивается в вихрь светской жизни, с какой полагается на непостоянство водной стихии. Он любезен и весел: это настоящий француз плюс, с одной стороны, трактат по дифференциальному и интегральному исчислению, а с другой стороны, кругосветное путешествие.

В. Он поступает так, как все люди: он старается рассеяться после занятий и занимается после того, как вел рассеянный образ жизни.

А. Что вы думаете о его *Путешествии*?

В. Насколько я могу судить о нем на основании довольно поверхностного чтения, положительные результаты его можно свести к трем главным пунктам: благодаря ему мы теперь будем лучше знать наше старое жилище, и—его обитатели—мы будем чувствовать себя безопаснее на морях, которые Бугенвилль объехал с лотом в руках, и наши географические карты будут лучше составлены. Бугенвилль отправился в свое путешествие, обладая необходимыми для этой цели знаниями и качествами: философским складом ума, мужеством, правдивостью, взглядом, быстро улавливающим положение вещей и сокращающим время наблюдений, осторожностью, терпением, желанием наблюдать и учиться, знанием математики, механики, геометрии, астрономии и достаточными сведениями в естественной истории.

А. А что вы скажете о его стиле?

В. Он лишен вычурности. Естественен, прост и ясен, особенно для человека, владеющего языком моряков.

А. Долог ли был его путь?

В. Я начертил его на этом глобусе. Видите ли вы эту линию из красных точек?

А. Которая начинается у Нанта?

В. И направляется до Магелланова пролива, входит в Тихий океан, извиляется между этими островами, образующими огромный архипелаг, который простирается от Филиппинских островов до Новой Голландии, почти касается Мадагаскара, мыса Доброй Надежды, продолжается в Атлантическом океане, следуя у берегов Африки, и заканчивается у исходного пункта путешествия нашего мореплавателя.

А. Он много страдал?

В. Всякий мореплаватель идет добровольно на риск всяких опасностей, связанных с воздухом, огнем, землею и водой. Но как тяжело, проскитавшись многие месяцы между морем и небом, между жизнью и смертью, переносить бури, рискуя погибнуть от кораблекрушения, болезни, недостатка воды и хлеба, быть вынужденным, умирая от усталости и нужды, с разбитым кораблем, пасть к ногам бесчувственного чудовища, которое отказывает ему или безжалостно заставляет его ожидать столь необходимой помощи!..

А. Такое преступление заслуживает наказания.

В. Это одно из тех бедствий, на которые не рассчитывал путешественник.

А. И не должен был рассчитывать. Я думал, что европейские державы ставили во главе своих заморских владений только порядочных и добрых людей, людей гуманных, способных отнестись сострадательно...

В. Да, очень это их интересует!

А. В *Путешествии* Бугенвилля есть любопытные места?

В. Много.

А. Не уверяет ли он, будто дикие животные приближаются к человеку, будто птицы садятся на него, не зная, как опасно это фамильярное обращение с ним?

В. Другие писали об этом еще до него.

А. Как объясняет он присутствие известных животных на островах, отделенных от всякого материка огромными пространствами моря? Кто занес туда волка, лисицу, собаку, оленя, змею?

В. Он ничего не объясняет; он только констатирует факты.

А. А как вы объясняете их?

В. Кто знает первобытную историю земного шара? Сколько разрозненных теперь частей суши составляли некогда непрерывное целое? Некоторую догадку можно составить себе только об одном явлении—это о направлении водных масс, разделивших их между собою.

А. Каким образом?

В. Благодаря форме разрывов земной поверхности. Когда-нибудь, если вам угодно, мы займемся этим вопросом. А теперь, видите ли вы этот островок, который называют островом *Копейщиков*? Глядя на место, занимаемое им на земном шаре, нельзя не спросить себя: кто поселил там людей? Каким образом общались они некогда с остальным человечеством? Как могут они размножаться на пространстве не более одного лье в диаметре?

А. Они истребляют и поедают друг друга. И этим, может быть, объясняется первая древнейшая и вполне естественная эпоха людоедства, имеющая таким образом островное происхождение.

В. А, может быть, размножение там ограничено каким-нибудь религиозным законом. Мать, послушная велениям жрицы, душит ребенка еще в своей утробе.

А. Или же мужчина умирает под ножом жреца. Или же там прибегают к кастрированию мужчин...

В. Либо к замыканию кольцом половых частей женщины; и этим объясняется вся та масса диких, жестоких и необходимых обычаев, причина которых затерялась во мраке времен, не давая покоя философам. Можно заметить как довольно постоянный факт, что религиозные и божественные установления укрепляются и упрочиваются, превращаясь в конце концов в гражданские и государ-

ственные законы, и что гражданские и государственные установления освящаются и превращаются, вырождаясь, в религиозные и божественные предписания.

А. Это одна из самых пагубных форм палингенезии.

В. Лишнее звено в той цепи, которой сковали нас.

А. Не находился ли Бугенвилль в Парагвае в то самое время, когда там происходило изгнание иезуитов? ¹

В. Да.

А. Что пишет он об этом?

В. Меньше, чем он мог бы написать. Но достаточно все же, чтобы сообщить нам, что эти жестокие спартапцы в черной рясе обращались со своими рабами-индейцами так, как лакедемоняне с илотами, что они обрекли их на непрерывный труд, жирели от плодов их пота, не оставив им совершенно права собственности, держали их в тисках суеверия, требовали от них величайшего почитания, ходили среди них с бичом в руках, стегая им одинаково старцев и детей, мужчин и женщин. Если бы это положение вещей продлилось еще сто лет, то их нельзя было бы изгнать без длительной войны между монахами и государем, авторитет которого они мало-по-малу потрясли.

А. А что говорит Бугенвилль о патагонцах, о которых так нашумели доктор Мати ² и академик Лакондамин? ³

В. Это—славные люди, которые подходят к вам и обнимают вас, восклицая *Шауа*; сильные, крепкие, но ростом во всяком случае не больше пяти футов и пяти или шести дюймов, они только крупного телосложения, с большой головой и крупными членами.

Может ли человек с его природной склонностью к чудесному, преувеличивающей все вокруг него, сохранить правильную пропорцию в вещах, когда ему приходится, так сказать, оправдать длинный и мучительный путь, проделанный им, чтобы увидеть их?

А. А что думает Бугенвилль о дикарях?

В. Наблюдаемая у них иногда жестокость объясняется, повидимому, необходимостью повседневной защиты

от диких зверей. Дикари невинны и кротки там, где ничто не нарушает их покоя и безопасности. Всякая война имеет своим корнем общее притязание на одну и ту же собственность. У цивилизованного человека имеется общее с другим цивилизованным человеком притязание на обладание полем, обоими концами которого они владеют, и это поле становится предметом раздора между ними.

А. А у тигра общее с дикарем притязание на обладание лесом, и это первое из всех притязаний и причина древнейших войн... Видели ли вы того таитянина, которого Бугенвиль привез с собой сюда?

В. Да, он назывался Аотуру. Первую увиденную им землю он принял за родину путешественников; потому ли, что от него скрыли продолжительность путешествия, потому ли, что он был естественно обманут незначительным, как ему казалось, расстоянием, отделяющим берег моря, где он жил, от того места, где небо как будто сходится с горизонтом, ибо он не знал истинных размеров земли. Представление об общности женщин так крепко сидело в его мозгу, что он набросился на первую встретившуюся ему европейку и собирался поступить с ней по таитянским правилам вежливости. Он скучал среди нас. Так как таитянский алфавит не имеет ни *b*, ни *c*, ни *d*, ни *f*, ни *g*, ни *q*, ни *x*, ни *y*, ни *z*, то он никогда не мог научиться нашему языку, в котором оказалось слишком много странных артикуляций и новых звуков для его мало гибких органов речи. Он не переставал тосковать по своей стране, и я несколько не удивляюсь этому. Путешествие Бугенвилля—единственное, описание которого вызвало у меня интерес к другой стране, помимо своей родины. До того, как я прочитал его, я думал, что нигде не чувствуешь себя так хорошо, как у себя дома. Я думал, что то же самое чувство испытывают все люди и что это объясняется естественными чарами родной почвы, чарами, зависящими от удобств, которыми пользуешься дома и найти которые в другом месте нет уверенности.

А. Как! вы полагаете, будто парижанин может сомневаться, что в окрестностях Рима пшеница растет так же, как и на полях провинции Бос?

В. Право, сомневаюсь. Бугенвилль отослал назад Аотуру, взяв на себя все издержки по переезду и уверившись в том, что его доставят домой.

А. О, Аотуру! с какой радостью ты увидишь снова своего отца, свою мать, своих братьев, своих сестер, свою возлюбленную, своих соотечественников! Что ты им расскажешь о нас?

В. Вероятно, весьма немного, да и этому они не поверят.

А. Почему весьма немного?

В. Потому что он понял немного и потому, что он не найдет в своем языке никаких слов, соответствующих тем вещам, о которых он себе составил некоторое представление.

А. А почему они не поверят этому?

В. Потому что, сравнивая свои нравы с нашими, они предпочтут принять Аотуру за лгуна, чем счесть нас столь безумными.

А. Вы это серьезно говорите?

В. Я в этом не сомневаюсь; дикая жизнь так проста, а наши общества представляют столь сложные строения! Таитяне находятся у начала мира, а европейцы у конца его. Расстояние, отделяющее их от нас, больше, чем расстояние от новорожденного ребенка до дряхлого старца. Они ничего не понимают в наших обычаях, в наших законах, в которых они видят только облеченные в сотни различных форм препятствия, способные вызвать лишь негодование или презрение со стороны существа, у которого чувство свободы—самое глубокое из чувств.

А. Неужели вы готовы поверить всем этим басням насчет Таити?

В. Это вовсе не басни, и вы перестали бы сомневаться в правдивости Бугенвилля, если бы познакомились с *Добавлением* к его путешествию.

А. А где можно найти это *Добавление*?

В. Вот там, на том столе.

А. Можете ли вы мне дать его на дом?

В. Нет, но, если вы хотите, мы можем пробежать его вместе.

А. Разумеется, я хочу этого. Но вот туман начинает рассеиваться, и показывается уже небесная синева. Мне, кажется, по отношению к вам суждено быть неправым даже в мелочах; только моя редкая доброта позволяет мне прощать вам столь постоянное превосходство.

В. Возьмите, возьмите, читайте. Пропустите это неинтересное предисловие и приступите сразу к прощальным словам, с которыми обратился один из вождей острова к нашим путешественникам. Это даст некоторое представление о красноречии этих людей.

А. Как мог Бугенвилль понять прощальные слова, произнесенные на незнакомом ему языке?

В. Вы это узнаете из дальнейшего.

II. Прощальные слова старика

Эти прощальные слова были сказаны одним стариком¹; он был отцом многочисленного семейства. По прибытии европейцев он взглянул на них с пренебрежением, не выразив ни удивления, ни страха, ни любопытства. Они заговорили с ним, он отвернулся от них и удалился в свою хижину. Его молчание и озабоченный вид достаточно ясно обнаруживали его мысли; в глубине своей души он скорбел о том, что закатились прекрасные дни его родины. При отъезде Бугенвилля, когда островитяне сбегались толпой на берег, хватались за его платье, обнимали его товарищей и плакали, этот старец вышел вперед с суровым лицом и произнес следующую речь:

«Плачьте, несчастные таитяне, плачьте, но только по поводу прибытия, а не отъезда этих честолюбивых и дурных людей: когда-нибудь вы узнаете их лучше. Когда-нибудь они вернутся, держа в одной руке кусок дерева, который прикреплен к поясу вот этого, а в другой—железо, которое висит на боку у того; они вернутся, чтобы

поработить вас, истребить вас или заставить вас подчиняться всем их прихотям и их порокам. Когда-нибудь вы будете их рабами, столь же испорченными, столь же низкими, столь же несчастными, как они. Но я утешаюсь тем, что приближаюсь к концу своего жизненного поприща и не увижу возвещаемых мною вам бедствий. О, таитяне, друзья мои! В ваших руках есть одно средство избавиться от этого пагубного будущего. Но я предпочитаю умереть, чем посоветовать его вам. Оставим их в живых, и пусть они удалятся».

Затем, обратившись к Бугенвиллю, он прибавил: «А ты, вождь послушных тебе разбойников, удались быстрее со своим кораблем от наших берегов. Мы невинны, мы счастливы, и ты можешь лишь повредить нашему счастью. Мы повинуемся чистому инстинкту природы, а ты пытался вытравить его из наших душ. Здесь все принадлежит всем, а ты проповедывал нам какое-то неизвестное различие между *твоим* и *моим*. Наши девушки и наши женщины принадлежат нам всем; ты разделял это преимущество вместе с нами, но ты пришел и разжег в них неизвестные страсти. В твоих объятиях они стали безумными; ты стал в их объятиях жестоким. Они стали ненавидеть друг друга; вы убивали друг друга из-за них, и они вернулись к нам, забрызганные вашей кровью. Мы свободны, а ты взял и закопал в нашу землю документ о нашем будущем рабстве. Ты не бог, не демон; какое же право имеешь ты делать рабов? Ору! Ты знаешь язык этих людей; скажи нам всем, как ты это сказал мне, что они написали на этой металлической пластинке: *«Эта страна принадлежит нам»*. Эта страна принадлежит тебе! Но почему? Потому что ты высадился на берег ее? Что бы ты подумал, если бы какой-нибудь таитянин высадился вдруг на ваших берегах и начертал на одном из ваших камней или на коре одного из ваших деревьев: *«Эта страна принадлежит жителям Таити»*? Ты более сильный! Но что же это доказывает? Когда у тебя похитили одну из тех жалких безделушек, которыми переполнен твой корабль, ты воз-

мутился, ты прибегнул к мести; но в ту же самую минуту ты замыслил в глубине своей души украсть целую страну. Ты не раб: ты предпочтешь смерть рабству, а между тем ты хочешь поработить нас! Ты, значит, думаешь, что таитянин не способен защищать свою свободу и умереть? Таитянин, которым ты хочешь овладеть, как скотиной, твой брат. Вы оба—дети природы. Имеешь ли ты какое-нибудь право на него, которого он не имел бы на тебя? Ты пришел к нам; набросились ли мы на тебя? разграбили ли мы твой корабль? схватили ли мы тебя и сделали ли мишенью для наших врагов? заставили ли мы тебя обрабатывать вместе с животными наши поля? Мы чтим в тебе наш образ. Оставь нам наши нравы. Они более мудры и более добродетельны, чем твои; мы не желаем променять того, что ты называешь нашим невежеством, на твое бесполезное знание. Мы обладаем всем, что необходимо и полезно нам. Неужели мы заслуживаем презрения за то, что не сумели создать себе излишних потребностей? Когда мы голодны, у нас есть что поесть; когда нам холодно, у нас есть во что одеться. Ты был внутри наших хижин: чего в них нехватало, по твоему мнению? Гоняйся, сколько хочешь, за тем, что ты называешь жизненными удобствами, но позволь благоразумным людям остановиться, когда они замечают, что могут получить от продолжения своего тягостного труда лишь мнимые блага. Если тебе удастся уговорить нас переступить тесные пределы того, что необходимо, то когда перестанем мы трудиться, когда сможем мы наслаждаться? Мы постарались сделать возможно наименьшей сумму наших годовых и ежедневных усилий, ибо ничто нам не кажется дороже покоя. Поезжай к себе домой волноваться и мучиться, сколько тебе угодно, а нас оставь наслаждаться покоем. Не внушай нам ни твоих мнимых потребностей, ни твоих химерических добродетелей. Взгляни на этих мужчин, посмотри, какие они стройные, крепкие, здоровые. Взгляни на этих женщин, посмотри, какие они стройные, здоровые, свежие и красивые. Возьми этот принадлежащий мне лук, призови к

себе на помощь одного, двух, трех, четырех своих товарищей и попытайся натянуть его. А я натягиваю его один. Я обрабатываю землю, я взбираюсь на горы, я расчищаю лесную чащу, я легко прохожу целое лье меньше чем в час. Твои молодые товарищи с трудом следовали за мной, а мне уже больше девяноста лет. Горе этому острову! Горе теперешним таитянам и всем будущим таитянам с того дня, как ты нас посетил! Мы знали лишь одну болезнь, которой подвержены одинаково человек, животное, растение,—мы знали лишь старость, а ты принес нам другую болезнь, ты заразил нашу кровь. Нам, может быть, придется истребить собственными руками своих дочерей, жен, детей, тех из нас, которые приблизились к твоим женщинам, тех из нас, которые приблизились к твоим мужчинам. Наши поля оросятся нечистой кровью, перешедшей из твоих жил в наши; или же наши дети будут обречены носить в себе ту болезнь, которую ты сообщил отцам и матерям и которую они передадут навсегда своему потомству. Несчастный! Ты будешь виновен либо в бедствиях, которые последуют за тлетворными ласками твоих спутников, либо в убийствах, которые мы должны будем совершить, чтобы остановить действие их яда. Ты говоришь о преступлениях! Но знаешь ли ты какое-нибудь большее преступление, чем совершенное тобой? Как наказывают у тебя того, кто убивает своего соседа? Мечом. Как наказывают у тебя негодяя, который отравляет своего соседа? Огнем. Сравни свое преступление с злодеянием этого последнего и назови нам сам, отравитель народов, заслуженную тобою казнь. Только недавно молодая таитянка отдавалась во-сторгам в объятиях молодого таитянина, ожидала с нетерпением, чтобы ее мать (приняв во внимание, что дочь уже возмужала) сняла с нее покрывало и обнажила ее грудь. Она гордилась тем, что возбуждала желание и что влюбленные взгляды незнакомцев, родных, брата останавливались на ней. Без стыда и страха она принимала в нашем присутствии, среди круга невинных таитян, при звуке флейты, среди плясок, ласки того, кого наме-

чалю ей ее юное сердце и тайный голос ее чувственности. Вместе с тобой среди нас появились идея преступления и опасность болезни. Наши некогда столь радостные наслаждения отравлены угрызениями совести и страхом. Этот черный человек, стоящий подле тебя и слушающий теперь меня, говорил с нашими юношами; я не знаю, что он сказал нашим дочерям, но наши юноши смущены, но наши дочери краснеют. Удались, если тебе это нравится, в лесной мрак с извращенной подругой твоих удовольствий, но разреши добрым и простодушным тайтянам соединиться без стыда перед лицом неба, при свете дня. Способен ли ты заменить каким-либо более доблестным и великим чувством то чувство, которое мы им внушили и которое воодушевляет их? Они думают, что наступил момент подарить народу и семейству нового гражданина, и они гордятся этим. Они едят, чтобы жить и расти, они растут, чтобы размножаться, и не находят в этом ничего позорного и постыдного. Выслушай дальнейшую повесть твоих злодеяний. Едва показался ты среди них, как они стали ворами. Едва ты сошел на наш берег, как наша земля задымилась кровью. Вы убили того тайтянина, который побежал тебе навстречу и принял тебя с криками: «*Тайо! Друг, друг!*» Почему же вы убили его? Потому что он соблазнился блеском твоих маленьких зменных ящ⁵. Он дал тебе свои плоды, он предложил тебе свою жену и дочь, он уступил тебе свою хижину, а ты убил его за горсть этих зерен, которые он взял без спроса. А мой народ? При звуке твоего смертоносного оружия, охваченный страхом, он убежал в горы. Но поверь, что он скоро спустился бы с них, поверь, что без меня вы погибли бы все в одну минуту. Ах, почему же я успокоил их? Почему же я сдержал их? Почему же я сдерживаю их еще в эту минуту? Я этого не знаю, ибо ты не заслуживаешь вовсе сострадания, ибо у тебя жестокое сердце, ни разу не испытывшее сострадания. Ты вместе со своими прогуливался по нашему острову. Тебе оказывали почтение; ты пользовался всем; на своем пути ты не встречал

ни преграды, ни отказа; тебя приглашали к себе, ты усаживался среди нас; перед тобой раскрывали все богатства страны. Если ты хотел молодых девушек, то, за исключением тех, которые не имеют еще права открывать своего лица и груди, матери предлагали тебе всех других нагими. Ты пользовался нежной жертвой долга гостеприимства; для тебя и для нее устилали землю листьями и цветами; музыканты настраивали свои инструменты; ничто не нарушало сладости и не мешало свободе твоих и ее ласк. Вокруг вас пели гимн, призывавший тебя стать мужчиной, а наше дитя—быть женщиной, женщиной уступчивой и сладострастной. Вокруг вашего ложа предавались пляскам, и вот, выйдя из объятий этой женщины, испытав на ее груди сладчайшее опьянение, ты убил ее брата, ее друга, может быть, ее отца. Ты поступил еще хуже. Взгляни в эту сторону, посмотри на эту ограду, утыканную стрелами. Это оружие, которое должно было угрожать только нашим врагам, теперь обращено против наших собственных детей; посмотри на несчастных подруг наших удовольствий, посмотри, как они печальны, посмотри, как скорбят их отцы, посмотри, в каком отчаянии их матери: здесь они обречены погибнуть или от наших рук, или от переданной им тобою болезни. Удались отсюда, если только твои жестокие глаза не находят удовольствия в зрелище смерти; удались, уезжай, и пусть преступное море, пощадившее тебя в твоём путешествии, очистится от своего греха и отомстит за нас, поглотив тебя до твоего возвращения домой! А вы, таитяне, вернитесь все в свои хижины. И пусть эти недостойные чужестранцы услышат при своем отъезде лишь рев волн и увидят лишь белую пену их, яростно лижущую пустынный берег!»

Едва он окончил свою речь, как вся толпа исчезла; на всем острове воцарилось молчание, и слышен был только пронзительный свист ветра и глухой шум волн, ударявших о побережье. Казалось, будто воздух и море, вняв голосу старца, готовились повиноваться ему.

В. Ну, что вы думаете об этом?

А. Эта речь кажется мне пламенной. В ней что-то дикое, несвязанное, но сквозь эту дикость, мне кажется, проглядывают европейские идеи и обороты речи.

В. Не забудьте, что это перевод с таитянского на испанский и с испанского на французский. Старый вождь посетил ночью того самого Ору, к которому он обратился в своей речи и в хижине которого с незапамятных времен продолжали пользоваться испанским языком. Ору записал по-испански речь старца, и у Бугенвилля была в руках копия ее, когда таитянин произносил ее.

А. Теперь я понимаю, почему Бугенвилль уничтожил этот отрывок. Но это еще не все, и мне любопытно узнать также и остальное.

В. Дальнейшее, может быть, вас не заинтересует так сильно.

А. Все равно.

В. Это—разговор корабельного священника с одним из островитян.

А. С Ору?

В. Да, с ним. Когда корабль Бугенвилля подошел к Таити, то на воду было спущено бесчисленное множество выдолбленных стволов; в одно мгновение его судно было окружено ими. Куда бы он ни обращал свои взоры, он повсюду встречал проявления изумления и благожелательности. Таитяне бросали ему пищу, протягивали ему руки, цеплялись за веревки, карабкались по доскам на корабль, забирались в его шлюпку, кричали по направлению к берегу, откуда раздавались ответные крики. Островитяне сбегались со всех сторон. Когда путешественники спустились на землю, то жители овладели ими, разделили их между собою; каждый повел гостя в свою хижину; мужчины обнимали их за талию, женщины гладили их щеки своими руками. Представьте себе мысленно это зрелище гостеприимства и скажите мне: каким вы находите человеческий род?

А. Прекрасным.

В. Но я забыл, кажется, рассказать вам о довольно любопытном происшествии. Эта сцена благожелательного

человеческого отношения была вдруг нарушена криками человека, призывавшего к себе на помощь: это был слуга одного из офицеров Бугенвилля. Молодые таитяне набросились на него, растянули его на земле, раздели его и намеревались поступить с ним, как предписывали им их представления о вежливости.

А. Как, эти столь простодушные люди, эти столь добрые и славные дикари?..

В. Вы заблуждаетесь. Оказывается, что этот слуга был переодетой в мужское платье женщиной. Весь экипаж за все время долгого плавания не догадывался об этом, а таитяне с первого же взгляда разгадали ее пол. Она родилась в Бургундии и называлась Барре; она не была ни красива, ни безобразна; ей было двадцать шесть лет. Она никогда не покидала своей деревушки, и когда пустилась в странствие, то ее первой мыслью было совершить кругосветное путешествие. Она всегда обнаруживала благоразумие и мужество.

А. В этих хрупких организациях заключаются иногда очень сильные души.

III. Разговор священника и Ору

В. Когда таитяне разобрали между собой экипаж Бугенвилля, то священник достался Ору⁶. Священник и таитянин были почти одного возраста, около тридцати пяти — тридцати шести лет. У Ору были тогда лишь его жена и трое дочерей, по имени Асто, Палли и Тиа. Они раздели священника, обмыли ему лицо, руки и ноги и подали ему здоровый и незатейливый обед. Когда он собирался лечь спать, Ору, отлучившийся было со своей семьей, появился снова, представил ему свою жену и своих трех дочерей обнаженными и сказал ему:

— Ты поужинал, ты молод, ты здоров; если ты будешь спать один, то будешь спать плохо; мужчина нуждается ночью в подруге рядом с собой. Вот моя жена, мои дочери; выбери из них ту, какую тебе угодно; по

если ты хочешь сделать мне одолжение, то отдай предпочтение младшей из моих дочерей, которая не имела еще детей.

Мать прибавила к этому:

— Увы! Я не имею оснований жаловаться на нее. Бедная Тиа! Это не по ее вине.

Священник ответил на это, что его религия, его положение и благопристойность не позволяют ему принять предложение.

Ору возразил ему:

— Я не знаю, что такое то, что ты называешь религией. Но я не могу подумать о ней ничего хорошего, ибо она препятствует тебе наслаждаться невинным удовольствием, к которому призывает нас всех природа, эта верховная повелительница. Религия мешает тебе дать существование одному из тебе подобных; оказать услугу, о которой просят тебя отец, мать и дети; расквитаться с хозяином, который хорошо принял тебя, и обогатить народ, дав ему лишнего члена. Я не знаю, что такое то, что ты называешь положением; но первый твой долг — это быть человеком и быть благодарным. Я не предлагаю тебе ввести в своей стране нравы Ору, но Ору, твой хозяин и твой друг, умоляет тебя подчиниться здесь нравам Таити. Нетрудно решить, лучше или хуже нравы Таити, чем ваши нравы. Если на твоей родине больше людей, чем она может пропитать их, то ваши нравы ни хуже, ни лучше, чем наши. Если же она может пропитать людей больше, чем есть, то наши нравы лучше, чем ваши. Что касается возражения насчет благопристойности, то я понимаю тебя; я сознаюсь, что я неправ, и прошу у тебя прощения. Я не требую, чтобы ты повредил своему здоровью. Если ты устал, то ты должен отдохнуть, но я надеюсь, что ты не будешь продолжать огорчать меня. Посмотри, какими озабоченными стали все эти лица; они боятся, что ты, может быть, нашел в них какие-нибудь недостатки и поэтому отвергаешь их. Но если бы даже ты и нашел такие недостатки, то неужели тебе не достаточно удовольствия почтить одну из моих

дочерей среди ее подруг и ее сестер и сделать хорошее дело? Будь благородным!

Священник. Не в это дело: они все четыре одинаково прекрасны. Но моя религия! Мое положение!

Ору. Они принадлежат мне, и я предлагаю их тебе; они принадлежат себе, и они отдаются тебе. Чего бы ни требовали от тебя *религия* и *положение*, ты можешь взять их без угрызения совести. Я не злоупотребляю своим авторитетом, и я убежден, что я знаю и почитаю права людей.

Здесь правдивый священник понял, что никогда еще провидение не подвергало его такому искушению. Он был молод, он волновался, мучился; он отвращал свои взгляды от милых просительниц, он снова обращал их на них; он поднимал свои руки и взоры к небу. Самая младшая из девушек, Тиа, обнимала его колени и говорила ему:

— Чужестранец, не огорчай моего отца, не огорчай моей матери, не огорчай меня! Почти меня в хижине среди моих; подними меня до положения моих сестер, которые смеются надо мной. У старшей, Асто, уже трое детей; у Палли, второй, уже двое, а у Тии—ни одного ребенка! Чужестранец, благородный чужестранец, не отталкивай меня! Сделай меня матерью! Дай мне ребенка, с которым я смогу когда-нибудь гулять под руку на Таити, который через девять месяцев будет прикреплен к моей груди, которым я буду гордиться и который войдет в мое приданое, когда я перейду из хижины моего отца в другую хижину. С тобой у меня, может быть, будет больше удачи, чем с нашими молодыми таитянами. Если ты окажешь мне эту милость, я никогда уже не забуду тебя, я буду тебя благословлять всю свою жизнь. Я напишу твое имя на моей руке и на руке твоего сына; мы будем постоянно с радостью произносить его; и, когда ты покинешь этот берег, мои благословения будут сопровождать тебя по океану, пока ты не вернешься на свою родину.

Наивный священник рассказывает, что она сжимала ему руки, глядела на него так выразительно и трогательно.

тельно; что она плакала; что ее отец, мать и сестры удалились; что он остался наедине с ней и что, продолжая повторять слова: «но моя религия, но мое положение...», он проснулся на следующий день рядом с молодой девушкой, которая осыпала его ласками и которая приглашала своего отца, свою мать и своих сестер, когда они утром подошли к их ложу, присоединить свою благодарность к ее благодарности.

Асто и Палли, которые удалились, вернулись с местными яствами, напитками и плодами. Они обнимали свою сестру и благословляли ее. Они позавтракали все вместе. Затем Ору, оставшийся наедине со священником, сказал ему:

— Я вижу, что дочь моя довольна тобой, и я благодарю тебя. Но можешь ли ты объяснить мне, что означает слово *религия*, которое ты повторял так часто и с такой болью?

Священник, задумавшись на минутку, ответил:

— Кто сделал твою хижину и всю пахотящуюся в ней утварь?

Ору. Я.

Священник. Ну, вот, мы думаем, что мир и все заключающееся в нем—дело рук одного работника.

Ору. Он, значит, имеет руки, ноги, голову?

Священник. Нет.

Ору. Где его жилище?

Священник. Повсюду.

Ору. Даже здесь?

Священник. Даже здесь.

Ору. Мы никогда не видели его.

Священник. Его нельзя видеть.

Ору. Вот довольно равнодушный отец! Он должен быть старым, ибо он по меньшей мере того же возраста, что его творение.

Священник. Он не стареет. Он говорил с нашими предками, он предписал им законы и удобный ему способ его почитания; он приказал им совершать известные поступки, как хорошие, запретил им другие, как дурные.

Ору. Понимаю. И одним из запрещенных им в качестве дурных поступков являются сношения с женщиной и девушкой. Почему же он создал два пола?

Священник. Чтобы они соединялись между собою. Но при определенных условиях, после совершения определенных предварительных церемоний, в результате которых известный мужчина начинает принадлежать известной женщине, и только ей, и известная женщина начинает принадлежать известному мужчине, и только ему.

Ору. На всю свою жизнь?

Священник. На всю свою жизнь.

Ору. Так что, если бы случайно какая-нибудь женщина спала не со своим мужем, а какой-нибудь мужчина спал не со своей женой... Но ведь это не может случиться, ибо так как он вездесущ и это ему не угодно, то он в состоянии воспрепятствовать этому.

Священник. Нет, он дает им поступать по их желанию, и они грешат против закона, установленного богом (ибо так мы называем великого работника), против закона страны, и они совершают преступление.

Ору. Мне было бы неприятно оскорбить тебя своими речами; но, если ты позволишь, я выскажу свое мнение.

Священник. Говори.

Ору. Я нахожу, что эти странные предписания противоречат природе и разуму. Они созданы только для того, чтобы увеличить число преступлений и постоянно сердить старого работника, который сделал все без рук, без головы и без орудий; который находится повсюду, и которого нельзя нигде видеть; который существует сегодня и завтра и который не становится старше ни на один день; который отдает приказания и которому не повинуются; который может помешать совершенно известным поступкам и, однако, не мешает этому. Они противоречат природе, ибо они допускают, что мыслящее, чувствующее и свободное существо может быть собственностью другого, подобного ему существа. На чем может основываться подобное право? Разве ты не понимаешь, что в твоей стране ту вещь, которая не обладает ни чувствитель-

ностью, ни мыслью, ни желанием, ни волей, которую покидают, берут, хранят, обменивают без страдания и без жалоб с ее стороны, смешали с вещью, которую нельзя обменять, нельзя приобрести; которая обладает свободой, волей, желанием; которая может отдаваться или не соглашаться отдаваться на время, навсегда; которая способна жаловаться и страдать и которая не может стать предметом торговли без насилия над природой и над ее свойствами? Они противоречат общему закону всех существ. Есть ли, в самом деле, что-либо более безрасудное, чем предписание, игнорирующее присущую нам изменчивость, требующее от нас невозможного для нас постоянства и нарушающее свободу мужчины и женщины, приковывая их навеки друг к другу? Есть ли что-нибудь более нелепое, чем верность, стремящаяся ограничить самое прихотливое из наслаждений одним и тем же индивидом, чем клятва двух телесных существ в неизменности перед лицом неба, которое ни на одно мгновение не остается одним и тем же, под сводами пещер, угрожающих разрушением, у подножия скалы, рассыпающейся в прах, или дерева, потрескавшегося от старости, на камне, приведенном в сотрясение? Поверь мне, вы сделали положение человека худшим, чем положение животного. Я не знаю, кто такой твой великий работник, но я радуюсь тому, что он не говорил с нашими отцами, и я желаю, чтобы он никогда не говорил с нашими детьми, ибо он мог бы вдруг сообщить им те же самые глупости, а они, в свою очередь, могли бы по глупости поверить ему. Вчера за ужином ты нам рассказывал о судьях и священниках. Я не знаю, что, собственно, представляют собой эти *судьи* и *священники*, авторитет которых направляет ваше поведение. Но скажи мне, являются ли они господами над добром и злом? Могут ли они сделать так, чтобы то, что справедливо, стало несправедливым, а то, что несправедливо, стало справедливым? В состоянии ли они связать добро с вредными поступками, а зло с невинными или полезными поступками? Ты не можешь думать этого, ибо в этом случае не было бы ни истины,

ни лжи, ни добра, ни зла, ни красоты, ни безобразия, за исключением того, что угодно было бы называть так твоему великому работнику, твоим судьям и твоим священникам; а тогда ты должен был бы каждую минуту менять свои взгляды и свое поведение. Сегодня какой-нибудь из трех твоих господ сказал бы тебе: *убей*, и ты обязан был бы по совести убить; завтра: *укради*, и ты вынужден был бы украсть,—или же: *не ешь этого плода*, и ты не осмеливался бы есть его; *я запрещаю тебе употреблять эти овощи или это животное*, и ты опасался бы прикоснуться к ним. Нет такого доброго дела, которое тебе нельзя было бы запретить, и такого дурного дела, которое нельзя было бы тебе приказывать. А что бы ты сделал, если бы твои три господина, между которыми нет особого согласия, вздумали вдруг разрешить, приказывать и запретить тебе одно и то же,—как это на мой взгляд должно часто случаться? В этом случае, чтобы угодить священнику, ты должен будешь поссориться с судьей; чтобы удовлетворить судью, ты должен будешь вызвать неудовольствие великого работника, а чтобы снискать милость в глазах великого работника, ты должен будешь отречься от природы. И знаешь, к чему все это приведет? К тому, что ты станешь презирать их всех трех и что ты не будешь ни человеком, ни гражданином, ни правоверным; что ты будешь ничем; что ты будешь в ссоре со всякого рода авторитетами, в ссоре с самим собою; что ты станешь злым и станешь сам терзать себя; что тебя будут преследовать твои безрассудные господа и ты будешь несчастным, таким, каким я видел тебя вчера вечером, когда я предлагал тебе своих дочерей и свою жену и когда ты восклицал: «Но моя религия! но мое положение!» Хочешь ты знать,—езде и всегда,—что хорошо и что дурно? Для этого обрати внимание на природу вещей и поступков, на свои отношения к ближним, на влияние, оказываемое твоим поведением на твою частную выгоду и на общее благо. Ты предаешься бредням, если воображаешь, что существует что-нибудь во вселенной,—

на небе или на земле, — что можно прибавить или отнять от законов природы. Неизменная воля природы гласит, что следует предпочитать добро злу и общее благо — частному благу. Ты можешь предписывать обратное поведение, но тебя не послушают. Страхом, наказаниями и угрызениями совести ты только умножишь число преступников и несчастных; ты растлишь совесть людей; ты развратишь их умы; они не будут знать, что им делать и чего не делать. Испытывая тревогу в состоянии невинности, оставаясь спокойными при совершении злодеяния, они потеряют путеводную звезду своей жизни. Отвечай мне искренно: неужели в твоей стране молодой человек никогда не нарушает предписаний твоих трех законодателей и не спит без их разрешения с молодой девушкой?

Священник. Я солгал бы, если бы стал утверждать это.

Ору. А женщина, которая поклялась принадлежать только своему мужу, никогда не отдается другому мужчине?

Священник. Нет ничего чаще этого.

Ору. Либо твои законодатели принимают крутые меры против нарушителей их воли, либо они их не принимают; если они принимают эти меры, то это — жестокие животные, оскорбляющие природу; если они их не принимают, то это — глупцы, выставляющие на всеобщее посмеище свой авторитет бесполезными запретами.

Священник. Виновные, ускользающие от строгости законов, наказываются всеобщим порицанием.

Ору. Иначе говоря, правосудие имеет своим орудием отсутствие здравого смысла у всего народа, и на место законов становится безумие общественного мнения.

Священник. Обещанная девушка не находит себе мужа.

Ору. Обещанная! А почему?

Священник. Неверную жену все презирают.

Ору. Презирают! А почему?

Священник. Молодого человека называют подлым со-
блазнителем.

une aventure arrivée dans la nouvelle Angleterre.

B

La voici. Une fille, Miss Kelly Baker, devenue grosse pour la cinquième fois, fut traduite devant le Tribunal de Justice des Connecticut, près de Boston. La Loi condamne toutes les personnes du sexe qui ne doivent le titre de mère qu'au libertinage à une amende ou à une punition corporelle, lorsqu'elles ne peuvent payer l'amende. Miss Kelly en entrant dans la salle où les Juges étaient assemblés, leur tint ce discours :

« Permettez-moi, Messieurs, de vous adresser
 « quelques mots. Je suis une fille malheu-
 « reuse et pauvre, je n'ai pas le moyen de
 « payer des Avocats pour prendre ma dé-
 « fense, et je ne vous retiendrai pas long-
 « temps. Je ne me flatter pas que dans la
 « sentence que vous allez prononcer vous
 « vous écartiez de la Loi; ce que j'ose es-
 « pérer, c'est que vous daignerez implorer
 « pour moi les bontés du Gouvernement et
 « obtenir qu'il me dispense de l'amende.
 « Voici la cinquième fois, Messieurs; que

Ору. Подлым! Соблазнителем! А почему?

Священник. Отец, мать и дитя находятся в отчаянии. Ветреный супруг называется распутником; супруг, которому изменили, разделяет позор своей жены.

Ору. Какую массу чудовищных и странных вещей ты мне рассказываешь! И ведь ты говоришь еще не все: ибо лишь только люди начинают распорядиться бесконтрольно идеями справедливости и собственности, произвольно придавать вещам или отнимать у них те или иные свойства, соединять с поступками или отнимать у них добро и зло, считаясь только со своими прихотями, — как они начинают порицать, обвинять, подозревать и tyrannize друг друга; начинают завидовать, обманывать, огорчать друг друга; начинают лицемерить, прятаться друг от друга, следить и ловить друг друга, ссориться между собою, лгать; девушки обманывают своих родителей, мужья своих жен, жены своих мужей; девушки — да, я не сомневаюсь, девушки — начинают убивать своих детей; преисполненные подозрения отцы пренебрегают своими детьми; матери покидают их на произвол судьбы, — и преступления и разврат обнаруживаются во всех своих видах. Я знаю все это, как если бы я жил среди вас. Это так, ибо это должно быть так. И твое общество, прекрасный порядок которого прославляет ваш вождь, должно быть скопищем лицемеров, копирующих гайком законы, либо несчастных, которые являются орудиями своих страданий, подчиняясь им, либо глупцов, в которых предрассудки совсем заглушили голос природы, либо дурно организованных существ, к которым природа не взывает даже о своих правах.

Священник. Все, сказанное тобой, похоже на действительность. Но неужели у вас вовсе не существует брака?

Ору. У нас существует брак.

Священник. Что представляет собой ваш брак?

Ору. Согласие жить в одной и той же хижине и спать в одной и той же постели, пока нам это нравится.

Священник. А если это перестает вам нравиться?

Ору. Мы расходимся.

Священник. А что становится с вашими детьми?

Ору. О, чужестранец! Твой последний вопрос окончательно раскрыл мне всю глубину падения твоей страны. Знай, мой друг, что здесь рождение ребенка—всегда счастливое событие, а его смерть—предмет горести и слез. Ребенок—это драгоценное благо, ибо он должен стать взрослым человеком; поэтому мы о нем заботимся совершенно иначе, чем о своих животных и растениях. Новорожденный ребенок доставляет радость своим домашним и всему народу. Он означает увеличение богатства для хижины и увеличение силы для народа. Он приносит с собой лишние руки для Таити. Мы видим в нем земледельца, рыболова, охотника, воина, супруга, отца. Женщина, возвращаясь из хижины своего мужа в хижину своих родителей, уводит своих детей, которых она принесла в виде приданого; детей же, родившихся во время сожителства, разделяют между супругами, уравнивая, по возможности, число мальчиков и девочек, так что у каждого остается приблизительно одинаковое число мальчиков и девочек.

Священник. Но прежде, чем дети станут полезными, они являются долгое время обузой.

Ору. На содержание детей и стариков мы назначаем шестую часть всех продуктов страны, и эта их доля следует за ними всюду. Поэтому, чем многочисленнее семья таитянина, тем он богаче.

Священник. Шестую часть!

Ору. Да. Это верное средство поощрить рост населения, заставить почитать стариков и беречь детей.

Священник. Сходятся ли у вас супруги когда-нибудь снова?

Ору. Очень часто. Но самый короткий срок брака—это месяц.

Священник. За исключением, конечно, случаев беременности; ведь тогда сожителство длится по меньшей мере девять месяцев?

Ору. Ты ошибаешься. Отцовство, как и причитающаяся ребенку доля, следует за ним повсюду.

Священник. Ты мне говорил о детях, которых женщина приносит в приданое мужу.

Ору. Верно. Вот у моей старшей дочери трое детей. Они ходят, они здоровы, красивы, обещают быть сильными. Когда ей придет в голову выйти замуж, она их уведет с собой. Это ее дети, ее муж примет их с радостью, и его жена будет ему только дороже, если она окажется беременной четвертым ребенком.

Священник. От него?

Ору. От него или от кого-нибудь другого. Чем больше детей у наших девушек, тем больше их ищут. Чем сильнее и крепче наши юноши, тем они богаче. Поэтому, насколько мы бережем девушек от близости мужчины, а юношей от сношений с женщинами до возраста половой зрелости, настолько мы убеждаем их иметь детей, когда они созрели. Ты не знаешь, какую огромную услугу ты оказал моей дочери Тии, если у нее будет от тебя ребенок. Ее мать не будет уже говорить ей каждый месяц: «Но, Тиа, о чем ты думаешь? Ты все еще не беременна; тебе девятнадцать лет, ты должна была бы уже иметь двух детей, а ты не имеешь ни одного. Кто будет думать и заботиться о тебе? Если ты потеряешь свои молодые годы, то что ты станешь делать на старости лет? Тиа, у тебя, должно быть, какой-нибудь недостаток, который удаляет от тебя мужчин. Исправься, мое дитя; в твои годы я была уже трижды матерью».

Священник. Какие предосторожности предпринимаете вы, чтобы оберегать своих девушек и юношей в отроческом возрасте?

Ору. Это у нас главный предмет домашнего воспитания и важнейшая сторона общественных нравов. Наши юноши до двадцатидвухлетнего возраста—два или три года по наступлении половой зрелости—носят длинную тунику, а вокруг бедер маленькую цепь. Наши девушки до наступления половой зрелости не осмеливаются выходить без белого покрывала. Снять свою цепь, поднять

свое покрывало—это преступления, которые совершаются редко, ибо мы с ранних лет объясняем пагубные последствия этого. Но в тот момент, когда мужчина вошел в полную силу, когда обнаруживаются все признаки мужской зрелости и когда количество и качество истекающей семенной жидкости дает нам в этом уверенность; в тот момент, когда молодая девушка начинает тосковать, когда она созрела настолько, что способна испытывать желания, внушать и удовлетворять их с пользой, отец снимает цепь с своего сына и отрезывает у него ноготь на среднем пальце правой руки, а мать поднимает покрывало у своей дочери. Юноша может искать себе женщину и быть, в свою очередь, предметом ее исканий; девушка может прогуливаться публично с обнаженным лицом и грудью и принимать или отвергать ласки мужчин. Заранее только указывают юноше девушек, а девушке юношей, которых они должны предпочитать. День совершеннолетия девушки или юноши является у нас большим праздником. Если дело идет о девушке, то накануне вокруг ее хижины собираются молодые юноши, и в течение всей ночи раздаются пение и звуки музыкальных инструментов. На следующий день ее отец и мать отводят ее в огороженное место, где все предаются пляскам и занимаются упражнениями в прыгании, в борьбе и беге. Ей показывают обнаженного мужчину во всех видах и во всех положениях. Если же речь идет о юноше, то празднество устраивается в его присутствии молодыми девушками, которые показывают ему без всяких стеснений обнаженную женщину. Остальная часть церемонии заканчивается на ложе из листьев, как ты это видел у нас. К концу дня девушка возвращается в хижину своих родителей или же переходит в хижину того, на кого пал ее выбор, и остается там, сколько ей хочется.

Священник. Таким образом этот праздник или является, или не является днем бракосочетания?

Ору. Правильно...

А. Что это там на полях?

В. Это—примечание, в котором добрый священник

рассказывает, что предписания родителей о выборе юношей и девушек полны здравого смысла и очень тонких и полезных наблюдений. Но он уничтожил этот сборник советов, который показался бы столь испорченным и поверхностным людям, как мы, непрослительно развратным. Но к этому он прибавляет, что он не без сожаления устранил подробности, из которых можно было бы, во-первых, увидеть, к чему могут привести народ, непрерывно занимающийся каким-нибудь важным предметом, поиски без помощи физики и анатомии; а, во-вторых, усмотреть различие взглядов на красоту между народом, где оценивают внешние формы с точки зрения мгновенного удовольствия, и народом, где глядят на них с точки зрения более постоянной пользы. У нас от красивой жепщины требуют яркого цвета кожи, высокого лба, больших глаз, тонких и деликатных черт лица, легкой талии, маленького ротика, маленьких рук, маленькой ноги... Таитяне же не признают почти ни одного из этих качеств. У них взгляды и желания устремляются на ту женщину, которая обещает много детей (жена кардинала Досса) и которая обещает создать их активными, умными, мужественными, здоровыми и крепкими. Нет почти ничего общего между афинской Венерой и таитянской Венерой: первая—это галантная Венера, вторая—плодородная Венера. Одна таитянка говорила однажды с презрением другой туземке: «Ты красива, но рождаешь некрасивых детей; я некрасива, но рождаю красивых детей, и мужчины предпочитают меня».

После этого примечания священника Ору продолжает...⁷

А. Прежде, чем он станет продолжать, я попрошу вас напомнить мне об одной истории, случившейся в Новой Англии.

В. История эта такова: девица Мисс Полли Бекер, беременная в пятый раз, была предана суду в Коннектикуте, близ Бостона. Закон присуждает особ ее пола, обязанных материнством лишь своей распутной жизни, к штрафу или к телесному наказанию, если они не в

состоянии уплатить штраф. Мисс Полли, войдя в зал, где собрались судьи, обратилась к ним с такой речью:

«Позвольте мне, господа, сказать вам несколько слов. Я несчастная и бедная девушка и не имею возможности нанять адвокатов для своей защиты. Я не стану вас долго задерживать. Я не льщу себя надеждой, что, вынося мне приговор, вы отступите от закона, но я смею надеяться, что вы соблаговолите склонить ко мне милость правительства, чтобы оно избавило меня от необходимости платить штраф. Вот уже пятый раз, господа, как я предстаю перед вами по одному и тому же поводу: два раза я уплатила обременительную для меня сумму штрафа и два раза подвергалась позорному публичному наказанию, потому что не в состоянии была платить. Может быть, это соответствует закону, не спору, но законы бывают иногда несправедливыми, и их отменяют, они бывают и слишком суровыми, и законодательные власти могут избежать их применения.

Осмелюсь сказать, что закон, осуждающий меня, в одно и то же время и несправедлив сам по себе и слишком суров по отношению ко мне. Я никогда никого не оскорбила в той местности, где я живу, и пусть мои враги, если только они у меня есть, приведут хотя бы малейшее доказательство моей вины перед кем бы то ни было,—будь то мужчина, женщина или ребенок. Разрешите мне забыть на минуту о существовании закона, и я не смогу понять, в чем мое преступление. С опасностью для жизни я произвела на свет пять прекрасных детей, я вскормила их своим молоком и содержала их своим трудом и сделала бы для них еще больше, если бы дважды взысканный с меня штраф не лишил меня средств. Разве это преступление—увеличивать число подданных его величества в малонаселенной стране? Я не отняла мужа ни у одной женщины, не совратила ни одного юноши,—в этих преступлениях меня никогда не обвиняли, и если кто-нибудь может на меня пожаловаться, то это только министр, которому я не уплатила брачного налога. Но разве я в этом виновата? Взываю

к вам, господа, вы, конечно, считаете меня достаточно здравомыслящей, чтобы допустить, что я предпочту почетное звание жены тому позорному положению, в котором я прожила до сих пор.

Я всегда желала и теперь хочу выйти замуж, и я не боюсь сказать, что я буду вести себя достойно, буду искусной и умелой в хозяйстве, как подобает настоящей женщине, какой я была и в своей плодовитости. И пусть кто-нибудь, кто бы он ни был, решится сказать, что я отказалась от того, чтобы выйти замуж.

Я согласилась на первое и единственное предложение, которое мне было сделано. Я была еще девушкой и имела наивность доверить свою честь человеку, у которого ее не было вовсе. Он бросил меня, когда у меня родился ребенок.

Вы все знаете этого человека. Он судья, как и вы, и занимает место в ваших рядах. Я надеялась, что сегодня он будет на суде, что он возбудит в вас жалость ко мне, к той, которая стала несчастной из-за него. И тогда я была бы неспособна заставить его краснеть, напоминая ему о том, что было между нами. И разве я не права, когда жалуюсь здесь на несправедливость законов? Виновник моих заблуждений, мой соблазнитель, пользуется властью и почетом благодаря правительству, которое в то же время наказывает меня за мои несчастья плетью и позором.

Мне ответят, что я преступила законы религии; если я грешила против бога, предоставьте ему самому позаботиться о моем наказании! Вы уже отлучили меня от церкви, разве этого недостаточно?

Зачем вы мучаете меня плетью и денежными взысканиями вдобавок к тем адским мучениям, которые, вы думаете, ждут меня на том свете? Простите, господа, эти рассуждения, я не богослов, но мне трудно поверить, что можно считать преступлением то, что я родила прекрасных детей, которые верят в бога, давшего им бессмертную душу.

Если вы создаете законы, изменяющие сущность ве-

щей, превращая их в преступления, обратитте эти законы против холостых, число которых растет с каждым днем. Они вносят соблазн, распутство в семьи, они совращают девушек, как это было сделано со мной, заставляют их жить в том позорном положении, в каком живу я, в обществе, которое их презирает и отвергает. Это они нарушают общественный порядок, — вот преступления, заслуживающие больше, чем мои, порицания со стороны закона».

Эта необыкновенная речь произвела впечатление, на которое рассчитывала мисс Бекер. Судьи освободили ее от штрафа и заменяющего его наказания. Ее соблазнитель, узнав о случившемся, почувствовал угрызения совести за свое первоначальное поведение и, захотев его исправить, через два дня женился на мисс Бекер, сделав честной женой ту, которую пять лет назад он сделал публичной женщиной.

А. И эта история не выдумана вами?

В. Нет.

А. Это меня очень радует.

В. Не захочет ли аббат Рейналь внести этот эпизод и эту речь в свою *Историю обеих Индий*?

А. Прекрасное произведение, и тон его настолько отличен от тона всех предыдущих, что аббата обвинили было в использовании чужого труда.

В. Это было бы несправедливостью.

А. Или злословием. Постепенно срывают лавры, венчающие голову великого человека, и делают это так успешно, что ему остается лишь один листок.

В. Но время снова собирает разрозненные листья в венок.

А. Но человек уже умер. Он страдал от оскорблений современников и не почувствует вознаграждения потомства.

IV

Ору. Как счастлива молодая девушка и ее родители в тот момент, когда установлена ее беременность! Она

поднимается, бежит, обнимает свою мать и своего отца; при взрывах взаимного восторга она им сообщает, а они узнают об этом событии. «Мама! Папа! Обнимите меня, я беременна!»—«Правда ли это?»—«Правда, правда».—«А от кого же ты беременна?»—«Я беременна от такого-то...»

Священник. Как может она знать, кто отец ее ребенка?

Ору. А почему же ей не знать его? Наши любовные связи длятся столько же, как и наши браки,—по меньшей мере месяц.

Священник. И это правило строго соблюдается?

Ору. Ты сможешь судить об этом. Во-первых, месяц—это недолгий срок. Когда же двое мужчин с одинаковым основанием выражают притязание быть отцами какого-нибудь ребенка, то он уже не принадлежит своей матери.

Священник. Кому же принадлежит он?

Ору. Тому из обоих мужчин, которому она захочет отдать его: в этом праве выбора заключается все ее преимущество. И так как ребенок является сам по себе предметом богатства, то ты понимаешь, что среди нас развратницы редки и что юноши избегают их.

Священник. Значит, у вас все же есть развратницы? Я очень рад этому.

Ору. У нас их даже несколько сортов. Но ты заставляешь меня уклоняться от моей темы. Когда одна из наших девушек беременна, то если отец ребенка—красивый, хорошо сложенный, мужественный, умный и трудолюбивый молодой человек, надежда на то, что ребенок унаследует качества своего отца, увеличивает лишь радость. Наши дети стыдятся только дурного выбора. Тебе следует понять, какое значение мы придаем здоровью, красоте, силе, трудолюбию, мужеству. Тебе следует понять, что без всякого вмешательства с нашей стороны хорошая порода должна закрепляться среди нас. Ты объехал много стран; скажи мне, заметил ли ты где-нибудь столько красивых мужчин и столько красивых

женщины, как на Таити? Посмотри на меня; каким ты меня находишь? Так вот, здесь есть десять тысяч мужчин, более высоких, чем я, и столь же сильных, но нет ни одного более храброго, чем я. Поэтому матери часто указывают на меня своим дочерям.

Священник. Но кого ты получаешь из всех тех детей, которых можешь родить вне дома?

Ору. Четвертого ребенка, безразлично, мальчика или девочку. Среди нас производится своего рода обмен мужчинами, женщинами и детьми, т. е. людьми всякого возраста и всякого занятия, обмен, который имеет гораздо более серьезное значение, чем ваш обмен товарами, являющимися лишь продуктом труда людей.

Священник. Я понимаю это. Что означают черные покрывала, которые я иногда встречал?

Ору. Это признак природного или пришедшего с годами бесплодия. Женщина, снимающая это покрывало и сходящаяся с мужчинами,—развратница; мужчина, поднимающий это покрывало и сходящийся с бесплодной женщиной,—развратник.

Священник. А эти серые покрывала?

Ору. Знак периодической болезни. Женщина, снимающая это покрывало и сходящаяся с мужчинами,—развратница. Мужчина, поднимающий это покрывало и сходящийся с больной женщиной,—развратник.

Священник. Существуют ли у вас наказания за этого рода разврат?

Ору. Только порицание.

Священник. Может ли у вас отец спать с своей дочерью, мать—со своим сыном, брат—со своей сестрой, муж—с женой другого мужчины?

Ору. А почему нет?

Священник. Ну, ладно, оставим разговор о прелюбодеянии. Но кровосмешение, нарушение супружеской верности!

Ору. Что ты имеешь в виду, произнося эти слова: прелюбодеяние, кровосмешение, нарушение супружеской верности?

Священник. Преступления, чудовищные преступления, за одно из которых на моей родине сжигают людей.

Ору. Меня мало интересует то, сжигают ли или не сжигают людей у тебя на родине. Но так как ты не станешь судить о нравах Европы на основании нравов Таити, то ты не станешь судить и о нравах Таити на основании нравов своей родины. Нам нужно более надежное правило; какое же? Знаешь ли ты более надежное правило, чем общее благо и частная выгода? А теперь скажи мне, в чем преступление, называемое тобою *кровосмешением*, противоречит этим двум главным целям наших поступков? Ты ошибаешься, мой друг, если ты думаешь, что достаточно издать какой-нибудь закон, сочинить какое-нибудь позорящее слово, назначить какое-нибудь наказание и что этим все сказано. Отвечай же мне, что ты понимаешь под *кровосмешением*?

Священник. Но *кровосмешение*...

Ору. *Кровосмешение*?.. Много ли времени прошло с тех пор, как твой великий работник, не имеющий головы, рук, орудий, создал мир?

Священник. Нет.

Ору. Создал ли он сразу весь человеческий род?

Священник. Нет, он создал только одного мужчину и одну женщину.

Ору. Имели ли они детей?

Священник. Конечно.

Ору. Предположим, что оба этих прародителя имели только дочерей и что мать их умерла раньше или что они имели только мальчиков и что муж умер раньше жены.

Священник. Ты приводишь меня в замешательство. Но, что бы ты ни говорил, *кровосмешение*—ужасное преступление, и перейдем лучше к другой теме.

Ору. Тебе это так угодно. Но я не умолкну, пока ты мне не объяснишь, что за ужасное преступление представляет собой *кровосмешение*.

Священник. Отлично, я готов уступить тебе, что, может быть, *кровосмешение* несколько не нарушает за-

зонов природы. По разве недостаточно того, чтобы оно угрожало государственному строю? Что станется с безопасностью государя и со спокойствием государства, если целый народ, состоящий из нескольких миллионов людей, соберется вокруг полусотни отцов семейства?

Ору. Самое худшее,—это то, что там, где было одно большое общество, их окажется пятьдесят маленьких, т. е. будет больше счастья и одним преступлением меньше.

Священник. Однако я думаю, что у вас сын редко спит с матерью.

Ору. Если только он не очень почитает ее, не испытывает к ней нежности, заставляющей его забывать неравенство лет, и не предпочитает сорокалетнюю женщину девятнадцатилетней девушке.

Священник. А что ты скажешь о сношениях отцов с дочерьми?

Ору. Они тоже не очень часты, за исключением случаев, когда девушка некрасива и имеет мало поклонников. Если ее отец любит ее, то он старается приготовить ей ее приданое в виде детей.

Священник. Это заставляет меня думать, что судьба женщин, обиженных природой, не должна быть очень счастливой на Таити.

Ору. Это доказывает мне, что ты не очень высокого мнения о благородстве наших молодых людей.

Священник. Что касается связей между братьями и сестрами, то я не сомневаюсь, что они у вас очень обычны.

Ору. И очень одобряются всеми.

Священник. Если поверить тебе, то любовная страсть—причина стольких преступлений и несчастий в наших странах—носит здесь совершенно невинный характер.

Ору. Чужестранец! Тебе нехватает силы суждения и памяти: суждения, потому что повсюду, где существуют запреты, является искушение сделать то, что запрещено, и это делают; памяти, потому что ты забыл то, что тебе уже сказал. У нас есть старые развратницы, кото-

рые выходят по ночам без своего черного покрывала и принимают мужчин, хотя ничего не может получиться от их близости; если их застигнут врасплох или узнают об их проступке, то наказанием является изгнание их на север острова, либо рабство; у нас есть преждевременно созревшие девушки, которые приподнимают, без ведома своих родителей, свое белое покрывало (и для них у нас есть в хижине запертое помещение); у нас есть молодые люди, которые снимают свою цепь до срока, предписанного природой и законом (и мы за это делаем выговор их родителям); у нас есть женщины, которым беременность кажется слишком долгой; есть женщины и девушки, мало думающие о том, что не следует снимать своего серого покрывала. Но, действительно, мы не придаем большого значения всем этим проступкам. И ты не можешь себе представить, как очищающе действует на наши нравы мысль о частном или общественном богатстве в связи с мыслью о росте населения.

Священник. Не вызывает ли у вас раздоров страсть двух мужчин к одной и той же женщине или же склонность двух женщин, либо двух девушек к одному и тому же мужчине?

Ору. Мне еще не привелось видеть и четырех примеров этого: с выбором мужчины или женщины все заканчивается. Насилие со стороны кого-нибудь было бы тяжелым проступком, но для этого необходима была бы публичная жалоба; однако у нас является чем-то почти неслышанным, чтобы какая-нибудь девушка или женщина жаловалась на это. Я заметил только одно, что наши женщины меньше жалеют некрасивых мужчин, чем наши молодые люди некрасивых женщин. Но мы не довольны этим.

¹ *Священник.* Насколько я вижу, вам мало знакомо чувство ревности. Но зато здесь должны быть очень слабы, а может быть, и совсем неизвестны, супружеская нежность, материнская любовь—эти два столь могучих и сладостных чувства.

Ору. Мы заменили их другим, несравненно более об-

щим, сильным и длительным чувством—интересом⁸. Загляни себе в сердце, оставь похвальбу добродетелью, которая постоянно на устах твоих товарищей, но не в глубине их души. Скажи мне, найдется ли в какой бы то ни было стране отец, который не предпочел бы, если бы его не удерживал стыд, потерять своего ребенка; муж, который не предпочел бы скорее потерять свою жену, чем свое состояние и благополучие всей своей жизни? Поверь мне, что повсюду, где человек будет заинтересован в сохранении своего ближнего так же, как в своей постели, в своем здоровье, в своем покое, своей хижине, своих плодах, своих полях,—он сделает для него все, что только можно сделать. Именно у нас слезы орошают ложе больного ребенка; именно у нас заботятся о больных матерях; именно у нас ценят плодовитую женщину, взрослую девушку, совершеннолетнего юношу; именно у нас заботятся об их воспитании, ибо их сохранение является всегда приростом богатства, а их гибель всегда уменьшением его.

Священник. Я очень боюсь, что этот дикарь прав. Наш несчастный крестьянин, замучивающий жену, чтобы дать отдых лошади, дает погибнуть ребенку⁹ без медицинской помощи и зовет врача к своему быку.

Ору. Я плохо расслышал, что ты только что сказал. Но когда ты вернешься на свою столь цивилизованную родину, то постарайся ввести там этот стимул поведения, и тогда у вас поймут цену новорожденного ребенка и все значение вопроса о народонаселении. Хочешь, я раскрою тебе один секрет, но постарайся не разглашать его. Вы прибыли сюда. Мы вам отдали наших жен и наших дочерей; вы удивлялись этому и выражали нам благодарность, которая заставляла нас хохотать. Вы нас благодарили в то время, как мы взимали с тебя и с твоих товарищей самый тяжкий из всех налогов. Мы не попросили у тебя денег; мы не набросились на твои товары и пренебрегли твоими продуктами; но наши женщины и наши дочери пришли, чтобы высосать кровь из твоих жил. Когда ты покинешь нас, ты нам оставишь детей.

Как ты думаешь, не стоит ли этот налог, наложенный на тебя, на подлинное твое существо, любого другого налога? Чтобы понять все значение его, представь себе, что тебе нужно объехать двести лье побережья и что каждые двадцать миль с тебя будут брать такую подать. У нас масса невозделанных еще земель, у нас нехватает рабочих рук, и мы потребовали их у тебя. Нам нужно возместить огромные потери, причиненные эпидемическими болезнями, и мы использовали тебя, чтобы пополнить убыль населения. Нам приходится воевать с соседями, нам нужны воины, и мы попросили тебя сделать их нам. Число наших женщин и девушек превосходит число мужчин, и мы взяли тебя на помощь в нашей работе. Среди этих девушек и женщин есть такие, от которых мы не смогли получить детей, и их мы первыми бросили в ваши объятия. Мы должны уплатить контрибуцию людьми угнетающему нас соседу, и вот ты и твои товарищи заплатите за нас эту подать: через пять или шесть лет мы ему пошлем ваших сыновей, если они окажутся хуже наших. Мы—здоровее и сильнее, чем вы, но мы заметили, что вы превосходите нас умом, и немедленно мы решили, чтобы некоторые из наших красивейших женщин и дочерей зачали от высшей, чем мы, расы. Таким образом мы сделали особый опыт, который, может быть, удастся нам. Мы извлекли из тебя и из твоих товарищей все, что могли только извлечь, и поверь, что, хотя мы—дикари, мы тоже умеем рассчитывать. Где бы ты ни очутился, люди всегда окажутся не более глупыми, чем ты сам. Человек всегда даст тебе лишь то, что ему ненужно, и потребует от тебя лишь то, что ему нужно. Если он тебе даст кусок золота в обмен на кусок железа, то это значит, что ему совершенно не нужно золото и очень важно иметь железо. Но объясни мне, почему ты одет иначе, чем прочие твои спутники? Что означает это длинное одеяние, окутывающее тебя с головы до ног, и этот остроконечный мешок, который ты то опускаешь на плечи, то надвигаешь на уши?

Священник. Дело в том, что я вступил в сообщество

людей, которых называют на моей родине монахами. Самый священный из их обетов— это не иметь никогда близости ни с одной женщиной и не иметь детей.

Ору. Что же вы делаете?

Священник. Ничего.

Ору. И неужели твой судья терпит этот худший из видов лености?

Священник. Мало того, он почитает и заставляет других почитать ее.

Ору. Моя первая мысль была, что либо природа, либо какой-нибудь несчастный случай, либо какие-нибудь жестокие меры лишили вас способности производить детей, и что из жалости решили оставить вас живыми, а не убить. Но, монах, моя дочь сказала мне, что ты мужчина—такой же здоровый мужчина, как тыгыняне, и что она надеется, что твои повторные ласки не будут бесплодными. Теперь я понимаю, почему ты вчера вечером восклицал: «*Но моя религия! Но мое положение!*» Можешь ли ты, однако объяснить мне, почему судьи относятся к вам милостиво и почитательно?

Священник. Я не знаю этого.

Ору. Но ты хотя бы знаешь причину, почему, будучи женщиной, ты добровольно отказался быть им.

Священник. Это было бы слишком долго и трудно объяснить тебе.

Ору. Верны ли монахи этому обету безбрачия?

Священник. Нет.

Ору. Я был уверен в этом. Есть ли у вас также женщины-монахи?

Священник. Да.

Ору. Столь же мудрствующие, как и мужчины-монахи?

Священник. Так как они живут более замкнуто, то они чахнут от горя, вянут от скуки.

Ору. И нарушение законов природы получает свое воздаяние. О, гнусная страна! Если все в ней устроено так, как ты мне говоришь, то вы более варвары, чем мы.

Добродушный священник рассказывает, что осталь-

ную часть дня он гулял по острову, заходил в хижины туземцев и что вечером, после ужина, отец и мать умоляли его спать со второй из их дочерей, Палли, которая пришла столь же обнаженной, как Тиа; он рассказывает, что в течение ночи он несколько раз восклицал: «*Но моя религия! Но мое положение!*», что на третью ночь у него были те же угрызения совести со старшей дочерью, Асто, и что четвертую ночь он из любезности уделил жене своего хозяина.

А. Мне нравится этот любезный священник.

В. А мне гораздо больше—нравы таитян и речь Ору⁹.

V. Продолжение диалога между А. и В.

А. Хотя она звучит далеко не по-европейски.

В. Я не сомневаюсь в этом.

Далее добродушный священник жалуется на кратковременность своего пребывания на Таити и на трудность лучше ознакомиться с обычаями народа, достаточно благоразумного, чтобы удовольствоваться скромным образом жизни, либо достаточно счастливого, чтобы жить в стране, плодородие которой обеспечивает ему длительное спокойствие, достаточно деятельного, чтобы суметь удовлетворить абсолютно неустранимые потребности жизни, и достаточно ленивого, чтобы его невинности, покою и счастью не мог угрожать слишком быстрый рост знаний. На Таити общественное мнение и закон признавали дурным лишь то, что дурно по своей природе. Работы и жатва производились там сообща. Слово *свободность* имело там очень ограниченный смысл. Любовная страсть, сведенная к простому физическому вожделению, не вызывала там ни одного из тех бедствий, которые она причиняет у нас. Весь остров представлял как бы одну многочисленную семью, а хижины—как бы различные комнаты одного из наших больших домов. Под конец священник уверяет, что эти таитяне навсегда останутся в его памяти, что у него было искушение сбросить свою одежду и провести остаток своей жизни среди них, и он выражает

опасение, что не раз еще будет раскаиваться в том, что не сделал этого.

А. Оставим в стороне этот панегирик; какие полезные выводы можно сделать из странных обычаев и нравов нецивилизованного народа?

В. Я думаю, что некоторые физические причины—например, необходимость преодолеть неплодородные почвы—пробуждают к деятельности ум человека; но этот творческий порыв заводит его далеко за пределы первоначальной цели, и, по удовлетворении насущных потребностей, он втягивается в вихрь всяческих прихотей, откуда нет возврата. Пусть счастливый таптянин живет всегда так, как он теперь живет! Я нахожу, что, за исключением этого заброшенного уголка нашего земного шара, нигде и никогда не было настоящей нравственности и что, может быть, ее никогда нигде и не будет.

А. Что вы понимаете под настоящей нравственностью?

В. Я понимаю под этим всеобщее подчинение добрым или дурным законам и соответствующее этому поведение. Если законы хороши, то и нравы хороши, если законы дурны, то и нравы дурны, если же—беря худший для общества случай—хорошие или дурные законы не соблюдаются, то нет вовсе нравственности. Но как можно соблюдать законы, которые противоречат друг другу? Рассмотрите историю всех времен и народов, как древних, так и новых, и вы найдете, что люди подчинены трем законодательствам, трем кодексам: кодексу природы, гражданскому кодексу и религиозному кодексу, и что они вынуждены попеременно нарушать эти три законодательства, между которыми никогда не было согласия. Благодаря этому—как правильно заметил о нашей родине Ору—ни в одной стране не было ни просто человека, ни гражданина, ни богобоязненного человека.

А. Отсюда, несомненно, вы станете умозаключать, что, если основывать нравственность на вечных, существующих между людьми отношениях, то религиозный закон становится, может быть, излишним, и что гражданский закон должен быть лишь выражением законов природы.

В. Конечно, если не желать увеличивать число дурных людей, вместо того, чтобы делать хороших людей.

А. Либо же, если считать необходимым сохранить все три законодательства, то нужно, чтобы оба последних были точными копиями первого кодекса, который начертан в глубине наших сердец и который всегда будет наиболее могучим.

В. Это не совсем точно. Мы получаем от рождения лишь одинаковую с другими существами организацию, те же самые потребности, что у других, стремление к тем же самым удовольствиям и боязнь тех же самых страданий: вот что делает человека тем, что он есть, и что должно быть основой его морали.

А. Это нелегко.

В. Это настолько трудно, что я готов думать, что самый дикий из народов на земле, таитяне, которые строго придерживаются закона природы, ближе к хорошему законодательству, чем любой цивилизованный народ.

А. Потому что им легче избавиться от своей излишней грубости, чем нам вернуться назад и устранить нашу злоупотребления.

В. Особенно те из них, которые касаются отношений между мужчиной и женщиной.

А. Возможно, что так. Но начнем сначала. Станем честно вопрошать природу и рассмотрим беспристрастно, что она ответит нам по этому пункту.)

В. Отлично.

А. Соответствует ли брак законам природы?

В. Если вы понимаете под браком предпочтенье, оказываемое самкой известному самцу, перед всеми другими самцами или самцом—известной самке перед всеми другими самками,—взаимное предпочтенье, дающее начало более или менее длительному союзу, который обеспечивает продолжение вида путем воспроизведения индивидов,—то брак соответствует законам природы.

А. Я думаю точно так же, ибо это предпочтенье наблюдается не только у людей, но и у других пород животных; доказательством могут служить те массы сам-

цов, которые преследуют весною в наших деревнях одну и ту же самку и из которых только один становится ее мужем. А что вы скажете об ухаживании?

В. Если вы понимаете под ухаживанием то многообразие грубых или тонких средств, которое внушает страсть самцу или самке, когда они добиваются этого предпочтения, влекущего за собой самое приятное, самое важное и самое общее из наслаждений, то ухаживание соответствует законам природы.

А. Я думаю точно так же. Доказательством является масса приемов, употребляемых самцом, чтобы понравиться самке, и самкой, чтобы вызвать страсть самца и закрепить ее. А что вы скажете о кокетстве?

В. Это—особый вид лжи, состоящий в симулировании страсти, которую не чувствуют, и в обещании предпочтения, которого не оказывают. Кокетничающий самец играет с самкой, кокетничающая самка играет с самцом. Это—вероломная игра, влекущая иногда за собой гибельную катастрофу, это—смешная комедия, в которой как обманывающий, так и обманутый одинаково наказаны потерей драгоценнейших минут своей жизни.

А. Следовательно, кокетство, по-вашему, не соответствует законам природы?

В. Я не утверждаю этого.

А. А что вы скажете о постоянстве?

В. Я вам не могу сказать о нем ничего (больше того, что сказал Ору священнику. Это—жалкая иллюзия двух детей, которые не знают самих себя и которые, под влиянием минутного опьянения, совершенно не замечают неустойчивости всего окружающего их.

А. А что вы скажете о верности, этом столь редком явлении?

В. У нас это—почти всегда упрямство и мука честного человека и честной женщины, на Таити же—химера.

А. А о ревности?

В. Это—страсть убогого, скверного животного, боящегося потери; это—чувство, не достойное человека, плод наших гнилых нравов и права собственности, рас-

пространенного на чувствующее, мыслящее, хотящее, свободное существо.

А. Значит, ревность, по вашему мнению, не соответствует законам природы?

В. Я не утверждаю этого. И пороки, и добродетели одинаково соответствуют законам природы.

А. Ревнивец угрюм и мрачен.

В. Подобно тирану, ибо у него такая же совесть.

А. Что вы скажете о стыдливости?

В. Но вы заставляете меня прочесть целый курс любовной морали. Человек не любит, чтобы ему мешали в его наслаждениях. За любовными наслаждениями следует состояние слабости, которое может отдать человека во власть его врагов. В этом заключается вся естественная сторона чувства стыдливости; все остальное носит условно-социальный характер.

Священник замечает в третьем отрывке, которого я вам не прочел, что тайтянин не краснеет от непривольных движений, возникающих у него от близости его жены, в присутствии его дочерей, и что последние, наблюдая это, иногда испытывают волнение, но смущение — никогда. Но лишь только женщина стала собственностью мужчины, лишь только стали считать происходившее украдкой наслаждение девушкой каким-то воровством, как появились понятия *стыдливость*, *скромность*, *пристойность*, появились какие-то мнимые добродетели и пороки; одним словом, захотели воздвигнуть между обоими полами преграду, которая помешала бы им призывать друг друга к нарушению навязанных им законов и которая, распаляя воображение и возбуждая желания, приводила часто к совершенно противоположным результатам. Когда я вижу посаженные вокруг наших дворцов деревья и накидку, полускрывающую и полупоказывающую грудь женщины, то я вижу в этом какой-то тайный возврат к лесной жизни и призыв к первобытной свободе нашего древнейшего жилища. Тайтянин сказал бы нам: «Почему ты прячешься? Чего ты стыдишься? Неужели ты поступаешь дурно, уступая священнейшему повелению природы? Муж-

чина, явись свободно, если ты нравишься. Женщина, прими этого мужчину с той же свободой, если он тебе нравится».

А. Не сердитесь. Если мы вначале ведем себя, как цивилизованные люди, то в конце мы редко не поступаем, как таитяне.

В. Да, но все эти предварительные условности способны отнять полжизни у какого-нибудь гениального человека.

А. Я согласен с этим, но что из того, если этот пагубный порыв человеческого духа, против которого вы только что высказались, замедляется благодаря этому? Когда одного современного философа спросили, почему мужчины ухаживают за женщинами, а не женщины за мужчинами, то он ответил, что естественно спрашивать у того, кто всегда может давать.

В. Это соображение всегда казалось мне более остроумным, чем основательным. Природа—непристойно, если вам угодно—толкает одинаково оба пола друг к другу, и когда человек находится в животном и диком состоянии, которое можно представить себе теоретически, но которое не существует, может быть, нигде...

А. Даже на Таити?

В. Нет... то расстояние, отделяющее мужчину от женщины, проходится тем из них, кто испытывает более сильную страсть. Если они выжидают, избегают, преследуют друг друга, если они нападают и защищаются друг от друга, то потому, что страсть развивается неодинаковым образом и неодинаково сильно. Благодаря этому наслаждение может расти, достигать своего максимума и угасать у одного из партнеров в то время, как у другого оно только пробуждается, вызывая в силу этого у них обоих печаль. Вот верное изображение того, что должно происходить между двумя молодыми, свободными и вполне невинными существами. Но когда женщина узнала, на основании опыта или воспитания, более или менее тяжкие последствия сладкого мгновения, то ее сердце стало трепетать при приближении мужчины. Сердце мужчины не

трепещет; его чувственность отдает приказанья, и он повинуется. Чувственность женщины рассуждает, и она боится слушать ее. Обязанность мужчины рассеять ее опасения, довести ее до опьянения и соблазнить. У мужчины сохраняется все его естественное тяготение к женщине. Естественное тяготение женщины к мужчине, как сказал бы математик, прямо пропорционально страсти и обратно пропорционально страху. Это отношение осложняется в нашем обществе еще массой различных элементов, которые почти все содействуют усилению страха одного пола и продолжительности преследования со стороны другого пола. Это—своего рода тактика, где средства защиты и нападения совершенствовались параллельно друг с другом. Общественное мнение освятило сопротивление женщины и назвало бесчестным насилие со стороны мужчины; это насилие, являющееся легким проступком на Таити, становится преступлением в нашем обществе.

А. Но как случилось, что акт, цель которого столь возвышенна и который природа наделила самыми могучими чарами, как случилось, что величайшее, сладчайшее, невиннейшее из наслаждений стало обильнейшим источником нашей испорченности и нашего злосчастия?

В. Ору повторял это священнику, десятки раз. Выслушайте это объяснение еще раз и постарайтесь запомнить его.

Причиной этого является тиранья мужчины, сделавшего из обладания женщиной собственность.

Нравы и обычаи, усложнившее брачное сожителство массой всякого рода условий.

Гражданские законы, подчинившие брак бесконечному множеству формальностей.

Наш общественный строй, где, благодаря различию состояний и положений, создались понятия о приличном и неприличном.

Странное и присущее всем теперешним обществам противоречие, согласно которому рождение ребенка, признаваемое всегда увеличением народного богатства, яв-

ляется чаще всего и вернее всего увеличением семейной нужды.

Политические представления государей, которые рассматривают все с точки зрения своих интересов и своей безопасности.

Религиозные взгляды, которые стали называть пороками и добродетелями поступки, не имеющие никакого отношения к нравственности.

Как далеки мы от природы и счастья! Власти природы нельзя уничтожить; сколько бы ни ставить ей препятствий, она будет продолжать существовать. Вы можете писать, сколько вам угодно, на медных таблицах, что—пользуясь выражением мудрого Марка-Аврелия—сладо-страстное трение двух эпидерм есть преступление¹⁰, но человеческое сердце всегда будет чувствовать себя стиснутым между угрозами ваших законов и пылкостью своих страстей. Это непослушное сердце никогда не перестанет требовать своих прав, и сотни раз в течение жизни ваши грозные надписи будут нами забываться. Вы можете начертать на мраморе: «Ты не должен есть ни иксиона, ни грифона, ты должен знать только свою жену, ты не должен быть мужем своей сестры», но вам придется только усиливать наказания пропорционально странности ваших запретов. Вы станете свирепыми, но вам не удастся исказить мою природу.

А. Сколь простым было бы законодательство народов, если бы его строго согласовали с законодательством природы! От скольких заблуждений и пороков был бы избавлен человек!

В. Хотите вкратце узнать историю почти всех наших злосчастий? Вот она. Жил-был естественный человек. Внутри этого человека ввели искусственного человека. И вот, в этой внутренней пещере загорелась гражданская война, длаящая всю жизнь. То естественный человек оказывается победителем, то его одолевает моральный, искусственный человек. Но и в том, и в другом случае бедное чудовище испытывает муки и терзания. Оно постоянно стонет и вечно несчастно,—безразлично,

находится ли оно в опьянении, под влиянием ложного энтузиазма славы, или же в угнетенном состоянии, под влиянием ложной мысли о позоре. Однако существуют исключительные обстоятельства, когда человек возвращается к своей первобытной простоте.

А. Это два великих заклинателя: нищета и болезнь.

В. Вы угадали. Действительно, чем становятся тогда все эти условные добродетели? В нищете человек не имеет никаких угрызений совести, а больная женщина лишена стыдливости.

А. Я действительно заметил это.

В. Но от вашего внимания не ускользнуло, конечно, и другое обстоятельство: по мере выздоровления человека, вместе с восстановлением здоровья, возвращается и искусственный, моральный человек. Вместе с прекращением болезни возгорается снова внутренняя междоусобица и почти всегда ко вреду для пришельца.

А. Это верно. Я сам испытал, что при выздоровлении естественный человек приобретает силу, гибельную для искусственного, морального человека. Но скажите мне, наконец, следует ли цивилизовать человека или предоставить его власти его инстинктов?

В. Ответить ли вам откровенно?

А. Разумеется.

В. Если вы хотите быть его тираном, то цивилизуйте его, отравите его учениями морали, противоречащей природе, ставьте ему всякого рода препятствия, всячески мешайте его движениям, создайте пугающие его призраки, увековечьте войну в пещере, и пусть естественный человек там будет всегда рабом морального человека. Но если вы хотите, чтобы он был счастлив и свободен, то не вмешивайтесь в его дела: найдется достаточно непредвиденных обстоятельств, которые поведут его по пути просвещения и испорченности. И будьте уверены, что эти мудрые законодатели сделали вас таким, какой вы есть, в своих интересах, а не в ваших. В доказательство этого я сошлюсь на все политические, гражданские и религиозные учреждения. Изучите их внимательно,

и, я не сомневаюсь, вы должны будете убедиться, что история человечества на протяжении веков,—это история угнетения его кучкой мошенников. Не доверяйте человеку, который хочет вводить порядок. Упорядочивать—это значит стать господином других людей, стесняя их движения. Разве только одни калабрийцы не поддались на обман и на улецивания законодателей.

А. Неужели вам нравится эта анархия в Калабрии?

В. Обратимся к опыту. Я готов идти на пари, что их варварство менее порочно, чем наша городская цивилизация. Сколько мелких злодеяний приходится у нас на несколько больших преступлений, о которых так шумят! Я рассматриваю нецивилизованных людей, как массу разрозненных и разбросанных пружин. Разумеется, если некоторые из этих пружин столкнутся между собой, то одна из них, либо обе сломаются. Чтобы помешать этому, какой-то необычайно мудрый и гениальный человек собрал эти пружины и построил из них машину. В этой машине, называемой обществом, все пружины стали непрерывно работать, воздействуя друг на друга; и в состоянии цивилизации их сломалось больше в один день, чем ломалось в течение года в состоянии природной анархии. Но какое происходит колоссальное уничтожение и истребление маленьких пружин, когда с силой сталкиваются между собой две, три, четыре огромных машины!

А. Значит, вы предпочитаете дикое и грубое естественное состояние?

В. Право, я не решаюсь высказать это. Но я знаю, что нередко горожане скидывали одежду и возвращались в леса, но никогда еще ни один обитатель лесов не надевал одежды и не поселялся в городе.

А. Мне часто приходило в голову, что сумма добра и зла для каждого индивида является переменной величиной, но что счастье или несчастье какой-нибудь животной породы имеет свой предел, которого нельзя переступить, и что, может быть, все наши усилия дают в конце концов столько же плюсов, сколько и минусов, так что мы мучаемся лишь для того, чтобы увеличить

оба члена уравнения, между которыми существует вечное и необходимое равенство. Однако я не сомневаюсь, что в среднем жизнь цивилизованного человека продолжительнее жизни дикого человека.

В. Но что можно заключить на основании длительного существования какой-нибудь машины, раз оно является точной мерой перенесенных ею тягот?

А. Насколько я понимаю, вы склонны, в конце концов, считать людей тем более несчастными и дурными, чем они цивилизованнее?

В. Я не стану рассматривать всех стран на земле; я вас предупреждаю только, что человек счастлив лишь на Таити и живет сносно лишь в одном уголке Европы. В этом уголке мрачные и вечно озабоченные мыслью о своей безопасности повелители постарались держать человека в том состоянии, которое вы называете отупением.

А. Вы говорите, может быть, о Венеции?

В. А почему нет? Вы ведь не станете отрицать того, что нигде нет меньше просвещения, меньше искусственной нравственности и меньше иллюзорных пороков и добродетелей?

А. Я не ожидал, что вы станете прославлять это правительство.

В. Но я этого и не делаю. Я вам указываю только на изнанку рабства, отмеченную всеми путешественниками.

А. Бедная изнанка!

В. Может быть. Греки изгнали того, кто прибавил лишнюю струну к лире Меркурия.

А. И это постановление является кровавой сатирой на их первых законодателей. Надо было отрезать первую струну.

В. Вы меня поняли. В каждой лире обязательно имеются и струны. Знайте, что до тех пор, пока будут пытаться извращать естественные склонности, будут существовать злые женщины.

А. Как Лареймер.

В. Жестокие мужчины.

А. Как Гардейль.

В. И люди, несчастные из-за пустяков.

А. Как Танье, мадемуазель де ла Шо, кавалер де Рои и мадам де ла Карльер¹¹.

Несомненно, на Таити мы тщетно искали бы таких испорченных людей, как оба первых, и таких несчастных, как трое последних. Что же нам делать? Вернуться к природе? Подчиниться законам?

В. Мы будем выступать против пелепых законов до тех пор, пока их не преобразуют; а в ожидании этого мы будем подчиняться им. Тот, кто самочинно нарушает дурной закон, дает этим повод всякому другому человеку нарушать хорошие законы. Гораздо лучше быть безумцем с безумцами, чем мудрецом в одиночку. Будем говорить самим себе, будем постоянно твердить вслух, что невинные сами по себе поступки называли позорными, бесчестными, наказуемыми, но не будем совершать этих поступков, ибо позор, бесчестие и наказание—величайшие из всех бедствий. Станем подражать добродушному священнику—монаху во Франции, дикарю на Таити.

А. Станем надевать одежду страны, куда мы отправляемся, сохраняя одежду страны, где мы находимся.

В. А в особенности постараемся быть честными и правдивыми до последней степени с хрупкими существами, которые не могут доставить нам счастья, не отказываясь от самых ценных преимуществ наших обществ. Но что же стало с туманом?

А. Он рассеялся.

В. Стало быть, от нас будет зависеть, остаться ли после обеда дома, или выйти?

А. Это будет, кажется, зависеть несколько больше от женщин, чем от нас.

В. Постоянно женщины! Нельзя сделать ни шагу, не встретив их на своем пути.

А. Не прочесть ли им разговор священника с Ору?

В. Как вы думаете, что они о нем скажут?

А. Совершенно не знаю этого.

В. А что они о нем подумают?

А. Может быть, обратное тому, что скажут.

Речь философа, обращенная к королю

Государь, если вы желаете иметь священников, то вы не можете желать иметь философов, а если вы желаете иметь философов, то вы не можете желать иметь священников. Ведь философы по самой профессии своей—друзья разума и науки, а священники—враги разума и покровители невежества, и если первые делают добро, то вторые делают зло, вы же не можете желать в одно и то же время добра и зла. Вы имеете, по вашим словам, философов и священников: философов—бедных и мало страшных; священников—очень богатых и очень опасных. Вы не слишком озабочены тем, чтобы сделать своих философов богатыми,—ибо богатство вредит философии,—но вы все-таки хотите их сохранить около себя; и вы сильно хотели бы сделать бедными своих священников и избавиться от них. Вы, разумеется, избавились бы от них, а вместе с ними от всей той лжи, которою они заразили ваш народ, если бы вам удалось сделать их бедными. Ибо, ставши бедными, они впадут в унижение, а кто захочет избрать профессию, где нельзя будет ни составить себе состояния, ни добиться почета? Но как же сделать их бедными? Я расскажу вам это. Берегитесь трогать их привилегии и не старайтесь сразу же уравнивать их со всеми прочими гражданами. Это было бы неправильным и неловким шагом. Это было бы неправильно, потому что их привилегии принадлежат им так,

как ваша корона принадлежит вам; потому что они владеют ими, и если вы затронете титулы их владения, то начнут затрагивать титулы вашего владения; потому что самое лучшее для вас—это чтить закон давности, выгодный для вас по меньшей мере так же, как и для них; потому что эти привилегии—дары ваших предков и предков ваших подданных, и потому что нет более чистой вещи, чем дар; потому что вы взошли на трон лишь под условием оставить за каждым сословием его прерогативы; потому что, если вы нарушите свою клятву по отношению к одной из корпораций своего королевства, почему бы вам не стать клятвопреступником по отношению к другим корпорациям? потому что вы вызовете тревогу у всех сословий; потому что около вас не будет тогда ничего твердого; потому что вы потрясете основы собственности, без которой нет ни короля, ни подданных, а есть только тираны и рабы; и это показывает не только несправедливость, но и неловкость такой политики. Как же поступить вам? Вы оставите вещи в том положении, в котором они находятся. Ваше надменное духовенство предпочитает давать вам добровольные дары, чем платить налоги¹. Потребуйте у него добровольных даров. Так как ваше духовенство безбрачно и поэтому очень мало думает о своих преемниках, то оно не захочет платить из своего кармана, а предпочтет сделать заем у ваших подданных. Тем лучше. Не мешайте ему в этом, помогите ему сделать огромный заем у остальной части народа, а тогда поступите по справедливости и заставьте духовенство заплатить свой долг. Оно сможет уплатить его, только отчуждив часть своего имущества. Какой бы священный характер ни носило это имущество, будьте уверены, что ваши подданные не постесняются взять его, если перед ними встанет альтернатива: или принять его в уплату за свои деньги, или разориться, потеряв свой вексель. Поступая таким образом, переходя от одного добровольного дара к другому, вы заставите их войти в долги во второй раз, третий раз, четвертый раз; вынужденные расплатиться с этими долгами, они

впадут в нужду и станут столь же жалкими, насколько они бесполезны. От вас и от ваших преемников будет зависеть, чтобы в один прекрасный день народ увидел их оборванными, предлагающими со скидкой под портиками пышных храмов свои молитвы и свои жертвоприношения. Но, скажете вы мне, у меня не будет больше религии! Вы ошибаетесь, государь: у вас всегда будет религия, ибо религия—это очень живучее, ползучее, никогда не гибнущее растение. Она только меняет свою форму. Религия, которая получится в результате обнищания и унижения духовенства, будет наименее неудобной, наименее печальной, самой спокойной и самой невинной. Поступите с господствующим теперь суеверием так, как Константин поступил с язычеством². Он разорил языческих жрецов, и вскоре в глубине великолепных храмов можно было видеть только какую-нибудь старуху с вещей птицей, гадающую для черни, а у ворот храмов—каких-то несчастных, предающихся порокам и занимающихся любовными интригами; дело дошло тогда до того, что отец умер бы от стыда, если бы его сын стал жрецом. Если вы удостоите выслушать меня, то я окажусь из всех философов самым опасным для священников, ибо самый опасный философ это тот, который показывает монарху, каких колоссальных сумм стоят его государству эти надменные и бесполезные бездельники; который говорит ему,—как это делаю я,—что у вас сто пятьдесят тысяч человек, получающих от вас и ваших подданных ежедневно почти сто пятьдесят тысяч эку за то, чтобы бормотать чепуху в храмах и оглушать нас своими колоколами; который говорит ему, что эти люди сто раз в году в определенный час обращаются с проповедью³ к восемнадцати миллионам ваших подданных, готовым верить и делать все то, что приказывают им священники во имя божие; который говорит ему, что король—ничто, полное ничто, там, где люди могут распорядиться в его государстве во имя какого-то существа, считаемого господином короля; который говорит ему, что эти сочинители празднеств закрывают лавки его народа

во все те дни, когда они открывают свою лавочку, т. е. в течение трети года; который говорит ему, что духовенство—это обоюдоострый нож, оказывающийся, в зависимости от интересов церкви, или в руках короля, чтобы резать народ, или в руках народа, чтобы резать короля; который говорит ему, что если бы король сумел взяться за это, то ему легче было бы дискредитировать все свое духовенство, чем опорочить какую-нибудь суконную фабрику, потому что сукно—полезная вещь и гораздо легче обойтись без обедни и проповеди, чем без башмаков; который лишает этих святых особ их мнимой святости,—как это делаю я в данный момент,—и который советует вам пожрать их без зазрения совести, когда вас будет мучить голод; который советует вам, в ожидании решительных мероприятий, приняться за массу этих бенефиций, по мере того как они будут делаться вакантными, и назначать туда лишь тех лиц, которые согласятся принять их за треть дохода, оставив для вас и для нужд вашего государства две другие трети на пять лет, на десять лет, навсегда, как это у нас в обычае; который убеждает вас, что если вы могли добиться без всяких неприятных последствий сменяемости судей, то гораздо легче сделать сменяемыми священников; что, пока вы будете считать их необходимыми, вы должны держать их на жаловании, ибо получающий жалование священник—это малодушное существо, боящееся, что его прогонят и погубят таким образом; который показывает вам, что человек, получающий средства к существованию от вас, теряет мужество и не решается делать ничего великого и рискованного: свидетелем этого—те лица, которые заполняют ваши академии и на которых страх потерять свое место и свою пенсию действует так сильно, что без произведений, прославивших их раньше, об их существовании не знали бы ровно ничего. Обладая секретом заставить молчать философов, почему вы не воспользуетесь им, чтобы заставить молчать священников? Последнее гораздо важнее, чем первое.

1.

Entretien

D'un Philosophe avec Madame
La Maréchale De***

J'avais je ne sais quelle affaire à traiter avec le Duc de***. J'allai au son hôtel un matin; il était absent. Je me fis annoncer à Madame la Duchesse. C'est une femme charmante; elle est belle, et devote comme un ange; elle a la douceur peinte sur son visage; et puis un son de voix, et une naïveté de discours tout à fait avenantes à la physionomie. Elle était à sa toilette. On m'approche un fauteuil, je m'assis, et nous causons. Sur quelques propos de ma part qui l'édifiaient, et qui la surprirent, car elle était dans l'opinion que celui qui nie la très Sainte Trinité est un homme de Sac, et de corde, qui finira par être pendu. elle me dit: N'êtes-vous pas Monsieur Diderot? — Oui Madame. — C'est donc vous qui ne croyez rien? — Moi même. — Cependant votre morale est d'un croyant: — Pourquoi non, quand il est hominèle homme? — Et cette morale là vous la pratiquez? —

Разговор философа с женой маршала де***

Мне нужно было поговорить по одному делу с герцогом де***. Я пошел утром к нему на квартиру. Его не было дома, и я велел доложить о себе герцогине. Это—милая женщина; она прелестна и пажобна, как ангел; кротость написана на ее лице; интонация голоса и манера ее речи—все это так гармонировало с ее наружностью. Она была за туалетом. Мне предлагают сесть; я сажусь в кресло, и мы начинаем разговор. В ответ на несколько замечаний с моей стороны, осведомивших ее о моей личности и изумивших ее (ибо она была убеждена, что человек, не признающий пресвятой троицы, — каторжник, который кончит виселицей), она говорит мне:

— Вы не господин ли Дидро?

Дидро. Да, мадам.

Герцогиня. Так это вы ни во что не верите?

Дидро. Я.

Герцогиня. Но ведь у вас мораль верующего человека.

Дидро. Почему нет, если я честный человек?

Герцогиня. И в своей жизни вы сообразуетесь с этой моралью?

Дидро. Наилучшим образом.

Герцогиня. Как! вы не воруете, не убиваете, не грабите?

Дидро. Очень редко.

Герцогиня. Что же выгнываете вы, не веруя в бога?

Дидро. Ничего, мадам. Разве веруют в бога из-за какой-нибудь выгоды?

Герцогиня. Не знаю; но соображения выгоды несколько не вредят делам ни этого, ни другого мира.

Дидро. Поэтому-то я немножечко огорчен за наш бедный человеческий род. Поэтому-то мы не стоим большего.

Герцогиня. Как! вы не веруете?

Дидро. Нет, клянусь честью.

Герцогиня. Если вы не вор, не убийца, то согласитесь по крайней мере, что вы непоследовательны.

Дидро. Почему же?

Герцогиня. Мне кажется, что если бы не на что было надеяться и нечего было бояться, когда меня здесь не будет, то я не отказывалась бы от тех маленьких наслаждений, которых так много представляется в этой жизни. Признаюсь, я ссужаю богу деньги под ростовщические проценты.

Дидро. Вы воображаете?

Герцогиня. Это не воображение, а факт.

Дидро. А можно ли вас спросить, что еще вы позволили бы себе, если бы были неверующей?

Герцогиня. Извините, это предмет моей исповеди.

Дидро. Что касается меня, то я получаю со своего капитала ренту.

Герцогиня. Нищенский доход.

Дидро. Разве вы предпочитаете видеть во мне ростовщика?

Герцогиня. Ну, да, ведь... тут можно, сколько угодно, заниматься ростовщичеством... не разоришь. Я знаю хорошо, что это несколько не деликатно, но что же делать. Вся суть в том, чтобы попасть на небо, хитростью или силой, не все ли равно: нужно все поставить в счет, не пренебрегать никакой выгодой. Увы! нам предстоит много хлопот, наш вклад всегда очень скуден по сравнению с ожидаемым доходом. А вы ничего не ждете?

Дидро. Ничего.

Герцогиня. Печально. Согласитесь же, что вы или очень злы, или очень безумны!

Дидро. По правде сказать, не знаю, мадам.

Герцогиня. Какое побуждение у неверующего быть добрым, если он не безумен? Я очень хотела бы знать это.

Дидро. И я скажу вам.

Герцогиня. Вы обяжете меня.

Дидро. Представляете ли вы себе, что можно быть так счастливо рожденным, что будешь находить большое удовольствие делать добро?

Герцогиня. Представляю.

Дидро. ...что можно получить превосходное воспитание, которое укрепляет естественную склонность к благодеяниям?

Герцогиня. Конечно.

Дидро. ...и что в зрелом возрасте мы по опыту узнаем, что для нашего собственного счастья в этом мире лучше быть, в конце концов, честным человеком, чем мошенником?

Герцогиня. О, да, но как можно быть честным человеком, когда дурные принципы, объединяясь со страстями, влекут нас ко злу?

Дидро. По непоследовательности; что может быть проще, как быть непоследовательным?

Герцогиня. Увы, к несчастью, нет ничего проще этого: веруешь, а ведешь себя ежедневно, как неверующий!

Дидро. И не веруя, ведешь себя почти как верующий.

Герцогиня. В добрый час, но разве есть какое-нибудь неудобство иметь один лишний повод—религию—делать добро и один лишний повод—неверие—делать зло?

Дидро. Никакого, если бы религия была поводом делать добро, а неверие—поводом делать зло.

Герцогиня. Разве есть какое-нибудь сомнение в этом? Разве дух религии не способен сдерживать нашу мерзкую, развращенную природу, а дух неверия, избавляя ее от страха, не предоставляет ли ее дурным ее склонностям?

Дидро. Это, мадам, поведет нас к длинной дискуссии.

Герцогиня. Что же из этого? Герцог не скоро вернется, а для нас лучше говорить умные вещи, чем сплетничать о ближних.

Дидро. Придется начать немного издалека.

Герцогиня. Как хотите, лишь бы я поняла вас.

Дидро. Если вы не поймете меня, виною этому буду я.

Герцогиня. Это очень вежливо, но вы должны знать, что я никогда ничего, кроме часослова, не читала и занималась почти исключительно тем, что выполняла предписания евангелия и рожала детей.

Дидро. Обе эти обязанности вы исполняли прекрасно.

Герцогиня. Да, что касается детей: их шесть у меня, а седьмой стучится в дверь. Однако начинайте.

Дидро. Мадам, есть ли в этом мире какое-нибудь добро, которое не влекло бы за собой некоторого неудобства?

Герцогиня. Нет.

Дидро. ...и какое-нибудь зло, которое не приносило бы некоторой выгоды?

Герцогиня. Нет.

Дидро. Что же вы называете злом или добром?

Герцогиня. Зло—это то, что создает больше неудобств, чем дает пользы, а добро, наоборот, создает больше выгод, чем неудобств.

Дидро. Будете ли вы, мадам, любезны потом припомнить свое определение добра и зла?

Герцогиня. Припомню. Вы называете это определением?

Дидро. Да.

Герцогиня. Следовательно, это философия?

Дидро. Превосходная!

Герцогиня. И я философствую?

Дидро. Таким образом вы убеждены, что религия дает больше выгод, чем неудобств, и потому вы называете ее благом?

Герцогиня. Да.

Дидро. Что касается меня, то я не сомневаюсь, что ваш управляющий обворовывает вас накануне пасхи не-

много меньше, чем после, и что время от времени религия мешает совершиться целому ряду маленьких зол и создает целый ряд маленьких благ.

Герцогиня. Мало-по-малу создается великое.

Дидро. Но думаете ли вы, что ужасные опустошения, произведенные религией в истекшие времена, и те, которые она произведет в будущем, в достаточной степени компенсируются этими нищенскими выгодами? Подумайте: она создала и поддерживает самую разнузданную вражду между нациями. Нет мусульманина, который не воображал бы, что, искореняя христиан, которые, со своей стороны, не более его веротерпимы, он делает угодное богу и святому пророку дело. Подумайте: она создала и поддерживает такие раздоры среди народов одной и той же страны, которые редко утихают без пролития крови. Наша история представляет в этом отношении слишком свежие и слишком мрачные примеры. Подумайте: она создала и питает сильнейшую и упорнейшую вражду в обществе между гражданами, в семье между родными. Христос сказал, что он пришел отделить мужа от жены, мать от детей, брата от сестры, друга от друга; предсказание исполнилось слишком точно.

Герцогиня. Вот это как раз и есть злоупотребления, но не в этом суть.

Дидро. Именно в этом, если злоупотребления неотделимы от религии.

Герцогиня. А как вы докажете, что злоупотребления религией неотделимы от нее?

Дидро. Очень легко. Скажите мне: если бы какой-нибудь мизантроп задался целью создать роду человеческому несчастье, что мог бы он изобрести лучше веры в непостижимое существо, насчет понимания которого люди никогда не могли бы согласиться и которое они ставили бы выше своей жизни? Возможно ли, таким образом, отделить от понятия божества представление о глубочайшей непостижимости и величайшей важности?

Герцогиня. Нет.

Дидро. Сделайте же вывод.

Герцогиня. Я сделала тот вывод, что такая мысль в голове безумцев не остается без выводов.

Дидро. И прибавьте, что безумцы всегда были и будут в большинстве и что самые опасные из них—те, которых делает религия и из которых умеют при случае извлечь выгоду общественные смутьяны.

Герцогиня. Но нужно же иметь что-нибудь, что устрашало бы людей и удерживало бы их от дурных поступков, ускользающих от строгости законов. Что же вы поставите на место религии, когда вы устраните ее?

Дидро. Все-таки было бы одним ужасным предрассудком меньше, если бы даже я не имел, чем заменить ее. Я уже не говорю о том, что ни в одну эпоху и ни у какой нации религиозные мнения не служили основой для национальных нравов. Боги, которым поклонялись древние греки и римляне, честнейшие на земле люди, были самыми разнузданными канальями: Юпитера следовало бы заживо сжечь, Венеру—заключить вместе с проститутками в Сальпетриэр, Меркурия—вместе с бродягами в Бисэтр¹.

Герцогиня. И вы думаете, что совершенно безразлично: христиане мы или язычники; будучи язычниками, мы не стали бы от этого хуже и, как христиане, мы не стоим большего?

Дидро. Право, я убежден, что, помимо всего прочего, мы были бы к тому же еще немного жизнерадостнее.

Герцогиня. Это невозможно.

Дидро. Но, мадам, разве существуют христиане? Я их никогда не видел.

Герцогиня. И это вы говорите мне?

Дидро. Нет, не вам, мадам. Это я говорю одной моей соседке, честной и благочестивой, как вы, женщине, мнящей себя, как и вы, лучшей христианкой в мире.

Герцогиня. И вы доказали ей, что она ошибалась?

Дидро. Моментально.

Герцогиня. Как вам удалось это?

Дидро. Я развернул Новый Завет, который она часто читала,—книга была сильно истрепана,—и прочел ей нагорную проповедь. По прочтении каждого стиха я спра-

шивал ее: «Это вы исполняете? А это? А вот это?» Я пошел еще дальше. Она прекрасна, и, хотя она очень благонравна и очень набожна, она хорошо знает это. У нее очень белая кожа, и, хотя она не придает большого значения этому преходящему качеству, однако она не обижается, когда ей говорят комплименты; у ней роскошнейший бюст, и, хотя она очень скромна, ей нравится, когда замечают это.

Герцогиня. Лишь бы об этом знали только она и муж.

Дидро. Я думаю, что муж ее знает это лучше кого-либо другого; но для женщины, которая рисуетя своей религиозностью, этого недостаточно. «Не написано ли в евангелии,—сказал я ей,—что пожелавший жену ближнего своего совершил прелюбодеяние с ней в сердце своем?»

Герцогиня. Она вам ответила: да?

Дидро. «И не осуждает ли оно,—прибавил я,—прелюбодеяние, совершенное в сердце, так же строго, как прелюбодеяние, удачно обставленное?»

Герцогиня. Она ответила вам: да?

Дидро. «И если мужчину осуждают,—продолжал я,—за совершенное в сердце прелюбодеяние, какова же будет участь женщины, соблазняющей на это преступление всех мужчин, приближающихся к ней?» Последний вопрос смутил ее.

Герцогиня. Понимаю: она не особенно тщательно закрывала свой блиставший красотой бюст.

Дидро. Верно. Она ответила мне, что это обычная вещь,—как будто необычная вещь называться христианством и не быть им; что не следует быть посмешищем из-за своего костюма,—как будто бы есть какое-нибудь сравнение между жалкой насмешкой людей и вечным осуждением ее и ее ближнего; что она полагается на вкус своей модистки,—как будто она скорее готова отказаться от своей религии, чем сменить свою модистку; что это—фантазия мужа,—как будто муж настолько безрассуден, что требует от жены забыть о приличиях и своих обязанностях, а истинная христианка должна простирать свое

повиновение сумасбродному мужу до забвения воли божьей и угроз своего пекунителя!

Герцогиня. Я наперед знала все эти пустяки; я, может быть, так же ссылалась бы на них, как ваша соседка; но мы обе поступали бы недобросовестно. Какое же решение приняла она после вашего увещания?

Дидро. На следующий день после этого разговора (это было в праздник) я поднимался к себе, а моя набожная, прекрасная соседка спускалась из своей квартиры, чтобы идти в церковь.

Герцогиня. Одета, как всегда?

Дидро. Одета, как всегда. Я улыбулся, она тоже, и мы разошлись, не сказав друг другу ни слова. Вы видите, мадам: честная женщина, христианка, набожная! И после этого примера и сотни тысяч других подобного же рода какое действительное влияние на нравы я могу приписать религии? Почти никакого, и тем лучше.

Герцогиня. Как, тем лучше?

Дидро. Да, мадам: если бы двадцати тысячам жителей Парижа пришла фантазия строго сообразовать свое поведение с нагорной проповедью...

Герцогиня. Ну, так несколько прекрасных бюстов было бы более закрыто.

Дидро. И было бы столько сумасшедших, что полиция не знала бы, что с ними делать, так как нехватало бы смиренных домов. В боговдохновенных книгах есть две морали: одна—главная и общая всем нациям, всем культурам, и ей кое-как следуют; другая—свойственная каждой отдельной нации и каждому культу; ей верят, ее проповедают в храмах, прославляют в частных домах, но ей вовсе не следуют.

Герцогиня. Отчего же происходит такая странность?

Дидро. Оттого, что невозможно угнетать народ правилами, подходящими лишь для нескольких меланхоликов и скроенными по их характеру. Религии, как и монастырские уставы, со временем увядают. Это—безумие, которое не может устоять против постоянного напора

природы, возвращающей нас под сень своих законов. Сделайте так, чтобы благо отдельных лиц было тесно связано с общим благом; чтобы гражданин не мог повредить обществу, не повредив самому себе. Обеспечьте за добродетелью награду, как вы обеспечили злостному делу наказание; дайте доступ к высшим постам в государстве всем достойным людям без различия религиозных воззрений, к каким бы общественным слоям они ни принадлежали, и тогда у вас останется незначительное меньшинство злых людей, тяготеющих к пороку по своей испорченной природе, которую ничто не может исправить. Мадам, искушение слишком близко, а мучения ада слишком далеки; не ждите ничего хорошего от системы странных воззрений, которые можно внушать только детям, которые надеждой на искупление подстрекают к преступлению, которые посылают провинившегося просить у бога прощения за обиду, нанесенную человеку, и подтачивают строй естественных и моральных обязанностей, подчиняя его строю призрачных обязанностей.

Герцогиня. Я не понимаю вас.

Дидро. Я объяснюсь... Но вот подъезжает, кажется, карета господина герцога; он возвращается как раз кстати, чтобы помешать мне сказать глупость.

Герцогиня. Скажите, скажите вашу глупость, я не пойму ее: я привыкла понимать только то, что мне нравится.

Я подошел к ней и сказал ей тихо на ухо:

Дидро. Мадам, спросите у викария вашего прихода, что более преступно: осквернить священный сосуд или запятнать репутацию честной женщины? Он содрогнется от ужаса при мысли о первом преступлении, он поднимет вопль о святотатстве, и гражданский закон, который, наказывая сожжением за святотатство, почти не знает клеветы, приведет к полному смешению понятий и совершению умов.

Герцогиня. Я знала некоторых женщин, которые воздерживаются от скоромной пищи по пятницам и которые... я чуть было не сказала глупости. Продолжайте.

Дидро. Но, мадам, мне абсолютно необходимо поговорить с господином герцогом.

Герцогиня. Еще минутку, и мы пойдем к нему вместе. Я, собственно, не знаю, что ответить вам, но в то же время ваша речь неубедительна для меня.

Дидро. Я не задаюсь целью убеждать вас. С религией обстоит дело так же, как с браком. Брак, приносящий несчастье столь многим людям, принес вам и господину герцогу счастье: вы оба хорошо сделали, что поженились. Религия, которая произвела, производит и будет производить столько злых людей, сделала из вас лучшую женщину,—вы сделаете хорошо, если сохраните ее. Вам приятно воображать рядом с собой, над своей головой, великое и могущественное существо, видящее, как вы ведете себя на земле, и эта мысль укрепляет вас. Продолжайте, мадам, пользоваться этим святым верховным руководителем ваших мыслей, этим блюстителем и высоким образцом ваших поступков.

Герцогиня. Вы не заражены, как я вижу, манией прозелитизма.

Дидро. Нисколько.

Герцогиня. За это я еще больше уважаю вас.

Дидро. Я предоставляю каждому думать по-своему, лишь бы мне позволили думать так, как я хочу; к тому же люди, которым дано сбросить с себя предрассудки, почти не нуждаются в наставлениях.

Герцогиня. Думаете ли вы, что человек может обходиться без суеверий?

Дидро. Нет, поскольку он останется невежественным и трусливым.

Герцогиня. Ну, так вместо одного суеверия, нашего, появится какое-нибудь другое.

Дидро. Этого я не думаю.

Герцогиня. Скажите мне по правде, разве вам не прискорбно превратиться после смерти в ничто?

Дидро. Я предпочел бы жить, хотя не знаю, почему бы дважды не позабавиться надо мною существу, кото-

рое однажды могло сделать меня несчастным без всякого повода.

Герцогиня. Если, вопреки этому неудобству, надежда на грядущую жизнь кажется вам утешительной и приятной, зачем отнимать ее у нас?

Дидро. У меня нет такой надежды, потому что одного желанія иметь такую жизнь в будущем недостаточно, чтобы унять мое легкомыслие, но я ни у кого не отнимаю этой надежды. Если возможно поверить, что будешь видеть, не имея глаз; будешь слышать, не имея ушей; будешь мыслить, не имея головы; будешь любить, не имея сердца; будешь чувствовать, не имея чувств; будешь существовать, хотя нигде тебя не будет; будешь чем-то непротяженным и внепространственным,—тогда я согласен.

Герцогиня. Но кто сделал этот мир?

Дидро. Об этом я спрашиваю вас.

Герцогиня. Бог.

Дидро. А что такое бог?

Герцогиня. Дух.

Дидро. Если дух делает материю, почему бы материи не делать духа?

Герцогиня. А зачем бы ей делать его?

Дидро. Ведь я ежедневно вижу, как она делает это. Верите ли вы, что у животных есть души?

Герцогиня. Конечно, верю.

Дидро. А могли бы вы сказать, что делается, например, с душой перуанской змеи в то время, как она сушится, подвешенная на камине, и коптится два года подряд?

Герцогиня. Пусть что угодно делается, что мне до этого.

Дидро. Потому что мадам не знает, что сушеная и прокопченная змея воскреснет и оживет.

Герцогиня. Я нисколько не верю этому.

Дидро. Но смысленный человек Бугэ уверяет в этом².

Герцогиня. Ваш смысленный человек лгал.

Дидро. А если он говорил правду?

Герцогиня. Я перестала бы верить, что животные — машины.

Дидро. А человек, который тоже животное, немного более совершенное... Но господин герцог...

Герцогиня. Еще один и последний вопрос. Спокойны ли вы с вашим безверием?

Дидро. Как нельзя больше.

Герцогиня. Но если вы ошибаетесь?

Дидро. Если я ошибаюсь?

Герцогиня. Если все, что вы считаете ложным, окажется верным и вы будете осуждены... Господин Дидро, это ужасная вещь быть осужденным; гореть целую вечность — это очень долго.

Дидро. Лафонтэн думал, что мы будем там, как рыба в воде.

Герцогиня. Да, да, но ваш Лафонтэн сделался очень серьезным в последний момент жизни, и вот в этот-то момент я на вас посмотрю³.

Дидро. Я ни за что не отвечал, когда у меня не будет головы; если я кончу одной из тех болезней, во время которых у человека, впавшего в агонию, сохраняется весь его разум, то в момент, о котором вы говорите, я буду не больше смущен, чем в момент, в который вы меня видите теперь.

Герцогиня. Эта неустрашимость смущает меня.

Дидро. Я нахожу ее больше у умирающего, который верует в строгого судью, взвешивающего все до самых сокровенных наших помыслов и на весах которого самый праведный человек погиб бы за свое тщеславие, если бы не трепетал от мысли оказаться слишком легковесным; неустрашимость этого умирающего еще более смущала бы меня, если бы ему был предоставлен выбор: прекратить существование после смерти или предстать на суд, и он поколебался бы принять первое решение, — разве только если бы он был более безрассудным, чем спутник св. Бруно, или более опьянен своими заслугами, чем Бохола.

Герцогиня. Историю товарища св. Бруно я читала, но я никогда не слыхала о вашем Бохола.

Дидро. Это—незудит из Пинска, в Литве; умирая, он оставил шкатулку с деньгами и записку, написанную и подписанную его рукой.

Герцогиня. Что же говорилось в этой записке?

Дидро. Она составлена так: «Я прошу моего дорогого собрата, хранителя этой шкатулки, открыть ее тогда, когда я начну творить чудеса. Хранящиеся в ней деньги послужат на покрытие расходов по церемонии сопричисления меня к лику святых. В подтверждение моих добродетелей прилагаю несколько собственноручных заметок, очень полезных для лиц, которые задумают написать мою биографию».

Герцогиня. Можно умереть со смеха.

Дидро. Мне, мадам, а не вам,—ваш бог не любит шуток.

Герцогиня. Вы правы.

Дидро. Мадам, нетрудно совершить тяжкий грех против вашего закона.

Герцогиня. Согласна.

Дидро. Суд, который решит вашу судьбу, очень строг.

Герцогиня. Правда.

Дидро. И если вы полагаетесь на свидетельства вашей религии относительно числа избранных, то оно очень ничтожно.

Герцогиня. О, я не янсенистка⁴, я вижу медаль только с лицевой стороны: кровь Иисуса Христа покрывает в моих глазах огромное пространство, и мне казалось бы очень странным, если бы дьявол, который не посылал на смерть своего сына, имел больший успех.

Дидро. Но разве вы осуждаете Сократа, Фокиона, Аристиды, Катона, Траяна, Марка-Аврелия?⁵

Герцогиня. Fi done! Только дикари могли бы так думать. Св. Павел говорит, что каждый будет судим по закону, который он знал, и св. Павел прав.

Дидро. А по какому закону будет судим неверующий?

Герцогиня. Ваш случай несколько иной. Вы один из тех проклятых жителей Хоразина и Вифсанды, которые закрыли глаза на просвещавший их свет и зatkнули уши, чтобы не слышать голоса истины.

Дидро. Мадам, жители этих городов были бы единственными в своем роде людьми, если бы от них зависело верить или не верить.

Герцогиня. Если бы они были созданы в Тире и Сидоне, они увидели бы чудеса, которые заставили бы их принести покаяние.

Дидро. Это значит, что жители Тира и Сидона были умными людьми, а жители Хоразина и Вифсанды—глупыми. Но разве тот, кто создал глупцов, накажет их за то, что они глупы? Я только что рассказал об одном истинном факте, у меня является желание рассказать вам сказку. Один молодой мексиканец... Но господин герцог?

Герцогиня. Я пошлю узнать, можно ли его видеть. Ну, так что же ваш молодой мексиканец?

Дидро. Утомленный работой, он бродил однажды по берегу моря. Он увидел доску, которая одним концом погружалась в воду, а другим упиралась в берег. Он сел на эту доску и, окидывая своим взором обширное развернувшееся пред ним пространство, сказал про себя: «Несомненно, моя бабушка говорила вздор, когда рассказывала мне историю о каких-то людях, когда-то высадившихся на этот берег и прибывших сюда из какой-то страны, лежащей по ту сторону наших морей. Нет здравого смысла в этом рассказе: разве я не вижу, что море граничит с небесами? И могу ли я, наперекор моим чувствам, верить старой басне, которая возникла неизвестно когда, которую каждый переделывает на свой лад и которая не что иное, как сплетение нелепостей, из-за которых рассказчики готовы выцарапать друг другу глаза?» В то время, как он рассуждал таким образом, вздымающиеся волны убаюкивали его, и он заснул. Пока он спал, ветер усилился, волны подняли доску, на которой он лежал, и вот наш молодой разумник поплыл.

Герцогиня. Увы, это—изображение нашей судьбы: каждый из нас сидит на доске; поднимается ветер, и волны уносят нас.

Дидро. Когда он проснулся, он был уже далеко от материка. Наш мексиканец очень удивился, очутившись среди открытого океана, и еще больше удивился, когда, потеряв из виду берег, по которому он только что прогуливался, увидел, что море со всех сторон сливается с небесами. Тогда в нем зародилось сомнение, не ошибался ли он и не попадет ли он, если ветер не затихнет, на тот берег и к тем людям, о которых так часто рассказывала ему бабушка.

Герцогиня. Вы ни слова не говорите мне о его испуге.

Дидро. Он вовсе не чувствовал испуга. Он говорил про себя: «Не беда, лишь бы удалось только пристать к берегу. Положим, я рассуждал, как безумец, но я был искренен с самим собою, а это все, что можно требовать от меня. Если иметь ум—не добродетель, то не иметь его—не порок». Тем временем ветер дул, не переставая, молодой человек все плыл на доске, и наконец вдали показался незнакомый берег: мексиканец пристает, и вот он уже на берегу.

Герцогиня. Мы все когда-нибудь сойдемся там.

Дидро. Я этого желаю: где бы ни было, мне всегда будет лестно быть вам приятным. Лишь только мексиканец сошел с доски и ступил на песок, он увидел около себя почтенного старца. Он спросил у старца, что это за страна и с кем он имеет честь разговаривать. «Я властитель этой земли»,—ответил ему старец. Молодой человек тотчас же пал ниц пред ним, но старец сказал ему: «Встаньте. Вы отрицали мое существование?»—Отрицал.—«И существование моей власти?»—И существование вашей власти.—«Я прощаю вам это, потому что я тот, кто проникает взором в глубину сердец, и я прочел в глубине вашего сердца, что вы были искренни, но другие ваши мысли и действия не так невинны». И старец, держа его за ухо, напомнил ему все заблуждения его жизни, и при каждом его слове мексиканец наклонялся, бил себя

в грудь и просил прощения... Так вот, мадам, поставьте себя на один момент на место старца и скажите мне, что бы вы сделали? Взяли ли бы вы этого молодого безумца за волосы, и было ли бы вам приятно таскать его так по берегу целую вечность?

Герцогиня. По правде сказать, нет.

Дидро. Если бы один из ваших прелестных сыновей, оставив отчий дом и наделав уйму глупостей, вернулся бы с раскаянием домой?

Герцогиня. Я побежала бы ему навстречу, заключила бы его в свои объятия и омыла бы его своими слезами, но г. герцог, его отец, не так отнесся бы к такому поступку.

Дидро. Г. герцог не тигр.

Герцогиня. Далеко до этого.

Дидро. Немного, может быть, потрепал бы, но простил.

Герцогиня. Конечно.

Дидро. В особенности если бы он поразмыслил, что прежде, чем произвести на свет это дитя, он знал всю его жизнь, и что наказание его за ошибки не принесло бы пользы ни ему, ни виновному, ни его братьям.

Герцогиня. Старец и г. герцог оба поступили бы одинаково.

Дидро. Не хотите ли вы сказать, что г. герцог лучше старца?

Герцогиня. Боже сохрани. Я хочу сказать, что если моя справедливость—не справедливость г. герцога, то справедливость г. герцога могла бы не быть справедливостью старца.

Дидро. Ах, мадам, вы не предвидите выводов из этого ответа. Или идея справедливости одинаково приложима и к вам, и к г. герцогу, и ко мне, и к молодому мексиканцу, и к старцу, или я не знаю, что это такое, и не понимаю, как понравиться или не понравиться этому старцу.

В этот момент нам доложили, что г. герцог ждет нас. Я подал руку герцогине, а она проговорила:

— Голова закружится от этого, не правда ли?

Дидро. Почему же, если она в порядке?

Герцогиня. В конце концов проще всего вести себя так, как если бы старец на самом деле существовал.

Дидро. Даже когда не веришь?

Герцогиня. А когда веришь, не рассчитывать на его доброту.

Дидро. Если это не очень вежливо, то, во всяком случае, очень надежно.

Герцогиня. Кстати, если бы вам пришлось дать судьям отчет в ваших принципах, вы признались бы в них?

Дидро. Я сделал бы все зависящее от меня, чтобы избавить судей от необходимости совершить зверскую надо мною расправу.

Герцогиня. Ах, трус! А в предсмертный час вы согласились бы исполнить церковные обряды?

Дидро. Не преминул бы ⁶.

Герцогиня. Фи, гадкий лицемер!

**РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ
КНИГИ ГЕЛЬВЕЦИЯ «ОБ УМЕ».**

**СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОПРОВЕРЖЕНИЕ
КНИГИ ГЕЛЬВЕЦИЯ
«ЧЕЛОВЕК»**

Размышления по поводу книги Гельвеция «Об уме»

Ни одно произведение не вызвало столько шума, сколько вышеназванное. Содержание его и имя автора содействовали успеху книги¹. Автор работал над нею пятнадцать лет; семь или восемь лет назад он оставил должность генерального откупщика, чтобы вступить в брак со своей теперешней женой и отдаться занятиям литературой и философией. Половину года он проживает в деревне, удаляясь туда с немногочисленным кругом близких к нему лиц, остальное время — в Париже, где у него очень приятный дом. Можно с уверенностью сказать, что от него самого зависит его счастье, ибо он имеет друзей, очаровательную жену, обладает здравым смыслом, остроумием, пользуется уважением со стороны света, обладает состоянием, здоровьем, весельем... Глупцы, завистники и ханжи должны были, разумеется, возмутиться его принципами, а таких людей ведь немало... Целью произведения является изучение человеческого ума с различных сторон, изучение, основывающееся повсюду на фактах. Поэтому он рассматривает сначала человеческий ум как таковой, затем он разбирает его по отношению к истине и заблуждению... Он приписывает, повидимому, чувствительность материи вообще; эта точка зрения очень подходяща для философов: защитники религиозного суеверия,

высказываясь против нее, рискуют запутаться в больших трудностях. Нельзя сомневаться в том, что животные чувствуют, но чувствительность у них есть либо свойство материи, либо качество некоторой духовной субстанции. Защитники религии не осмеливаются признать ни того, ни другого... Автор книги *Об уме* сводит все интеллектуальные функции к чувствительности. Согласно ему, воспринимать или чувствовать — это одно и то же; судить или чувствовать — это одно и то же... Различие между человеком и животным сводится у него только к различию организации. Так, например, удлините у человека лицо, вообразите, что нос, глаза, зубы, уши у него, как у собаки, снабдите его шерстью, поставьте его на четыре лапы, — после такого превращения человек этот, будь он хоть доктором Сорбонны, станет выполнять все функции собаки; он будет лаять, вместо того, чтобы аргументировать; он будет грызть кости, вместо того, чтобы заниматься разрешением софизмов; вся его деятельность сосредоточится в обонянии; почти вся душа его будет заключаться в носу; и он будет гоняться по следу за крликом или зайцем, вместо того, чтобы выслеживать атеистов или еретиков... С другой стороны, возьмите собаку, поставьте ее на задние ноги, округлите ей голову, укоротите морду, снимите у нее шерсть и хвост, — и вы сделаете из нее ученого доктора, занимающегося глубокими размышлениями о тайнах предопределения и благодати... Если обратить внимание на то, что человек отличается от любого другого человека лишь своей организацией и отличается от самого себя лишь переменами, происходящими в его органах; если заметить, что он в детстве лепечет, в зрелом возрасте рассуждает, а в старости начинает снова лепетать; если наблюдать за ним, когда он здоров и болен, когда он спокоен и находится под властью страстей, — то нельзя будет не согласиться в значительной мере с этой точкой зрения... Рассматривая ум по отношению к истине и заблуждению, г. Гельвеций убеждается, что нет ложного ума. Он объясняет все наши ошибочные суждения невежеством, злоупотреблением сло-

вами и неистовством страстей... Если какой-нибудь человек рассуждает плохо, то потому, что у него нет всех данных, необходимых для того, чтобы рассуждать лучше; он не рассмотрел предмета со всех сторон. Автор применяет этот принцип к анализу роскоши, по поводу которой писали столько за и против. Он показывает, что те, кто защищали ее, и те, кто нападали на нее, были одинаково правы в своих рассуждениях. Но ни те, ни другие не догадались сравнить между собой выгоды и невыгоды роскоши и, не имея достаточных знаний, не могли прийти к определенному результату. Г-н Гельвеций дает решение этого важного вопроса, и это одно из прекраснейших мест его книги... То, что он говорит о злоупотреблении словами, поверхностно, но приятно для чтения. Вообще, отличительная особенность книги — это то, что ее приятно читать, даже когда она трактует о самых сухих материях, ибо в ней разбросана масса исторических фактов, облегчающих ее чтение. Автор применяет свое рассуждение о злоупотреблении словами к материи, времени и пространству. Он здесь очень краток и сжат, и нетрудно понять, почему. В книге сказано по этому поводу достаточно, чтобы указать правильный путь человеку, умеющему рассуждать, и чтобы вызвать вопли у тех, кто по своей профессии пускает нам пыль в глаза... Он применяет то, что думает о заблуждениях страсти, к духу завоевания и к славолюбию, и на примере рассуждений двух людей, у которых под влиянием этих страстей помутился рассудок, он показывает, как вообще страсти сбивают нас с толку. Эта глава тоже полна занятных анекдотов и разных смелых и резких намеков. В ней говорится об одном египетском жреце, который распекал очень красноречиво нескольких неверующих за то, что они видят в быке Аписе только быка, и этот жрец весьма похож на многих других жрецов... Вот вкратце предмет и содержание первого рассуждения. В книге есть еще три других рассуждения, о которых мы будем говорить дальше.

Рассмотрев ум как таковой, г. Гельвеций начинает рассматривать его по отношению к обществу. Согласно

ему, мерилом нашей оценки ума является не трудность предмета изучения или обширность наших знаний о нем, а общий интерес. В доказательство этого он мог бы привести очень убедительный пример. Пусть какой-нибудь геометр возьмет три точки на бумаге; пусть он предположит, что эти три точки притягиваются между собой с силой, обратно пропорциональной квадрату расстояния, и пусть он затем попытается определить траекторию этих трех точек. Решив эту проблему, он прочтет доклад о ней в нескольких заседаниях Академии; его выслушают, его решение напечатают в каком-нибудь сборнике, где оно смешается с тысячью других задач и будет забыто, и вряд ли о нем будет речь в обществе или среди ученых. Но если эти точки будут изображать три главных тела природы, если одно из них будет называться землей, другое луной и третье солнцем, — тогда решение проблемы трех точек будет представлять закон движения небесных тел, геометр будет называться Ньютоном², и память о нем будет жить вечно среди людей. Однако, будут ли эти три точки просто тремя точками или же они будут представлять три небесных тела, — проницательность, требуемая для решения задачи, одинакова в обоих случаях; но так как интерес неодинаков, то неодинаково и общественное уважение к авторам решений задач. То же самое можно сказать о порядочности. Автор рассматривает ее как таковую или же по отношению к отдельному лицу, к небольшому обществу, к нации, в различные эпохи, в различных странах, по отношению ко всей вселенной. Во всех этих случаях интерес оказывается всегда мерилом отношения к порядочности. Этот интерес, собственно, и составляет его, так что автор не допускает ни абсолютной справедливости, ни абсолютной несправедливости. Это его второй парадокс... Этот парадокс ложен сам по себе и опасен: ложен, потому что в наших естественных потребностях, в нашей жизни, в нашем существовании, в нашей организации и нашей чувствительности, делающих нас доступными страданию, можно найти действительную основу справедливого и несправедливого, понятие о кото-

DE L'ESPRIT.

..... Unde animi consist natura videndum,
Qua fiant ratione & qua vi quaque cogitantur
In terris.

LUCRET. De rerum natura. Lib. 4.

A PARIS,
CHEZ DURAND, LIBRAIRE, RUE DU FOIN.

M. DCC. LVIII.

AVEC APPROBATION ET PRIVILEGE DU R.O.L.

Титульный лист первого издания «Об уме» Гельвеция

ром потом меняется на сотни тысяч разных ладов под влиянием общего и частного интереса. Общий и частный интерес, действительно, видоизменяют идею справедливого и несправедливого, но сущность ее не зависит от этого. Нашего автора ввело, повидимому, в заблуждение то, что он считался лишь с фактами, показывающими справедливое и несправедливое в сотне тысяч различных видов и закрыл глаза на природу человека, где он увидел бы основу и происхождение этих понятий... Мне кажется, что он не имел точного представления о том, что понимают под порядочностью по отношению ко всей вселенной. У него это слово лишено всякого смысла; это было бы иначе, если бы он обратил внимание на то, что человек, дающий пить жаждущему и есть голодному, — добрый человек повсюду, в любом месте мира, и что порядочность по отношению ко вселенной — не что иное, как чувство благодеяния, охватывающее человеческий род вообще, — чувство, которое ни ложно, ни химерично. Вот предмет и содержание второго рассуждения, где автор рассматривает, между прочим, еще несколько важных вопросов, например, вопросы об истинных и ложных добродетелях, о хорошем тоне, о знании света, о моралистах, о моралистах лицемерных, о важности морали, о средствах усовершенствовать ее.

Предметом третьего рассуждения является ум, рассматриваемый или как дар природы, или как продукт воспитания. Здесь автор пытается доказать, что из всех причин, вызывающих различие между людьми, наименьшую роль играет организация, так что нет человека, у которого страсти, интерес, воспитание, различные случайности не могли бы преодолеть естественных препятствий его организации и сделать из него великого человека, и что точно так же нет великого человека, которого отсутствие страсти, интереса, воспитания и некоторых случайностей не могло бы сделать глупцом, несмотря на самую счастливую организацию. Это — его третий парадокс. *Credat judaeus Apella...* * Автор вынужден здесь анализировать все каче-

* Пусть верит еврей Апелла.

ства души, рассматривая их в человеке по отношению к другому человеку. Этот анализ производится им с большой пронизательностью, и, как ни неприятно впечатление от столь странного парадокса, его нельзя читать, не чувствуя себя поколебленным в своих воззрениях... Ошибочность всего этого рассуждения зависит, кажется мне, от нескольких причин, из которых главные — это следующие: 1) автор не знает или, повидимому, не считается с огромным различием, получающимся между действиями (как бы мало ни было различие между причинами), когда причины действуют долго и непрерывно; 2) он не обратил внимания ни на разнообразие характеров, бывающих то холодными, то медлительными, то меланхолическими, то веселыми и т. д., ни на человека в различные эпохи его жизни, в состоянии здоровья или болезни, испытывающего удовольствие или страдание; одним словом, он не обратил внимания на то, как человек отличается от самого себя в тысяче случаев, в которых происходит малейшее изменение в его организации. Ничтожное устройство мозга делает гениального человека глупцом. Что же будет с этим человеком, если нарушение это окажется не случайным и мимолетным, а органическим, природным? 3) Он не заметил, что если, как он утверждает, все различие между человеком и животным сводится к различию организации, то внутренне противоречиво — не сводить всего различия между гениальным человеком и обыкновенным человеком к той же самой причине. Одним словом, все третье рассуждение кажется мне своего рода ложным вычлением, в которое не ввели всех элементов и в котором введенным в него элементам не придано их настоящее значение. Автор не увидел непреходимой грани между человеком, которого природа назначила для известной функции, и человеком, который вносит в выполнение ее только трудолюбие, внимание, интерес, страсти... Это рассуждение, ложное в основе, изобилует прекрасными частными рассуждениями о происхождении страстей, об их интенсивности, о скупости, честолюбии, гордости, дружбе и т. д. В этом же самом

рассуждении автор выдвигает по вопросу о цели страстей четвертый парадокс, именно, что последней целью их является физическое удовольствие; это я тоже считаю ложным. Сколько есть людей, которые, исчерпав в молодости все физическое удовлетворение, доставляемое страстями, становятся кто скупцами, кто честолюбцами, кто поклонниками славы! Можно ли утверждать, что, охваченные этими новыми страстями, они стремятся к тем самым благам, которые успели уже опротиветь им?.. От ума, порядочности, страстей г. Гельвеций переходит к тому, чем эти качества становятся под властью различных правительств, в особенности под властью деспотизма. Автор не сумел взглянуть на деспотизм, как на отвратительное чудовище, и поэтому не сумел придать этим главам больше яркости и силы. Хотя они изобилуют смелыми истинами, но они несколько вялы.

В четвертом рассуждении г. Гельвеций рассматривает ум с различных сторон его; это или гений, или чувство, или воображение, или ум в собственном смысле слова, или ум тонкий, или сильный ум, или остроумие, или вкус, или верный ум, или дух общительности, или ловкий ум, или здравый смысл и т. д. Отсюда автор переходит к вопросу о воспитании и о роде занятий, соответствующем созданному воспитанием роду ума... Нетрудно видеть, что в основу этого произведения положены четыре больших парадокса... Чувствительность есть общее свойство материи. Воспринимать, рассуждать, судить — это чувствовать: таков первый парадокс... Нет ни абсолютной справедливости, ни абсолютной несправедливости. Общий интерес есть мерило оценки талантов и сущность добродетели: второй парадокс... Различие между людьми объясняется воспитанием, а не организацией; люди выходят из рук природы почти все одинаково годные для всего: третий парадокс... Последней целью страстей являются физические блага: четвертый парадокс... Прибавьте к этим основным идеям невероятную массу рассуждений о религии, нравах и правительстве, о человеке, законодательстве и воспитании, и вы будете знать все содержание этого

произведения. Оно написано очень методически, это один из его главных недостатков, во-первых, потому, что методичность, когда она бьет в глаза, вызывает у читателя охлаждение, представляется чем-то медлительным и грузным; во-вторых, потому, что она лишает все содержание налета свободы и гениальности; в-третьих, потому, что она имеет вид аргументации; в четвертых — и это особенно относится к рассматриваемому произведению — потому, что ничто не требует при своем доказательстве меньшей аффектированности, меньшего шума, большей скромности, чем парадокс. Парадоксальный автор не должен никогда высказывать своего мнения, а должен всегда выставлять свои доказательства: он должен забираться в душу своего читателя не силой, а украдкой. Мастерство Монтэня³ заключается в том, что он никогда не хочет доказывать, и, однако, он всегда сыплет доказательствами, швыряя вас попеременно от белого к черному и от черного к белому. Кроме того, подчеркнутая методичность похожа на леса, которые оставили бы после того, как постройка уже возведена. Это — вещь, необходимая для работы, но которая не должна быть больше видна после того, как работа закончена. Методичность характеризует ум слишком спокойный, слишком владеющий самим собою. Изобретательный ум волнуется, движется, мечется беспорядочным образом, — он ищет; методический ум размещает и располагает все в порядке, предполагая, что все уже найдено... Вот главный недостаток этого произведения. Если бы все написанное автором было нагромождено в хаотическом беспорядке, если бы скрытый порядок существовал только в уме автора, то его книга была бы бесконечно более занята и в глубине своей бесконечно более опасна... Прибавьте к этому, что она полна анекдотов; но анекдоты хороши в устах и в произведениях человека, который идет, как будто не преследуя никакой цели, а так себе, забавляясь и дурачась; от методического же автора требуют не анекдотов, — которые представляют собой частные факты, — а массу аргументов и трезво подобранных фактов... Среди фактов, приводимых в книге

Об уме, есть такие, которые свидетельствуют о дурном вкусе и дурном выборе. То же самое можно сказать о примечаниях. Строгий друг оказал бы в этом отношении хорошую услугу автору. Одним росчерком пера он вычеркнул бы все, что производит неприятное впечатление... В этом произведении есть истины, которые выставлены в слишком резком виде и наводят поэтому на человека печаль... В нем есть выражения, которые употребляются в свете в дурном смысле и которым автор придает без всякого предупреждения совершенно иное значение. Он должен был бы устранить этот недостаток... Есть важные главы, которые только намечены... Десятью годами раньше это произведение было бы совершенной новинкой, но в настоящее время сделано столько успехов в смысле распространения философского духа, что в нем находишь мало нового... Это, собственно, предисловие к *Духу законов*, хотя автор не всегда согласен с Монтескье⁴. Загадочно, что эта книга, написанная специально для всей нации, ибо повсюду она ясна, занята, интересна, ибо повсюду женщины являются в ней предметом поклонения автора, — непонятно, что эта книга, будучи собственно защитительной речью низших против высших, появившись в эпоху, когда все угнетенные сословия обнаруживают достаточно громко свое недовольство, когда дух возмущения больше в моде, чем когда бы то ни было, а правительство ни чрезмерно любимо, ни слишком уважаемо, — удивительно, что, несмотря на это, она возбудила против себя почти всех. Это — парадокс, требующий объяснения... Стиль этого произведения представляет, точно радуга, все оттенки: он шаловливый, поэтический, строгий, возвышенный, легкий, высокий, остроумный, блестящий, словом, вполне такой, какой требуется автору и теме... Резюмирую: книга *Об уме* — произведение выдающегося человека. В ней встречается множество ложных общих принципов, но зато в ней масса частных истин. Автор трактует в ней в высоком стиле о метафизике и морали, и всякий уважающий себя писатель, который захочет рассуждать об этих же предметах,

вынужден будет считаться с этим произведешем. Орнаментальная сторона произведения, считаясь с размерами всей постройки, незначительна. Плоды легкой фантазии носят характер чрезмерной отделки; между тем ничто так не любит вида небрежности и непринужденности, как эти легкие фантазии. Всеобщее возмущение этим произведением показывает, может быть, как много есть лицемеров от добродетели. Часто доказательства автора слишком слабы, если считаться с решительностью утверждений, которые высказываются ясно и четко. Но в целом — это страшный удар по всякого рода предрассудкам. Поэтому это произведение будет полезно людям. Со временем оно создаст автору репутацию, и, хотя оно не отличается гениальностью, характеризующей *Дух законов* Монтескье и отличающей *Естественную историю* Бюффона⁵, оно будет, однако, причислено к великим книгам века.

Систематическое опровержение книги Гельвеция «Человек»

ТОМ ПЕРВЫЙ

Предисловие

Стр. 1.— *Если бы я выпустил эту книгу при жизни, то я подвергся бы преследованиям и не добился бы ни богатств, ни новых чинов.*

В дальнейшем мы увидим, насколько это признание противоречит принципам автора. Почему же он сделал его?

Стр. 10.— *(Французский) народ является теперь посмешищем Европы. Никакой благодетельный кризис не вернет ему его свободы; он погибнет от истощения. Единственное средство против его бедствий — это завоевание; случай и обстоятельства должны решить вопрос о действительности такого средства.*

Опыт наших дней доказывает противоположное. Пусть честные люди, занимающие в настоящее время первые места в государстве, сохранят их только в течение десяти лет, и все наши бедствия будут исправлены¹.

Восстановление старой магистратуры вернуло нам времена свободы.

В течение долгого времени мы видели, что руки человека борются против рук природы; но руки человека устают, а руки природы не устают.

Государство, подобное Франции, можно отлично сравнить с огромным раскачивающимся колоколом. Масса глупых детишек уцепилась за веревку и старается изо всех сил остановить колокол, колебания которого они постепенно уменьшают; но рано или поздно приходит крепкий, здоровый человек, возвращающий ему все его движение.

При любом правительстве бедствия народов, по законам самой природы, имеют известные пределы. За этими пределами мы имеем либо смерть, либо бегство, либо бунт. Земле надо вернуть часть полученного от нее богатства; надо, чтобы земледелец и собственник имели возможность жить. Этот порядок вещей вечен: самый безрассудный и самый жестокий деспот не могут нарушить его.

Я писал перед смертью Людовика XV: «Это предисловие написано смело: автор бесстрашно утверждает в нем, что наши страдания неизлечимы. И, может быть, я согласился бы с ним, если бы царствующий государь был молодым»².

Однажды задали вопрос, как можно исправить развращенный народ. Я ответил: *так, как Медея вернула молодость своему отцу, именно разрубив его на куски и сварив его...* В то время этот ответ не был очень уместным.

Раздел I

В пятнадцати главах, составляющих этот раздел, автор пытается установить свой излюбленный парадокс, «что различие между почти одинаково организованными индивидами зависит целиком только от воспитания...», не привлекая таким образом к рассмотрению ни силу, ни слабость, ни здоровье, ни болезнь, ни одно из тех физических или моральных качеств, которые лежат в основе различий темпераментов и характеров.

Глава I

Стр. 2.— Я рассматривал ум, гений и добродетель, как продукт воспитания.

— Только воспитания?

— Эта мысль представляется мне все еще истинной.

— Она ложна, и в силу этого ее никогда не удастся доказать вполне убедительным образом.

— Со мной согласились в том, что воспитание имеет на genius и характер людей и народов большее влияние, чем это думали.

— И это все, в чем можно было согласиться с вами.

Стр. 4.— Если бы организация делала нас почти целиком тем, чем мы являемся, то на каком основании мы обвиняли бы учителя за невежество и тупость его учеников?

Я не знаю теории, более утешительной для родителей и более удобной для учителей. Это ее преимущество.

Но я не знаю также теории, более безутешной для детей, которых считают одинаково пригодными ко всему; более способной наводнить общество тучей посредственностей и сбить в то же время с пути genius, который может хорошо выполнять только одну какую-нибудь вещь; не знаю теории, более опасной, ибо под влиянием ее учителя, упорно и бесплодно обучая класс учеников вещам, к которым они не имеют природной склонности, выпускают их затем в свет, где те оказываются ни к чему не годными. Нельзя наделить борзую собаку тонким чутьем, нельзя наделить быстротой, которая присуща борзой, лягавую: что бы вы ни делали, у последней остается ее тонко развитое обоняние, а у первой — быстрота ее ног.

Глава II

Стр. 5.— Человек рождается невежественным, но не глупым; он даже не без труда становится глупым.

Следовало бы сказать чуть ли не обратное. Человек рождается всегда невежественным и очень часто глупым; если же он не глуп, то нет ничего более легкого и, к сожалению, более согласного с опытом, чем сделать его глупым.

Тупость и гениальность занимают два противополож-

ных конца шкалы человеческого ума. Невозможно изменить тупость, но легко изменить гениальность.

Стр. 6.—*Есть двух видов тупость: одна — естественная, другая — благоприобретенная.*

Я хотел бы знать, как можно справиться с естественной тупостью? Всех людей можно разместить между максимальной проницательностью и максимальной тупостью, между г. Даламбером³ и г. Дутрело, и, несмотря ни на какое воспитание, всякий остается приблизительно на своей полочке. Пусть только мне дадут пощупать какого-нибудь человека, и я вскоре определю, чего он добился прилежанием и что он получил от природы. Тот, кто не обладает этим чутьем, нередко будет принимать орудие за изделие и изделие за орудие.

Между двумя соседними полочками существует небольшое, но непреодолимое расстояние, и, чтобы устранить естественное неравенство, необходимы, с одной стороны, упорный труд, а с другой — почти столь же постоянное разгильдяйство.

Человек, которого природа поместила на определенной полочке, сидит на ней без усилия и уверенно. Человек, который забрался на полочку, расположенную выше, чем та, которая подобала ему от природы, шатается на ней и чувствует себя там нехорошо; он предается длительным размышлениям по поводу какой-нибудь проблемы, которую другой решает в то время, как ему завивают пашильотки.

Здесь автор смешивает тупость с невежеством.

Стр. 7.—*Если ум обременен грузом ученого невежества, то он уже не доберется до истины; он лишился стремления, побуждавшего его двигаться к ней...*

А одинаково ли во всех людях это естественное или благоприобретенное стремление?

Человек, не знающий ничего, может научиться; дело только в том, чтобы зажечь в нем желание учиться.

Но все ли одинаково способны на это желание?

Стр. 8.— *Что делает воспитатель? Чего желает он? — Расправит крылья гению.*

Значит, гений предшествует воспитанию.

Древние сохраняют как в области морали, так и в области политики и законодательства превосходство над современными народами; этим они обязаны не организации, а воспитанию.

— Но что же это доказывает?

— Что один народ мало отличается от всякого другого народа.

— Но кто отрицает это?

— Что если бы французов воспитывали, как римлян, то у них тоже были бы свои Цезари, свои Сципионы, свои Помпеи, свои Цицероны⁴.

— Почему нет? Значит, хорошее воспитание может сделать у любого народа из любого индивида, из какого-нибудь Терсита⁵, великого человека, Аннибала, Александра, Ахилла?⁶ Уверяйте в этом кого угодно, но только не меня.

Почему такие знаменитые люди столь редки даже у тех народов, где все граждане получали рекомендуемое вами воспитание?

Господин Гельвеций, ответьте на маленький вопрос. Вот пятьсот только что родившихся детей; их готовы отдать вам на воспитание по вашей системе; скажите мне, скольких из них вы сделаете гениальными людьми? Почему не все пятьсот? Проанализируйте хорошенько все свои ответы, и вы найдете, что в конечном счете в них все сводится к различию организации, этому первичному источнику лености, легкомыслия, упрямства и прочих пороков или страстей.

Стр. 12.— *Истинными наставниками нашего детства являются окружающие нас предметы.*

— Верно, но как они наставляют нас?

— При помощи ощущения.

— Но возможно ли, чтобы, при различии организации, ощущение было одинаковым?

Разнообразие ощущений так велико, что если бы ка-

ждый индивид мог создать себе язык, соответствующий его сущности, то было бы столько же языков, сколько индивидов; ни один человек не говорил бы ни здравствуй, ни прощай так, как другой человек.

— Но в таком случае не было бы ни истины, ни добра, ни красоты?

— Я этого не думаю; разнообразие этих наречий все же не смогло бы исказить этих представлений.

Глава III

Стр. 13.— *Чем болезненнее падения, тем они поучительнее...*

Согласен. Но существуют ли на свете хоть два ребенка, для которых одно и то же падение было бы одинаково болезненно, для которых вообще какое-либо ощущение могло бы быть тождественным? Вот, значит, первое непреодолимое препятствие, мешающее им развиваться одинаково; а от чего зависит это препятствие? От организации. Один лежит, растянувшись на месте, и кричит: я погиб. Другой поднимается, не говоря ни слова, встряхивается и уходит.

В детстве совершаются некоторые поступки, в которых как бы предначертана вся судьба человека. Алкивиад и Катон всю свою жизнь повторяли два слова первых лет своего детства: «*Берегись сам!.. Брось!..*»⁷ Если бы Гельвеций подумал хорошенько об этих проявлениях характера, предшествующих всякому воспитанию и обнаруживающихся в возрасте, когда носят детскую курточку и играют в бабки, то он понял бы, что не воспитание, а природа создает подобных детей. Искусство превращать свинец в золото — безделка по сравнению с алхимией, берущейся сделать Регула⁸ из первого встречного человека. Все строки нашего автора, посвященные этому соображению, являются своего рода философским камнем.

Стр. 15.— Два брата путешествуют, один по крутым горам, другой по цветущим долинам. По возвращении они беседуют о том, что видели, и между ними происходит

обмен впечатлениями. Картины грозной природы переходят из головы одного в мозг другого, и первый из них опьяняется описанием прелестей природы. Один из братьев желает пойти и, в свою очередь, испытать трепет при виде пропастей, при шуме потоков; другой желает сладко растянуться на мягкой мураве и уснуть под рокот ручьев. Дело в том, что один — мужественного характера, а другой — неженка. Не препятствуйте этим естественным склонностям, иначе вы получите только двух посредственных людей.

Глава IV

Стр. 17.— *Ребенка запирают в наказание в комнате, он остается в ней один; он видит цветы, он рассматривает их...*

Допустим это; но другой ребенок, родившийся с другой организацией, либо уснет, если он труслив, либо станет произносить сквозь зубы ругательства по адресу своего отца или наставника, если он мстителен. Но, труслив ли он или мстителен, он даже не будет знать, что рядом с ним находился цветочный горшок.

Глава V

Стр. 18.— *Идем, зависящие от характера...*

Господин Гельвеций, вы слышите сами себя? А характер, разве он не продукт организации?

Глава VI

Стр. 19.— *Два брата, воспитывающиеся у своих родителей, имеют одного и того же наставника, имеют перед глазами почти те же самые предметы, читают те же самые книги. При их воспитании приходится считаться только с разницей в возрасте. Может быть, захотят свести эту разницу к нулю, может быть, предположат для этого, что оба брата*

близнецы? Отлично. Но была ли у них одна и та же кормилица? Какое это имеет значение? Это имеет большое значение: разве можно сомневаться во влиянии характера кормилицы на характер ее питомца?

Нет, господин Гельвеций, нет, это не имеет никакого значения, так как, согласно вам, воспитание исправляет все. Старайтесь не противоречить себе. Вы рассуждали бы правильно, если бы вы признали, что так как различие первоначальной пищи влияет на организацию, то зло неизлечимо. Но ваш взгляд вовсе не таков.

Стр. 20.— *Если оба брата первоначально проходили с одинаковым успехом науки и искусства, если первого задержала какая-нибудь болезнь и он дал второму уйти слишком далеко вперед, то учение становится ему противным.*

Если первого задержала какая-нибудь болезнь? А есть ли более постоянная, более неизлечимая болезнь, чем слабость или какой-нибудь иной недостаток организации?

Если он дал уйти слишком вперед? А разве не существует скороспелых или отсталых от природы детей?

И разве есть что-нибудь более отбивающее охоту у ребенка, чем необходимость наверстывать при помощи трудолюбия нехватавшую ему легкость усвоения? И разве в этом случае наказание не оказывается несправедливым и часто даже бесплодным?

Та же стр.— *Соревнование создает гениальных людей, а желание прославиться — людей талантливых.*

Мой дорогой философ, не говорите этого; скажите, что эти причины дают им возможность проявиться, и никто не станет спорить с вами.

Соревнование и желание не создают гениальности там, где ее нет.

Существует тысяча вещей, которые я считаю настолько превосходящими мои силы, что ни надежда на получение трона, ни даже желание спасти свою жизнь не побудили бы меня попытаться добиться их; и нет ни одной минуты в моей жизни, когда бы я не чувствовал и не думал того, что я говорю в данный момент.

Глава VII

Стр. 22.— *Случай играет самую важную роль в образовании характера.*

Но в три года ребенок бывает мрачным, печальным или веселым, живым или медлительным, упрямым, нетерпеливым, раздражительным и т. д. А если бы в остальную часть его жизни случай представлялся постоянно с вилами в руках, то он мог бы прогнать природу, но не изменить ее: «Naturam expellas furca, tamen usque recurret»*.

Стр. 23.— *Самые резко очерченные характеры бывают иногда продуктом бесконечного мн. жества мелких обстоятельств.*

Большая ошибка принимать поведение человека, даже его обычное поведение, за его характер.

Вот трусливый от природы человек, обнаруживающий тон и манеры храброго человека. Но разве его можно считать поэтому храбрецом?

Вот раздражительный от природы человек, но обстоятельства, приличия, интерес требуют от него терпения, и он сдерживается; но разве можно считать его поэтому терпеливым?

Эти заимствованные характеры более резко очерчены, чем естественные характеры.

Спросите врачей, и они вам скажут, что настоящий характер человека не всегда совпадает с тем характером, который он обнаруживает; что первый зависит от твердости и мягкости органических волокон, от бурности или спокойствия крови, от степени плотности или жидкости лимфы, от едкости или мыльности желчи и от состояния твердых или жидких частей нашего организма. Если ваш ребенок склонен к сладострастию, то заставьте его охотиться весь день и дайте ему вечером выпить отвар кувшинки. Это окажется полезнее, чем прочесть главу из Сенеки⁹.

* Гони природу в дверь, она влетит в окно.

Гельвеций сказал выше: *Если бы организация делала нас почти целиком тем, чем мы являемся, то на каком основании мы обвиняли бы учителя за тупость его ученика?*

Если он утверждает здесь, что случай играет самую важную роль в образовании характера, то разве нельзя обернуть его рассуждения и сказать ему: «Если случай играет самую важную роль в образовании нашего характера, то на каком основании станем мы обвинять наставника за дурной характер его ученика?»

Поставить себе задачей доказать, что все различие между умами сводится к различию воспитания, что воспитание есть основа гения, таланта и добродетели, затем предоставить на долю случая успех воспитания и образования характера,—поступать так, кажется мне, значит свести на-нет все свои доказательства и писать одновременно и сатиру на воспитателей, и апологию их.

Глава VIII

Пусть моей матерью будет мать Вокансона¹⁰, и все же я не сумею сделать автоматического флейтиста. Сошлите меня в изгнание, заключите меня на десять лет в Бастилию, и все же я не выйду оттуда автором *Потерянного рая*¹¹. Заберите меня из лавки торговца шерстью, запишите меня в труппу актеров, и я все же не сочиню ни *Гамлета*, ни *Корля Лиры*¹², ни *Гартюфа*, ни *Ученых женщин*¹³, и все же окажется, что мой дед со своим «дай бог!» сказал просто глупость. Я был более влюблен, чем Корнель¹⁴, я тоже сочинял стихи в честь предмета своей любви, но я не написал ни *Сида*, ни *Родогуны*. Да, господин Гельвеций, вам можно будет ответить, что сходные случайности вызывают сходные действия лишь у людей, организованных определенным образом, и вы не сможете ответить ничего путного на это возражение.

Гельвеций. С литографии Дельпека по рисунку Морена

Об этих случайностях можно сказать то же самое, что об искре, которая зажигает боченок спирту, но гаснет в лоханн с водой.

Стр. 26.— *Гений может быть лишь продуктом усиленного внимания...* (и стр. 27) *Гений есть продукт случая.*

Нельзя отрицать странности этих утверждений. Я могу изгрызть себе пальцы до крови, и все же меня не осенит мысль гения. Я могу рассуждать сколько угодно о разных счастливых случайностях, которые могли бы зародить во мне эту мысль, но я не способен угадать ни одной такой случайности.

Но уступим нашему автору и согласимся, что, при наличии усиленного внимания и интереса к одному какому-нибудь важному предмету, можно стать гением. Остается признать, что всякий человек, независимо от своей организации, способен на такое концентрированное, усиленное внимание! Между тем есть люди, — и их большинство, — неспособные ни на какое длительное и сосредоточенное усилие мысли. Они всю свою жизнь таковы, какими были иногда Ньютон, Лейбниц, Гельвеций. Что можно сделать из этих людей? Приказчиков.

Та же стр.— *Рождаясь, человек приносит с собой только одну способность, именно способность сравнивать и комбинировать.*

Допустим это. Но одинакова ли эта способность у всех индивидов? Если она различна у разных детей или у разных людей, то всегда ли возможно исправить недостаток ее? Если в конце концов это неравенство сглаживается, то лишь благодаря упражнению, труду и всякого рода затратам, которые задерживают успех на выбранном поприще. Один из скакунов достигнет цели раньше, чем у другого успеют расправиться его мало упругие мускулы и негибнущие ноги. Среди последних у сколь многих остается навсегда тяжелая и грузная поступь!

Стр. 27.— *Однако сам он (Руссо) представляет собой пример силы случая... Какая особая случай-*

ность заставила его выбрать для себя поприще красноречия? Это его секрет, которого я не знаю.

Но я, я его знаю и расскажу его¹⁵. Дижонская академия предложила на премию следующую тему: «*Были ли науки более вредны, чем полезны, для общества?*» Я находился тогда в Венсеннском замке. И вот ко мне пришел раз Руссо, чтобы, между прочим, посоветоваться со мной насчет позиции, которую он должен занять в этом вопросе. «Нечего раздумывать, — сказал я ему, — вы станете на ту позицию, на которую не станет никто». — «Вы правы», — ответил он; в этом духе он и стал работать на заданную тему.

Но я оставлю здесь Руссо, вернусь к Гельвецию и скажу ему: предположим, что в Венсенне уже не я, а наш женеvский гражданин. Я прихожу к нему и задаю ему тот вопрос, который он задал мне. Он отвечает мне так, как я ему ответил. Неужели вы думаете, что я потратил бы три или четыре месяца на то, чтобы подыскивать софизмы для скверного парадокса; что я придал бы этим софизмам ту яркость, которую он им придал, и что затем я сочинил бы философскую систему из того, что вначале было лишь игрою ума? *Credat judaeus Apella, non ego**.

Руссо сделал то, что он должен был сделать, потому что это был он. Я не сделал бы ничего или создал бы совершенно иную вещь, потому что это был бы я.

И когда Гельвеций кончает параграф о Руссо следующими словами: «*Таким образом, на Руссо, как и на массу других знаменитых людей, можно смотреть как на шедевр случая...*», то я спрашиваю: не значит ли это попросту следующее: это был боченок пороха или гремучей ртутуи, который, может быть, не дал бы взрыва без прилетевшей из Дижона и зажегшей его искры.

Утверждать вместе с нашим автором, будто искра создала порох или гремучую ртуть, столь же нелепо,

*Пусть верит еврей Апелла, я же не верю.

как утверждать, будто гремучая ртуть или порох создали искру.

Руссо столь же мало шедевр случая, как случай был шедевром Руссо.

Если бы не был предложен несуразный вопрос из Дижона, то разве Руссо был бы от этого менее способен написать свое рассуждение?

Узнали, что Демосфен¹⁶ красноречив, когда он заговорил; но он был красноречив еще до того, как раскрыл рот.

Тысячи веков роса падает на скалы, не оплодотворяя их. Засеянные земли ожидают ее, чтобы дать жатву, но не она оплодотворит их.

Сколько людей умерло и сколько других умрет, не показав того, чем они были! Я охотно готов сравнить их с великолепными картинами, спрятанными в темной галерее, куда никогда не проникнет луч солнца и где они погибнут, никем не увиденные, не вызвав ни у кого восторга.

Будем осторожней со своим презрением. Оно легко может обрушиться на человека, более ценного, чем мы.

О маленьких случайностях, которым Гельвеций приписывает создание великих людей, я думаю то же самое, что о других маленьких случайностях, которым столь же напрасно приписывают разрушение великих государств.

Государства зреют и сгнивают в конце концов, как плоды. В этом состоянии перезрелости самое легкое, ничтожное событие влечет за собою гибель государства, а самое легкое пошатывание дерева — падение плода. Но и падение, и гибель были подготовлены длинной цепью событий. Еще минута, и государство распалось бы, а плод упал бы сам собой.

Может быть, желательнее более точное сравнение? Вот с виду здоровый и крепкий человек. У него появляется на бедре маленький прыщик, вызывающий легкий зуд. Он чешется, расцарапывает прыщик, и вот эта царапина, диаметром меньше линии, становится исходным пунктом гангрены, благодаря быстрому развитию которой сгни-

вают бедро, нога и весь организм. Что считать истинной причиной смерти этого человека: легкую ли царапину, маленький ли прыщик или постоянную невоздержанность его?

Стр. 28.— *Следует ли в защиту своего мнения утверждать, что абсолютно грубый человек, человек, незнакомый ни с искусством, ни с промышленностью и стоящий ниже всех известных нам дикарей, однако более добродетелен и более счастлив, чем цивилизованный гражданин Лондона и Амстердама? Руссо это утверждает.*

Я думаю, что нападки Жан-Жака на общественное состояние людей были довольно слабы. Что такое общественное состояние? Это — договор, сближающий, объединяющий и связывающий между собою множество до того изолированных существ. Человек, который изучит основательно природу естественного состояния и природу цивилизованного состояния, вскоре должен будет убедиться, что первое есть по неизбежности состояние невинности и мира, а второе — состояние войны и преступления; он должен будет вскоре признать, что в любой из трех великих столиц Европы совершается, и должно совершаться, в один день больше злодеяний всякого рода, чем их совершается и чем их может совершиться, в течение целого века во всех диких ордах на земном шаре. Значит, дикое состояние следует предпочитать цивилизованному состоянию? Я отрицаю это. Не достаточно доказать мне, что в цивилизованном состоянии совершается больше преступлений, чем в диком состоянии; я требую еще доказательства, что в нем меньше счастья.

Глава IX

Ср. 55.— *Языческие религии не имели догматов.*

Верно ли это? У каждого из богов была своя история. Как назвать эти истории? Того, кто сомневался в похождениях Венеры или кто насмеялся над любовными приключениями Юпитера, называли безбожником; его пре-

следовали, его приговаривали к смерти. Какой-нибудь евмолпид был не менее фанатичным, чем любой папш приходский священник.

У язычников было мало праздников.

Вы не справились по этому поводу в *Фастах* Овидия¹⁷. Я полагаю, что праздники у них были чаще, но, может быть, не соблюдались так строго, как у нас.

Стр. 58.— *Не трудно изменить религиозные мнения какого-нибудь народа.*

Я совершенно не разделяю этого взгляда. Вообще мы не знаем, как у какого-нибудь народа возникают предрассудки, и еще менее знаем мы, как они исчезают. Пусть завтра король прикажет повесить одного из своих братьев за какое-нибудь преступление, и все же этот вид смертной казни останется у нас бесчестящим; пусть послезавтра он посадит за свой стол отца какого-нибудь повешенного преступника, и все же дочери этого отца не найдут себе супругов даже среди придворных. Если так трудно уничтожить заблуждения, в пользу которых говорит лишь их распространенность и их древность, то как справиться с теми заблуждениями, которые столь же всеобщы, столь же древны, но сверх того сопровождаются всякого рода страхами и угрозами со стороны богов и проповедываются уважаемыми и специально оплачиваемыми для этого людьми? Я знаю только одно единственное средство уничтожить религию, именно: сделать служителей ее презренными в глазах общества благодаря их порокам и убожеству. Сколько бы философы ни доказывали истинность христианства, эта религия погибнет лишь тогда, когда у врат собора богоматери или св. Сульпиция нищие в разодранных рясах станут предлагать со скидкой обедни, отпущение грехов и причащение и когда можно будет получать через этих мошенников девок. Лишь тогда всякий более или менее здравомыслящий отец будет грозить свернуть шею своему сыну, если он захочет быть священником. Христианство может исчезнуть лишь так, как исчезло язычество, а язычество исчезло лишь тогда, когда жрецы Сераписа стали просить

у входа в свои пышные храмы милостыню у прохожих, когда они стали заниматься любовными интригами и когда святилища были заняты старухами, имевшими подле себя вешего гуся и гадавшими за одно су молодым людям и молодым девушкам. К чему же следует стремиться? К ускорению пришествия того момента, когда священнослужители церкви святого Рока станут говорить нашим внукам: «Кто желает обедни? Кто желает обедни за одно су, за два су, за лиар?» — и когда над их исповедальнями можно будет прочесть, как над дверью парикмахеров, надпись: *«Здесь отпускаются за недорогую цену всякого рода грехи»*¹⁸.

Замена пресвятой девы богиней славы — это химера, которая не осуществится и в тысячу лет.

Соединение в одном лице звания *summus pontifex** и *imperator* кажется мне довольно рискованной вещью.

Было бы очень скверно, если бы врач оказался священником, но было бы гораздо хуже, если бы священник оказался королем.

Я ненавижу всех помазанников божиих, как бы они ни назывались.

Священник (говорите вы) будет в нем всегда подчинен государю.

Откуда вы это знаете? Ведь весьма удобно иметь возможность ссылаться на имя божие, чтобы делать зло.

Дело в том, господин Гельвеций, что бог — это скверная машина, из которой нельзя сделать ничего путного; сплав лжи и истины всегда дурная вещь, и нам не нужно ни священников, ни богов.

Стр. 59.— *Пусть судья будет облечен духовной и светской властью, и тогда исчезнет всякое противоречие между религиозными предписаниями и предписаниями патристическими.*

Да, если судья честный человек. Но если это мошенник, — как это обыкновенно бывает, — то он станет лишь в сто раз более могущественным и более опасным.

* Верховный первосвященник.

Автор заканчивает главу XV следующим бесстрашным заключением: *нельзя считать видимое неравенство между умами различных людей доказательством их неравной способности обладать умом.*

Мне кажется, что так как люди заражены одними и теми же предрассудками и проходят через школу одного и того же скверного воспитания, то, раз мы замечаем неравенство между умами, его следует приписывать неодинаковой способности людей обладать умом.

Стр. 60.— Здесь, кажется мне, автора одолевают некоторые угрызения совести.— *Какое бы ни было национальное воспитание (говорит он), нельзя сделать гениальных людей из всех граждан.*

Я охотно верю этому. Что же касается умных и остроумных людей, то он обещает их нам в любом количестве. Но это резко противоречит природе человека, природе общества и опыту всех времен. О, мой друг философ, у греков, у римлян, которых вы так цените, можно было пересчитать по пальцам гениальных людей, а глупцов и дураков у них было такое же множество, как и у нас. Дело в том, что, согласно извечному порядку природы, чудовище, называемое гениальным человеком, всегда необычайно редко, а умный и остроумный человек тоже незаурядное явление.

Какую книгу написал бы Гельвеций, если бы он написал ее в эпоху Монтэня и на языке его! Она была бы настолько же выше *Опытов*, насколько *Опыты* выше произведений всех позднейших моралистов.

Я не знаю, как относился Гельвеций к Монтэню и любил ли он его читать, но между их взглядами и их способом выражать эти взгляды много общего. Монтэнь — циник, Гельвеций — тоже; оба они терпеть не могут педантов; для них обеих наукой по преимуществу является наука о нравах; они приписывают огромное значение обстоятельствам и случайностям; у них развиты воображение, большая непринужденность стиля, смелость и оригинальность выражения, вполне своеобразные метафоры. Во времена Монтэня Гельвеций обладал бы приблизительно

его стилем, а во времена Гельвеция Монтэнъ писал бы приблизительно так, как он, т. е. он писал бы менее энергичным и более правильным языком, с меньшей оригинальностью, но с большей методичностью.

Примечания

Стр. 63.— Вам, мой друг Нэжон, так хорошо раздѣлавшему русскаго богача Чернышева за то, что онъ предпочитаетъ англичанъ французамъ,— вамъ я указываю и рекомендую № 9 этой страницы; не забывайте въ особенности того, что человекъ, приписывающій французскимъ философамъ духъ французскаго народа, не знаетъ ни ихъ произведеній, ни ихъ самих¹⁹.

Стр. 64.— Почему Общество Иисуса²⁰, несмотря на подборъ своихъ членовъ и на старанія использовать наилучшимъ образомъ ихъ таланты, дало такъ мало великихъ людей? Гельвецій приводитъ несколько серьезныхъ причинъ для объясненія этого, но онъ забылъ главную изъ нихъ, именно, что они тупели и растрчивали свои силы благодаря двадцати годамъ преподаванія: они употребляли на ползаніе съ дѣтьми время, которое нужно было использовать, чтобы расправить крылья гения.

Та же стр.— Можно сделать сколько угодно хорошихъ трубочистовъ, но совершенно иное дѣло создать великихъ полководцевъ, великихъ министровъ, великихъ судей. Какъ бы тупъ ни былъ человекъ, онъ способенъ быстро научиться чистить трубы; но не такъ легко можно научиться очищать общество отъ его роскоши, его предрассудковъ, его пороковъ и его дурныхъ законовъ. Гельвецію же все на потребу.

Стр. 65.— Я не знаю, обнаруживается ли гениальность съ дѣтства. Что касается характера, то въ этомъ нельзя сомневаться. Однако Гельвецій приписываетъ созданіе — безразлично того и другаго — воспитанію и случаю, не отвѣдая никакого мѣста природѣ и организаціи.

Я допускаю, что, если какой-нибудь ребенокъ увлекается наукой или искусствомъ въ силу непреодолимой,

обнаруживающейся уже с детства склонности, я допускаю, что он, может быть, будет лишь посредственностью. Но я не сомневаюсь, что если он станет заниматься какими-нибудь другими вещами, то он не окажется ничтожеством.

Стр. 66.— *Какой массой гениальных людей мы обязаны случайностям!*

Гениальных людей, кажется мне, нетрудно пересчитать, а бесполезных случайностей — несчетное множество. Дело в том, что случайности не создают ничего, подобно тому как кирка рабочего, работающего в коях Голконды, не создает извлекаемого им оттуда алмаза.

Кто бы ты ни был, гениальный ли человек или тупица, добрый ли человек или злой, углубись, как можно дальше, в историю своей жизни, и ты найдешь всегда в исходном пункте событий, приведших тебя к счастью либо к несчастью, к славе либо к неизвестности, какое-нибудь мелкое обстоятельство, с которым ты станешь связывать всю свою судьбу. Но, глупец, будь уверен, что и без этого рокового обстоятельства ты стал бы всеобщим посмешищем каким-нибудь иным образом. Но, злой, не сомневайся, что и без этой проклинаемой тобою случайности ты стал бы несчастным каким-нибудь иным путем. Но, гениальный человек, и ты не знаешь себя, если думаешь, что ты создан этим случаем; вся его заслуга в том, что он выявил тебя: он убрал занавес, который скрывал от тебя самого и от других то чудо природы, каким являешься ты. Гениальности и глупости, пороку и добродетели недостает только времени, чтобы выявить себя настоящим образом. Честный человек, умный человек могут умереть слишком рано; что касается глупца и злого, то они всегда умирают во-время.

Стр. 67.— Жан-Жак так склонен от природы к софизмам, что в его руках испаряется защита истины; можно бы сказать, что его убеждения заглушают его талант. Предложите ему сделать выбор между двумя положениями, одним — убедительным, но дидактическим, сентенциозным и сухим, другим — слабым, но способным

вызвать работу его воображения и вашего воображения, способным дать интересные и сильные образы, бурные движения, патетические картины, образные выражения, могущим удивить ум, взволновать сердце, поднять бурю страстей,— дайте ему сделать выбор между этими двумя положениями, и он остановится на последнем... Я знаю это по опыту. Он предпочитает быть скорее красноречивым, чем правдивым, эффектным, чем убедительным, блестящим, чем логичным; он предпочитает скорее ослеплять вас, чем убеждать. Как ни восхваляет его Гельвеций, он был убежден, что ни одно из его произведений не дойдет до потомства; так он говорил наедине со мной, ибо он боялся — и не без основания — литературных распрей.

Стр. 69.— Эта похвала страстям справедлива. Но как автор не замечает, что, сочиняя ее, он кует оружие против самого себя? Могут ли воспитание или случайности сделать страстными людей, холодных от природы? Разве страсти не продукт темперамента, а темперамент не есть результат организации? Сколько бы вы ни проповедывали тому, кто не чувствует, это все равно, что раздувать потухшие уголья; если есть еще искорка, то вы сумеете раздуть пламя, но для этого необходимо, чтобы была первая искорка.

Все эти замечательные чудачества Гельвеция дали бы материал для отличной сцены Мольеру, своего рода *pendant* к сцене с пирронистом. «Без страсти нет потребностей, нет желаний; без потребностей и без желаний нет ума, нет разума», — так говорит Гельвеций. Но пусть же он разъяснит нам, каким образом воспитание или случайности могут создать подлинную страсть в человеке, которому природа отказала в этом. По-моему, это все равно, что утверждать, будто можно внушить евнуху бешеное желание женщин; между тем, скольких людей оскопила природа! У одних нет половых органов для одной вещи, у других для другой. Всякий должен совокупляться с соответствующей ему музой и единственной, с которой он чувствует себя самим собой и находит

себя; со всякими другими он окажется импотентным, и они получают от него только жалкие ласки.

Если послушать Гельвеция, то можно сказать, что достаточно пожелать, чтобы быть. Но как это далеко от истины!

Стр. 72.— *Женщины должны были бы проникнуться таким уважением к своей красоте и к своим ласкам, чтобы уделять их только мужчинам, отличившимся уже своей гениальностью, своим мужеством и своей добродетелью.*

Платоническая, совершенно противоречащая природе идея. Пусть женщины увенчивают старого героя, но пусть они спят с молодым человеком. Слава и удовольствие — две совершенно различные вещи.

Благодаря этому их ласки станут свидетельством поощрения талантов и добродетелей. — Отлично, но что станет с продолжением рода?

Если находят какое-нибудь средство воздавать людям почести, и если это средство противоречит природе, то всегда оказывается, что удалось лишь умножить возможности для бесчестия.

Желаете ли вы иметь множество бесчестных женщин? Воздавайте почести тем из них, которые кинутся в костер своих мужей. Мало вам их? Поставьте их честь в зависимость от целомудрия. Их все еще вам мало? В таком случае отдайте их природные склонности в жертву честолюбию, богатству и всем другим суетным вещам, чуждым половому органу, которому вы никогда не внушите другой склонности, кроме имеющейся у него от природы. У него свое назначение, как у глаза — свое, и законодатель, который заставил бы глаз, под угрозой бесчестия, глядеть только на некоторые важные предметы, был бы просто безумцем.

Как бы ни считать полезным отнятие у женщин права распоряжаться своим телом, чтобы сделать из него общественное достояние, это все же какая-то возмущающая меня тирания, это утонченный способ усиливать их и без того уже страшное порабощение. Пусть женщины

имеют право сказать какому-нибудь полководцу, судье или всякому другому знаменитому гражданину: «Да, вы великий человек, но вы не в моем вкусе. Отечество обязано вам воздать почести, но пусть оно не делает этого за мой счет. Вы говорите, что я свободна, и в то же время, требуя от меня отказа от собственных вкусов и чувств, вы заставляете меня исполнять отвратительнейшие функции последней из рабынь. У нас свои собственные антипатии, которых вы не знаете и не можете знать. Мы испытываем муки в те мгновения, которые вам способны доставить разве самую ничтожную неприятность. Вы располагаете, как вам угодно, своими органами; наши же, менее покорные, не всегда находятся в согласии с нашим сердцем, у них иногда свой особый выбор. Неужели вы желаете сжимать в своих объятиях только женщину, которую любите вы, неужели для вашего счастья не нужно, чтобы и она вас любила? Довольствуетесь ли вы своим собственным счастьем, и неужели вы будете настолько не деликатны, чтобы не думать о счастье другого существа? Как, потому только, что вы истребили врагов родины, мы обязаны раздеваться в вашем присутствии, мы обязаны допускать, чтобы ваш жадный взгляд любовался нашими прелестями, мы обязаны стать дополнением к жертвам, к быкам, тельцам, кровь которых оросит алтари богов в благодарность за вашу победу? Вам остается только запретить нам быть такими же пассивными, как они. Если вы — герой, то проявите чувства героя: откажитесь от награды, которую отечество не в праве дать вам, и не смотрите на нас, как на бесчувственный мрамор, который не издает жалобы под резцом ваятеля. Пусть закажут художнику вашу статую, но пусть мне не приказывают быть матерью ваших детей. Кто вам сказал, что я не сделала уже своего выбора? и почему нужно, чтобы день вашего торжества был запечатлен слезами двух несчастных? В вашем сердце кипел энтузиазм к родине, вы надели доспехи и отправились сразить нашего врага. Ожидайте же, чтобы тот же самый энтузиазм побудил меня сорвать самой свои одежды и побежать навстречу

вам, но не требуйте этого от меня. Когда вы шли в бой, вы подчинялись не закону, а своему благородному сердцу; да будет позволено и мне повиноваться своему сердцу. Неужели вы не устали силой навязывать нам добродетели, точно мы не способны иметь их сами? Неужели вы не устали придумывать для нас химерические обязанности, в которых мы видим лишь слишком много уважения или слишком много презрения? Слишком много презрения, если вы обращаетесь с нами, как с лавровой ветвью, которая безропотно дает сорвать себя и согнуть; слишком много уважения, если мы—прекраснейшая награда, на которую вы можете рассчитывать. Вы не добьетесь нашего уважения, если вы считаете, что лестно лишь то уважение, которое свободно. Но я умолкаю, краснея от необходимости говорить с защитником моей страны так, как я говорила бы со своим похитителем».

Разве кто-нибудь захотел бы обладать женщиной, осмелившейся выразиться таким образом? Но честно ли злоупотреблять ее молчанием и ее особой на том основании, что стыдливость закрывает ей уста?

Раздел II

Гельвеций продолжает в том же духе, именно, что все нормально организованные люди обладают одинаковыми умственными способностями.

Глава I

Стр. 82.— Если благодаря Локку известно, что люди обязаны своими представлениями органам чувств... то отсюда следует умозаключить, что умственное неравенство есть результат неодинаковой тонкости чувств людей.

Скажите: благодаря Аристотелю, который первый ясно высказал, что в уме нет ничего такого, чего не было бы раньше в ощущении²¹. Скажите: благодаря Гоббсу, который задолго до Локка в своем небольшом и замечатель-

ном *Трактате о человеческой природе* вывел из принципа Аристотеля почти все те следствия, которые можно было вывести из него²².

Стр. 83.— *Однако если бы противоположные опыты доказали, что умственное превосходство непропорционально большему или меньшему совершенству наших пяти чувств, то пришлось бы искать объяснения этого явления в какой-нибудь другой причине.*

Когда я вижу, что умный человек становится глупцом во время сильного припадка лихорадки и, обратно, что глупец рассуждает и говорит в бреду, как умный человек; когда я вижу, что человек теряет рассудок и здравый смысл под влиянием падения, под влиянием контузии головы, между тем как все другие его органы остаются в здоровом состоянии, то могу ли я не умозаключить на основании этого, что совершенство умственных операций зависит главным образом от состояния большого мозга или мозжечка, и могу ли я сомневаться в правильности этого умозаключения, когда, сравнивая человека в различные возрасты его жизни, я наблюдаю рост умственной деятельности параллельно развитию органов?

Стр. 84.— *Локк находит между умами меньше различия, чем это думают.*

Но меньшее различие не означает отсутствие различия, и я так же способен поверить тому, что можно придать животному, называемому *ленивцем*, проворство обезьяны или живость белки, как тому, что можно придать тяжелому на подъем человеку характер живого человека.

Я беру на себя смелость,— говорит Локк, *— утверждать, что на сотню людей больше девяноста суть те, что они суть,— т. е. хорошие или дурные, полезные или вредные обществу,— благодаря полученному ими воспитанию.*

Локк говорит: хорошие или дурные; он не говорит: умные или глупые.

Если бы доброта и злость настолько же зависели от организации, насколько зависят от нее гениальность и глупость, то их все же не следовало бы смешивать, подобно

тому, как мы не смешиваем внутренних склонностей с поступками. Объяснюсь.

Какой-нибудь злой от природы человек убедился, на основании опыта и размышления, в невыгодах власти; он остается злым, но делает добро.

Какой-нибудь наполовину глупый человек убедился, на основании опыта и размышлений, в выгодах ума; он хотел бы приобрести ум, но, что он ни делает для этого, он не может этого добиться: он мыслит, действует и говорит, как глупец.

Строгий отец заставляет своего сына сделать хорошее дело; но этот отец был бы диким зверем, если бы, схватив его за волосы и колотя его, требовал от него: «*Негодяй, поступай умно!*» Полицейский надзиратель имел бы право заключить его в тюрьму не за то, что он обращался скверно со своим ребенком, но за то, что он потребовал от него того, в чем ему отказала природа.

Квинтилиан говорит о врожденной и свойственной некоторым людям лениности ума²³, но как мог бы Квинтилиан распознать этот первичный порок организации и примирить его с мыслью о равной восприимчивости всех людей к воспитанию?

Он говорит, что тяжеловесные, неспособные к приобретению знаний умы встречаются в природе не чаще, чем чудовища. Сколько таких чудовищ! Квинтилиан высказал бы более правильное суждение, если бы он соединил глупцов с гениальными людьми и рассматривал бы и тех, и других как чудовища.

И затем еще одно соображение, от которого я не могу отказаться и применение которого я рекомендую всякому читателю в качестве очень тонкого и очень надежного принципа критики: в рассуждения и в писания даже самых умеренных и здравомыслящих людей всегда примешивается элемент профессионального преувеличения. Локк и Квинтилиан занимаются вопросами воспитания, и вот они убеждают самих себя, что все наши дети обладают одинаковой восприимчивостью к этому; если им удастся убедить в этом отцов, то у Локка будет больше читате-

лей, а у Квинтилиана больше учеников. Но что же получается в результате? То, что глупец выходит глупцом из школы Квинтилиана и что, несмотря на все прекрасные принципы Локка и на все заботы, я не сделал ничего путного из своего сына.

Лучшие ученики — это обыкновенно те, которые доставляют меньше всего хлопот учителю. Нередко дети, которыми меньше всего занимаются, являются лучшими воспитанниками.

Отчего зависят все эти явления? От неравной способности к образованию. А где источник этой неравной способности? В неблагодарных или благодарных природных задатках, в различии организации.

Я не утверждаю, что так бывает всегда, но для опровержения парадокса Гельвеция достаточно, чтобы это встречалось часто.

Я иду дальше: я предлагаю Гельвецию расспросить всех воспитателей Парижа, и если среди них найдется хоть один, придерживавшийся его взглядов, то я покорно умолкну.

Но если из своих детей можно сделать все, что угодно, почему же Гельвеций не сделал из своей старшей дочери того, что природа сделала из его младшей дочери? Он, очевидно, был слишком ослеплен своей системой, если мог выдерживать ежедневное доказательство ложности ее у себя дома.

Глава II

Стр. 88. — *Душа — это принцип жизни, к познанию и к природе которого нельзя подняться без помощи крыльев теологии.*

Но к чему поднимаешься при помощи этих чудесных крыльев летучей мыши? Ни к чему; будешь парить во мраке. Зачем портить книгу подобной низкой лестью? Потомство вас не поймет, а современные вам теологи не станут любить вас от этого больше.

Та же стр. — *Г. Робинз...* Если это автор книги *О природе*, изданной под его именем, то я слышал от

некоторых из наших философов, что он не признавал этого ²⁴.

Стр. 90. — *Человек обязан памяти своими представлениями и своим умом.*

А чему он обязан своей памятью, большой или малой, неблагодарной или верной, цепкой или мимолетней? Не знаем ли мы на основании опыта, что никогда не удавалось сообщить память детям, которые были лишены ее? Не знаем ли мы на основании опыта, что ничем люди так не отличаются между собой, как памятью? Вот, значит, для некоторых людей непреодолимое препятствие на поприще наук и искусства, а для всех людей огромное неравенство в природных способностях к приобретению идей и к образованию ума.

Даламбер прочитывает один раз доказательство какой-нибудь геометрической теоремы, и он уже знает его наизусть. А я и на десятый раз все еще бреду ощупью.

Даламбер никогда не забывает этого доказательства. А у меня через несколько дней с трудом остаются кое-какие следы его.

При прочих равных обстоятельствах могу ли я, занимаясь столько же времени, сколько Даламбер, успеть столько же, сколько он?

Если *память утрачивается или слабеет от удара, падения, болезни...* то разве ребенок не может родиться с органом памяти, искалеченным от природы, так, как это бывает от какой-нибудь несчастной случайности? Что скажете вы насчет этого ребенка? Припишите ли вы ему ту же самую способность к образованию, что и прочим детям?

Не находимся ли мы почти все в положении этого ребенка, если сравнить нас с г. де Гибером или г. де Виллуасоном? ²⁵ Не доказывают ли оба эти феномена, что существует особая организация памяти? И если я не получил от природы этой организации, то кто даст мне ее?

— Вы не нуждаетесь в этом, — скажете вы, — чтобы быть великим человеком.

— Возможно. Но в таком случае не ставьте в зависимость от памяти объем представлений и силу ума.

Глава V

Стр. 102.— *Утверждение школьных философов, что какой-нибудь модус, или форма существования, не есть тело или не имеет протяжения, вполне понятно. Но нет ничего нелепее, на мой взгляд, того, чтобы делать из этого модуса существо и даже духовное существо.*

Но они этого и не делают. Они не говорят, что мысль есть духовное существо, а говорят, что это есть модус, несовместимый с материей, что это — совершенно иная вещь, и умозакljučают на основании этого о существовании некоего духовного существа.

Я не утверждаю, что их система становится от этого более здоровой, но я считаю очень неудобным неправильно излагать ее. Прочтя это место, они могут сказать: «Посмотрите, как они нас понимают и как они нас опровергают».

Глава VI

Стр. 103.— *Чувствовать — это значит судить.*

Взятое в таком виде, это утверждение не кажется мне вполне правильным. Глупец чувствует, но, может быть, не судит. Существо, совершенно лишенное памяти, чувствует, но не судит; суждение предполагает сравнение двух представлений. Трудность заключается в том, чтобы понять, как происходит это сравнение, ибо оно предполагает одновременное наличие двух представлений. Гельвеций разрубил бы страшный узел, если бы он ясно растолковал нам, каким образом мы имеем одновременно налицо два представления или же каким образом, не имея их одновременно налицо, мы все же сравниваем их между собой.

Может быть, я находился в дурном настроении, когда я читал эту шестую главу, но вот мое впечатление о ней, которое я передаю таким, каково оно есть, хорошим или дурным. Из всей метафизики нашего автора вытекает, что суждение, или сравнение между собой двух предметов,

предполагает некоторый интерес к сравниванию их. По этот интерес вытекает необходимым образом из желания быть счастливым, желания, источником которого является физическая чувствительность. Вот умозаключение, для получения которого пришлось забраться очень далеко; оно подходит скорее к животному вообще, чем к человеку. Перейти внезапно от физической чувствительности, — т. е. от того, что я не растение, не камень или не металл, — к желанию счастья, от желания счастья к интересу, от интереса к вниманию, от внимания к сравнению представлений... я не могу удовольствоваться такими общими рассуждениями: я — человек, и мне нужны специфические для человека причины. Автор прибавляет к этому, что, поднимаясь на две ступеньки выше или спускаясь на ступеньку ниже, он переходит от физической чувствительности к организации, от организации к существованию. Например, я существую, я существую в этой форме; я чувствую, я сужу; я хочу быть счастливым, потому что я чувствую; у меня есть интерес сравнивать свои представления, потому что я хочу быть счастливым. Что за выгода для меня от цепи силлогизмов, которые одинаково подходят для собаки, для ласки, для устрицы, для дромадера? Если Жан-Жак отрицает этот силлогизм, то он неправ, но если он находит его легкомысленным, то он, может быть, прав.

Декарт сказал: «Я мыслю, следовательно, я существую».

Гельвеций хочет, чтобы говорили: «Я чувствую, следовательно, я хочу чувствовать приятным образом».

Я предпочитаю этому Гоббса, который утверждает, что для получения плодотворного вывода следовало бы сказать: «Я чувствую, я мыслю, я сужу, следовательно, известная часть организованной, как я, материи может чувствовать, мыслить и судить».

Действительно, если после этого первого шага делаешь другой, то оказываешься уже очень далеко.

Кто бы поверил, что после столь свободного и уверенного творчества последний из этих философов вдруг

поддался внушениям страха и закончил свое замечательное произведение *О человеческой природе* столь странными, суеверными, нелепыми фантазиями, что они вызывают не меньше негодования, чем изумления? ²⁶

Чувствовать — значит мыслить: не мыслишь, если не почувствовал... Неужели это — два настолько разных положения, что — считая первое данным — можно рассматривать второе, как какое-то замечательное открытие?

Если бы Гельвеций, исходя из одного явления физической чувствительности, — общего свойства материи или результата организации, — отчетливо вывел из него все умственные операции, то он сделал бы новое, трудное и прекрасное открытие.

Но еще больше я ценил бы того, кто либо доказал бы, при помощи опыта и наблюдения, что физическая чувствительность столь же свойственна, по существу, материи, как и непроницаемость, либо вывел бы ее безукоризненным образом из наличия определенной организации.

Я приглашаю всех физиков и всех химиков заняться исследованием того, что такое животная, чувствительная и живая субстанция.

Рассматривая развитие яйца и некоторые другие естественные явления, я ясно вижу, как инертная по видимости, но организованная материя переходит, при посредстве чисто физических агентов, от состояния инерции к состоянию чувствительности и жизни; но от меня ускользает необходимая связь всех звеньев этого перехода.

Надо думать, что наши представления о материи, организации, движении, теплоте, организованной материи, чувствительности и жизни еще очень несовершенны.

Надо признать, что организация или координация инертных частей не приводит вовсе к чувствительности, а предположение о всеобщей чувствительности молекул материи это только гипотеза, все достоинство которой заключается в том, что она освобождает от ряда трудностей. Но, чтобы философская система нас удовлетворяла, этого недостаточно. А теперь вернемся к нашему автору.

Верно ли, что физическое страдание и удовольствие — может быть, единственные принципы действия животного — являются также единственными принципами действий человека?

Без сомнения, нужно быть организованным, подобно нам, и чувствовать, чтобы действовать; но мне кажется, что это — существенные, первичные условия, это — данные *sine qua non*, а что непосредственные, ближайшие мотивы наших желаний и антипатий представляют нечто иное.

Без щелочи и без песка нет стекла; но разве эти элементы являются причиной прозрачности стекла?

Без наличия неводеланных земель и рабочих рук не поднимают новины; но разве этими мотивами руководствуется пахарь, когда он поднимает новь?

Принимать условия за причины — это значит идти на риск детских паралолизмов и совершенно негодных умозаключений.

Если бы я стал говорить: надо существовать, чтобы чувствовать, надо чувствовать, чтобы быть животным или человеком, надо быть животным или человеком, чтобы быть скупым, честолюбивым и ревнивым, — следовательно, принципами ревности, честолюбия, скупости являются организация, чувствительность, существование... — если бы я стал говорить это, то смогли ли бы вы удержаться от хохота? А почему? Потому что я принял бы условие всякого вообще животного действия за мотив действия индивида особой породы животных, называемой человеком.

Разумеется, все то, что я делаю, я делаю из желания чувствовать приятным образом или из страха чувствовать неприятным образом, но разве слово *чувствовать* имеет только одно значение?

Разве в обладании прекрасной женщиной заключается только физическое удовольствие? Разве в потере ее вследствие смерти или измены заключается только физическое страдание?

Разве различие между физическим и духовным не столь же четко, как различие между чувствующим животным и животным рассуждающим?

Разве то, что принадлежит чувствующему животному, и то, что принадлежит размышляющему животному, не встречаются, то вместе, то отдельно, почти во всех действиях, составляющих счастье или несчастье нашей жизни, счастье и несчастье, предполагающие, в качестве условия, физическое ощущение, т. е. предполагающие, что человек не есть капуста?

Все это показывает, как важно не делать двух вполне тождественных операций из *чувствования* и *суждения*.

Глава VII

Вот ее заглавие: *Физическая чувствительность есть единственная причина наших действий, наших мыслей, наших страстей, нашей общезжительности.*

Заметьте, что он не говорит о первичном, существенном условии—таком бесспорном, каким является непроницаемость для движения, но говорит о причине, единственной причине, что мне кажется почти столь же бесспорно ложным.

Стр. 108.—*Вот этот пахарь трудится для того, чтобы прокормить себя, чтобы одеться, чтобы принарядить свою жену или свою любовницу...*

Но кто может захотеть принарядить свою жену или свою любовницу, чувствующее животное или судящий человек? Когда украшаешь свою жену, то делаешь это для того, чтобы вызвать физическое удовольствие у других; но, чтобы испытать это удовольствие самому, когда любишь, это совершенно лишнее.

Стр. 109.—*Что заставляет нас любить даже салонные игры? Страх скуки.*

Но кому свойственна скука, животному или человеку? А что сказать о человеке, который играет для развлечения? Или о человеке, который играет потому, что он отличается искусством в игре?

Что заставляет нас любить крупную игру?

Леность, которая из всех средств по добыванию лучшего состояния выбирает самое рискованное, но самое

быстрое. Корыстолюбие, набрасывающееся на достояние другого человека, не обращая внимания на его отчаяние. Гордость и т. д. Что имеется животного и физического во всех этих различных мотивах?

Почему помогают тому, кто страдает? Потому что отождествляют себя с ним.

Но кому свойственно это добродетельное и возвышенное отождествление: физическому человеку или духовному человеку?

Никогда еще ни один мыслитель не высказал столько верных вещей и не сделал столько ложных выводов, не обнаружил так много ума и так мало логики. Надо быть совершенно ослепленным своими взглядами, чтобы утверждать, будто человек, помогающий нуждающемуся, имеет втайне мысль получить хороший ужин, хорошую кровать и поспать со своей соседкой.

Я прошу прощения у читателя. Я скажу грубую, непристойную вещь, я прибегну к выражениям, которыми пользуются на рынке, но которые более убедительны, чем тысяча рассуждений. И вот, господин Гельвеций, я спрашиваю: неужели все планы какого-нибудь великого короля, все труды великого министра или великого судьи, все размышления политика, гениального человека сводятся к тому, чтобы утром... а вечером...? И вы называете это размышлением о морали и познанием человека?

Неужели вы отрицаете хорошие дела, совершаемые тайком? И неужели вы их объясняете надеждой на случай, который раскроет их? Какова физическая цель этих поступков?

Какую цель ставит себе человек, жертвующий своей жизнью? Неужели Кодр и Деций собирались найти какое-нибудь физическое наслаждение в могиле в глубине пропасти? ²⁷

Преступник, идущий на место казни, испытывает, несомненно, физическое страдание, но разве только физическое? Неужели вы его не отличаете от страдания при ударах палки палача?

Угрызения совести—это просто предвидение физического страдания, на которое обрекло бы нас преступление, если бы его раскрыли.

Да, может быть, таковы угрызения совести злодеи. Но неужели вы не знаете другого вида угрызений совести?

Существуют чисто социальные удовольствия и страдания, которые приводят нас в восторг или в отчаяние и не имеют никакого отношения—ни явного ни скрытого—к физическим последствиям²⁸. Я готов часто предпочесть припадок подагры малейшему выражению презрения к себе.

Чтобы побеседовать с одним философом, которого я люблю, или поговорить еще более приятным образом с одной из окружающих его женщин, я должен пойти на улицу святой Анны²⁹. Но неужели я иду туда потому лишь, что обладаю ногами? Разумеется, эти два поступка можно, в конечном счете, свести к физической чувствительности, но последняя является условием, а не причиной, целью или мотивом.

Стр. 112.—Анализируйте чувство дружбы, и когда в конце концов, сказав его, вы сделаете из него лишь физическое удовольствие или страдание, то не удивляйтесь, если на вас станут смотреть, как на бессердечного человека или как на нелепого мыслителя.

Стр. 113.—Вы говорите мне еще о наслаждении, доставляемом прекрасной рабыней или прекрасной картиной, и каким образом говорите вы мне об этом? О наслаждении рабыней, как лакомка, пожирающий дичь; о прекрасной картине, как физик, рассматривающий солнечный спектр. Между тем, это—совершенно различные удовольствия.

Чтобы ласкать рабыню, чтобы восхищаться картиной, надо, разумеется, чувствовать, но точно так же надо и существовать.

Без любви к прекрасным рабыням и прекрасным картинам этот человек относился бы равнодушно к поискам любого сокровища.

Это ложно во всех отношениях.

Но если бы даже надежда наслаждаться завтра своей любовницей делала вас счастливым сегодня, то сводилось ли бы это счастье только к физическому удовольствию? Вы смешиваете удовольствие от ожидания с удовольствием от наслаждения, точно так, как вы смешивали наличное, актуальное страдание со страданием от предвидения. Что испытываете вы, когда умираете от голода? Слабость до обморока, сжатие в желудке, особенные и крайне неприятные ощущения в органах глотания. Что общего у этих ощущений с голодом, который вы предвидите, с вашим беспокойством, вашей тревогой, вашим отчаянием? Между ними так мало общего, и ваше внимание так направлено на угрожающее вам несчастье, что вы не испытываете никакого физического ощущения. Вы видите теперь перед собой не себя, а образ находящегося в агонии, слабеющего и умирающего в ужасных муках человека, отвратительный образ того, чем вы будете через день, через два дня, через три дня. Если бы вы увидели человека, умирающего от голода, то вы, не задумываясь, сказали бы, что этот человек умирает от голода; но если бы вы увидели человека, которому угрожает смерть от голода, то разве вы угадали бы это? Нисколько. Голод есть известная потребность; если эта потребность не удовлетворена, то она становится болезнью. Неужели вы решитесь сказать, что болезнь и страх заболеть одно и то же? Голод локализован в гортани, пищеводе, желудке, вдоль всего кишечного тракта; страх же голода, как всякого рода иной страх, в уме.

Во всем, что случается со мной, я вижу или надежду на какое-нибудь добро, или страх перед каким-нибудь злом.

Но становятся ли это добро и это зло физическими на том основании, что они предполагают физическую чувствительность?

Наш автор впадает в заблуждение иногда потому, что он слишком тонок, а иногда потому, что он недостаточно тонок.

Существует узкое, ограниченное счастье, которое остается во мне, не выходя за пределы моего я. Но существует экспансивное счастье, которое стремится к расширению, которое набрасывается на настоящее, охватывает будущее, которое питается духовными и физическими наслаждениями, реальностями и химерами, беспорядочно нагромождая друг на друга деньги, похвалы, картины, статуи и поцелуи.

Стр. 114.—Вы предполагаете «бесстрастного человека». Но бесстрастный, на ваш лад, человек — это какая-то мраморная глыба. Вы требуете, чтобы эта мраморная глыба мыслила и не чувствовала, что нелепо в двояком отношении: мраморная глыба неспособна мыслить, и она так же неспособна мыслить, не чувствуя, как чувствовать, не мысля. Что же вы понимаете под словом *бесстрастный*?

Недоступный никакому физическому страданию.

— Отлично, но что же вы заключаете отсюда? Что он не будет испытывать ни удовольствия, ни страдания? Я это отрицаю. Если он найдет удовольствие в том, чтобы мыслить или расширять свои познания, то он станет мыслить. Если он не найдет удовольствия в том, чтобы мыслить, то он останется тупым.

— Но если он останется тупым, то потому, что, не имея никакого интереса развивать ту способность, которой я наделил его, он не будет развивать ее.

— И вы думаете, что у него не окажется интереса любознательности?

— Я думаю это.

— И вы думаете, что ничего не делают ради самого себя?

— Я думаю так.

— И вы думаете, что не существует вовсе никакого сосредоточенного тщеславия?

— Я думаю так.

— Что, хотя это химерическое существо совершенно отлично от меня, оно будет пренебрегать моей похвалой,

особенно если оно знает всю силу моего ума и всю обширность моих познаний?

— Несомненно, так.

— И что когда Ньютон боролся с Лейбницем³⁰, то в основе этого лежало соперничество из-за физических наслаждений?

— Они хотели добиться моего уважения,—я готов это признать,—и, следовательно, они хотели всех выгод, вытекающих из него.

— Они хотели отличных вин?

— Почему же нет?

— Прекрасных женщин?

— Почему же нет?

— Мой друг, вы бредите.

Та же стр.—Ваше сравнение власти с чеком очаровательно. Но чек этот выплачивается одному человеку деньгами, другому—гуриями, третьему—репутацией или какими-нибудь побрякушками. Скажите мне, Гельвеций, или спросим лучше у Тома³¹, который так считается с общественным мнением, что, если бы оно было раскаленным железом, он не поколебался бы схватить его зубами,—спросим у него, отказался ли бы он от лаврового венка Гомера или Вергилия, если бы условием этого поставили, чтобы он всю свою жизнь ходил в нищенской одежде, жил на маленьком чердаке под крышей, имел все в обрез, одним словом, чтобы он был абсолютно лишен всех чувственных угодий жизни, всех удовлетворений, связанных с честолюбием, богатством, сладострастием? Если Тома ответит отрицательно, то я—хотя и не так жаден до литературной славы—я принимаю и этот жребий, и это условие; ради одного этого наслаждения я принимаю бесстрастие ко всем другим наслаждениям. Я мыслю, я пишу *Илиаду* словно мраморными пальцами, и, когда я прохожу, вы восклицаете: «Вот она, та замечательная глыба, которая написала *Илиаду*»... и я чувствую себя удовлетворенным.

Позвольте мне высказать другое предположение, несколько более здоровое, чем делаемое вами. Вы—король,

вы обязаны своим венцом и жизнью одному герою, вашему подданному. Вы человек благодарный, но ваш благодетель наслаждается покоем, здоровьем, богатством и мудростью: он имеет или презирает все то физическое счастье, которое могло бы доставить ему ваше могущество. Неужели вы не можете сделать ничего для счастья этого человека?

— Конечно, ничего.

— Вы заблуждаетесь.

— Что же я могу сделать?

— Статую.

— А зачем же эта статуя?

— Увы, для того, чтобы вернуть ему наслаждение всем тем, чем он обладает.

— Но что же, он безумец?

— Не слишком.

— Но, значит, он не обладает мудростью?

— Но что до того, обладает ли он или не обладает мудростью? Он имел все то, что вы считаете мотивом всех наших поступков, единственной целью всех наших желаний. А его сердце, точно дитя, кричало: «Статую, статую мне! Я хочу статую!.. Ленту мне, я хочу ленту!»

«— Но, глупое дитя, лишь только ты получишь ленту, как ты потеряешь покой и здоровье.

«— Я постараюсь вернуть и то, и другое.

«— Тебе будут завидовать.

«— Лучше быть предметом зависти, чем сострадания.

«— Ты будешь вынужден делать расходы, превышающие твое состояние.

«— Я разорюсь.

«— Разорившись, ты лишишься всех удовольствий жизни.

«— Нет никаких удовольствий без ленты; ленту, я хочу ленту!

«— Но, вот, прочти эту книгу, и ты убедишься, что к ленте стремятся лишь для того, чтобы приобрести то, что ты потеряешь.

«— Эта книга замечательна, я готов верить этому, и не читая ее. Но автор не знает того, что он говорит. Ленту, ленту, я хочу ленту!..»

— Вот история девятнадцати двадцатых людей. А вы, собираясь написать историю человечества, вы написали лишь свою собственную историю. И так как женщина была вашей лентой, то вы предположили, что это лента всех прочих людей. *Trahit sua quemque voluptas**.

Стр. 115.—Повсюду, где не существует почестей, устанавливающих различие между гражданами, повсюду, где неизвестна литературная слава, надо заменить эту монету другой монетой. У народа, состоящего из евнухов, женщина не могла бы быть наградой за прекрасный поступок. Но ведь это доказывает как раз обратное тому, что вы утверждаете.

Стр. 116.—*Чтобы солдат шел на приступ, необходимо, чтобы даваемое ему эку представляло или пинту водки, или ночь маркитантки.*

Это не всегда верно. Есть солдаты, которые отказались бы принять эку, представляющее только пинту водки или ночь маркитантки. Доказательством может служить тот солдат, который во время знаменитой осады Лилля, так хорошо защищаемого Буфлером, пошел на смерть, как десять других солдат до него, и который, когда ему предложили сто луи, обещанных тому, кто принесет сведения о ходе осадных работ, ответил: *«Капитан, возьмите обратно свои сто луи, этого не делают ради денег»*. Человек, взор которого устремлен к чести, не видит ничего за нею. Тот, кому дали Бризеиду в награду за испытанные им опасности, не подвергнется им для того, чтобы получить Бризеиду. Ахилл, чего хочешь ты: Бризеиду ли без битвы или победы без Бризеиды? Тот, кто Ахилл, ответит на это: я хочу сражаться, хочу победить.

* Желания выдают человека.

Глава VIII

Стр. 118.—Гельвецкий и другие авторы переводят изречение Гоббса «*Malus est robustus puer*»: сильный ребенок—злой ребенок, что не всегда верно; но всегда верно, что злой—это сильный ребенок, и я лично перевожу таким образом фразу Гоббса.

Стр. 121.—*Угодно вам одурачить людей? Достаточно для этого преувеличить силу чувства и дружбы.*

Несомненно, иногда исходят из этого скрытого мотива, но разве всегда исходят из него? Разве это единственный мотив у людей? Разве не случается, что бываешь одурачен своим собственным сердцем? Разве нельзя считать себя лучшим, чем являешься на деле? Разве редки энтузиасты, одаренные могучим воображением и с полной искренностью рассказывающие о созданных их головою призраках? Они говорят о них, как пугливые люди говорят о привидениях; они видели их такими, какими они их изображают; это не ложь и не политика, это—заблуждение.

Глава X

Стр. 127.—*Удовольствие и страдание являются единственными принципами человеческих поступков и будут всегда таковыми.*

Я готов согласиться с этим. Книга Гельвеция изобилует множеством афоризмов и наблюдений, относительно которых я тоже скажу: я готов согласиться с ними. Но, добавлю, я отрицаю выводы. Вы допускаете лишь физические удовольствия и страдания, а я испытал другие удовольствия и страдания. Вы сводите эти последние к физической чувствительности, как к причине их, а я утверждаю, что она есть лишь отдаленное, существенное и первичное условие. Я вам противоречу,—следовательно, я существую. Отлично. Но я вам противоречу, потому что я существую,—это утверждение неверно, точно так, как неверно следующее умозаключение: чтобы застрелить

человека, нужно иметь пистолет; следовательно, я стрелял в этого человека, потому что я имею пистолет.

Стр. 128.—*Среди ученых имеются, говорят, такие, которые живут, уединившись, вдали от света; как же доказать, что и у этих ученых любовь к науке основывается на любви к физическим удовольствиям, в особенности на любви к женщинам? Как примирить такие непримиримые вещи?*³²

Но дело-то в том, что их нельзя вовсе примирить. Вы выдвигаете против себя возражение, на которое нельзя дать ответа; однако вы отвечаете на него; удачно ли?—это другой вопрос. Какая бесполезная трата ума!

Оставьте все эти тонкости, которыми не сможет обмануть себя умный человек, и поверьте, что когда двадцатилетний Лейбниц запирается в комнату и проводит тридцать лет в домашнем халате, углубившись в тайны геометрии или затерявшись в дебрях метафизики, то он думает о том, чтобы получить какой-нибудь пост, спать с женщиной или заполнить золотом старый сундук, не с большим интересом, чем если бы это были последние минуты его жизни. Лейбниц—это машина для размышлений, точно так, как чулочно-вязальный станок—это машина для навивки нитей; это—существо, находящее удовольствие в размышлении; это мудрец или безумец,—назовите его как вам угодно,—который весьма ценит похвалу своих ближних, который любит шум славы так, как скупец—звон экую; у которого тоже свой пробный камень и свои чувствительные весы для похвалы, как у скупца для золота, и который стремится сделать великое открытие, чтобы составить себе великое имя, чтобы затмить его блеском—единственной и последней целью его желаний—блеск имени своих соперников.

Перед вами носится всегда образ актрисы Госсен, а перед ним образ Ньютона.

Вот счастье, которого он жаждет и которым он наслаждается.

— Так как он счастлив, скажете вы, то он любит женщин.

— Я не знаю этого.

— Так как он любит женщин, то он пользуется единственным находящимся в его обладании средством, чтобы получить их.

— Если это так, пойдите к нему, предложите ему самых красивых женщин для наслаждения, под условием, чтоб он отказался от решения этой проблемы. Вы увидите, что он не захочет этого.

— Он стремится к почету.

— Предложите ему место первого министра, если он согласится бросить в огонь свой трактат о *предустановленной гармонии*. Вы увидите, что он не пойдет на это.

А вы, сожгли ли бы вы книгу, *Об уме* или же разбираемый мною теперь *Трактат о человеке*, чтобы наслаждаться госпожей Гельвеций? Сделали бы вы это, вы, родившийся сластолюбом, вы, который погубили бы ее счастье и свое собственное счастье, если бы вы пережили только на шесть месяцев появление вашего сочинения? Я совершенно не верю этому.

— Он корыстолюбив, у него безумная жажда золота.

— Взломайте его дверь, войдите в его кабинет с пистолетом в руке и скажите ему: «Или твой кошелек, или твое открытие *исчисления флюксий...*»—и вы увидите, что он с улыбкой передаст вам ключ от своей кассы. Мало того, попытайтесь соблазнить его богатством, предложив его в обмен на его научные работы, и вы увидите, что он с презрением отвернется от вас. Предположим, что вы сделали то открытие, которое он отказывается уступить вам, и что в порыве благородства вы решили уступить ему честь этого открытия, лишь бы он, сжегши свою библиотеку, решился проводить свою жизнь в богатстве, в удовольствиях, в наслаждении всеми теми физическими благами, к которым, как вы утверждаете, он бессознательно стремится столь мучительным и нелепым образом. Вы ничего не добьетесь от него: заставить его пойти на такую перемену—это все равно, что превратить сову в дневную птицу или орла в ночную птицу.

Дело в том, что от внимания нашего автора ускользнул один принцип, согласно которому разум человека— это орудие, соответствующее всему разнообразию животного инстинкта. Наш автор не заметил, что человек имеет сходство со всеми породами животных и что так же, как и всякое животное, невозможно извлечь человека из его класса, не искажая того и другого и не потратив массы труда лишь для того, чтобы сделать из них двух глупых зверей. Я охотно признаю, что человек комбинирует представления так, как рыба плавает, а птица летает, но каждый человек, под влиянием своей организации, своего характера, своего темперамента, своих природных способностей, предпочитает комбинировать такие-то представления, а не какие-нибудь другие. Случай и еще более житейские обстоятельства располагают нами по своему произволу; кто знает это лучше, чем я? Ведь именно поэтому я в течение почти тридцати лет работал, вопреки своим желанием, над *Энциклопедией* и написал только две театральные пьесы³³. Ведь именно поэтому талантливые люди не находят себе настоящего применения, и общество переполнено несчастными или посредственными людьми, так что тот, кто мог бы быть великим артистом, оказывается жалким профессором Сорбонны или бездарным юрисконсультom. Вот какова настоящая картина жизни, совершенно не похожая на те софистические гипотезы, в которых много остроумия, но совершенно нет правды, масса очаровательных подробностей и нелепых выводов и в которых портрет автора принимается всегда за портрет человека вообще.

Что означают все эти утверждения Гельвеция? Что он родился сластолюбцем и что, вращаясь в свете, он часто сталкивался с эгоистами и с мошенниками.

А что можно вывести из сказанного мною? Что не всегда любишь славу, богатство и почести в качестве монеты для оплаты чувственных удовольствий. Наш автор готов это признать по отношению к старикам. Но неужели какой-нибудь молодой человек с нормальной орга-

низацией не может иметь от природы склонности к порокам и добродетелям пожилого возраста?

Сколько есть детей, которые, как говорит пословица, состоят из дерева, служащего для изготовления бандур, т. е. которые годны для всего и неспособны ни на что!

Скупость—это порок стариков, но есть и скупые дети. Я знал двух братьев, совсем маленьких детей; один из них любил раздавать все свои вещи, а другой все их прятал; оба ежедневно выслушивали—впрочем, без всякого результата для себя—противоположные выговоры своих родителей; старший остался расточителем, а младший—скупцом.

У князя Голицына двое детей—отличный, кроткий, наивный мальчик и хитрая, лукавая девочка, идущая всегда окольными путями к своим целям. Их мать в отчаянии от этого. Чего только она не уделала, чтобы привить своей дочери большую откровенность, и, однако, она ничего не добилась. Чем объяснить это различие между двумя детьми четырехлетнего возраста, которых одинаково воспитывали и о которых одинаково заботились их родители? Исправится ли Мими или не исправится, но никогда ее брат Димитрий не сумеет лавировать так, как она, посреди придворных интриг³⁴. Уроки воспитателя не имеют никакой цены по сравнению с уроками природы.

Гельвеций, не нуждаясь совершенно ни в богатстве, ни в чувственных удовольствиях, составляет и выпускает в свет свое первое произведение. Известно, каким он подвергся из-за этого преследованиям. В разгаре жестокой и длившейся долго бури он воскликнул: «Я скорее умру, чем напишу хоть еще одну строчку». Я выслушал его и сказал ему: «Стоя однажды у своего окна, я вдруг услышал сильный шум на расположенной недалеко крыше. Через секунду на улицу падают два кота. Один из них убится на месте, другой с разбитым животом, с расцарапанными лапками и окровавленной мордочкой потащился к лестнице, где начал с собой следующий

разговор: «Я лучше умру, чем полезу когда-нибудь снова на крышу. Чего мне искать там? Мыши, не стоящей лакомого куска, который я могу или получить без всякой опасности из рук моей хозяйки, или украсть у ее повара? кошки, которая сумеет навестить меня в сарае, если я соглашусь подождать ее там или сумею пригласить ее туда?..» Я не знаю, куда завели его эти философские рассуждения, но в то время, как он предавался этим мудрым размышлениям, боль от падения рассеялась, он стал ощупывать себя, поднялся, положил две лапки на первые ступени лестницы—и вот мой кот снова на той же самой крыше, с которой он упал и куда он не собирался никогда больше лезть. Животное, созданное для прогулок по крышам, будет прогуливаться по ним».

Гельвеций, не нуждаясь совершенно ни в богатстве, ни в почестях, ни в каких чувственных удовольствиях, имея во всяком случае средства легко добиться их, пишет вторую книгу и взбирается на ту же самую крышу, второе падение с которой было бы гораздо более пагубным, чем первое. *Te ipsum concute*; анализируйте других людей,—это отлично, но не забывайте изучить и самого себя. Какую цель преследовали вы, когда писали работу, которая должна была появиться лишь после вашей смерти? Какую цель преследуют другие бесчисленные анонимные авторы? Откуда у человека это непобедимое желание совершить известный поступок в тот момент, когда он становится опасным? Что вы скажете о многочисленных философах, наших современниках и наших друзьях, которые критикуют так смело духовенство и королей? Они не могут назвать себя; они не могут искать ни славы, ни прибыли, ни чувственного удовольствия; где та женщина, с которой они желают спать, тот пост, которого жаждет их честолюбие, то богатство, которое станет их уделом? Я лично знаю—да и вы сами знаете—некоторых из них, пользующихся всеми этими благами, которые они презирают, потому что они не доставляют им удовлетворения, и которые они потеряли бы при ма-

лейшей нескромности их друзей, при малейшем подозрении судьи. Неужели можно, не злоупотребляя словами, свести, в конечном счете, к чувственным удовольствиям этот благородный энтузиазм, побуждающий их рисковать своей свободой, своим богатством, даже своей честью и жизнью? Они возмущены нашими предрассудками; они скорбят по поводу заблуждений, составляющих мучение нашей жизни; из глубины мрака, в котором мы копошимся, тираняя друг друга, мы слышим их голоса, призывающие нас к лучшей участи; таким способом они удовлетворяют свою потребность в размышлении и дают проявиться склонности, полученной от природы и возвращенной воспитанием, дают проявиться доброте своего сердца, уставшего безропотно страдать от бедствий, терзающих так жестоко и так давно несчастное человечество. Они хотят отомстить за человечество; да, они отомстят за него; они это говорят самим себе, и я не знаю, какова цель их стремлений, если не считать ею эту опасную честь.

Я согласен с вами: они льстят себе мыслью, что когда-нибудь назовут их имена и что память о них будет вечно чтиться человечеством. Пусть так, но что общего между этим героическим тщеславием и физической чувствительностью и выводимой вами из нее отвратительной наградой?

— Они заранее наслаждаются сладкой мелодией этого отдаленного грядущего концерта голосов, прославляющих их, и сердце их трепещет от радости.

— Далее?

— А разве этот трепет сердца не предполагает физической чувствительности?

— Да, точно так, как он предполагает существование сердца, которое трепещет. Но разве условие, без которого не может существовать какая-либо вещь, является мотивом ее? Всегда, всегда тот же самый софизм.

Мой друг, ваше судно дало течь повсюду, и я легко мог бы потопить его, указав, например, на некоторых людей, которые подвергались бесчестью и которые мол-

чаливо терпели его в течение долгих лет, живя надеждой посрамить когда-нибудь своих несправедливых сограждан выполнением некоторых общепользных планов, обдумывавшихся ими втайне. Они могли умереть, не отомстив за себя; прежде чем отомстить за себя, они дожили до глубокой старости.

Что общего между безрассудным героизмом некоторых религиозных людей и земными благами? Ведь дело для них идет не о том, чтобы спать с какой-нибудь красивой женщиной, упиваться чудесными винами, погружаться в поток чувственных удовольствий: они лишают себя этого здесь на земле и не рассчитывают на это в царствии небесном. Дело не идет также о стремлении к богатству: они раздают все свое достояние и убедили себя, что богачу труднее спастись, чем верблюду пройти через игольное ушко. Они не стремятся также к важным постам: первым принципом их морали является презрение к мимолетным, развращающим человека почестям. Эти факты следует объяснить. Когда устанавливаешь какой-нибудь общий закон, то он должен охватить все решительно явления,—как акты мудрости, так и безрассудства безумия.

Несмотря на мою критику недостатков вашей книги, не думайте, что я ее презираю. В ней сотня прекрасных, чудесных страниц; в ней масса тонких и правдивых наблюдений, и я мог бы исправить все то, что раздражает меня в ней, одним росчерком пера.

Вместо того, чтобы утверждать, будто воспитание, и одну лишь воспитание, делает людей тем, что они суть, скажите только, что вы *готовы поверить этому*.

Скажите, что *часто* целью наших работ, наших жертв, наших усилий, наших удовольствий, наших пороков, наших добродетелей, наших страстей, наших вкусов, жажды славы и общественного уважения является чувственное наслаждение,—и никто не станет противоречить вам.

Скажите, что различие в организации, в жидких и

твердых элементах организма, в климате, в пище имеет *меньше влияния* на способности, чем это обыкновенно думают, и мы согласимся с вами.

Скажите, что законы, нравы, правительства являются *главными причинами* различий, представляемых народами, и что если этого общественного воспитания недостаточно для уравниения отдельных индивидов, то оно все же уравнивает между собой большие массы людей, и мы преклоним голову перед опытом веков, свидетельствующим о том, что Демосфен, который уже не воскреснет в Греции, может объявиться когда-нибудь или в странах ледяного пояса, или под жгучим небом тропиков.

Ваши рассуждения не так строго логичны, как они могли бы быть. Вы слишком обобщаете ваши умозаключения, но тем не менее вы великий моралист, очень тонкий наблюдатель человеческой природы, великий мыслитель, отличный писатель и даже замечательный гений. Постарайтесь, пожалуйста, удовольствоваться признанием этих достоинств, а ваши друзья пусть удовольствуются этой похвалой.

Между вами и Руссо следующая разница: у Руссо ложные принципы и верны выводы, у вас верны принципы и ложны выводы. Ученики Руссо, преувеличивая его принципы, будут безумцами, а ваши, умеряя ваши выводы, будут мудрецами.

Вы искренни, когда берете в руки перо; Руссо искренен лишь тогда, когда бросает его: он—первая жертва своих собственных софизмов.

Руссо считает человека добрым от природы, а вы считаете его дурным.

Руссо думает, что общество способно только испортить естественного человека; а вы полагаете, что только хорошие общественные законы могут исправить первоначальную испорченность природы.

Руссо воображает, что все к лучшему в лесах и к худшему в городах; вы же думаете, что все довольно скверно в городах, но хуже всего в лесах.

Руссо пишет против театра и сочиняет комедию; про-

поведует возврат к дикому человеку, не поддающемуся воспитанию, и в то же время составляет трактат о воспитании³⁵. Его философия,—если признать за ним такую,—состоит из локутов и кусков; ваша же философия—единое целое. Может быть, я предпочел бы быть им, а не вами. Но я предпочел бы написать ваши произведения, а не его.

Если бы я обладал его красноречием и вашей проницательностью, то я был бы выше вас обоих.

Глава XI

Здесь автор, расставшись с парадоксом, будто желанья и антипатии сводятся в конечном счете к стремлению добиться чувственных удовольствий и избежать физических страданий, возвращается к парадоксу о неравенстве дарований.

Стр. 131.— *Люди, обладающие необычайной памятью, становятся эрудитами, а люди, предающиеся размышлению, гениальными людьми.*

Второе утверждение ложно. Существуют люди, которым можно сказать: «Размышляй, размышляй, сколько тебе угодно, ты все равно ничего не найдешь. Стучись хоть до завтра, тебе не ответят, никого нет дома...» Что касается первого утверждения, то оно говорит о результате определенной организации. Заставьте вот этого человека стать эрудитом, а вот того, другого, заставьте размышлять, и вы получите жалкого мыслителя и ординарного эрудита: один не откроет ничего, а другой потеряет природный дар.

Стр. 133.— *Пусть какой-нибудь француз проведет несколько лет в Лондоне и Флоренции, и он вскоре будет владеть английским и итальянским языками.*

Это противоречит опыту, хотя причины этого неясны. Из всех европейских народов французы обнаруживают наименьшую способность к усвоению живых иностранных языков.

Следовательно, природа наделяет нас большей памятью, чем это требуется для открытия величайших истин.

Я не знаю этого.

Существует лишь одно реальное и замечательное различие между памятьями: это—обширность их...

А стойкость? Мне кажется, что те, кто легко запоминают, так же легко и забывают, а те, которые запоминают с трудом, удерживают в памяти надолго.

Глава XII

Стр. 134.—*Существует пять чувств.*

Да. Вот пять свидетелей, но где же судья или докладчик?

Существует особенный орган—мозг, которому эти пять свидетелей делают свой доклад. Этот орган вполне заслужил особого рассмотрения.

Существуют двоякого рода тупицы: одни таковы из-за недостаточного развития чувств, другие же, обладающие отличными чувствами, из-за дурной организации мозга. Здесь именно я ожидаю анализа нашего автора, который до сих пор все время принимал орудие, необходимое для выполнения работы, за мотив, движущий работником, и который неумоимо повторял одно и то же: чтобы пилить, необходима пила, и который не видел, что люди пилят вовсе не потому, что у них есть пила.

Чтобы быть оратором, эрудитом, поэтом, философом, надо чувствовать; но оттого, что чувствуешь, не становишься поэтом, философом, оратором, эрудитом. Чтобы желать удовольствий и наслаждаться ими, чтобы предвидеть страдания и избегать их, необходима физическая чувствительность. Но чтобы знать страдания и избегать их, чтобы желать удовольствий и наслаждаться ими,— для этого имеется всегда известный мотив, сводящийся к чему-то иному, чем физическая чувствительность, которая, будучи основой желаний и нежеланий вообще, не может быть основанием ни для какого частного желания

или нежелания. Физическая чувствительность почти одинакова у всех людей, между тем как у каждого человека—свое особенное счастье.

Та же стр.—*Не у всех одни и те же уши, однако в концерте, когда раздаются известные мотивы, все музыканты, все танцоры оперы и все солдаты какого-нибудь батальона начинают двигаться в такт.*

Во-первых, это неверно. Но если бы даже это и было верно, то значит ли это, что у всех одинаковые способности к музыкальному искусству, на всех действует одинаково музыка и всех можно сделать одинаково музыкантами?

На основании внешних признаков нельзя сделать никаких убедительных выводов. Какой-нибудь человек чувствует слабо, но кажется находящимся в восторге; другой же человек испытывает глубокое чувство, а кажется холодным и неподвижным.

С Гельвецием приключилось то же самое, что с искаателями квадратуры круга или философского камня: основной своей проблемы он не решил, но попутно он наткнулся на несколько ценных истин. Его книга как бы соткана из них. Благодаря ей люди не станут равными; но благодаря ей человеческая природа будет лучше познана. Воспитание не сможет дать нам того, в чем нам отказала природа, но мы не сможем больше полагаться на этот ресурс. От этого все наши желания, все наши привязанности не превратятся в чувственные наслаждения, но глубина пещеры будет лучше освещена. Произведение Гельвеция будет всегда полезно и занятно.

Та же стр.—Если между людьми, обладающими совершеннейшей организацией, так мало умных людей, то это потому, что ум не есть результат тонкости чувств в сочетании с хорошим воспитанием: он представляет еще нечто иное, чего не дают ни отлично развитые чувства, ни воспитание.

Стр. 135.—*Гениальные женщины редки.*

— Согласен.

— Они дурно воспитаны.

— Очень дурно... Но разве их деликатная органи-

зация, их подверженность периодической болезни, беременности, родам разрешают им то усиленное и непрерывное размышление, которое вы считаете творческим и которому вы приписываете всякое важное открытие? Первые шаги они делают быстрее мужчин, но они скорее устают и скорее останавливаются. Чем меньшего мы ждем от них, тем легче нас удовлетворить. Чтобы прославиться, женщинам и вельможам не требуется многого: ведь они окружены только льстецами.

Немногочисленные гениальные женщины являются исключением, а не правилом.

Та же стр.—*[Как ни вопрошать опыт, он отвечает всегда, что большее или меньшее превосходство детей не зависит от большего или меньшего совершенства чувств.]*

Нельзя рассматривать чувства по отношению к общему результату их действия, не рассматривая соответственного органа—головы. Если оторвать в этом сравнении один из членов от другого, то неизбежно получится ошибка. Другое дело, если рассматривать в отдельности каждое из этих чувств по отношению к его предмету.

При прочих равных условиях человек, у которого приглушенное небо, не будет таким же хорошим поваром, как человек с тонким небом.

Близорукий человек будет худшим астрономом, худшим художником, худшим скульптором, худшим ценителем картин, чем человек, обладающий отличным зрением.

Если у вашего ребенка отсутствует обоняние, то он умрет от голода в лавке парфюмера.

Если у него слабо развито осязание, то он никогда не сумеет ровно обточить часовой цилиндрик, и Ромильн³⁶ отошлет его вам домой.

Если у него затвердевшая барабанная перепонка, если он туг на ухо или обладает неверным слухом, то какое удовольствие может он получить, какого совершенства может достигнуть в искусстве подражать природе при помощи звука? Он будет зевать в Опере.

Другой случай представляет человек, у которого все

пять чувств находятся в отличном состоянии, но голова плохо организована: свидетели здесь правдивы, но судья испорчен. Этот человек непременно будет глупцом.

Стр. 137.—Как, господин Гельвеций, выбор молока имеет значение в детстве, а выбор пищи не имеет никакого значения в зрелом возрасте!

Разница в градусах широты не имеет никакого влияния на духовные способности.

Я не думаю этого хотя бы потому, что всякая причина имеет свое действие и что всякая постоянная причина—как бы мала она ни была—производит с течением времени значительное действие. Если она способна образовывать национальный дух или характер, то это уже много, особенно в вопросе о культивировании изящных искусств, где разница между хорошим и отличным не толще волоса.

Эти общие рассуждения о небе, климате, временах года, пище слишком неопределенны, чтобы иметь решающее значение в столь тонком вопросе.

Можно ли поверить, что для жителей какой-нибудь страны, для их способа питаться, одеваться, заниматься, чувствовать, мыслить—безразлично, сыра ли эта страна или суха, покрыта ли лесами или обнажена, бесплодна или гориста, представляет ли она равнину или болотиста, погружена ли она во мрак восемнадцатичасовой ночи и погребена под снегами в течение шести месяцев?

Парижские торговцы расскажут вам, какой ветер дует в Италии.

Те, кого страстный интерес к естественной истории увлек под тропики, быстро теряют там свой энтузиазм и становятся недейтельными и ленивыми.

Жаркие дни угнетают нас; мы неспособны тогда работать и размышлять.

Если климат и пища влияют на тело, то они неизбежно влияют и на чувства.

Почему наши молодые художники, проведя после возвращения из Италии каких-нибудь несколько лет в Париже, начинают рисовать в серых красках?

Нет почти ни одного человека в какой бы то ни было

стране, на настроении которого не отражалось бы более или менее облачное или ясное состояние атмосферы.

Если ясность неба сообщает веселость, а облачность — печаль, то это должно более или менее сказаться на характере и произведениях людей.

Не будем приписывать слишком много значения этим причинам, но не будем также сводить их на-нет.

Климат, разумеется, влияет на правительство, но правительство влияет гораздо более решительным образом на духовный склад людей. Я готов признать это, однако невозможно допустить, чтобы при наличии одного и того же правительства духовный склад людей был одинаков в различных климатах.

Горные растения сухи, крепки и сильны; растущие же на равнине мягки, сочны и слабы.

Обитатели гор сухи, мускулисты и мужественны; обитатели равнин жирны, трусливы и мягки, — это относится и к людям, и к животным.

Обитатели гор приобретают астму, обитатели равнин гибнут от водянки.

Как! мы готовы признать, что местность оказывает огромное влияние на весь организм, и в то же время мы станем отрицать влияние ее на душу, которая является только частью организма, и на ум, который является только одним из свойств души, и на умственное творчество всякого рода!

В каких странах можно встретить кретинизм? В странах зобатых людей, где людей с шеями без зоба называют *«журавлиными шеями»*; вот как судят о шеях, когда пьют плохую воду.

Очень трудно высказывать дельные мысли в области метафизики и морали, не будучи анатомом, натуралистом, физиологом и врачом.

Стр. 137. — *Самые умные отцы порождают часто одних только глупых детей.*

По этому поводу мне пришло в голову одно соображение, которое я высказываю здесь, не особенно настаивая на нем: об умственном сходстве можно сказать то же,

что о телесном сходстве, в котором наблюдаются, при передаче по наследству, скачки. Может быть, прапрадед этого умного человека был гениальным человеком.

Затем я скажу нашему автору: но ведь эти глупые дети, происшедшие от умных родителей, хорошо организованы. Не утверждайте же, что они родились глупыми, но продолжайте твердо настаивать на том, что они были бы так же умны, как их отец, если бы они получили то же самое воспитание и если бы этому воспитанию содействовали те же самые случайности. В этом месте вы сказали правду, но это несогласно с вашей системой, — что всегда случается по оплошности с людьми, защищающими парадоксы. Чтобы поймать их на противоречиях, достаточно дать им вволю высказаться.

Та же стр.—*Существуют гениальные люди всякого роста, всякого телосложения.*

Неужели вы думаете, что существует много гениальных людей с головой наподобие сахарной головы, с приплюснутой головой, с узким черепом, потухшим взором? Разве большие и глупые глаза не бывают обыкновенно у глупых людей? А раскрытые рты, а отвислые челюсти и т. д.?

Умный человек имеет иногда вид глупца, но гораздо реже глупец имеет вид умного человека. А если и ошибаешься, то лишь в том смысле, что глупый человек оказывается гораздо глупее, чем ты об этом думаешь.

Отсюда я делаю то заключение, что все эти утверждения рискованы и что для признания или отрицания их мы нуждаемся в очень тонких наблюдениях, которые не были никогда произведены и которые, может быть, никогда не будут произведены. Где тот анатом, который догадался сравнить внутренность головы глупца с внутренностью головы умного человека? Разве головы не имеют своих внутренних физиономий? И если бы опытный анатом знал эти внутренние физиономии, то не сказали ли бы они ему всего того, что говорят внешние физиономии — говорят ему и другим лицам с такой определенностью, что, по их уверениям, они никогда в этом не ошибались?

Если бы наш автор был несколько более внимателен, то он заподозрил бы, что, комбинируя элементы, составляющие умного человека, он забыл один из них, может быть, важнейший, и его подозрение не было бы неосновательным.

Какой же это элемент?—Мозг.

Один хорошо известный факт должен был бы заставить его изменить все свои утверждения, именно тот факт, что благодаря рахиту, ненормально увеличивающему объем головы, ум у детей созревает преждевременно.

Стр. 138.—*Но предположим, что человек обладает каким-нибудь необычайно тонким чувством. Что получится от этого?*

Я отвечу вам на это: он дойдет до состояния животного. Он перестанет быть существом, совершенствующимся во всех отношениях, а станет лишь созерцающим существом. Объяснюсь.

Почему человек способен совершенствоваться, а животное нет?

Животное не способно на это, потому что над его разумом,—если оно только обладает им,—властвует какое-нибудь деспотическое чувство, безусловно покоряющее его себе. Вся душа собаки—в кончике ее носа, и она всегда вынюхивает что-нибудь. Вся душа орла в его глазу, и орел всегда высматривает. Вся душа крота в его ухе, и он всегда прислушивается.

Совершенно иное дело человек. Между его чувствами царит такая гармония, что ни одно из них не господствует над другими и не предписывает законов его интеллекту. Наоборот, господивом является его интеллект, его орган разума. Это судья, которого не может ни подкупить, ни подчинить себе ни один из свидетелей; он сохраняет весь свой авторитет и пользуется им, чтобы совершенствоваться; он комбинирует всякого рода представления и ощущения, потому что не ощущает ничего слишком сильно.

Человек, у которого слух чрезмерно преобладал бы над другими чувствами, дал бы им ровно столько про-

стора, сколько это требовалось бы продолжением вида и сохранением индивида; в остальном же он был бы как крот, который чутко отзывается на малейший шум: он был бы слушающим, постоянно слушающим существом.

Отсюда следует, что гениальный человек и животное в известном смысле соприкасаются между собой, потому что у них обоих имеется некоторый преобладающий орган, принудительно заставляющий их заниматься одним только делом, которое они выполняют в совершенстве.

Если развить этот принцип дальше, то он сможет объяснить нам, каким образом молодая ласточка, никогда не вившая гнезда, справляется с этим так же хорошо, как и ее мать; каким образом лисенок, не видевший никогда цыпленка, забирается в птичий двор с таким же искусством, как и его отец. Но здесь не место излагать мою собственную философию; я занимаюсь разбором философии другого.

Та же стр.—*Эти постоянно бесплодные ощущения должны сохранить то же самое взаимное отношение.*

Возможно, что так. Но так как чувства оповещают друг друга, то отношение ощущений преобладающего органа будет неизбежно изменяться вместе с другими. Сколько вещей сможет рассказать нам этот человек! Сколько он сообщит нам фактов для проверки! Сколько фактов он проверит сам при помощи опытов, результат которых он сможет всегда возвестить! На сколько слов он обогатит язык! Заметьте, что наблюдения, сделанные его чудесным глазом, никогда не смогут реально противоречить наблюдениям, сделанным обыкновенными глазами. Предположите, что у какого-нибудь человека было бы такое острое зрение, что он различал бы частицы воздуха, огня и воды; право, этот человек был бы бесполезен для нас. Я готов точно так же утверждать, что если бы ему сообщили какое-нибудь лишнее чувство, то оно не послужило бы ни к чему, ни для него самого, ни для других.

Та же стр.—*Какое-нибудь ощущение есть только лишний факт.*

Какое-нибудь случайное ощущение есть только лишний факт, но ощущение, получившееся благодаря чудесному, крайне утонченному органу, это огромная масса фактов, это соединение телескопа и микроскопа. Разве микроскоп обогатил физику только одним фактом?

Какой-нибудь факт не прибавляет ничего к умственным способностям людей.

Как можно говорить 'это после утверждений, что воспитание, что случай создает гениальных людей! Разве среди всех возможных случайностей наблюдение того или иного факта не представляет наиболее счастливой случайности?

Есть факты, которым наука и искусство обязаны своим зарождением, а есть другие факты, которым они обязаны своими успехами.

Гельвеций высказывает противоположные утверждения, в зависимости от того, что ему нужно.

Та же стр.—*Такой человек пришел бы к результатам, которых нельзя было бы сообщить другим людям.*

Но почему? Если мы не в состоянии притти к его результатам при помощи речи, то разве мы не можем притти к ним при помощи воспитания и опыта? Но мало того: то, что он заметил бы, касалось бы длины, ширины, глубины, твердости и прочих физических качеств, по поводу которых он смог бы свободно объясняться с нами. Другое дело—разница между усовершенствованным чувством и новым чувством. «Так как человек, обладающий усовершенствованным чувством, разговаривал бы с нами только об известных нам качествах, то его всегда можно было бы понять, а так как человек, обладатель нового чувства, разговаривал бы, наоборот, о неизвестных качествах, то его никогда нельзя было бы понять».

Мы все чувствуем различно и все говорим одинаково.

Вообще люди понимают истины, заключающиеся в творениях Локков и Ньютонов, но что это доказывает? Что все вообще способны были открыть их? Я отрицаю это.

Стр. 139.—Собственно говоря, ощущения одного ка-

кого-нибудь человека непередаваемы другому человеку, потому что они различны. Если знаки речи у людей одинаковы, то из-за недостатка слов.

Допустим, что бог дал бы внезапно каждому индивиду язык, во всех отношениях адекватный его ощущениям. В этом случае люди перестали бы понимать друг друга. Между языком Петра и языком Ивана не было бы ни одного общего слова за исключением, может быть, таких слов, как *существовать*, *быть* и нескольких других, обозначающих столь простые качества, что определение их невозможно. Далее сюда можно отнести всю математику.

Стр. 140.—*Если существуют эпохи, когда великие люди появляются вдруг в каком-нибудь государстве, подобно редким птицам заносимым к нам бурями, то пусть не приписывают появление их какой-нибудь физической причине.*

Я согласен с этим. Но пусть не забывают, что то, что почти верно при сравнении одного народа с другим, совершенно ложно в применении к тому же самому обществу и при сравнении одного индивида с другим. Нет такого народа ни в полярных странах, ни под экватором, который не мог бы дать Гомеров, Вергилиев, Демосфенов, Цицеронов, великих законодателей, великих полководцев, великих судей, великих художников; но подобные люди редки повсюду, независимо от формы правления. Было бы нелепо приписывать образование их случаю и воспитанию; не менее нелепо было бы утверждать, будто можно сделать из всякого нормально организованного человека Платона или Монтескье. Что касается вопроса о разнообразии климатов, то я готов думать, что духовные способности похожи на известные плоды, которые хороши повсюду, но отличны в какой-нибудь определенной стране.

Та же стр.—*Станут ли утверждать, что творения великих людей имеют своим источником пыл молодежи?*

Нет, но утверждают, и правильно, что они не могут

быть плодом старости. У молодости слишком много творческого вдохновения и мало рассудительности; у старости мало и творческого вдохновения, и рассудительности. Одно или два редких исключения не доказывают ровно ничего.

Стр. 141. — *Шестидесятилетний Вольтер — это не тридцатилетний Вольтер, однако они одинаково талантливы.*

Если это так, то попросите Вольтера дать нам теперь что-нибудь, что можно было бы сравнить с *Брутом* или *Магометом*, ибо если шестидесятилетний Вольтер таков же, как тридцатилетний Вольтер, то почему же восьмидесятидвух- или трехлетний Вольтер не может быть тем же, что шестидесятилетний? Корнель, автор *Пертриты*, был ли Корнелем — автором *Горацийев* или *Цинны*?

Та же стр. [*Если два человека, не будучи вполне тождественными, могут прыгать на одинаковую высоту, бегать с одинаковой скоростью, стрелять с одинаковой меткостью, играть в мяч с одинаковым искусством, то, следовательно, два человека, не будучи в точности одними и теми же, могут обладать одинаковым умом.*]

Я никогда не видел двух человек, которые прыгали бы одинаково высоко, бегали бы с одинаковой скоростью, стреляли бы с одинаковой меткостью, играли бы в мяч с одинаковым искусством, и точно так же я никогда не видал двух людей, которые обладали бы одинаковым умом, ибо это невозможно.

— Следовательно, вы могли бы указать разницу между ними?

— Не всегда. Но я часто мог бы ее почувствовать, а если бы я и не мог ни указать ее, ни почувствовать, то все же она существовала бы, и нашелся бы человек с более тонким чутьем, который заметил бы ее.

Та же стр. — *Адвокат выигрывает или проигрывает ежегодно одно и то же число дел; врач сводит в могилу или вылечивает одно и то же число боль-*

ных; гений творит одно и то же число произведений.

Первые два сравнения крайне неудачны, а последнее мог сделать либо недобросовестный человек, либо человек, который не знает, что такое гениальность, и не имеет ни капельки ее. В первых двух сравнениях Гельвеций смешивает талант с профессиональной деятельностью. Случается, что в течение одного года какой-нибудь адвокат проигрывает все защищаемые им дела, а в течение следующего года выигрывает их все. То же самое можно сказать о враче. Что касается гениального человека, то он так мало властен над собою, что сам не знает, что именно он сделает; в академии просто губят людей с этим даром, заставляя их заниматься методической работой. Но я оставляю этот вопрос, который мог бы завести меня слишком далеко.

Стр. 142.— *Совершенство внешней организации заставляет предполагать совершенство внутренней организации.*

Т. е. мы должны думать, что красивый человек всегда умен, что красивая женщина всегда умная женщина. Как можно доходить до столь нелепых утверждений?

Та же стр.— *Объяснения явления неравенства умов следует искать в какой-то не известной еще причине.*

Что это значит? Оказывается, существует неравенство умов? И это неравенство имеет свою причину?

— Да, именно случай и воспитание.

— В таком случае эта причина не неизвестна.

Глава XIII

Стр. 145.— *Если бы малайцы,—говорит г. Пуавр³⁷,—были ближе к Китаю, то эта империя вскоре была бы завоевана.*

Охотно верю этому.

И форма правления его стала бы иной.

Я это отрицаю. Никогда еще не задавали себе вопроса, почему, несмотря на вторжения в Китай, китай-

ские законы и нравы сохранились в целости. Вот объяснение этого. Достаточно кучки людей, чтобы завоевать Китай, но, чтобы изменить его, необходимы миллионы их. Допустим, что шестьдесят тысяч человек завладели этим государством; что станется здесь с ними? Они рассеются между шестьюдесятью миллионами, представляя тысячу человек завоевателей на миллион туземцев. Но можно ли поверить, что тысяча человек способна изменить законы, нравы, обычаи, привычки миллиона людей? Победитель вынужден сообразоваться с побежденным, который захлестывает его своей многочисленностью: это ручеек пресной воды, теряющийся в море соленой воды, это капля воды, попадающая в бочку со спиртом. Длительное существование китайского государственного строя есть неизбежный результат не его положительных качеств, но чрезмерной населенности Китая. И, пока будет существовать эта причина, хозяева государства смогут меняться без всякого изменения государственного устройства: татары станут китайцами, китайцы же не станут татарами. Я знаю только одну причину, которая способна произвести потрясение в национальном строе и законодательстве, именно религиозное рвение фанатика-победителя, ибо это религиозное рвение способно на самые необычайные вещи, как, например, истребить в одну ночь несколько миллионов инаковерующих. Ни у одного народа новая религия не вводится без того, чтобы не произошла революция в законодательстве и нравах. Запугайте Китай от этого события, поручитесь мне, что наследники какого-нибудь императора не разделят между собой этой обширной страны, и тогда вы можете не бояться ни за рост населения, ни за сохранение его нравов.

Стр. 148.— *Почему дилетанты почти никогда не могут сравняться с знатоками дела? Почему преимущества организации не возмещают недостатка внимания?*

Потому, что среди учеников часто тот, кто трудится больше всех, успевает меньше всего и что все приле-

жание первого не может заменить отсутствия природных способностей.

Потому, что во всех делах надо прибавить к счастливым природным качествам упорную и продолжительную работу, чего не хватает дилетантам.

Глава XIV

Стр. 148.— *Люди могут, несомненно, испытывать в присутствии одних и тех же предметов различные ощущения; но следует ли отсюда, что они могут заметить различные отношения между этими самыми предметами?*³⁸

Повидимому, я не понимаю смысла этого вопроса, ибо, насколько он представляется мне, он не допускает отрицательного ответа автора.

Что такое ум, остроумие, пронизательность, как не способность замечать в какой-нибудь вещи или в нескольких вещах, на которые толпа смотрела уже сотни раз, свойства и отношения, которых никто не заметил? Что такое удачное, новое и пикантное сравнение, что такое смелая метафора, оригинальное выражение, как не выражение некоторых особенных отношений между известными вещами, которые сближают между собой и на которые заставляют нас смотреть с некоторой новой стороны?

Не все люди видят все свойства вещей. Никто не чувствует и не замечает их абсолютно одинаково. Весьма немногие улавливают все те стороны, благодаря которым можно установить между ними точки соприкосновения. Еще гораздо меньше людей, способных выразить точно, четко, интересно как свойства изученной ими вещи, так и замеченные ими между различными вещами отношения.

Стр. 149.— *Удар причиняет боль двум существам в отношении 2 : 1; двойной удар произведет двойную боль у обоих, т. е. в отношении 4 : 2 или 2 : 1.*

Сколько неточностей и рискованных утверждений в этой фразе!

Кто вам сказал, что можно применить какие-то постоянные отношения к удовольствию и страданию?

Какой-нибудь рассказ вызывает у двух людей выражение удовольствия. Продолжение рассказа удваивает впечатление у обоих, и вот, однако, Иван заливается смехом, а Петр чувствует себя скверно. Удовольствие превратилось в страдание, количество, бывшее положительным, стало отрицательным.

Простой удар заставляет их обоих кричать; двойной удар заставляет одного кричать громче, а другого убивает.

Нет, сударь, нет, предметы не действуют на нас в постоянном и одинаковом отношении; в этом именно и заключается различие между крепкими и слабыми людьми: один теряет голову и находится в обморочном состоянии, в то время как другой едва-едва взволнован.

Нельзя увеличивать по произволу ни удовольствия, ни страдания. Удовольствие, доведенное до высшей степени, превращается в страдание. Крайнее страдание влечет за собой потерю сознания, бред, потерю чувствительности и смерть.

Та же стр.— *Единственные аффекты, влияние которых на умы можно заметить, это аффекты, зависящие от воспитания и предрассудков.*

Вряд ли можно, думаю я, сказать что-нибудь более нелепое.

Как, неужели только воспитание и предрассудки делают женщин вообще пугливыми и малодушными, а не сознание своей слабости, сознание, которое обще им со всеми слабыми животными, то самое сознание, которое одного обращает в бегство при малейшем звуке, а другого заставляет остановиться горделиво при виде опасности и врага!

Все эти страницы могут произвести впечатление лишь на поверхностного человека, способного плениться какой-нибудь остроумной антитезой.

Стр. 151.— *Если я сохраняю в своей памяти лишь воспоминание о снегах, льдинах, бурях севера, о пы-*

лающих лавах Везувия или Этны, то какую картину могу я нарисовать на основании этого материала? Картину, изображающую горы, которые защищают вход в сады Армиды... Следовательно, тип наших представлений и наших образов не зависит от природы нашего ума, одинаковой у всех людей, а от рода предметов, запечатленных случаем в нашей памяти, и от нашего интереса к комбинированию их.

И это зависит от этой единственной причины! Но из десятка тысяч людей, которые слышали рев Везувия, которые чувствовали, как дрожит под их ногами земля, и которые спаслись от потока пылающей лавы, вырвавшейся из разверстых боков горы,—из десятка тысяч людей, тронутых смеющимися картинами весны, едва-едва один сумеет дать возвышенное описание этого, ибо возвышенное — безразлично, в живописи ли, в поэзии, в красноречии — имеет своим источником вовсе не точное описание явлений, а испытанную от них гением эмоцию, искусство, с которым он сообщит мне трепет своей души, сравнения, которыми он для этого воспользуется, выбор выражений, гармонию, которой он поразит мой слух, представление и чувства, которые он сумеет пробудить во мне. Существует, может быть, довольно много людей, способных изобразить какой-нибудь предмет в качестве натуралиста, историка, но совсем иное дело поэтическое изображение его. Одним словом, я хотел бы узнать, каким образом интерес, воспитание, случай придают теплоту холодному человеку, творческое вдохновение — методическому уму, воображение — человеку, лишенному его. Чем больше я думаю об этом, тем больше меня смущает парадокс нашего автора. Если художник не получил от природы вдохновения, то самое лучшее воспитание способно лишь научить его более или менее удачно подделываться под вдохновение. Этим объясняется такое множество бездарных подражателей Пиндара³⁹ и всех других оригинальных авторов. Почему подлинно оригинальные произведения порождали всегда лишь скверные копии?

Но вы, господин Гельвеций, вы, употребляющий так часто слово *оригинальный*, могли ли бы вы мне объяснить значение его? Если вы мне скажете, что воспитание или случайное стечение обстоятельств создают оригинального человека, то я не смогу удержаться от смеха.

По-моему, *оригинальный человек* — это странное существо, вполне обязанное своему характеру особым способом видеть, чувствовать и выражаться. Все произведения оригинального человека настолько носят личную печать его творчества, что если бы он не родился, то можно было бы почти утверждать, что то, что он сделал, не было бы никогда сделано.

Но в этом смысле, скажете вы, все люди оригинальны, потому что найдется ли человек, способный сделать с точностью то, что делает другой человек?

Вы правы, но вам не пришлось бы выдвинуть это возражение, если бы вы не прервали меня, ибо я собирался прибавить к этому, что характер оригинального человека должен резко отличаться от характера прочих людей, так что мы не могли бы найти для него почти никакой сходной модели ни в прошлом, ни в настоящем. Так, Колле⁴⁰ оригинален в своих стихах и песенках; Рабле оригинален в своем *Пантагрюэле*⁴¹; Патлен — в своем *Фаусе*⁴²; Аристофан — в своих *Облаках*⁴³; Шарлеваль — в своей *Беседе отца Канне с маршалом Окенкуром*⁴⁴; Мольер — почти во всех своих комедиях, но особенно, может быть, в наиболее забавных, ибо оригинальное далеко не всегда означает прекрасное. Почти нет ничего прекрасного, для чего не было бы образца в прошлом. Разве Шекспир оригинален в возвышенных местах своих произведений? Ничуть. Он оригинален в необычной, непонятной, неподражаемой смеси из вещей, свидетельствующих об утонченнейшем вкусе, и вещей, свидетельствующих о самом дурном вкусе, но особенно, может быть, в странности последних. Дело в том, что возвышенное само по себе — осмелюсь сказать это — не оригинально. Оно становится оригинальным лишь в силу особого своеобразия, делающего его как бы личным до-

стоянием автора, так что можно сказать: это — возвышенное такого-то автора. Так, например: «Умереть!» — это возвышенное у Корнеля. «Ты уж не будешь спать!» — это возвышенное у Шекспира. «Как я ни мою эти руки, я вижу на них кровь», — этот стих принадлежит мне, но то, что возвышенно в нем, принадлежит английскому автору.

Но я занимаюсь довольно долго разрешением ваших софизмов. Благоволите заняться на минутку разрешением моих сомнений.

Вы знали актрису Риккобони⁴⁵, — ведь это была ваша подруга. Она была лучше воспитана, была умнее, остроумнее и обладала большим вкусом, чем вся итальянская труппа, вместе взятая. Она уходила после спектакля всегда разбитой. Она проводила дни и ночи, изучая свои роли. Все то, что я говорю здесь, я слышал от нее самой. Она занималась сама, она брала уроки, прислушивалась к советам своих друзей и лучших актеров. Но она никогда не могла подняться над уровнем посредственности. Скажите мне, почему? Потому что у нее не хватало природной способности к декламации. Может быть, вы скажете: она начала слишком поздно? Но она родилась за кулисами и прогуливалась на помочах по подмосткам. Что у нее не было горячего интереса к этому? Но она краснела перед своим любовником, а ее любовник краснел за нее, и она запрещала ему ходить на представления, а он боялся идти туда. Что она не работала достаточно много? Невозможно было работать больше, чем она. Что она не размышляла над принципами своего искусства или не знала их? Никто не знал их основательнее, не изучил их глубже, не говорил о них лучше, чем она. Что ей не хватало внешних качеств? Она не была ни красива, ни безобразна, но сотням других актрис прощается их безобразие из-за их таланта. Тембр ее голоса был приятен, но если бы он даже и не был таким, то при помощи естественности, правдивости, теплоты, задушевности она приучила бы нас к нему. Между тем она не была лишена ни души, ни чувстви-

тельности. Разумеется, она, как и все прочие актеры, испытывала влияние всяких посторонних причин, которые развивают или заглушают талант, с той лишь разницей, что она обладала одним преимуществом, которого лишены другие, именно, что она была дочерью всеми любимого актера. Оставьте, Гельвеций, все эти тонкости, которые неспособны удовлетворить ни вас, ни меня. Объясните мне толком это явление. Она была ежедневно окружена всеми теми счастливыми случайностями, которым вы приписываете такое огромное значение. В особенности не забывайте того, что зрители, встречавшие аплодисментами отца, только и желали того, чтобы иметь возможность встречать таким же образом дочь; но ничто не помогло, она была слишком плохой актрисой, как это и утверждала она сама.

Следовательно, не всякий индивид способен ко всему, он даже не способен быть хорошим актером, если природа противится этому.

Риккобони была обижена природой. Это говорили в Париже, и это сказали бы также в Лондоне, в Мадриде, повсюду, где она играла бы столь же скверно. Неужели вы, так любящий щеголять пословицами, станете утверждать, что те поговорки, где характеризуются недостатки организации и скупость природы по отношению к человеку, лишены смысла?

Я вам покажу сейчас на собственном примере нечто, аналогичное случаю Риккобони. Я был молод и был влюблен, очень влюблен. Я жил с компанией провансальцев, которые плясали всю ночь напролет и которые всю ночь напролет приглашали на танцы предмет моего поклонения и обнимали его на моих глазах. Прибавьте к этому, что я был ревнив. И вот я решился научиться танцевать. Я начал тайком брать уроки танцев, для чего мне приходилось тащиться с улицы Лагарп на конец улицы Монмартр. Я занимался очень долго с учителем, но под конец с досады бросил его, ничему не научившись. Я обращался к нему во второй раз, в третий раз, и бросал его с таким же огорчением и с таким же не-

значительным успехом. Чего нехватало мне, чтобы стать замечательным танцором? Слуха? У меня был отличный слух. Легкости? Я далеко не был тяжелым. Интерес к танцам? Нельзя было пылать более горячим интересом к ним. Чего же мне нехватало? Мягкости, гибкости, грации, которые не приобретаются.

Потратив так много времени и так бесплодно, чтобы научиться танцевать, я научился весьма недурно владеть оружием. Это далось мне без труда и было сделано без всякого побуждения, кроме желанья развлечься.

Глава XV

Стр. 151.—*Что такое ум сам по себе? Способность замечать сходства и различия, одинаковые и неодинаковые стороны у различных предметов.*

— Прирождена ли эта способность или приобретена?

— Она природжена.

— Одинакова ли она у всех людей?

— Одинакова у всех нормально организованных людей.

— А каков лежащий в основе ее принцип?

— Физическая чувствительность.

— А что можно сказать о чувствительности?

— То же, что о способности, результаты которой изменяются лишь под влиянием воспитания, случайностей и интереса.

— А организация, — если только она не чудовищно извращена, — не играет здесь никакой роли?

— Никакой.

— Какая разница, по-вашему, между человеком и животным?

— Разница в организации.

— Так что, если вы удлините уши какого-нибудь доктора Сорбонны, покроете его шерстью и устелете его ноздри густой слизистой оболочкой, то вместо того, чтобы выслеживать еретиков, он станет гоняться за зайцами, словом, станет собакой?

— Собакой!

— Да, собакой. А если вы укоротите нос собаки...

— Я догадываюсь об остальном... разумеется, это будет доктор Сорбонны, который бросит зайцев и куропаток и станет преследовать еретиков.

— Одинаково ли хороши все собаки?

— Разумеется, нет.

— Как, значит, есть такие собаки, из которых ничего путного не могут сделать ни воспитание со стороны ловчего, ни наказания, ни случайности?

— Точно так.

— И вы не замечаете всех ваших противоречий?

— Каких противоречий?

— Вы видите в организации источник различия между двумя крайними звеньями животной цепи, между человеком и животным; вы пользуетесь этой же самой причиной, чтобы объяснить разницу между различными собаками, и отвергаете ее, когда дело идет об объяснении различий по уму, остроумию и проницательности между разными людьми.

— Ах, человек, человек...

— Ну, так что, человек?..

— Каково бы ни было различие между чувствами одного индивида и чувствами другого индивида, это не имеет никакого значения.

— Допустим это. Но если нужно высказаться насчет способности одного человека к известным вещам и способности другого человека к этим же самым вещам, неужели приходится считаться только с руками, ногами, с носом, глазами, ушами и чувством осязания?

— А с чем еще? Ведь это единственные органы ощущения.

— Но разве зрительное ощущение ограничивается только глазом? Разве глаз говорит да и нет? Разве слуховое ощущение ограничивается только ухом? Разве ухо говорит да и нет? Допустим, что человек свелся бы к одному только живому глазу или живому уху; сумел ли бы он судить, мыслить, рассуждать, как цельный человек?

— Но мы ничего не знаем относительно того органа, который вы считаете судьей, произносящим утвердительные и отрицательные суждения.

— Возможно, что он еще недостаточно изучен; возможно даже, что и дальнейшее изучение не принесет нам особенно много сведений насчет него. Но что же вытекает из этого? Утверждение, будто его здоровое или болезненное состояние, будто та или иная его организация не имеют никакого влияния на умственные операции, противоречит тысячекратному опыту, и вы никого в этом не убедите.

— Но погодите, вернемтесь-ка обратно. Обладает ли памятью тот человек, которого вы свели к одному только живому глазу?

— Я допускаю, что он обладает памятью.

— Если он обладает памятью, то он станет сравнивать ощущения, он станет рассуждать.

— Да, так, как рассуждает собака, или и того меньше. Я могу сказать то же самое о каждом из прочих чувств. И в таком случае у Гельвеция человек сведется к соединению пяти крайне несовершенных животных.

— Все не так. Эти животные начнут совершенствоваться под влиянием общего интереса, диктуемого заботой о самосохранении, под влиянием совместной жизни.

— Но в чем же заключается связь, соединяющая это общество? Как сумеет глаз столкнуться с ухом, ухо с носом, нос с небом, небо с осязанием? Где находится необходимый для этого посредник?

— Во всем животном.

— Например, в его ногах? Но можно отрезать человеку ноги, и он не станет от этого животным. За исключением головы, у человека нет ни одного члена, ампутация которого нанесла бы хоть какой-нибудь вред здравости его суждений. Как вы думаете: человек, лишенный головы, обладает умом?

— Нет.

А как вы думаете: человек, у которого большие глаза, может хорошо видеть?

— Нет.

— Почему же вы думаете, что строение головы несколько не влияет на разум человека?

— Потому что существуют гениальные люди с низким лбом, с высоким лбом, с большой головой, с малой головой, с длинной головдой, с круглой головой.

— Возможно; только все это очень общие и очень грубые формы. Однако я готов признать это. Но скажите мне, что ответили бы вы человеку, который предложил бы вам высказаться насчет достоинств какой-нибудь книги только на основании переплета ее?

— Я сказал бы, что он дурак.

— Отлично. А что потребовали бы вы от него, чтобы иметь возможность высказать свое суждение о ней?

— Раскрыть ее и прочесть из нее хоть несколько страниц. Но если бы мне даже раскрыли головы людей, я в них не сумел бы ничего прочесть.

— Но как могли вы рассчитывать прочесть в них что-нибудь? Буквы, которыми написана эта живая книга, еще не известны вам, и, может быть, они никогда не будут известны. Но, тем не менее, в ней отмечены, комбинированы, сравнены, сличены между собой показания наших пяти свидетелей. Я мог бы продолжить еще дальше это сравнение и извлечь из него множество интересных выводов, но сказанного достаточно, — и, может быть, даже с избытком, — чтобы показать вам, что вы забыли изучить орган, без которого состояние других органов — как бы оно ни было совершенно — не имеет никакого значения, — орган, от которого зависят поразительные различия между людьми с точки зрения их способностей к умственным операциям.

Не говорите мне больше о случайностях: для ограниченных умов, для узких голов не существует счастливых, плодотворных случайностей.

Не говорите мне больше об интересе: нельзя вызвать живого интереса у апатичных голов.

Не говорите мне больше о непрерывном, усиленном внимании: слабые головы неспособны на него.

Не говорите мне больше о физической чувствительности, ибо это качество характеризует животное вообще, а не специально человека.

Не говорите мне больше, будто чувственные удовольствия являются принципом действий всего человеческого рода, между тем как они являются лишь мотивом действий сладострастного человека, и перестаньте принимать первичные, существенные и отдаленные условия за непосредственные, ближайшие причины, портя нелепыми умозаключениями превосходные наблюдения.

Не думайте, что я шучу. Если бы не было у всех ощущений общего соотносителя и судьи, если бы не было органа, который сохраняет в памяти все, что случается с нами, то у каждого чувства, может быть, было бы мгновенное сознание своего существования, но, наверное, не существовало бы сознания всего животного или человека в целом.

Стр. 152.— *Не все люди испытывают одни и те же ощущения, но все ощущают предметы в одинаковой всегда пропорции.*

Отлично, это будут инструменты, настроенные на терцию, на кварту или на квинту. Хотя аккорд у них одинаковый, но издаваемые звуки будут более или менее глухими, более или менее высокими. Вот, по-моему, довольно серьезный источник различий, зависящих от организации.

Но помимо физической чувствительности, общей всем частям животного, существует еще другого рода чувствительность, обладающая особенной энергией, общая всем животным и присущая одному определенному органу. Я не касаюсь здесь того вопроса, не является ли эта чувствительность второго рода по существу той же первой чувствительностью, только бесконечно более утонченной в этом месте, чем в других частях организма, или же это какое-то особенное качество. Я имею в виду чувствительность диафрагмы, той тонкой и крепкой перепонки, которая разделяет внутренность организма на две

полости. Диафрагма есть седалище всех наших страданий и всех наших удовольствий; ее колебания или судорожные сжатия — различной силы у разных существ; ею характеризуются малодушные люди или мужественные. Вы доставили бы огромное удовольствие медицинскому факультету и облагодетельствовали бы его, — равно как облагодетельствовали бы весь человеческий род, — если бы вы могли нам сообщить, каким образом придать ей энергию, когда она лишена ее, и каким образом отнять у нее энергию, если у нее избыток последней. Только с годами научаешься несколько владеть ею, как и владеть головой. Благодаря различной организации диафрагмы, в то время, как я утопаю в восторге и восхищении, когда у меня текут слезы, другой человек говорит мне: «Я не чувствую этого, это меня не трогает...», а третий отпускает очень забавную шутку. Голова делает людей мудрыми, диафрагма делает их сострадательными и нравственными. Вы решительно ничего не сказали об обоих этих органах, а между тем вы воображаете, что обзрели всего человека. Человек, у которого очень подвижная диафрагма, ищет или избегает трагических сцен, потому что они могут подействовать слишком сильно на него, и у него после спектакля, как мы выражаемся, сжимается сердце. Человек, у которого этот орган негибок и тверд, не ищет и не избегает подобных сцен; они не оказывают никакого действия на него. Вы можете сделать из этого человека или уголовного следователя, или палача, или мясника, или хирурга, или врача.

Как, вы ничего не знаете о двух великих пружинах человеческой машины: о той из них, благодаря которой люди бывают умными или глупыми, и о другой, благодаря которой люди делятся на два класса, — мягкосердечных и жестокосердых, — и вы беретесь написать трактат о человеке?

Я, кажется, просил вас объяснить, как придать активности человеку с тяжелой головой. Теперь я прошу вас объяснить мне, как внушить чувствительность человеку жестокосердому.

Но вас ничто не останавливает. Вы будете утверждать, что так как люди, несмотря на наличие этих двух различных качеств, вообще нормально организованы, то они все же способны ко всякого рода функциям.

Как, господин Гельвеций, нет никакого различия между творчеством человека, наделенного от природы сильным воображением и обладающего очень подвижной диафрагмой, и творчеством человека, которого она лишила обих этих качеств?

Вы, приписывающий такое значение влечению одного пола к другому, поймите же, что сильного, но бесчувственного человека будет увлекать его страсть к женщине так, как быка влечет к телке. Он подобен дикому зверю Лукреция⁴⁶, который, пронзенный смертоносной стрелой, бросается на охотника и заливаает его своей кровью. Такой человек не будет сочинять элегий или мадригалов. Он хочет наслаждаться и мало интересуется тем, чтобы растрогать и понравиться. Жгучая, обильная, едкая жидкость раздражает его половые органы; он не вздыхает, а рычит; он не обращает к предмету своей страсти нежных, томных, влажных взоров,— его глаза пылают, и его взгляд пожирает ее. Точно олень осенью, нагибает он свои рога и гонит перед собою робкую лань. В уголку леса, куда он завел ее, он яростно предается своему наслаждению, не думая о наслаждении существа, которое он держит в своей власти. Добившись удовлетворения, он оставляет его и удаляется. Попробуйте, если вы можете, сделать мне из этого животного нежного, тонкого поэта. Он скуп на слова или даже обходится вовсе без них.

Стр. 153.— *Можно стать по свободному выбору поэтом, оратором, художником или геометром.*

Как можно преуспевать в различных видах творчества, предполагающих взаимно исключают друг друга качества? К чему сводится задача геометра? К тому, чтобы, отвлекаясь от существенных свойств материи, комбинировать пространства. Ему не нужны образы и не нужны краски; для него необходимо огромное умственное напряжение и полное отсутствие душевных эмоций. К чему

сводится задача поэта, моралиста, красноречивого человека? К тому, чтобы рисовать и волновать.

Если нельзя быть гениальным человеком в двух различных областях творчества, то это не только из-за отсутствия времени, но также и вследствие отсутствия способностей.

Дар поэзии и дар живописи — это два, может быть, наиболее близких друг к другу вида таланта. Однако трудно назвать хотя бы одного человека, который сумел бы в одно и то же время и написать прекрасную поэму, и нарисовать прекрасную картину.

Поэт описывает; его описание охватывает прошлое, настоящее и будущее. У живописца длинный промежуток времени занимает только одно мгновение. Поэтому нет ничего более нелепого и противоречащего закону искусства, чем попытка какого-нибудь литератора — даже умного человека — описать более или менее подробно содержание какой-нибудь картины.

Существует огромное различие между розами, которые находятся на палитре Ван-Гюйсума, и розами, которые цветут в воображении Ариосто ⁴⁷.

Вот три весьма различных стиля. Первый прост, ясен, лишен образности, движения, творческого вдохновения, красочности: это стиль Даламбера, геометра.

Второй — широк, величествен, гармоничен, изобилен, благороден, полон то тонких, то возвышенных образов: это стиль естествоиспытателя Бюффона.

Третий — неистов. Он трогает, волнует, возмущает, он вызывает нежность, негодование, он возбуждает или успокаивает страсти: это стиль моралиста Руссо.

Эти писатели так же неспособны изменить свой стиль, как лесные птицы неспособны изменить характер пения. Пусть они попробуют сделать это, и они потеряют свою оригинальность и станут смешными подражателями; их пение станет заимствованным и, примешиваясь к их естественному пению, сделает их похожими на тех искусственно обученных птиц, которые начинают с модуляций и кончают щебетанием.

Та же стр.— *Люди не рождаются со свойствами той или иной специальной гениальности.*

Это совершенно новая истина, если только это — истина, ибо до сих пор думали и утверждали, что гениальность — это особый дар природы, побуждающий человека заниматься определенным делом, с которым без него справлялись посредственно или плохо, invita Миперва. Увы, в школах так много честолюбивых, прилежных, трудолюбивых детей! Но, сколько бы они ни трудились, ни мучились, сколько бы они ни плакали иногда из-за своей малоуспешности, они все же не подвигаются вперед. Между тем бок о бок с ними другие дети, легкомысленные, непостоянные, рассеянные, распутные, ленивые, преуспевают играючи. Я никогда не забуду тебя, бедный Гарнье: у тебя были бедные родители, ты заперся в церквах городка, снимал лампу, которая освещала наши алтари; алтарь служил тебе письменным столом, ты утомлял свои глаза и портил себе здоровье в течение целой ночи; я же в это время спал глубоким сном, и тебе никогда не удавалось обогнать ни меня, ни трех или четырех других учеников. Если бы Гельвеций имел несчастье быть учителем у полусотни учеников, то он вскоре почувствовал бы всю слабость своей системы. Во всех наших коллежах не найдется ни одного учителя, который не пожал бы сострадательно плечами по поводу всех его остроумных идей.

Та же стр.— *Внимание может тоже устремляться на все.*

— Нет, сударь, нет, вы ошибаетесь. Нет ни одного человека, который не испытал бы к известным вещам отвращения, справедливо называемого естественным, потому что оно основывается на отсутствии у человека известных способностей, которое он должен признать у себя ввиду малой успешности, сопровождающей его огромные усилия.

Горе вам, если оно вам неизвестно: будучи годны ко всему, вы, собственно, окажетесь ни к чему не годны. Длинноногая, стройная борзая создана для того, чтобы

гнаться за зайцем, и никогда вы ее не заставите выслеживать дичь; толстомордая лягавая — чтобы рыскать по равнине, держа нос по ветру или опустив его к земле; коротко- и густошерстая лягавая — чтобы пробираться через колючие чащи; пудель — чтобы бросаться в воду. Если же вы захотите изменить их повадки, то вы только потратите массу времени и изведете множество кнутов. Вы будете много кричать и заставите много кричать этих животных, но в результате получите только скверных собак. Человек — тоже особое животное, и его разум — только усовершенствованный и способный совершенствоваться инстинкт; и на поприще наук и искусств есть столько же различных инстинктов, сколько разных собак в охотничьей своре.

Та же стр. — *Почему встречаются так редко люди, гениальные в различных видах творчества?*

Вопрос отлично поставлен. Посмотрим еще раз, как он отвечает на него.

— Дело в том, что человек...

— Господин Гельвеций, дело в том, что человек, которого природная склонность влечет целиком к определенному любимому предмету, видит только этот предмет. И если бы природа предназначила его стать великим человеком на другом поприще, то он не имел бы времени, чтобы заниматься им. Занимайтесь всю свою жизнь плаванием, и вы окажетесь посредственным бегуном; бегайте до пожилого возраста, и вы будете плохо плавать. Люди, обладающие гениальными способностями в одной области, редки; насколько же более редки те, которые получили от природы двойной гений! Этот двойной дар ее может быть несчастьем. Благодаря ему может случиться, что человека будут по очереди тащить в разные стороны оба его демона; что он приступит к решению двух великих задач и не закончит ни одной из них; что он не будет ни великим поэтом, ни великим геометром именно потому, что он обладал одинаковыми способностями и к поэзии, и к геометрии. Я слышал однажды, как Эйлер⁴⁸ воскликнул: *«Ах, если бы господин Даламбер захотел*

быть только аналитиком! Какой замечательный аналитик вышел бы из него!..» Нужно сказать этим своеобразным чудовищам: сделайте свой выбор. Сказать ли прямо? Учение Гельвеция — это учение очень умного человека, который доказывает каждой своей строчкой, что ему чуждо тираническое насилие гения, и который говорит о нем, как слепой о цветах. Может быть, то же самое приходится сказать и обо мне. Однако между нами то различие, что он добивается всего при помощи настойчивых размышлений и труда; его первая книга стоила ему двадцати лет усилий, вторая — пятнадцати лет, а обе — здоровья и жизни. Он представляет прекрасный пример того, чего может добиться настойчивость и любовь к славе. Он угадывает много вещей, характерных для страны, о которой он говорит, но я, странствовавший по ней, вижу, что он никогда и не заглядывал туда.

Я заметил в ней следующие два явления: во-первых, когда какой-нибудь вопрос вполне выяснен, то о нем не говоришь.

Во-вторых, когда гениальный человек отчаивается в возможности идти дальше вперед, то он останавливается, проникается отвращением к изучаемой проблеме и выбирает себе другую дорогу.

Он поступает таким же точно образом, когда легко преодолимые препятствия вызывают у него пренебрежение к рассматриваемым проблемам.

Та же стр.— *Почему гениальные люди встречаются менее редко при хороших правительствах?*

Потому что дети богатых родителей свободнее выбирают себе карьеру и могут свободнее следовать своим природным склонностям; потому что гений — это зародыш, развитию которого способствует хорошее правление и развитие которого заглушает или замедляет общественное неустройство, этот спутник тирании; потому что под властью деспота гениальный человек является, может быть, больше, чем все остальные люди, жертвой всеобщей апатии. К этим причинам прибавьте еще те, на которые указывает наш автор.

Та же стр.—*Поэтом рождаются, оратором становятся: Fiunt oratores, nascuntur poëtae.*

Это изречение не совсем истинно, но и не совсем ложно. Поэзия предполагает умственное возбуждение, приближающееся почти к божественному вдохновению. Поэту приходят в голову глубокие мысли, основы которых и выводов из которых он не знает. Так как у философа они являются плодом продолжительного размышления, то, удивленный этим, он восклицает: «Кто внушил столько мудрости этому безумцу?..» Я нахожу меньше творческого вдохновения и больше рассудительности у оратора.

Но, думаю я, строго говоря, Демосфен родился оратором, точно так же, как Гомер родился поэтом: только ораторский талант обнаруживается позже. Поэтом бываешь еще в колыбели, оратором же становишься лишь в зрелом возрасте. У поэта нет наставника, ораторскому же искусству нас обучает вся житейская обстановка.

Та же стр.—*Чтобы дойти до известных идей, следует предаваться размышлениям. Всякий ли способен на это? Да, способен, когда его одушевляет какой-нибудь могущественный интерес.*

Мы так хорошо чувствуем то, на что мы способны и на что неспособны, что если вы меня запрете в Бастилию и скажете: «Видишь ли этот шнурок? Через год, через два, через десять лет ты либо напишешь прекрасную сцену в духе Расина⁴⁹, либо будешь задушен...», то я отвечу: «Не стоит ожидать так долго; покончим с этим делом; пусть меня сейчас же задушат».

Но я не отчаивался бы, если бы моя свобода и моя жизнь зависели от создания какой-нибудь прекрасной сцены в духе Корнеля.

Та же стр.—*Во всех науках философский гений определяется всегда общностью принципов, обширностью их применения и величиим целого.*

И вот, нам говорят, будто всякий нормально организованный человек способен достигнуть этого.

Та же стр.—*В века невежества алхимик, фокусник были редкими людьми.*

Ван-Гельмонт и Глаубер⁵⁰ были редкими людьми. Комиус⁵¹—редкий человек в наше время.

Стр. 154.—*Если люди придерживаются различных взглядов по поводу одного и того же вопроса, то это различие является всегда следствием либо того, что они не понимают друг друга, либо того, что перед ними налицо не одни и те же предметы, либо того, что они не относятся с одинаковым интересом к рассматриваемому вопросу.*

Но это не все. Есть еще, может быть, более богатый источник для их разногласий, чем перечисленные Гельвецием причины.

Как бы хорошо ни были организованы две головы, одни и те же представления не могут быть одинаково очевидными для обеих. Я не думаю, чтобы можно было возражать против этого принципа.

Следовательно, невозможно, чтобы одно и то же рассуждение казалось им одинаково убедительным.

Если это рассуждение гармонирует с цепью представлений одного из спорящих, то оно покажется ему вполне убедительным. Но оно не будет гармонизировать или даже будет противоречить цепи представлений другого спорщика; так как он должен был бы сознаться в целом ряде заблуждений, если бы это рассуждение было истинным, то он, естественно, будет склонен считать его ложным.

Стр. 155.—*Все люди рождаются с правым умом⁵².*

Все люди рождаются без ума. Он у них ни ложный, ни правый; только житейский опыт делает из них существа с правым или ложным умом.

Человек, который всегда дурно пользовался своими чувствами, будет иметь ложный ум.

Человек, который, получив посредственное образование, вообразит, что знает все, будет иметь ложный ум.

Человек, который, увлекаемый самомнением или живостью характера, будет опрометчив в своих суждениях, будет иметь ложный ум.

Человек, который станет приписывать слишком много

или слишком мало значения некоторым предметам, будет иметь ложный ум.

Человек, который осмелится высказывать свои суждения о вопросе, превосходящем силы его природного дарования, будет иметь ложный ум.

Нет ничего более редкого, чем логика: множество мужчин не имеют ее, и почти все женщины лишены ее.

Человек, доступный предрассудкам, будет иметь ложный ум.

Человек, который упрямится или из самолюбия, или из оригинальничанья, или из любви к парадоксам, будет иметь ложный ум.

И тот человек, который слишком полагается на свой разум, и тот, который недостаточно полагается на него, будет иметь ложный ум.

Все интересы, все предрассудки, все страсти, все пороки, все добродетели способны исказить ум.

Отсюда я умозаключаю, что правый во всех отношениях ум есть лишь создание мысли.

Мы все рождаемся с правым умом!

Но что такое правый ум? Это — человек, утверждающий или отрицающий в вещах то, что следует в них утверждать или отрицать. Неужели мы все приносим с собой от рождения этот драгоценный дар? И неужели, — если бы природа даже дала нам его, — от нас зависит сохранить его?

Почему я несогласен с Гельвецием, хотя я очень желаю быть одного взгляда с ним? Почему я настаиваю на том, что одним из крупнейших противоречий этого автора является то, что он находит причину различий между человеком и животным в разнице организаций и в то же время отбрасывает эту причину, когда приходится объяснять различие между разными людьми? Почему он считает доказанным, что всякий человек одинаково способен ко всему и что его глупый швейцар так же умен, — по крайней мере потенциально, — как и он, и почему это утверждение кажется мне самой явной нелепостью? Почему он, при всей тонкости своей мысли, своим красно-

речии, не сумел убедить меня и не заставил меня согласиться с ним, будто наши симпатии и антипатии сводятся в конечном счете к желанию чувственных и физических удовольствий или к страху страдания?

Нормально организованный человек способен ко всему.

Верьте этому, Гельвеций, если это вам нравится. Но помните, что вы при этом бесполезно рискуете разбить себе голову, — как это пришлось и мне, — о вопросы, которых вы никогда не разрешите. Я ссылаюсь на свой собственный опыт, потому что я знаю, как я упорен был в своих исканиях. Я не мог найти истины, а между тем я искал ее, обладая большими качествами, чем те, которых вы требуете. Я скажу вам даже более серьезную вещь: если существуют очень сложные по внешности вопросы, которые при изучении их показались мне простыми, то, наоборот, существуют очень простые по внешности вопросы, которые я нашел превосходящими мои силы. Например, я убежден, что даже в обществе, столь плохо устроенном, как наше общество, где часто приветствуют преуспевающий порок и почти всегда осмеивают неудачливую добродетель, я убежден, повторяю, что в конце концов самое лучшее, что можно в нем сделать для своего счастья, это — быть добродетельным человеком. Работа, посвященная доказательству этой мысли, представляла бы, по-моему, важнейшее и интереснейшее произведение, о котором я вспоминал бы с наибольшим удовлетворением в последние минуты своей жизни. Над этим вопросом я размышлял сотни раз со всем тем умственным напряжением, на которое я только способен. У меня, думаю, были все данные, необходимые для решения этого вопроса. И — сознаться ли вам? — я не решился взять в руки перо, чтобы написать хотя бы первую строчку этого произведения. Я говорил себе: если я не окажусь победителем в этой попытке, то я стану апологетом зла: я предам дело добродетели, я поощрю людей к пороку. Нет, я не чувствую себя достаточно подготовленным для этой великой работы; я бесполезно потратил бы на нее всю свою жизнь.

Указать ли вам на более простой вопрос? Вот он. Должен ли философ, призванный к законному суду, сознаться, с риском для своей жизни, в своих взглядах, или не должен?

Хорошо ли поступил Сократ или плохо, оставшись в темнице?.. Сколько есть еще других, аналогичных вопросов, относящихся скорее к проблеме характера, чем к логике! Решитесь ли вы порицать мужественного и правдивого человека, который предпочитает погибнуть, чем отказаться от себя, чем запятнать самоотречением свой собственный характер и характер своих единомышленников? Если роль такого человека велика, благородна и прекрасна в трагедии, т. е. в подражании действительности, то почему же она будет безрассудна или смешна в самой действительности?

Какое правительство лучше всего годится для великого государства? И какие необходимы предосторожности, чтобы лучше всего ограничить верховную власть?

Бывают ли такие случаи, когда подданному дозволено посягать на жизнь своего государя? И если случайно они имеются, то каковы они? При каких обстоятельствах частный человек может считать себя истолкователем всеобщей воли?

Хорошая ли или дурная вещь — красноречие? Следует ли жертвовать ради счастья будущих поколений счастьем теперешнего поколения, подвергая его риску переворотов?

Следует ли предпочитать дикое состояние цивилизованному состоянию?

Все это — не детские вопросы; и неужели вы думаете, что всякий человек получил от природы способности, необходимые для решения их? Без всякой ложной стыдливости я прошу вас исключить меня из числа их. Президент Монтескье должен был употребить на решение их все свои силы и потратить значительную часть своей жизни.

Почему среди довольно значительного количества людей; лучше организованных и воспитанных, чем люди

в среднем, тот, кто открывает какой-нибудь важный уголок истины, становится столь знаменитым? Надо ли восхищаться тем и прославлять то, на что были бы способны все люди, если бы их толкнули на это интерес и случай? Вы клеветеете на самого себя. Нет, мой дорогой философ, вы вовсе не плод какой бы то ни было из этих банальных причин. Гераклес в колыбели задушил змей, а маленький Кромвель в детской курточке на пивном заводе своего отца уже держал в своих руках топор, от удара которого скатилась голова Карла I⁵³. Воссоздайте в мысли те же самые обстоятельства и прибавьте к ним все те, которые вам захочется сочинить, скомбинируйте их по произволу, и, может быть, вам удастся воспроизвести убийцу какого-нибудь короля, но этот убийца не будет Кромвелем.

Всякий бывает поэтом на свой манер, красноречивым на свой манер, мужественным на свой манер, всякий занимается живописью, скульптурой, гравированием, даже геометрией, механикой и астрономией по-своему, а не так, как другой человек. Я говорю, конечно, о выдающихся на всех этих поприщах людях. Между всеми этими индивидуальными манерами одна отличается особенной тонкостью, пронизательностью, гениальностью: Бернулли даёт в одной строке решение проблемы брахистохроны⁵⁴ Искусный скульптор — далеко еще не замечательный скульптор; великий поэт — далеко еще не Гомер, не Вергилий, не Расин. Чем объясняются эти различия? Почему гениальный человек никогда не творит так, как другой гениальный человек, которого он имел перед своими глазами и который даже служил ему моделью?

Стр. 155. — *Нет другого рода ума, кроме того, который сравнивает верно.*

Возможно, что так; но все же имеется различие между способами, какими производят сравнения здравомыслящие люди, особенно в более или менее серьезных вопросах. Одни продвигаются к выводу с трудом по извилистому, бесконечно утомительному лабиринту; другие, подобно сказочным скакунам, попадают туда одним скачком; третьи соединяют с быстротой пронизательность в вы-

боре средств. Есть такие, которых называют оригинальными, потому что, повидимому, никто, кроме них, не выбрал бы того пути и не прибегнул бы к тем средствам, которые выбрали они.

Глава XVI

Стр. 156.— *Если все люди согласны между собой насчет истины геометрических доказательств, то потому, что они равнодушны к истинности или ложности этих доказательств.*

Равнодушны! Поговорите-ка об этом с архитектором, художником, чертежником, чиновником финансового ведомства, инженером, механиком, плотником, судостроителем, оптиком, землемером, географом, астрономом, почти с кем угодно из всех классов Академии наук.

Хотите ли увидеть, как все эти специалисты выйдут из спокойного состояния, основывающегося на неизменности их принципов? Пусть найдется среди них кто-нибудь, кто станет нападать на какую-нибудь формулу, на какой-нибудь практический прием, как на неудачный и ошибочный, или кто предложит какую-нибудь новую формулу, — и вы увидите, с каким жаром станут бороться между собою защитники старого метода и сторонники нового метода. Некоторые великие математики умерли, протестуя против исчисления бесконечно малых, которое они считали недостаточно геометрическим методом. Когда прекратились споры по поводу этого исчисления? Тогда, когда было воочию доказано, что это исчисление столь же точно, как и обычное исчисление.

Гельвеций смешивает здесь — как и во многих других местах — совершенно различные вещи: легкость усвоения чего-нибудь и легкость изобретения. Разумеется, не мало людей, способных усвоить геометрию, но немногим дано быть геометрами; не мало людей, способных усвоить истины метафизики, но немногим дано быть метафизиками. Если мы станем давать титул изобретателя лишь такому человеку, который подвинул вперед науку либо путем усо-

вершенствовавшая орудия науки, либо каким-нибудь новым способом применения его, и если, следовательно, мы вычеркнем из этого класса всех тех, кто умеет просто решать проблемы, то мы убедимся, что в математических науках, которые действительно наиболее доступны обыкновенным умам, изобретатель вовсе не представляет собою заурядного ума.

Случается, что какой-нибудь человек обнаруживает больше гениальности в своем заблуждении, чем другой — в открытии истины.

Я нахожу больше творческой мысли в *Предустановленной гармонии* Лейбница или в его *Оптимизме*, чем во всех произведениях теологов всего мира, чем в величайших открытиях в математике, в механике или в астрономии.

Если возможно решение проблемы квадратуры круга и если оно когда-нибудь будет найдено, то оно, несомненно, доставит больше славы геометру, нашедшему его, но, может быть, усилия этого геометра нельзя будет сравнить ни с бесплодными попытками Григория де Сен-Венсана⁵⁵, ни даже с методом приближения Архимеда.

Разве какой-нибудь человек обнаружил обширность своего ума тем, что нагнул, чтобы поднять истину, лежащую у его ног или находившуюся в обширном и бесплодном круге, который он исходил вдоль и поперек, чтобы найти ее там, где ее не было.

Если бы — согласно своего рода кодексу справедливости — польза не служила обычно мерилom нашего уважения и наших восхвалений, то история заблуждений человека была бы, может быть, столь же почетна, как и история его открытий.

Помимо пользы есть еще другой мотив, вызывающий у нас восхищение перед изобретателями, это — трудность проблемы, подтвержденная бесполезными усилиями длинного ряда великих людей, над которыми изобретатель как будто бы возвышается благодаря своему успеху. Для блага человеческого рода необходимо, чтобы истина была открыта быстро; для славы изобретателя необходимо, что-

бы она в течение долгого времени ускользала от усилий его предшественников. Усовершенствование интегрального исчисления прославит больше того, кто доведет его до конца, чем оно прославило Лейбница или Ньютона. То же самое можно сказать об общем методе получения корней уравнений любой степени, который показался бы менее поразительным при зарождении алгебры, чем в наше время.

Стр. 159.—*[Среди людей мало честных, и слово интерес должно, следовательно, пробуждать в большинстве из них представление о денежном интересе или о каком-нибудь предмете, столь же низком и презренном.]*

Не следует говорить, будто денежный интерес — это низкий и презренный мотив: 1) потому что, взятый отдельно, изолированный, он не таков; 2) потому что он не исключает никакого другого мотива; 3) потому что есть тысячи обстоятельств вполне порядочного свойства, которые могут вызывать лишь этот мотив.

Денежный интерес носит низкий характер лишь тогда, когда он является единственным мотивом поступка, который должен совершаться во имя чести. Тот, кто одерживает победу лишь под влиянием надежды на грабеж, низкий человек. Земледелец же, обрабатывающий свою землю, чтобы получить от нее хлеб и деньги, вовсе не заслуживает презрения, ибо он неспособен возвыситься мыслью и облагородить свою работу рассмотрением вопросов общественного благополучия. Можно думать, что честь должна быть принципом всех корпораций, а интерес — принципом индивидов, из которых они состоят.

Глава XX

Стр. 180.—*Надо подвигаться вперед вслед за опытом и никогда не предугреждать его.*

Это верно. Но разве опыты делают паугад? Разве опыту не предшествует часто какое-нибудь предположение, какая-нибудь аналогия, какая-нибудь теоретическая идея, которую опыт должен подтвердить или опроверг-

нуть? Я прощаю Декарту то, что он сочинил свои правила движения, но я не могу простить ему того, что он не пытался убедиться при помощи опыта, таковы ли они в природе, как он их сочинил, или нет. Размышление так приятно, а совершение опытов так утомительно и тяжело, что я не удивляюсь тому, что теоретики так редко являются экспериментаторами.

Глава XXII

Стр. 192. — Надо объяснить Гельвецию, почему Августин, Киприан, Афанасий⁵⁶ и масса других людей, не бывших вовсе глупцами, стали приверженцами глупости христианства и почему некоторые из них погибли, защищая это последнее.

Дело в том, что Гельвеций и я стали бы унитаристами в Афинах в эпоху Сократа, христианами при Константине, учениками Аристотеля двести лет назад, мальбраншистами или картезианцами сто лет назад, ньюто-нианцами тридцать лет назад⁵⁷.

Дело в том, что если во время нашей молодости общество разделилось на две партии, то, обуреваемые жаждой славы, мы, в зависимости от своих склонностей, направления ума, характера и связей, становимся на ту или иную сторону. Меланхолик становится учеником Янсения, сластолюбец — сторонником Молина⁵⁸. Споры продолжаются; под влиянием их люди преследуют друг друга, истребляют друг друга из-за глупостей. Потом настает усталость и отвращение. Истина открывается нескольким рассудительным людям: обсуждение одного какого-нибудь заблуждения приводит к принципам, которые обнаруживают сотни других. И кому какое дело, откуда является талант? Находится ли зародыш его в организации, или же он целиком оказывается благоприобретенным, — все равно окружающая обстановка сбивает его с пути. Проводишь всю свою жизнь, ломая голову над каким-нибудь вздором; время и необходимость придают этому занятию значение, и потом уже не можешь

выбраться из него. Если бы я, как бл. Августин, написал двенадцать томов *in folio* *О благодати*, то я считал бы, что от этой системы зависит счастье вселенной; если бы я вынужден был идти по ночам петь заутрени, то, думается, я стал бы воображать, что это мое ночное пение гасит молнию в руках всевышнего, готового поразить спящего грешника. Так, придавая важное значение пустым и вздорным обязанностям, спасаешься от скуки.

Христос, или его ученик Павел, сказал, что церковь нуждается в ересях. Я не знаю, понял ли он все значение этой мысли. Эти ереси — точно пустые бочки, которые бросают китам: в то время, как грозное чудовище забавляется этими бочками, судно спасается от опасности. В то время, как умы заняты ересью, сущность самого учения ускользает от анализа. Но наступает роковой момент, когда прекращаются споры: тогда обращают против ствола оружие, отточенное о ветви, если только на смену первоначальной ереси не появляется новая ересь, новая бочка, забавляющая кита.

Глава XXIII

Стр. 193. — *Если свести наиболее высокие истины к их наипростейшему выражению, то они сводятся к фактам, и тогда мы имеем перед собой лишь такого рода положения: белое есть белое, черное есть черное.*

Но всегда ли возможно это сведение? Всякую проблему можно решить либо путем анализа, либо путем синтеза. Синтез исходит от первоначальных принципов к весьма далекому от них заключению, анализ же восходит от этого далекого заключения к первоначальным принципам. Правда, при пользовании тем или иным методом каждый шаг тождествен предшествующему ему или следующему за ним шагу. Но всегда ли легко уловить это тождество? Одинаково ли оно очевидно для всех людей? Не бывает ли часто очень длинным весь ряд этих шагов, и всякий ли человек способен следить за

ним и иметь его перед собой? Убеждение не есть еще уверенность во всех этих тождествах и память о них, поскольку речь идет о доказательстве, ибо доказательство не вытекает просто из каждого из них, ни даже из суммы их, но из их сцепления. Ферма⁵⁹, который, думаю, не был ограниченным человеком, говорил о найденном Архимедом доказательстве отношения между цилиндром и шаром: «*Memini me vim illius demonstrationis nunquam percepisse totam*»*. Нет ни одного, даже величайшего, геометра, который не признался бы вам, что он сам нередко терялся в своих длинных доказательствах.

Но способен ли тот, кто может понять решение проблемы предварения равноденствий, найти его? Нет. Не всякий ум способен свести отдаленную истину к простому факту. Нет такого плохого указа государя, которого нельзя было бы свести к следующему заключению: «Следовательно, государь, вам угодно, чтобы мы сожгли свой урожай». Но много ли есть людей, способных, я не скажу — сделать это предложение, но понять его?

Не только в математике, но и во всяком искусстве, во всякой науке истины сводятся к тождествам. В божественном разумении знание всей вселенной сводится к одному факту. Итак, и в политической экономии истины сводятся к тождествам; почему же решение проблем ее едва доступно самым могучим умам? В силу именно того тождества, той истины, согласно которой нельзя сдвинуть и камня без того, чтобы не получилась бесконечная масса противодействий, отдельное действие каждого из которых и совокупное действие которых следует вычислить, в силу того, что надо принять в расчет различные взгляды, предразсудки и обычаи. Три выдающихся мыслителя обсуждали вопрос о свободе торговли зерном⁶⁰. Тысяча других людей прочли их произведения, размышляли над ними с интересом, соответствующим важности проблемы, в которой речь идет о существовании и жизни целого народа.

* Я помню, что никогда не мог почувствовать всей силы этого доказательства.

В каком же положении находится эта проблема? В решении ее не пошли дальше первого шага, и г. Тюрго утверждает, что положительные или отрицательные действия его указа выяснятся только через десяток лет.

Стр. 195.— *Если гениальный человек заметил и ясно доказал какую-нибудь истину, то обыкновенные люди немедленно подхватывают ее.*

Это неверно. В течение долгого времени в Европе было только три человека, которые понимали краткую геометрию Декарта.

Есть ли что-нибудь более тождественное, чем истины науки о сочетаниях и вероятностях? Постарайтесь же решить некоторые из относящихся к ней проблем; постарайтесь же понять сочинение Муавра *Об учении о шансах*⁶¹.

Прочитайте Бернулли, и он вам скажет, что теория вероятностей содержит вопросы не более и не менее трудные, чем квадратура круга.

Если вопросы эти могут быть решены нормально организованными людьми, то почему же они не были решены первоклассными гениями?

— Из-за отсутствия случая.

— Легко сказать: из-за отсутствия случая.

Никогда высокие истины не бывают общим достоянием, и *Математические принципы естественной философии* Ньютона никогда не станут обычным чтением.

Стр. 196.— *Повсюду преподают систему Ньютона.*

Т. е. повсюду излагают, без всяких доказательств, конечные заключения этой системы, но доказательства остались и останутся навсегда книгой за семью печатями для большинства людей.

Спросите Даламбера, и он вам скажет, что в произведениях Ньютона есть такие глубокомысленные теоремы, относительно которых он не вполне уверен, что понимает их.

Вся эта двадцать третья глава — сплошная сеть паралогизмов, неприятное впечатление от которых несколько не уменьшается стилем и образностью изложения.

Та же стр.— [*Если имеются идеи, до которых не могут подняться обыкновенные люди..., то открытие теоремы о квадрате гипотенузы было бы известно лишь новому Пифагору.*]

Упоминаемое здесь в виде примера открытие теоремы о квадрате гипотенузы характерно для человека, невежественного в математике. Никогда еще не было столь простого доказательства, даже в момент открытия его.

— Единственная привилегия гения—это то, что он расчистил дорогу.

— А где же он взял эту привилегию?..

— У случая...

Это тоже чересчур забавно.

Итак, существуют истины, являющиеся уделом только некоторых исключительных людей... И это, я не сомневался, независимо от того, будете ли вы говорить об открытии их или о трудности усвоения их.

Стр. 197.—*Но понимать их идеи—это значит обладать теми же самыми умственными способностями.*

Боже мой, что за утверждение! Одно и то же открыть какую-нибудь вещь или понять это открытие, и притом понять при помощи учителя!

Я знал одного человека, которому достаточно было прочесть четыре басни Лафонтена, две или три сцены из Расина либо Корнеля, чтобы вообразить, что он сам написал их. Идеи этих авторов были так близки ему, что, читая их, он воображал, будто вспоминает что-то свое собственное. Одни находили его безумие забавным, другие возмущались столь чрезмерным тщеславием. Это был человек, каким его рисует Гельвеций, человек, не находивший ничего, что превосходит его маленький талант.

Глава XXIV

Стр. 198.—*Случай есть господин всех изобретателей.*

Господин? Скажите лучше слуга, ибо он служит им.

Значит, случай привел Ньютона от наблюдения падения груши к мысли о падении луны, от движения луны к системе вселенной; значит, случай привел бы и всякого другого человека к мысли об этом самом открытии? Сам Ньютон думал об этом иначе. Когда его спрашивали, как он дошел до своего открытия, он отвечал: *«Непрерывно размышляя над этим вопросом...»* Если верить Гельвецию, то какой-нибудь другой человек мог бы путем размышлений прийти к этому же самому результату, а раз так, то, значит, всякого человека можно считать способным к столь же глубоким размышлениям.

Та же стр.—*«Необходимо больше внимания, чтобы следовать за доказательством уже познанной истины, чем чтобы открыть новую истину.»*

Это может быть верным, но может быть и ложным. Вообще же хороший школьник способен в два или три часа понять то, открытие чего стоило изобретателю двух или трех месяцев тяжелых усилий.

Но если бы даже это и было всегда верно, то что отсюда следовало бы? Что дух открытия столь же велик в авторе, как и в его читателе. Неужели он серьезно думает, будто столь же трудно прочитать страницу его книги, как написать эту страницу? Ведь он, как мы знаем, мог потратить целое утро, а то и два или три, чтобы заменить какое-нибудь слово другим и написать четыре строчки, тем более ясных, чем больше времени и ума он потратил на выяснение их.

Стр. 199.—*«Страсти всемогущи. Нет такой тупой девушки, которую бы не одухотворила любовь.»*

Что за жалкая мысль сравнить маленькие хитрости молодой девушки с размышлениями таких людей, как Архимед и Галилей! Таким путем можно обмануть самого себя, но другие этим не удовольствуются.

Кроме того, господин Гельвеций, не думайте, что я согласен со всем тем, против чего я не спорю.

Примечания

Стр. 200.— *Они не меланхоличны, потому что они размышляют.*

Но они более других способны к размышлению, потому что они страдают меланхолией.

Меланхолия—это особенность темперамента, с которой люди рождаются, а не получают от занятий. Если бы занятия вызывали меланхолию, то все занимающиеся науками люди были бы жертвами ее, что вовсе не наблюдается.

Та же стр.—*Слава является потребностью некоторых людей.*

Если их потребностью является слава, то, значит, этой потребностью не являются ни женщины, ни хорошая кровать, ни стол, ни богатство, ни почести, словом, никакое из чувственных наслаждений.

Как веселые, так и печальные люди могут любить научные занятия, но человек с веселым характером развлекается, рассеивается. Рабле между двумя бутылками забывал о своей библиотеке. Рядом с хорошенькой женщиной часы Фонтенелля не показывали времени⁶². Наоборот, меланхолик избегает общества, он чувствует себя хорошо только наедине с собою, он любит уединение и молчание, что, собственно, одно и то же; он непрерывно думает и размышляет.

Веселый человек, покончив с размышлением, становится снова веселым, а меланхолик остается меланхоличным.

Та же стр.—Обыкновенно мужчина предпочитает не стройную женщину и не полную женщину; если он молод и нетерпелив, то — доступную женщину. Если он не обуреваем жаждой обладания, то его без его ведома пленяет и приковывает к себе представление о какой-то добродетели, образец которой он носит в своем воображении и печать которой он находит на челе любимой им женщины.

Стр. 205.— Я не желаю ни утверждать, ни отрицать

того, что дикий человек обладает или вовсе не обладает идеей справедливости и что он способен так же легко убить своего ближнего, как пронзить стрелой оленя или быка.

Я готов думать, что дикарь, похищающий у другого дикаря заготовленный тем запас плодов, торопится убежать и что этим самым он признает несправедливость содеянного им, между тем как ограбленный своим гневом и своим преследованием доказывает, что он обвиняет его в той же самой несправедливости.

Законы не дают нам понятия о справедливости; мне кажется, что они предполагают существование его.

Впрочем, это один из тех вопросов, над которыми я желал бы поразмыслить дольше, прежде чем высказаться.

Определяя человека, вы сказали, что это—животное, комбинирующее представления. Какие же представления комбинирует он, как не о своем покое, своем счастье, своей безопасности, представления, очень близкие к понятию справедливости? *Utilitas justi prope mater et aequi* *.

Если бы какой-нибудь человек один был сильнее, чем все окружающие его люди, то он, может быть, состарился бы, не имея других ясных представлений, кроме идей силы и слабости. Но фактически он должен будет признать существование и других идей,—ведь стрела, поражающая его сзади и пронзающая его грудь, может уложить его мертвым на месте, и стрела эта может быть пущена рукой ребенка. Какой же вывод он сделает из этого? Что опасно обижать ребенка.

Сильный человек—это вовсе не человек из бронзы. Будь он из бронзы, он не был бы той же самой породы, что человек из плоти; в этом случае—я готов признать—у них не было бы одинаковой морали, ибо мораль основывается на тождественности организации, источнике одних и тех же потребностей, одних и тех же удовольствий и страданий, симпатий и антипатий, одних и тех же страстей.

* Польза — мать правого и справедливого.

Полифем не был ближним Улисса; у него был лишь один глаз, который Улисс выколол ему.

Почти во всех рассуждениях нашего автора предпосылки верны, а выводы ложны; но предпосылки эти полны ума и пронзительности.

Трудно признать его рассуждения удовлетворительными, но легко исправить его выводы и заменить правильным умозаключением его ошибочное умозаключение, грешащее обычно лишь слишком большой общностью. Надо только ограничить его.

Он говорит: Воспитание значит все. *Скажите:* Воспитание значит много.

Он говорит: Организация не значит ничего. *Скажите:* Организация значит меньше, чем это обычно думают.

Он говорит: Наши удовольствия и страдания сводятся всегда к физическим удовольствиям и страданиям.

Скажите: Довольно часто.

Он говорит: Все те, кто понимают какую-нибудь истину, могли бы открыть ее. *Скажите:* Некоторые.

Он говорит: Нет такой истины, которую нельзя было бы сделать доступной всем людям. *Скажите:* Есть мало таких истин.

Он говорит: Интерес вполне заменяет недостаток организации. *Скажите:* Более или менее, в зависимости от недостатка.

Он говорит: Случай создает гениальных людей. *Скажите:* Он помещает их в благоприятную обстановку.

Он говорит: При помощи труда и умственного напряжения можно справиться решительно со всем. *Скажите:* Можно справиться со многим.

Он говорит: Воспитание — единственный источник различия между людьми. *Скажите:* Это один из главных источников.

Он говорит: Нельзя сделать ни с одним человеком ничего такого, чего нельзя было бы сделать с другим человеком. *Скажите:* Мне кажется, что так бывает иногда.

Он говорит: Климат не имеет никакого влияния на умы. *Скажите:* Климату приписывают слишком большое влияние.

Он говорит: Только законодательство и правительство делают народ невежественным или просвещенным.

Скажите: Я признаю это относительно массы населения; но и при калифах были великие врачи, был такой поэт, как Саади⁶³.

Он говорит: Характер зависит целиком от обстоятельств. *Скажите:* Я думаю, что они видоизменяют его.

Он говорит: Можно создать у человека любой темперамент; но, каков бы ни был полученный им от природы темперамент, это несколько не влияет на его умственные способности, на возможность для него стать гениальным человеком. *Скажите:* Темперамент не всегда является непреодолимым препятствием на пути к умственному прогрессу.

Он говорит: Женщинам можно давать то же самое воспитание, что и мужчинам. *Скажите:* Их можно было бы воспитывать лучше, чем это обыкновенно делают.

Он говорит: Все, что исходит от человека, сводится, в конечном счете, к физической чувствительности. *Скажите:* Как к условию, но не как к мотиву.

Он говорит: Часто гораздо труднее понять какое-нибудь доказательство, чем найти какую-нибудь истину. *Скажите:* Но это не доказывает вовсе равенства умственных способностей.

Он говорит: Все нормально организованные люди одинаково способны ко всему. *Скажите:* Ко многому.

Он говорит: Гипотетическая лестница, отделяющая друг от друга людей по их умственным способностям, — химера. *Скажите:* Она, может быть, не так длинна, как это воображают.

То же самое относится ко всем его утверждениям, из которых ни одно не является ни абсолютно истинным, ни абсолютно ложным.

Право, нужно быть очень упрямым или очень неумелым, чтобы не заметить этого и не устранить легких

недостатков, которые будут усиленно подчеркивать зависть одних, ненависть других и благодаря которым книга, изобилующая массой наблюдений и фактов, будет отнесена к классу чрезмерно педантических произведений, так справедливо раскритикованных нашим автором.

Всякий беспристрастный и рассудительный читатель найдет книгу Гельвеция, несмотря на все ее недостатки, превосходной. Она вызовет большое возмущение, потому что она полна нападок на могущественных людей, потому что исключительные люди отнесены в ней к классу средних людей, откуда они были извлечены лишь малолестными для их тщеславия обстоятельствами; но это возмущение не будет длительным, потому что автор умер и приходится отказаться от сладостного удовлетворения погубить его, что непременно случилось бы, будь книга его опубликована при жизни.

Я отнесся слишком строго к этому произведению на основании рукописи, которая показалась мне довольно бездарным и многословным переложением нескольких дурных строк из книги *Об уме*; я отнес тогда эту работу к группе тех посредственных произведений, всем достоинством которых являлась лишь смелость и которые извлекал из мрака забвения лишь приговор судьи, осуждавшего их на сожжение. Я изменил свое мнение. Я ценю и очень ценю этот трактат *О человеке*. Я нахожу в нем всякого рода литературные достоинства и все добродетели, характеризующие честного человека и хорошего гражданина. Я рекомендую чтение его своим соотечественникам, но особенно правителям государства, чтобы они, наконец, поняли, какое влияние имеет хорошее законодательство на процветание и благополучие государства, и убедились в необходимости лучшего общественного воспитания; чтобы они освободились от глупого предубеждения, будто ученый, философ — это лишь мятежный подданный, способный быть только скверным министром. Я рекомендую его родителям, чтобы они не слишком быстро приходили в отчаяние от своих детей; людям, гордящимся своими талантами, чтобы они поняли, что рас-

стояние, отделяющее их от массы их ближних, не так велико, как это кажется их гордости; всем авторам, чтобы они увидели, до каких нелепостей может дойти человек недожизненного ума, но слишком упрямый в своих взглядах, и чтобы они благодаря этому стали осмотрительнее.

Есть места, где Гельвеций колеблется, есть другие места, где противоречие так осязательно, возражения против его взглядов так убедительны, а его ответ на них так слаб, что трудно поверить, чтобы автор хотя бы не почувствовал своего заблуждения. Что его удержало: ложный стыд, нежелание отказаться от собственных взглядов? Желал ли он вызвать сенсацию и выпустить произведение, которому доставили бы славу возражения критики, хотя бы и правильной? Предпочел ли он иметь свой особый уголок среди философов, благодаря своеобразию своих взглядов, чем затеряться в толпе мыслителей, высказывая более обычные истины и менее пикантные идеи?

Он сам является подтверждением того отмеченного им факта, что отличные мыслители становятся жертвами самых грубых заблуждений. Для этого достаточно, чтобы они в течение долгого времени были защитниками их. Нельзя обратить того, кто сочинил целые фолианты в защиту какой-нибудь нелепости. Если бы у такого человека хватило мужества сжечь труд своей жизни, то он был бы своего рода героем.

Некий профессор богословия нашел очень тонкий ответ на какое-то очень трудное возражение против истинности религии, и вот он, бывший прежде неверующим, стал теперь верующим, точно после этого возражения — даже если бы он его правильно разрешил — не оставалось больше никаких трудностей. Но его тщеславие требовало считать это возражение самым важным, и он так и поступил. Мы встречаем на каждом шагу сцену с учителем танцев и учителем фехтования, сцену, в которой мы ежедневно смеемся над самими собою ⁶⁴.

Он говорит: Верность ума зависит от сравнения представлений и от внимательности при наблюдении. *Скажите:* Не всякий ум способен сравнивать все представления; не всякий ум способен ко вниманию.

Он говорит: Преследуйте всегда счастье, но никогда не достигайте его, ибо вы рискуете стать жертвой скуки, убедившись, что оно далеко не соответствует вашему ожиданию. *Скажите:* Я отлично знаю, что страдание является приправой удовольствия; я знаю, что обладание редко отвечает нашему ожиданию; но тем не менее, господин Гельвеций, я не последую вашему совету: если природа, труд или случай предоставят мне возможность счастья, я схвачу его, схвачу его быстро и не буду бояться отсутствия желания. Я не дам своему воображению времени преувеличивать размеры наслаждения, чтобы найти затем его менее острым; я протяну свои руки навстречу идущему ко мне удовольствию, но я не намерен держать их слишком долго распростертыми: это утомительная поза. Я побегу за удаляющимся удовольствием, но я не буду утомляться при преследовании его, ибо рискую нагнать его усталым и потеряв охоту. Иллюзии скупца или кокетки — это глупые иллюзии, нелепый самообман. Поэтому-то кокетка старится с горем и сожалением, а скупец умирает, полный отчаяния.

Он говорит: Любовь делает смелым самое слабое животное. *Скажите:* Да, животное; но человек, — нежный, деликатный человек, — он начинает лепетать, он дрожит, он смущается, он не знает ни того, что он говорит, ни того, что он делает.

Он говорит: Из физического удовольствия и физического страдания растут все наши удовольствия и страдания, и, говоря это, я сообщаю великую истину. *Скажите ему:* Но эта великая истина не носит всеобщего характера. У Сен-Мара спросили, где он взял то дурное, что он думал о человеке. «У себя самого», — ответил он. Его ответ отличался лишь одним недостатком, именно он предполагал, что весь свет похож на Сен-Мара⁶⁵.

Он говорит: Люди с большой памятью не могут

обладать большим умом. *Прибавьте к этому:* Но память — это свойство организации; следовательно, человек, обладающий подобной организацией, не обладает теми же природными умственными способностями, что и другой человек, и, значит, источник различия между ними заключается в организации. О человеке с большой памятью и о человеке с нормальной памятью можно сказать то же самое, что о лягавой и борзой собаках: душа одной из них вся целиком в кончике ее носа, душа другой — целиком в ее глазах. Вот где источник различия умов у людей и различия инстинктов у животных. Всякое существо делает естественным образом то, что оно может сделать лучше всего, с наибольшим удовольствием и с наименьшим страданием. *Прибавьте к этому:* Вы забыли, господин Гельвеций, что никакая организация не исключает какого-либо таланта.

Он говорит: Человек из светского общества мало уважаем, потому что он не приносит пользы людям. *Скажите:* И он спасает их от скуки. Хороший рассказчик — человек очень полезный там, где сильно скучают; он здесь пользуется большим уважением, его повсюду ищут, его рвут на части. Это — как аббат Макарти в Константинополе, который сделался рассказчиком, как делаются цырюльником. У него было много клиентов, и вы не должны удивляться этому, если вы вспомните то, что вы сказали о скуке.

Он говорит: Для чего годится большая память? *Скажите:* Для того, чтобы исключить возможность проявления гения. Не я утверждаю это, а вы. И вот оказывается, что вы отвечаете правильно на возражение, которого вам не делают, и вызываете новое возражение, на которое вы никогда не ответите. Дело в том, что у человека с большой памятью на палитре слишком много одной и той же темной краски, слишком сильная склонность пользоваться ею, и вот он рисует все черной или серой красками.

Он говорит: Не жалуйтесь на слишком слабую память. *Скажите:* Но вы разрешите мне жаловаться на

слишком сильную память, благодаря которой меня вычеркивают из класса талантливых людей.

Он говорит: Сафо, Ипатии⁶⁶, Екатерины были гениальными женщинами. *Прибавьте к этому:* И на основании этих немногих примеров я стану умозаключать, что оба пола одинаково способны давать гениев и что одна ласточка делает весну.

Он говорит: Существовали великие люди во всех уголках земли, где они не испытывали никакого постороннего влияния, принижавшего их. *Скажите:* Но я не верю, что одинаково великие.

Он говорит: Природа ума заключается в том, чтобы наблюдать отношения. *Прибавьте к этому:* Я согласен с этим. Но кто же наблюдает и сравнивает отношения? Ухо? Нет. Глаз? Нет. Они получают впечатления, но сравнение происходит в другом месте. Ни одно из чувств не занимается этой операцией. Кто же занимается ею? Я думаю, мозг. Зачем осуждать органы чувств, если вы не доказали, что можно добиться всего с нормально организованным мозгом? Как, большее или меньшее расширение какого-нибудь головного сосуда, большая или меньшая вдавленность какой-нибудь головной кости, малейшее затруднение в обращении крови в мозжечке, слишком большая или недостаточная густота жидкости, малейший укол в мягкую оболочку мозга делают из человека глупца! И все же вы станете утверждать, что организация черепной коробки и содержащегося в ней мозга и нервов не имеет никакого влияния на умственные операции! Я боюсь, что вы в своих рассуждениях забыли две главные пружины человеческого организма — мозжечок и диафрагму.

Он говорит: Что мне за дело до разнообразия организации? С меня достаточно, что оно предсуществует даже до рождения. *Скажите:* Да, этого достаточно, чтобы вы были неправы и чтобы ваше заключение было ошибочным. Вы признаете, что эти причины различны от рождения, и в то же время допускаете, что они спо-

собны вызывать одни и те же следствия. Это не вяжется между собой.

Он говорит: Употребление дурной воды и грубой пищи, беспорядочность вожделений не имеют никакого влияния на ум. *Прибавьте к этому:* Хотя в конце концов они доводят человека до состояния животного. И климат тоже не имеет влияния, хотя это такая причина, действие которой никогда не прекращается. И местность не имеет никакого влияния, хотя горцы живы и сильны, а жители равнины полны и тяжелы на подъем. *Скажите:* Если свежесть органов не создает прекрасных творений, то их дряхлость создает скверные творения. Но разве нет старых детей и молодых стариков? Какое рациональное равенство вы установите между теми и другими? Как сумеете вы привести в движение этим тонким ручейком огромное водяное колесо, которое едва приводится в движение стремительными водами бурного потока?

Он говорит: У тридцатилетнего Вольтера и у шестидесятилетнего Вольтера одинаковый ум. *Скажите:* Где взяли вы это? Шестидесятилетний Вольтер — это попугай, повторяющий тридцатилетнего Вольтера, и вот это оказывает на вас впечатление. Старик не богатеет уже больше, он живет, тратя свое состояние; его жатва убрана, его амбары полны. Его поле может теперь оставаться невозделанным, но в его расходах не будет заметно никакого сокращения.

Он говорит: Нельзя быть самим собою и другим. *Прибавьте к этому:* Следовательно, надо было бы обращать немного внимания на то, что другой говорит нам о себе.

Он говорит: Почему у дилетанта счастливая природная склонность не уравнивает излишней капельки внимания, которую специалист уделяет своему искусству? *Скажите иронически:* Капельки внимания? Но искусство для дилетанта — забава, а для артиста — это ежедневный труд всей его жизни. И вы называете это излишней капелькой внимания?

Он говорит: Обладание какой-нибудь прекрасной женщиной может доставить моему соседу большой восторг, чем мне; но это обладание для меня, как и для него, самое интенсивное из удовольствий. *Скажите* (и да не будет это на основании вашего собственного опыта), что существуют удовольствия, которые возбуждают его соседа бесконечно больше, чем обладание какой-нибудь прекрасной женщиной. Скажите, что то, что он может утверждать о себе, нельзя вовсе утверждать о его скупом соседе, который не вынет из своего сундука и двадцати луи, чтобы спать с прекрасной госпожей Гельвеций.

У всякого свой особый интерес, и сила его столь же различна у каждого индивида, как его природа. Есть люди, предпочитающие покой всем наслаждениям, которых можно добиться лишь путем усилия. Что ожидать от человека, видящего свое счастье в лени? Неужели вы отрицаете существование истинных ленивцев? Мы все бываем такими в известные моменты, и есть люди, которые родились уже уставшими.

Он говорит: Странно, что есть люди, серьезно занимающиеся вздорными фокусами и шутками. *Скажите*, что не следует удивляться тому, что некоторые люди занимаются вещами, забавляющими огромное множество других людей. У римлян народ покидал пьесы Теренция⁶⁷ ради канатных плясунов, гимнастов и других фигляров того же рода. Поэт, жалуясь на это, был прав, но философ, который удивлялся бы этому, показал бы, что он плохо знает народ.

Он говорит, что хочет уничтожить чудесную сторону духа, а не ценные качества его. *Скажите* ему, что нельзя уничтожить чудесной стороны какой-нибудь полезной, великой и редкой вещи, найдя причину ее.

Если бы Гельвеций так же обладал верностью ума, как остроумием и проницательностью, то сколько он высказал бы тонких и верных вещей! К счастью, он ошибся. Можно всегда научиться чему-нибудь в произведениях таких любящих парадоксы людей, как он и Руссо. И я предпочитаю их сумасбродство, заставляющее

меня задумываться, банальным истинам, не заинтересовавшим меня. Если они и не заставляют меня изменить свое мнение, то почти всегда они умеряют крайности моих утверждений.

Он говорит: Выражение «правый ум» охватывает, взятое в широком значении, все различные виды ума. Вы же *прибавьте:* Разве существуют различные виды ума? Вы не можете отрицать этого, не противореча опыту, но не можете и признать это, не отказываясь от своих собственных принципов. Существуют умы живые, умы тяжеловесные, но эти различные орудия либо способны, либо неспособны к одинаковой работе: *Quidquid dixeris, argumentabor**.

Он говорит: Янсенисты утверждали, будто иезуиты ввели в балет Удовольствие, и, чтобы сделать его более пикантным, они надели на него штаны. Надо воздать должное иезуитам,— это обвинение ложно. Вы же *скажите:* Надо воздать должное иезуитам,— это обвинение правильно, и я докажу это: ведь иезуиты — мужчины и не имеют никаких сношений с женщинами. Согласно принципам Гельвеция, этот довод убедителен.

Он говорит: Раз правильно определены слова, то всякий вопрос решается одновременно с тем, как его задают. *Скажите:* В споре между мною и этим автором слова правильно определены, и именно потому мы с ним несогласны.

— Но, в таком случае, вопрос относится к области опытов и фактов, а когда приходится иметь дело с последними, то остается признать их.

— Нисколько. Изменился только предмет спора, и трудности вырастают до такой степени, что некоторые рассудительные люди утверждали, будто факты не доказывают ничего: так трудно их констатировать и правильно применять к разбираемому вопросу.

Он говорит: Произведение, в котором было бы установлено истинное значение слов, может быть написано

* Что бы ты ни сказал, я буду спорить.

только у свободного народа. У меня зародилась мысль о нем, и мне нехватило для этого не столько мужества, сколько таланта. *Скажите*: Если бы этот словарь был удачно составлен, то благодаря ему было бы закончено много споров, но не все споры. Между математиками существует ряд спорных пунктов; они существуют уже давно, и я не знаю, когда они исчезнут.

Он говорит: Не следует утверждать ничего, не опирающегося на опыт. *Скажите*: Это верно. Но так как созерцание сидит на месте, а опыт непоседлив, то приходится быть или Ньютоном, или Аристотелем, или Галилеем, чем может быть всякий средний нормально организованный человек.

Я не знаю, почему наш автор, знающий столько остроумных выражений, не вспомнил следующего: кто-то сказал, что меткая эпиграмма — это удача, но удача, случающаяся почти всегда только с остроумным человеком.

Какая была бы масса изобретателей и как мало чести было бы быть изобретателем, если бы это зависело только от случайности, от интереса, от желания или воспитания!

Он говорит: Самые добродетельные люди вовсе не те, которые признают в человеке больше всего добродетели. *Скажите откровенно* автору: Я не согласен с вами. Скажите, что существуют вещи, которые трудно сделать, и что было бы ошибочно считать себя способным к ним до того, как сделаешь их. Скажите, что если бы Кодру задали вопрос задолго до его поразительного самопожертвования, то он высказался бы о себе точно так, как вы высказываетесь о себе.

Можно находить в себе мужество, которого не оказывается в надлежащий момент, доблесть, которая покидает нас в нужное время.

Можно считать себя неспособным на преступление, которое в действительности совершаешь, и способным на великое дело, которого в действительности не делаешь.

Человек, возбужденный ожиданием вечного блаженства, не знает самого себя и преклоняет колени перед

идолами, которых он презирал в глубине своего сердца, но вдали от места казни.

Не будем думать о себе ни слишком хорошо, ни слишком дурно, если нас не уполномочит на это повторный опыт. Будем ожидать последней минуты, чтобы высказать мнение о своей судьбе и своей добродетели.

Госпожа Макалей⁶⁸ говорила, что никогда чистота ее взоров не была осквернена видом какого-нибудь деспота или государя. Госпожа Макалей видела своего короля.

Он говорит, что бесчисленные опыты доказывают, будто люди повсюду по существу одинаковы. *Скажите*, что если он говорит об обществе людей, цивилизованных и свободных по сравнению с другим обществом цивилизованных людей, то это почти что правда; что если он хочет сказать, что человек — повсюду человек, а не лошадь, то это тривиальность; но что если он имеет в виду, будто в любом обществе всякий человек сгдит, по существу, другого человека, то это — заблуждение. Так как определение человека не совпадает с определением умного человека и так как всякое определение содержит два понятия, из которых одно представляет ближайший род, а другое — специфическое или существенное отличие, то умный человек отличается по существу от человека вообще, отличается столь же существенно, как существенно отличается человек вообще от животного вообще.

Хорошая или дурная организация является такой причиной различий между людьми, которую ничто не может компенсировать. Анатомы, врачи, физиологи докажут вам это на основании бесчисленного множества явлений: откройте их произведения, и вы увидите, что эта пружина всех наших умственных операций чувствительна почти чудесным образом к малейшему изменению, происходящему в остальной части человеческого организма; вы увидите, что ничтожный приступ лихорадки может сделать человека или остроумным, или тупым. Неужели вы никогда не страдали от головной боли? Вы не сказали ни слова о сумасшедших; между тем если бы вы внима-

тельно рассмотрели безумие, то вы пришли бы к совершенно иным результатам. Обитатели сумасшедшего дома видят, слышат, обоняют, осязают так же тонко, как вы в своем кабинете на улице святой Анны, но они рассуждают совершенно иным образом. Почему вы не задумались над причиной этого? Если бы вы задали себе этот вопрос, то к вашей книге прибавилась бы не одна важная глава. Может быть, это раскрыло бы перед вами истинную причину различия умов и побудило бы вас к изысканию средств,—если таковые имеются,—исправить недостатки этого важнейшего органа, этого чувствующего, мыслящего, судящего, потускневшего, разбитого зеркала, от решения которого зависят все наши ощущения. Неужели вы думаете, будто в таком механизме, каким является человек, где все так тесно связано между собой, где все органы воздействуют друг на друга, какая-нибудь твердая или жидкая часть его может быть испорчена так, чтобы от этого не страдали другие части? Неужели вы думаете, что природа жидкостей, крови, лимфы, емкость сосудов тела, система желез и нервов, твердая оболочка мозга, мягкая оболочка мозга, соединительные внутренностей, сердца, легких, диафрагмы, почек, мочевого пузыря, половых органов, неужели вы думаете, что все это может изменяться, не оказывая никакого влияния на мозг и на мозжечок? Неужели вы думаете это, между тем как достаточно сокращения какой-нибудь фибры, чтобы вызвать ужасные спазмы; достаточно замедления или ускорения кровообращения, чтобы вызвать бред и летаргию; достаточно потери нескольких капель спермы, чтобы ослабить или усилить деятельность человека; достаточно прекращения какого-нибудь выделения или затруднения в нем, чтобы вызвать какое-нибудь постоянное недомогание; достаточно ампутации или увечья двух желез, не имеющих как будто никакого отношения к умственным функциям, чтобы изменить голос, отнять энергию и мужество и почти превратить один пол в другой. Вы, значит, не обращаете внимания на то, что не рождается почти ни один человек без какого-нибудь из

этих органических недостатков, что погода, образ жизни, упражнения, страдания, удовольствия рано или поздно вызывают их у нас; и вы продолжаете упорно утверждать, либо что они не оказывают никакого действия на нашу голову, либо что это действие не имеет никакого влияния на комбинирование идей, на внимание, на суждение, на наш разум. Подумайте же, как далеки вы от решения поставленной вами себе задачи; подумайте, какую силу приобрели бы мои возражения в устах образованного врача, который подкрепил бы их своими теоретическими и практическими познаниями.

Когда вы постулировали, что средний нормально организованный человек одинаково способен ко всяким умственным операциям, то вы выдвинули самый туманный, самый неопределенный, самый непонятный постулат, ибо вы не внесли в формулировку его ни состояния мозжечка, ни состояния большого мозга, ни состояния диафрагмы, ни состояния какой-нибудь другой части тела. Вот человек цветущего вида, полный, с блестящим взором, атлетического сложения; таков он сегодня, а завтра мне сообщают о его смерти. Вот другой человек, слабый, хрупкий, бледный, худой, истощенный; он стоит, кажется мне, одной ногой в могиле, между тем он живет долгие годы, не жалуясь ни на какую болезнь.

Стр. 225.— *Всякий человек, привыкший к уловкам крючкотворства, с трудом доходит до основных принципов законодательства.*

Скажите: каждый человек вообще. И не жалейте о потере тех, которые запутались в судебных формах и в тонкостях крючкотворства. Освободите их из этих пеленок; они перестанут быть крючкотворами, но не станут от этого крупными политическими писателями; они окажутся ничтожествами.

Если бы у них был возвышенный и обширный ум, интерес к общему благу, то либо они не выбрали бы профессии крючкотворства, либо она им опротивела бы.

Если паук не перестает ткать паутину, то потому, что он — паук.

Люди рождаются сильными или слабыми. При прочих равных условиях, человек, сильный от рождения, менее склонен к справедливости, связывающей крепкие руки, чем слабый человек, которого она охраняет и всю силу которого она составляет.

Но если сила присоединяется к глубокому чувству справедливости, то из этих двух противоположных элементов рождается героизм.

Говоря это, я имею целью показать, что любовь или нелюбовь к известным добродетелям имеет свой источник в организации.

Разумеется, человек, в котором жидкости едки и жгучи, у которого обширны запасы семени, очень чувствительны фибры, устилающие мочевой канал, и быстро и часто органическое движение половых органов, может быть воздержанным. Но сумеет ли он так же легко быть воздержанным, если он живет в жарком климате, имеет обильный стол, пьет чудесные вина, как и тот человек, в котором эти жидкости спокойны, выделения слабы, фибры мягки и который живет в дождливом климате, умерен в пище, ест только коренья и пьет только настой из кувшинки?

Поймите же, что существуют организация, образ жизни, климат, мало пригодные для известных добродетелей и очень благоприятствующие известным порокам, и что если эти причины имеют такое влияние на характер и на темперамент человека, то они имеют не меньшее влияние и на умственные способности его.

Раздел III

Вторая часть первого тома

Случай есть причина умственного неравенства; желание есть причина превосходства одного человека над другим; всякое открытие и всякая новая идея — это результат милости случая. Вот целый ряд весьма рискованных общих утверждений.

Какой-нибудь человек занимается физикой, математикой, анатомией, историей. Его занятия приводят его к догадке, которую опыт подтверждает; а наш автор называет это случайностью.

Декарт, алгебраист и геометр, замечает, что алгебраические знаки могут с одинаковым успехом представлять числа, линии, поверхности и объемы и что какая-нибудь алгебраическая истина находит соответственное выражение в геометрии: он открывает приложение алгебры к геометрии; а наш автор называет это случайностью.

Лейбниц и Ньютон додумываются в одно и то же время, что алгебраические знаки могут выражать как отношения двух конечных количеств, так и исчезающее отношение этих двух количеств, и они опубликовывают метод дифференциального и интегрального исчисления; а наш автор называет это случайностью.

Сидя в саду, Ньютон замечает, как плоды отрываются от дерева и падают. Он начинает размышлять о причине тяжести и предполагает, что сила, влекущая тяжелые тела к центру земли, удерживает небесные тела на их орбитах; он сравнивает это предположение с астрономическими наблюдениями и открывает таким образом закон вселенной, а наш автор называет это случайностью.

Галилей наблюдает падение тел и замечает, что их скорость растет с каждым мгновением; он ищет при помощи опыта, каков закон этого ускорения, и находит, что проходимые в равные времена пространства относятся между собой, как ряд нечетных чисел; а наш автор называет это случайностью.

Рёмер⁶⁹ предполагает, что свет распространяется не мгновенно. Он отыскивает в таблицах время погружения в тень и выхода из нее одного спутника Юпитера. Он производит наблюдения и замечает, что этот спутник виден еще и тогда, когда, согласно таблицам, он должен был уже скрыться за планетой, и еще невидим тогда, когда он должен был бы выйти из нее; на основании этого он умозаключает, что разница между вычисленным временем погружения в тень или выхода из нее спутника

и фактическим появлением и исчезновением его в точности равна времени, потраченному светом, чтобы пройти расстояние от спутника или Юпитера до Земли; а наш автор называет это случайностью.

Но так как случайности могут одинаково представиться всем средне организованным людям, то наш автор умо-заключает на основании этого о равенстве умов, и вот получен метод для создания гениальных людей. Поистине, все эти рассуждения жалки.

Скажите ему: природа, организация, чисто физические причины готовят гениального человека; моральные же причины дают ему возможность проявиться. Упорные научные занятия, приобретенные обширные знания заставляют его высказать удачные догадки; если же догадки подтверждаются опытом, то они делают его бессмертным. Он ответит вам: я, со своей стороны, вижу во всем этом лишь сцепление случайностей, из которых первой является его существование, а последней — сделанное им открытие; и нет такого нормально организованного человека, который не принес бы с собой от рождения способности прославиться таким же самым образом.

Эта точка зрения утешает меня и должна утешить многих других людей, ибо найдется ли такой безрассудный человек, который был бы унижен привилегией случайности? Найдется ли человек, который не стал бы считать себя гениальным человеком, если этому только поспособствует случай? Гельвеций, я вижу, что вы улыбаетесь, но почему же вы улыбаетесь? Я человек не средне организованный, а хорошо организованный; у меня есть ум, знания, привычка к размышлению. Я только и желал бы, что наслаждаться уважением в течение жизни и оставить после смерти славное имя. Страстное желание сделать какое-нибудь открытие или изобретение не дает мне спать ночью, преследует меня днем; мне нехватает только счастливого случая, и я поджидаю его. Правда, я жду его безуспешно уже около пятидесяти лет, но кто сказал вам, что он никогда не придет?.. Вы опять улыбаетесь, и вы правы.

Если случится, что не Даламбер, не Лагранж, не Эйлер и не какой-нибудь другой математик равной силы усовершенствует исчисление флюксий, то я клянусь, что поверю Гельвецию и его случаю. Но я уверен, что, давая эту клятву, я ничем не рискую.

Глава I

Стр. 2.— *Наша память — это реторта алхимиков.*

Да, но бросьте в реторту различные, взятые наугад, без всякого выбора вещества; и на один опыт, который даст вам что-нибудь полезное, вы сотню или тысячу раз потеряете даром свое время, свои вещества, свой уголь.

Глава II

Стр. 2.— *Совершенно неизвестная истина не может быть предметом моего размышления.*

Разумеется, нельзя размышлять над тем, чего еще не знаешь; но во всякой науке, во всяком искусстве известно, что уже сделано, что еще остается сделать, известны стоящие на пути препятствия, предстоящие выгоды и слава; и исследователи исходят из этого, чтобы приступить к своим размышлениям и произвести соответствующие опыты. Какое отношение ко всему этому имеет случай?

Та же стр.— *Когда я замечаю какую-нибудь истину, то она уже открыта.*

Моя обычная профессия заставляет меня непрерывно думать о предстоящих открытиях, чтобы довести их до совершенства.

Когда я думаю о различных средствах успешно решить некоторые из этих проблем, то мне приходит в голову одно какое-нибудь из них, и это средство является результатом некоторых новых точек зрения, с которых я взглянул на предмет своего исследования. Это средство может быть хорошим или дурным, но я пробую его.

Вот что Гельвеций имеет очевидно, в виду, когда употребляет свое выражение: замечать истину. Но что замечает исследователь, когда он создает гипотезу, когда он не знает конечного пункта своей дороги, когда искомая истина находится в конце этой дороги, когда он не знает, сможет ли он следовать по этой извилистой или прямой дороге до конца, когда, следуя по ней до конца, он встречает лишь иллюзию, лишь призрак истины?

Разочаровавшись, однако, в каком-нибудь обманчивом средстве, иногда придумываешь другое, которое считаешь более пригодным и которое оказывается столь же неудачным; затем придумываешь третье, которое на опыте оказывается столь же бесплодным, как и предыдущие средства, и так это тянется в течение долгих лет, пока либо добьешься успеха, либо окончишь свои дни за работой.

Вот что я называю историей заблуждений или открытий, и хотя первые не представляют никакой пользы для науки, но в них часто обнаруживается больше проницательности со стороны изобретателей, чем в истории открытий.

Согласно легенде, истина скрыта на дне столь глубокого колодца, что не всем людям дано увидеть ее там. Я подвожу философа к краю этого колодца. Он смотрит в него; сначала он видит перед собою лишь мрак; мало-помалу этот мрак как будто рассеивается; ему кажется, что он заметил истину; сердце его трепещет от радости, но вскоре он узнает свою ошибку: то, что он принял за истину, не было ею. Он огорчен, но все же не теряет духа; он протирает себе глаза, удваивает внимание. Наступает момент, когда он в восторге восклицает: «Это она!..» И действительно, это она, либо же это не она. Он не ищет ее наугад; это не слепой, бредущий ощупью, это — зрячий человек, долго размышлявший над тем, как лучше всего, в зависимости от обстоятельств, использовать свои глаза. Он пробует эти методы, а когда он вполне убедился в непригодности их, то как он поступает? Он начинает искать других методов. Он уже не

смотрит тогда на дно колодца, он смотрит уже на самого себя; он хочет найти как различные способы, какими можно проникнуть в колодец, так и различные хитрости, при помощи которых можно извлечь скрывающуюся в нем истину.

Отсюда следует, что источником первых попыток исследователя является не случай, но знание им несовершенств своего искусства, знание, приобретаемое при помощи занятий. И, следовательно, средства открытия, как и само открытие, не приходится приписывать случаю.

Ничто не происходит в природе скачками, и внезапное быстрое озарение, осеняющее мысль, зависит от какого-нибудь предыдущего явления, связь с которым можно было бы найти, если бы мы не торопились бесконечно больше воспользоваться этим проблеском истины, чем отыскать причину его. Плодотворная идея, какой бы странной она ни была, какой бы случайной она ни казалась, вовсе не похожа на падающий с крыши на голову камень. Камень может ударить безразлично в любую голову. Совсем иное приходится сказать об идее, и Фон-тэну, занимающемуся усовершенствованием нового исчисления, не безразлично, встретит ли он Даламбера или Клеро, или какого-нибудь другого математика. Какой-нибудь прохожий не говорит другому прохожему: «Вы украли у меня мой камень...», но зато я слышу каждый день, как какой-нибудь ученый говорит другому ученому: «Вы украли у меня мою идею». Сколько падает идей, не встречающих головы, которую они могли бы поразить!

Разумеется, иногда в пылу разговора, во время спора, чтения, благодаря услышанному слову, в нас зарождается первая догадка насчет некоторой истины. Но кому является эта догадка? Всем средне организованным людям? Сколько требовалось предварительных усилий, чтобы подготовить эту догадку!

Стр. 2. — *Когда я замечаю какую-нибудь неизвестную истину, она уже открыта.*

Наш автор не обратил внимания на то, что в чело-

веческой мысли все связано точно так, как во вселенной, и что у самой нелепой идеи, как будто внезапно ворвавшейся в круг моих теперешних размышлений, есть своя довольно свободная нить, связывающая ее либо с занимающими меня мыслями, либо с каким-нибудь явлением, происходящим внутри или вне меня; он не обратил внимания на то, что при некотором усилии внимания я сумел бы распутать эту нить и найти причину внезапного сближения и взаимного соприкосновения все время занимающей меня мысли и вновь явившейся мысли и что маленькое сотрясение, разбудившее насекомое, расположившееся на большом расстоянии в темном уголке комнаты, и заставившее его приблизиться ко мне, столь же необходимо, как и заключение из двух посылок силлогизма; что, следовательно, все — либо случай, либо ничто, и что, возвращаясь вспять и разбирая события нашей жизни и длинную цепь наших занятий, мы всегда натываемся на какой-нибудь непредвиденный факт, на мелкое обстоятельство, на ничтожный по видимости, а может быть, и в действительности эпизод, — ибо если бы импульс не исходил от этого толчка, то он был бы дан нам каким-нибудь другим толчком. Если Гельвеций желал сказать именно это, то не стоило труда; если же что-нибудь другое, то оно не имеет никакого смысла. У размышляющего человека мы наблюдаем необходимое сцепление идей; у человека, занятого определенной профессией, — необходимое сцепление определенных идей; у действующего человека — сцепление эпизодов, из которых самый незначительный столь же необходим, как и восход солнца. Двойная необходимость свойственна индивиду, судьба которого предопределена от века. Забываешь на минуту эти принципы, которыми насквозь пропитан, и в результате масса противоречий в книге. Ты — фаталист, а между тем каждую минуту ты думаешь, говоришь, пишешь, точно ты придерживаешься учения о свободе воли, этого предрассудка, слышанного тобой еще в колыбели, создавшего ходячий язык, на котором ты лепетал в детстве и которым ты продолжаешь пользоваться, не замечая,

что он не годится уже для твоих взглядов. Ты стал философом в теории и остался на уровне простонародья в своих выражениях.

Все совершается в нас, потому что мы — мы, всегда мы, не оставаясь, однако, ни на минуту теми же самими.

Стр. 3. — *Но если мы обязаны случаю этими первыми догадками, а следовательно, этими открытиями, то можно ли утверждать, что мы не обязаны ему также средствами расширить и усовершенствовать их?*

Но если бы я признал одно и стал отрицать другое, если бы я стал утверждать, пользуясь вашим выражением, что бесконечно больше случайности в открытии, чем в усовершенствовании, то разве я был бы так неправ? Открытие иногда имеет такой вид, точно оно упало с неба; усовершенствование же кажется чем-то более обдуманым; оно как будто бы более связано с непрерывными усилиями человека, присоединяющимися к усилиям его предшественника, другого предшественника, третьего предшественника, которые преемственно носили это бремя, сменяя друг друга.

Сколько Иксионов, бравшихся последовательно за то же самое колесо, сколько Прометеев и сколько раздиравших их коршунов!

Несомненно, существует случайный опыт; но у кого преимущественно он может оказаться? У специалиста. В чьих руках он должен стать плодотворным? В руках образованного человека.

Славу открытию придает большая или меньшая польза его, а не степень проницательности изобретателя.

Гельвеций утверждает это, и я согласен с ним. Пусть какой-нибудь математик отметит на бумаге три точки; пусть он предположит, что между этими тремя точками действует известный закон притяжения, пусть он попытается определить движение их. Решение им этой проблемы вызовет сенсацию, которая замрет в одной из зал Академии наук. Но пусть он скажет: одна из этих точек

земля, другая луна, а третья — солнце... и вся вселенная станет греметь славой его имени.

Стр. 3.— *Существуют надежные методы для образования ученых людей, но нет таких методов для образования гениальных людей.*

Если бы Гельвеций хорошенько подумал, то он понял бы, что человек, получивший от природы склонность к наукам, столь же обязан своей эрудицией случаю, сколь обязан случаю своими открытиями человек, получивший от природы гениальные способности.

Он понял бы, что существует ровно столько же методов для создания эрудита, как и для создания гениального человека, если не предположить особенной, свойственной каждому из этих состояний организации.

Он понял бы, что, при предположении этой организации, почести и награды должны умножить несчетным образом число того рода игроков и тех счастливых событий, которые наш автор называет случайностями.

Он понял бы, что, без предположения этой организации все те средства, которые можно придумать, оказались бы бесплодными.

В чем же заключается значение воспитания? Совсе не в том, чтобы сделать из любого средне организованного ребенка то, что желательно сделать из него его родным, но в том, чтобы заставить его постоянно заниматься тем, к чему он способен: эрудицией, если он обладает большой памятью, геометрией, если он легко комбинирует числа и пространства, поэзией, если в нем есть пыл и воображение. То же самое относится к другим наукам, и первой задачей хорошего трактата о воспитании должно быть выяснение того, как распознать естественные склонности ребенка.

Глава III

Стр. 6.— *Неравенство умов происходит не столько от слишком неравного распределения даров случая, сколько от безразличия, с которым к ним относятся.*

— А откуда происходит это различие?

— От различия внимания.

— А это различное внимание?

— От интереса.

— А интерес?

— От воспитания.

— Но воспитание не создает интереса: оно иногда разрушает его.

— Я ввожу в воспитание всякого рода поощрения.

— Но можно указать на тысячи детей, которых всячески поощряли и из которых ничего не вышло, и можно указать на тысячи других детей, у которых всячески отбивали охоту заниматься тем, что они делали, несмотря на все поставленные им препятствия, — пусть хорошо, плохо, посредственно, но все же делали.

Есть что-то непонятное в начале этой третьей главы. Моя ли это вина или вина автора? Я не знаю этого. Гельвеций говорит: «Если бы почти все предметы не заключали в себе, при внимательном рассмотрении их, зародыша какого-нибудь открытия; если бы случай не распределял почти равномерно своих даров и не предоставлял всем людям предметов, из сравнения которых могут получиться новые великие идеи, то ум был бы почти целиком даром случая». Я понял бы, мне кажется, это место лучше, если бы он сказал: «Если бы случай распределял равномерно свои дары, если бы он предоставлял всем людям и т. д.».

Дары случая принимаются равнодушно.

Вот весьма странный способ выражения. Можно подумать, что искусство открытий—это игра, в которой проигрываешь по своей вине, и что слуга Ньютона по собственной вине предоставил своему господину случай произвестить опыты над светом.

Гельвеций говорит: «*Благодаря случаю автор думает о таком-то и таком-то вопросе.*»

А вы скажите: «Это благодаря тому, что он либо математик, либо метафизик, либо механик. Это—его профессия».

Гельвеций говорит: «*Благодаря случаю автор устремляет свои взоры на такие-то вопросы науки и искусства.*»

А вы скажите: «Нет ничего естественнее и обычнее, чем заниматься вопросами, на которых остановились наши предшественники в своих усилиях, ничего естественнее, чем исходить из этого, чтобы продвинуться вперед».

Случайностью было бы, если бы Вокансон стал заниматься сочинением панегириков, а Тома изготовлением машин.

Пойдите к Даламберу или к Фонтэну, и вы увидите, что они заняты усовершенствованием интегрального исчисления, что они отыскивают метод для точного или быстрого приближенного решения уравнений трудной формы. Пойдите к Безу⁷⁰ и спросите его, чем он занимается, и он вам скажет, что он ломает себе голову над общим решением уравнений любой степени.

Гельвеций утверждает, будто искомую вещь находят благодаря случаю.

А вы скажите, что этим поискам всегда предшествует известный ряд рассуждений или теоретических идей, требующих опытной проверки.

Если есть два почти одинаково талантливых человека, то роль случая для них сводится лишь к тому, что один из них, лучше руководимый, чем другой, открывает то, что они были одинаково способны открыть оба. Петр бежит так же хорошо, как Иван, но, к сожалению, Иван обогнал его.

Когда Ньютона спросили, каким образом он открыл свою систему мира, то он не ответил: «благодаря случаю», а ответил: «размышляя усиленно над этим». Другой прибавил бы: «и потому что он был Ньютоном».

Я не хуже Безу знаю, где остановился теперь прогресс анализа. Но если бы мы стали вместе работать над одной и той же проблемой, то можно поставить тысячу против одного, что решит ее он, хотя бы для меня дело шло о моей жизни и хотя бы я потратил в тысячу раз больше усилий, чем он.

Гельвеций говорит: «*Нет человека, обуреваемого*

жаждой славы, который не прославился бы более или менее в излюбленном им искусстве или науке...» Пусть он говорит себе это; это неверно, он противоречит опыту.

Гельвеций говорит: *«Если два человека одинаково жаждут прославиться, то случай решает, кто из них...»* Пусть он говорит себе это; эта жажда может сильнее обуревать бездарного человека, чем человека гениального. И глупцы весьма часто говорят: *«Как бы я хотел сделать какое-нибудь прекрасное открытие».*

Гельвеций говорит: *«От случая зависит также выбор предметов...»* Пусть он говорит себе это. Всякий занят своим делом, у всех глаза обращены в одну и ту же сторону. Один видит, потому что у него хорошее зрение и взор у него устремлен, куда нужно. Другой не видит либо потому, что у него плохое зрение, либо потому, что он смотрит куда-то в сторону. И первый видит лучше других, может быть, не в ту минуту, когда он тщится из всех сил смотреть, а тогда, когда он устал от бесполезного напряжения и когда он обводит небрежным, поверхностным взором почти опротивевший ему предмет.

Тот, кто целиком поглощен каким-нибудь средством, видит только его. Тот, кто, так сказать, парит над предметом, замечает несколько путей, ведущих к нему. При известных обстоятельствах усиленное, концентрированное на одном каком-нибудь пункте внимание вредно, и гораздо полезнее неопределенно блуждающий взор.

Стр. 7.— *Зачатки открытий, предоставляемые случаем всем людям, бесплодны, если их не оплодотворяет внимание.*

Но достаточно ли одного внимания, чтобы оплодотворить их?

Глава IV

Стр. 8.— *[В большинстве людей я вижу только жадных купцов.]*

Ваше сравнение людей с купцами блестяще, но верно ли оно? Мне кажется, что между людьми, занятыми на

одном и том же поприще, происходит ожесточенная борьба и что это чрезмерное соревнование доводит до несправедливости и ненависти. Море для всех одно и то же. Все пытаются сделать открытия, но один двигается наугад, у него дурной кормчий, нет компаса, его судно — скверный парусник.

Нет человека, который не знал бы, что путь счастья, почестей, богатства один и тот же.

Стр. 8.—*Есть мало Колумбов, и в этом мире, жадном только до почестей, чинов, влияния и богатств, немногие люди пускаются в открытое море в поисках новых истин.*

Я не удивляюсь этому, особенно если ваша система правильна. Ведь, согласно ей, все наши мысли, все наши усилия, все наши планы сводятся в конечном счете к чувственным наслаждениям. Что же сказать о человеке, который пренебрегает открытиями и устремляется к деньгам? Что он идет прямо к цели, что он мудрец. Зачем вы требуете от него длинного кружного пути, чтобы достигнуть столь близкой по существу цели?

Наш автор находился только что в открытом море; теперь он в глубине лесов, где тысячи людей блуждают и будут блуждать, не открывши ничего. Гениальный человек нашел тропинку, которую толпа затем утаптывает: это — категория классических авторов, — категория, на которую не обращали достаточно внимания, — ясные, здравые умы, делающие науку общедоступной.

Стр. 9.—*Что такое потребность в славе? Это потребность в удовольствии; во всех странах, где слава перестает означать удовольствие, граждане равнодушны к славе.*

Да, граждане вообще.

Только в старости рассуждаешь так, как наш автор. Рассудительные родители постоянно рисуют своим детям картину знаменитого человека, умирающего от голода. «Несчастный, — говорят они, — чего ты хочешь? Нет никакой уверенности, что ты добьешься славы, но несомненно, что ты идешь навстречу нищете...» Вот речи,

оглашающие наши дома, но они убеждают лишь посредственных детей; другие же выслушивают своих родителей, но идут туда, куда их зовет природа. Все сказанное нашим автором годится лишь для тех, кто не является настоящим избранныком.

Раздел IV

Глава I

Стр. 13.—*Когда ребенок покидает утробу матери и открывает перед собою двери жизни, он входит в нее без всяких представлений и страстей.*

Без представлений — это верно, но со способностью воспринимать их, сравнивать и предпочитать некоторые из них и усваивать их легче, чем другие. Без вполне готовых страстей — я этого не знаю; без способных к развитию страстей — я это отрицаю; с одинаковой склонностью ко всякого рода страстям — я это тоже отрицаю; со склонностью ко всякого рода страстям — мне кажется, я могу и это отрицать⁷¹. Есть люди, которым никогда не была знакома скудость. Очень редко бывает, что у человека нет какой-нибудь господствующей страсти; еще реже, чтобы над ним одинаково господствовали две страсти; столь же редко, чтобы какая-нибудь господствующая страсть не раскрылась перед внимательным человеком в первые же годы жизни, задолго до зрелого возраста. Угрюмый ребенок оказывается угрюмым уже в шесть месяцев. Ребенок бывает живым или вялым, нетерпеливым или спокойным, хладнокровным или раздражительным, печальным или веселым. Все рассуждения нашего автора могут заставить думать, что он никогда не наблюдал детей.

Стр. 14.—*Было ли замечено, что известная организация нервов, жидкостей или мускулов постоянно порождает один и тот же способ мышления?*

Да, это было замечено. На нарушении этого обычного в здоровом состоянии способа мышления и на новых

симптомах его или на новом принимаемом им обороте основывается отчасти диагноз врачей.

Изменяют ли моральные свойства физические?

Нет, моральные свойства не изменяют физических, но первые оказывают принудительное действие на вторые, и это непрерывное принуждение под конец отнимает у тех всю первоначальную природную энергию. Можно внушить малодушному ребенку отвагу, буйному ребенку — умеренность, легкомысленному ребенку — осторожность. Его приучают к этим вещам так, как его приучают удерживать свой крик во время боли: он страдает, но уже не жалуется.

Отнимает ли природа некоторые фибры мозга у одних людей, прибавляя их к мозгу других людей? Способен ли наставник выпрямить спину горбуна?

Вы рассуждаете о голове, точно о ногах, о фибрах мозга, точно о костях ног; между тем это совершенно различные вещи. Дурная привычка может испортить то, что природа сделала удачно, отсутствие упражнения может уничтожить это, а, с другой стороны, они могут исправить то, что природа сделала плохо. Хирург, который смущается, рука которого дрожит во время первых операций, с течением времени становится тверже и перестает дрожать; в конце концов врач перестает волноваться: оба они способны спокойно смотреть на судороги и слушать крики человека, страдающего от почечного припадка; акушер извлекает ребенка из утробы матери, не испытывая ни малейшего чувства сострадания; мясник, привыкший погружать свои руки в кровь животных, без ужаса смотрит, как течет человеческая кровь. Кровавые зрелища и публичные казни делают под конец жестоким целый народ, — доказательством этого являются римские женщины, осуждавшие на смерть неумелого гладиатора.

Во всей этой главе нет ни одного слова, которое не противоречило бы разуму и опыту.

Во всех странах люди любят себя самих...

Это верно. Но каждый подвид в любой стране любит себя на свой манер.

Глава II

Стр. 16.— *Характер народов изменяется; но когда легче всего заметить эту перемену? В моменты переворотов, когда народы переходят внезапно от состояния свободы к состоянию рабства. Тогда народ, бывший гордым и смелым, становится слабым и малодушным.*

Гельвеций оказывается здесь плохим наблюдателем. Дело происходит не таким образом. После переворотов в глубине души граждан остается потухающее мало-помалу чувство свободы, чувство, которое министры тиранов замечают в самих себе и которые они уважают в новых рабах. Лишь дети тиранов дерзают на все, и лишь порабощенные дети свободных людей терпят все. В качестве свидетельства этому я могу сослаться на гвардию, окружавшую этого злодея Мопу, когда он проезжал по улицам столицы, направляясь ко дворцу.⁷²

Стр. 17.— *Если какой-нибудь государь добьется безграничной власти над своими народами, то можно быть уверенным, что он изменит характер их.*

Вы ошибаетесь. Это не дело рук одного деспота. Он начинает его, а его преемники, находя опору в трусости отцов, заканчивают его при их детях. Порабощенные отцы приучают своим примером и своими разговорами детей к роли рабов; они не перестают говорить тем, кто с нетерпением носит свои цепи и пытается сбросить их: «Берегись, сын мой, ты погубишь себя...» Нравственность извращается, и даже в произведениях философов. Вокруг пещеры тигра начинают проповедывать мысли о безопасности, а не о возмущении. Когда я читаю у Саади: «*Мудр тот, кто умеет скрыть тайну от своего друга*», то бесполезно говорить, в какой стране он писал и при каком правительстве.

Стр. 18.— *Нет ничего лучше, — сказал прусский*

король в речи, принесенной в Берлинской академии,— чем самодержавное правление при справедливых, гуманных и добродетельных государях.

И вы, Гельвеций, цитируете с похвалой это изречение тирана! ⁷³ Самодержавное управление справедливого и просвещенного государя всегда дурно. Его положительные черты—это самое опасное и самое верное из обольщений: они незаметно приучают народ любить, уважать, служить его преемнику, хотя бы он был злым и глупым. Самодержавное управление отнимает у народов право обсуждать, хотеть или не хотеть и даже противиться воле государя, когда он распоряжается хорошо. Между тем это право сопротивления, как бы безрассудно оно ни применялось, иногда священо: без него подданные похожи на стадо, на требования которого не обращают внимания под тем предлогом, что его ведут на жирные пастбища. Управляя по своему произволу, тиран совершает величайшее из преступлений. Что характеризует деспота? Доброта ли, или злость? Ни то, ни другое. Оба эти понятия не входят даже в определение понятия деспота. Деспот характеризуется объемом власти, а не применением ее. Для народа одним из величайших несчастий были бы два или три последовательных царствования справедливых, кротких, просвещенных, но самодержавных правителей: счастливое управление довело бы народ до полного забвения своих привилегий, до окончательного рабства. Я не знаю, задумывался ли когда-нибудь какой-нибудь тиран или его дети о следствиях этой опасной политики. Но я не сомневаюсь, что, практикуй они ее, они имели бы успех. Горе тем народам, у которых уничтожили всякую мысль об их свободе, хотя бы самыми похвальными по видимости средствами: тем пагубнее эти средства для будущего. Таким именно образом люди погружаются в сладкий сон, в смертоносный сон, во время которого гаснет патриотическое чувство и перестают интересоваться вопросами государственного управления. Предположите, что у англичан были бы одна

за другой три Елизаветы⁷⁴, и англичане оказались бы последними рабами в Европе.

Стр. 19.— *Таким образом люди от рождения либо не приносят с собой никакой склонности, либо же они приносят склонности ко всем порокам и ко всем добродетелям.*

Все то, что предшествует, верно, но умозаключение ошибочно. Я не знаю, приносит ли с собой человек от рождения склонности ко всем порокам и добродетелям, или же он не приносит никаких склонностей. Я предпочел бы спросить по этому поводу врача, не заглядывая ни в какие решительно книги. Если бы я захотел считаться с каким-нибудь свидетельством, то — со свидетельством отцов многочисленных семейств. Нет ничего обычного, чем слышать из их уст: «Вот этот ребенок был всегда мягким, добрым, открытым, вот тот — хитрым, скрытным и злым...», причем они приводят в подтверждение своих слов черты их характера из раннего детства.

Та же стр.— *Иностранцы сначала замечают у французов один и тот же дух и один и тот же характер.*

Приводя различные соображения для объяснения этого явления, Гельвеций, может быть, забыл главнейшее из них. Эта общая, одинаковая у всех физиономия есть у французов вследствие их чрезвычайной общительности; это — словно монеты, чеканка которых стерлась от постоянного обращения. Нет другого народа, который подходил бы так на одну семью. Один француз делает больше движений в своем городе, чем десять англичан, пятьдесят голландцев, сто мусульман в своих городах: одного и того же человека можно встретить в один и тот же день при дворе, в городе, за городом, в Академии, в каком-нибудь кружке, у банкира, у нотариуса, у прокурора, адвоката, у вельможи, у купца, у рабочего, в церкви, в театре, у девок, и повсюду он чувствует себя одинаково свободно и как дома. Можно сказать, что он не покинул своей квартиры и лишь перешел в другую комнату. Другие столицы — это скопление домов, каждый

из которых имеет своего собственника. Париж же точно один большой общий дом, где всё — вплоть до женщин — принадлежит всем: в нем нет ни одного общественного слоя, который не заимствовал бы чего-нибудь от слоя, стоящего над ним; все общественные слои соприкасаются между собой в некоторых пунктах. На вельможах отражается сияние двора, а на мещанстве — сияние вельмож. Отсюда проистекает стремление подражать роскоши, пагубнейшее из всех стремлений: эта роскошь, наглый признак богатства у небольшой кучки, является маской нищеты почти у всех прочих. Этим объясняется стремление к ассимиляции, смешивающей между собой все сословия, к ассимиляции, увеличивающейся благодаря притоку иностранцев, с которыми стараются быть любезными, одни из вежливости, другие из корыстных соображений. Человек, пробывший среди нас семь-восемь месяцев и не пашедший нас такими, либо не интересовался тем, чтобы наблюдать нас, либо обладал каким-нибудь отвратительным недостатком, который заставлял нас держаться подальше от него, либо же вбил себе в голову какую-нибудь мысль, которая мешала ему беспристрастно наблюдать нас. Может быть, трудно — особенно для женщины-иностранки — завязать первое знакомство, но после первого знакомства быстро завязываешь множество их.

Стр. 20. — *Каково бы ни было наше национальное единообразие, но всегда можно найти какое-нибудь различие между характерами и умами различных индивидов; однако для этого требуется время.*

Может быть, это одна из причин, почему так трудно написать у нас комедию.

Глава III

Стр. 20. — *Самый надменный человек трепещет в пещере льва.*

Т. е. самый раздражительный человек не раздражителен в объятиях своей любовницы. Что же это доказывает?

Т. е. самый сладострастный человек, когда силы его истощены, чувствует, может быть, отвращение к женщинам. Что же это доказывает?

Стр. 21.— *Если дерево долго держать согнутым, то оно теряет всю упругость.*

Я думаю; я думаю даже, что нет такого физического свойства у животных и даже у бронзы или железа, которого нельзя было бы уничтожить; я думаю, что нет такого морального качества у человека, которого нельзя было бы заглушить путем продолжительного принуждения.

Всякое физическое качество, доведенное до предела, исчезает. Согните рапиру до рукоятки, и она больше не выпрямится. Возьмите железную полосу, раскалите ее до точки плавления и бросьте ее затем в холодную воду; я не сомневаюсь, что если повторять эту операцию, то можно отнять у железа свойство расширяться от теплоты и сжиматься от холода. Подоприте друг другом две пружины, и под конец они перестанут давить друг на друга.

Неужели наш автор посоветует применить этот метод к воспитанию? Разве редки примеры тех людей, которых сломило долгое и противное их характеру рабство, здоровье которых оно погубило, а жизнь сократило?

Если же вы возьмете рапиру и вместо того, чтобы сгибать ее до рукоятки, будете ею слегка упражняться, то вы не только не уничтожите ее упругости, а, наоборот, увеличите ее. То же самое относится к характеру: резкое, мгновенное принуждение портит его.

Вельможи возвращаются от двора более надменными и более высокомерными.

Можно научить медведя танцевать; но танцующий медведь очень несчастное животное. Меня никогда не научат танцевать.

Есть люди, никогда не осваивающиеся с духом своего общественного положения. Малерб⁷⁵, бывший ворчливым в своем кабинете, был ворчливым в прихожей короля.

Если верно, что ребенок рождается без склонности к порокам, к добродетелям, к талантам, то воспитание должно быть одним и тем же для всех.

Ответьте мне, господин Гельвеций, следует ли воспитывать всех детей одинаковым образом?

— Приблизительно, конечно.

— Но почему же только приблизительно, а не в точности?

У каждого индивида свой характер в колыбели, в школе, в любом общественном положении, при дворе, во дворце, в церкви, на войне, в мастерской, в лавке.

— Но это потому, что воспитание не было одним и тем же.

— Но если бы воспитание даже и было одним и тем же, все же указываемое различие сохранилось бы, несмотря на обстоятельства, несмотря на все уроки и всякие случайности.

Одним из признаков смертельной болезни является изменение характера.

Стр. 22.—*Почему считать каждый характер продуктом организации иного вида, если нельзя определить, какова эта организация?*

Откройте в сочинениях врачей главы о темпераменте, и вы найдете там описания организации, свойственной каждому характеру.

Если видишь какую-нибудь вещь, то, чтобы допустить ее существование, нет необходимости уметь объяснить ее.

Глава IV

Стр. 23.—*Любовь к себе постоянна и неизменна.*

Но представляет ли она одинаковую энергию у всех людей? Не различна ли она у разных людей? Не способна ли она изменяться? Я согласен с нашим автором лишь в одном пункте, именно что каждый любит себя так, как только возможно каждому себя любить.

Но два человека,—да, только два человека,—которые обладали бы благодаря природе, опыту или воспитанию в точности одинаковой мерой любви к себе, были бы поразительнейшим из чудес.

Глава V

Стр. 24.—*Существуют ли люди, лишённые желаний, люди, нечувствительные к властолюбию? Да, но их слишком мало, чтобы считаться с ними.*

Но их существование,—которое вы признаете несколько слишком легкомысленно,—доказывает во всяком случае, каким поразительным разнообразием отличается это чувство. Оно представляет отношение, возрастающее от нуля до некоторого числа, границы которого я не в состоянии указать.

Стр. 25.—*Если красноречие вырождается при деспотических правительствах, то не столько потому, что оно остается без вознаграждения, сколько потому, что оно вынуждено обращаться на вздорные предметы и носит на себе печать принуждения. Демосфен в Греции обращался к народу с речами о спасении государства. О чем говорил бы он в Париже? О расторжении какого-нибудь неудачного брака.*

Глава VI

Стр. 27.—*Книга отлична; она выпущена в свет, а публика не платит своего долга автору.*

Гельвеций все извращает. Почти никогда не бывает так, и я наблюдал гораздо чаще, что аплодируют посредственным или даже плохим книгам, чем игнорируют либо критикуют отличные или хорошие книги.

В первые моменты после появления книги говорят слегка о красотах ее, подчеркивая небольшие недостатки ее. Похвала красотам предназначается для автора, критика недостатков предназначается для себя. Затем о книге начинают говорить, спорить, она служит предметом раздоров, и это тем лучше. В пылу раздоров преувеличивают ее положительные и отрицательные стороны. Наконец воцаряется молчание, начинает говорить голос беспристрастия, и произносится окончательный приговор. Автор недоволен, потому что он ожидал большего успеха,

чем добился, потому что небольшой полученный им лавровый листок не вознаграждает его за потраченные усилия, потому что даже и эта награда заставила себя долго ждать, а он успел уже остыть.

Стр. 28.—*Первая молодость не знает зависти.*

Благодарение богу,—я, значит, остался очень молодым. Я призываю в свидетели всех тех, кто занимается литературой и кто знает меня, для подтверждения того, что я больше интересуюсь совершенством чужого произведения, чем совершенством своего собственного произведения, что мой успех трогает меня меньше, чем успех моего друга, что я отвечаю всеми своими силами на знаки уважения со стороны того, кто советуется со мной.

Чего мне огорчаться воздаваемыми ему похвалами? Тайком я пожинаю свою долю их. Меня всегда огорчало лишь одно маленькое лицемерие: почти никогда не удается указать какому-нибудь автору недостаток либо достоинство в его произведении так, чтобы он не опередил вас в этом; оказывается, что он уже знал то, что вы ему говорите. Что касается того, что авторы забывают про страницы, вставленные мною в их произведения, то я привык к этому и охотно прощаю это.

Стр. 30.—*Кто может похвалиться тем, что он имел мужество хвалить гениального человека?*

Ответ: я, я.

Я думаю, что я хорошо разбираюсь в себе, и могу сказать, что я никогда не страдал от успеха других людей, даже когда я их ненавидел. Я говорил иногда: «Это—негодяй, но этот негодяй написал хорошую поэму, прекрасный панегирик. Я очень доволен этим, ибо у нас одним хорошим произведением больше».

Что, в конце концов, важно? То ли, чтобы эта превосходная вещь была написана мною, или чтобы она вообще была написана? Мы очень близоруки. Неужели важно, какое имя палечатаят на заглавном листе твоей книги или же высекут на памятнике над твоей могилкой? Разве ты будешь читать свою эпитафию?

Друзья мои, вы такие же дети, как мадам Дюбарри,

которая, сияя гордостью при виде своего великолепного экипажа, воскликнула: «*Боже мой, как бы я хотела видеть себя проезжающей!*»⁷⁶

Та же стр.—*Какой человек не прибавил какого-нибудь «но» к своей похвале?*

Мое *но* похоже на *но* завистника, с той лишь разницей, что *но* завистника относилось всегда к какому-нибудь недостатку, а мое к красоте, которой не дано было оуществиться.

Глава VIII

Стр. 34.—Все, что наш автор говорит здесь о диком состоянии, может быть, верно, но я не последую за ним в этом вопросе. Вероятно, я более цивилизован, чем он, ибо мне, очевидно, слишком трудно раздеться догола или же облачиться в звериную шкуру. Менее сильный, чем другие люди, я неспособен наслаждаться этой апологией силы, и я не верю в нее.

Мне кажется, что если еще до всякого общественного договора дикарю случится взобраться на дерево и сорвать с него плоды и придет какой-нибудь другой дикарь, который завладеет плодами труда первого, то он убежит со своей добычей; мне кажется, что фактом бегства последний выдает сознание им несправедливости поступка, который должен вызвать враждебные чувства, что он признает себя достойным наказания и что в диком состоянии, в эпоху царства силы, он сам дает себе то позорное название, которым мы пользуемся в цивилизованном состоянии⁷⁷. Мне кажется, что ограбленный возмутится, поспешит слезть с дерева, начнет преследовать вора и точно так же будет сознавать причиненную им обиду. Мне кажется, что у них будет некоторое представление о собственности, о достоянии, приобретенном трудом. Мне кажется, что хотя оба эти дикаря и не сговорились между собой, но между ними будет существовать некоторый, характеризующий поступки, первобытный закон, истолкованием, выражением и освящением которого является писанный закон. У дикаря нет слов для

обозначения справедливого и несправедливого. Он кричит, но разве его крик лишен смысла? Разве это просто крик животного? Так, как Гельвеций изображает дело, оно может происходить лишь между двумя животными. Но человек—не животное, и в своих суждениях о его поступках нельзя пренебрегать этим отличием. Правильно ли умозаключать от человека к человеку на основании сравнения одного животного с другим животным, орла с голубкой, льва с оленем, акулы с золотой рыбкой и даже орла с орлом или оленя с оленем? Я не высказываю своего суждения, я только задаю вопрос. Я желал бы не давать злому человеку права апеллировать на основе вечного закона природы к условному, социальному закону; я желал бы, чтобы он не имел права сказать другим и самому себе: «В конце концов, что делаю я? Я лишь возвращаюсь к своим первоначальным правам».

Стр. 36.—*Справедливость предполагает установленные законы.*

Но разве она не предполагает в уме законодателя некоторого более первоначального понятия, некоторой идеи, общей всем тем, кто принимает этот закон? Будь это иначе, то, если бы им сказали: «ты сделаешь то-то, ибо это справедливо; ты не сделаешь того-то, ибо это несправедливо...», для них эти слова представляли бы пустой звук, с которым они не связывали бы никакого содержания.

Глава IX

Стр. 37.—*Несмотря на эту мнимую любовь человека к справедливости, нет такого азиатского деспота, который бы не совершил несправедливости, не испытывая при этом угрызений совести.*

Среди этих азиатских деспотов есть такие, доброту, гуманность, добродетель которых прославляли. Если дикие звери, их преемники по самовластию, выслушивают с презрением прославление этих качеств, то я готов поверить, что они совершают несправедливость без всяких угрызений совести.

Но если тираны совершают злодеяния, не испытывая никаких угрызений совести, то где источник их страхов? Откуда все эти предосторожности для охраны их? Мне кажется столь же невероятным, чтобы угнетатель не испытывал никаких угрызений совести, как и то, чтобы угнетенный не испытывал никакой злобы.

Неужели человек относится к набросившемуся на него льву, как к угнетающему его тирану? Ничуть. Какое же находит он между ними различие, если оно не вытекает из представления о некотором природном преимуществе, из какой-то смутной идеи о гуманности и справедливости? Но если преследуемый обладает этой идеей, то почему ее не будет у преследующего? Если последний не обладает ею, когда он убивает кого-нибудь, почему он станет взывать к ней, когда его убивают? Я не высказываю своего суждения, я только задаю вопрос.

Стр. 38.—*Основой уважения к человеческим законам являются страх и слабость.*

Я знаю, каково на деле поведение цивилизованных народов; меня интересует лишь их мнение о самих себе,— то, как они называют себя на тайном суде своей совести. Разбойник может говорить так, как ему угодно, но он вовсе не чувствует себя так, как он бы того хотел.

Глава X

Стр. 41.—*Злоупотребление властью так же связано с властью, как действие с причиной.*

Примеры Тита, Траяна и Марк-Аврелия могут послужить опровержением этого дурного афоризма⁷⁸.

Изначальное происхождение значения, приписываемого людям слову «сила»... Когда человеку приходилось бороться с тигром за обладание лесом, то, так как для этого дела была необходима лишь одна сила, она, благодаря своей исключительной полезности, не могла не быть в большом почете. Когда речь шла о том, чтобы срубить лес, выкорчевать пни, возделывать землю, то, так как для этой работы была необходима почти лишь одна

сила, она, благодаря своей исключительной полезности, не могла не быть в большом почете. Когда образовались обособленные друг от друга общества, то сила, оказавшая столь ценной в сражениях, должна была внушать уважение. Уважение и почтение к силе увеличились, когда к ней присоединилось мужество, составив с ней два качества, лежавшие в основе характера Геркулесов, Язонов, Тезеев,—героев, имена которых приносились всегда с восхищением, даже в те века, когда не было никакого различия между знаменитым человеком и разбойником. Дух завоевания был бы в почете еще и в наше время, если бы философ, или друг человечества, не развенчал его.

Глава XI

Стр. 44.—*Какое уважение можно питать в деспотическом государстве к добродетельному человеку?*

То же самое, которое питают к добродетельной женщине в стране, пропитанной духом любовных похождений.

Повсюду, при всяких правительствах, к добродетели относятся с таким уважением, что, чем она реже, тем больше почитают ее. Добродетельный человек может умирать от голода и холода, но все же добродетель прославляют.

Каких только ужасных истин не говорили деспотам,—почти всегда рискуя своей жизнью, хотя часто безнаказанно,—добродетельные люди, память о которых никогда не исчезнет в отчизне деспотизма? Часто случалось, что голос добродетельного человека поражал этих тигров, удерживая их от совершения жестоких поступков.

Стр. 47.—*Одним из самых убедительных доказательств того, что люди не любят справедливости ради самой справедливости, является низкопоклонство, с каким сами короли почтили несправедливость в лице Кромвеля*⁷⁹.

Вы заблуждаетесь. Короли, почтившие несправедливость в его лице первые устыдились этого. Все добродетельные люди, увидевшие это зрелище, опустили свои

глаза; все те, кто могли высказываться свободно по этому поводу, выражались об этом так же, как и вы.

Предшествующие этому рассуждения о республиканском правительстве кажутся мне совершенно справедливыми, но так как демократическое правительство предполагает согласие воле, а согласие воле предполагает, что люди собраны на довольно небольшом пространстве, то я полагаю, что могут существовать только небольшие республики и что существование того единственного вида общества, который способен быть счастливым, будет всегда непрочным.

Глава XII

Стр. 49.—*Что бы ни говорили, не презирают настоящего того, кого не осмеливаются презирать в лицо.*

Это неверно. Неужели я пойду драться с каким-нибудь бретгером, рискуя жизнью для того только, чтобы сказать ему, что он негодяй?

Стр. 49—50.—*Если в эпохи угнетения добродетель сияла иногда полным блеском; если тогда, когда Фивы и Рим стонали под игом тирании, бесстрашный Пелопид и добродетельный Брут⁸⁰ взяли в руки оружие, то это произошло лишь потому, что скипетр держался еще не крепко в руках тиранов, что добродетель могла еще проложить себе путь к величию и могуществу.*

Несмотря на тиранию, разврат, низкопоклонство и на бесполезность добродетели, повсюду появляются добродетельные люди, живущие и умирающие согласно своим принципам. Но надо признаться, что они редки.

Я чувствую, что эта книга наводит на меня печаль и отнимает у меня мои сладчайшие иллюзии. С фонарем этого Диогена в руках я с трудом найду добродетельного человека, и я тщетно буду искать счастливый народ.

Та же стр.—*Могут ли при дворе какого-нибудь Фоки стноситься с уважением к характеру Леонтины?*

Если только я не слишком ошибаюсь, то должны относиться к нему с высочайшим уважением. В пещере льва особенно красиво не страшиться его.

Я восхищаюсь в театре добродетельным человеком как в исторических пьесах, содержание которых мне известно, так и в пьесах с вымышленным содержанием и с выдуманными именами. Три четверти зрителей, восторгающихся или плачущих над пьесой, ничего не знают о Бруте, Цезаре, Саллюстии, Тите Ливии, Таците ⁸¹. Я не знаю, какое произвели бы впечатление на какого-нибудь азиата эти великие греки или римляне. Было бы очень легкомысленно утверждать, что они совершенно не взволновали бы его, когда сидишь рядом с царедворцем, пришедшим восторгаться Бурром после того, как он разыгрывал при дворе роль Нарцисса.

Дело в том, что злодей не может презирать добродетель; я не знаю даже, может ли он ненавидеть ее.

Глава XIII

Стр. 51.—*Большинство европейских народов почитает добродетель в теории, презирая ее на практике* ⁸².

Я совершенно не верю этому.

Стр. 52.—Мне кажется, что на всей этой странице очень много остроумия и очень мало правды. Я искренно стараюсь разобраться в самом себе, и мне кажется, что я никогда не чувствовал себя униженным превосходством какого-нибудь древнего героя и что я никогда не высмеивал героизма какого-нибудь из своих сограждан. Дело в том, что когда я иду в театр, то я у дверей его оставляю все свои заботы, все свои страсти, возвращаясь к ним снова по выходе из театра. Совсем иное дело—проповеди, которые я слышу в церкви.

Надо очень ценить то место, где злой человек на три часа забывает, каков он. Я не знаю, понимают ли судьи всю пользу таких мест.

Стр. 53.—*У Энея—более справедливый характер,*

чем у Ахилла⁸³. Почему же восхищаются именно последним?

Потому что у Энея—мелкий характер, у Ахилла — возвышенный. Толпа считает его неутомимым, гневным, неумолимым, пылким: он не признает для себя законов, всего добывается оружием.

Impiger, iracundus, inexorabilis, acer.
Jura neget sibi nata, nihil non arroget armis.
(Horat. De Arte poet., v. 121—122.)

Тот, кто знает его по описанию поэта, вряд ли найдет у него хотя бы один из этих недостатков. Ахилл велик, Ахилл справедлив, он чтит законы, он мужествен без показной храбрости, он понимает чувство дружбы, нежности, у него не черствое сердце, он не непреклонен. Ведь именно он говорит посланцам, пришедшим отнять у него Бризеиду, его награду за победу: *«Приблизьтесь, посланцы богов: не вы оскорбили меня»*. Ведь именно он говорит своим слугам: *«Набросьте ковер на этот труп, чтобы вид его не удручал этого несчастного отца»*. Ведь именно он после смерти Патрокла идет ночью на берег моря, ложится на прибрежный песок, присоединяя свои жалобы к рокоту волн.

Я возвращаюсь к действию, оказываемому театральными зрелищами. Своекорыстные соображения владеют мною и не дают мне покоя в обычной жизни, но они исчезают в мире вымыслов: в нем я великодушен, справедлив, сострадателен, потому что это не влечет за собой никаких последствий.

Нет более обычного явления, чем зритель в театре, читатель с книгой в руке, но нет ничего более редкого, чем добродетельный гражданин.

Глава XIV

Стр. 54.—В природе существует одно постоянное явление, на которое Гельвеций не обратил внимания,—именно, что мужественные сердца редки, что природа

создаст почти исключительно посредственных людей. Вот почему причины духовного порядка так легко воздействуют на организацию. Каково бы ни было общественное или частное воспитание, каковы бы ни были правительства и законодательства, толпа всегда будет представлять, — если только исключить кратковременные эпохи энтузиазма, — смесь добрых и дурных качеств.

В голове Гельвеция было больше платонизма, чем он это сам представлял себе⁸⁴.

Безумно предпочитать мгновенную выгоду счастью всей жизни. Страсть не видит дальше своего носа. Каким образом уменьшить число безумцев и страстных людей?

В Афинах или в Риме было столько же и столь же безумных и злых людей, как и в Париже.

— А великих людей?

— Я думаю, что они были там менее редки; и к этому, на мой взгляд, сводятся преимущества хорошего законодательства. Что касается народа, т. е. толпы, то она остается повсюду одинаковой.

Безумные и злые люди находятся рядом с нами. Мы наблюдаем их, и число их кажется нам бесконечным. Но их было столько же во время Сократа и Катона.

Целый народ, от которого мы отделены продолжительным промежутком времени, сводится в нашем представлении к небольшой кучке знаменитых людей, имена которых переданы нам историей. Мы чуть ли не готовы думать, будто нельзя было сделать и шага по улицам Афин, не натолкнувшись на какого-нибудь Аристиды, и точно так же наши внуки будут думать, что нельзя было сделать и шага в Париже, не наткнувшись на какого-нибудь Мальзерб⁸⁵ или Тюрго.

Стр. 55.—*Человек любит в добродетели лишь доставляемые ею богатство и уважение.*

Это верно в общем, но в частности нет ничего более неверного, чем это утверждение.

Глава XV

Стр. 56. — *Люди начинают под конец верить в взгляды, которые их заставляют публично исповедывать.*

Это утверждение резко противоречит действию, которое приписывают гонениям: Sanguis martyrum semen Christianorum*. Сколько людей было опьянено испарениями крови мучеников!

Та же стр.— *То, чего не может добиться рассуждение, выполняет насилие.*

Я не знаю ничего более противоречащего опыту.

Та же стр.— *Нетерпимость государей есть всегда результат их властолюбия. Думать иначе, чем они, это все равно, что ограничивать их власть.*

Это — вздорная мысль, никогда не приходившая никому в голову.

Стр. 59.— *В ту минуту, когда начинает говорить сильный, слабый умолкает, тупеет и перестает мыслить.*

Дело происходит совершенно не так. В ту минуту, когда сильный приказывает замолчать, слабого охватывает безумное желание говорить.

Необходимо много времени, чтобы довести до отупения просвещенный народ. Над этим у нас много работают, но мне кажется, что дело не подвинулось особенно вперед.

Стр. 60.— Гельвеций, ярый поклонник прусского короля, не заметил, что он в точности изобразил его управление⁸⁶.

Глава XXII

В этой главе наш автор повторяет с поразжающим меня бесстрашием свои парадоксы. Я заметил, что здесь он сохранил все свои неверные выводы, не представив ни одного из доказательств, ничего из той длинной цепи

* Кровь мучеников — семя христиан.

новых, острых, ярко выраженных истин и тонких наблюдений, при помощи которых он вел нас к этим заключениям. Посредственности, которых большинство, и зависть, порок, от которого, по мнению автора, никто не свободен,— с успехом воспользуются этим огорчающим меня недостатком, чтобы умалить достоинство книги и помешать ее плодотворному действию. Но время воздаст ей должное.

В любой из ее глав больше содержания, чем в пятнадцати томах Николя⁸⁷. Она написана более систематически и связно, чем произведения Монтэня, а у Шаррона⁸⁸ нет ни смелости, ни яркости выражений Гельвеция.

Это — настоящая система экспериментальной нравственности, у которой нужно только несколько ограничить общий характер ее выводов. А на это способен и самый обыкновенный человек.

За что травить этого автора? Разве, в конце концов, предлагаемые им средства не наилучшие, если хочешь увеличить у какого-нибудь народа число великих и добродетельных людей?

Глава XXIII

Стр. 87.— *Опыт показывает, что достаточно страха плетки, розги или даже более легкого наказания, чтобы добиться от ребенка внимания, необходимого для чтения и изучения языков.*

Опыт доказывает как раз обратное, и я видел, как вешадно били детей, которые все же не подвигались от этого ни на шаг в чтении и изучении языков.

Та же стр.— *Если изучение родного языка кажется вообще детям менее тяжелым, чем изучение геометрии, то потому, что...*

Потому, что это неверно. Нет почти ни одного ребенка, который не успевал бы в математике, а с другой стороны, очень мало таких, которые успевали бы в теоретическом изучении языка.

Глава XXIV

Стр. 89.— *Тупые камчадалы обладают большим искусством в изготовлении для себя одежды.*

Откуда явилось у них это искусство? Продукт ли оно года, пятилетия, двух или трех веков? Об их изобретениях можно сказать то же самое, что о ткацких станках лионских мануфактур: эти чудесные вещи — не дело рук одного человека, это — результат труда нескольких сменивших друг друга поколений, занимавшихся, начиная с изготовления полотна до изготовления поражающих нас своей красотой материй, усовершенствованием одного и того же искусства. Огромная масса тупых людей в течение нескольких тысяч лет трудилась на Камчатке до тех пор, пока не добилась тупого положения. Я поражаюсь, когда какой-нибудь сильный человек поднимает огромную тяжесть. Но если множество людей разделит между собой эту массу, причем каждый из них поднимет одну или две унции, то в этом не будет ничего особенного.

Примечания

Стр. 97, № 14.— *Почему легче переносить достоинство у любезного человека? Потому, что любезность делает его немного жалким.*

Я не согласен с этим. Мне кажется, наоборот, что строго относятся к высокомерному достоинству и что с удовольствием подчеркивают достоинства у человека любезного.

Стр. 99, № 24.— *С той минуты, как люди, размножившись, вынуждены были начать обрабатывать землю, они почувствовали необходимость обеспечить земледельцу его жатву и собственность на возделываемое им поле.*

Таким образом земледельце было источником права собственности? Но почему? Потому, что это тяжелая работа. Но разве охота и рыбная ловля менее тяжелы? Неужели насильники, забирающие все, что им нравится,

не замечали, что они поступают несправедливо, когда они овладевали рыбой, пойманной другим человеком, или оленем, которого тот убил? Как могли бы люди признать законы без этого первичного голоса совести? Первый законодатель исходил, несомненно, из факта, заключающего в себе основную аксиому всякой морали: *«Не делай другому того, чего ты не хочешь, чтобы тебе сделали»*. Понимал ли он истину этой аксиомы или не понимал? Если вы скажете, что понимал, то, значит, он имел некоторое представление о справедливости, предшествующее закону; если же вы скажете, что не понимал, то вы выскажете очевидную нелепость.

— Первые законы исходили из общего интереса всех, а не из идеи справедливости.

— Но могла ли мысль об интересе привести к согласию между различными волями, если бы каждый в отдельности не понимал, что справедливо делать для всех то, что все согласились делать для него? Я все еще продолжаю задавать вопросы. я не высказываю своего мнения.

Стр. 100, № 27.— Когда я читаю у Аристотеля, что он относит разбой к разновидности охоты, то я не могу удержаться от улыбки. Я готов вычеркнуть из числа мудрецов законодателя, настолько чуждого чувству гуманности, что он запрещает воровство и несправедливость в округе радиусом в три или четыре мили, разрешая их за пределами его.

Стр. 102, № 29.— *Итак, столь хваленая любовь к справедливости не свойственна людям от природы и не встречается у всех.*

Любовь — согласен, но познание? Ибо чувствовать, знать и применять на деле — это совершенно различные вещи. Я готов признать, что сильный человек, не удерживаемый никаким страхом, угнетает слабого человека. Но я с трудом могу допустить, что он не сознает своей несправедливости, что он не чувствует угрызений совести от своего поступка, что он искренно убежден, будто пользуется своим законным правом и был бы глупцом, если

бы не воспользовался им. Что касается меня, то я не способен вернуться мысленно к тому животному состоянию, когда человек не обладал ни понятиями, ни языком, необходимым для формулирования своего права. Неужели существовало время, когда человека можно было смешать с животным? Я не думаю этого: он был всегда человеком, т. е. животным, комбинирующим представления. Но если такое время и существовало, то я готов признать, что тогда совершенно неизвестно было представление о справедливости. Но в таком случае насильник не был способен тогда обратиться к первому собственнику с тем сжатым и энергичным красноречием, какое вы ему приписываете; ведь он говорит у вас так, что не сумел бы выражать своих мыслей лучше, если бы он изучал в течение двух лет ретику в Королевском коллеже, а философию в течение трех или четырех лет у Гоббса. Чтобы лишить его всякого понятия о справедливости, вы предполагаете его таким же тупым, как тигра, а, чтобы он имел возможность доказать свое право более сильного, вы делаете его столь же красноречивым, как Карнеада⁸⁹. Это не вяжется между собой.

Стр. 104, № 32.— *Чем более просвещен какой-нибудь народ, тем более он прислушивается к требованиям справедливого правительства.*

Мало того: эти требования должны быть возмутительны в своей несправедливости, чтобы народ отказался выполнить их.

Жизнь государя подвергается опасности только у варварского народа; только здесь он может быть задушен или зарезан в одну минуту.

Чего же добивается деспот, доводя до отупения своих подданных? Он сгибает деревья, которые в конце концов, выпрямившись, разможат ему голову.

Стр. 105, № 38.— Никогда не было и никогда не будет народа, у которого порок находился бы в почете, а добродетель презиралась. Чем меньше честных женщин, тем больше почитают честных женщин; чем больше дурных людей, тем больше уважают хороших людей; отвра-

щение к преступлению тем слабее, чем чаще совершается преступление; добродетель ценится тем больше, чем она реже. Если вы услышите похвалу честности, то знайте, что народ находится на последней ступени развращенности, ибо у него хвалят отдельного человека за свойство, которое должно быть общим всем людям. В этом случае вы можете сказать своему сыну, своей дочери: «Ты хочешь, чтобы на тебя показывали пальцем, как на какого-то фенiksa? Не имей любовника, не будь распутницей.— Ты хочешь, чтобы тебя почитали и чтобы тебя называли единственным в своем роде человеком? Не будь мошенником, достойным выселицы».

Порок не всегда вызывал заслуживаемое им отвращение, но он никогда не был предметом уважения: извинять его — это предел низости.

Повсюду, где автор говорит о религии, он заменяет слово *христианство* словом *папизм*.

Так как потомство не будет знать его настоящих чувств, то благодаря этой трусливой осторожности оно скажет себе: «Как! этот человек, которого так жестоко преследовали за его свободомыслие, верил в троицу, в грех Адама, в чудо воплощения!» — ибо все христианские секты признают эти догматы... Так страх перед священниками портил, портит и будет портить все философские произведения. Благодаря ему Аристотель то падал, то защищал теорию конечных причин. Этот же страх заставил некогда сочинить учение о двойственной истине⁹⁰ и внес в современные произведения отвратительную смесь неверия и суеверия.

Я предпочитаю ясную, свободную философию, как она изложена, например, в *Системе природы* и еще более в *Здравом смысле*⁹¹.

Я сказал бы Эпикуру: если ты не веришь в богов, почему ты помещаешь их в промежутках между мирами?

Автор *Системы природы* не является атенстом на одной странице, а деистом на другой: его философия монолитна⁹². Ему нельзя сказать: да постарайтесь же не противоречить самому себе. Наши внуки не будут

цитировать его в защиту противоположных взглядов, подобно тому как поклонники различных религиозных исповеданий борются между собой, ссылаясь на места из своих якобы данных путем откровения книг, в которых можно прочесть, например, такие вещи: «Мой отец и я—одно, мой отец больше, чем я», и авторитетом которых пользуются для защиты самых противоположных взглядов. В этом священные книги упрекают иноверческие произведения, в которых можно в каждой строке заметить тот же самый недостаток, с той лишь разницей, что человеку позволено несколько более лукавить, чем святому духу.

Еще одно замечание, и я покончу с первым томом. Гельвеций говорит где-то (мне кажется, на стр. 29): *Посредственный человек не желает иметь никого выше себя.*

Гельвеций, согласно своим принципам, вы должны говорить не *посредственный человек*, а *всякий человек*. Исключением будет лишь высший человек, который, может быть, считает себя единственным человеком.

Наши необузданнейшие желанья сводятся к тому, чтобы сохранять свои собственные преимущества и посягать на преимущества других людей. К этому и сводится, собственно, смысл ходячего и столь смешного выражения: *«Я так хотел бы быть на его месте»*. Мы довольны своим настоящим и прошлым, но мы меньше всего опасаемся собственного будущего.

Прежде, чем перейти к следующему тому, мне хочется рассказать Гельвецию историю одного великого открытия, прибавив к этому рассказу несколько вопросов.

У небогатых и небедных родителей было несколько детей. Очень заботясь о воспитании их, они тщательно изучали их природные склонности... Вам это кажется смешным? Им показалось, что старший из двух мальчиков имел склонность к наукам и чтению. Они отправили его в провинциальную гимназию, где он отличился своими успехами, а оттуда в Париж, в университет, где его профессора не могли преодолеть его антипатии к тон-

костям схоластики. Ему дали в руки учебники по арифметике, алгебре и геометрии, которые он с жадностью пожирал. Заинтересовавшись дальше более приятными занятиями, он стал читать Гомера, Вергилия, Тассо⁹³, Мильтона, но возвращался всегда к математике, подобно тому как неверный супруг, устав от своей любовницы, возвращается по временам к своей жене... Господиц Гельвеций, что во всем этом удивительного и случайного?

Он привык на прогулке или у себя дома к вечеру, ночью, во время бессонницы, предаваться размышлениям о некоторых безнадежных по трудности вопросах, среди которых он предпочитал квадратуру круга. Ему все время приходили в голову луночки Гипократа Хиосского⁹⁴, он говорил себе: «В науке так же не может быть бесплодной истины, как в природе изолированного явления. Почему открытие Гипократа не дало ничего нового? Так как оно является следствием теоремы о равенстве квадрата гипотенузы сумме квадратов обоих катетов, то ее следствием должна быть какая-нибудь другая истина, а у этой последней должна быть следствием какая-нибудь третья истина и так далее до бесконечности». Я не разбираю здесь, рассуждал ли он правильно или неправильно. Но, рассуждая так, он действовал не под влиянием случая.

Однажды он задает себе вопрос, почему, в случае равенства гипократовых луночек, можно найти квадратуру их вместе и порознь и почему, в случае неравенства их, можно найти их квадратуру вместе, но не порознь.

Он называет d разность двух неравных луночек и устанавливает, что можно найти квадратуру всякого кругового пространства, ограниченного любыми круговыми выпуклыми и вогнутыми дугами, если выпуклые дуги сводятся к сумме $+nd$ разностей, а вогнутые дуги к той же сумме, но с отрицательным знаком $--nd$.

Он замечает, что это относится к случаю двух равных луночек, квадратуру которых можно найти вместе и порознь, причем и та, и другая дают $+nd$ и $--nd$

Он замечает, что совершенно иной случай представляется при неравенстве обеих луночек: одна дает $+nd$ и $-md$, а другая $+md$ и $-nd$.

Я не ручаюсь вам за правильность и логичность хода его рассуждений, я излагаю только самый ход рассуждений. в котором я вижу то, что происходит обыкновенно в жизни.

Он ставит себе задачу образовать пространство, ограниченное определенными выпуклыми и вогнутыми дугами и равное данным прямолинейным площадям $+$ или $-nd$. Этот первый шаг не был труден.

Он ставит себе затем другое условие, именно: это пространство должно состоять из частичных, доступных перемещению и передвижению пространств, так что путем сложения или простого перемещения получается новая величина целого или остатка, равная данным прямолинейным площадям $+$ или $-qd$, где q больше или меньше n .

Он находит — или, по крайней мере, воображает, что он нашел — это пространство, а следовательно, и значение d в данных прямолинейных площадях, и задача таким образом оказывается решенной.

Я спрашиваю у Гельвеция, что находит он здесь более случайного, чем в выполнении какого-нибудь финансового проекта или в ходе какого-нибудь судебного процесса в Шателе либо во Дворце Правосудия? Однако история этого воображаемого открытия воспроизводит историю всех действительных открытий. Если Гельвеций станет в ответ упорно повторять мне: случай, случай... то я отвечу ему: построим алтари случаю и поместим имя его на заглавном листе всех гениальных произведений.

Если же он скажет, что это — плод логической мысли, то я стану настойчиво спрашивать его: считает ли он всякого человека способным на это логическое усилие? Если он мне ответит утвердительно, то я замечу, что, может быть, на свете нет ни одного человека, способного еще до исследования высказаться насчет правильности данного моим молодым человеком решения про-

блемы, ибо ист, наверное, ни одного человека, способного доказать возможность или невозможность второго условия пространства, которое, как он надеется, он нашел.

А теперь после серьезной истории веселая сказочка.

Юпитер как-то обедал у галактофагов. (Эти галактофаги не были людьми, ибо тогда на пустынной и безмолвной земле не было, наверное, еще людей.) И вот отец богов решил вознаградить себя за скромный обед хорошим ужином. В ожидании его начали партию виста; боги стали играть в карты, ссориться между собой; Юпитер в раздражении стал кричать: «Подадут ли, наконец, на стол?» Наконец, подают на стол. Боги с шумом усаживаются на свои места, причем Юпитер оказывается между своей женой и своей дочерью Минервой. По правую руку богини мудрости был ее отец, а по левую — Момус. За пиршеством отец давал ей очень серьезные советы, ибо Юпитер, даже подвыпивши, серьезен. Момус же, пьяный или трезвый, бывает всегда забавным, и вот он стал пожимать ей руку, колено, болтая всякий вздор. «Дочь моя, — сказал ей Юпитер за десертом, — вот уже пятьдесят пять с половиной веков, как я разрешился тобой от бремени. Ты становишься немножко взрослой; почему ты не выйдешь замуж? Я не люблю холостяков. Все они — мужчины или женщины — бездельники. Чем больше я смотрю на тебя, тем больше я убеждаюсь, что ты отлично можешь рожать и воспитывать детей. Ты будешь прекрасной супругой и превосходной матерью. Девственность — это совершенно бесплодная добродетель. Обещай мне, дитя мое, что тебе когда-нибудь надоест быть девственницей...» И тут отец Минервы и богов взял большой кувшин с амброзией, наполнил свой стакан, стакан Момуса и дочери и сказал ей: «За твое здоровье, за здоровье твоего первого ребенка — я хочу быть крестным отцом его — и за мое здоровье!..» А затем, обратившись к Момусу, он сказал: «А что, Момус, ты думаешь об этом? Не смешна ли девственница в пять тысяч лет с хвостиком? Но за кого нам выдать ее замуж?..» И вот стали называть тех, кого можно было бы дать ей

в мужья, причем при имени каждого называемого бога выпивали за его здоровье, так что Минерва выпила почти половину своей чаши. Все эти заздравные тосты разгорячили голову Юпитера и Момуса, а Минерва, по выходе из-за стола, нашла, что на Олимпе все немножко кружится. Было поздно. Карточная игра закончилась, и каждый из бессмертных пошел спать; тогда Момус, который шел сзади Минервы, или впереди ее, или который держал ее под руку, — я не знаю точно, что именно, — тогда Момус, говорю я, вдруг погасил подсвечник в руках богини, накинудся на нее и в то время, как богиня мудрости билась в его объятиях, восклицая тихо: «Но, Момус, вы с ума сошли!.. О чем вы думаете?.. Вы меня... Если нас увидят!..», он сделал ей ребенка. До сих пор воображали, что Минерва осталась девственницей; это неверно: отчасти с ее согласия, отчасти против него, она была один раз изнасилована. Я, говорящий вам это, я знал очень хорошо ее незаконнорожденного сына, который был одним из моих хороших друзей. Когда стыдливая богиня почувствовала, что грудь ее набухает и что ее несгибаемая броня становится тесной для ее округляющейся талии, она стала озабоченной. Истина заметила это, стала расспрашивать ее и без особых усилий добилась у нее признания в происшедшем с ней приключении. Надо было избежать скандала, ибо если бы боги узнали это, то вы можете себе вообразить их изумление и их толки! Минерва, целомудренная Минерва! Эта недотрога! Эта святоша! Для этого Истина убедила ее удалиться на дно колодца и ожидать там конца беременности.

— Но неужели боги не заметили отсутствия обеих богинь?

— Нет. Минерва вообще импонировала им своей манерой держаться, а почти все замечания Истины раздражали их. На Олимпе благодаря их отсутствию стало только более весело. Наконец наступило время родов Минервы. Истина была у нее повивальной бабьей и приняла у нее ребенка. Момус время от времени подходил

к краю колодца и кричал: «Заговорите же, красавицы! Неужели вы решили всю свою жизнь оставаться в этой дыре? Как подвигается ваша работа?» Минерва ответила ему: «Негодяй! Злодей! Все уже кончено. Пойди, отыщи нам кормилицу...» Момус послушался и вернулся с краснощекой толстухой, бестолковой, беззаботной, смеющейся неизвестно почему, без-умолку болтающей, сама не понимая о чем. Ей передали ребенка, которого она унесла с собой. Момус и Минерва вернулись на небо, каждый на свое место, а Истина осталась на дне своего колодца, где она находится еще и теперь.

— А ребенок?

— Я бы никогда не окончил, если бы начал рассказывать вам все различные похождения его. Вы видите это колоссальное множество томов?

— Но это *Всемирная история*, составленная Обществом литераторов.

— Это также и его история.

— А, вы правы: незаконнорожденный сын Безумия и Мудрости, принятый Истиной, крестник Юпитера, вскормленный Глупостью, — ведь это и есть человек.

Он всю свою жизнь был правдивым и лживым, печальным и веселым, мудрым и безумным, добрым и злым, умным и глупым, и никогда нельзя было вытравить окончательно черт, полученных им от отца, матери, крестного отца, повивальной бабки и кормилицы. Ленивый, невежественный и крикливый в детстве; беззаботный и легкомысленный в молодости; честолюбивый и угрюмый в пятьдесят лет; философ, пережевывающий воспоминания о старом, в шестьдесят лет, он умер, держа в руках чепец своей кормилицы, клянясь, что он безумно любит своего крестного отца, и в то же время чертовски боясь отправиться к нему.

Когда я заканчивал эту сказку, ко мне пришел с визитом один молодой немец, по фамилии Линшеринг, рассказавший мне довольно интересную историю. У него был товарищ, очень неспособный к языкам, над которым из-за этого издевались все его сотоварищи.

Линшеринг сжалился над мальчиком и поставил себе задачей развить у него какую-нибудь способность так, чтобы он сравнялся со всем классом и его перестали презирать.

Он стал обучать его геометрии, и предметом первого урока взял самую сложную теорему *Элементов*, именно теорему об отношении объемов шара и цилиндра.

Эта проблема стала центром всех теорем и всех проблем, которые необходимы для решения ее и которые он доказывал ему по мере того, как возникала в них надобность. Таким образом этот ученик, думая, что знает только одну теорему, в действительности знал всю геометрию.

Я лично предпочел бы этот метод преподавания обычному методу.

В нем все истины отнесены к одной единственной цели, служащей для них ядром. Это ядро — точно дубина Геркулеса, а все другие истины как бы гвозди на ней: это одно целое, которого ничто не может сломить.

При обычном методе, когда идут от первичных принципов к ближайшим выводам из них, все геометрические истины остаются изолированными, не имея почти никакого определенного приложения.

Обыкновенно начинают с предложений, касающихся линий, от них переходят к проблемам измерения поверхностей, площадей, а затем приступают к объемам. Это, так сказать, три отдельных и различных курса. Доказательство же какого-нибудь очень сложного предложения, вроде теоремы об отношении объемов шара и цилиндра, охватывает и связывает между собою все эти три курса.

Мне кажется, что при последнем методе приобретенные знания лучше запоминаются, что учение менее пугает ученика и, может быть, облегчает работу памяти.

Если это верно для геометрии, то это, может быть, также верно для механики, астрономии и других отделов

математики, которая в таком случае свелась бы к решениям довольно ограниченного круга проблем.

Если бы, когда вам было пятнадцать лет, вам сказали: «Вся математическая наука сводится к решению двенадцати проблем», то я не сомневаюсь, что вы теперь были бы математиком.

Многочисленность теорем отталкивает нас больше, чем трудность некоторых из них.

•

Систематическое опровержение книги Гельвеция «Человек»

ТОМ ВТОРОЙ

Раздел V

Глава I

Как доказывают, что луна является причиной морских приливов и отливов? — Основываясь на точном соответствии между колебаниями приливов и колебаниями в движении луны. Но можно ли указать более точное соответствие, чем соответствие между состоянием моего тела и состоянием моего духа? Происходит ли в моем организме хоть самая незначительная перемена, которая не отразилась бы на моей умственной деятельности? Если я плохо выспался, то я плохо размышляю; если мое пищеварение совершается плохо, то я плохо размышляю; когда я страдаю от чего-нибудь, когда я болен, то мой дух угнетен; когда силы мои возрастают, то мой дух крепнет. Достоинства или недостатки моего духа сохраняются или исчезают в зависимости от того, носит ли постоянный или временный характер расстройство моих органов. При известных обстоятельствах расстройство моего организма даже выгодно для моего духа, и, наоборот, расстройство моего духа выгодно для моего тела.

Аноплектическая полнота влияет вредным образом на голову и дух человека. Здоровое или болезненное состояние органов, длительное или мимолетное, сохраняющееся в течение одного дня или в течение всей жизни, начиная от рождения и кончая смертью, является термометром духа.

Глава II

Стр. 13. *Добр или зол человек от рождения?*

Если называть добрым лишь того, кто делает добро, а злым лишь того, кто делает зло, то, разумеется, человек от рождения ни добр, ни зол. То же самое относится к уму и к глупости.

Но приносит ли человек с собой от рождения органические, природные склонности говорить и делать глупости, вредить самому себе и своим ближним, выслушивать или не выслушивать советы своих родных, быть прилежным или ленивым, справедливым или раздражительным, относиться почтительно или непочтительно к закону? Только человек, никогда в жизни не видевший двух детей, никогда не слышавший их крика в колыбели, может сомневаться в этом. Человек не рождается ничем. Каждый человек рождается с известной способностью к чему-нибудь.

— Господин Гельвеций, вы, кажется, охотник?

— Да, я охотник.

— Вы видите эту маленькую собачку?

— С кривыми ногами, низким и длинным туловищем, острой мордой, с лапами и шерстью в рыжих пятнах?

— Да. Как она называется?

— Это такса. Эта собачья порода обладает хорошим чутьем, живостью, мужеством. Они забираются в нору лисицы с риском выйти оттуда с обкарнанными ушами и с ободранными боками.

— А это что за собака?

— Из породы лягавых: так называемый брак. Это — неутомимое животное. Вследствие своей жестокой, щетиистой шерсти она забирается в колючие кустарники,

она делает стойку над куропаткой, она гонится за зайцем по одному приказанию хозяина; она одна может заменить трех или четырех собак.

— А та, другая собака?

— Это будет великоленнейшая борзая.

— А та, третья?

— Это — лягавая собака. Я ничего не могу сказать вам о ней: будет ли она послушна, или нет? Будет ли у нее хорошее чутье, или она совсем будет лишена его? Все это дело породы.

— А та, четвертая?

— Она обещает быть очень хорошей охотничьей собакой.

— Все это собаки?

— Да.

— Скажите, пожалуйста; у меня отличный псарь, он сделает для меня все, что я от него потребую: не мог ли бы я, если бы захотел, приказать ему сделать из таксы брака, из брака борзую, из борзой лягавую, из лягавой охотничью собаку, а из охотничьей собаки пуделя?

— Остерегайтесь делать это.

— Но почему же?.. Ведь они только что родились, они еще ничто. Так как они годятся для всего, то, воспитывая их, я сделаю из них то, что мне угодно.

— Вы смеетесь надо мной.

— Господин Гельвеций, вы правы. Но что, если человеческий род представляет такое же разнообразие индивидов, как и собачья порода, что, если у каждого человека, так сказать, своя дичь и своя особая манера охотиться за ней?

Глава III

Стр. 15.— *Чужую беду руками разведу.*

Вы плохо толкуете эту поговорку. Ее смысл в том, что чужая беда меня трогает меньше, чем собственная беда.

Глава IV

Стр. 23.— *Если затравленный олень трогает меня, если его слезы заставляют течь мои слезы, то это столь трогательное своей новизной зрелище приятно дикарю, сердце которого от привычки зачерствело.*

— Почему трогает вас затравленный олень? Что вызывает у вас сострадание к животному, на место которого вы ведь не ставите себя?

— Новизна.

— Новизна поражает, а не трогает. Это — сострадание животного к животному или, если угодно, это — быстрая иллюзия, вызываемая признаками страдания, общими человеку и животному, и показывающая нам человека на месте оленя.

Стр. 24.— *Если народ посещает места публичной казни, то не для того, чтобы наблюдать страдания. Наоборот, он ищет здесь предмета для чувства сострадания, темы для проповеди. Возвращаясь к себе, он чувствует себя немного героем; соседи собиравшиеся вокруг него, pendentes ab ore loquentis*.*

Та же стр. — Я готов сравнить поле битвы с разорительным игорным столом. Солдат-победитель уносит с собой достояние умирающего солдата, как счастливый игрок — деньги проигравшего игрока. Я поступаю с другим так, как он поступил бы со мной; почему стану я обнаруживать сегодня глупую сострадательность к нему, раз я не найду ее у него завтра?

Стр. 25.— *Тот, кто выказывает сожаление к своему господину, тот моет свои руки в своей собственной крови. Так сказал Саади.*

Но этот поэт рассказывает следующую историю: «Один несчастный, которого вели на место казни, осыпал тирана бранью. Когда тиран, бывший слишком далеко от несчастного, чтобы слышать его, спросил, что он говорит, то один царедворец ответил ему: «Государь, он

* Жадно прислушиваясь к его словам,

говорит, что тот, кто выказывает сострадание в этом мире, добьется его в том мире...» Тут вмешался другой царедворец, сказавший: «Государь, тебя обманывают. Несчастный, которого ты осудил на смертную казнь за его преступления, заслуживает ее той хулой, которую он изрыгает на тебя...» — «Все равно, — возразил султан, — я дарю ему жизнь: пусть его отпустят. Я предпочитаю ложь, делающую меня сострадательным, истине, делающей меня жестоким».

Стр. 26. — *Существуют добрые люди, но человечность в них — продукт воспитания, а не природы.*

Все та же история! Я думаю совершенно иначе. Какое бы воспитание ни дать тому человеку-зверю, который следил с жадным удовлетворением за судорогами убитого им калуцина, немисливо, чтобы из него можно было сделать мягкого и сострадательного человека.

Нельзя дать человеку того, в чем ему отказала природа; может быть, мы способны разрушить то, что она дает. При помощи воспитания можно улучшить ее дары.

Та же стр. — *Физическая чувствительность — это наш единственный дар природы.*

Но эта рассеянная во всех частях человека чувствительность одинаково ли распределена между ними? Это не так, это не может быть так.

Если на долю мозга и диафрагмы выпадает не много этой физической чувствительности, то перед нами мало сострадательный, недобрый человек, человек со слабым воображением.

Одинакова ли физическая чувствительность во всех индивидах? Это не так, это не может быть так.

Неужели вы получите одинаковые результаты от машины, у которой эта пружина очень сильна, и от машины, у которой она очень слаба?

Глава V

Стр. 28. — *Где можно найти героев? У более или менее цивилизованных народов.*

Герои бывают повсюду: имеются герои в лесах Канады, геройство их не есть продукт воспитания. Есть герои в убогих хижинах рабов, несмотря на тиранию их хозяев.

В Кайенне поймали однажды шайку беглых рабов. Стали предлагать жизнь тому из них, который повесит своих товарищей. Но никто не соглашался на это. Тогда какой-то рабовладелец приказывает одному из своих негров повесить их всех, угрожая в противном случае повесить его самого. Негр принимает это предложение и уходит к себе в хижину под предлогом того, что ему нужно подготовиться. Он берет там топор, отрубает себе запястье, возвращается к своему хозяину и говорит ему, показывая свою изувеченную, истекающую кровью руку: «А теперь, если ты можешь, сделай из меня палача».

Хозяин этого негра оказался хорошим человеком. Взяв одной рукой окровавленную кисть руки своего раба, он другой рукой обвил его шею и сказал ему, обнимая его: «Ты больше не раб мой, ты мой друг».

Глава VII

Стр. 37. *[С весенней порой жизни так же, как и с весенней порой года. Именно в юности зачинаются в человеке высокие мысли, которые сделают его некогда знаменитым.]*

Как, господин Гельвеций, вы признаете, что юноши более способны учиться, чем люди зрелого возраста; вы допускаете, что между ними нет другой разницы, кроме разницы в организации, и в то же время вы не приписываете никакого значения различию организации двух детей одного и того же возраста, хотя это различие того же рода, что и различие организации двух людей разного возраста!

Вы обвиняете Руссо в противоречии, и вы правы, но вы грешите тем же самым. Когда, разбирая первый том, я вас спрашивал несколько раз, где источник той творческой мысли, которая должна прославить такого-то и

такого-то человека, вы мне ясно отвечали: счастливая случайность. Теперь же вы утверждаете иное. Вы видите источник ее в возрасте, в семени, в цветах и завязи плода, в сцеплении известных и естественных причин.

Стр. 39.— *Человек по мере приближения старости все меньше и меньше интересуется земными делами. Верно ли это?*

Глава VIII

Стр. 41.— *Если бы характеры были продуктом организации, то во всех странах было бы известное число людей с сильным характером.*

Но оно так и есть.

Почему людей с сильным характером встречаются обыкновенно только в свободных странах?

А почему встречаются такие люди у самых поработанных народов?

Существует ли такое моральное правило, при помощи которого можно заставить опухоль рассосаться?

Все то же смещение организации головы с организацией ноги. Мой дорогой философ, вы заметили, вероятно, что упражнение укрепляет органы, и вы могли заметить также, что отсутствие упражнения губит их. Свяжите у ребенка при рождении одну из его рук, сделайте так, чтобы он не мог ею пользоваться, и вы доведете этот член до полной атрофии. Точно таким же образом можно путем принуждения уничтожить природную склонность к какому-нибудь пороку или добродетели, какую-нибудь природную одаренность: орган остается, но он оказывается неспособным действовать. Так как наши женщины мало ходят, то они почти разучились пользоваться своими ногами, но если бы природа отказала им вообще в ногах, то нашлось ли бы какое-нибудь искусственное средство, чтобы дать им ноги? Польза воспитания состоит в том, что оно дает возможность усовершенствовать природную склонность, если она хороша,

заглушить ее, если она дурна, но оно никогда не может заменить недостающую способность. Этому бесплодному и упорному занятию неблагодарным трудом я готов приписать массу подражателей всякого рода. Они видят, как творят другие, и пытаются делать так, как те; их глаза никогда не обращены внутрь их самих, они всегда направлены на находящийся вне их образец. Они получают своего рода импульс, толчок от другого гениального человека. Природа толкает вперед гениального человека, а гениальный человек толкает подражателя. Между природой и гением нет никаких посредников, между природой и подражателем стоит всегда гений. Гений сильно притягивает к себе все находящееся в сфере его деятельности, которая благодаря этому безмерно расширяется. Подражатель ничего не притягивает, — он сам притягивается. Он намагничивается благодаря прикосновению к магниту, но сам он — не магнит.

Стр. 44. — *Голод возобновляется несколько раз в день, становясь у дикаря очень деятельным принципом.*

Возможно, что это так. Но этот столь властный принцип порождает меньше преступлений в сто лет среди дикарей, чем их совершается за один месяц в голодный год в Китае, этом самом мудром из государств.

То, что я говорю о голоде, тем более относится ко всем прочим страстям.

Итак, скажут, вы предпочитаете дикое состояние цивилизованному состоянию? Нет. У цивилизованных народов народонаселение непрерывно растет, в то время как у дикарей оно убывает. Средняя продолжительность жизни цивилизованного человека превышает среднюю продолжительность жизни дикаря. Этим все сказано.

Самая счастливая страна — это вовсе не та страна, где происходит меньше всего бурь. Это та страна, которая производит больше всего плодов. Я предпочел бы жить в плодородном краю, где земля постоянно дрожит под ногами, угрожая поглотить и поглощая иногда людей и их жилища, чем томиться на бесплодной, песчаной

и спокойной равнине. Я был бы неправ, если бы оказалось, что жители Сан-Доминго или Мартиники собираются переехать в пустыни Африки.

Да, господин Руссо, я предпочитаю утонченный порок, одетый в шелковое платье, тупости и жестокости в звериной шкуре.

Я предпочитаю сладострастие на мягких подушках в золоченых палатах — бледной, грязной и отвратительной нищете, растянувшейся на сырой и нездоровой земле, укрывающейся со страхом в глубине дикой пещеры.

Глава IX

Стр. 49. — *Руссо сказал самому себе: Люди вообще ленивы и поэтому враждебно относятся ко всяким требующим от них внимания занятиям. Люди тщеславны, и поэтому они враждебно относятся ко всякому умственно превосходящему их человеку. Наконец, посредственные люди питают тайне ненависть к ученым и к наукам. Поэтому, если я сумею доказать бесполезность наук, я этим польщу тщеславию глупцов, я стану дорог невеждам, я стану их учителем, а они станут моими учениками, и имя мое, превознесенное их похвалами, наполнит вселенную и т. д.*

Руссо не сказал себе ничего подобного. Вы клевете на него. Он не был вовсе дурным человеком благодаря своей системе; это был красноречивый оратор, являвшийся первой жертвой своих собственных софизмов.

Какой бы переворот ни произошел в умах, Руссо никогда не окажется среди впавших в забвение и презираемых авторов. Он будет среди литераторов тем, чем являются в живописи художники, слабые в рисунке, но сильные в колорите.

Глава X

Стр. 53. — В той самой главе, где я прочитываю заслуженный литераторами упрек, — именно упрек в том.

что они льстили тиранам,—я читаю, что имя Фридриха поставлено рядом с именем Антонина.

Фридрих своими презрительными выходками вызвал негодование всех немецких поэтов, ораторов, философов и ученых⁹⁵.

Глава XI

Стр. 54.— *Когда народы основывают государства, они еще варвары; и государства распадаются, когда они возвращаются к варварству.*

Эти два момента варварства являются датами начала и конца. Если бы народы, обрушившиеся со всех сторон на Римскую империю, не были варварами, то ее гибель произошла бы гораздо быстрее. Если бы римляне не впали в варварство, когда на них обрушились варвары, то я сомневаюсь, чтобы они были покорены последними. В этом пункте я согласен с Гельвецием, а не с Руссо.

Стр. 56.— *Спрос во всем предшествует предложению.*

Я не думаю, чтобы это всегда было так. Случается, что талантливый художник придумывает какой-нибудь предмет роскоши, изготавливает его. Предмет этот нравится публике; немедленно со всех сторон на художника сыплются предложения, он удовлетворяет их и становится богачом. Правда, в тот момент, когда прекращается спрос, искусство исчезает.

Примечания

Стр. 61.— *Не чувство нравственной красоты заставляет трудиться рабочего, а надежда на обещанные двадцать четыре су на чай.*

Я не знаю, верно ли соображение, касающееся первого мотива, но опыт не раз показывал мне, что не всегда стимулом является второй мотив. Есть такие честные и заботящиеся о своей репутации рабочие, что было бы бесцельно предлагать им деньги, чтобы они сделали дурную работу. Я был знаком с одним работником, отлично изготовлявшим хирургические инструменты и даже знако-

мым с хирургическими операциями. Хотя он и не обладал особенным достатком и мог бы гораздо больше заработать, если бы согласился на проделки дурного хирурга, чем изготовляя хороший инструмент, но даже большая сумма денег не могла бы заставить его сделать это. Он смотрел бы на себя в этом случае, как на соучастника губительной операции. Он не проводил никакого различия между рабочим, который изготовил бы, вопреки своим убеждениям и своей совести, подобный инструмент, и рабочим, который изготовил бы кинжал, предназначенный для убийства больного.

Стр. 62.— *Если наблюдаемые страдания не похожи на те, которым подвержен сам, то становишься черствым.*

Я не думаю, чтобы врачи или хирурги становились черствыми из-за этого. Дело просто в том, что чувствительность притупляется благодаря привычке. Врач перестает испытывать сострадание почти так, как продолжительно болеющий больной или испытывающий долгое время неудачи несчастный перестает жаловаться, или же, выражаясь более точным образом, так, как зритель перестает плакать на четвертом представлении какой-нибудь трагедии.

Та же стр.— *Злые люди, как и добрые, способны к дружбе.*

Возможно, что это так. Однако я с трудом представляю себе настоящую дружбу между злыми людьми: злой человек видит в смерти своего друга лишь потерю поверенного своих злодеяний. Два злых человека должны бояться друг друга и не могут испытывать уважения друг к другу.

Стр. 63.— *Мы наблюдаем, что дети покрывают горячим воском майских жуков, жуков-рогачей, одевают их, как солдат, и таким образом затягивают их смерть на два или три месяца. Напрасно говорить, будто дети не задумываются над страданиями, испытываемыми этими насекомыми. Если бы чувство сострадания было так же врождено им,*

как чувство страха, оно предупредило бы их о страдании насекомого, подобно тому как страх предупреждает их об опасности при встрече с бешеным животным.

Сострадание кажется мне столь же естественным свойством, как и страх. Первое предполагает знание страдания, второе — знание опасности.

Стр. 67.— *Иные офицеры желают, чтобы их солдаты были автоматами.*

Какова причина этого? Не объясняется ли это тем, что в наше время дисциплина важнее ума и мужества?

Я думаю, что генерал очень озабочен тем, чтобы ему подчинялись, и очень мало беспокоится о том, обсуждаются ли его поступки, или нет.

Раздел VI

Главы III — XVIII включительно

Стр. 121.— Наш автор настолько усложнил вопрос о роскоши, что, прочтя все, что он пишет об этом, мы не получаем все же ясного представления.

Я называю роскошью все то, что превосходит необходимые потребности человека, — необходимые с точки зрения положения, занимаемого каждым гражданином в обществе.

• Если исходить из этого определения, то история роскоши, по-моему, написана большими буквами над воротами всех домов столицы.

По отношению к роскоши я разделяю всех граждан на три класса: богатых, состоятельных и бедных.

Нельзя говорить о роскоши у богача, если в удовлетворении своих вкусов, страстей, прихотей он не выходит за разумные пределы, предписываемые ему его богатством. Он имеет деньги. На что они ему, если не на то, чтобы разнообразить свои наслаждения?

Нельзя говорить о роскоши у состоятельного чело-

века, если он не обладает разорительными вкусами, страстями, прихотями.

Нельзя говорить о роскоши у бедняка, ибо у него нехватает того, что необходимо для удовлетворения его потребностей.

Таким образом роскошь рождается из безрассудного употребления своего богатства.

Какова же может быть причина такого безрассудного употребления, если иметь в виду не отдельного гражданина, а целый народ?

Причина этого? Это — слишком большое значение, приписываемое богатству в связи с слишком неравномерным распределением его.

В этом случае общество распадается на два класса: на очень малочисленный класс богатых граждан и очень многочисленный класс бедных граждан.

В первом классе роскошь есть способ чваниться своим богатством, во втором роскошь — это маска, которая прикрывает нищету.

Чванство это, доведенное до крайности, влечет за собой разорение богача, и этим объясняется недолговечность больших состояний.

Маска эта довершает нищету бедняка.

Этого рода роскошь неизбежно сопровождается порчей нравов, падением вкуса и гибелью всех искусств.

Подстрекаемые глупым соревнованием, богачи кидаются на всякого рода эксцентричности, а бедняки пускаются на всякого рода подлости.

Все сословия уравнины во внешнем блеске. Чтобы поддерживать этот внешний блеск, мужчины и женщины, знатные люди и люди низших сословий — все prostituiруются на всяческий лад. Стыдятся только нужды.

Делают много статуй, но делают их скверными; пишут много картин, но не пишут хороших; изготовляют много стеновых часов, карманных часов, но работа их плохая. Ничто не делается ради пользы, а все только напоказ.

Если наступит более равномерное распределение бо-

гатства и народное благосостояние будет пропорционально социальным положениям, если золото перестанет быть представителем всякого рода заслуги, то появится другого рода роскошь. Эта роскошь, которую я называю хорошей, повлечет за собой результаты, совершенно противоположные тем, которые производила роскошь первого рода.

Если женщина из народа захочет купить платье, то она не будет искать себе его из легкой и яркой материи, ибо она сможет заплатить за прочное, солидное и хорошо изготовленное платье.

Если ей придет в голову мысль иметь свой 'портрет, то она не призовет для этого какого-нибудь мазилку.'

Если она захочет иметь часы, то она не 'удовольствуется тем, чтобы плоская кнопка воспроизводила внешний вид часов с репетицией.

Тогда будет мало преступлений и много пороков, однако тех пороков, которые составляют утеху этой жизни и за которые терпят наказание лишь в загробном мире.

Поэтому я думаю, что лучшее, что остается делать государю, это трудиться изо всех сил над вечным осуждением своих подданных.

Все это только набросок; но ведь я пишу заметки, а не целый трактат.

Глава VI

Об образовании народов

Стр. 90. — *Несколько семейств поселились на одном острове. Допустим, что почва его плодородна, но еще не возделана. Чем же займутся, в первую очередь, после высадки эти семейства? Они прежде всего построят себе хижины и возделают кусок земли, необходимый для их существования. Каковы богатства острова в это первое время? Жатва и производящий ее труд.*

С этими утверждениями я не могу согласиться. На острове в первое время не будет никакого богатства.

Каждый будет возделывать землю для текущей потребности, и ленивому человеку будет грозить риск умереть с голоду: так как у него ничего нет, то что он сможет дать взамен несобранных им пищевых продуктов? А что сделает с излишком своей жатвы тот, кто был сильнее и работал энергичнее? Но не станем придираться к нашему автору и пойдем дальше.

Стр. 91.— *Чтобы избавить какое-нибудь государство от деспотизма армии, есть лишь одно средство: необходимо, чтобы жители его были, как в Спарте, одновременно гражданами и солдатами.*

Во всех странах, где каждый гражданин в то же время солдат, нет нужды в армии. Постоянная армия — кто бы ни стоял во главе ее — угрожает свободе остальных граждан. Если враг ничем не грозит, то все жители должны быть либо вооружены, либо безоружны; военно-организованные граждане оказываются в гораздо более выгодном положении, чем граждане безоружные.

Глава VII

Стр. 97.— Я хочу высказать пришедшую мне в голову мысль по поводу народа, управляемого народными представителями и государем, как мы это наблюдаем в Англии; может быть, эта мысль верная, может быть, ложная. Многие думали, что благодаря закону, запрещающему подкуп избирателей, благодаря присяге точно соблюдать этот закон, а следовательно, благодаря свободе выбора депутатов, английский народ будет управляться лучше всех других народов и станет самым грозным из них. Я же высказал мнение, что так как депутатские места не будут больше ничего стоить депутатам, то парламентское представительство обойдется тем дешевле двору. Мне ответили, что лишь добродетельные люди могли бы тогда стать депутатами. На это я возразил, что у Вальполя был тариф всех «честных людей» королевства и что единственным результатом проектируемого закона было бы понижение этого тарифа⁹⁶.

Глава IX

Стр. 102.— *Но есть другой источник неравенства: неодинаковое трудолюбие и бережливость отцов, которые должны вследствие этого передавать иногда своим детям колоссальные богатства. Полученные таким образом состояния носят законный характер, и я не вижу, как можно, соблюдая справедливость и почитая священный закон собственности, бороться с этой причиной роскоши.*

Вот мой ответ на это. Не надо вовсе бороться с этой причиной. Когда распределение состояний будет пропорционально трудолюбию и усилиям каждого гражданина, то оно будет носить законный характер. Неравенство указываемого рода не будет иметь вовсе пагубного действия; наоборот, оно станет основой общественного благополучия, если будет найдено средство, не скажу уничтожить, но уменьшить значение денег. А средство это — единственно знакомое мне — заключается в том, чтобы раздавать по конкурсу все должности, все государственные места.

В этом случае богатый отец скажет своему сыну: «Сын мой, если ты хочешь иметь только замки, собак, женщин, лошадей, тонкие блюда, отборные вина, то ты их будешь иметь. Но если ты желаешь быть чем-нибудь в обществе, то об этом уж должен позаботиться ты сам, а не я. Трудись днем и ночью, учись, ибо, несмотря на все мое богатство, я не смогу сделать из тебя даже швейцара».

В этом случае воспитание выдвинется на первый план, в этом случае ребенок почувствует все значение его, ибо, если он спросит: «а кто государственный канцлер Франции?» — то часто ему назовут сына столера или портного его отца, а может быть, сына его сапожника.

Если об участниках конкурса будут судить на основании их знаний и нравственности, если пороки, как и невежество, будут служить мотивом для исключения кан-

дидатов, то в итоге получатся добродетельные и талантливые люди.

Я не утверждаю, что это — абсолютно непогрешимое средство, что, каково бы ни было жюри конкурса, в их суждении не проявятся ни дух партийности, ни страсти или предпочтение; но существует стыд, который даже в наше время связывал иногда руки министров, и я не думаю, чтобы осмелились предпочесть мошенника и глупца добродетельному и знающему конкуренту. Самое худшее, что может произойти, это то, что, может быть, не всегда будут назначать на вакантное место наиболее достойного кандидата.

Только замещение важнейших мест по конкурсу сможет извести значение денег до их настоящей стоимости.

Если исходить из этого предположения, то, спрашиваю я, что сможет побудить какого-нибудь отца мучиться всю свою жизнь и накапливать богатства, чтобы передать своему сыну лишь средство быть скупцом, либо мотом, либо сластолюбцем?

Параллельно тому, как станут больше почитать внутренние достоинства людей, параллельно тому, как уменьшится жадность и лучше поймут значение воспитания, уменьшится и неравенство в распределении богатства. Все эти вещи связаны необходимым образом друг с другом.

Единственное поистине желательное богатство — это богатство, удовлетворяющее всем потребностям жизни и позволяющее отцам давать своим детям отличных учителей.

Нетрудно сделать выводы из вышеизложенных принципов.

Там, где нет здоровой общественной нравственности, нет истинного вкуса. Там, где нет воспитания и добродетели, нет стремления к почестям. Какой-нибудь государь может осыпать своего фаворита богатствами, но он не может сообщить ему ни знаний, ни добродетели.

Глава XI

Стр. 105.— Мне не нравятся средства, предлагаемые нашим автором для предупреждения неравенства состояний⁹⁷. Они стесняют свободу, они должны повредить промышленности и торговле и толкнуть граждан на путь обмана: граждане будут все время озабочены тем, чтобы скрывать свои богатства и иметь возможность распоряжаться ими по своему желанью.

Стр. 106.— *Богач, обладающий всем необходимым, будет всегда тратить избыток своих денег на покупку излишних вещей.*

Какое значение имеет то, что у него будут фарфоровые уродцы на камине, лишь бы не было уродов в наших судебных учреждениях.

Глава XII

Стр. 107.— *Бедный, но просвещенный народ обычно свободен от тиранов.*

Охотно верю этому. Но легко ли народам стать просвещенными, если у них нет денег, этого условного знака всех необходимых для жизни вещей? Уничтожьте этот движущий принцип, и вы увидите, как наступит всеобщий застой. Но благоприятно ли состояние застоя для прогресса наук, искусств и усовершенствования человеческого духа? Только что вы защищали науку против Жан-Жака, и вот вдруг вы открываете настежь двери всеобщему невежеству.

Глава XIII

Стр. 111.— *Тот, кто может раздавать деньги, не всегда дает их самому добродетельному человеку.*

Какое мне дело, что он плодит девок, лишь бы девки не назначали министров!

Разумеется, можно и без помощи денег зажечь у народа энтузиазма к славе, т. е. можно получить очень воин-

ственных, стремящихся к завоеваниям подданных, рыцарей, паладинов. Однако я сомневаюсь, что вы получите ученых, если только ваша маленькая колония не будет, подобно Лакедемону, окружена образованными народами, но в этом случае она не будет особенно долговечной.

Нелепо предполагать, что все народы примут вдруг общее решение выбросить все свои деньги в море. Поэтому гораздо рациональнее свести значение богатства к одним его естественным преимуществам при помощи государственного акта, зависящего только от воли государя. Все дело сведется даже к расширению одного существующего уже в нескольких частных случаях закона, оказавшего благотворное действие. Ведь все кафедры на нашем юридическом факультете замещаются по конкурсу, и на нем нет ни одной кафедры, которая не была бы занята заслуживающим этого человеком.

Глава XVI

Стр. 113.— *Любовь к деньгам губит таланты, патриотизм и добродетель.*

Да, поскольку речь идет о деньгах как представителе всякого рода достоинств. Нет, поскольку речь идет о деньгах как представителе одних только удовольствий.

Почему люди желают иметь деньги, и еще деньги, и еще? Потому что за деньги можно иметь все: уважение, власть, почести и даже ум.

Пусть можно будет за деньги иметь лишь продажные вещи; пусть нельзя будет приобрести на них всего того, что не имеет реально-денежной стоимости, и деньги станут чем-то очень невинным и безобидным; доброта, гуманность, сострадание станут благодаря этому более обычным явлением. В наше время, когда деньги являются всем, люди скупаются, и должны скупиться, на какой-нибудь эю: эю представляет слишком много вещей раз, чтобы быть щедрым на него.

Я не знаю, станет ли тогда стремиться к деньгам

с такой же жадностью королевское министерство, но оно сможет потерять свои прерогативы лишь тогда, когда народ станет менее жадным к деньгам.

Глава XVIII

Стр. 121.— *Тот, кто объявляет себя защитником невежества, объявляет себя врагом государства.*

Итак, кто объявляет себя безусловным врагом денег, объявляет себя, если я не очень ошибаюсь, защитником невежества.

Примечания

Стр. 127.— *Государь должен скупо распорядиться достоянием своих подданных.*

Это напоминает мне одно замечание ныне царствующей российской императрицы. Фальконэ⁹⁸ привез с собой в Петербург довольно значительное количество картин, собранных им в Англии. Императрица увидела их и приобрела из них некоторые за очень скромную цену, заметив по этому поводу, что Фальконэ-отец будет, конечно, недоволен, но он должен принять во внимание, что ведь не она платит за картины.

Та же стр. — *По какому признаку можно узнать вредную роскошь? По сорту товара, выставленному в лавках. Чем дороже эти товары, тем больше неравномерности в благосостоянии граждан.*

Вместо того, чтобы говорить: *чем дороже эти товары*, может быть, правильнее было бы сказать: *чем хуже эти товары и чем больше они стараются иметь вид дорогих*. Дело в том, что, чем неравномернее состояния, тем распространеннее роскошь, прикрывающая нищету.

Лавки, где товары действительно ценны, — малочисленны и имеют немногочисленную клиентуру. Зато бесчисленны те лавки, где кажущееся богатство товаров служит маской для нищеты.

Стр. 131.— *Если уничтожить половину богатств какого-нибудь народа и если распределить другую половину его более или менее равномерно между всеми гражданами, то государство будет почти по-прежнему счастливым и могущественным.*

Я сомневаюсь в одной половине этого утверждения и отрицаю другую. Как может это государство остаться могущественным попрежнему, если окружающие его и соперничающие с ним народы сохранили все свое богатство? Как может оно быть столь же счастливым, если у него стало меньше наслаждений? А наслаждения эти уменьшатся на все то, чего нельзя будет из-за наступившего обеднения привезти за большие деньги из отдаленных стран.

В Швейцарии пьют мало бургундского и шампанского. Уменьшите наполовину богатство швейцарцев, и они станут пить еще гораздо меньше этих вин.

Для всякой страны, говорит Гельвеций (стр. 132), необходимы либо деньги, либо законы Спарты, либо опасность близкого нашествия. Но введение законов Спарты, будь оно возможно, было бы пагубным для народа: так говорит сам Гельвеций. Следовательно, опасность нашествия будет тем больше, чем будет меньше сумма богатства. Как же он мог утверждать в предыдущем параграфе, что если мы выбросим в море половину своих денег, то мы не станем от этого ни менее счастливыми, ни менее могущественными?

Та же стр.— *Самое обычное преступление европейских правительств заключается в их жадном стремлении присвоить себе все деньги народа.*

Трудолюбие пчел увеличивают, отняв у них часть их воска и их меда. Отнимите у них все, и пчелы покинут улей. Отнимите слишком много, пчелы останутся в улье, но вымрут.

Стр. 135.— *Почести — это своего рода деньги, повышающиеся и понижающиеся в своей цене в зависимости от большей или меньшей справедливости при распределении их.*

Уменьшение значения дурно распределяемых почестей в моральной области соответствует порче денег в физической области.

Та же стр. — *Какой причиной объясняется необычайное могущество Англии? — Характером ее правительства.*

Но чем объяснить нищету Шотландии и Ирландии и теперешнюю нелепую войну с колониями? — Жадностью купцов метрополии⁹⁹.

Эту нацию хвалят за ее патриотизм. Но пусть мне покажут в древней или новой истории пример такого же национального индивидуализма или более резкого антипатриотизма.

Народ этот представляется мне в образе сильного, родившегося четырехруким ребенка, у которого одна рука отрывает три других.

Я нахожу еще одно пятно на характере этого народа, именно: его негры — самые несчастные из негров. Англичанин, враг тирании у себя дома, самый свирепый деспот за пределами Англии.

Чем объяснить это противоречие, если оно действительно, что вне сомнений? Освобождается ли англичанин за пределами своей родины от власти железного закона, который сгибает его дома? Становится ли он злым, подобно рабу, освободившемуся от своих цепей? Или это просто результат его презрения к человеку, настолько презренному, что он готов подчиниться произвольной власти какого-нибудь господина?

Раздел VII

Глава I

Стр. 139. — Когда король Иаков говорил, что трудно быть одновременно хорошим теологом и хорошим подданным, то он просто повторял пословицу, утверждающую, что трудно служить одновременно двум господам.

Глава IV

Стр. 51.— Учение иезуитов благоприветствовало совершению краж; однако суд, осудивший его из требований приличия, не смог заметить, чтобы оно увеличило число мошенников.

Это объясняется тем, что есть множество мелких домашних мошенничеств, которые не доходят до суда.

Мне кажется, что проповедник воровства, запертый в будке, где он шепчется на ухо с моим лакеем, не является вовсе субъектом, безразличным для моей личной безопасности и для целости моих вещей.

Глава V

Об управлении иезуитов

У Гельвеция я нахожу верное замечание, которого не встречал ни у одного автора, а именно, что можно было любить какого-нибудь доминиканца, капуцина или другого монаха, не любя в то же время их ордены, между тем друг какого-нибудь иезуита был другом иезуитов вообще. Самая малая часть представляла здесь целое.

Стр. 170.— Здесь у автора какая-то нескладница. *Нет такой музыки, которой не воздвигли бы храма; нет такой науки, которой не занимались бы в какой-нибудь академии; нет такой академии, в которой не предложили бы премии за решение известных проблем по оптике, агрокультуре, механике и т. д. Но какой же рок тяготеет над моральными и политическими науками, важнейшими из всех наук для национального благополучия, и почему они еще не имеют общественных школ?..*

Этот отрывок не связан ни с тем, что предшествует ему, ни с тем, что следует за ним. И он вовсе не настолько интересен, чтобы нужно было сохранить его за счет связи идей. Указываемый недостаток наблюдается не в одном этом месте. Когда знаешь метод работы на-

шего автора, то удивляешься, что не встречаешь чаще в его книге такого рода пескладыши.

Стр. 171.— Я готов признать, что монастырские законы должны были бы быть самыми совершенными, но я отрицаю, что они должны были бы быть самыми долговечными. Долговечно лишь то, что согласуется с природой, не переставшей заявлять о своих правах.

Ни Гельвеций и ни один из предшествовавших ему или писавших после него авторов не были хорошо знакомы с первоначальным характером иезуитизма.

Когда иезуиты явились во Францию и у них спросили, не являются ли они черным духовенством, они ответили отрицательно; на вопрос: а белым духовенством? — они ответили тоже отрицательно, и они были правы в обоих случаях.

Основателем их ордена был военный человек¹⁰⁰. Весь статут его носит военный характер: Христос является вождем всего воинства, генерал ордена — полковником, остальные же иезуиты — либо капитанами, либо лейтенантами, либо сержантами, либо простыми солдатами.

Это смешно, но тем не менее это так.

Это был настоящий рыцарский орден. А с какими врагами он должен был бороться? С дьяволом, или неверием, пороком и невежеством. Они устраивали миссии для борьбы с неверием в близких и далеких странах. Они проповедывали в городах против порока, они заводили школы против невежества. Все шло под знаменем девы Марии — Дульциней св. Игнатия.

Прибавьте к этому, что орден иезуитов был создан почти немедленно после эпохи испанского рыцарства, палладинов и донкихотства.

От духа основателя ордена остался только фанатизм. Иезуиты до того выродились при третьем генеральстве, что один из их старинных писателей, имя которого я не могу теперь вспомнить, говорил им: «Вы стали честолюбцами и политиками, вы гонитесь за золотом, вы презираете занятия науками и добродетель, вы любите бывать у вельмож. Вы движетесь с такой быстротой по направле-

нию к пороку и могуществу, что государи будут желать истребить вас и не будут знать, как это сделать».

Примечания

Стр. 173.— Военные законы действительно заставляют солдата расстреливать своего товарища и своего друга. Но это жестокий закон, которым всегда возмущались.

Справедливо ли упрекать народ в недостатке, свойственном определенному периоду жизни его? Справедливо ли обвинять цивилизованную эпоху из-за закона, установленного в варварское время?

Рассуждать так столь же странно, как странно было бы рассуждение историка, который пытался бы на основании примера Брута доказывать, что в Риме в первоначальное время отцы либо не любили своих детей, либо любили их меньше, чем отечество. Возможно, что среди всех тогдашних римлян один лишь Брут был способен на свой героический или жестокий поступок: вызванное им всеобщее удивление достаточно доказывает это.

Неправильно судил бы об общем духе народа тот, кто стал бы умозаключать о его силе или слабости, о чистоте или испорченности его нравов, о его богатстве или бедности на основании поступков нескольких отдельных лиц и сказал бы: «Апиций предпочел умереть с голоду, так как он не был в состоянии жить на оставшиеся у него 800 или 900 тысяч ливров; значит, в то время римлянин, обладавший таким капиталом, был нищим».

Та же стр.— *Существует ли такой момент, когда свобода человека может быть объяснена различными операциями его души?*

Эта фраза темна.

Стр. 174.— *Нет почти ни одного святого, который хоть один раз не выкупался бы в человеческой крови.*

Я бесконечно презираю святых, но я не решусь возводить на них клевету, если только не решиться на осно-

Ванин умерщвления плоти, которому они подвергают самих себя и к которому они поощряют других своим примером и советом, рассматривать их как самоубийц и убийц; может быть, к этому и сводится мысль нашего автора.

Стр. 177.— *Почему так мало добродетельных людей? Потому что бедствия преследуют почти всюду добродетель.*

Нет столь испорченного народа, у которого нельзя было бы найти несколько добродетельных людей. Среди этих добродетельных людей не найдется, может быть, ни одного, который не мог бы добиться почестей и богатства, если бы он пожертвовал своей добродетелью. Я хотел бы знать, под влиянием каких странных соображений они отказались от этого, какими мотивами руководствовались они, предпочитая добродетель в нужде и неизвестности пороку в богатстве и почете.

Та же стр.— Верно, религия побуждает вернуть эю, но она побудила убить Генриха IV¹⁰¹.

Стр. 178.— Я не могу здесь не вспомнить слов одного сорбоннского доктора, именно аббата Лавока, библиотекаря Сорбонны. В то время хранитель печати Машо носился с проектом уничтожения привилегий духовенства.

— Вот,— сказал доктор,— вопрос, с которым я быстро покончил бы, если бы я был на месте архиепископа.

— Что же вы сделали бы?

— Что бы я сделал? Я пошел бы к мадам де Помпадур¹⁰² и сказал бы ей: «Сударыня, вы находитесь в слишком интимных отношениях с королем. Предупреждаю вас, что если через неделю вы не вернетесь к своему супругу, то я отлучу вас от церкви».

Стр. 181.— *Если палач полновластен над солдатами,— сказал один великий государь,— то он полновластен над городами.*

Гельвеций, вы говорите: великий государь! Скажите лучше -- великий злодей, какой-нибудь Цезарь Борджиа¹⁰³. Горе народу, управляемому государем, который не скажу -- руководствуется подобными принципами, по

жестокая душа которого способна сочинять такие принципы.

Стр. 182.— *Деспотизм главы иезуитов не может быть пагубным.*

Если речь идет об ордене иезуитов, то я с этим согласен. Но если речь идет об обществе, то вы, конечно, этого не думаете.

Если бы какой-нибудь государь решился управлять своим государством согласно принципам иезуитской политики, то как, по вашему мнению, поступили бы другие государи?

Народ, у которого все подданные находились бы в руках государя так, как палка в руке старика; у которого государь распоряжался бы своими подданными, как «старец с горы» распоряжался своими фанатическими последователями,— такой народ непременно истребил бы все другие народы либо был бы истреблен ими.

Сколько было бы тогда убийств и злодеяний! Сколько крови текло бы тогда со всех сторон! Одна мысль об этом приводит меня в трепет. Если бы такому монарху угрожала со стороны какого-нибудь из его соседей справедливая или несправедливая война, то ему оставалось бы только сказать: «пусть убьют его!..» — и моментально нашлись бы тысячи людей в его распоряжении.

Раздел VIII

Глава II

Об употреблении времени

Стр. 188.— Я прочел эту главу с величайшим удовольствием; у меня нет сил формально противоречить здесь Гельвецию, но я очень боюсь, что в этой главе больше поэзии, чем правды. Я больше бы верил утверждениям о прелестях времяпровождения плотника, если бы об этом мне рассказал какой-нибудь плотник, а не главный откупщик, руки которого никогда не испытывали

твердости дерева и тяжести топора. Я вижу, как этот счастливый плотник утирает пот с лица, кладет руки на бедра, стараясь передохнуть немного, я вижу, как он тяжело дышит каждое мгновение, как он измеряет своим циркулем толщину балки. Может быть, очень приятно быть плотником или каменотесом, но, по правде говоря, я не желаю вовсе этого счастья, даже с риском лишиться удовольствия вспоминать при каждом ударе топора или движении пилы о получке, ожидающей меня в конце моего рабочего дня.

Всякого рода работы являются одинаково средством против скуки, но не все работы равны между собой. Я не люблю такого рода работ, которые влекут за собою преждевременную старость, между тем это не наименее полезные, не наименее обычные и не наилучше оплачиваемые виды работы.

Они до того утомительны, что рабочий гораздо больше интересуется моментом окончания своей работы, чем мыслью о своем заработке; в течение всего своего дня он занят не столько мыслью о своей получке, сколько мыслью об утомительности и продолжительности своей работы. Когда наступают сумерки и лопата падает у него из рук, то из уст его вырываются не слова: «Теперь я получу свои деньги...», а слова: «Вот и хватит на сегодня».

И вы воображаете, что, вернувшись домой, он спешит броситься в объятия своей жены? Вы воображаете, что он в них так же пылок, как праздный человек в объятиях своей любовницы? У грядущих людей зачатие детей происходит почти всегда под утро воскресного или праздничного дня.

Я расскажу здесь об одном своем наблюдении; пусть делают из него вывод, какой хотят. Я возвращался как-то из Булонского леса с одним приятелем. Приятель этот сказал мне: «Мы сейчас встретим кареты, едущие в Версаль. Готов держать пари, что ни в одной из них мы не увидим довольного лица...» Действительно, у всех просзжавших либо голова была опущена на грудь, либо они сидели уткнувшись в один из углов своего экипажа,

причем выражение их лиц было таким задумчивым и озабоченным, что я не могу описать его. Но это не все: в это же время многие из несчастных, занятых ломкой камня вдоль берегов реки, пели, с аппетитом закусывая куском черного хлеба. Значит, скажете вы мне, эти последние были счастливее первых? Да, может быть, в этот момент, в этот день. Но мы ведь говорим не об одном моменте, не об одном дне. Каменотес тасал камни ежедневно, но он не ежедневно пел. Царедворец не ежедневно был на пути в Версаль, он не ездил туда ежедневно, и он не всегда был печален, независимо от того, ездил ли он туда или возвращался оттуда.

Если каменотес обращает меньше внимания на то, что он натолкнулся на жилу очень твердого камня, чем царедворец — на невнимательность монарха или на нахмуренное чело его министра, то приветливый взгляд монарха, милостивое слово его министра делают царедворца более счастливым, чем сделала бы каменотеса встреча с жилой мягкого камня, обработка которого не была бы так утомительна и требовала бы меньше труда.

С другой стороны, я не думаю, что этот вельможа, лишенный высшего, доступного ему счастья, — ужина в интимном кругу с государем, — так же доволен за своим столом или за столом друзей своих, несмотря на всю тонкость блюд и изысканность вин, как каменотес, который, вернувшись с набережной в свою хижину, сидит со своей кружкой воды или бутылкой скверного пива рядом с женой и детьми.

Однако если первый несчастен, то потому, что у него неверно направлены мысли; с другой же стороны, религия, привычка к нищете и труду и всякого рода утешительные рассуждения с трудом примиряют каменотеса с его положением.

Наконец, Гельвеций, кем хотели бы быть вы лично: царедворцем или каменотесом? Каменотесом, ответите вы мне. Однако еще до окончания дня вам опротивеет кирка, за которую надо взяться на следующий же день. Если же вам надоела бы ваша роль придворного, то вы

скоро послали бы к чорту и монарха, и его министра и весь двор.

Поверьте мне: после восьми или десяти часов работы киркой вам перестала бы казаться такой страшной скука, царящая в версальских передних.

Я отлично знаю, что всякое положение имеет свои неприятности. Пятнадцати лет я читал и тридцати лет перечитывал у Горация, что мы чувствуем лишь неприятности своего собственного положения¹⁰⁴, и я смеялся и над адвокатом, который завидует жребию земледельца, и над земледельцем, который завидует жребию купца, и над купцом, который завидует жребию солдата, и над солдатом, который ругает и клянет опасности своего ремесла, свою жалкую плату и своего сурового капитана или капитана, — но при всем том я предпочитаю растянуться небрежно в своем кресле, опустивши занавески, надвинув колпак на глаза, и анализировать идеи, чем мешать известку, хотя я никак не могу сравнить ругань надсмотрщика с сатирой завистливого и недобросовестного критика. Конечно, один свисток в театре больше огорчает какого-нибудь автора, чем десять ударов палкой — ленивого или неловкого поденщика; но через неделю освищенный автор не думает больше об этом, а известь попрежнему висит тяжестью на сгорбленных плечах каменщика.

Глава III

Стр. 193. — *Скука почти столь же грозное зло, как и нужда.*

Это может сказать только богач, никогда не задумывавшийся над тем, придется ли ему ужинать.

Из предпочтения, оказываемого Гельвецием положению слуги сравнительно с положением господина, я вижу, что он был хорошим господином и что он не знает жестокости, грубости, дурных настроений, причуд, деспотизма большинства других господ.

Быть слугой — это самое последнее дело, и только лень или какой-нибудь другой порок заставляет че-

ловека колебаться между ливреей и багром крючника. Если, имея здоровые, широкие плечи и крепкие крылья, он предпочитает выливать ночной горшок, чем носить тяжесть, то, значит, у него низкая душа.

Таким образом надо удивляться не большому количеству лакеев, а ничтожному количеству хороших лакеев.

Та же стр. — Из всех соображений, вызываемых этой страницей и следующей, я остановлюсь лишь на одном, именно, что в обществе имеется много профессий, утомительных, быстро истощающих силы и сокращающих жизнь, и, какую бы вы ни назначили заработную плату, вы не уничтожите постоянных и справедливых жалоб рабочего.

Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, сколько несчастных получают ужасные увечья и умирают от работы в коях, от изготовления свинцовых белил, от сплава леса, от выгребания помойных ям?

Только страх нищеты и отупение могут заставить человека заниматься подобною работой. Ах, Жан-Жак, как плохо вы защищали преимущества дикого состояния перед общественным состоянием!

Да, аппетит богача не отличается вовсе от аппетита бедняка; я думаю даже, что у последнего аппетит гораздо живее и реальнее; что же касается здоровья и счастья, то, может быть, бедняка следовало бы перевести на положение богача, а богача — на положение бедняка. Тунеядец обжирается самыми сочными яствами, трудящийся пьет воду, ест простой хлеб, и оба умирают преждевременно — один от несварения, другой от истощения. Бездельник потягивает медленными глотками благородное вино, которое восстановило бы силы трудящегося.

Если бы бедняк и богач одинаково трудились и были одинаково умеренными, то и тогда не всё сравнялось бы у них. И в этом случае различие в пище и в труде, различие между скромной и обильной пищей создавало бы почву для большой разницы в средней продолжительности их жизни.

Или обходитесь без металлов, или примиритесь с тем, что копи смертоносны.

В необъятных глубинах копей Гарца скрыты тысячи людей, едва знакомых с солнечным светом и редко достигающих тридцатилетнего возраста. Там можно видеть женщин, имевших по двенадцати мужей.

Если вы закроете эти обширные могилы, то вы разорите государство и обречете всех саксонцев либо на голодную смерть, либо на эмиграцию.

А в самой Франции сколько мастерских, хотя и менее многолюдных, но почти столь же пагубных!

Когда я задумываюсь над многообразием причин убыли населения, то я постоянно поражаюсь тому, что число рождений превышает число смертей на одну девятнадцатую.

Если бы Руссо, вместо проповедей о возвращении в леса, занялся сочинением плана общества полудивилизованного и полудикого, то, я думаю, было бы гораздо труднее возражать ему.

Люди объединились в общество, чтобы иметь больше шансов на успех в борьбе со своим постоянным врагом — природой, но они не удовлетвоались победой над ней, они захотели торжества. Они нашли, что хижина представляет больше удобств, чем пещера, и они поселились в хижине. Отлично, но какое еще огромное расстояние от хижины до дворца! Лучше ли жить во дворце, чем в хижине? Я сомневаюсь в этом. На какие мучения обрекли себя люди лишь для того, чтобы обременить свою жизнь разными излишними вещами и бесконечно усложнить проблему своего счастья!

Гельвеций правильно заметил, что счастье богача — это вечно нуждающаяся в какой-нибудь починке машина. Это замечание особенно применимо к нашим обществам. В отличие от Руссо, я не думаю, что их следует — будь это возможно — разрушить, но я убежден, что люди в своей деятельности зашли слишком далеко и что если бы они остановились и если бы можно было упростить весь строй нашей жизни, то от этого нам не было бы хуже.

Кавалер де Шателлю удачно провел различие между блестящим царствованием и счастливым царствованием¹⁰⁵. Можно с таким же успехом провести различие между блестящим обществом и счастливым обществом. Гельвеций находит счастье общественного человека в среднем состоянии. Я думаю аналогичным образом, что существует какая-то ступень цивилизации, более соответствующая счастью человека вообще и не настолько далекая от дикого состояния, как это обыкновенно воображают; но как вернуться к ней, когда удалились от нее, а когда находишься на ней, то как остаться там? Я этого не знаю. Общественная жизнь развивается, может быть, в направлении к тому пагубному совершенству, которым мы наслаждаемся почти с той же необходимостью, с какой становятся белыми на старости наши волосы. Древние законодатели знали только дикое состояние. Современный законодатель, более просвещенный, чем они, основывая колонию где-либо в неизвестном уголке земли, может быть, нашел бы какой-нибудь промежуточный между диким состоянием и нашей чудесной цивилизацией строй, который задержал бы быстрый прогресс потомка Прометея, защитил бы его от коршуна и дал бы цивилизованному человеку место между детством дикаря и нашим старческим увяданием.

Глава IV

Стр. 195.— *Идея добродетели и идея счастья в конце концов обособятся друг от друга, но для этого потребуется время и даже много времени.*

В другом месте Гельвеций, кажется мне, говорит, что это обособление идей есть дело минуты, что достаточно тирану только сказать, чтобы оно произошло.

Та же стр.— *Допустим, что установлены лучшие законы. Можно ли представить себе, что люди сочтут себя равно счастливыми, не будучи равно богатыми или могущественными?*

Разве мы не начинаем под влиянием испытанных ис-

приятностей, связанных с нашим положением, и незнания неприятностей, связанных с положением других людей, отделять идею счастья от нашего скромного состояния, чтобы связать ее с идеей могущества и богатства, которых мы лишены? Если это верно, то ваши хорошие законы мало чему помогут.

Конечно, в глубине лесов, где нет ни денег, ни чинов, идея счастья не связывается с идеей денег и чинов. Но разве дело происходит так же в обществе, где ребенок и человек из народа видят постоянно вокруг себя, у своих дверей, около себя эти призраки счастья?

Все наши прославления низкой доли, скромной доли, смогли ли они убедить хоть одного гражданина, что в ней именно было счастье, и погасили ли они в его сердце жажду денег, стремление к почестям?

Глава V

Стр. 198.— *Там, где граждане не принимают участия в управлении государством, где задушено всякое соревнование, у человека, не испытывающего нужды, нет никаких мотивов, чтобы заниматься науками и учиться.*

Автор жил в такой стране, какую он описывает; он ни в чем не нуждался,— следовательно, либо он учился без всяких мотивов, либо существуют еще другие мотивы для учения.

Та же стр.— *Слишком ленивый, чтобы идти навстречу удовольствию, он хотел бы, чтобы удовольствие шло навстречу ему.*

Примеры таких ленивцев не очень обычны. Автор применяет к многочисленному классу людей то, что применимо лишь к тупому и апоплектическому французу. Другие, на мой взгляд, гонятся за развлечениями и удовольствиями с такой же энергией, с какой они бегут от скуки. Всегда ли они достигают их? Но не об этом идет речь.

Та же стр.— *От скуки избавляются лишь при по-*

мощи лошадей, собак, экипажей, концертов, музыкантов, живописцев, скульпторов, празднеств и зрелищ.

И что же! Все это имеют и разоряются.

Либо я плохо знаю людей, либо все сказанное здесь (стр. 199) преувеличено. Я часто слышал о несчастных бедняках, которые убивали себя, но никогда не слышал о богачах, которые кончали со своей скукой при помощи этого столь верного и быстрого средства.

Главы VII и VIII

Стр. 200.— Не всегда привычка — причина того, что не видишь красоты рассвета чудесного дня, яркости восхода солнца, не слышишь и не чувствуешь прелести пения петуха, рокота ручейка, блеяния стада. Это происходит от того, что душа обладателя всех этих благ больна. Терзаемый тысячью безумных страстей, он приезжает к себе в деревню подобно тому, как Сатана Мильтона прибыл в Эдемский сад. Найдите, если вы можете, снадобье, способное излечить его расстроенный мозг, и вы вернете зрелищу природы прелести, которыми он не устанет восхищаться. Все утомленные пустыми развлечениями города вскрикают вместе с Горацием: «*O rus! quando te aspiciam!*» * О моя земля! О мои поля! О мой парк! Когда я снова увижу вас? Все видят их снова и все умирают здесь от скуки. Это потому, скажете вы мне, что не все умеют жить в деревне, подобно Горацию. Если вы ответите так, то вы покажете лишь, что характер Горация известен вам не лучше, чем человеческое сердце. Этот поэт покидал Рим в убеждении, что муза и его гений ожидали его у деревенского очага или под липой, покрывавшей своей тенью источник. В его дорожном чемодане беспорядочно лежали: Менандр на Аристофане¹⁰⁶, Аристофан на Платоне. Уезжая, он заявлял своим друзьям, что вернется не с одним, а с песколькими шедеврами.

* О деревня! Когда я увижу тебя?

Но, приезжая в деревню, он начинал наслаждаться покоем и миром полей, и если Меценат¹⁰⁷ звал его обратно в город, то он начинал сердиться на своего благодетеля, возмущаясь тем, что воображают, будто приобрели за богатства его свободу, и предлагал в таком случае вернуть их. Так проходило время, и он снова появлялся среди своих друзей, не успев открыть ни одной книжки, не написав ни одной строчки. Может быть, поэт, вовсе не испытывая в деревне скуки, отвыкал там от искусства стихосложения? Однако кого больше ласкали вельможи, кого больше они портили своими милостями, чем этого поэта? Есть люди, на дне души которых остается какой-то остаток дикости, какая-то склонность к свободе, праздности и независимости первобытной жизни. Они чувствуют себя всегда чужими в городах, они снедаемы в них тайным отвращением, скукой, которые прекращаются на время, но затем снова возвращаются, и иногда даже в разгар самых бурных и самых приятных развлечений. Если это — поэт, то он приписывает свои неприятные переживания всякого рода препятствиям, мешающим ему отдаться целиком своему таланту; он стремится избавиться от них, он удаляется, остается наедине с собой. Что же он делает? Он бродит по полям, растягивается на траве лужаек, проводит целые часы, созерцая, как течет ручеек; он останавливается подле крестьянина, обрабатывающего землю, и беседует с ним о полевых работах; он садится иногда за стол вместе со своими слугами, с интересом прислушиваясь к их разговорам; он расспрашивает птичницу о ее гусях, утках, голубях; он приказывает своему садовнику насыпать свежей земли на участке, который кажется ему истощенным; иногда он сам перекапывает землю у основания хиреющего дерева; он строит проекты насоса, который поднимал бы воду из его колодца и облегчил бы работу жены его садовника, обязанной ведрами доставать ее; он посещает священника и покидает его, лишь наведя справки о бедняках из прихода. Он занимается всем, исключая того, для чего он приехал.

Глава IX

Стр. 205.—Путешествуя, я встретил леди***, проводившую полгода в Париже, остальное же время — в Лондоне и владевшую одинаково хорошо французским и английским языками. Я спросил у нее, находит ли она нравы французов более испорченными, чем нравы англичан, или наоборот; она мне ответила, что, на ее взгляд, вся разница сводится к большей грубости пороков ее соотечественников. К этому она прибавила еще, что нас губит дурное общество женщин и что, наоборот, на ее родине для мужчины опасно дурное общество мужчин.

Стр. 206.— *Итак, женщины просят снисойти к печальному положению министра и быть по отношению к нему более уступчивыми. Впрочем, может быть, нет никаких оснований упрекать их в этом отношении.*

Если это не свидетельствует о дурном вкусе, то надо во всяком случае признать, что эти вольности не совсем вяжутся с серьезностью книги.

Глава X

Я готов отнести так же строго ко всей следующей главе. Когда я читаю на обложке и на заглавном листе название книги: *О человеке и его воспитании*, то я несколько поражаюсь, прочитав название десятой главы: *Какая любовница нужна праздному человеку*; я уж не знаю, проповедует ли наш автор добрые нравы или же дурные. Я думаю, что его тон был бы менее распушенным, если бы он предусмотрел, какую выгоду извлекут из этого для себя его враги. В его книге немало таких мест, которые вас скандализуют, хотя бы вы и не были ханжой. Когда борешься с религиозными предрассудками, то нельзя быть достаточно сдержанным и скромным.

Стр. 207.— *Для праздных людей нужны кокотки, а для занятых — красивые девушки. Охота за женщинами, как и охота за дичью, должна быть различной в зависимости от времени, которое можешь*

потратить на это. Если можешь на это потратить лишь час или два, то отправляешься на ружейную охоту...

Ловкая женщина заставляет незнающего человека долго ухаживать за собой...

Женщина — это словно хорошо сервированный стол, на который смотришь различными глазами до еды и после нее.

Фи, фи, вычеркните все эти грубые сальности. Их едва позволили бы себе под конец ужина, да и то в отсутствие женщин.

То же самое относится к стр. 208.

Стр. 209.— Оставьте все эти жеманства нашим бесталанным поэтикам, воспевающим альковные улады. Им не место в устах моралиста.

Желание понравиться всему свету заставило нашего автора высказать много вздорных вещей.

Глава XII

Стр. 209.— *Когда наши женщины достигают известного возраста и бросают румяна, любовников и зрелища, то они становятся ханжами.*

Мне кажется, что обычай этот начинает выходить из употребления и что наши женщины не вступают так быстро и так часто на печальный путь ханжества. Они остаются в свете, проникаясь снисхождением к забавам молодости; они играют, беседуют, и хорошо беседуют, ибо они говорят на основании собственного опыта; они отправляются за город, на прогулки, в театр; они мало злословят. Их главное занятие сводится к заботе о своем здоровье и обо всех мелких удобствах жизни. Они сохраняют румяна, и вместо того, чтобы итти оплакивать у ног священника свои прошлые глупости, они смеются по поводу них с несколькими интимными друзьями. Решение вести себя так, если оно только проводится в действительности, является результатом охватившего всех пренебрежения к религии: женщины перестали верить

в нее в молодости, и они не могут искать в ней утешения в старости. Когда-то женщина, вырвавшись из объятий любовника, отправлялась в церковь; теперь она уже не идет к обедне, или же если и идет, то лишь считаясь с прислугой,— принудительный обычай, от которого с каждым днем все больше освобождаются. Неверие так же обычно у женщин, как и у мужчин; логически оно у них несколько меньше обосновано, но почти так же крепко.

Глава XIII

Стр. 213.—*Прекрасное перестает под конец быть таковым для меня.*

Я не верю этому. То, что истинно, остается истинным, то, что хорошо, не перестает быть хорошим, прекрасное всегда прекрасно. Изменяется только мое восприятие его. Я прохожу перед колоннадой Лувра, не глядя на нее. Разве от этого она менее прекрасна для меня? Нисколько.

Глава XIV

Стр. 220.— Гельведий находит здесь вместе с Лонгином¹⁰⁸ и Буало¹⁰⁹ одно красивое место у Гомера, которого у того вовсе нет. Гомер не говорит:

Grand Dieu, chassé la nuit qui nous couvre les yeux
Et combats contre nous à la clarté des cieux...*

Он говорит: *«Grand Dieu, chasse la nuit, qui nous couvre les yeux, et si tu as résolu de nous perdre, perds nous du moins à la clarté des cieux»**.*

По поводу этого отрывка лет двадцать слишком тому назад произошел довольно оживленный спор между иезуитом Бертье¹¹⁰ и мной. Я утверждал, что Аякс Лонгина

* Великий боже, прогони ночь, покрывающую наши глаза, и сражайся против нас при свете неба...

** Великий боже, прогони ночь, покрывающую наши глаза, и если ты решился погубить нас, то погуби нас по крайней мере при свете неба.

и Буало был безбожником, между тем как Аякс Гомера был благочестивым и трогательным. Со мной приключилось тогда то, что происходит почти всегда с людьми, не владеющими собой, а именно — я сам ослабил выигрышную позицию в этой полемике.

Я хотел бы знать, что ответил бы мне мой противник из *Journal de Trévoux*, если бы я ему сказал тогда: ладно, отец мой; итак, Аякс, по вашему мнению, безбожник, великолепный безбожник, бросающий вызов владыке богов? Но если бы во всей *Илиаде*, среди всех греческих героев, нашелся только один такой, который перед опасным сражением призывал бы свое войско помолиться, то что вы подумали бы об этом герое? Назвали ли бы вы его безбожником? Сказали ли бы вы, что поэт хотел изобразить его безбожником? Вы, я не сомневаюсь, знаете наизусть имена всех греческих вождей. Как же назывался вот этот герой? Ахиллом, Агамемноном, Патроклом, Диомедом, Аяксом? Разуеется, это не может быть Аякс. Было бы слишком нелепо, чтобы человек, обращающийся горделиво к Юпитеру со словами: «Возьми свои перуны и сражайся против нас!..» — сказал своему войску: «Я собираюсь вступить в битву; друзья мои, преклонитесь перед богами и молитесь за меня...» Воин, который в наше время поступил бы таким образом, обнаружил бы больше набожности, чем храбрости. Однако так поступает Аякс, характер которого так выдержан у Гомера. Вот, что он говорит у подножия горы Иды:

Ἄλλ' ἄγετ' ὄφρ' ἃ ἐγὼ πόλτην ἰα τεώλτα δέω,
 Τέφρ' ὄμεισιν εἰσχεαθε Διὶ Κρονίωνι ἀναχτ',
 Σὺ γὰρ ἐφ' ὁμείων, ἵνα μὴ Τρῶές γε πύθωνται,
 Ἴηε καὶ τιφάδην, ἐπεὶ οὐτίνα δεῖδμεν ἔμπη.*

* Другие, пока я в рядах боевые доспехи надену,
 Вы молитесь Зевесу, могучему Кронову сыну,
 Между собою безмолвно, да вас не услышат трояне,
 Или молитесь громко: мы никого не страшимся!
 (*Илиада*, песнь 7, ст. 19; и сл.)

Либо вы плохо поняли поэта, либо поэт плохо выдержал характер своего героя. Выбирайте. Но, собственно, не приходится выбирать. Виновен не Гомер, а его комментаторы. Только не следует смешивать заблуждений таких гениальных людей, как Лонгин или Буало, с наглостью их подголосков.

Глава XV

Стр. 223.— *Когда любовница достаточно надоела, то приятно, придя на назначенное ею свидание, не найти ее.*

Этот афоризм президента Эно¹¹¹ принадлежит человеку, который всегда любил лишь хорошеньких глупышек.

Глава XVII

Стр. 226.— Мне кажется, что автор не придает достаточного значения некоторым редким качествам, без которых нельзя писать хорошо,— чистоте языка, выбору подходящего, точного или образного выражения, его месту и гармонии. У крестьянина, у человека из народа, могут быть ценные мысли, яркие образы, но у него не будет названных выше качеств, которые даются не природой, а только вкусом. Искусству писать можно обучиться,— искусству мыслить и чувствовать нельзя обучиться.

Глава XX

Стр. 239.— *Для удивления достаточно одного мгновения, но необходим целый век, чтобы создать удивительные вещи.*

Да, чтобы удивляться не критически. Но есть такие произведения скульптора, перед которыми я простаиваю целые часы. Я никогда не уставал, я никогда не устану глядеть на Лаокоона¹¹²; я всегда буду страдать, рассматривая эту группу, и лишь с трудом оторвусь от нее. Я прочел и перечел двадцать раз Гомера. У Бюффона

сть такие страницы, все совершенство и красоту которых я, может быть, и до сих пор еще не почувствовал. Мой экземпляр Горация истрепан, а экземпляр Расина исчеркан при чтении.

Глава XXI

Стр. 240.— Я не думаю, чтобы о наслаждении, доставляемом прекрасной женщиной, можно было сказать то же самое, что о портрете этой женщины и о сладострастном описании удовольствий, полученных в ее объятиях: наслаждение более интенсивно, изображение существует более долгое время. Какой-нибудь любитель более верен своей картине, чем своей любовнице. Человек быстрее пресыщается предметами, действующими на чувственность, чем человек с хорошим вкусом пресыщается предметами искусства.

Я предпочитаю вместе с богачом менять виды скуки, чем вместе с поденщиком проделывать всегда ту же самую тяжелую работу. Я предпочитаю гнаться, даже безуспешно, за счастьем, чем оставаться рядом с несчастьем и нищетой.

Боннье умер от скуки посреди всяческих наслаждений.

Я совершенно не верю этому. Боннье скучал, но умер от болезни.

Глава XXII

Стр. 242.— *Если бы счастье сопровождало всегда власть, то кто был бы счастливее калифа Абдул-рамана! Между тем, вот какую надпись он приказал начертать на своей гробнице: «Я наслаждался всем — почестями, богатством, верховной властью. Государи, мои современники, почитали и боялись меня. Они завидовали моему счастью, моей славе, они искали моей дружбы. В течение своей жизни я аккуратно отмечал все те дни, когда я наслаждался чистым и истинным счастьем. И за свое пятидесятилетнее царствование я насчитал только четырнадцать таких дней...»*

Калиф отсчитывал свои дни, как и все люди, жалующиеся на жизнь, руководствуясь признаками больших удовольствий, которые довольно редки, и больших огорчений, которые несколько менее редки. Если бы Тюренн¹¹³ насчитывал в своей жизни столько счастливых мгновений, сколько он мог насчитать выигранных сражений, то он мог бы сказать, как и калиф: «У меня было только четырнадцать хороших дней».

Та же стр.— *Говорят, что заключенных в Бастилии хорошо кормят, что им дают там хорошее помещение, и, однако, они умирают там от тоски. Почему? Потому, что заключенные там не занимаются своими обычными делами.*

Вовсе не потому, а потому, что заключенные не могут распоряжаться своим временем и заниматься своими делами, либо не заниматься ими; потому, что в любом месте будешь чувствовать себя плохо, если не можешь выйти из него, хотя бы только на один день; потому, что в тот момент, когда деспот говорит вам: «Я желаю, чтобы ты здесь остался...» — в вас пробуждается первобытная дикость характера, и если уста молчат, то сердце отвечает тихо: «Я не хочу оставаться». И неужели мы имеем все, что требуется для счастья чувствительного, добродетельного, сострадательного, деятельного, трудолюбивого человека, когда нас хорошо кормят и дают нам хорошее помещение? Автор как будто бы не знает, что тот, кого власти держат в заключении, — невинен ли он или виновен, — дрожит за свою жизнь и что только свобода может избавить его от этой мучительной тревоги. Он как будто бы не знает, что такое мысль о пожизненном заключении, а между тем никто из заключенных, сидящих в Бастилии, не свободен от этой мысли.

Стр. 243.— *Может быть, самое счастливое из всех положений — это положение рабочего, который, работая умеренно, удовлетворяет свои собственные потребности и потребности своей семьи.*

Всякое положение, при котором человек не смеет заболеть, не рискуя упасть в нищету, есть дурное положение.

Всякое положение, которое не обеспечивает человека на старости лет, есть дурное положение.

Если мелкий люд забывает о страшной перспективе больницы или смотрит на нее без тревоги, то это потому, что он доведен до отупения.

Все то, что наш автор говорит во славу посредственного состояния, может быть опровергнуто людьми, испытывающими тяготы его.

Примечания

Стр. 252.— Здесь наш автор выступает, хотя несколько поверхностно, в защиту развода.

Он не обратил внимания на то, что после развода дети должны жить либо с отцом, либо с матерью и что в том и в другом случае они оказываются несчастными.

Возьмем вместо развода смерть. Если переживший супруг вступает в новый брак, то что будет с детьми от первого брака, соединенными с детьми от второго брака, при отчине или при мачехе? Весь свет знает это.

Таким образом, если признать за супругами право вступать после развода снова в брак, то необходимо отнять у них детей, т. е. развод предполагает опекунов.

Но кому вы поручите опеку над детьми так, чтобы это не повлекло за собой пагубных последствий?

Нет ничего труднее, чем найти хороших опекунов. Судья здесь является как бы общим отцом.

Нелепо давать в награду за заслугу право на развод. Разве глупый человек не так же несчастен с дурной женой, как величайший гений? Разве не у всех одинаково вслед за наслаждением следует пресыщение? Разве не все вообще браки одинаково подвержены риску, связанному с несходством характеров, столь мучительным для обоих супругов.

Раздел IX

Глава II

Стр. 263.— *При уменьшении числа членов какой-нибудь семьи почему бы ей не уступить части своего состояния соседним, более многочисленным семьям?*

Почему? Потому, что эта принудительная уступка плодов моего труда нарушает право собственности и уничтожает охоту трудиться. Спросите у отцов, что преследуют они, когда так много работают; они ответят вам, что имеют в виду счастье своих детей.

Глава III

Стр. 271.— *Ничему так мало не завидуют, как талантам людей вроде Вольтера или Тюренна. Это доказывает, как мало ценят такие таланты.*

Это доказывает только, как трудно достигнуть уровня их. Найдется ли такой тщеславный человек, который решился бы втихомолку сказать себе: «Трудись; трудясь, ты станешь Вольтером или Тюренном: чтобы сравняться с ними, тебе достаточно только захотеть этого».

Говорят как раз обратное, и достаточно вспомнить какую-нибудь прекрасную страницу древнего или нового автора, чтобы у вас перо выпало из рук.

Глава IV

Все индивидуальные воли непостоянны и изменчивы, но общая воля постоянна. Вот причина того, что законы — безразлично, хорошие или дурные — существуют долгое время, а вкусы меняются.

Стр. 274.— *Вредные законы рано или поздно отменяются.*

Появляется просвещенный человек, поднимающий свой голос, и этот голос слышат если не современники, то по крайней мере внуки.

Законы не всегда отменяются, но мало-по-малу их забывают, — пример: закон о прелюбодеянии, — и это забвение есть естественный результат присущего законам недостатка.

Стр. 275.—Я не осуждаю законов Ликурга¹¹⁴, я только считаю их несовместимыми с существом большого и торгового государства.

Глава V

Стр. 284.—*Любовь к добродетели, которую обнаруживают в деспотических странах, всегда лжива.*

Я совершенно не думаю этого. Чем менее обычна и чем опаснее эта любовь, тем больше ею должны восхищаться.

Глава VI

Стр. 284.—*Законодатель, издавая законы, предполагает всех людей дурными.*

Я не думаю этого. Если бы на челе всякого злого человека был начертан и отмечен его характер, то законодатель обращался бы со своими законами только к этим отмеченным. Он знает, что есть злые люди, но он не обладает никаким средством отличать их от других людей, и поэтому он придает своим законам всеобщий характер.

Стр. 285.—*Может показаться, что человек приносит какую-то жертву, но в действительности никто никогда не приносит в жертву свое счастье ради счастья другого человека.*

Но что же сделал Курций¹¹⁵, когда он бросился в пропасть?

Глава XVIII

Стр. 320.—*Нравы и поступки животных доказывают, что они производят сравнения и составляют суждения; в этом отношении они более или менее разумны, более или менее похожи на человека.*

После этого я не понимаю, каким образом Гельвеций, приписывающий такое значение организации при сравнении человека с животным, лишает ее всякого значения при сравнении человека с человеком.

Стр. 321.— *Чтобы рассуждение, при помощи которого я уничтожил предвсудок о призраках, производило свое действие, оно должно являться нашему уму столь же обычно и быстро, как и сам предвсудок.*

Если бы это и происходило так, вы все же продолжали бы дрожать. Разве мысль имеет какое-нибудь влияние на внутренние изменения? Вы усвоили себе дурную привычку. Ваша голова горит: нет призраков; нет никаких призраков. А ваше сердце в тревоге, а внутри вас что-то трепещет, дрожь охватывает все ваши члены, вы боитесь. Гоббс смеется над самим собой; ему жалок его страх, и, однако, страх этот у него продолжается.

Глава XIX

Стр. 322.— *Таким образом дворянин отличается от разночинца только метрическим свидетельством?*

Кто отказал бы в титуле дворянина человеку, который, на основании своего метрического свидетельства и акта об обрезании или крещении, доказал бы, что он происходит по прямой линии от Авраама?

Тот, кто имел бы правильное представление о дворянстве. Дворянство начинается лишь с того момента, когда государь жалует его. Оно — либо награда за какую-нибудь заслугу, либо свидетельство милости государя. Различие между дворянами и разночинцами — недавнего происхождения. Разночинец Адам был первым разночинцем, патриарх Авраам был разночинцем, Иисус Христос был разночинцем и т. д. Я думаю, что противоположностью благородного всегда является крепостной и что первый крепостной, который добился каким-нибудь славным поступком того, что его не только отпустили на волю, но

стали считать равным его господину, первый солдат, который возвысился до положения своего вождя, был и первым дворянином. Дворянство не более древне и не более ново, чем феодальный строй. В Афинах были рабы и граждане; в Риме—рабы, вольноотпущенники, граждане или плебеи, и патриции; в свободной Галлии—вожди и солдаты; в Галлии после гибели Римской империи и раздробления Галлии между варварскими вождями—крепостные, вольноотпущенники, господа, или дворяне, и вождь, или государь. Впрочем, я не ручаюсь за точность высказываемых мною взглядов. По этому вопросу надо было бы справиться у авторов, которые писали о дворянстве, что я, разумеется, сделал бы, если бы предполагал опубликовать эти заметки.

Глава XX

Стр. 324.— *Интерес побуждает почитать порок в покровителе.*

Свидетелем этого — Гельвеций. Он отправляется ко двору Дени. Дени осыпает его милостями, и с этого момента он будет называть Дени лишь великим государем, государем *κατ' ἐξοχήν**.

Гельвеций едет в Лондон¹¹⁶. Его гостеприимство по отношению ко всем иностранцам во Франции и его личные заслуги снискивают ему самый радушный прием со стороны английских литераторов и знати. И вот английский народ становится в его глазах первым из всех народов.

Но если интерес побуждает почитать порок в покровителе, то чувство неприязни заставляет отрицать достоинство у гонителя.

Свидетелем этого Гельвеций. Он выпускает в свет свою книгу *Об уме*. Вместо ожидаемых им похвал и почестей, на него сыплетя ряд неприятностей, ожесточающих его сердце и портящих его характер. И вот он начинает видеть в своем отечестве самое дурное и низкое из всех.

* По преимуществу.

Однако он хвалит Екатерину II, с которой он вовсе не был близок и милости которой не могли купить его суждения. Но он был достаточно великодушен, чтобы счесть как бы своими полученные мною от нее свидетельства доброты и признать себя лично признательным за это. Гельвеций нежно любил своих товарищей по научным занятиям. Это не был гений, идущий легкими путями, но это был прекрасный гений, большой мыслитель и очень честный человек.

Стр. 325.— *Государь замечает заслугу, когда этого требует его интерес; но лишь только прошли опасность и нужда, как он перестает замечать ее.*

Я не боюсь, что меня могут обвинить в леги государям, но пример Тюренна, которого похоронили в Сен-Дени и праху которого оказал почет государь, пример победителя турок в последнюю войну, Румянцева¹¹⁷, которого императрица осыпала богатством и славой, и много других примеров говорят против упреков Гельвеция.

Я скорее обвиню их не в неблагодарности, а в том, что они часто вознаграждали порок и низость наряду с героизмом и добродетелью и не проводили различия между исключительным человеком и каким-нибудь наглецом.

Никогда заслуженный человек не впадает в унижение. Катина¹¹⁸ можно позабыть, но не унижить.

Истину преследуют, но не презирают: ее боятся.

Чего же с ее помощью можно добиться на пользу человечества? С течением времени — всего. Я не знаю, как это происходит, но под конец истина побеждает, и это всегда так будет. О, исключительные люди, которым природа дала в удел гений и мужество, ваш жребий обеспечен: вас ожидает долгая память и благословения, которым никогда не будет конца. О, завистливые, невежественные люди! О, лицемерные, жестокие, трусливые люди! Ваш жребий тоже обеспечен: вас ожидает проклятие веков, и ваши имена либо будут забыты, либо будут произноситься всегда с теми прилагательными, которые я привел выше.

Глава XXI

Стр. 326. — *Интерес сильного властвует над общественным мнением более повелительно, чем истина.*

Я совершенно не верю этому; друзья мои, не верьте этому. Если бы вы поверили, то было бы безрассудством с вашей стороны жертвовать своим покоем, своим здоровьем, своей жизнью ради бесплодных исканий.

Интерес сильного проходит, царство истины будет длиться вечно; поднявшиеся волны когда-нибудь покроют поверхность земного шара, мировой пожар когда-нибудь уничтожит его, но истина — она пребудет, или все погибнет с ней.

Гельвеций прав только для данного момента, но он окажется неправым в грядущих веках, ради которых вы работаете.

Он придет, он придет когда-нибудь, тот справедливый, просвещенный и сильный человек, которого вы ждете, потому что время приносит с собой все, что возможно, а такой человек возможен.

Эти истины, погребенные в произведениях Гордонов, Сиднеев¹¹⁸, Макиавелли, выпирают теперь отовсюду, а ведь высказаны они были совсем недавно.

Разумеется, сильный человек использует их в зависимости от обстановки и от того, как это потребует интерес его славы. Но почему импульс доброты, справедливости, гуманности — плодов счастливой природы или хорошего воспитания — не сможет предшествовать, не сможет идти одновременно, не сможет последовать за законом необходимости? Зачем обескураживать народы, зачем приводить в уныние философов, ограничивая число причин счастья?

Та же стр. — *В конце концов сильный правит мнением.*

Верно ли это? Сильный может вести себя так, точно не существует прав собственности, но может ли он заставить нас поверить в это? Тот, кто скажет льву: «господин, пожирая их, ты оказываешь им большую честь»¹²⁰, будет таким же разбойником, как лисица в басне, но не

будет более левоверным, чем она. Тот, кто раздает почести, богатства, наказания, привязывает к себе людей; его восхваляют, но он не покоряет даже тех душ, которые он развратил. Если вы думаете, что гордятся титулом раба, что искренно презирают состояние свободного человека, то вы просто придаете излишнее значение гримасам несчастного, одно слово которого может оборвать нить, поддерживающую висящий над его головой меч.

Я не знаю ничего более противоречащего вашим принципам, чем то, что вы пишете здесь. Разве раб, пользующийся милостью господина, не находится под вечной угрозой гибели? Разве угнетенный раб не всегда страдает? Разве возможно, чтобы человек, который боится, и человек, который страдает, действительно презирали человека, который не боится и не страдает? Вы приняли бездействие, молчание или лицемерие за истинное выражение чувства, которое рано или поздно, уставши от принуждения, дает себе выход в ударе кинжалом, поражающем грудь тирана.

Если бы это чудовище, деспот, могло править мнением, то оно было бы в безопасности. А что доказывают религиозные взгляды, которые вы выставляете против меня? Дело идет о человеке, а вы мне говорите о божестве, о каком-то фантастическом существе, господине над тем, что справедливо и что несправедливо, перед приговорами которого я преклоняюсь и которого я благодарю за удары бичом, потому что они являются свидетельством его сострадания ко мне и чуть ли не гарантией моего вечного блаженства.

Тиран — это человек, которого я ненавижу в глубине своего сердца. Бог — это тиран, перед лицом которого я считаю заслугой свое терпение, и я смиряюсь.

Стр. 327. — *Чего может добиться здравый смысл, не обладая силой?*

С течением времени — всего. Заблуждение проходит и уступает место другому заблуждению, которое тоже проходит. Но зародившаяся истина и истина, которая за ней следует, это две истины, которые пребудут.

Глава XXIII

Стр. 329.— *Интерес — это источник тонких и великих идей.*

Да, если понимать слово *интерес* в самом широком смысле.

Глава XXIV

Стр. 330.— Интерес скрывает от сознания честного священника жестокость его принципов.

Это доказывает, что нужно иметь больше моральной силы, чем это обычно думают, чтобы быть честным человеком.

Я больше всего боюсь не того священника, от которого его интерес скрывает жестокость его принципов, а того, который не смущается этим и поступки которого согласуются с принципами, продиктованными его явным интересом.

Религия мешает людям видеть, потому что она запрещает им, под страхом вечных наказаний, смотреть.

Если есть в загробном мире ад, то осужденные души смотрят в нем на бога так, как рабы смотрят на земле на своего господина. Если бы они могли его убить, — они убили бы его.

Глава XXX

Стр. 348.— Мне не нравится это вздорное различие между религией Иисуса Христа и религией священника ¹²¹ Фактически это — одно и то же, и ни один священник не станет отрицать этого.

Стр. 349.— *Веротерпимость делает священника покорным государю; нетерпимость делает государя покорным священнику.*

Поэтому нет ни одного священника, который не сказал бы, что веротерпимость — это только другое название для равнодушия к вопросам религии; и я думаю, что мало философов, которые стали бы отрицать это.

Примечания

Стр. 357.— Почти все теологические споры прекращаются в тот момент, когда они перестают давать какие-нибудь льготы для занятия церковных мест. Если бы монарх на указание: «Государь, он — янсенист, государь, он — молинист», ответил бы: «Но порядочный ли он человек? Образован ли он? В таком случае я даю ему это аббатство. Ничто не мешает тому, чтобы я назначил его на это вакантное епископское место...» — то уже не публика, а сами теологи стали бы презирать предмет богословских споров. Ими интересовались бы только бакалавры в своих бездарных диссертациях.

Стр. 358.— Если бы Понятовский¹²² подражал Траяну, то он покрыл бы себя славой в глазах всей Европы. Он был бы идолом своей страны, и его благородное поведение внесло бы сильное замешательство в ряды держав, разделивших Польшу. Он должен был собрать сейм, снять с головы корону, взять скипетр, сложить их и сказать: «Если вы знаете кого-нибудь более достойного, чем я, управлять вами, выберите его...» Либо единодушное согласие народа дало бы ему ту власть, от которой он отрекался, либо оно предоставило бы другому заботу спасти отечество от угрожавшей ему опасности.

Раздел X

Глава II

О воспитании государей

Стр. 377.— Я нахожу здесь одну цитату из Лукяна¹²³, ни одною слова которой я не встречаю у этого автора. По принадлежит ли она Лукяну, или другому автору, или даже мне самому, она мне все же правится.

Юпитер садится за стол. Он шутит над своей женой, обращается с двусмысленностями к Венере, нежно смо-

трет на Гебу, хлопает по ляшкам Ганимеда, наполняет свою чашу. В то время, как он пьет, он слышит, как с разных концов земли поднимаются к небу крики. Крики усиливаются и начинают раздражать его. В нетерпении он встает, открывает люк небесного свода и говорит: «В Азии чума, в Европе война, в Африке голод, здесь град, там гроза, вулкан...» — потом он закрывает люк, садится снова за стол, напивается, ложится в постель, засыпает... и все это он называет управлять миром.

Один из представителей Юпитера на земле встает, prepares сам свой шоколад и кофе, не читая подписывает разные указы, отдает распоряжения насчет охоты, возвращается с нее, раздевается, садится за стол, напивается, как Юпитер или как крючник, засыпает на одной постели с любовницей — и все это называет управлять своим государством.

Глава III

Стр. 380. — *Соревнование есть одно из главных преимуществ общественного воспитания перед домашним воспитанием.*

Я провел первые годы своей жизни в общественных школах, и я наблюдал, как четыре или пять более способных учеников занимали последовательно в течение всего года почетные места, лишая этим остальных учеников мужества и охоты.

Я наблюдал, как учитель устремлял все свои заботы на эту отборную группу, пренебрегая всеми прочими детьми.

Я наблюдал, как эти пять или шесть талантливых учеников занимались в течение шести или семи лет изучением древних языков, которых они все-таки не усвоили.

Я наблюдал, как все они вышли из коллежа испорченными и ничего не зная.

Я наблюдал, как с ними последовательно занимались шесть учителей, у каждого из которых был свой метод преподавания.

Я наблюдал, как пренебрегали общим воспитанием учеников, чтобы подготовить двух или трех из них к публичным актам.

Я наблюдал, как это правило, неизменное для детей бедняков, изменялось в угоду всем прихотям детей богачей.

Я наблюдал, как дети этих последних дважды в неделю возвращались к себе домой, где они исполнялись отвращением к занятиям, которое сообщали потом своим товарищам.

И я воскликнул: горе отцу, который может воспитывать своего ребенка подле себя и который посылает его в общественную школу!

Что остается в дальнейшем от этого полученного в коллеже образования? Ничего. Где почерпали свои научно-литературные познания некоторые люди, воспитанные в коллежах? Кому и чему они обязаны ими? — Своим личным занятиям.

Сколько раз они должны были пожалеть в своем кабинете о времени, потерянном ими на скамьях школы!

Что же делать? — Изменить до самого основания метод народного образования.

А затем? — А затем, если богат, воспитывать своего ребенка у себя дома.

У греков и римлян воспитание было домашним, и оно было не хуже всякого другого.

Было бы странно, если бы все заботы воспитателя, сосредоточенные на одном ребенке, оказывались менее полезными для него, чем те же самые заботы, разделенные между этим ребенком и сотней других детей.

Я признаю монастырь для девочек лишь в том случае, если их матери непорядочны.

Я признаю коллеж для мальчиков лишь в том случае, если их отцы, платящие тысячи экую хорошему кучеру, две тысячи экую хорошему повару, желают иметь хорошего воспитателя за пятьсот франков.

Глава IV

Стр. 383.— *Почти все европейские народы пренебрегают физическим воспитанием.*

Физическим воспитанием не пренебрегают в Петербурге. Зрелище его ужасно, и картина его, нарисованная в книге под заглавием *Plans et Règlements des différents établissements de Sa Majesté imperiale* * и т. д., верна¹²⁴.

Глава VI

Стр. 337.— *Я хочу сделать из своего сына Тартини*¹²⁵.

Я одобряю ваше намерение. Но обладает ли ваш сын слухом, чувствительностью, воображением? Если он лишен этих качеств, — которых ему не смогут дать никакие учителя на свете, — то попытайтесь сделать из него все, что вам угодно, но только не Тартини. Тысяча, две тысячи людей занимались день и ночь игрой на скрипке и не стали, однако, Тартини. Тысяча, две тысячи человек держали с детства карандаш в руках, а имеется только один Рафаэль¹²⁶. Очень странно, что до сих пор выдался только один этот случай. Мой дорогой философ, вы опять сели на своего конька.

Стр. 389.— *Не существует таких общественных школ, где преподавали бы науку о морали.*

Тот же самый разумный человек, г. Ривар¹²⁷, который ввел в нашей общественной школе занятия математикой и поставил на место метода догматического доказательства метод вопросов, задался целью ввести вместо преподавания скверной схоластической морали преподавание здравых начатков публичного и гражданского права. План этот должен был осуществиться, когда вмешался юридический факультет, утверждая, будто посягают на его прерогативы. Что же получилось? Что публичное и гражданское право не преподают ни в наших коллежах, ни на юридическом факультете.

* «Планы и регламенты различных учреждений ее императорского величества»

Глава IX

Стр. 405.— *Если мой сын на основании своего опыта убедится, что преподанные мною ему в молодости принципы закрывают дорогу к почестям и богатству, то можно ставить сто против одного, что он назовет меня бестолковым болтуном, суровым фанатиком, что он станет презирать меня, что это презрение отразится и на моих принципах и что он предастся всем порокам, освященным существующей формой правления и нравами его соотечественников.*

Если бы вы писали стихами, я простил бы вам эти преувеличения; но прозе я этого не могу простить. Когда хорошо воспитанный ребенок замечает, что правила его отца несовместимы со средствами, необходимыми, чтобы добиться почестей и богатства, то он оказывается вначале, подобно Геркулесу, на житейском распутьи. Мало-по-малу он подпадает под влияние всеобщей испорченности, он забывает полученные им уроки добродетели и отдается течению. Он знает добро, он одобряет его, но следует злу. Однако, предаваясь своей беспорядочной жизни, он продолжает уважать своего отца; для него это не бестолковый болтун, а добродетельный человек, которому он не имеет сил подражать. Он не способен презирать ни его, ни его принципов. Он вовсе не гордится своими пороками, а оправдывается в них, говоря, что с волками жить — по-волчьи выть. Но движение по пути распущенности происходит быстрее или медленнее в зависимости от обстоятельств или характера.

Стр. 407.— *Все хвалят на словах, а не в душе, великодушных людей.*

Я думаю, что это — похвала не только на словах, но и в душе: нет ничего более обычного, как то, что после искреннейшей похвалы добродетели люди предаются пороку.

Та же стр.— *При деспотизме советы отца сыну сводятся к такой ужасной фразе: «Сын мой, будь*

низким, пресмыкайся, не имей добродетели, пороков, таланта, характера; будь тем, чем хочешь тебя видеть двор. И помни каждую минуту, что ты раб».

Я не думаю, чтобы в какой бы то ни было стране, при каком бы то ни было правительстве, отец давал когда-нибудь своему сыну подобные советы. Он будет советовать ему быть осторожным, но не подлым. Я не знаю, доверил ли бы он его воспитание мужественному и добродетельному человеку, если бы он имел возможность дать ему воспитателя. Но я убежден, что, обратись он к своему близкому другу, он не сказал бы ему: «Не знаете ли вы какого-нибудь умного человека, опытного в придворных интригах, который мог бы внушить настоящие правила их моему сыну и сделать его лживым, низким, лицемерным человеком, сделать его, одним словом, тем, что, как вы знаете, необходимо, чтобы пробить себе дорогу?»

Я не знаю, есть ли у Майебуа¹²⁸ дети, но если есть, то я готов держать пари, что их воспитывает добродетельный человек. Я готов держать пари, что если бы он услышал в устах этого человека те советы, с которыми, по вашим словам, отец обращается к сыну, то он назвал бы его негодяем, мерзавцем и подлецом и на четверть часа не оставил бы его у себя дома. Я готов держать пари, что если бы этот воспитатель внушил им дух патриотизма, умеренности и мужественной доблести, то он никогда не был бы настолько неблагодарным, чтобы сказать ему: «Я надеялся, что мои сыновья станут ловкими царедворцами, а ты мне сделал из них героев и добродетельных людей».

Глава X

Стр. 409.— *Несколько знаменитых людей внесли большую ясность в вопросы воспитания, однако оно осталось тем же, что и прежде.*

Это объясняется не злым характером и не малодушием тех, которые могли и должны были восстановить

его по удалении наших дурных воспитателей; это объясняется их тупоумием. Они стали рассматривать идеи реформаторов, как какие-то химеры, и сочли за лучшее следовать старой рутине. Постараемся не считать людей более отвратительными, чем они суть на самом деле. Глупец думает, что все хорошо так, как оно есть.

Стр. 410. — *[Стало быть, философ замечает в более или менее отдаленном будущем момент, когда власть примет представляемый мудростью план образования. Подстрекаемый этим духом, философ старается наперед подорвать предрассудки, противодействующие выполнению этого плана.]*

Здесь философ Гельвеций обращается к мужественным, просвещенным людям с теми же самыми увещаниями, с какими я обратился к ним в другом месте.

Резюме

Раздел II

Стр. 420. — *Сравнивать — это значит видеть попеременно.*

Не правильнее ли было бы сказать: видеть вместе.

Глава I

О сходстве между взглядами нашего автора и взглядами Локка

Стр. 438. — *Ум есть лишь совокупность наших представлений. Представления получают нами через чувства; следовательно, ум есть лишь нечто приобретенное.*

Да, приобретенное, но которое не все, однако, способны приобрести.

Та же стр. — *Приписывать ум организации, не будучи в состоянии назвать его органа, это значит возвращаться к скрытым качествам.*

Может быть. Но этот орган называют: это — голова.

Та же стр.— *Опыт и история показывают нам, что ум не зависит от большей или меньшей тонкости чувств.*

Я не знаю, насколько это положение верно.

Та же стр.— *Люди различного телосложения доступны одним и тем же страстям.*

Это неверно во всех отношениях. Человек не способен обладать всеми страстями. Люди рождаются раздражительными, бесчувственными, грубыми, нежными, а обстоятельства усиливают в них страсти. Если бы даже эти страсти были общи всем людям, то все же не в одинаковой степени.

Воспитание дает многое, но оно не дает и не может дать всего. Пусть вам предстоит сделать десять детей скромными и благоразумными. Разумеется, все они будут менее нескромными и менее неосторожными, чем в том случае, если бы вы не старались воспитать в них эти добродетели. Но среди них найдутся, может быть, один или два, на которых воспитание не окажет никакого влияния или же только ничтожное влияние.

Стр. 439.— *Если бы ум, характер и страсти людей зависели от неодинакового совершенства их органов и если бы каждый индивид был различной машиной, то на каком основании небесное или даже земное правосудие требовало бы одних и тех же результатов от таких несходных машин?*

Если земное правосудие наказывает одинаковым образом несходные машины, то потому, что оно не в состоянии ни определить, ни установить эти несходства.

Та же стр.— *Всякая добродетель есть плод предписания, ибо дело идет не о том, чтобы создать похвальные склонности, но о том, чтобы воспрепятствовать совершению дурных поступков.*

ЭЛЕМЕНТЫ ФИЗИОЛОГИИ

Один вопрос по анатомии и физиологии господину Пти¹

Милостивый государь и дорогой доктор, вот что я попрошу Вас сделать для меня.

Вообразите большого бездельника двадцати пяти лет отроду; он никогда ничего не делал, поэтому внешнее сложение его идеально пропорционально, как это наблюдается у фигур на рисунках Рафаэля.

В один прекрасный день этот бездельник вздумал выбрать себе профессию и решил начать разбойничать на больших дорогах подобно Геркулесу.

И вот он вооружился дубиной. Я хотел бы, чтобы Вы мне сказали, какие перемены произойдут в его внешнем сложении, начиная с рук, которые должны были утомиться первыми, до конечностей его тела или конца его ног, и чтобы вы мне указали, какие части его тела потерпят больше всего и какие меньше всего от его тяжелой профессии. Вы начнете с запястий, перейдете к предплечьям, затем к плечам, к шее, к голове, затылку, урду, почкам, нижней части живота, бедрам, ногам, ступням; чем подробнее Вы будете отвечать, тем это будет лучше. Скажите также несколько слов о проявлениях души в чертах лица и о действии внутренних органов на внешние части.

Вот тема для Вашего первого письма.

После того как этот бездельник некоторое время разбойничал на больших дорогах, ему надоела эта профессия; он пристрастился к хорошей пище, стал чревоугодником, апоплектиком. И здесь те же самые вопросы: постепенные стадии влияния продолжительного чревоугодия на его внешнее сложение. Такова тема для Вашего второго письма.

Затем он стал либо ревнивцем, либо завистником. Я прошу Вас описать последовательные стадии влияния страсти на его внешнюю организацию.

В сорок пять или пятьдесят лет он стал — под влиянием ли какого-нибудь несчастного случая или болезни — хромым, либо горбатым. Я спрашиваю: как должны результаты этого уродства распространиться по всему его телу, начиная с центра уродства, его хромой ноги или его горба?

В результате я получу таким образом последовательные стадии влияния какой-нибудь профессии, болезни, страсти и уродства на внешние органы фигуры, первоначально идеально пропорциональной.

А затем, если у Вас хватит еще немного мужества, Вы мне напишете несколько слов о внешнем сложении, свойственном детству, юности, зрелому возрасту, старости и дряхлости.

В результате я буду иметь материалы для академической речи в Петербурге, в которой я намереваюсь доказать художникам, что они нуждаются не в поверхностном, а более глубоком знании анатомии, и что нет почти ни одной из их фигур, которая не представляла бы с физиологической точки зрения массы ошибок и недостатков.

Вы, мой дорогой доктор, должны ради меня взять на себя эту обузу. Не стесняйтесь ни в отношении порядка, ни стиля изложения, — это мое дело. Но будьте настолько физиологом, настолько ученым, настолько обстоятельным, насколько Вы хотите. Нельзя быть слишком подробным и обстоятельным в этом вопросе, все здесь важно: мышцы, складки кожи, кожа и т. д.

Вы понимаете, конечно, что с тем скромным запасом сведений по анатомии и физиологии, который можно было приобрести в коллеже, а затем у Вердье² и м-ль Бьерон³, мне трудно будет парить, подобно орлу, в своей речи; но во всяком случае это будет для меня поводом сказать несколько теплых слов об орле, ссудившем мне свои крылья.

Кроме того, доставьте мне случай оказать Вам услугу, и Вы увидите, как я примусь за это.

Элементы физиологии

Существа

Надо начать с классификации существ, от инертной молекулы, — если такая есть, — до живой молекулы, микроскопического животного, животное-растения, животного, человека.

Цепь существ

Не следует думать, будто цепь существ прерывается вследствие разнообразия форм; форма является часто лишь обманчивой маской, и недостающее как будто бы звено существует, может быть, в виде некоего известного существа, которому сравнительная анатомия не успела еще отвести его настоящего места. Этот способ классификации существ выполняется очень мучительно и медленно и может быть плодом лишь последовательных трудов многочисленных натуралистов.

В ожидании этого не будем торопиться со своими суждениями.

Противоречивые существа

Это — такие существа, организация которых не гармонирует с остальной частью вселенной. Порождающая их слепая природа истребляет их; она оставляет лишь те из них, которые могут более или менее сносно существо-

вать совместно со столь прославляемым панегиристами природы общим порядком.

Преходящие противоречивые существа

Слабая грудь и буйный характер: недолговечен.

Меланхолический и несчастный субъект: недолговечен.

Активный, пылкий, пронизательный ум и хрупкая организация: недолговечен.

Природа не дает долго жить недовольным.

Долговечны: люди с сильной организацией, нечувствительные, тупые, удачливые, с умеренными вкусами и т. д.

Элементы

Элементы в отдельных молекулах не обладают ни одним из тех свойств, которые представляют материальные массы.

Огонь лишен света и теплоты.

Вода лишена влажности и упругости.

Воздух совершенно не таков, каким он представляется нам.

Вот почему они не производят ничего в телах, в которых они комбинируются с другими веществами.

Делимость

Крайняя делимость материи придает ей свойства яда.

Очень мелкие пылинки причиняют язвы.

Если судить о материи, входящей при каждом дыхании, по тонкости пор, то она должна быть очень тонкой и деятельной, и удаление ее должно быть, как показывает опыт, очень опасным.

Время, пространство

В природе: Время — последовательность действий; пространство — сосуществование одновременных действий.

В сознании: время разрешается в движение; путем абстракции пространство разрешается в покой.

Но покой и движение одного тела.

О существовании

Я не могу отделить, даже в абстракции, пространство и время от существования. Значит, оба эти свойства существенно характерны для него.

Растения

Г. Беккарп⁴ в Италии и гг. Кессель и Майер⁵ в Эльзасе, в Страсбурге, захотели изучить составные части муки. Они промыли ее в нескольких водах, выделили из нее крахмал и извлекли из нее вещество, очень похожее на животную субстанцию.

Немедленно в Париже г. Руэлль⁶, г. Мажер⁷ и самые ученые из наших химиков решили повторить эти опыты и извлечь из них всё, что только можно. Они нашли, что крахмал содержит лишь растительные части муки, что, по удалении его, оставалась особая *клейковина*, которую они назвали *растительно-животной*. Все части этой клейковины так сближены и связаны между собой, что их нельзя отделить друг от друга. Когда ее вытягивают, то она растягивается во всех направлениях, а, когда, после этого, ее предоставляют самой себе, она сжимается и принимает свою первоначальную форму, подобно ткани кожи, которая то сжимается, то растягивается. Если сжигать клейковину, то она жарится подобно мясу, издавая запах животных веществ.

Животно-растение

Если вывернуть наизнанку полипа, то он стремится принять свою первоначальную форму. Если взять проволоку и помешать ему в этом, то он мирится со своим новым положением и продолжает жить вывернутым наизнанку⁸.

Животное и растение

Что такое животное, что такое растение? Сочетание бесконечно деятельных молекул, сцепление небольших живых сил, которые всё стремятся отделить друг от друга.

Удивительно ли, что эти существа так недолговечны?

Растения

В дереве корни становятся стволами, а стволы — корнями.

Оживотнение растения

Если долго месить тесто и поливать его часто водой, то оно лишается растительной природы и настолько приближается к животной природе, что при помощи анализа можно получить из него продукты последней. (Mém. de l'Acad. de Bologne.)

Подвижность в животных началах,
неподвижность в растительных началах,—
это два результата сохраненных или разрушенных *nisus*'ов.

Студенистое вещество тех и других обнаруживает состояние, промежуточное между животным и растением.

Что получится, если впустить в находящиеся в брожении вещества, уксус, кислоты, соли? Составные тела, в которых имеются в избытке *nisus*'ы. Вода разрушает *nisus*'ы, изолирует частицы и возвращает им активность.

Растительное

Растительная материя становится животной в сосуде благодаря теплоте и брожению.

Она становится животной также во мне, и, ставшая животной во мне, она снова делается животной в сосуде.

Разница заключается только в формах.

Черви мучного клея живородящи.

Смежность животного и растительного царств

Из грибов извлекают *аммиак*; значит, их семя живое: оно колеблется в воде, шевелится, движется, избегает препятствий и как будто находится в нерешимости между животным и растительным царством, пока не прикинется к последнему.

Растения

Существуют самопроизвольные зарождения⁹, имеющие своим источником растительное царство, и имеющие своим источником животное царство.

Смежность растительного царства и животного царства

У одного растения из Каролины, носящего название *Muscipula Dionaea*, листья парные и на сочленениях тянутся по земле; эти листья покрыты сосочками. Если муха сядет на листок, то листок этот, вместе со своей парой, смыкаются, как створки устрицы, держат свою добычу, высасывают ее и выбрасывают ее лишь после того, как она вся высосана. Вот почти плотоядное растение.

В растениях имеется особое место, прикосновение к которому вызывает эрекцию и истечение семени, и это место не одно и то же у всех растений.

Я не сомневаюсь, что если произвести анализ *Muscipula*, то получится аммиак, этот характерный для животного царства продукт.

О спорынье

Как отличить друг от друга простое, покрытое головней зерно и зерно, покрытое головней и спорыньей? В этом последнем среди черной пыли имеются червячки.

Наблюдения

Под этими маленькими опухольями или наростами спорыньи колос зелен и неспел.

Вскройте эти опухоли острой и искривленной иглой, не задевая внутренней полости их; впустите туда несколько капель воды, и вы увидите тогда внутри несколько червячков, крупных, живых, движущихся, полных яиц,— настоящих маленьких червячков.

Эти крупные червячки колоссальны по сравнению с мелкими червячками, находящимися в том же самом зерне, но более взрослом и спелом, или же в обыкновенном зерне со спорыньей, уже сухом и черном.

Эти крупные червячки — самки. Можно видеть, как они кладут свои яички через очень чувствительное место своего тела, недвусмысленно и в совершенстве характеризующее их пол.

Через прозрачную кожу этих ячеек видно, как сгибается, разгибается и движется маленький молодой червячок, как под конец он разрывает свою оболочку, выходит, начинает двигаться, жить и скользить в воде.

Вместе с крупными самками можно наблюдать и других крупных червячков: это — самцы, у которых в глубине их тела наблюдается большое коническое подвижное тело.

Значит, эти червячки — животные; значит, существуют животные, самец и самка, живущие и умирающие, смотря по обстоятельствам.

Укусные червячки не кладут яиц, они живородящи. Фонтана¹⁰ наблюдал, что дочери движутся в теле матерей до своего выхода оттуда.

Болезнь ржи, которую итальянцы называют розью со спорыньей или шпорцей

Хотя червячки *ржи со спорыньей* сухи, но они начинают двигаться и жить, если смочить их каплей воды. Это явление было известно Нидгэму¹¹.

Нидгэм не считает этих червячков животными; он признает их какими-то жизненными существами, Бюффон — органическими живыми молекулами, Фонтана — животными.

Согласно Нидгэму, соединенные или собранные по известным законам, они образуют либо животных, либо растения.

Эти нити были настолько сухи и ломки, что достаточно было внезапного толчка воды, прикосновения легчайшей иглы или конца волоска, чтобы они превратились в муку, в мельчайшую пыль. (Я хотел бы, чтобы Фонтана истолок их и довел до измельчания.) И вот, при этом состоянии распыления, когда они, наверное, не были живыми животными, небольшое количество воды возвращало их в несколько минут к жизни.

Первый опыт. Одно зерно пшеницы или ржи, посеянное вместе с несколькими зернами спорыньи.

Второй опыт. Одно зерно пшеницы или ржи, погруженное в черную и вонючую пыль головни и посеянное с зернами спорыньи.

Третий опыт. Зерно пшеницы посеяно и только посыпано головней.

В результате третьего опыта получится колос, где почти все зерна заражены головней и очень мало здоровых.

В первом опыте — колос, в котором почти все зерна заражены спорыньей.

Во втором опыте — у значительной части зерен были одновременно и спорынья, и головня. Под одной и той же оболочкой были зерна чистой спорыньи и, рядом с ними, покрытые головней зерна, полные черной пылью, а также червячков-самок.

Значит, спорынья и головня — это две заразные болезни, которыми легко можно было бы заразить весь урожай страны.

Наблюдение

Под одной и той же оболочкой либо находится всегда лишь одно здоровое зерно, либо же находятся бок о бок два-три или даже больше — до десяти — зерен спорыньи. Там, где имеется спорынья, никогда не наблюдается зрелое зерно от посева, но наблюдаются вместе спорынья и зародыш спорыньи.

Значит, спорынья—это не настоящее зерно, продукт посева, но, как и головня,—выродившийся зародыш.

Наблюдается также неразмножившийся зародыш зерна или же спорыньи и вместе с этим зародышем одно или несколько зерен со спорыньей и, наконец, спорынья вне оболочки зерна.

Спорынья происходит целиком от себя и не получает ничего от зародыша.

Если это размножение зародышей не дает наростов спорыньи, то оно служит для того, чтобы размножить зерно головни, смешанной со спорыньей.

Встречается одно покрытое головней зерно под одной оболочкой. Встречаются также несколько покрытых головней и спорыньей зерен под одной и той же оболочкой.

Tremella

Адансон¹² первый наблюдал своеобразные движения в водяном растении, называемом *Tremella*.

Адансон отрицает жизнь и чувство у этого растения и, следовательно, признает его не животным, а растением.

Согласно Фонтане, оно занимает промежуточное место между растительным и животным царством. По его мнению, *Tremella* в одно и то же время и настоящее растение и настоящее животное.

1. Если какая-нибудь нить *Tremella* приближается к другой нити, то они сами собою перевязываются друг с другом и образуют две спирали под прямым углом или же в одном и том же направлении.

2. Если какая-нибудь нить изгибается от головы к хвосту, то голова ищет хвост. Эти оконечности более остро-конечны и хрупки.

3. Эти оконечности движутся во всех направлениях, как это можно наблюдать у хвоста и головы змей.

4. Если одна из этих оконечностей тупа, — как это наблюдается иногда, — то уже больше нет этих странных движений, столь похожих на движения живого животного.

5. Эти нити передвигаются от одного места к другому.

6. Нити, — взятые в одиночку или несколько вместе, — перемещаются во всех направлениях, одна в одну сторону, другая в другую, с различной скоростью и в разных направлениях.

7. Разрежьте их на куски, — движения будут меньше, но они все же будут двигаться; куски, прилегающие к острому концу, будут двигаться с той же энергией, что и прежде.

8. Куски либо отрезанные, либо естественно оторвавшиеся от ствола, сами устремляются на поверхность сосуда, прикрепляются там отрезанной или оторванной частью, между тем как острая часть держится прямо. В воде происходит то же самое: острая и выпрямленная часть сгибается, разгибается, между тем как остальная часть тихо колыхается, образуя различные углы с плоскостью.

У нитей Tremella, — если нет никаких препятствий, — острая часть обыкновенно держится таким выпрямленным образом.

У части нитей, связанной с самим растением, наблюдается поступательное и извивающееся движение, происходящее, однако, с большим трудом.

Когда нити изолированы или их мало вместе, они движутся вперед острой частью.

Если есть только одна нить, то она движется, извиваясь, изгибаясь, точно червь.

Некоторые нити переходят от положения прямой линии к положению ломаной, образуя углы всевозможной величины, сгибаясь посредине так, что обе острые оконечности соприкасаются друг с другом, а остальные части остаются параллельными.

Они образуют круги, овалы, извивы.

Если нити сжать у их оконечностей другими нитями и если между ними есть одна нить, которая связана с тканью растения, то все в целом шевелится так, как если бы это был пучок змей, крутится, поднимается, опускается в воде.

Можно видеть, как они сгибаются посредине, образуют

овал, закручиваются своими оконечностями, колыхнутся и затем снова вытягиваются в длину.

Эти нити размножаются своими оконечностями. Когда от них отделится частица, то она начинает расти, созревает и становится способной, разрываясь, порождать другие живые нити.

Тогда производящая нить остается с тупой оконечностью, не обнаруживая движений, свойственных этой части, пока последняя не станет снова острой, что совершается и нарушается последовательно, причем нет, может быть, конца этому делению и этому новому порождению.

Нить *Tremella* представляет собой мешочек, полный небольших яйцевидных телец, расположенных на различных расстояниях друг от друга.

(Надо было бы убедиться, не исчезает ли при каждом разрыве оконечностей одно из этих яйцевидных телец.)

Отрежьте у *Tremella* одну или несколько этих нитей, поместите ее в воду, и она вскоре начнет производить все свои движения.

Каждая нить колыхнется и движется, не имея ни секунды покоя.

Где берут начало все эти движения? Ни в воде, ни в воздухе, ибо они происходят во всех направлениях в покоящейся воде и в воздухе и происходят во всех направлениях, даже и в обратном, в движущейся воде. Соединенные вместе или отделенные друг от друга, они следуют противоположным направлениям. Они движутся рядом с маленькими тельцами, находящимися в покое. Берут ли начало эти движения в каком-нибудь особом механизме? Это невозможно. Особый механизм дает возможность птице летать, рыбе плавать, но между этими движениями полета и плавания и бесконечным разнообразием самопроизвольности движений существует весьма заметное различие. Но это бесконечное разнообразие, приписываемое нами у других животных жизни, чувствительности, самопроизвольности, мы наблюдаем во всех нитях *Tremella*, у которой, притом, оно представляет

особенный характер, потому что в течение целых месяцев и годов не замечается ни замедления, ни прекращения, ни перерыва движения: оно продолжается до тех пор, пока растение живет. Значит, Tremella и ее нити, — это чувствительные и живые животные; значит, ее органические части подчинены чувствительности.

Высушенная Tremella перестает двигаться; напитавшись жидкостью, она снова начинает двигаться. Значит, она рождается и умирает, смотря по обстоятельствам.

Tremella — не простое растение; это — грудка маленьких растений или растительных нитей, которые, будучи соединены вместе, образуют растение под этим названием.

Всякий человек, который увидел бы представляемые Tremella явления и не знал бы, что ее нити — это нити растения, непременно сказал бы, что эти нити — живые черви. Сомнение возникает лишь тогда, когда вам говорят, что нити — куски растений, но это сомнение вскоре все же исчезает.

Маслянистые смазывания

Мы обращаем мало внимания на указания природы. Замечено, что у жителей жаркого пояса маслянистая кожа, между тем ни один из иностранцев не пытается прибегнуть к смазываниям подобного рода.

Американцы натирают жиром свою кожу, когда она перестает быть маслянистой; смазывание пальмовым маслом возвращает ей свежесть.

Кажется, можно было бы получить спиртной напиток из сердцевины всех длинных и разделенных узлами растений: пчелиный мед, виноград и сахарный тростник.

Животные

Животное есть гидравлическая машина. Сколько глупостей можно сказать, если исходить из одного этого определения! ¹⁸.

Законы движения твердых тел неизвестны, ибо нет совершенно твердого тела.

Законы движения упругих тел не более точны, ибо нет совершенно упругого тела.

Законы движения жидких тел совсем мало известны.

А законы движения чувствительных, одушевленных, организованных живых тел даже еще не намечены.

Тот, кто забывает при вычислении этого последнего рода движения чувствительность, раздражимость, жизнь, самопроизвольность,—не знает, что делает.

Мертвое тело действует на чувствительное, животное, организованное тело; последнее обладает сознанием или ощущением полученного впечатления, а часто и места впечатления; оно испытывает щекотку, страдает от ранений; оно желает или не желает двигаться.

*Животные, происходящие от гниения*¹⁴

Всякое животное порождает различных животных и своих паразитов.

Всякая часть животного порождает своих паразитов.

Аскариды, появляющиеся тысячами. Эпидемические болезни, сопровождаемые кровавой рвотой, в которой масса червей.

Вшивая болезнь, когда человек превращается в кучу вшей.

Пример подобной болезни, когда человек наводнен блохами.

Микроскопические животные

Мясо, жаренное на сильнейшем огне, растения, помещенные в папиновой машине, где камни превращаются в порошок; а самые твердые растения становятся студнем,—все это не мешает этим веществам порождать животных путем брожения и гниения.

Не забыть правильной смены одних и тех же видов различных животных, в зависимости от находящегося

в брожении или в состоянии движения животного или растительного вещества.

Это нисходящее, путем деления, порождение доходит, может быть, до чувствительной молекулы, обнаруживающей в этом состоянии чудовищную активность.

Частицы, отделенные действием воды от оконечностей плавников мелких морских животных — разновидностей ракушек, продолжают двигаться вперед.

Животные

Не надо думать, будто они были всегда и будто они останутся всегда такими, какими мы их наблюдаем теперь.

Это — результат протекшего огромного времени, после которого их цвет и их форма, кажется, остаются в стационарном состоянии. Но так лишь кажется.

Организация определяет функции

Зоркий орел парит на воздушных высотах; крот с микроскопическим глазом роется под землею; бык любит траву, растущую в долине; дикая коза — ароматическую траву гор.

Хищная птица вытягивает или укорачивает свое зрение подобно тому, как астроном вытягивает или укорачивает свою подзорную трубу.

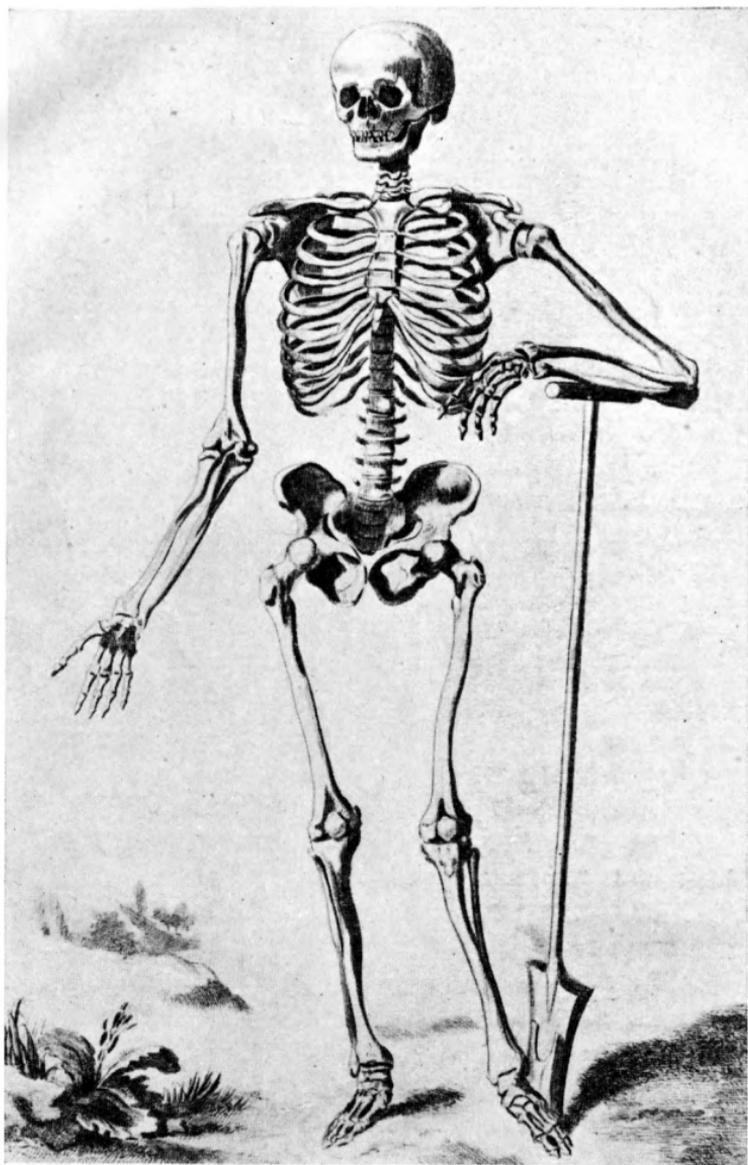
Почему весь длинный ряд животных не может быть различными ступенями развития одного единственного животного?

Кампер¹⁵, изменяя только лицевой угол, производил из одной единственной модели — всех животных, от человека до аиста.

Есть ли у животных умственные способности?

Трудность механического объяснения поведения птиц во время высидывания яиц.

Кожи препарированных животных удлиняются на одну

Скелет. С рисюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts» (Энциклопедия Дидро), т. I, 1762

треть. Если нарисовать животное по чучелу, то оно получится преувеличенных размеров. См. рисунки в *Естественной истории* г. Бюффона.

У всякого живого животного свои особые паразиты. У всякого мертвого животного свои особые животные.

Три степени брожения

Винное,
кислое,
гнилостное.

Это как бы три различных климата, в зависимости от которых изменяются поколения животных.

Червячок покрытого головней хлеба извивается обоими своими концами.

Если доставлять ему свежей воды, то он живет семь-восемь недель.

Прозябание, жизнь, или чувствительность, и оживотнение суть три последовательных акта.

Растительное царство, может быть, есть и было источником животного царства, зародившись само в минеральном царстве, а последнее произошло из всеобщей гетерогенной материи.

Животные функции

Пусть мне объяснят, как вьет свое гнездо молодая ласточка, и я объясню тогда все действия, свойственные не обладающему еще опытом человеку, свойственные человеку-животному.

Не следует забывать того, что в течение девяти месяцев, во время которых мать и дитя составляют одно целое, к ребенку переходят склонности, вкусы, органические привычки, всю действенность которых мы не в состоянии хорошенько знать.

По этому поводу высказывают обыкновенно две нелепые гипотезы, приводящие затем к неразрешимым трудностям.

Первая из этих гипотез заключается в том, что на

земле есть существо, животное, которое было всегда тем, что оно есть теперь.

Вторая, — что нет никакого различия между человеком, который вышел бы из рук творца, и ребенком, выходящим из утробы матери.

. Животное и машина

Какая разница между чувствительными и живыми часами и золотыми, серебряными и медными часами?

Если бы с последними была связана душа, то что она произвела бы в них?

Если связь души с такой машинной невозможна, то пусть мне это докажут.

Если она возможна, то пусть мне объяснят, каковы будут последствия этой связи.

Крестьянин, который видит, что часы идут, и который, не зная механизма их, помещает в стрелку дух, не более и не менее глуп, чем наши спиритуалисты.

О силе животного

Здоровое животное не знает всей своей силы. То же самое можно сказать о спокойном животном.

Г. Бюффон замечает вдруг, что пламя вместе с дымом вырывается через щели деревянной обшивки стен. Он срывает эту обшивку, берет в руки полуобгоревшие доски, уносит их во двор; потом оказывается, что две лошади не могли бы сдвинуть тяжести, которую он понес.

Вот хрупкая женщина, с которой приключился истерический припадок: шесть мужчин не могут справиться с той, которую, будь она здорова, повалил и связал бы один из них.

Загорелся дом скупца. Он хватает свой железный шкаф и тащит его в сад, откуда он не может его сдвинуть за сумму, в десять раз превышающую содержимое этого шкафа.

Дело в том, что в состоянии возбуждения все силы организма действуют совместно, между тем как в здоровом и спокойном состоянии они действуют изолированно: работают либо только руки, либо ноги, либо бедра, либо бока.

В здоровом и спокойном состоянии животное боится поранить себя, в состоянии страсти или во время болезни оно не знает этого страха.

Плотоядные

Вонючее дыхание, моча, экскременты. Мясо, легко портящееся и неприятное на вкус и на запах.

Молоко травоядных здорово и бальзамично. Совсем иное дело молоко плотоядных.

Жир травоядных тверд и легко застывает, наоборот, жир плотоядных мягок и легко гнет.

Плотоядное животное более жестоко и зловредно. По характеру оно приближается к дикому зверю.

Плотоядные живут изолированно.

Травоядные — стадами.

Одежда нездорова и противоречит природе.

Маленькая девочка гошится за бабочкой, маленький мальчик карабкается на дерево.

Человек без выразительной физиономии — ничто. Человек с физиономией добродетельного человека может быть ничем. Человек с гнусным или злым лицом всегда ничто.

У умного человека может быть выражение лица глупца. У глупца никогда не может быть выражение лица умного человека.

Периодические истечения — это внутренне-внешнее выделение.

Нет необходимости, чтобы то, что называют зародышем, походило на животное: это — точка с определенным сложением, из которого развитие производит определенное животное¹⁶.

Рогатые животные не имеют при рождении рогов;

рога необходимо появляются у них с течением времени. То же самое относится ко всем прочим частям и органам, которые по времени предшествуют рогам: к шерсти, к бороде, к яичкам, семенной жидкости.

Если кастрировать северного оленя, у которого самка обладает рогами, то рога у него отрастают.

Бык никогда не теряет своих рогов, которые являются частью его.

Животное: форма определяется внешними и внутренними причинами, которые, будучи различными, должны производить различных животных.

Срок беременности тем короче, чем многочисленнее детеныши каждого покрытия.

К чему нужны фаланги свиные с ее раздвоенной ногой?

К чему нужны самцу сосцы?

Любовь у человека постоянна, потому что его потребности одинаково удовлетворяются во всякое время года. Иное дело животные: у них любовь всегда следует за периодом обильного питания. Представляемое птицами исключение объясняется их крайней подвижностью.

Сильные животные производят больше самцов, чем самок, в противном случае было бы большое неудобство.

Чувствительность

Качество, свойственное животному и предупреждающее его об отношениях, существующих между ним и всем окружающим его.

Но не все части животного обладают этим качеством. Только нервы обладают им сами по себе.

В пальцах обладают им нервные сосочки.

Оболочки нервов обладают им случайно.

Сухожильные оболочки, перепонки, сухожилия лишены чувствительности.

Я готов думать, что чувствительность есть не что иное, как движение животного вещества, необходимое

дополнение его, ибо чувствительность прекращается в том месте организма, которому я сообщаю оцепенение и в котором я прекращаю движение.

Чувствительность сильнее, чем воля.

Чувствительность материи — это жизнь, свойственная органам.

В этом можно убедиться на примере гадюки, у которой отрубили голову, на примере обрубков угря и других рыб, разрубленного ужа, на примере членов, отделенных от тела и продолжающих трепетать, на примере сокращений проколотого сердца.

Я не думаю, чтобы какая бы то ни было часть животного была абсолютно лишена чувствительности.

Если бы между двумя чувствительными и живыми органами был промежуточный нечувствительный орган, то он приостановил бы ощущение и стал бы в системе чужеродным телом: получилось бы нечто вроде двух животных, связанных между собой веревкой.

Что представлял бы собой шелкоткацкий лионский станок, если бы рабочий и тянульщица составляли одно целое вместе с утком, цепью и крючком переборного станка?

Это было бы животное, похожее на мыслящего, хотящего, питающегося, воспроизводящегося и плетущего свою ткань паука.

О чувствительности и о законе непрерывности в органических тканях

Без этих двух качеств животное не может быть животным.

Раз вы предположили, что молекула чувствительна, то вы получаете объяснение для бесконечного множества различных действий или ощущений.

Существует бесконечное разнообразие толчков в отношении к массе.

Существует бесконечное разнообразие толчков в отношении к скорости.

Существует бесконечное разнообразие какого-нибудь физического качества.

Существует бесконечное разнообразие действий, получающихся от сочетания с каким-нибудь вторым, третьим, с массой физических качеств.

И все эти бесконечные свойства сочетаются еще с бесконечным разнообразием органов и, может быть, частей животного.

Как, неужели какая-нибудь устрица может испытывать все эти ощущения? Не все, но довольно значительное количество их, не считая тех, которые возникают в ней самой и исходят из глубин ее собственной организации.

Но не имеется ли между всеми этими ощущениями много тождественных? Да. Но их остается все же больше, чем их может различить самый богатый язык. Наша речь представляет только несколько степеней сравнения для действия, непрерывно протекающего от минимальной своей величины до своей максимальной интенсивности.

Возьмите животное, проанализируйте его, лишите его всех его свойств, одно за другим, и вы сведете его к молекуле, обладающей длиной, шириной, глубиной и чувствительностью.

Уничтожьте чувствительность, и у вас останется только инертная молекула.

Но если вы начнете с устранения трех измерений, то исчезнет и чувствительность.

Когда-нибудь удастся доказать, что чувствительность, или осязание, есть чувство, свойственное всем существам: существует уже ряд явлений, говорящих в пользу этого. В этом случае у матери, как таковой, окажется пять или шесть существенных свойств: мертвая или живая сила, длина, ширина, глубина, непроницаемость и чувствительность.

Я готов был бы прибавить к этому списку притяжение, если бы оно не являлось, может быть, результатом движения или силы.

Раздражимость

Некоторые части тела сохраняют более или менее долго после смерти свою раздражимость или свойственную им жизнь.

Сердце и внутренности сохраняют долгое время раздражимость.

Эта сила раздражимости отлична от всякой другой известной силы: это — жизнь, чувствительность. Она свойственна мягкому волокну; она слабеет и затухает в грубеющем волокне; она больше в волокне, соединенном с телом, чем в волокне, отделенном от него.

Эта сила не зависит ни от тяжести, ни от тяготения, ни от упругости.

Если раздражать у мертвого животного спинной мозг и нерв, то мускул сокращается.

Если мускул связан или же сжимают то место спинного мозга, откуда выходит нерв, то мускул опадает и принимает свою нормальную длину.

О возбуждающих средствах

Существуют физические возбудители; существуют и моральные возбудители, не менее сильные, чем первые.

Существуют моральные возбудители, которые лишают аппетита целую компанию.

Страх может прекратить икоту.

Какой-нибудь рассказ может вызвать отвращение, даже рвоту.

Желания всякого рода действуют на слюнные железы, но особенно сладострастные желания.

Если щекотать пятки, то вся нервная система приходит в содрогание. Какое-нибудь прижигающее средство вызывает лишь местное ощущение.

Судороги, вызываемые сильным возбудителем, носят перемежающийся характер: за мгновением интенсивного действия следует мгновение передышки; но действие воз-

будителя постоянно. Впрочем, это последнее утверждение, может быть, неверно.

После действия сильного возбуждающего средства наблюдается дрожь во всем теле.

Эта дрожь — результат мелких судорог и мелких перерывов, сотрясающих кожу и выжимающих из нее пот.

О человеке

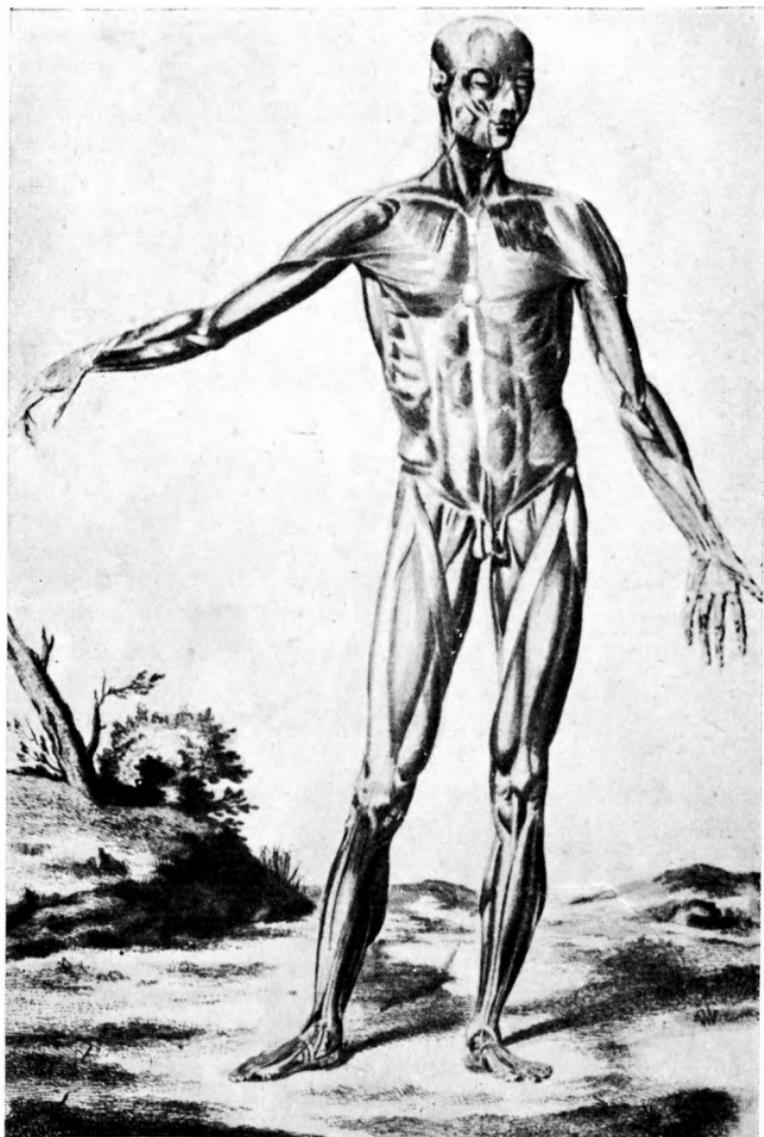
Один довольно талантливый человек начал свою книгу следующими словами: *«Человек, подобно всякому животному, состоит из двух различных субстанций — души и тела. Если кто-нибудь отрицает это положение, то не для него написано все дальнейшее».*

Я решил закрыть книгу. Ах, чудак, если я только допущу существование этих двух различных субстанций, то тебе нечему уже учить меня. Ведь ты не знаешь, что представляет собой та субстанция, которую ты называешь душой, еще меньше знаешь ты, как соединены обе субстанции, и точно так же, как они действуют друг на друга.

Двойственность человека, как животного и человека

За клавесином сидит музыкант. Он беседует со своим соседом; заинтересованный разговором, он забывает, что играет в оркестре; но, тем не менее, его глаза, уши и пальцы находятся в полной гармонии между собой; инструмент не издает ни одной фальшивой ноты, ни одного неверного аккорда; не забыта ни одна пауза, не нарушен ни один такт. Беседа прекращается; наш музыкант возвращается к своей партитуре, мысли его путаются, он не знает, где он, собственно, находится; человек приведен в смятение, животное сбито с толку. Если бы рассеянность человека продолжалась еще несколько минут, то животное следовало бы за оркестром до конца, так что человек даже не догадался бы об этом.

Вот, следовательно, пример живых и чувствующих,

Мускулатура спереди. С гравюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts» (Энциклопедия Дидро), t. I, 1762

симпатически соединенных между собою от природы или в силу привычки органов, которые работают совместно для одной и той же цели, без участия животного в целом.

О способности человека к совершенствованию

Способность человека к совершенствованию зависит от слабости его чувств, из которых ни одно не господствует над органом разума.

Если бы у человека был нос собаки, то он бы всегда вынюхивал, если бы у него был глаз орла, то он не переставал бы высматривать, если бы у него было ухо крота, то это было бы вечно слушающее существо.

Глупость некоторых защитников учения о конечных причинах

Они говорят: «Посмотрите на человека» и т. д.

О чем говорят они? О реальном человеке или воображаемом?

Не может быть, чтобы о реальном человеке, ибо на всем земном шаре нет ни одного совершенно гармонически сложенного, совершенно здорового человека.

Следовательно, человечество — это скопище более или менее уродливых, более или менее больных индивидов.

Можно ли найти здесь повод для прославления их мнимого творца? Надо думать не о прославлении, а об апологии.

Но нет ни одного животного, ни одного растения, ни одного минерала, о котором я не мог бы сказать того же самого, что я говорю о человеке.

Если все, что существует в данное время, есть необходимое следствие своего прошлого состояния, то тут не о чем говорить. Если же желают из этого сделать чудо творения какого-то бесконечно мудрого и всемогущего существа, то в этом нет никакого смысла.

Чего же добиваются эти проповедники? Они прославляют провидение за то, чего оно вовсе не сделало; они

предполагают, что все хорошо, между тем как с точки зрения наших идей о совершенстве все плохо.

Должна ли какая-нибудь машина быть совершенной, чтобы можно было на основании этого доказывать существование создавшего ее работника? Разумеется, если этот работник совершенен.

Об абстрактном человеке и о человеке реальном

Два философа спорят между собой и не могут прийти к соглашению; спорят, например, о свободе воли человека.

Один говорит: «Человек свободен, я это чувствую». Другой говорит: «Человек несвободен, я это чувствую».

Первый говорит об абстрактном человеке, о человеке, который не побуждаем никакими мотивами, о человеке, который существует лишь во сне или в мысли нашего диспутанта.

Другой говорит о реальном, действующем, занятом и побуждаемом мотивами человеке.

Я прослежу и исследую экспериментальную историю этого последнего.

Это был математик¹⁷. Он просыпается. Раскрыв только глаза, он принимается за решение задачи, которой он занялся накануне вечером. Он надевает халат, не сознавая сам, что делает. Он садится за стол, берет линейку, циркуль, проводит линии, пишет уравнения, комбинирует, производит выкладки, не сознавая того, что делает. Часы бьют, он смотрит, который час, и спешит написать несколько писем, которые должны пойти с сегодняшней почтой. Написав письма, он одевается, выходит из дома и направляется обедать на Rue Royale, у возвышенности Saint-Roch¹⁸. На улице cavалена масса камней; он лавирует между ними и вдруг сразу останавливается. Он вспомнил, что письма остались на столе запечатанными и неотправленными. Он возвращается домой, зажигает свечку, запечатывает свои письма и относит их сам на почту; с почты он отправляется опять

на Rue Royale, заходит в тот дом, где собрался обедать, и оказывается там в обществе своих друзей, философов. Они заводят спор о свободе воли, и он неистово поддерживает тот тезис, что человек свободен. Я не мешаю ему говорить, но к концу дня я увожу его в уголок и прошу у него отчета о всем сделанном им за день. И вот оказывается, что он не знает ничего — ровнешенько ничего — о том, что он сделал. И я убеждаюсь, что он является простой, чистой, пассивной машиной, орудием различных двигавших его мотивов, что он не только не был свободен, но не совершил даже ни одного поступка, который вытекал бы прямо из решения его воли. Он мыслил, чувствовал, но действовал не более свободно, чем какое-нибудь инертное тело, чем какой-нибудь деревянный автомат, который выполнил бы те же самые действия, что и он.

Противоположно действующая система

Дело в том, что нет ничего более неестественного, чем образ жизни ученого, с его постоянной привычкой к размышлению. Человек рожден для того, чтобы действовать; нормальное движение системы, представляемой человеком, заключается не в том, чтобы устремляться постоянно от оконечностей к центру всего органического пучка, но, наоборот, устремляться от центра к оконечностям. Все наши органы созданы не для того, чтобы пребывать в инертном состоянии, ибо тогда прекратились бы три основных процесса: самосохранение, питание и размножение. Человек по природе создан, чтобы мыслить мало и действовать много; ученый, наоборот, мыслит много, а действует мало. Правильно было замечено, что в человеке имеется энергия, требующая для себя выхода, но выход, даваемый научными занятиями, не настоящий, ибо эти занятия заставляют человека сосредоточиваться и сопровождаютя забвением всех животных функций.

Жизнь и смерть

Пока не уничтожена основа жизни, самый жестокий холод не может заморозить жидкостей животного организма и не может даже уменьшить заметно температуры его. Это последнее утверждение ложно; сравни действие холодов в России.

Без жизни нельзя ничего объяснить, а также без чувствительности и без живых и чувствительных нервов.

Без жизни нет никакого различия между живым человеком и его трупом.

Жизнь свойственна каждому органу

По отделении от тела голова продолжает видеть, глядеть и жить.

Последовательная смерть животного

Существуют такие части животного, которые в соединении с телом, кажется, умирают, — по крайней мере для всего тела в целом. На старости мясо становится мускулистым, волокно грубеет, мускул становится сухожилистым, сухожилие теряет как будто свою чувствительность; я говорю — как будто, потому что оно, может быть, способно еще чувствовать, хотя животное в целом этого не знает. Кто знает, не существует ли бесконечная масса местных ощущений, которые возникают и угасают в данном месте? Мало-по-малу сухожилие становится дряблым, ссыхается, твердеет, перестает жить, по крайней мере жизнью, общей со всей системой. Может быть, оно только изолируется, отделяется от общества, удовольствий и страданий которого оно уже не разделяет и которому оно ничего уже не дает.

Человек сначала представляет собою жидкость. Каждая часть жидкости может обладать своей чувствительностью и жизнью. Кажется, нет чувствительности и жизни, общей всей массе.

По мере того как организуется животное, известные части твердеют, становятся непрерывными. Устаивается некоторая общая чувствительность, различно распределенная между разными органами.

Из этих органов одни сохраняют эту чувствительность более или менее продолжительно, чем другие.

Она находится как будто в известном отношении к росту твердости.

Чем тверже какой-нибудь орган, тем он менее чувствителен; чем быстрее он подвигается к стадии твердости, тем быстрее теряет он свою чувствительность и изолируется от всей системы.

Из всех органов с плотной консистенцией мозг сохраняет дольше всего свою мягкость и свою жизнь. Я говорю в общих чертах.

У человека — все виды существования: инертность, чувствительность, растительная жизнь, жизнь полпа, животная жизнь, человеческая жизнь.

В Перу существует змея, которая, будучи высушена на дыму, оживает под влиянием влажного и теплого пара.

Невозможно отравить микроскопических животных.

Существует, наверное, две или даже три весьма различных жизни:

жизнь всего животного;

жизнь каждого из его органов;

жизнь молекулы.

Животное в целом может жить, если лишит его некоторых из его частей.

Сердце, легкие, селезенка, кисть руки и почти все части животного могут жить некоторое время по отделению от тела.

Совершенно не прекращается только жизнь молекулы или ее чувствительность. Это одно из ее существенных свойств. Смерть останавливается здесь.

Но если жизнь остается в органах, отделенных от тела, то где находится душа? Что становится с ее единством? Что становится с ее неделимостью?

Существуют даже два состояния смерти, из которых одно — состояние абсолютной смерти, а другое — состояние переходящей смерти.

Я мог бы привести вам пример множества холодных, замороженных и высушенных насекомых, у которых совершенно исчезла теплота, движение и чувствительность и которых можно оживить при помощи возбуждающих средств, при помощи теплоты и влажности.

Но известны даже примеры людей, у которых прекращалось на довольно значительное время всякое движение, хотя здесь и не было абсолютной смерти. Люди не переходят от абсолютной смерти к жизни, а переходят от жизни к переходящей смерти, и *vice versa*.

Бывало, рождались чудовищные эмбрионы, которые жили и выполняли все свои функции, не имея мозга или же имея окостенелый и окаменелый мозг.

Наблюдали детей, которые жили и двигались, не имея продолговатого мозга.

Существуют сотни доказательств безумия животных духов.

Мозг и мозжечок, вместе с нервами, составляющими волокнистое продолжение его, образуют одно целое — непрерывное, энергичное и живое.

Не следует углубляться в то, как живет это целое.

Мозг, мозжечок, со своими нервами или волокнами, являются первыми зачатками животного.

Они составляют живое целое, несущее жизнь повсюду. Не следует углубляться в то, как живет это целое.

Сожмите крепко одну из этих нитей, и продолжение ее потеряет движение, но не жизнь. Нить ниже зажима будет продолжать существовать, но не будет повиноваться.

Перевязка для ниже расположенных частей представляет то же, что цепь для ног всего животного.

Смерть

Дитя бежит ей навстречу с закрытыми глазами; взрослый человек стоит на месте; старик идет к ней, повер-

нувшись спиной. Дитя не видит конца своему существованию, взрослый человек притворяется, будто он сомневается в смерти; старец с трепетом убаюкивает себя надеждой, возобновляющейся изо дня в день. Невежливо и жестоко говорить при старике о смерти. Старость почитают, но не любят. Когда старик умирает, то прекращаются тягостные обязанности по отношению к нему, и после его смерти скоро утешаются; хорошо еще, что тайком не радуются этому. Мне было шестьдесят лет, когда я стал говорить себе эти истины.

Медленный укол булавкой в мясо тела болезненнее, чем пистолетный выстрел в лоб.

Пуля разбивает вдребезги череп, разрывает мозговые оболочки, пересекает мозговое вещество, но все это делается в мгновение ока. Молния и смерть соприкасаются между собою.

Волокна

Волокно в физиологии то же самое, что линия в математике.

Оно — мягко, эластично, кашеобразно, длинно, не имея почти ширины.

Из его элементов одни тверды, другие жидки, но первые так соединены со вторыми, что их можно отделить друг от друга лишь с помощью огня или путем продолжительного гниения.

Твердый элемент представляет известковую землю, которая нагревается при соединении с кислотами и превращается на сильном огне в белое стекло.

Эта земля состоит из молекул и не растворяется в воде. К ней примешаны некоторые части железа.

Клейковина волокна содержит воду, морскую соль, воздух и жир.

Эта клейковина — причина сцепления; жир умягчает волокно, а воздух делает его эластичным.

На примере мумий можно видеть, что кости сохраняют свою клейковину более двух тысяч лет.

Волокно состоит из других волокон, и так без

конца; оно делается раздражимым, только ставши мышечным.

Оно — связь и вещество пучка, называемого органом.

Все твердые части человеческого тела состоят из более или менее сжатых волокон. То же самое относится к растениям. Головной мозг, мозжечок и спинной мозг не составляют исключения. Будучи иногда мягким или хрупким, эластичным или кашеобразным, длинным почти без ширины или широким почти без длины, оно составляет одно целое.

Элементы его, из которых одни тверды, а другие жидки, соединены между собою; отделить их можно друг от друга только с помощью огня или путем гниения.

Твердым элементом является известковая земля, которая нагревается при соединении с кислотами; если отделить эту землю от ее твердых связей, то она легко крошится; она не растворяется в воде и обнаруживается лишь на сильном огне или при долгом пребывании на воздухе.

В этой земле имеются частицы железа, притягиваемые магнитом. Клейковина изменяется в зависимости от возраста и темперамента.

У очень маленьких микроскопических животных волокно невидимо.

Волокно делится без конца на волоконца; этим объясняется его сила в продольном направлении.

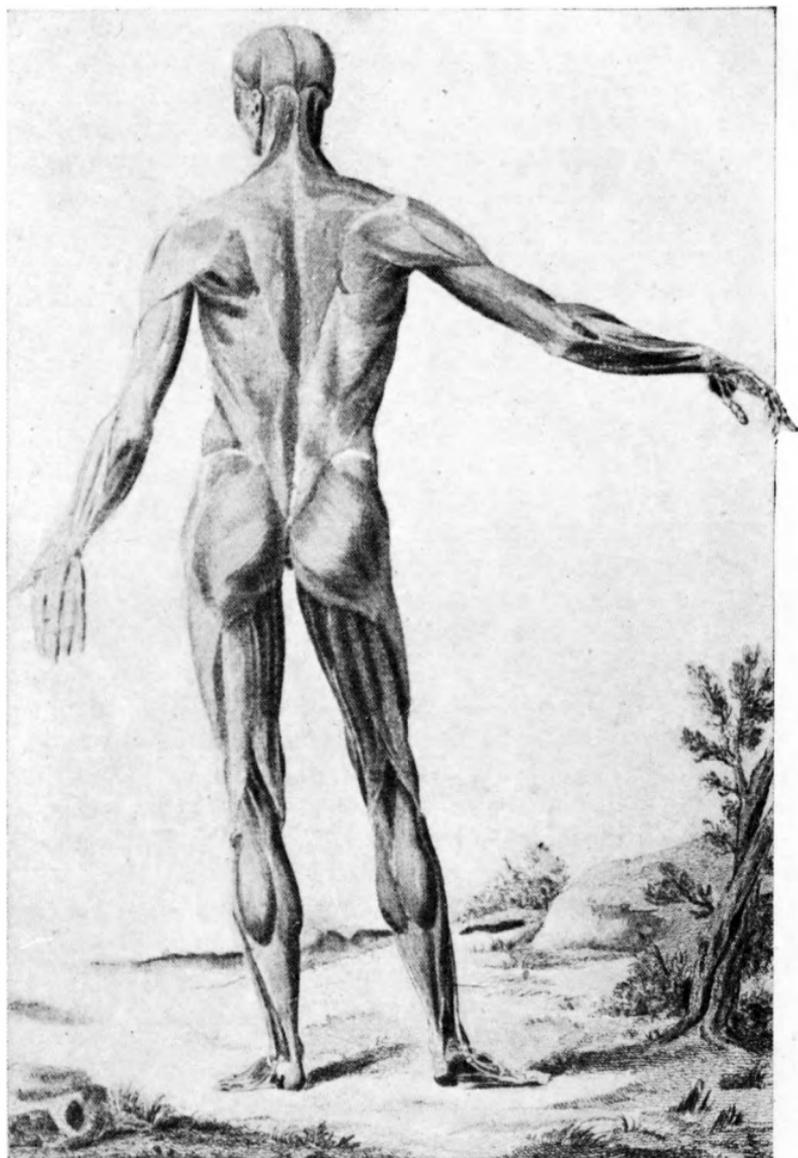
Оболочка, как и волокно, не может быть расщипана, и этим тоже объясняется ее сила.

Волокно за исключением мышечного не обнаруживает раздражимости. Оно лишено крови и не является полым.

Врачи заметили, что оно обладает действием и движением от одной из своих оконечностей до другой и обратно, или же изнутри наружу и обратно. Основа очень правдоподобной теории расслабления и сокращения.

Волосы не чувствительны, а волокно чувствительно.

Клейковина, соединяющая между собой, как предполагают, молекулы волокна, либо чувствительна, либо нечувствительна.

Мускулатура сзади. С гравюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts» (Энциклопедия Дидро), т. I, 1762

Если она чувствительна, то волокно представляет собой некоторое непрерывное чувствительное целое.

Если она нечувствительна, то волокно представляет собой нить, состоящую из чувствительных молекул, отделенных друг от друга нечувствительными молекулами, и оно уже не представляет собой одного чувствительного целого.

Я предполагаю, что волокно представляет собою вероятнее всего соединение плоти с плотью, образуя одно непрерывное, почти однородное и живое целое.

Волоконца состоят из волокон. Их можно заметить в костях, в сухожилиях и мышцах.

Самые мелкие, мышечные волокна, ничем не отличаются от самых крупных.

Строение волокна тождественно со строением червя.

Анализ клейковины: земля, вода и жир, но в сочетании между собою и образуя вследствие этого сочетания некое целое, которое не есть ни вода, ни земля, ни жир,—словом ничто из того, что исчезло при анализе.

Но все эти элементы образуют то, что называют плотью, и этого рода плоть, взятая в таком сочетании, образует волокно; следовательно, волокно становится волокном таким же образом, каким дерево Дианы становится деревом Дианы.

Если бы волокно было полым, то, перевязав его, мы получили бы опухоль, чего в действительности не наблюдается.

В уколоте нерве сокращение происходит лишь ниже места укола.

Если бы существовала столь активная жидкость, как это предполагают, то как бы она сохранилась?

Каким образом могло бы уцелеть под действием ее тонкое соединение нерва с мягким веществом?

Если нерв образует некое целое, некое законченное животное вместе с мягким веществом, то ясно, что ничто не должно отделяться или отрываться, подобно тому как это наблюдается у уколотого червя.

Беловатые волокна, рассеянные в веществе головного мозга: происхождение первого волокна.

Существует простое волокно без полости.

Пучок простых волокон образует полый канал, называемый органическими волокнами или волокнами.

Пучок органических волокон или мышечное волокно: элементы нерва; нервы — элементы мышцы.

Сокращение волокна вызывает складки и, следовательно, укорочение его.

Это укорочение наблюдается на трупе.

Простое волокно не имеет полости, я его рассматриваю, как животное, как червя.

Это именно существо и получает пищу от составляемого волокном животного. Это — принцип всего механизма.

Простое волокно, волоконце, мышечное волокно

Каждое волокно представляет пучок волоконца, в несколько тысяч раз более тонких, чем самый тонкий волос.

Если натянуть шелковые нити на два навоя, то они могут выдержать огромную тяжесть, хотя каждая из них в отдельности почти лишена крепости.

Если принять сопротивление одной натянутой нити за единицу, то сопротивление двух нитей будет гораздо больше двух.

Только стенки нервов обладают чувствительностью.

Маленькие белые нити, рассеянные в мозговом веществе головного мозга, являются, повидному, первоисточником нервов.

В спинном мозгу имеют начало такие же нити. Спинной мозг тоже нечувствителен.

Потеря нервной жидкости повергает в оцепенение.

При опухоли, называемой спинной грыжей, получается паралич по двум причинам: во-первых, из-за недостатка питательных соков; во-вторых, из-за недостатка жидкости, способной породить набухание и силу, как это наблю-

дается у мягкого растения, которое легко растираешь между пальцами и которое, однако, способно раскалывать крупные камешки.

Головной мозг — это фильтр, а мозжечок — резервуар нервной жидкости.

Нервная жидкость нечувствительна.

Чувствительна ли нервная лимфа? Столь же мало, как и нервная жидкость.

Каким образом первая становится чувствительной? Я это знаю. Все части тела сообщаются с головным мозгом и друг с другом при помощи нервов.

Если бы существовала нервная жидкость, то по удалении этой жидкости животное немедленно перестало бы жить, чего в действительности не наблюдается. Почему с отрезанным органом не происходит того, что происходит в случае спинной грыжи?

И где находится нервная жидкость у животных, лишенных крови, головного мозга и органов пищеварения?

Все их жидкости представляют лишь нервные лимфы. Какое имеется доказательство этого?

Когда прекращают приток крови в какую-нибудь мышцу при помощи перевязки какой-нибудь крупной артерии, то движение постепенно прекращается. Почему? Благодаря охлаждению? Благодаря прекращению питания и жизни или по обеим этим причинам?

Тонус волокна есть не что иное, как его обычное состояние.

Надо принять во внимание толщину или плотность, длину, влажность, сухость, теплоту, холод, гибкость, негибкость, питание, возраст и т. д.

Клеточная ткань

Клеточная ткань состоит из волокон и пластинок; это — сетка, усыпанная более или менее крупными ячейками.

Это — общий футляр или оболочка всех органов.

Очень тонкая, она образует паутиннообразную оболочку. Она облекает даже волоконца. Она — причина метастазов и анастомозов.

Вследствие нее оказывают свое действие миазмы, гнилой воздух и другие яды.

Она причина полноты.

Набухание ее под влиянием воздуха называется эмфиземой, под влиянием воды — водянкой.

Водянка бывает либо врожденной, либо приобретенной.

Жир, извлекаемый из раненого страуса, выходит из клеточной ткани.

Клеточная ткань это путь для иголок и других проникших в организм чужеродных тел.

Все части тела содействуют ее образованию; она получается от излишка их питания, они превращаются в это вещество; слишком хорошо питаться — значит создавать жир.

Она — причина уверенности и легкости движения.

Она — волокнистая и пластинчатая, либо то и другое.

Эмфизема — это расширение клеточной ткани под влиянием воздуха. Водянка — под влиянием воды.

Это — своего рода мешок, который держит все на своем месте, создает устойчивость всего и подвижность каждого органа.

Оболочки

Оболочка образует органы, подобно тому как волокно образует клеточную ткань.

Болезнь, случай, так же как и природа, образуют оболочки.

Пресноводный полип не имеет ни внутренностей, ни сердца.

Сосуды представляют собой полые оболочки.

Клеточная ткань образует, облекает все; все превращается в нее. Это — очень твердый мешок, покрывающий пещеристые тела.

Клеточная ткань у деревьев: кора, эпидерма, кожа; клеточная ткань, становящаяся древесиной.

Клеточная ткань образует оболочки; оболочки образуют органы. Образование человеческого тела очень просто, ибо клеточная ткань образует также кости. Поэтому всякая пища стремится образовать клеточную ткань. Тело — система действия и противодействия; причины формы органов. Природа приготовляет клеточную ткань, это — переход от растения к жизни, к животному, к организации.

Изменчива в зависимости от возраста.

Из клеточной ткани — надкостница; из надкостницы — кости.

Мышечные волокна, костно-мозговые волокна; то же самое происхождение.

Волокно состоит из земли и клейковины. Из просто соединенных волокон образуется простая оболочка; из переплетенных волокон — простой сосуд; из изогнутых сосудов — оболочка второго порядка; из изогнутой оболочки второго порядка — сосуд второго порядка; из изогнутых сосудов второго порядка — ткань или оболочка третьего порядка, сосуд третьего порядка; из оболочки четвертого порядка — крупные сосуды. Тем, чем одни являются благодаря волокнам, другие являются благодаря нервам.

Кожа, мальпигиев слой и эпидерма в местах, где они представляют поры, впячены внутрь.

Сосочки движутся, доказательством этого является гусяная кожа, напряжения конца сосков груди у женщин.

Если приложить сосочки к предмету прикосновения, то они получают впечатление в своей нервной части, которая передает его нервному стволу и головному мозгу; и это называется осязанием.

Кожа выделяет испарения и всасывает. Она выделяет испарения при помощи бесконечного множества крохотных артерий, образующих в ней сосочки или рассеянных в коже.

Из восьми фунтов пищи пять улетучивается при помощи незаметного испарения, не считая пота, носовых выделений и слюны.

Удовольствие усиливает испарения, страдание уменьшает их.

Пот — соленый, щелочная соль; пот стекольщиков кристаллизуется.

Всасывающие сосуды начинают гнить под влиянием скипидара, ртути, шафрана, ароматов и т. п. заразных мазмов.

Испаряющие, всасывающие сосуды расслабляются и сжимаются.

Жир

Жир — это жидкость, заключающаяся в ячейках оболочки органов или клеточной ткани.

Дети и сорокалетние люди толсты — вследствие количества этого вещества у первых, вследствие количества его у вторых.

В головном мозгу и мозжечке нет жира.

В соединениях членов, где происходит движение, имеется немного жира. Жира нет совсем в мужском члене, в легких, в клиторе.

В железах женской груди много жира. Жир уничтожается благодаря трепшо.

Жирные люди встречаются в холодных странах.

Жир содержит немного воды, много горючего масла, едкую, кислую жидкость.

Кислота окрашивает спирт фиалки в зеленый цвет, нагревается при соединении со щелочами и кристаллизуется при соединении с летучей солью.

Костный мозг редко гниет, и гной его, получающийся из жира, горюч.

Жир становится густым от этой кислоты.

Это не экскреторное вещество; он выступает из артерий и из вен, куда он проникает вследствие деятельности мышц.

Он — причина воспаления и цынги, вследствие крови, просочившейся в клеточную ткань. Он смазывает каналы артериальной крови; если его слишком много в них, то он выходит из них через поры.

Он быстро восстанавливается у детей, овсянок, дроздов; под влиянием покоя, слепоты, холода.

Для получения печени жирного гуся его лишают зрения, поребивают ему бедренные кости и прибивают гвоздями лапки.

Он находится в избытке у мужчин от сорока до пятидесяти лет, которые становятся тучными.

Идиоты и кастраты жирны.

Жир питателен, он придает волокну мягкость; он мешает членам соединиться между собой. Он выделяется на холоде вследствие сжатия.

Димитрий Полноркет¹⁹, заключенный в темницу, где его хорошо кормили, умер, задохшись от жиру.

У человека находили до двухсот восьмидесяти фунтов жиру.

Чтобы разбудить жирного человека, приходится иногда уколоть его.

Сосуды в жире малы. Он придает оттенок коже.

В более или менее крупных ячейках клеточной ткани имеется жир.

Жир и клеточная ткань изменяются в зависимости от места, возраста и темперамента.

Жиру мало там, где много движения. Он скопляется под влиянием покоя и уничтожается под влиянием деятельности органов.

Находящаяся в жире кислота антисептична.

Жир выделяется из артерий и вен. Доказательство — инъекция.

Естественное или случайное вместилище всякой естественной или искусственной жидкости.

Движение мышц гонит его в кровь; он образуется здесь, он возвращается сюда.

Две тысячи восемьсот фунтов у быка.

Когда человек весит пятьсот фунтов, он неспособен больше двигаться.

Жир смазывает все и облегчает движение; защищает от грубых толчков;

растягивает кожу и придает ей красоту;
умеряет едкость других жидкостей.

Главное вещество желчи.

Просачивается из костей через их хрящевую слои и смешивается с синовиальной жидкостью.

Он выделяется из брызжейки и салника вокруг почек.

Он не дает частям организма склеиваться между собой, высыхать и затвердевать.

Во время сна он откладывается в клетках.

Если жиру слишком много и он слишком густой, то он становится обременительным, вызывает астму, апopleксию, водянку.

Он проходит через экскреторные поры и уничтожается под влиянием бдения, слюнотечения и лихорадки.

Если он проникает в кровь, то усиливает острые заболевания.

Он окрашивает мочу и составляет значительную часть ее осадка.

У слабых организмов в клетках вместо жира имеется студнеобразный сок. Этим объясняются отек и водянка.

Клеточная ткань и жировые клетки; в первой волокна имеют больше в ширину, чем в длину.

Она состоит из волоконцев и бесчисленного множества мелких пластинок, которые, пересекаясь между собой, образуют маленькие площадки, соединяют все части человеческого тела и выполняют функцию связи, придающей им крепость, не мешая им.

Клеточная ткань в зависимости от различных видов ее образует перепонки, сосуды или оболочки.

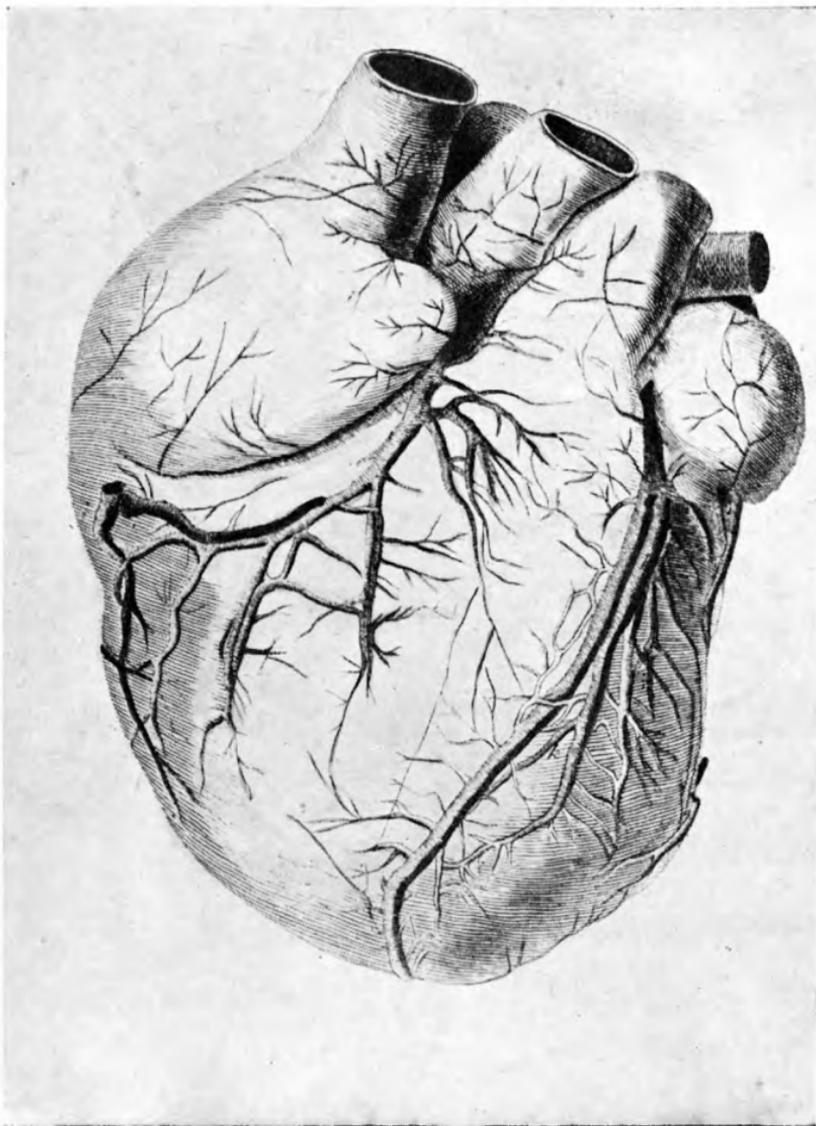
Она увлажняется и питается, может быть, благодаря испарению из артерий.

Оконечность маленьких артерий откладывает в ней жир, всасываемый обратно вены.

Этот жир откладывается здесь также от всех органов и по всей длине артерий.

Жир легко восстанавливается.

Жир быстро и легко всасывается обратно вены; для этого достаточно сильных упражнений.

Сердце. С гравюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts» (Энциклопедия Дидро), т. 1, 1762

Нервы распределяются в жировых клетках, но столь малыми волокнами, что за ними нельзя проследить.

Жир не обладает раздражимостью.

Все пузырьки сообщаются между собой; это доказывает также эмфизема.

Эмфизема вошедших внутрь соков, вследствие воздуха.

Эмфизема пещеристых тел, вследствие воды.

Клеточная ткань входит в образование большинства частей тела, она — причина их прочности и крепости, в ней главная разнища между железами и внутренними органами.

О сердце

Животное сердце

Если отделить сердце от тела и уколоть его, то оно сокращается и расширяется.

Существуют животные, лишенные сердца. Известны сотни примеров чудовищных зародышей, лишенных его; однажды вскрывали крысу, у которой не нашли сердца.

Сердце обладает тремя видами движения: сокращением, расслаблением и расширением.

При систоле — сокращение по всем направлениям и твердость.

При расслаблении — естественное состояние и мягкость.

При диастоле — расширение и внешнее сопротивление.

Жидкость в своем стремительном движении вызывает расширение. Эта жидкость, несомненно, представляет собой сильное возбуждающее начало, а всякое возбуждающее начало обладает способностью вызывать сокращение.

Сокращение проходит, и возбуждающая жидкость изгоняется; это новое доказательство животности мышечного волокна, его чувствительности и его упругости.

К этим причинам следует прибавить влияние натянутых горизонтально волокон стенок желудочка, направленных к противоположным стенкам, теплоту, силу всякой расширяющейся жидкости, внезапное вторжение и тяжесть ее.

Можно провести сравнение между сердцем и желудком; у желудка есть своя систола, свое расслабление и своя диастола.

Можно установить аналогичное сравнение между артериями и кишками. Вследствие ряда таких движений пища переносится от привратника до заднепроходного сфинктера.

Но каким образом приписать такое колоссальное действие возбуждающему началу, столь недействительному на вкус, как кровь?

Кровь, не оказывающая действия на язык, может оказывать его на сердце. Содержащие сурьму вещества, вызывающие судороги в желудке, не оказывают никакого действия во рту.

Некоторые травы, оказывающие заметное действие на желудок и кишки, совсем не действуют на органы обоняния и вкуса: цикута, паслен, опиум.

Существуют насекомые и животные с холодной кровью, у которых тем не менее она действует очень энергично.

Прекращение движений сердца не является признаком смерти; сердцебиение может приостановиться на полчаса.

Можно сообщить движение сердцу у мертвого животного; оно прекращается у живого животного.

У быка объем расширенного левого желудочка относится к его естественному объему или объему в состоянии расслабления, как $2\frac{1}{2}$ к 1.

Кровь выполняет функцию всегда активного антагониста.

Желудок сокращается, расслабляется, расширяется.

То же самое можно сказать о кишках. Пища играет здесь роль возбуждающего начала, но в особенности пузырьная желчь, без которой ослабляется перистальтическое движение.

Всякий орган уменьшается, приобретает меньший объем под влиянием бездействия, и наоборот.

Сердце, кишки, легкие — это полые мышцы.

Пять тысяч биений пульса в час у здорового чело-

века. Почему сердце не устает и не испытывает боли от столь энергичной и непрерывной работы? Никакая другая мышца не могла бы выдержать этого, даже в течение немногих часов.

У сердца имеются свои артерии и вены, доставляющие ему кровь.

Общие функции артерий

Они сокращаются и расширяются.

Они всегда полны. Этим объясняется одновременность пульсирования во всех артериях.

Приливание крови к стенкам артерий как в каналах, несущих известковые соли, — причина аневризма.

Пульс тем реже, чем животное крупнее, или тем чаще, чем животное мельче. Этим объясняется прожорливость небольших животных.

Чаще вечером, чем утром. Этим объясняется усиленные недомогания у больных к концу дня.

Продолжение жизни, несмотря на окостенение сердца, благодаря одной лишь сократимости артерий.

Вены помещаются на мышце, ускоряющей движение жидкости.

Полая вена возвращает сердцу столько же крови, сколько аорта получает от него; в противном случае — расширение сосудов, геморрой и, может быть, менструации; или же наступает тонкое испарение из сосудов, которое не может быть поглощено венами и отослано достаточно быстро сердцу, — отсюда отек. Различные виды крови у живого и у мертвого, у здорового и у больного животного, у животного, страдающего той или иной болезнью, у спокойного или взволнованного животного.

Кровь вызывает испарение некоторой летучей жидкости.

Скорость крови больше скорости всех рек.

Молекулы крови принимают у конца артерий вид шариков, т. е. вид фигуры, имеющей наибольший объем при одной и той же поверхности.

Если уколоть вырванное и ставшее холодным сердце, то оно сокращается и расширяется.

Волокна разрезанного сердца закручиваются кругообразно, причем никакой нерв и никакая артерия не могут в этом случае содействовать названному движению.

Сердце двигает 25 фунтов с силой, способной сообщить этому весу скорость в 149 футов в минуту, и это 5000 раз в час.

Весь вес крови равняется 50 фунтам.

Кровь является возбуждающим началом не только для сердца, но и для всей артериальной и венозной системы, в противном случае было бы непонятно ее движение в артериях и венах и пришлось бы приписать органу, называемому сердцем, невероятную механическую силу.

Подъем или расширение сердца происходит одновременно с расширением всех артерий. Это — животное, лапами которого можно считать сосудистую систему; все части этой системы согласованы между собой, в противном случае произошел бы вскоре общий застой вязкой жидкости, проносающейся мимо углов, изгибов и испытывающей множество трений.

У взрослого утром бывает 65 биений пульса в минуту, а вечером 80; причина вечерних пароксизмов.

У зародыша — 134 биения пульса в минуту, у новорожденного — 120.

У старика — 60.

В случае болезни — 96.

Смерть при 130 или 140 биениях пульса.

Можно жить при окостенении и почти разрушении сердца (доказательство животности этого органа) с остатком сосудистой системы.

Вены обычно помещаются на мышцах; причина ускоренного движения крови.

Кровь скопляется в правом предсердии, а оттуда попадает в аорту.

Грудь

Грудь — это большая полость, образованная ребрами, шей и диафрагмой.

Плевра

Это — простая оболочка, покрытая и образованная утолщенной клеточной тканью, более плотной, чем брюшина, и более твердой на спине, чем у грудной кости. Она делится на два неравных эллипсоидальных мешка. Она не обладает раздражимостью и лишена нервов. При вдыхании эти мешки опускаются, при выдыхании — поднимаются.

Средостение

Оно образуется соединением обоих мешков; это — связка легких. От раны его не умирают. Вскрывают грудную кость и вылечивают его.

Средостение служит оболочкой для легких.

Околосердечная сумка

Это — оболочка сердца; эта оболочка связана с поперечной перегородкой сердца. Поперечная перегородка отлична от околосердечной сумки, она прикреплена к верхушке сердца. Вертикальное положение человека и вес сердца делают ее необходимой.

Между околосердечной сумкой и сердцем находится жидкость, облегчающая движение. Она пронизана семью или восемью отверстиями. Ее строение клеточное.

Если жидкость исчезает или густеет, то околосердечная сумка пристаёт к сердцу; если она перерождается, то сердце становится мохнатым.

Околосердечная сумка защищает сердце, которому природа дала ее не без пользы.

Она поддерживает сердце у оконечностей его и препятствует ему опускаться и качаться.

Диафрагма

Диафрагма представляет другую опору сердца. У животных, лишенных диафрагмы, тем сильнее окологердечная сумка.

Если не происходит обратного всасывания жидкости, то сердце находится в состоянии мацерации.

В этой жидкости образуются камни.

Жидкость эта или приходит из ветви грудного канала и соединенных желез, или же это испарение, подобное испарению других полостей, испарение самого сердца, протекающее из артерий; оно поглощается обратно венами.

Сердце — это полая мышца, гонящая получаемую ею из вен кровь в самые крупные сосуды животного.

Не у всех животных имеется сердце, а у тех, у которых оно имеется, оно не обладает одинаковой формой.

Его движение зависит от вдыхания и выдыхания, от положения тела, беременности.

У некоторых существ вся сосудистая система расположена навыворот, сердце направо, его верхушка наверху.

Не у всех животных предсердия парны. Они обладают большой раздражимостью.

Правый желудочек больше левого.

Кровь переходит в легкое до того, как хоть частица ее попадет в правый желудочек, который гонит ее.

Систолай называют сокращение сердца, диастолой — его расслабление.

Биеение пульса происходит при диастоле или расслаблении. Сердце не опорожняется целиком при систоле, а собирается в складки; эти складки исчезают при диастоле.

Верхушка сердца удаляется от его основания при расслаблении. Это движение совершается менее, чем в одну секунду.

Оно бьется некоторое время у умершего человека.

Жизнь есть сила этого органа и первопричина его движения. Доказательство от холоднокровных животных.

Холодный воздух, теплота, соли, яды и т. д. представляют возбуждающие сердце начала.

Сердце сокращается и расширяется. При сокращении кровь из правого желудочка переходит в легочные сосуды, а кровь из левого желудочка переходит в аорту.

При расширении кровь возвращается из легких в левый желудочек, а правый желудочек заполняется кровью из всех частей тела.

У животных, лишенных легких, сердце имеет лишь один желудочек.

Можно думать, что все является нервами и что все является кровеносными сосудами.

Желудок, головной мозг и сердце — три крупных животных, три центра движения.

При вдыхании кровь притекает в легкие; может быть этот приток ее является одной из причин выдыхания.

Существуют очень прожорливые животные, которые не дышат. Что это за животные?

Воздух, который вдыхают холодным, выходит очень теплым.

В жарком климате долгий и глубокий вдох. В холодном климате — короткий вдох.

Чем меньше сердце, тем энергичнее его деятельность. Чем меньше сердце по отношению к другим органам и всему телу, тем больше мужества.

Сердце и легкие никогда не устают.

Сердце не совсем независимо от воли.

Признают, что кровь есть подлинная сила кровеносных сосудов; почему не сердца?

Вся масса крови попадает в легкие до того, как распространится по телу.

Когда кровообращение ослабевает, то первыми начинают холодеть кисти рук и ступни ног.

Кровь

Сигор, красная часть.

Одна пизанская девушка теряла при регулах 125 унций крови, несмотря на то, что делала себе кровопускания каждый день, каждые два дня.

Масса крови относится к массе всего остального тела как 1 к 5.

Венозная кровь такая же, как и артериальная. Ее цвет изменяется в зависимости от возраста и темперамента. Она свертывается сама собою у мертвеца и у живого человека.

Свежий животный запах воняет, старый — благоухает.

В крови имеется вода, соль, жир, железо, земля, воздух и электрическое вещество, наличие которого доказывается запахом и светом. Кровь одного человека сверкала ночью.

Все наши соки обладают склонностью становиться аммоникальными.

Вся кровь переходит из одного желудочка в другой меньше, чем в три минуты.

Кровь однородна, красна, способна к свертыванию и растворению.

Летучие части, испаряющиеся в воздух:

Красные части, половина массы.

Сыворотка — треть массы; при лихорадке — четверть или пятая часть.

Сыворотка разлагается на оболочки, пленку и слизь.

Сыворотка состоит из воды и белковой части.

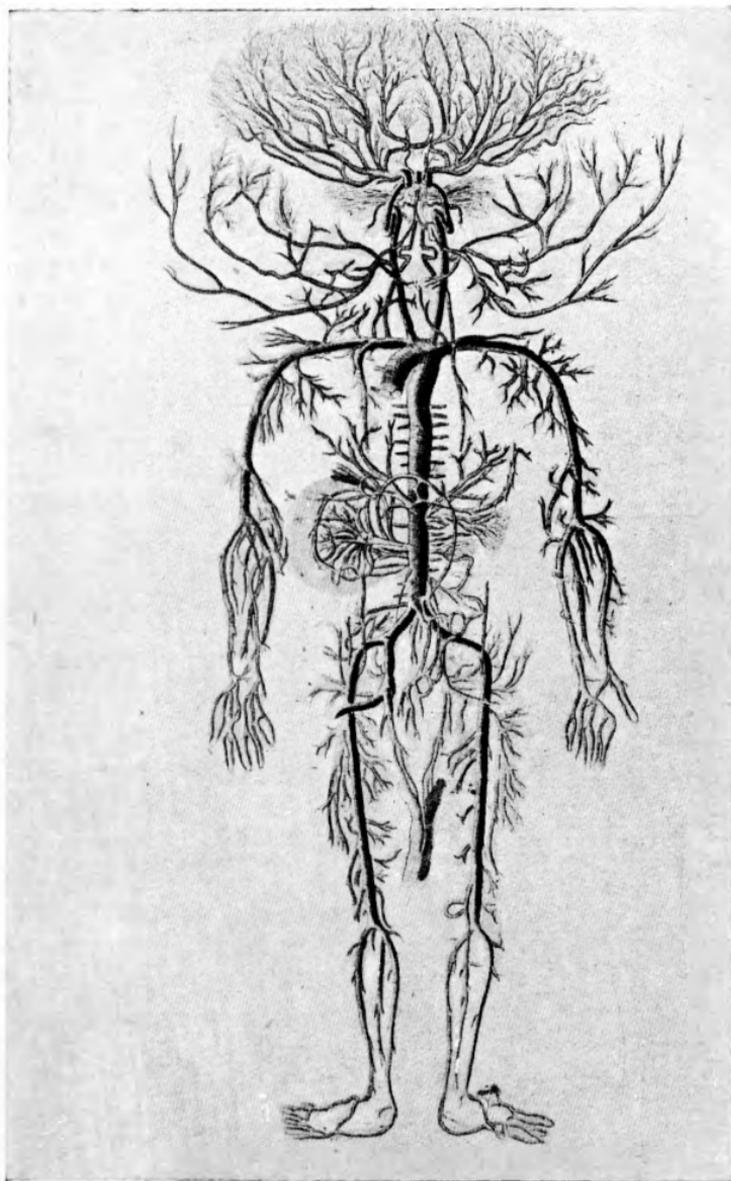
Нагретый до 96 градусов воздух вносит вонючее разложение в кровь, но особенно в сыворотку.

Разложившаяся под влиянием гниения кровь уже не свертывается.

Свернувшаяся под влиянием спирта кровь уже не разлагается.

В крови имеется морская соль, земля, жир, железо и неупругий воздух.

При цынге кровь разъедает сосуды.

Артерии. С гравюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts» (Энциклопедия Дидро), т. I, 1763

В случае обилия красных шариков — полнокровие; водяных частей — флегматичность; кислых или щелочных частей — холеричность.

Сравнительные химические анализы крови в состоянии здоровья и при различных болезнях.

Красные шарики плавают среди желтых шариков, бывших раньше красными; они меньше красных.

Под влиянием частых кровопусканий теряются красные части; люди, страдающие водянкой.

Артериальная кровь — яркого цвета; венозная кровь — темного цвета. В артерии кровь находится в движении, в вене — в покое.

Если у живого животного вы перевяжете какой-нибудь млечный сосуд, полный хилуса, то через несколько часов вы найдете этот хилус превратившимся в кровь.

Кровь состоит из прозрачной лимфы, в которой плавают волокнистые части, красные шарики и белые шарики.

Красные шарики в пять-шесть раз меньше белых шариков, а последние в 20000 раз меньше песчинки.

Красный шарик, очутясь у отверстия слишком узкого сосуда, делится или уплощается, утрачивает свой цвет и становится желтоватым.

Не вся кровь вытекает. Сосуды, опорожняясь, поглощают обратно другие соки.

Кровь может свернуться у живого человека; свернувшись, она образует коагул. Иногда прилипает, иногда нет. Плавающее волокно.

Различные темпераменты приписывают различным пропорциям элементов крови.

Живущие мясом и кровью людоеды свирепы.

Минеральное начало — меланхолик.

1, раздражимость твердых элементов; 1, твердость; 1, подвижность: меланхолик.

$\frac{1}{2}$ — сангвиник; $\frac{1}{3}$ — флегматик.

1, раздражимость твердых элементов; $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ — меланхолическая слабость.

Выделительные протоки крови в различных органах

Так называют каналы, через которые кровь выходит из порождающих их артерий и которые непрерывно соединены с ними.

Они служат для освобождения артерии от дурной крови, от избытка крови.

У органов имеется собственное свойственное им испарение.

Кожное испарение

Кожное испарение незаметно; это — не пот.

Бывает кровавый пот от сужения выделительных каналов.

Иногда наблюдали, что кровь выступает из кончика мизинца.

Лимфатические сосуды

У лимфатических сосудов тоже есть клапаны. Перевяжите их, наполните их какой-нибудь жидкостью, сожмите их, — жидкость не поднимется.

Они обладают очень большой сократимостью и раздражимостью. Они сообщаются с артериями и венами; они возникают из них и из клеточной ткани. У них имеются большие и малые вместилища. В них течет неокрасная жидкость, хотя они непрерывно соединены с красными артериями.

У лимфы и у хилуса общий круговорот.

Лимфа — это сыворотка крови; иногда она окрашивается в красный цвет.

Существуют нево-лимфатические сосуды, своего рода артерии, соединяющиеся с мясистыми каналами или венами.

Некрасные артерии — это сосуды, слишком узкие для пропуска красного шарика; в этих сосудах течет очень разреженная жидкость.

Нево-лимфатические сосуды оканчиваются венами и образуют все оболочки.

В крови имеются различного рода шарики.

Диаметр невро-лимфатического сосуда в 20000 раз меньше толщины волоса.

Существуют невро-лимфатические вены. Эти сосуды служат основой для теории Бургава²⁰ о воспалении.

В отдельности эти шарики желты; в массе они становятся красными.

Невро-лимфатическим сосудам нет конца, что доказывается беспредельным делением шариков.

Лимфа переходит из более мелких сосудов в более крупные, а из последних в грудной канал, откуда она попадает в массу крови.

Этот круговорот подтверждается перевязками. Лимфатические сосуды имеют клапаны, и функции этих клапанов те же самые, что у венозных клапанов.

Если ввести воздух в общее вместилище хилуса, то он распространяется по всему организму посредством лимфатических сосудов.

Клапаны открываются в сторону сердца и закрыты в сторону нижних органов; они сверху выпуклы. При оттоке крови вниз они надуваются и закрывают проход, расширяясь в виде паруса.

Мышцы сжимаются от стремительного движения крови.

В минуту происходит 80 ударов пульса, а в 24 часа по жилам прогоняется 14400 фунтов крови.

Смерть от кровоизлияния из вен редка; вены спадаются, и кровь перестает течь. Теплота бани раскрывает их, и кровотечение продолжается дальше. Почему не перерезать артерий?

Непрерывность крови в обоих токах, из которых один опускается, а другой поднимается, доказывается прямыми опытами над животными, наложением перевязки у человека и действием ядов.

Сосуды, артерии, вены

Сосуд — это трубка, состоящая из перепончатых цилиндров, которые наложены друг на друга и которые

можно отделить друг от друга путем высушивания или вымачивания.

Наружный цилиндр — мышечного строения; внутренний — первого, нервы идут по длине сосуда. Все, что мышечного строения, обладает раздражимостью.

Перерезанная артерия остается открытой; перерезанная вена спадается, она сокращается и сильно сжимает палец.

Скорость жидкости возрастает вместе с длиной сосуда.

Главный ствол всегда меньше, чем оба ствола у разветвления.

Не у каждой артерии имеется соответствующая ей вена.

В сосудах различают двадцать делений, не больше.

Артерии при их впадении друг в друга образуют ток крови иногда противоположного направления; этот случай встречается редко.

Артерии в концах становятся венами.

Кровь при выходе из артерий не растекается. Следовательно, существует анастомоз между артериями и венами.

Кровь переходит из артерий в вены незаметными шариками.

В *Mémoires de l'Académie des Sciences*, 1739, стр. 590, говорится о человеке, лишенном сердца и вен.

Артерии — красные, вены — голубые; вены нечувствительны к уколу, яды вызывают в них раздражение.

Кровоизлияния часты, аневризмы — редки.

У одного стыдливого и робкого любовника вены на висках раздулись, и он умер.

Имеется больше вен, чем артерий.

Вены анастомозируют друг с другом. У человека и у теплокровных животных они имеют клапаны.

Клапаны образованы из внутренней оболочки вен. Они имеют форму браслета, составленного из двух соединенных луночек. Они не замыкают вполне канала.

В венах течет не только кровь, но и другие соки.

У своего конца вена превращается в артерию.

Плотность артерий меньше у их начала, чем у их концов, особенно в ногах. Легко понять причину этого.

Артерии часто заканчиваются испаряющим каналом. Действие этого испарения: пожарный насос, в котором сила пара так велика.

Испарение в сердце, в клетках мужского члена, мочевого канала, клитора, сосочков, сосков женской груди. Причина эрекции, расширения, сокращения.

После смерти в артериях мало крови, в венах — много.

У здорового человека 5000 биений артерий в час.

Влитая в вену жидкость притекает к сердцу, а от сердца в артерии; в головном мозгу она действует усыпляюще, в желудке вызывает рвоту, в кишках действует как слабительное, а во всех частях тела — створаживающим образом.

У артерий и у вен общее основание — коническое в обоих желудочках сердца.

Артерия нечувствительна и не обладает заметной раздражимостью.

Артерии образуют изгибы в частях организма, способных принять большой объем, как матка, толстые кишки, лицо, селезенка.

Мельчайшие артерии заканчиваются и продолжают мельчайшими венами или заканчиваются испаряющим каналом, как в желудочках головного мозга и в других местах.

Они испаряют водянистый, разреженный и студнеобразный сок. Водянистая часть — это пот; ее можно воспроизвести при помощи инъекции.

Не представляет ли всякое выделение испарения какой-нибудь особенной части крови?

У вен встречаются редко мышечные волокна вдоль их длины; они слегка раздражимы, хотя и лишены мышечных волокон.

Они обладают клапанами, которые выдерживают тяжесть крови и мешают ей опуститься вниз.

Вся кровь прогоняется из левого желудочка сердца через аорту и возвращается через полую вену.

Остается узнать, как кровь проходит из правого желудочка сердца в левый.

Артерии состоят из клеточной ткани. Иное дело желудочек, кишки, мочевого пузыря, желчный пузырь, суставные сумки, выделительные каналы и железистые сумки, как, например, полости детородных частей, пещеристые тела мужского члена и клитора.

Артерия бела; если она мала, то принимает красный цвет. Первая оболочка — клеточная ткань. Если убрать эту оболочку, то артерия показывает лишь прямой, длинный канал. Вторая оболочка — собственно клеточная. Третья — мышечная. Мясистые волокна.

Выделительный канал; конец артерии, канал, довольно похожий на вену. У него свои разветвления, свои соединения с мочевым пузырем, с почками, с глазом.

Млечные сосуды

Хилус — это белый сок, извлекаемый из пищи и попадающий затем в кровь.

Он, кажется, водянистой и маслянистой природы. Белый, сладкий, склонный к закисанию; очень похож на эмульсию, состоит из муки растений и лимфы и жира животных.

Он сохраняет отчасти признаки летучей и жирной пищи.

Он сворачивается в молоко, не изменяясь заметным образом; тогда обнаруживается его студнеобразная, прозрачная, свертывающаяся сыворотка, становящаяся похожей на студень, когда его водянистая часть испарилась.

Хилус переходит из ворсистой оболочки в млечные вены; он всасывается отверстием, открытым у конца канала каждой ворсинки, откуда он попадает в проток, начинающийся во второй оболочке кишки; соединение этих протоков образует млечный сосуд с ворсинками, позволяю-

щими хилусу подвигаться вперед, но не возвращаться обратно.

Каждый млечный сосуд кончается железой, в которую млечный сосуд, разделившись на несколько ветвей, изливает хилус; выдавленный оттуда сжатием сосудов и действием брюшных мускулов, хилус прогоняется в млечный сосуд, мелкие ветви которого образуют затем более крупный ствол, пересекающий два, три, четыре раза различные железы и соприкасающийся с некоторыми железами, не входя в них.

Неизвестно, что становится с хилусом в этих железах; думают, что он здесь разжижается, ибо он становится более водянистым.

Из последних желез выходит лишь немного крупных млечных сосудов, максимум четыре или пять.

Эти сосуды поднимаются вместе с брыжжеечной артерией и смешиваются с лимфатическим сплетением, приходящим из нижних частей тела и поднимающимся за почечную вену, затем смешиваются со сплетением, которое направляется, проходя сзади аорты, к поясничным железам и соединяется с печеночной железой. Образовавшийся таким образом проток раздувается обычно в виде очень широкой бутыли рядом с аортой, между ней и правой ножкой диафрагмы.

Эта бутылка, имеющая в длину два дюйма и больше, часто продолжается в груди, над диафрагмой; она коническая с обеих сторон, ее называют вместилищем хилуса.

Студнеобразная лимфа конечностей и брюшной полости смешивается здесь с хилусом и уменьшает вязкость его.

Так как диафрагма сжимает эту бутылку, а пульсации аорты сдавливают ее, то хилус проталкивается и с тем большей скоростью, что отверстие содержащей его бутылки шире протока, в который он изливается.

Этот канал называется грудным протоком, ибо он входит в грудную клетку. Он проходит сзади плевры, извиваясь между непарной веной и аортой. Он принимает лимфатические сосуды желудка, пищевода и легких; во-

обще он цилиндрической формы; он образует островки, подразделяется, возвращается вспять; у него мало ворсинок; он направляется налево, к пятому позвонку, позади пищевода; он поднимается к левой части груди, позади подключичной вены, пока не поднимется до уровня приблизительно шестого шейного позвонка, а тогда, перегнувшись и разделившись на две ветви, из которых каждая несколько расширяется, он спускается вниз и, — в зависимости от того, соединятся ли между собою обе эти ветви или останутся раздельными, — входит через одно или два отверстия в подключичную вену, там, где впадает в нее внутренняя яремная вена; входит он косо в виде одной или двух ветвей, проникая в подключичную вену несколько снаружи от соединения ее с внутренней яремной веной и принимая там крупный лимфатический сосуд от верхних конечностей и другой такой же сосуд, спускающийся из головы.

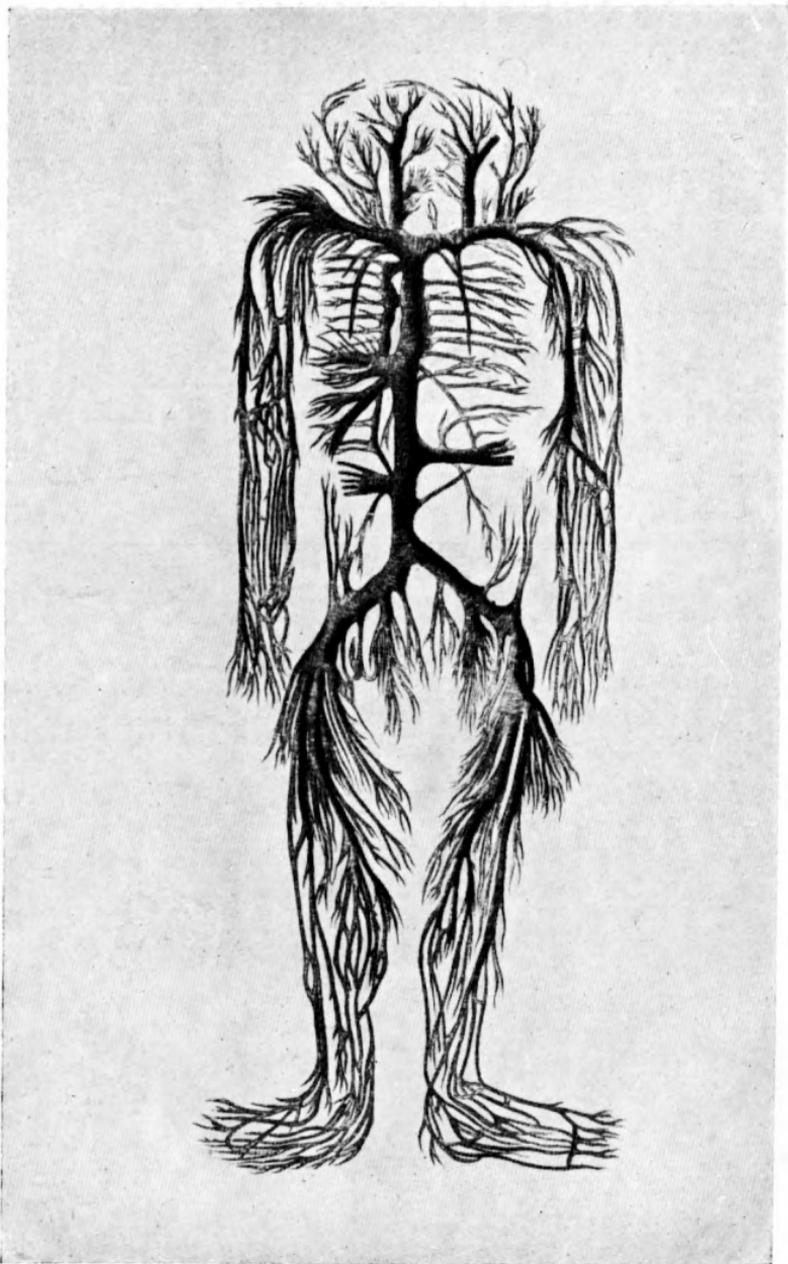
Когда хилус смешивается с кровью, то он меняет свою природу, не тотчас же, но, как это доказывает образуемое им женское молоко, лишь через пять часов после еды. Тогда, сделав около четырех тысяч оборотов в организме, он становится кровью и изменяется настолько, что можно наблюдать, как жир осаждается в клеточной ткани, как часть его появляется в виде красных шариков, студнеобразная часть образует сыворотку крови, а водянистая часть улетучивается через мочу и незаметное испарение.

По окончании пищеварения млечные сосуды высасывают из кишек водянистый сок; тогда они прозрачны, и грудной проток наполняется и несет в кровь лимфу брюшной полости и почти всех частей тела.

Железы

Существуют три вида желез: соединенные, как, например, яички, мозговая железа; это мясистые массы; конгломерированные и простые.

Соединенные — продолговаты, имеют овальную форму

Вены. С гравюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts» (Энциклопедия Лавуа) т. I 1769

и содержат белый, серозный, молочный сок. Они имеют артерии, вены и нервы и лишены собственной полости. Это своего рода губки, функция которых заключается в орошении.

Железы и выделения

1. Соки, производимые кровью. Лимфа. Парообразны при жизни, студнеобразны после смерти. Свертываются под влиянием спирта. Испарения желудочков головного мозга, околосердечной сумки, плевры, брюшины, влагалищной оболочки, амниона, суставов, почек, матки, желудочного и кишечного соков.

2. Соки или жидкости, испаряющиеся подобно предыдущим, но более простые, более водянистые, не свертывающиеся; не испаряющиеся и направляющиеся к железам. Незаметное испарение, одна из составных частей слез, водянистая жидкость глаза относятся к первому виду. Ко второму — другая составная часть слез, слюна, сок поджелудочной железы, моча.

Пот состоит из незаметного испарения и подкожного жира.

3. Медленные и вязкие соки; они — водянисты, не свертываются; под влиянием испарения становятся сухими кожщами; таковы слизистые соки воздушных каналов, пищи, мочи, полостей половых органов, предстательной железы, семени.

4. Горючие соки, которые в свежем виде водянисты и тонки, но под влиянием испарения становятся маслянистым, липким, жирным, горячим и часто горьким веществом. Желчь, ушная сера, кожное сало, костный мозг, жир.

Все они существовали в крови, в которой есть свертывающаяся сыворотка, испаряющаяся вода, вязкая слизь и жир. Следовательно, все это может получиться из крови. Каким образом? Различными способами: посредством испарения, фолликул, фильтрация, — затем надо прибавить притяжение, — и посредством желез. Сочетание. Химические средства.

К этому прибавить: посредством всасывания; воздух, вода, земля, элементы и все, что входит в тело; пища.

Слюнные железы возбуждаются от ожидания удовольствия: *у него слюнки текут.*

Потовые железы существуют повсюду; их местопребывание в жировой оболочке; они обладают артериями, нервами, венами и клапанами.

Волосы

Волосы возникают как из самой кожи, так и из клеточной ткани. Их настоящее местопребывание — жир. Их луковица — овальна. Они не пронизывают эпидермы, а образуют из нее футляр, приклеенный к другому футляру, связанному с луковицей. Они нечувствительны и почти неразрушимы.

Покровы и жировые пазухи

Кожа увлажняется различными соками, маслянистыми жидкостями, возникающими в перепончатых, круглых и простых фолликулах головы.

Жир испаряется через поры. Волосы дают испарения, выделения. Артериальные сосуды.

Жидкий пот — это какая-то болезнь. Очень здоровые люди совсем не потеют.

Незаметное испарение это водяной, электрический пар.

Вены несут к сердцу испарения ртути, миазмов.

Осязание сильнее зрения.

Этим объясняются случаи, когда суки кормят котят.

Выделение молока требует от матери внимания, как извержение семени; без этого не получается ничего или получается очень мало.

Грудной ребенок раздражает ее через сосок. Этим объясняется нежность кормилиц к детям, сильно раздражающим их. Это — продолжительный способ извержения, относящийся к короткому способу извержения так, как молоко относится к семени.

Примером предпочтения матерями детей, сосущих хорошо, т. е. раздражающих сильно, является предпочтение, оказываемое кобрами змеям; если змея пососет раз корову, то последняя уже не выносит больше руки.

Все матери — безразлично женщины или самки животных — кормят своих детенышей лишь потому, что они находят в этом удовольствие.

Хорошие груди — это не крупные груди, а наиболее чувствительные, те, у которых соски напрягаются скорее всего и на самое продолжительное время.

Соски груди в конце концов перестают напрягаться для определенного ребенка, подобно тому как мужской член перестает напрягаться для определенной женщины. В таком случае два типа отлучения.

Слюна

Под влиянием голода, при приближении пищи, под влиянием рассказов происходит сжатие слюнных желез, напряжение их, выделение слюны. То же самое относится к подчелюстным, подъязычным железам, к слизистой оболочке рта и к слезным железам. Физические и духовные возбуждающие средства.

Почки, представляющие как будто простой фильтр, имеют, однако, свои физические и духовные возбуждающие средства.

Пассивные железы, обладающие некоторой степенью жизни, но нуждающиеся в сжатии.

У рыб имеются в голове железы, выделяющие смазывающий их жир.

У птиц, особенно у водяных птиц, на гуске имеются железы, из которых они выжимают при помощи клюва жир, смазывающий их перья.

Спрашивается, каким образом тонкое вещество не проходит через широкий проток, и вообще почему каждая железа обладает своим специфическим выделением. На это можно ответить лишь указанием на возбуждающие начала, чувствительность, животность, вкус, желание ор-

ганов. Орган похож на ребенка, сжимающего губы, когда какое-нибудь блюдо ему не нравится; он похож на животных, имеющих каждое свою особую пищу; у органов имеется также свой голод.

Но если каждый орган обладает своими собственными нервами, подобно глазу, уху, то в таком случае они имеют вожделения, антипатии, они устают.

У них свое особое осязание; глаз не выносит жира, а желудок извергает рвотное, не причиняющее ничего глазу.

Почему у этих небольших животных не может быть своих извращенных вкусов? Почему у них не может быть своего пищеварения?

Что представляет собою лекарство, свойственное такому-то определенному органу? Это — подходящая для него пища. Как отличить ее? Путем опыта.

У каждого органа свои специфические болезни; этим объясняется затруднительное положение врачебного искусства, неизвестность и опасности, представляемые лекарствами.

Исследуйте то, что происходит в вас; не вы хотите есть или вырвать, а желудок; мочиться хочет мочевого пузырь, и то же относится к другим функциям. Вы можете хотеть сколько угодно, но если орган со своей стороны не хочет, то ничего не получится. Вы желаете наслаждаться любимой женщиной, но когда вы сумеете наслаждаться? Когда этого захочет ваш половой член.

Рвота; понос всех органов. Различные возрасты и их болезни.

Все, что происходит в головном мозгу, является лишь следствием того, что происходит вне его, и наоборот. Волокна, люлипы.

Существуют водянистые, слизистые, студнеобразные, маслянистые соки.

Водянистые имеются в значительном количестве; сюда относятся слюна, сок поджелудочной железы, слезы, проходящие через глаза и нос.

Слизистые соки под влиянием покоя становятся вяз-

кним. Они похожи на слизь растений: они выпускают волокоща, они прилипают, у них нет ни запаха, ни вкуса, ни цвета, ни прочносги. Они могут сохраняться в течение целого года, не портясь; они превращаются в шероховатые или в легкó крошащиеся жорки; они очень легко растворяются в воде.

Слизь растений выделяет воду и жир подобно слизистым сокам. Если сжигать их, то из них получается лишешный вкуса уголь.

Анализ нашел в них жир, твердую летучую соль, воду, обыкновенную соль.

Студнеобразные соки обладают способностью таять. Они — сладки; немного солены, застывают в спирте. Такова сыворотка крови и жидкость амниона.

Маслянистые соки горючи; таковы жир, костный мозг, кожное сало, ушная сера, желчь, красная кровь, молоко, коровье масло.

У каждого сока есть свой выделительный канал, свой фильтр.

Эти фильтры во всем похожи друг на друга; у страдающих водянойкой они покрыты смолой.

Существует мочева я рвота; моча выходит другими необычными путями.

Водянистые соки выделяются сосóдами, непрерывно соединенными с артериями, и железами, обладающими незначительной раздражимостью. Слизистые соки выделяются испаряющими сосóдами, железами, простыми каналами. Студнеобразные соки — испаряющими сосóдами и конгломерированными железами. Маслянистые соки — конгломерированными железами.

Резервуары и покровы

Когда сок изменяет свою природу, то он должен быть либо использован, либо удален.

Железы иногда слепы и лишены выхода. Слишком обильная синовиальная жидкость удаляется путем испарения или обратного всасывания.

Поры

Эти, по выражению Декарта, сита неудачно придуманы; ибо тонкие части могут пройти через всякого рода отверстия, какой бы формы ни были эти части и эти отверстия.

Грудь

Диафрагма

Это — своего рода свод, это — мышечная перепонка, это — мышца.

Зобная железа

Это — сложная, не имеющая выхода железа, помещенная несколько вне груди, между двумя листками плевры, позади образуемой ею складки и грудной кости; она состоит из множества долек, образующих две большие доли. Она очень велика у зародыша.

Легкое

Это — мягкая плоть, похожая на губку; это — скопление небольших полых долек и каверн, полных воздуха.

При самом сильном вдохе легкое может выдержать 420 фунтов.

При обыкновенном вдохе вес воздуха равняется 666 унций.

Доступ воздуха в легкое бывает произвольным и непроизвольным.

Сильный вдох произволен. Он заключается в том, чтобы возможно больше расширить емкость легких или, вернее, груди.

Воздух, проникший в легочные пузырьки, выполняет здесь ту же функцию, что моча в мочевом пузыре. Всякий пузырь, растянувшийся от проникшего в него воздуха, старается избавиться от него. При вдохе легочные пузырьки находятся в состоянии раздражения и расширения; при выдохе они опорожняются.

В Северной Европе средняя температура воздуха равняется 48 градусам. При выходе из легкого температура воздуха 94. Воздух в этом случае разрежен на $1/12$ своего объема.

Позвоночный столб начинается у крестцовой кости и кончается у головы. После сгибания он возвращается к вертикальному положению.

Он представляет одно сплошное целое у птиц, которым не приходится сгибать своего тела.

Имеется множество органов для дыхания: вся грудь или грудная клетка со своими костями, связками, мышцами, с диафрагмой, брюшными мышцами и другими придатками в головном мозгу, в шее и в предплечьи, — по мнению толпы.

Ребра

Их с каждой стороны 12, а иногда 13. Первые семь с каждой стороны — это истинные ребра.

Первое ребро самое короткое.

Они соединены с грудной костью.

Остальные ребра, не доходящие до грудной кости, — ложные ребра.

Дыхательное горло

Это — трубка, отчасти хрящеватая, отчасти мышечная, имеющая вид уплощенного цилиндра. Ее правое и левое деления называются бронхами; это цепь хрящеватых колец, более плотных спереди, чем сзади; кольца эти эластичны. Бронхи чем дальше, тем мягче и меньше, видоизменяясь до тех пор, пока они не станут оболочками.

Дыхание

Под влиянием вдыхания воздух теряет в своей упругости и своем количестве.

Одна доля легкого может сгнить, а другая остаться здоровой; такова польза от средогрудной перегородки.

Можно в течение недели оставаться без биения пульса и без дыхания.

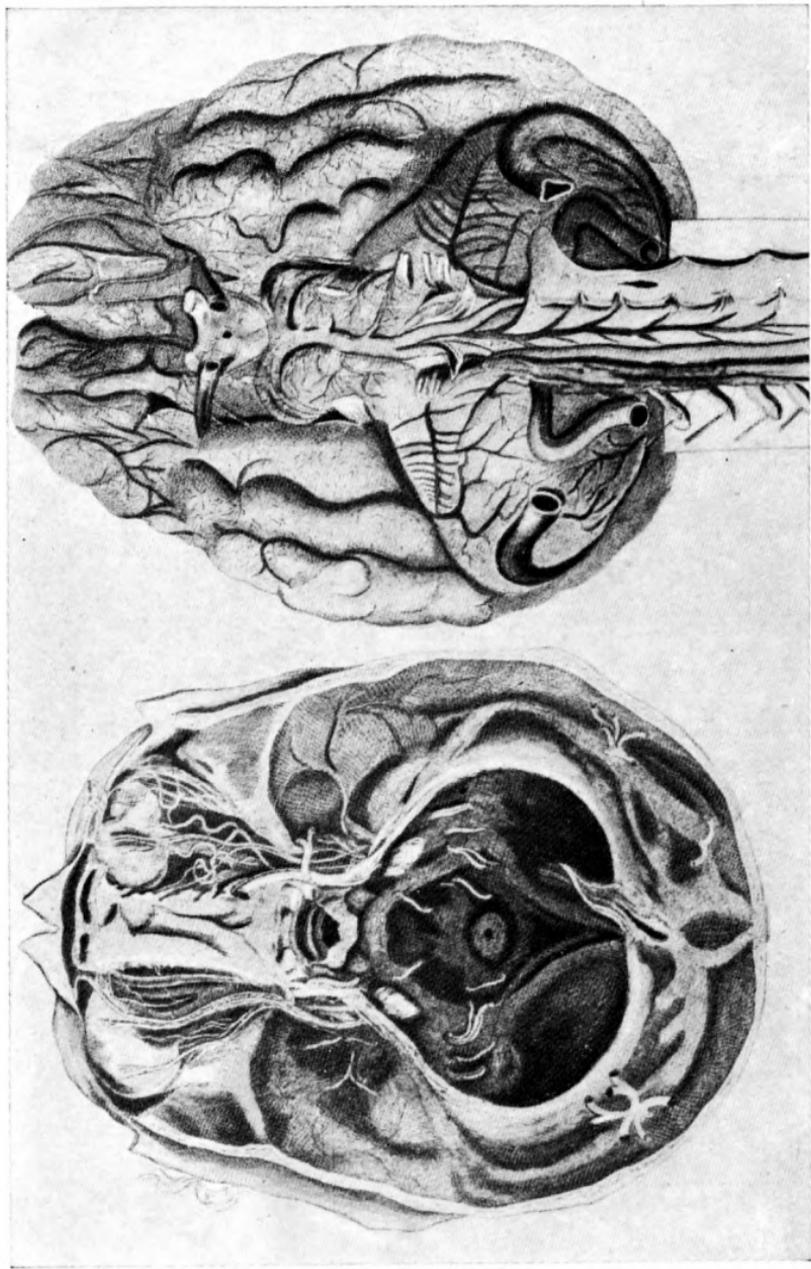
Боль мешает вдохнуть необходимое количество воздуха. При зевоте вдыхают много воздуха. Сосание происходит путем притягивания. Задыхание состоит в маленьких вдохах, за которыми следуют короткие выдохи — результат возбужденных мышц. В случае усилия требуется длительный вдох. Кашель является результатом какого-нибудь возбуждающего средства. Чихание — результат возбуждающего средства, действующего на слизистую оболочку носа. Смех — короткие вдохи, за которыми следуют короткие выдохи. Сардонический смех — воспаление диафрагмы от раны. Плач начинается с глубокого вдоха, затем выдоха, кончается вздохом, результатом удовольствия и страдания. Рыдание — повторный плач; рыдание больного, умирающего — слабый глубокий вздох, вызванный раздражением диафрагмы, выталкивающей воздух; его шум вызывается закрытием голосовой щели.

При дыхании воздух смешивается с кровью. Он при этом не упругий, а комбинированный.

Легкое состоит из долей, отделенных между собой промежутками; эти доли делятся, подразделяются на бесконечное множество мелких долек, пока наконец каждая такая маленькая долька не закончится мелкими перепончатыми клетками различной формы, сообщающимися между собой. Дыхательное горло проводит сюда воздух.

Диафрагма — это мышца, образующая криволинейную поверхность и отделяющая легочные мешки от брюшной полости. Ее мышечные части начинаются у внутренней стороны мечевидного отростка. Центральная часть диафрагмы имеет вид тупого гнома. Через нее проходят два отверстия.

На севере самые живые и подвижные рыбы становятся холодными, ленивыми и неподвижными, если они не дышат. Если они дышат, то у них та же температура, что у человека.

Мозг и мозжечок. С гравюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts»
(Энциклопедия Дидро), т. I, 1762

Всякое животное, обладающее легкими и сердцем с двумя желудочками, теплокровно.

Если подвергнуть животное зимой температуре, которую оно способно вынести в самые жаркие дни лета, то оно умрет.

Почему черепахи, лягушки, ящерицы, улитки, жабы, гусеницы и значительная часть насекомых способны жить долгое время без воздуха?

Гармония между дыханием и биением пульса. Три или четыре биения пульса при каждом дыхании. Чем чаще дыхание, тем чаще пульс.

Кашель очищает легкие.

Смех — это своего рода кашель, причина которого находится в уме.

Голова

У микроцефалов обыкновенно слабая память, слабый рассудок, и они отличаются малой живостью.

Рахитичные дети ведут сидячий и созерцательный образ жизни. Но органы вообще увеличиваются и укрепляются благодаря упражнению. Этим объясняются крупные размеры головы у рахитичных детей и объем их мозга.

Эта болезнь образует своего рода перевязки и стесняет кровообращение со всех сторон.

Это стеснение должно особенно отражаться на сосудах мозга с его не оказывающим сопротивления мягким веществом.

Швы головной коробки, еще слабые, легко уступают расширению мягкого вещества. Но если бы даже они были крепкими, то они все же должны были бы уступить давлению, подобно тому как через огромные камни пробиваются на свет корни, которые можно раздавить пальцем.

О мозге и мозжечке, или о мягком веществе мозга, можно сказать то же самое, что и о мякоти плодов, которая чрезмерно растягивается, если уничтожить или искривить несколько ветвей.

При рахите внутренности искривлены природой так, как ветви дерева — рукой садовника.

У человека голова, сравнительно с прочими членами организма, больше, чем у других животных. Это объясняется тем, что работа заключенных в ней органов начинается вместе с жизнью и никогда не прекращается, продолжаясь до смерти.

Но упражнение укрепляет все члены, подобно тому как праздность расслабляет их.

Всякий человек, подумав немного, должен заметить, что голова есть седалище мысли.

Я наблюдал, как обезглавленные цыплята продолжают бегать.

Борода

Повидимому, источником бороды является семенное вещество. Те, кто стал евнухом с молодости, не имеют бороды. У женщин, у которых неправильности в менструациях, подбородок и тело покрыто волосами; вещество, которое не теряется при периодических истечениях, придает им этот мужской вид.

Женщины, которых считают гермафродитами, бородаты.

Вещество, долженствующее образовать семя, продолжает притекать к месту своего выделения, но, не находя здесь органов, служащих для этой функции, направляется к прилегающим частям. Этим объясняются толстые бедра, круглые колени и расширенные кости у таза, наблюдаемые у кастратов.

У животных, у самцов которых имеется в члене косточка, у самок клитор тоже костяной. Это не должно удивлять тех, кто знает, что клитор — это penis в миниатюре, на конечности которого есть точка, свидетельствующая о существовании изгладившегося и закрывшегося канала.

Мозг и мозжечок

Под мозгом понимают всю ту мягкую массу, в которой зарождаются и из которой исходят нервы, или чувствующие струны, и которая находится в голове животных.

Некоторые животные, как утверждают, не имеют вовсе мозга, но нет глаз без мозга и нет мозга без глаз.

В мозгу различают два полушария, а иногда больше; вместо полушарий иногда бывают бугры.

Чем меньше животные, тем больше их мозг. У слона маленький мозг, у мышей, а также у птиц, очень большой. Неверно, будто у человека среди животных самый большой мозг.

Мозг человека эллиптической формы. Большая сторона эллипса проходит сзади.

Мозг отделен от мозжечка перепонкой.

Оболочки мозга следующие: мягкая оболочка, окружающая мозг, мозжечок, продолговатый мозг и его нервы; она не обладает раздражимостью; твердая оболочка, которая прикреплена больше к черепу, чем к мозгу, и представляет очень крепкую перепонку, сопровождающую также и продолговатый мозг.

В мозгу можно различить корковую часть, своего рода кашлицу смешанного красного, пепельного и желтого цвета. Она твердеет с годами, так что ее можно резать. Она сосудиста или губчатая.

Внутренняя часть мозга плотнее корковой; она представляет однообразное мягкое вещество.

Мозолистое тело

Это — мозговая дуга, соединяющая между собой правое и левое полушария мозга.

Мозжечок

Это — часть мозга, наиболее близкая к продолговатому мозгу. У человека величина его по отношению к объему мозга очень мала. У него два полушария.

Продолговатый мозг

Это — мягкий мозг, как указывает его название. На воздухе он размягчается и течет. Он мягче мозга.

Мозг движется сверху вниз и снизу вверх. У Зороастра он отталкивал руку. Он артериален.

Нервы

Нервы, или органы чувства, представляют собой гладкие, волокнистые нити, исходящие из головного мозга и продолговатого мозга. Они — мозгового происхождения. Они не обладают раздражимостью. Если их уколоть, то мускулы начинают шевелиться.

Микроскопические животные, пресноводные полипы, морские звезды не имеют мозга.

У рыб мало мозга.

У диких животных мало мозга. Очень мало мозга у бобра и у слона. Птицы обладают большим мозгом, человек — тоже.

Мягкая оболочка оболочивает мозг. Ее называют также оболочкой, перепонкой.

Нерв не обладает раздражимостью. Мускул, которым он заканчивается, сокращается. Под скальпелем нерв остается неподвижным.

Явления мозга, ощущения

Ощущением называют решительно всякую душевную операцию, возникающую от соединения души с телом. Чувствовать — значит жить.

Ощущение происходит при помощи нервов, ибо их нельзя коснуться, не вызывая ощущения.

Отсюда: простое ощущение, приятное ощущение, болезненное ощущение.

От сильной боли можно умереть.

Не все части тела чувствуют.

Нервы существуют повсюду, но они не представляют собой всего, что есть в организме.

Кости, сухожилия, связки, сумки не ощущают.

В нерве обладают чувствительностью не его оболочки, а его мозговые нити.

Для наличности ощущения необходим здоровый нерв и свободное сообщение нерва с мозгом.

Ощущение начинается в конце затронутого нерва. Ощущения нет, если нерв разрушен или изувечен. Ощущение направляется от члена к мозгу. Надо допустить, что мозг, к которому нервы несут ощущения, тоже ощущает. Когда член был целый, то при прикосновении к нему ощущение шло от него к мозгу. Если вследствие какой-нибудь причины воскрешается ощущение, то его относят к прежнему месту его происхождения, и человек будет испытывать боль в члене, которого он уже лишен.

Часто боль ощущается не в пораженном месте. Это — результат связи нерва этого места с другим нервом, имеющим с первым общее начало.

Нервы суть органы движения, слуги мозга.

Движение направляется от ствола к ветвям, а иногда от ветвей к стволу.

Перережьте нерв, — движение прекращается в нижней части, но остается в верхней части.

Жизнь может продолжаться, хотя бы не было мозга, безразлично, оттого ли, что природа не дала его, или оттого, что его потеряли в силу какой-нибудь случайности или болезни.

Наблюдали безголовых и продолжавших жить зародышей.

У тех, у кого нет головы, у кого ее отрубили, движение происходит благодаря продолговатому мозгу.

Орган продолжает жить по своему отделению от тела. Пчела, у которой отрезали лапки, продолжает летать.

Перевяжите нерв, и не будет никакого утолщения ни выше, ни ниже перевязки.

Нерв, или чувствительная нить, имеет узлы, называемые ганглиями.

Мозг так же мало думает сам собой, как глаза видят сами собой или другие органы чувств действуют сами собой.

Когда человек совершенно здоров, когда в нем не преобладает ни одно ощущение, заставляющее его различать, выделять какую-нибудь особенную часть тела, — а такое состояние испытывает иногда всякий человек, — то человек существует лишь в одной точке мозга, он весь — в местонахождении мысли.

Может быть, внимательно изучая человека, удастся убедиться, что, находясь в веселом или печальном состоянии, испытывая удовольствие или страдание, он весь всегда подобен ощущению. Он весь — лишь глаз, когда видит или, вернее, смотрит; весь — лишь нос, когда нюхает; весь — лишь частица пальца, когда осязает. Но это наблюдение труднее проверить прямыми опытами, чем воспоминанием о том, что происходило в нас, когда мы целиком отдавались власти одного какого-нибудь из наших чувств.

Мозгу, чтобы мыслить, необходимы предметы, подобно тому как они необходимы глазу, чтобы видеть.

Как бы этот орган с помощью памяти ни смешивал, комбинировал и создавал фантастические существа из других, эти последние существуют в отдельности.

Таким образом мозг — это орган, подобный всем прочим органам и обладающий своей особенной функцией. Это, собственно, даже вторичный орган, не способный никогда действовать без помощи других органов.

Он обладает всеми недостатками и достоинствами всех прочих органов, он бывает живым или вялым, как и они.

У слабоумных он в парализованном состоянии: свидетели здоровы и нормальны, но судья ни к чему не годен.

Предметы действуют на органы чувств; ощущение в органе обладает продолжительностью; органы чувств действуют на мозг; это действие обладает продолжительностью. Никакое ощущение ни просто, ни мгновенно;

это, если позволено мне будет выразиться таким образом, некий пучок. Отсюда возникает мысль и суждение.

Но раз ощущение не может быть простым, то не может быть простой и мысль. Она становится такой лишь в абстракции, по это абстрагирование происходит так быстро, оно так привычно нам, что мы не замечаем его.

Другим источником нашего заблуждения в этом пункте является то обстоятельство, что большинство слов обозначает простое ощущение.

Мозг представляет лишь секреторный орган. Состояние белых волоконцев, рассеянных в веществе *sensorium commune**, состояние нервного волокна и органического волокна изменяется в зависимости от качества выделения, которое бывает либо жидким, либо плотным, либо чистым, либо нечистым, либо обильным, либо скудным. Этим объясняется поразительное разнообразие умов и характеров.

Если давить на маленькие белые волоконца, рассеянные в веществе мозга, то прекращается всякое движение и ощущение, наступает уничтожение, состояние смерти.

Колите, раздражайте, сжимайте мозг; в результате получаются либо судороги, либо паралич нервов и мышц.

Колите, раздражайте, сжимайте нервы, и вы перенесете паралич или судороги в мозг. Нервы образуют вместе с мозгом одно целое, похожее на луковицу и ее волокнистые корни.

Нет, может быть, ни одной точки в животном, куда не доходит какая-нибудь из этих нитей.

Действие мозга на нервы бесконечно сильнее, чем обратное действие нервов на мозг.

Самое легкое воспаление мозга вызывает бред, безумие, апоплексию. Величайшее воспаление желудка не производит того же самого действия.

При действии и взаимодействии между мозгом и его нитями первый может до известной степени распоря-

* Общее чувствительное.

жаться последними. Можно, несмотря на боль, не двигать членом.

У гнуса, рыбы из породы скатов, мозг электрический.

Если вынуть у черепахи мозг, то она слепнет, но продолжает жить. У нее очень небольшой мозг.

Физиологи не обратили достаточного внимания на замечательное разнообразие ощущений мельчайших частиц, образующих мозг у различных индивидов. Вследствие этого они не понимают функций этого органа.

Винченцо Малакарне²¹ из Акви, вскрыв мозг четыре раза, нашел значительное различие в их полушариях, их соединении, объеме, порядке, в размерах пластинок, составляющих их мозговые ветви, и в распределении последних как относительно друг друга, так и относительно составляемых ими полушарий.

Некоторые ветви, которые в одном мозгу составляют часть какого-нибудь полушария, отсутствуют в других мозгах, или же общи обоим полушариям, или же едва касаются противоположного полушария.

Величина и глубина извилин мозга различны у разных индивидов.

Строение полушарий изменяется в каждом из них.

Следует обратить внимание на перемещение в их частях и разнообразие в положении частей, помещенных на самом низу.

Эти части более сложны, чем другие. В строении составляющих их пластинок нет ничего неизменного и определенного.

Этот орган представляет не меньше разнообразия, чем физиономии различных людей.

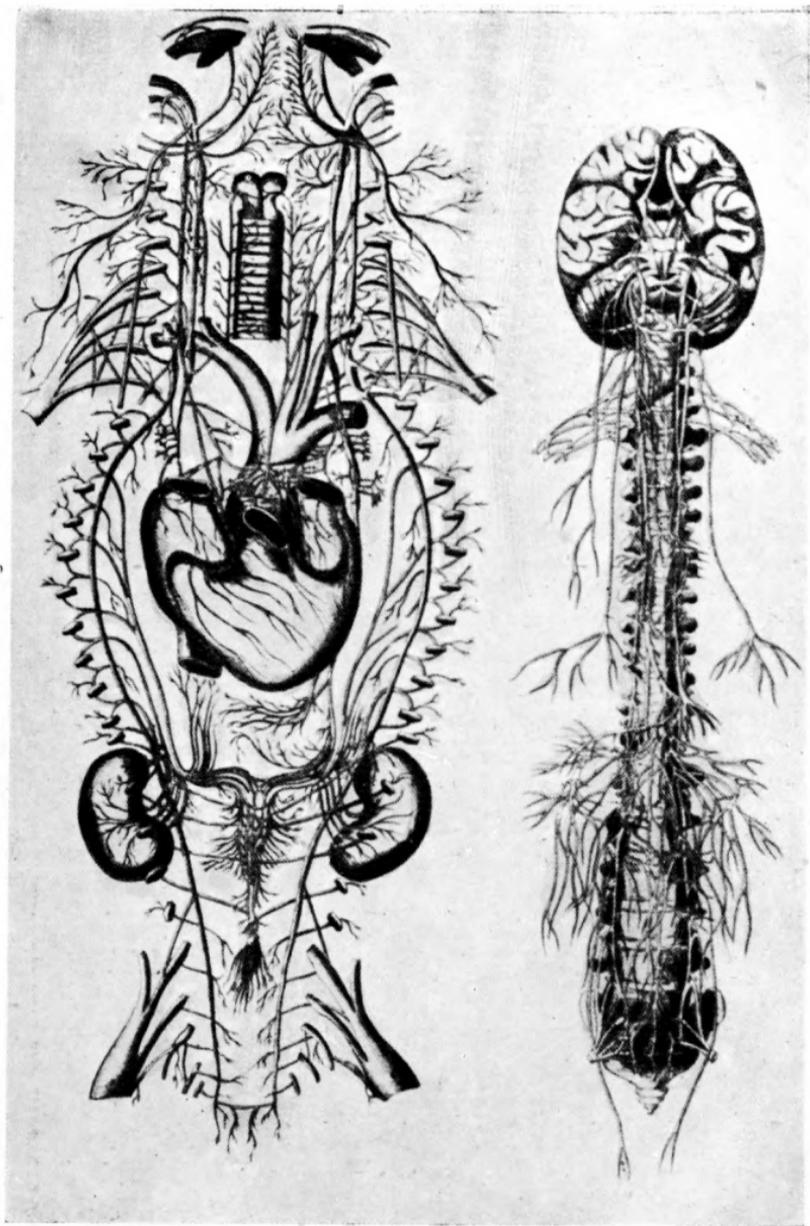
Сравнить человеческие мозги с мозгами животных.

У самого умного из животных — слона — мозг более всего похож на человеческий мозг.

Большой мозг орошаем кровеносными сосудами, которые теряются в его веществе и оставляют там лимфу.

В его основе мозговые пучки, дающие начало нервам.

Если кровь, вода, злокачественное отвердение, кость или какая-нибудь другая механическая причина давит на

Нервная система. С гравюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts» (Энциклопедия Дидро), т. I, 1762

какую-нибудь значительную часть большого мозга, то это нарушает функции души: вследствие этого имеет место бред, мания, отупение или смертоносное оцепенение. Устраните давление, и болезненное состояние прекратится.

Следует различать твердую оболочку мозга, наружный слой ее, внутренний слой. Наружный слой выходит из черепа с нервами и сосудами через все отверстия основания черепа и соединяется с надкостницей головы, позвонков и всего тела.

Внутренний слой следует за внешним, отделяясь от него иногда в некоторых местах.

Мягкая оболочка, паутинная оболочка, которая называется так вследствие своей тонкости, облекает большой мозг со всех сторон. Она непосредственно покрывает большой мозг и мозжечок.

Большой мозг — верхняя и передняя часть мозга.

Мозжечок — задняя и нижняя часть мозга.

Вещество большого мозга и мозжечка выходит из черепа.

Маленькие связки — нервы, большие — спинной мозг.

Нервы, мозговые пучки, очень мягки в своем начале; состоят из маленьких связок раздельных, прямых и параллельных волокон, объединенных в более плотный пучок благодаря мягкой оболочке.

Все головные нервы имеют начало в продолговатом мозгу, большом мозгу и мозжечке.

Что представляет собой вещество большого мозга? Оно волокнисто или состоит из параллельных волокон; оно порождает первное волокно.

Если раздражать вещество большого мозга, то получатся конвульсии всего тела.

Если раздражать спинной мозг, — то же самое.

Если ранить спинной мозг, то — смерть.

Нет ничего столь разнообразного и столь сложного, как большой мозг. Доказательством того, что он принадлежит одинаково всем нервам, является тот факт, что если задеть или разрушить какую-нибудь часть его, то, тем не менее, функции нервов и души продолжаютя.

Нужно очень немного большого мозга, чтобы образовать *sensorium commune*.

При расстройстве большого мозга расстраиваются умственные способности.

Образы видимых предметов проходят в глаз и замечаются большим мозгом. Звуковые колебания собираются в ухе и улавливаются большим мозгом.

Пример человека, лишенного части черепа: при малейшем давлении на мозг он начинал видеть тысячи искр; если давление усиливалось, то зрение омрачалось; при более сильном давлении, производимом всей рукой, он засыпал и начинал храпеть; при дальнейшем усилении давления он находился как бы в апоплексическом состоянии. Когда убирали руку и давление прекращалось, то вскоре он просыпался и начинал пользоваться всеми своими чувствами.

На трупе не всегда наблюдают повреждения большого мозга.

Смелая мысль

По зрелом размышлении мне кажется, что именно мозг распоряжается голосом и служит посредником для всех других чувств.

Я предполагаю существование искусственного глаза.

Я предполагаю, что в этом искусственном глазу отражается пейзаж Клода Лоррена или Верне²². Я предполагаю, что этот искусственный глаз чувствует, живет и одушевлен. Я предполагаю, что он распоряжается органом голоса и что ему помогает память и знание звуков.

Я не вижу, почему он не различал бы ощущений и почему, следовательно, он не мог бы дать описания пейзажа.

Нервы

Нервы находятся всегда в состоянии возбуждения.

Они выходят все из мозжечка. Начало животной силы находится в мякоти.

Самые крупные нервы состоят из меньших, парал-

тельно соединенных и не смешивающихся между собою; эти последние состоят из еще более мелких нервов, и не видно, до каких пределов может идти это дробление нервного волокна.

Вот принцип ощущения и действия; действие, ощущение уничтожаются или прекращаются, если молекула опиума производит хотя бы малейшее действие на оконечности нервов.

В этом — источник различия двух видов нервных болезней: одни начинаются в начале, у других расстройство от начала переходит к отросткам.

Почти нет болезни, которую нельзя было бы назвать нервной.

Если здорово и крепко начало, а отростки слабы и нежны, то последние будут испытывать непрерывные потрясения. Если, наоборот, отростки здоровы и крепки, а начало слабо и нежно, то получаютс я другого рода нарушения. Таковы два способа, какими может быть нарушена общая гармония организма.

Нервы лишены оболочек, которые они получают от *dura mater** по мере того, как они становятся более чувствительными; иногда они лишены даже наружной пластинки *pia mater***.

В этом случае они расширяются и образуют бугры и кисточки.

Pia mater и *dura mater* суть эпидермы и кожа животного волокна.

Нервные окончания чувства обоняния более тонки и чувствительны, чем чувства вкуса.

Нервные окончания глаза более тонки и чувствительны, чем чувства обоняния.

Атония нервов есть причина тупости, их возбуждение — причина безумия.

Между этими двумя крайностями размещается все разнообразие умов и характеров.

* Твердая оболочка.

** Мягкая оболочка.

Актер Галл Вибий сошел с ума, стараясь воспроизвести поведение безумцев. (Сенека, *Controv.*, 9, кн. XI.)

В случаях безумия, апоплексии, бреда, опьянения — мозговые оболочки всегда поражены.

На основании повторных опытов профессор Мекель²³ связывает умственное расстройство с удельным весом большого мозга. Из его наблюдений следует, что мозговое вещество человека, умершего в здравом рассудке, тяжелее мозгового вещества животных, а у последних тяжелее, чем у безумных.

Большинство болезней, почти все, — нервного происхождения. Медицина сделала бы огромный шаг вперед, если бы было вполне доказано это положение. Множество явлений было бы сведено к одной единственной причине. Нервы — органы чувств и движения. Неужели нарушение нервов является всегда причиной и никогда не бывает следствием расстройства?

Никакое ощущение не происходит без вмешательства нервов. Их общий паралич должен сопровождаться, может быть, не смертью, но полным огупением и даже отсутствием какой бы то ни было потребности.

Нервы суть рабы, часто министры и иногда деспоты мозга. Все идет хорошо, когда мозг распоряжается нервами, все идет плохо, когда возмущившиеся нервы распоряжаются мозгом.

Нервная система состоит только из вещества большого мозга, мозжечка, продолговатого мозга и продолжений этого самого вещества в разных частях тела.

Это — точно рак; нервы — это как бы клешни его, испытывающие каждая различные раздражения. Эти клешни различно организованы, чем и объясняется различие их функций. Оконечности способны двигаться и сокращаться.

Волокна мозгового вещества, содержащиеся в черепе и в полости позвонков, не отделены друг от друга никакой оболочкой.

Нервы, собственно, продолжение того же самого вещества, но волокнистого, с волокнами, отделен-

ными друг от друга оболочкой, происходящей от *ria mater*.

Чувствующие оконечности — мозговое вещество без оболочки — по своему положению подвержены действию внешних тел. Органы приспособлены к этим оконечностям, как, например, сетчатка в глазу.

Нервная система разделяет животное с головы до ног на две половины. Доказательство этого дают случаи гемиплегии.

Все нервы в своем начале состоят из мозгового вещества; они затвердевают, когда бывают открытыми.

Обонятельный и слуховой нервы мягки и не имеют покрывающей их оболочки на всем своем протяжении.

Как бы плотны ни были нервы, они делаются мягкими во внутренностях, мускулах, органах чувств до того, как начинают справляться со своими функциями.

Как могут быть упругими или вибрирующими нервные волокна, которые не натянуты ни в начале, ни в конце?

Нервы на всем своем протяжении связаны с твердыми частями клеточной ткани.

Перерезанный нерв не сокращается; наоборот, вместо того, чтобы сократиться, обе части его удлиняются и становятся вялыми, выпуская мозговое вещество в виде бугорка.

Действие раздраженного нерва никогда не направляется вверх. Верно ли это? Неужели боль не распространяет головы? Но если бы нерв был полым, то, действительно, действие никогда бы не направлялось вверх, оно распространялось бы только в направлении притока жидкости.

Если нерв оказывается полым, вялым, неупругим и если сила его исходит от жидкости, то откуда получает свою быстроту и свою страшную энергию эта жидкость? Что толкает ее с такой силой в неподвижном канале?

Почему этот канал не раскрывается, раз его волокна соединены только клеточной и жировой тканью?

Впрочем, под микроскопом не видно вовсе отверстий, не видно никакой опухоли в перевязанном нерве.

Электрическая материя не удерживается нервами, ибо ее можно передать; она проникает в животное и передает свою силу как мясу, так и жиру и нервам.

Волокна, дающие началу нерву; приходят из всех частей мозга. Поэтому он сохраняет свою способность функционировать даже после разрушения части мозга.

Большой мозг, мозжечок, продолговатый мозг, спинной мозг лишены чувствительности. Однако повреждение их, давление на них сопровождаются бредом и смертью.

Перевяжите какой-нибудь нерв. Перевязка эта прерывает связь между началом пучка и частью, расположенной ниже перевязки.

Уколите парализованную часть — она сокращается и движется.

Уколите сердце живого животного — это сердце будет двигаться.

Вырежьте это сердце, колите его — получится движение; разрежьте его на куски, колите их — то же самое явление.

На поле битвы отрубленные члены движутся, подобно животным.

Доказательства, что чувствительность свойственна животной материи: все эти части страдают, причем животное не умирает. Все части живут, хотя животное мертво.

Действие нервов сообщает мозгу странные желания, неожиданнейшие фантазии, чувства, страхи.

Мне кажется, будто я слышу, как кричит моя жена; на мою дочь нападают, она зовет меня на помощь. Я вижу, как вокруг меня шатаются стены, как потолок готов упасть мне на голову; я перепуган, я щупаю свой пульс, я нахожу в нем незначительное лихорадочное биение. Лишь только я узнал причину своего страха, как он прекращается.

Если болезнь действует на органы так, как на них действует страсть, то я испытываю страсть.

Если страсть действует на органы так, как на них

действует болезнь, то я буду считать себя больным, хотя в действительности я буду испытывать только страсть.

Если бы между нервами был анастомоз, то в большом мозгу произошло бы расстройство, животное стало бы безумным.

Нервная жидкость

Если действие этой жидкости вызывает ощущение, то чем объясняется разнообразие ощущений? Какое значение имеет в этом случае форма органа? Я этого не знаю. Все объясняется, если рассматривать волокно как червяка, а каждый орган как животное.

Что становится с этой жидкостью, если она имеется в избытке? Как она испаряется?

Испаряться может лишь наиболее тонкая часть ее, и, следовательно, остается лишь грубая часть. Но как объяснить наблюдаемые явления при помощи этого грубого остатка?

Наполните какой-нибудь канал жидкостью, перевяжите его в двух местах; вздувшаяся благодаря жидкости часть, заключающаяся между двумя перевязанными местами, остается вздутой. В случае с нервом дело обстоит иначе.

В нерве все, что находится ниже верхней перевязки, тотчас же опадает. Значит, либо не было вовсе жидкости, либо эта жидкость исчезла.

Но если эта жидкость настолько тонка, что она исчезла, то почему она не исчезает в свободном состоянии? Как может она производить вздутие, натяжение и туговатость?

Тихая и слегка вязкая лимфа способна двигаться только медленно; она мало пригодна для объяснения мгновенного характера ощущения. Бесчисленные углы и загибы нервов тоже мешают функционированию этой жидкости.

Каким образом нерв приводит в действие мускул?

Волокно — это животное, червь.

Почему так редки судороги? Потому, что волокна,

подобны животным, соединенным между собой от рождения; потому, что они привыкли двигаться солидарно между собой; потому, что эта привычка выгодна для них всех; потому, что, в случае разделения, они все страдают.

В нерве есть мускульная ткань, клеточная ткань, жир, артерии, вены и лимфатические сосуды.

Мясо не отличается от мускульного волокна.

Волокно сокращается даже у мертвого животного.

Нервная сила зависит от множества нервных волокон. Мускул набухает во время работы.

Нервная жидкость пробегает, кажется, 900 футов в минуту²⁴.

Мышцы

Нервы представляют органы чувства и движения.

Если нервы составляют плоскость, то они образуют мышечную оболочку.

Мышечные волокна длинны, параллельны, цилиндричны, красны, сокращаются. В них можно отличить головку, брюшко и хвост.

У них имеются оболочки, которые называют апоневрозами. Верхние и нижние части называются сухожилиями.

Способность к сокращению в некоторых органах прекращается лишь под действием высушивания; смоченные, они снова становятся способными к сокращению.

Каждое мышечное волокно обладает раздражимостью, и каждый обладающий раздражимостью орган есть мышечное волокно.

Мышцы способны расширяться и расслабляться, их сила огромна.

Поступательное движение, отдых стоя, ходьба, бег, прыганье—результаты деятельности мышц.

Мышцы придают форму костям, следовательно, они предшествуют костям; они помогают выделениям и извержениям.

Нервные части представляют седалище ощущения и органы движения.

Перевяжите крепко нерв у места его вхождения в мышцу или где-нибудь в другом месте, и мышца оказывается парализованной.

Уколите парализованную мышцу, и в ней произойдет сокращение; но животное совсем не чувствует ни укола, ни места его.

Уколите живое сердце, и в нем произойдет сокращение. Уколите отрезанное сердце, и в нем произойдет сокращение. Уколите разрезанное на куски сердце, то же самое явление будет наблюдаться в каждом куске его.

Органы ведут себя так, как змея, ехидна, уж.

На поле битвы — мертвые тела и живые члены.

Следовательно, имеется чувствительность и жизнь частей, отличные от жизни и чувствительности целого.

Следовательно, то, что называют душою или духом, не есть непосредственная движущая причина ни чувствительности, ни жизни, ни движения.

Следовательно, эти качества являются свойствами нервов или, правильнее, вещества плоти.

Следовательно, какая-нибудь перевязка отделяет эту мнимую душу от тела, а по снятии перевязки связь между душой и телом возобновляется.

Сокращение парализованного нерва отлично от сокращения поджариваемого пергамента.

Нервы — продукт твердой или мягкой оболочек мозга.

Существует ли тонкая лимфа, которой пропитано мозговое вещество мозговых оболочек? Я этого не отрицаю.

Является ли головной мозг выделительным органом ее? Это возможно.

Находится ли в стволах нервов то же самое мозговое вещество, пропитанное лимфой? Я готов это допустить.

Вытекает ли эта тонкая лимфа из места сечения мельчайших нервных разветвлений? Я готов признать это.

Следовательно, это их питающая часть. Таково мое убеждение.

Следовательно, это принцип их роста, их сухости, их влажности, их малой величины, их большой величины, их негибкости, их силы, их слабости. Я так думаю.

Следовательно, это непосредственная причина их чувствительности, их жизни, их движения. Я не могу этого допустить.

В нерве следует рассматривать три вещи: его мозговой ствол, тонкую лимфу, выделяющуюся из мозговой части, его оболочки, продолжение оболочек головного мозга, единственной чувствительной части, ибо вещество головного мозга нечувствительно.

Если бы даже волокна, из которых составлены волокна, были очень слабы, то это несколько не мешало бы нерву обладать огромным сопротивлением.

Причины сократительной силы нерва: шелковые нити; паутина; разбухшие волокна мягкого дерева; деревянные, хотя и мягкие волокна растений.

Мышцы живых животных непрестанно стремятся сократиться.

Если из двух мышц антагонистов одна ослабляется, то другая сокращается; равновесие нарушено.

Если имеется одиночная мышца, то сокращение носит постоянный характер, источником его является сама жизнь.

Благодаря своей чувствительности животное ищет благополучия. Его благополучие требует, чтобы сфинктер мочевого канала и сфинктер заднего прохода оставались сокращенными, и таково их обычное состояние; оно требует, чтобы это сокращение было более или менее сильным, и это наблюдается в действительности.

Удовольствие и страдание были первыми учителями животного; возможно, что именно они научили все органы их функциям и сделали эти функции обычными и наследственными.

Я думаю, что дети лишь с течением времени научаются управлять сфинктерами заднего прохода и мочевого канала.

Трусы не могут управлять сфинктером заднего прохода.

Неумеренная радость лишает человека власти над сфинктером мочевого пузыря.

Блаженный Августин обнаруживает слабые знания по анатомии, когда утверждает, что мужчина в состоянии естественной невинности был способен управлять своим половым членом, подобно тому как он управляет своей рукой. Он так же мало мог приказывать ему, как и своему сердцу; он просил его, как и мы, его злополучные потомки.

Желаете ли вы убедиться в сходстве мышечного волокна с червем? Дергайте его, и вы заметите, как оно извивается, раздувается, изгибается подобно змею.

Желаете ли вы наблюдать два результата действия и противодействия волокон на начало пучка и начала пучка на волокна? Капля спирта, пролитого на нервные сумки, выстилающие желудок, оживляет весь ослабевший организм; восторг или ужас заставляют трепетать все конечности и вызывают гусиную кожу, распространяющуюся на все части кожи вплоть до корня волос.

Этому червеобразному и спонтанному движению волокна я приписываю судорогу. Если значительная часть волокон, составляющих мышцы, сокращается, разбухает, входит внутрь себя под влиянием какой бы то ни было причины, тогда ствол мускула укорачивается и твердеет.

Пучок волоконцев составляет волокно, пучок волокон составляет мышцу.

Волокна мышцы — мягки, нежны, длинные, хрупки, немного упруги, почти всегда параллельны, окружены массой клеточной ткани и соединены в пачки.

В каждом доступном невооруженному глазу волокне можно наблюдать ряд нитей, которые, соединяясь своими искривленными конечностями с другими такими же нитями, образуют более крупные волокна.

Середина мышцы называется брюшком ее. Ее окончание или место, где более хрупкие и твердые волокна, обесцвеченные, из красных становятся белыми, более сжатыми, соединяются между собою более редкой и более короткой клеточной тканью, пересекаются небольшим

количеством мелких сосудов и являются пассивными, трудно доступными раздражению. Оно называется сухожилием, если волокна соединены в круглую и узкую пачку; апоневрозом, если соединение их образует плоскую и широкую поверхность.

У зародыша мышцы соединены с надкостницей; так как у взрослого надкостница сливается с костью, то мышцы у него прикреплены в небольших углублениях кости.

Мышца сокращается естественным образом, приближая свои оконечности к своему брюшку. Таким образом она становится короче и толще, шире и тверже.

Волокна сокращаются подобно мышечным пучкам в виде волнообразных складок, которые можно наблюдать и на пучке и на элементарном волокне, так что все движение мышцы совпадает, повидимому, с движением волокон вдоль самих себя.

Волокно обладает сократимостью также и у трупа. Если разрезать у трупа мышцу, то она раздвигается в месте сечения, и обе ее части оставляют промежуток между собою.

Это свойство принадлежит живому волокну; окочевшее волокно уже не обладает им.

Место прикрепления мышц ближе к точке опоры, чем расстояние от нее до приводимой в движение тяжести.

Значительная часть мышц образует с мышцами, в которые они входят, особенно в конечностях, небольшие острые углы.

Половина усилия находящейся в действии мышцы теряется, если рассматривать ее как веревку, которая тянет действующую в противоположном направлении тяжесть к своей точке опоры.

Некоторые мышцы проходят над сочленениями, которые они несколько сгибают. Этот сгиб разлагает силу, действующую на приводимый в движение орган, и ослабляет ее. Действуя почти параллельно приводимому в движение органу, сила эта в рассматриваемом случае почти равна нулю.

Не существует никакого отношения между весом мышцы и приводимой в движение тяжестью. Нелепо объяснять это скоростью какой-то жидкости.

Сила мышц антагонистов уравнивается, что можно понять, лишь учитывая роль чувствительности и жизни.

Если одна из таких мышц растягивается, то другая сокращается, и наоборот.

Мышцы, долженствующие производить значительное движение, заключены в оболочки типа сухожилий, приводимые в движение другими мышцами.

Длинные сухожилия, проходящие над сочленениями, заключены в особые смазываемые влагалища.

Редко можно вычислить силу какой-нибудь отдельной мышцы, надо рассмотреть несколько мышц, действующих вместе.

Сравнить действия нервов с неистовством воздедения, голода, жажды, других страстей. Объяснить действие предмета какой-нибудь страсти или страха на разум. Иногда оно отнимает столько же силы, сколько придает ее.

Движения

Произвольные и произвольные движения

Объясним толком, какая доля истины заключается в этом различии. Сердце бьется независимо от того, хочет ли этого животное или не хочет. Это — истина.

Я чувствую голод, у меня под рукой пища, я протягиваю руки, чтобы взять ее, потому что я хочу взять ее; это — сознательное движение. Но свободна или нет эта моя сознательность?

От нас скрыт принцип этого движения, но, какова бы ни была причина его, эта причина приводится в действие некоторым внутренним или внешним по отношению к животным импульсом.

Разница между животным, или машиной из плоти, и машиной из железа, либо из дерева, разница между человеком, собакой и маятником заключается в том, что

в маятнике все происходящее в нем необходимые движения не сопровождаются ни сознанием, ни волей; в то время как в машине из плоти эти движения, будучи столь же необходимыми, сопровождаются сознанием и волей.

Произвольные движения не всегда носят характер произвольности. При приближении угрожающего мне препятствия я невольно вытягиваю руку; при падении я вытягиваю руку вперед, в то время как другая рука невольно откидывается назад; я то распоряжаюсь движением своих век, то перестаю распоряжаться ими.

Мы вызываем, и притом иногда с успехом, иногда безуспешно, движение детородного органа.

Вызывание движения носит произвольный характер; последующее движение органа непроизвольно.

Мы иногда безуспешно вызываем движение глотания.

Кроме движений, называемых произвольными и непроизвольными, в нас происходят другие движения, носящие особенный характер; это — движения, происходящие вопреки нам.

Поэтому я назову движения первого рода произвольными, второго рода самопроизвольными и третьего рода естественными непроизвольными, а все прочие насильственными движениями.

У мускулов — и даже вообще у всех органов — множество особенных, мгновенных, продолжительных или кратковременных, быстрых или медленных движений, движений колебательных, сокращательных, перистальтических, которых мы не чувствуем, хотя на глаз они очень заметны.

Их можно заметить на лбу, бедрах, руках и ногах, но особенно на детородных частях.

При долгом отсутствии упражненной душа, или мозг, теряет свою власть над подчиненными ей органами; они освободились, они отказываются подчиняться.

Человек, который был долгое время лишен зрения, не сумеет больше распоряжаться своими веками и даже глазами: он продолжает поступать подобно слепому, даже

когда он перестал быть им. Окулист Давиель²⁵ был вынужден ударить слепого, которому он вернул зрение, чтобы предупредить его и заставить смотреть.

О животном движении

Мерное, постоянное движение — мера силы и здоровья.

Если оно растет или убывает в одной части больше, чем в другой, то получается расстройство.

Если оно сохраняется или убывает пропорционально, то наблюдается гармония.

Болезнь накидывается на слабые органы, например, в случае слепоты.

Перережьте поперек артерию, введите в нее свой палец, и вы почувствуете в нем ощущение сжатия.

Различие между захватом деревянными или железными щипцами и захватом щипцами из мяса, или двумя пальцами: деревянные щипцы не чувствуют, щипцы из мяса чувствуют; деревянные щипцы не страдают, щипцы из мяса страдают; деревянные щипцы не испытывают раздражения, щипцы из мяса испытывают его; деревянные щипцы не оказывают сопротивления, если пытаются разломать их, щипцы из мяса оказывают это сопротивление; деревянные щипцы не чувствуют ни своей силы, ни своей слабости, щипцы из мяса чувствуют их; сломанные деревянные щипцы не движутся, щипцы из мяса движутся; деревянные щипцы, до того, как их сломали, не имели никакого самостоятельного движения, щипцы из мяса имели его; деревянные щипцы были изолированы до того, как произвели свою работу, и остаются изолированными во время ее, щипцы из мяса работали солидарно, в гармонии с другими органами; деревянные щипцы не росли и не жили, щипцы из мяса росли и жили, и так далее...

Вообще в животном и в каждой из его частей есть жизнь, чувствительность, раздражение. Ничего подобного не наблюдается в неживой материи, как организованной, так и неорганизованной.

Отличительным признаком животного является то, что

в нем не совершается никакого движения, которое не сопровождалось бы, которому не предшествовало бы или за которым не следовало бы страдание, либо удовольствие и которое не имело бы своим постоянным принципом какую-нибудь потребность.

Насколько праздность противоречит существу живой машины!

Необходимо исследовать действие, оказываемое жизнью и чувствительностью на животную молекулу, учитывая трудности этого исследования.

Парализованные члены сохраняют чувствительность, другие члены, лишённые чувствительности, сохраняют движение: значит, у движения и чувствительности не один и тот же принцип?

Лишённые большого мозга, спинного мозга, нервов животные все же производят движения.

Два вида движения в органах животного:

Один вид движения, принадлежащий органу, как части целого.

Другой вид движения, принадлежащий ему, как особому органу или животному.

Первый вид движения есть результат чувствительности, организации, жизни. Второй вид движения — нервный или симпатический и свойствен особенной форме и функции органа.

Движение одного рода совершается лишь благодаря сообщению с большим мозгом, движение другого рода — после разрушения этого сообщения.

О движении и о жизни, свойственной органу

По мере того, как сжимают перевязку мускула, в нем уменьшаются движение, чувствительность и жизнь.

Наступает момент, когда этот орган кажется лишённым чувствительности и жизни.

Я спрашиваю: мертв ли этот орган, покинула ли его душа?

Можно понять, что перевязка прерывает связь между

одним телесным существом и другим телесным существом; но понять то, что перевязка прерывает связь между телесным существом и духовным существом — это превышает человеческое разумение.

Нельзя сказать, что этот мускул мертв. Значит, если он живет, то у него своя собственная жизнь, отдельная от жизни остальной системы.

Если он живет, то он чувствует; значит, у него своя собственная доля чувствительности.

Но почему признавать в случае перевязки то, чего не признают в случае ампутации?

Животный инстинкт

Это — необходимое сцепление движений, соответствующих организации и обстоятельствам, в результате которых животное совершает, без всяких размышлений, независимо от всякого опыта, длинный ряд операций, необходимых для его сохранения. Не происходи это, животное не могло бы существовать.

«Творец природы подчинил...»

Какое дело до того, происходит ли это благодаря творцу природы, или благодаря организации животных? И какое дело до того, имеет ли эта организация своим источником какого-то первого архитектора, или же общую причину, создавшую все существа? Инстинкт, тем не менее, будет продолжать существовать.

Новорожденный ребенок выполняет различные функции, точно он был обучен этому.

Если бы в теле была душа, которая распоряжалась бы и управляла его движениями, то она должна была бы в совершенстве знать всю анатомию и физиологию своего жилища. Увы! Эта бедная монада совершенно невежественна, как мы это наблюдаем на примере новорожденного ребенка, и она остается невежественной и тогда, когда животное умирает.

Опыт с червяком: подождите, чтобы он выполз из земли, и уколите его. Он повернется, залезет обратно в землю, будет бояться вылезть, и т. д.

Непроизвольное движение

Природа не всегда является хорошим советчиком в опасности.

Вы едете в карете; вдруг ваши лошади понесли, увлекая вас к реке или к пропасти. Вы поспешите, разумеется, броситесь вон из кареты. Но в каком направлении посоветует природа вам броситься? В направлении ли переднего колеса, которое убегает от вас и которого вам нечего бояться? В направлении ли заднего колеса, которое надвигается на вас и угрожает вам? Она посоветует вам прыгнуть в направлении переднего колеса, а между тем для вашего спасения вам нужен был бы совсем противоположный совет.

На вас действуют две силы: сила вашего порыва и сила, с которой уносится ваша карета; в своем движении вы не последуете ни тому, ни другому направлению, а станете двигаться по диагонали их.

Если направление силы вашего порыва будет касательным к заднему колесу, то диагональ неизбежно пройдет между обоими колесами, и вы уцелеете.

Если направление силы вашего порыва будет касательным к переднему колесу, то вы будете брошены на это колесо, опрокинетесь и будете раздавлены задним колесом.

Если вы броситесь в середину промежутка между обоими колесами, то либо вас застигнет заднее колесо, либо вы попадете на переднее колесо, либо вы избегнете того и другого.

Какой из этих случаев произойдет, это зависит от отношения между силой вашего порыва и силой, с которой уносится карета, — отношения, определяющего положение диагонали.

Таким образом единственный надежный выход заклю-

чается в том, чтобы направление силы вашего порыва было касательным к заднему колесу, а между тем, даже зная заранее указание теории, не решишься на этот шаг.

Органы

У каждого органа имеется свой яд, свой действующий на него миазм, подобно тому как для различных растений подходят различные сорта земли.

Об органах можно сказать то же самое, что о других животных: их приучаешь ко всему, сокрушаешь их непокорность.

Орган, порожденный потребностью

Я наблюдал ребенка, у которого отверстие матки стало под конец функционировать, подобно сфинктуру, открываясь и закрываясь, чтобы выпускать и удерживать мочу, которая спускалась во влагалище через трещину, образовавшуюся, после неудачной операции камнесечения, в промежности, отделяющей влагалище от мочевого канала.

Органы чувств

Полип видит без глаз. Это — животное, ибо он хватает свою добычу щупальцами, поднося ее ко рту; кроме того, он состоит не из растительного вещества, а из мяса, как прочие животные.

Я представляю себе возможность столь тонкого осязания, что оно способно было бы заменить четыре остальных чувства: на него различно действовали бы запахи, вкус, формы и цвета.

Полип идет на свет, направляется к месту, где находится в изобилии его добыча, он чувствует близость ее, он избегает препятствий: он весь — глаз.

Особенная жизнь органов

Если перерезать червя, лягушку, если отделить мускул у вола, то они продолжают двигаться; кишки, отделенные от тела, сохраняют свое перистальтическое движение.

Гадюке отрезают голову, ее вскрывают, у нее вырывают сердце, легкие, внутренности. В течение нескольких дней после этой операции она продолжает двигаться, шевелиться, она сгибается и разгибается; ее движение замедляется или ускоряется; она реагирует, когда ее колют, точно она цела и живет. Разве я в праве сказать, что она не живет?

Я предполагаю, что вы вовсе не знаете гадюки и что, показав ее вам в этом изувеченном виде, я спросил бы вас: что это такое? Вы, не колеблясь, ответили бы мне: «Это? да это живое животное». Не является ли этот ответ доказательством того, что противоположное утверждение есть результат какого-то предрассудка, который вы должны защищать?

Связь между органами

Каждый орган есть особое животное; у каждого животного свой особый характер. Существует определенная солидарность между диафрагмой и большим мозгом.

Если диафрагма бурно сжимается, то человек испытывает страдание и печаль.

Если человек испытывает страдание и печаль, то диафрагма бурно сжимается.

Удовольствие и страдание представляют два различных движения диафрагмы.

Удовольствие может выродиться и превратиться в страдание. Если эта ткань (диафрагма) стала бы двигаться в противоположных направлениях, — как это случилось бы, если бы человек одновременно испытывал ощущения смешного и трогательного, — то это могло бы убить человека. Я знаю это состояние на основании лич-

ного опыта. Я видел во сне одну процессию; вдруг каких-то два человека бросаются и пересекают эту процессию; это были два давно потерявших друг друга из виду приятеля; один из них возвращался из Китая; он умирал в объятиях другого, и в то время, как я был поражен этим трогательным зрелищем, я услышал слова церемониймейстера, восклицавшего: «Почему этот человек не умер в Китае! Стоило возвращаться так издалека, чтобы испортить весь порядок моей процессии!»

Если бы эти два противоположных движения, из которых одно стремилось расширить диафрагму, а другое сократить ее, были несколько более бурны или несколько более продолжительны, то я бы сразу погиб.

Евнух хочет наслаждаться, подобно тому как человек с отрезанной рукой все еще хочет хватать этой отсутствующей у него рукой.

Органы, рассматриваемые как животные

Дело в том, что у каждого из них свое детство, своя молодость, свой зрелый возраст, своя старость и своя дряхлость.

Эти стадии изменяются у одного и того же индивида, они изменяются и у разных индивидов.

Органы как особые животные

Если отказаться от мысли рассматривать органы как особых животных, то окажется ряд необъяснимых болезней, а почти во всех болезнях окажется ряд явлений, которых нельзя понять.

Вся терминология практической медицины создана как будто бы исходя из этой гипотезы. Врачи не сознаются в этом, но они рассуждают, говорят, прописывают лекарства в соответствии с ней.

Вообразите себе пучок чувствительных и живых волокон, возьмите одни из них и приложите их к другим при помощи двух узлов, сделанных в конце пучка.

Предположите, что часть этих волокон начинает бурно сокращаться в то время, как другая часть остается в покое,— вы получите тогда представление о том, что я называю судорогой.

Какова же причина сокращения одной части этого пучка? Может быть, только деятельность чувствительности и есть причина, которая заставляет червя извиваться, изгибаться, сворачиваться. Червяк и волокно мало отличаются друг от друга.

Органы по сравнению с животными

Всякий орган можно рассматривать как отдельное животное. То, что задевает и раздражает один орган, доставляет удовольствие другому.

Едкая моча не вызывает никакого ощущения в мочевом канале; тягучая, не острая сперма действует на него сладострастно и сильно.

Легкое щекотание пятки ноги приводит в движение весь организм. Болезненный укол колючки вызывает в ноге только местное ощущение.

Разнообразие местных ощущений безгранично; изучением их слишком пренебрегали.

Сильные возбуждающие средства убивают, не причиняя почти страдания; другие, менее активные, либо убивают, либо, даже не убивая, причиняют жестокие страдания.

В нервах после бурного потрясения остается продолжающееся иногда очень долго дрожание. Это доказывается общим сотрясением организма, которое представляет быструю и бурную смену мелких сокращений и следующих за ними мелких пауз.

Ничто не похоже так на колебания звучащей струны, ничто не доказывает лучше факта длительности ощущения и не приводит более непосредственно к явлению сравнения двух представлений в мысли, как суждение.

Я нахожу, так сказать, этих животных изолирован-

ными. Одни, как, например, зоофиты, обладают лишь ощущением и жизнью.

Другие, как, например, пресноводные полипы, обладают ощущением, жизнью и пищеварением.

От молекулы до человека тянется цепь существ, переходящих от состояния живого оцепенения до состояния максимального расцвета разума.

Органы как отдельные животные

Нет таких органов, которые бы не отсутствовали у того или другого животного.

Человек представляет собой совокупность животных, из которых каждое имеет свою функцию.

Каждый орган, или животное, обладает сперва своим собственным характером, затем обнаруживает свое влияние на другие органы. Этим объясняется разнообразие симптомов, кажущихся свойственными одному органу и чуждыми другим органам, которые, однако, испытывают их действие.

Каким образом органы приобретают привычки? Это, может быть, единственный пункт, в котором они вынуждены притти к взаимному соглашению. Каждый орган жертвует долей своего благополучия для благополучия другого органа.

Какое множество неизвестных причин, периодически повторяясь, порождает в нас привычки!

Органы обладают не только различной формой; они представляют на вкус и запах совсем разные свойства, столь же различные, сколь различны между собой животные; следовательно, они обладают каждый особым пищеварением, особой пищей и выделением. Словом, все функции более различны у них, чем у разных животных.

Доказательством скрытых привычек является то, что иногда лихорадка возобновляется, хотя причина ее отсутствует.

В органе, испытывающем страдание, происходит произвольное дрожание; такое проявление свойственно

ему; в этом именно случае обнаруживается, что он — животное, отличное от всего остального организма.

Наши пороки и наши добродетели сильно зависят от наших органов.

Слепой, не видящий выражения лица страдающего человека, глухой, не слышащий его криков, индивид с грубыми волокнами и тупой чувствительностью, человек, лишенный воображения и неспособный вспомнить зрелища прошлых событий,— все эти люди не могут обладать ни большим состраданием, ни особенным чувством доброты и красоты, ни сильной любовью к истине.

Верно, что иногда естественный недостаток какого-нибудь органа компенсируется более частым упражнением другого органа. Слепой, потерявший чувство форм и все вытекающие из этого ощущения, более чувствителен к крикам: звук голоса для него то же самое, что для зрячего человека физиономия.

Я знал одну молодую слепую, которая воспринимала ухом незнакомые нам ощущения и идеи; она различала голоса-*блондины* и голоса-*брюнеты*²⁶.

Органы привыкают к повреждению, усиливающемуся незаметным образом; таким способом можно постепенно проколоть руки и ноги. Внезапная боль убила бы животное.

У каждого органа свое особенное удовольствие и страдание, свое положение, своя структура, своя плоть, своя функция, свои случайные и наследственные болезни, свои антипатии и симпатии, свои лекарства, свои ощущения, своя воля, свои движения, свое питание, свои возбуждающие средства, свое рождение, свое развитие.

Если какая-нибудь болезнь переносится путем мета-стаза от одного органа к другому, то она представляет более разнообразные явления и вызывает более разнообразные ощущения, чем их представляет та же самая болезнь, находясь в том же самом месте у различных животных. Подагра вызывает в ноге ощущения ожога, укола, разрывания; в руке она дает уже иные ощу-

щения; в кишках, в желудке, в почках, в легких, в яичнике, в глазах, в сочленениях получают опять-таки различные боли.

*О свойственной каждому виду организации;
хищные птицы*

Это — своего рода оперенные и крылатые плавательные пузыри. Между грудью и животом имеется сообщенье. Воздух из легочных пузырьков проникает в полость костей, которые у них пусты. Таким образом, когда они парят в самых высоких слоях атмосферы, держась там довольно долго, то этим они обязаны не столько огромному размаху своих крыльев, сколько своему строению, благодаря которому почти все части их тела доступны для прохода воздуха и способны расширяться.

Организация определяет функции и потребности. Иногда потребности влияют на организацию; это влияние может быть настолько велико, что иногда оно порождает органы и всегда изменяет их²⁷.

Три ребенка; у каждого очень большой penis с избытком спермы; вся душа устремлена в сторону совокупления; тупые, печальные и дикие, но похотливые до чрезмерности.

Осязание

Бургав в своем произведении, озаглавленном *Hirprocrates impetum faciens*²⁸, рассказывает о самом себе, что, потеряв слух, он мог слышать мотив, положив руку на музыкальный инструмент.

Другая способность нервов и мозга — это способность испытывать изменения благодаря впечатлениям от окружающих нас тел, способность испытывать их в органах, на которые произведены эти впечатления, и сохранять более или менее длительное время воспоминание о них.

Если воздействие производится на кожу, то мы имеем дело с ощущением осязания.

На коже нет ни одного нечувствительного места.

Кожа представляет собой плотную ткань, состоящую из массы сближенных между собою клеток, волокна которых переплетены друг с другом. Она способна растягиваться и сокращаться, она пориста. У нее свои вены и артерии и масса нервов, конца которых нельзя обнаружить. Существует клеточная ткань между кожей и мускулами.

Кожа, ослабляясь, мало-по-малу соединяется с ней, и в углублениях, в ее промежутках, наполненных жиром, образуются ямочки.

Мало таких мест, где мускульные волокна находятся непосредственно под кожей, не будучи отделены от нее слоем жира.

Существуют такие места, — как, например, ладони рук, пятки ног, — где сухожильные волокна мускулов входят прямо в кожу.

Если снять эпидерму, то кожа почти не представляет неровностей; в ней видны только очень мелкие зерна.

Окопечности пальцев содержат более крупные, округлые сосочки, помещенные в ямочках эпидермы. Трудно заметить расположенные здесь нервы. Эти сосочки состоят из сосудов и нервов, связанных между собой клеточной тканью.

На губах они длинные и имеют форму волосков; смоченные, они очень заметны на языке.

Кожа покрыта оболочкой, связанной с ней множеством мелких сосудов и проходящих через нее волосков.

Наружная поверхность этой оболочки суха, роговидна, прочна, нечувствительна, лишена сосудов и нервов, полна чешуйчатых шероховатостей, имеющих определенное направление; это — эпидерма.

Эпидерма пронизана порами; через одни из них проходит пот, а через самые мелкие — незаметное глазу кожное дыхание.

От огня и от трения она грубеет; на первый пласт накладываются новые пласты, и таким образом образуются мозоли.

У негров различают в эпидерме два пласта.

Внутренняя поверхность эпидермы более мягка, полужидка и как бы слизиста.

Эпидерма европейцев отделяется с трудом; эпидерма африканских негров отделяется легче; у них она даже представляет как бы настоящую, прочную, отделимую перепонку.

В мягких полостях эпидермы имеются сосочки, образующие то, что называют сетчатым телом Мальпиги²⁹.

Эпидерма не представляется в виде решета.

В эпидерме нет сосудов. Она прирастает, обильно выделяется, нечувствительна. Она представляет собой отверждение испаряющейся из кожи жидкости, отверждение, пронизанное протоками кожного дыхания, отверстия которых соединены окружающей их клейковиной.

Под кожей имеются сальные железы, пронизывающие ее своими выделительными протоками. Их мягкая, полужидкая смазка придает блеск эпидерме.

Волосы берут начало в клеточной ткани, в маленькой перепончатой, сосудистой, чувствительной луковице.

Ногти — той же природы и того же строения, что и эпидерма.

Ногти связаны с эпидермой. Путем вымачивания их можно отделить. Эпидерма покрывает их снаружи и изнутри.

Ногти состоят из нескольких листков эпидермы; говорят, что смерть не останавливает роста их.

Кожа

Это — общая оболочка тела. Она пронизана отверстиями с загнутыми краями.

Ее общее строение такое же, что у оболочек. Под нею имеются артерии и вены, которые можно наблюдать у лиц с тонкой и белой кожей.

Ее выделения свидетельствуют о наличии выделительных сосудов. Она избилует нервными волокнами.

Она мускулиста и обладает раздражимостью. Она обладает доступными раздражению сосочками, выделяющими испарение.

Вкус

Из всех органов последним угасает орган вкуса. Неудивительно поэтому, что старики любят поесть.

Местопребывание чувства вкуса находится на языке. Вкус слабеет по мере приближения к надгортанному хрящу. Одна девочка, у которой вместо языка был только бугорок, обладала все же чувством вкуса.

Язык обладает сосочками двух родов: усеченными и бахромчатыми.

Небо, окружность рта, гортань тоже являются органами вкуса.

Неприятная пища вредна; приятная здорова.

Обоняние

Посесть — внешняя часть органа, различающего запахи.

Имеется слизистая пазуха; имеется слизистая оболочка и ее железы.

У собаки очень тонкое обоняние. У белого медведя обоняние еще более тонко, а у тюленя тоньше, чем у белого медведя.

Запахи служат для того, чтобы различать здоровую пищу от вредной.

У животных, вынужденных искать свою добычу вдали или находить свою пищу среди растений, — очень тонкое обоняние.

Обоняние совершается при посредстве довольно мягкой, сосудистой, пористой, обладающей сосочками оболочки, которая выстилает внутреннюю полость ноздрей.

Существует огромное множество очень мягких и почти голых нервов.

Щекотание оболочки вызывает чихание. Слезы, спускаясь в полость носа, раздражают слизь.

Слух

В ухе надо различать слуховой проход, барабанную перепонку, лабиринт.

Ухо хрящеобразно и упруго. Оно обладает железами, выделяющими ушную серу.

Звук входит через рот, ноздри, евстахиеву трубу.

Воздух колеблется. Звуковые лучи собираются в слуховом проходе.

В конце этого прохода они встречают вогнутую оболочку барабанной перепонки.

Эта перепонка начинает колебаться; ее колебания производят движение косточки: молоточек, наковальня, стремя.

Оттуда они направляются к овальному отверстию. Колебания продолжаются в преддверии, в улитке, в лабиринте, откуда раздражение передается большому мозгу.

Если в евстахиеву трубу попадет пылинка, то перестаешь слышать.

Рыбы не обладают этим органом; они слышат как бы путем непосредственного осязания.

Чтобы услышать звук, необходимо не меньше тридцати колебаний в секунду; звук проходит в одну секунду 1038 парижских футов.

Теплота увеличивает скорость звука; в Гвинее он проходит в секунду 1098 футов.

Чтобы было эхо, необходимо расстояние между звучащим телом и ухом в 110 футов; в противном случае звук, сгущаясь, становится непрерывным, подобно тому, как быстро движущийся раскаленный уголек превращается для глаза в огненную ленту.

Барабанная перепонка вдается внутрь; она очень натянута и способна колебаться.

Между зубами и ухом существует некоторая связь.

Ожог уха вызывает звуки.

Трудность объяснения слуха. Это удастся объяснить сравнительной анатомии.

Птицы и рыбы слышат, хотя лишены улитки. У слона нет полукружных каналов.

Путь, проходимый звуком: наружное ухо, слуховой проход, барабанная перепонка, косточки, смежные с преддверием, круглое окошко и улитка. Очень сложная машина, в которой мы еще ничего не понимаем.

Звук сообщается слуховому нерву через трубу, через зубы, через черепные кости.

Орган слуха состоит из упругих хрящей и твердых костей.

У трусливого зайца улитка имеет пять спиралей.

Самый высокий звук, который можно услышать, производит 7520 колебаний в секунду.

Зрение

Орган зрения состоит из жидкостей, в которых может происходить преломление света; здесь — нежные части, которые надо было обезопасить.

Брови служат внешней защитой, направляя пот в сторону щек.

Веки покрывают глазное яблоко, ложась на соединительную или роговую оболочку, с которой они тесно связаны. Веки очень чувствительны.

Ресницы отбрасывают излишек света.

Сальные железы Мейбомуса, вдоль края век, выделяют жир, смазывающий веки и препятствующий возникновению болезненного трения.

Вещество слез смачивает роговую оболочку, поддерживая гибкость ее, и уносит насекомых и другие мелкие тела. Это вещество производится особой железой; избыток его проходит через слезные отверстия, слезный мешок, а оттуда в ноздри через проток, носящий то же самое название.

Глазная впадина представляет собой выстланное жиром гнездо для глаза.

Общая оболочка глазного яблока — склера. Это — внутренняя перепонка *dura mater*, отделенная от нерва.

Надкостница глаза; это — внешняя перепонка *dura mater*, отделенная от нерва.

Pia mater выстилает внутреннюю часть склеры, отделяясь от нерва.

Мозговое вещество внутренней части нерва, обнаженное, непрерывное в большом мозгу, но отделенное клеточными перегородками, соединяется в конический белый плоскостный сосочек, проникает через отверстия белого круга сосудистой оболочки глаза, расширяется и образует сетчатку, самую внутреннюю оболочку глаза.

Склера пронизана в своей передней части круглым отверстием.

Вокруг этого отверстия прикреплена более выпуклая, прозрачная часть, состоящая из нескольких пластинок, чувствительная, почти круговая. Это — роговая оболочка, дающая проход свету в глубину глаза.

Соединительная оболочка отделяется от век в передней, наиболее плоской части склеры и становится роговой оболочкой.

Соединительная оболочка соединена со склерой.

Сосудистая оболочка глаза начинается белым кругом, пронизанным несколькими отверстиями и заканчивающим вещество оптического нерва в том месте, где отделяется от него сетчатка и ее центральная артерия. Становясь затем все более и более концентрической, она входит в склеру и, дойдя до начала прозрачной роговой оболочки, вплотную соединяется со склерой.

Эта оболочка, которая в своем расширении стремилась стать шаром, распространяется вокруг роговой оболочки, образует круг, который называют зрачком.

Передняя часть этого кольца называется радужной оболочкой.

Задняя, покрытая черным, часть называется пигментной пленкой радужной оболочки.

Жидкости поддерживают эти сумки.

Стекловидная жидкость касается сетчатки.

Впереди стекловидного тела и позади пигментной пленки помещается хрусталик.

Водянистая жидкость занимает криволинейное треугольное пространство между шпештной пленкой и хрусталиком.

Пути, проходимые лучами света в глазу, пересекают роговую оболочку, преломляются; переходят в водянистую жидкость, сходятся между собой, но не сливаются; становятся почти параллельными; падают на хрусталик; сильно сходятся между собой; по выходе из хрусталика продолжают сходиться между собой в стекловидной жидкости,— меньше, чем в хрусталике, но больше, чем до входа в него; затем падают на сетчатку, где дают изображение, но в опрокинутом виде, потому что лучи от конечных точек предмета перекрестились между собою.

Хрусталик способен двигаться вперед и назад. Двигаясь вперед, он сближает между собой слишком расходящиеся лучи. Двигаясь назад, он отдаляет друг от друга слишком сходящиеся лучи.

У близоруких людей, т. е. людей с вышуклыми глазами, пункт отчетливого зрения помещается на расстоянии 1—7 дюймов от глаза; у дальноруких — на расстоянии 15—30 дюймов.

Экспериментальное исследование того, каким образом глаз получает ощущение от дерева

Поле зрения глаза охватывает только часть дерева. Если бы глаз не повторял опыта, то он не знал бы дерева в целом.

Если часть дерева, входящая в поле зрения глаза в последующем опыте, не связывается с результатами первоначального опыта,— так что часть того, что наблюдатель видел раньше, не присоединяется к части того, что он видит в данный момент,—то, сколько бы раз наблюдатель ни повторял опыты, обегая глазом все дерево, так как опыты эти не связываются между собою,— у него не будет точного представления о дереве.

Для того, чтобы я имел точное представление как о частях дерева, так и о нем в целом, воображение

должно нарисовать мне в мысли целое так, чтобы я испытывал ощущение его, точно дерево находится передо мной. Если анализировать то, что происходит в мысли, когда хочешь воспринять дерево в целом, то замечаешь, что поступаешь внутри себя так, как поступаешь вовне: охватываешь предмет более или менее обширными полями зрения, которые налегают последовательно друг на друга и которые пробегаешь с необычайной быстротой, такой быстротой, что начинает казаться, будто видишь внутри себя сразу все дерево, точно так, как кажется, будто видишь его целиком сразу вне себя, хотя ни то, ни другое не верно.

Надо начать следующим образом: увидеть предмет и соединить с ним известный звук: звук «дерево», затем говорить, понимать слово «дерево».

Увидеть предмет, охватить поле его и начать переходить от края корней — от поля к полю — до вершины, связывая с каждой частью этого предмета, представляющей отчетливые формы, слова: волокна, корни, ствол, кора, ветви, ножки, листья, прожилки, цветы и плоды, затем слово «дерево», охватывающее все это. Затем повторным образом это же самое слово.

Кажется, что наши дни состоят из маленьких дней и маленьких ночей.

Во-первых, ночь наступает всякий раз, когда мы закрываем веки, а сколько раз это происходит за день?

Если мы не замечаем всех этих маленьких ночей, то потому, что не обращаем на это никакого внимания, ибо мы замечаем их лишь тогда, когда обращаем на них внимание.

Если же впечатление от полученного света продолжается в нас дольше, чем время, занимаемое миганием глаза, то нет прекращения света. Здесь происходит то же самое, что в случае огненной ленты, образуемой быстро движущимся раскаленным угольком.

Другое явление: мы не можем мыслить, видеть, слышать, вкушать, обонять, осязать в одно и то же время; мы можем заниматься сразу лишь одной вещью. Мы

перестаем видеть, когда мы слушаем, и это же самое относится к другим ощущениям. Мы думаем обратное, но опыт скоро убеждает нас в нашем заблуждении.

В нас происходят всякого рода восприятия, но мы всегда в определенный момент имеем дело лишь с одним из них.

Посреди всех этих ощущений наша душа подобна человеку, беседующему за шумным пиршеством со своим соседом: он не слышит других сидящих за столом людей.

Но как же объяснить то, что мы пересекаем улицы Парижа, несмотря на всяческие препятствия, глубоко поглощенные какой-нибудь мыслью, т. е. совершенно не интересуясь тем, что встречается на нашем пути, что проходит мимо нас, задевает нас, мешает нам, окружает нас, — как объяснить, что при этом не происходит с нами никакого несчастья, что мы не убиваемся, не наносим ущерба другим? Как объяснить то, что там, где главную роль играют чистая привычка и чистое ощущение, мы делаем известные вещи тем лучше, чем меньше мы о них думаем? Мы отлично поднимаемся ночью по своей лестнице, когда мы не думаем об этом; но лишь только мы подумаем об этом, как мы начинаем пробираться ощупью. Днем, занятые своими мыслями, мы поднимаемся и спускаемся по лестнице точно так, как будто дело происходит ночью.

Мало того: для человека, глубоко поглощенного своими мыслями, будет ночь, глубокая ночь, в разгар полдня на улице.

Глаз ведет нас. Мы — словно слепые, а глаз — словно собака, ведущая нас; если бы глаз не был действительно животным, реагирующим на различные ощущения, то как мог бы он вести нас? Ибо здесь дело нельзя объяснить привычкой. Препятствия, которые глаз избегает в каждый момент, совершенно новы для него. Глаз видит; глаз живет; глаз чувствует; глаз ведет нас сам собой; глаз избегает препятствий; глаз — наш вожатый, и надежный вожатый; глаз ошибается лишь насчет

вещей, которых он не видит; внезапно пораженный чем-нибудь, глаз останавливается; глаз ускоряет, замедляет, управляет, бодрствует над собственным сохранением и над целостью всего экипажа, которым он правит. Поступает ли иначе и лучше кучер на своих козлах?

Это объясняется тем, что глаз есть животное в животном и что он отлично выполняет свои функции. Эти взгляды можно обосновать, представив их правдоподобными.

Сколь живым был бы этот орган, если бы его суждения не исправлялись постоянно осязанием.

Глаз темнеет в случае страха и печали; он загорается в гневе; он блестит в любовном состоянии; в любовном же состоянии он влажен; в гневе он сух и иногда кровав.

Испытывает ли глаз удовольствие или страдание? Я не думаю этого. Удовольствие и страдание находятся в другом месте. Однако глаз изменяет свой вид в зависимости от предмета; но в глазу не испытываешь удовольствия. Это наблюдение я считаю правильным и новым.

Форма глаза изменчива; он становится более плоским или более шаровидным в зависимости от расстояния рассматриваемых им предметов.

Те, кто видят ночью, освещают предметы сами: у них фосфорические глаза.

Некий г. Клекенберг, служащий в одном голландском бюро, не умел отличать зеленого цвета от красного.

Сын одного амстердамского писателя не умеет вовсе различать оттенков цвета.

Сколько опытов можно было бы сделать на этих двух любопытных индивидах!

Если у человека с темной водой в одном глазу закрыть здоровый глаз, то зрачок больного глаза остается неподвижным. Если открыть здоровый глаз, то больной зрачок движется и сокращается.

Солидарность не всегда предполагает связь между органами, достаточно привычки.

У ужей нет глаз³⁰.

Глаз не выносит растительного масла.

Если артерии Ридлея набухают, то в глазу появляются мушки.

Внутренние чувства

Разумение

Мы меньше всего знаем самих себя, т. е. предмет, впечатление, представление, внимание.

В случае бессонницы у нас бывает непроизвольное представление одного или нескольких предметов.

Воображение — это способность снова видеть отсутствующие вещи.

Память изменяется вместе с возрастом. Мозг твердеет, и память исчезает.

Можно жить без всякого ощущения, как это доказывает пример старика, который никогда не испытывал ни голода, ни жажды.

Память относится к знакам, воображение — к предметам. Память создает эрудитов, воображение — поэтов.

Впечатления и их порядок

Лишенные зрения люди видят благодаря осязанию. Очень тонкое осязание могло бы заменить все другие чувства.

Для объяснения забывания посмотрим, что происходит в нас. Если дело идет о слове, то мы делаем усилия, чтобы вспомнить составные части его; если дело идет о физическом предмете, то мы пытаемся вспомнить признаки вещи; если дело идет о человеке, то мы стараемся вспомнить физиономию его, его залятия.

Знаки очень помогают памяти. Один десятилетний ребенок, воспитанный среди медведей, лишился памяти³¹.

Организация и жизнь — вот в чем состоит душа; к тому же организация так изменчива!..

Известна женщина, продолжавшая свою речь, прерванную припадком каталепсии.

Мы не всегда думаем. Мы не думаем в глубоком сне. Можно отчетливо видеть зараз лишь один предмет.

Способность суждения проводит различие между идеями, гений сближает их.

В состоянии бреда кровь бурно бросается в голову; в состоянии оцепенения кровь приоттекает к голове слишком слабо.

Воля, свобода, страдание, сохраняющее человека, удовольствие, губящее его, желание, терзающее его; отвращение, страх, жестокость, ужас, мужество, сон, сповидение, скука — все это требует изучения.

Есть причины, действующие на нас как внутренним способом, так и внешним.

При закрытых глазах в нас пробуждается длинный ряд сменяющих друг друга красок, при закрытых ушах — длинный ряд звуков.

Это пробуждение может совершаться само собою благодаря одному лишь движению органа, располагающегося самопроизвольно так, точно на него действует реально присутствующий предмет.

Если в этом пробуждении ощущений имеется некоторый порядок, то грезы, в случае сна, похожи на бодрствование; в случае же бодрствования мы имеем точную и верную память.

Таким образом воспоминание, память — это точное сцепление ощущений, пробуждающихся последовательным образом и в том же порядке, как они были восприняты.

Таким образом воображение есть не что иное, как точное, правильное сцепление ощущений, пробуждающихся в органе.

Память о звуках	}	или, вернее, воображение.
Память о вкусах		
Память о запахах		
Память об осязании		

Память (в тесном смысле слова) — это лишь память о словах почти без образов.

Память действует и на оратора, и на слушателя меньше, чем воображение.

У нас более длительные и более точные воображение и память на вещи, сильно подействовавшие на нас.

Люди, лишённые воображения, жестки. Они слепы душой, как другие бывают слепы телом.

Если ребенку постоянно показывать новые предметы, то его можно сделать тупым; такой ребенок видел бы все, но ничего бы не запомнил.

Можно разрушить память у людей, обладающих ею, разрывая нить, связывающую между собой ощущения, другими, рассеянными ощущениями.

Наличие добра радует.

Желание добра сообщает любовь.

Ожидание добра порождает надежду.

Наличие зла вызывает печаль, ужас и т. д.

Продолжение зла вызывает ненависть.

Ожидание зла вызывает страх.

Мы испытываем страх перед злом, которое должно наступить в будущем; мы испытываем ужас перед злом в настоящем.

Чувствительность нервов делает артерии более раздражимыми.

Солидарность между органами объясняется анастомозами артерий и вен, толкающими кровь из одной части в другую.

Организм мог бы произвести все то, что он производит, без души; это не так трудно доказать. Гораздо труднее доказать гипотетическое действие души.

Чувствительность целого разрушается, если ввести в него чужеродную чувствительную же материю.

Подвижность делает чувствительность более сильной или более интенсивной. Неподвижность разрушает ее в целом.

О начале, или о sensorium commune

Люди шатаются от головокружения, от созерцания глубоких пропастей или высот. В этом случае на целое

воздействует одновременно одна общая причина или какая-нибудь особенная, очень могущественная причина.

Чувство вообще

Все то, что способно воздействовать на чувства, должно, в зависимости от силы или природы импульса, нравиться, либо не нравиться.

Так, имеются краски, которые доставляют удовольствие или неудовольствие глазу.

Звуки, которые доставляют удовольствие или неудовольствие уху.

Вкусы, которые будут приятны, либо противны нёбу.

Формы и движения, которые будут приятны, либо неприятны осязанию.

Что касается форм, то, на мой взгляд, приятными либо неприятными глазу могут быть лишь те, которые способны утомить его, как, например, маленькие складки, неправильности, странности, отсутствие симметрии, все то, что нарушает естественное сцепление или закон единства. Трудно найти гармонию в единстве вазы и подножия ее. Эти формы требуют слишком большого внимания со стороны органа.

Нервы для осязания.

Сосочки для вкуса.

Оболочки для обоняния.

Твердые и полые тела для звука.

Жидкости для глаза.

Если бы ощущение было столь же интенсивно в отсутствии предмета, как в присутствии его, то мы бы постоянно видели, осязали, чувствовали; в таком случае мы сошли бы с ума.

Когда с раскрытыми глазами, задумавшись, мы бываем рассеяны, то предметы продолжают по обыкновению воздействовать на наши чувства, но так как душа наша занята, то, хотя она воспринимает образы предметов, она никогда не вспоминает об этом: дело обстоит так,

точно ничто не подействовало на чувство зрения. (Я не думаю этого.)

В вопросе о наших чувствах надо обратить внимание на одну вещь; именно мы пользуемся ими в таком виде, в каком их дала нам природа и какой требуют обстоятельства и потребности; но мы не совершенствуем их. Мы не обучаемся видеть, обонять, чувствовать, слушать, если только наша профессия не принуждает нас к этому.

Все, что свойственно многочисленному классу людей, свойственно им всем с весьма незначительными различиями. Человек, никогда не обучавшийся музыке, способен слушать, как музыкант; человек, не обладающий таким зрением, как дикарь, мог бы видеть, как последний, если бы его глаз подвергался упражнению.

Одно слово о неясных для глаза формах. Например, я замечал на море туманную точку; мне она не говорит ничего; но для человека, часто наблюдавшего эту туманную точку, она представляет корабль и, может быть, вполне отчетливо различимый корабль.

Как происходит это? Первоначально для дикаря, как и для меня, это было туманной точкой, но так как эта туманная точка стала для дикаря характерным признаком корабля, то она и в действительности стала кораблем, который он видит совершенно отчетливо в своем воображении. Это, разумеется, туманная точка, но она пробуждает образ корабля. Эта точка подобна слову, слову «дерево», которое представляет лишь звук, но звук, напоминающий мне дерево, которое я вижу.

Ощущения

Их разнообразие объясняется, на мой взгляд, очень просто, разнообразием тех способов, которыми можно воздействовать на один и тот же орган.

Так как испарение туберозы отличается от испарения розы, то орган обоняния должен испытывать в обоих

случаях различные воздействия, и, следовательно, ощущения должны быть различными.

Так как испарение бутона розы отличается от испарения распустившейся или увядшей розы, то в результате получаются различные впечатления, различные ощущения.

То же самое относится к теплоте и к холоду во всех их степенях.

Если иметь в виду разнообразие органов и воздействующих телес, то было бы странно, если бы ощущения отличались небольшим разнообразием.

Звук

Почему звучащий воздух не приводит в колебание пламени свечи, между тем как он приводит в колебание струну другого инструмента?

Ответ на возражение, что непрерывность ощущения должна была бы вызывать непрерывность суждения: так, глазом мы должны были бы всегда видеть предметы опрокинутыми.

Если прикоснуться к какому-нибудь шарикку двумя скрещенными пальцами, то испытываешь ощущение двух шариков; но достаточно продолжить этот опыт, чтобы вскоре начать чувствовать только один шарик.

У всякого чувства свой нерв и своя функция.

Какова бы ни была функция органа, начала, или принципа, всех объединенных нервов, куда бы ни поместить его, он наверное обладает своей собственной функцией.

Какова же она?

Мысль

Мысль — произвольна и непроизвольна; я хочу думать об известной вещи и думаю о ней. Я продолжаю думать о ней, не желая того, и я продолжал бы думать о ней в состоянии рассеянности и усталости.

Страсти

Воля, свобода

Воля не менее механична, чем разум. Беспричинный акт воли — химера.

Было сказано, что в природе ничто не происходит скачками. Животное, человек, любое существо подчинены этому всеобщему закону³².

Говорят, что желание рождается из воли, но верно обратное: воля рождается из желания. Желание есть дитя организации. Счастье и несчастье — дети благополучия и неблагополучия.

Люди желают быть счастливыми.

Существует только одна страсть — страсть быть счастливым. В зависимости от объектов она получает различные названия; в зависимости от своей силы, от употребляемых для достижения ее средств и от ее результатов она оказывается либо пороком, либо добродетелью.

О смене различных страстей в одной и той же страсти

Рассерженный любовник больше не любит; ревнивый любовник больше не любит; усталый любовник больше не любит; страдающий любовник больше не любит; однако он всегда продолжает любить. Одна и та же страсть, один и тот же объект, но различные движения.

Если одна из этих сменяющих друг друга страстей будет продолжаться долгое время, то любовь гаснет.

Легче объяснить любовь, чем голод, ибо плод не испытывает желания быть съеденным.

Все страсти начинаются различным образом, но нет ни одной страсти, которая не могла бы закончиться безумием или расстройством органа, приводящего в движение все другие органы; в глазах темнеет, в ушах раздается звон и т. д. Страсть меняется, безумие остается

тем же самым. Любовное безумие — то же самое, что безумие от гнева. Никто еще не отметил этого тождества безумия; между тем оно отлично показывает, что существует множество предметов страстей, но мало страстей или мало органов страстей.

Ничто не доказывает лучше солидарности органов, чем явления, наблюдаемые в случае таких страстей, как любовь или гнев, или восхищение.

Я не сомневаюсь в том, что каждая страсть — как и каждый орган или болезнь — обладает своего рода собственным пульсом.

В припадке бурной страсти части организма сближаются между собой, сокращаются, становятся плотными, как камень. Если это состояние длится более или менее продолжительное время, то оно сопровождается большой усталостью.

Я думаю, что любовные иллюзии объясняются произвольным характером форм, составляющих красоту. Чем определеннее идея о красоте, тем слабее эти иллюзии. Художники менее подчинены им, чем мы.

Ложная и капризная ассоциация идеи удовольствия с идеей красоты. Я так счастлив в объятиях этой женщины! Значит, она красива, значит, чтобы сделать меня столь же счастливым, нужно иметь глаза, как у нее, рот, как у нее: софизм удовольствия.

Мы рассуждаем об ее недостатках, как о недостатках какого-нибудь великого человека: если бы он не был завистливым, сумасбродным, тщеславным и капризным, то он не был бы именно этим гениальным человеком.

Устанавливается необходимая связь между причиной и действием, и, раз признана эта необходимая связь, то недостатки, существенно нужные для произведения надлежащего эффекта, перестают быть недостатками.

Навоз перестает быть противным, когда его рассматривают как основу плодородия земли.

Припадки бурных страстей могут отравлять жидкости организма. Свидетелем этого является тот человек, о котором идет речь в *Mélanges des curieux de la*

Nature, 1706: в припадке гнева он укусил сам себя и взбесился³³.

Существуют удовольствия и страдания, связанные с воспоминаниями, страсти, связанные с воспоминаниями.

Страсти, связанные с воспоминаниями, вызывали иногда действия через большие промежутки времени, внушали проекты, побуждали к поступкам, которых они не вызывали в момент своего возбуждения. Это может заставить думать, что воспоминание о какой-нибудь обиде более остро, чем сама обида, и что злопамятство опаснее, чем гнев.

Вследствие воспоминания обида становится более острой, чем она была в момент получения ее: человек уговаривает себя, что он недостаточно рассердился в свое время, и начинает чрезмерно сердиться.

Почему мы более восприимчивы к страданиям, чем к удовольствиям, почему мы более чувствительны к страданиям? Это объясняется тем, что страдание приводит в движение первые волокна бурно и разрушительно, при удовольствии же колебание их никогда не доходит до повреждения. Если же это происходит, то удовольствие превращается в страдание.

О представлениях страстей и физических страданий

Какое представление можно иметь о никогда не испытанной боли?

Какое представление остается от боли, когда эта боль прошла?

Какое представление имеет спокойный человек о гневе, старик — о любви?

Что означают такие слова, как подагра, нефрит, боль, лихорадка, любовь?

Они сопровождаются иногда движением солидарности органов. Как возникает это движение? Благодаря воображению, которое представляет нам предмет так, точно он налицо перед нами.

Когда человек, болеющий грудью, начинает говорить, то я сам начинаю болеть грудью: этот орган приходит у меня в расстройство, как у него.

Органам присуще, я не знаю какое, обезьянничание, либо это обезьянничание подсказывается им воображением. Это может пролить некоторый свет на пародные волнения и другие эпидемические болезни.

Существуют лица, у которых символы вызывают ощущения с такой же силой, как и реальные вещи. Был один человек, которого можно было одним лишь символом щекотки заставить прыгнуть в окно и, может быть, убится. Я не знаю, вызывал ли в нем этот символ само ощущение щекотания, или же он являлся лишь угрозой вещи, которой тот чрезмерно боялся.

Соответствие между представлениями и движением органов

Ярость воспаляет глаза, сжимает кулаки и зубы и делает веки выпуклыми.

Гордость приподнимает голову, серьезность придает ей твердость.

Это соответствие можно наблюдать как у человека, так и у животных. Это — основной факт для человека, желающего изучать природу и подражать ей.

В каждой страсти свое особенное действие. Это действие совершается благодаря движениям тела.

Между частями тела существуют органические связи.

Из связи между страстями и органами возникают возгласы или крики. Испытывает ли боль в желудке китайский ребенок или европейский, — это все же один и тот же инструмент, одна и та же струна, один и тот же музыкант, — почему же должны отличаться возгласы или крики? Междометия во всех языках одни и те же.

Так определенный звук необходимо связывается с определенным ощущением.

Этим соответствием следует объяснить нежный взор страстного любовника и эрекцию, может быть, прирост силы во время страсти, страха, лихорадки и т. д.

Зачем же прибегать к помощи маленького непонятного музыканта³⁴, который даже не атом, у которого нет органов, который не занимает определенного места, который существенно отличен от инструмента, у которого нет никакого осязания и который все же играет на струнах?

Хорошая музыка очень близка к первобытному языку.

Ощущения

Ощущение и следующее за ним желание телесны; это — две функции мозга. Желание предшествует действию мускульных волокон.

Ощущение — это известная форма бытия души, сознающей эту форму, которая создалась в ней в силу ее собственных операций или в силу некоторого изменения, совершающегося в нервной системе.

Почему так различны ощущения в ноздрах, представляющих лишь загнутую наружную кожу носа, в заднем проходе, во влагалище?

Без длительности ощущения звуков, сменяющих иногда друг друга так быстро, не было бы вовсе мелодии.

Если бы внешние, т. е. получаемые мною извне ощущения, и внутренние, т. е. исходящие из меня ощущения были одинаково тесно связаны со мной, то все было бы мною и я был бы всем. Я убивал бы с такой же легкостью, с какой извлекаю у себя из ноги колючку или срезаю докучающую мне мозоль, но, к счастью, боль другого человека есть лишь иллюзия, и существует огромное различие между страданием, которое я вижу, и страданием, которое я испытываю.

Всякий раз, когда ощущение интенсивно, либо впечатление от какого-нибудь предмета очень сильно и мы целиком поглощены этим предметом, мы чувствуем, но не мыслим.

Так бывает, когда мы переживаем восхищение, нежность, гнев, ужас, страдание, удовольствие. Мы не рассуждаем и не размышляем, когда целиком поглощены каким-нибудь ощущением.

Животные, у которых преобладает какое-нибудь чувство, ощущают сильно, но рассуждают мало.

Великие страсти молчаливы: они не находят слов для своего выражения.

Способны ли мы размышлять, когда извергаем семя? Способны ли мы размышлять, когда испытываем ощущение щекотки?

Способны ли мы размышлять, когда на нас сильно действуют поэзия, музыка и живопись?

Способны ли мы размышлять, когда мы видим свое дитя в опасности?

Способны ли мы размышлять среди сражения?

Сколько есть случаев, когда на вопрос, почему вы не сделали того-то, почему вы не сказали того-то, вы способны ответить лишь: потому, что я совершенно не думал об этом.

Бурные впечатления приводят в сотрясение начало нервного пучка, но каждый нерв колеблется отдельно.

Действие ощущения на предметы и обратное действие предметов на ощущения: когда я счастлив, то все окружающее меня становится краше. Когда я страдаю, то все окружающее меня становится мрачным. Но это явление происходит лишь в случаях умеренных удовольствий и страданий.

Впечатление возникает или внутри, или снаружи. В зависимости от органа, испытывающего раздражение, впечатление оказывается либо вкусовым, либо обонятельным, либо зрительным, либо звуковым, либо осязательным; ощущение бывает более или менее сильным, более или менее длительным.

Благодаря этому получается разнообразие удовольствий и страданий.

Благодаря этому то, что есть страдание в известный момент, становится удовольствием в другой момент.

Благодаря этому то, что есть удовольствие для меня, оказывается страданием для вас.

Благодаря этому получают различные суждения о каком-нибудь зрелище, рассказе, поэме, речи, истории, романе, картине, поступке.

Существуют люди, которые способны видеть лишь формы предметов, не различая их цветов.

Среди зрительных ощущений наименее изменчивы белый и черный цвета.

Связь между ощущением и речью: близорукние говорят медленно.

Не существует ощущений, не обладающих длительностью. Не существует простых ощущений. Всякое ощущение представляет собою разнообразную картину. Всякое ощущение дает начало множеству слов.

Странное явление

Еще поныне здравствующая герцогиня Портлендская под влиянием всякого сильного и болезненного ощущения перестает видеть половину предметов на довольно долгое время.

Бесчувственное состояние вообще происходит от изумления. Может быть, это бесчувственное состояние является просто результатом внезапного и равномерного напряжения всей нервной системы.

Мало-по-малу это напряжение ослабляется, и по окончании этого ослабления все члены начинают дрожать.

Иногда крайнее изумление начинается и обнаруживается этим дрожанием. Это может происходить либо от того, что указываемое напряжение нервной системы недостаточно сильно и оставляет волокнам возможность колебательного движения, либо от того, что оно перешло за границы бесчувственного состояния и что система в целом находится у пункта разрыва.

Краснота от гнева и бледность от гнева. Если спазм начинается у окончностей сосудов и распростра-

няется в направлении к сердцу и легким, то гнев вызывает бледность. Если, наоборот, сжатие начинается в начале крупных сосудов, то гнев вызывает красноту.

Воспроизведенные ощущения подобны непосредственно производимым ощущениям: как и последние, они обладают длительностью и точно так же сложны.

Мы высказываем суждение: таков факт. Но как происходит суждение? Вот явление, требующее объяснения.

И, может быть, это явление кажется на первый взгляд невеждам гораздо более легким, а образованным людям гораздо более трудным, чем оно есть на деле.

Так как всякое ощущение сложно, то в силу одного этого оно предполагает суждение или утверждение нескольких испытываемых одновременно качеств.

Так как ощущения обладают длительностью, то имеет место факт совместного существования их. Животное чувствует это совместное существование. Но чувствовать две совместно существующие вещи — это значит судить. Так образуется суждение; голос формулирует его; человек говорит: «белая стена», и таким вот образом суждение производится.

Весьма ясная сама по себе вещь затемняется почти врожденной склонностью предполагать наличие какого-то бесполезного существа, судьи совместно сосуществующих ощущений, между тем как достаточно признания одного лишь чувствующего существа, которое испытывает их и формулирует.

Но вещь эту еще легче понять, если предметы имеются передо мной налицо.

Вот стена, и я говорю: стена. В то время, как я произношу это слово, я замечаю, что она белая, и прибавляю слово: белая.

Но то, что делается в присутствии предметов, происходит аналогичным образом и в отсутствии их благодаря деятельности воображения, заменяющего их.

Сила ощущений определяется природой сотрясения нервных волокон, из которых сотканы органы.

Ощущения обладают длительностью, это доказывается тем, что глаза, пораженные молнией, испытывают ослепление, а также случайными шумами в ушах и длительностью удовольствия и страдания.

Прерванные и возобновленные интеллектуальные действия

Я не знаю, рассказал ли я о человеке, получившем в висок удар рычагом прессы для выжимания вина. В течение шести недель он лежал без сознания; по истечении этого времени он очнулся от этого состояния, как от сна. Ему казалось, что он очнулся в момент случившегося с ним несчастья, и он продолжал отдавать распоряжения насчет изготовления вина.

О симпатических движениях и ощущениях

В Гаарлеме существует какой-то приют или богадельня. Здесь девушки заняты разными свойственными их полу работами. Одна из этих девушек страдала кратковременными приступами эпилепсии, наступавшими ежедневно в один и тот же час. Вскоре болезнь эта захватила одну, двух, трех из ее подруг. Число этих эпилептичек увеличивалось с каждым днем, и симптомы болезни становились все серьезнее. Врач заведения потерял совершенно голову. Тогда обратились за помощью к Бургаву. Лейденский Гиппократ, которому рассказали о начале болезни и ходе ее, отправился на следующий день в приют за час или два до приступа эпилепсии, принявшей почти повальный характер. Он приказал зажечь жаровню и докрасна раскалить на ней остроконечный кусок железа. Он вынул этот кусок железа из огня, показал его в раскаленном виде молодым девушкам и заявил, что единственное известное ему средство против их болезни заключается в том, чтобы проткнуть этим железом руку всем тем, у кого начнется припадок. Наступает час эпилепсии, все девушки продолжают ра-

ботать, ни у одной из них припадок не начинается, даже у той, которая была первой жертвой болезни.

Страх или крайне интенсивное волнение, дошедшее до начала нервного пучка, приостановило действие всех других нервных отростков.

Страх по неизвестной причине произвел бы то же самое действие.

Это — история с паралитиком, которого страх перед пламенем поднял на ноги и заставил бежать.

Влияние тела на душу

Небольшой избыток желчи в печени изменяет окраску всех мыслей; они становятся черными, меланхолическими, повсюду чувствуешь себя нехорошо. Одна женщина распорядилась, чтобы приготовили ее чемоданы к отъезду; вот чемоданы приготовлены и привязаны сзади экипажа; она простилась со своими подругами, лошади уже запряжены; один из ее сыновей подает ей на прощание руку; вдруг она чувствует маленькую нужду, заходит к себе в уборную и выпускает желчный камешек: тут сразу наступает исцеление, и она уже никуда не уезжает.

От таких-то причин зависят наши разум, вкусы, антипатии, желания, характер, поступки, мораль, пороки, добродетели, счастье и несчастье, наконец, счастье и несчастье всех окружающих нас.

Существует также тесная солидарность между глазами и мозгом.

Наступление ночи или лишение света влекут за собой сон или бесчувственное состояние начала нервных волокон.

Мы призываем сон, закрывая глаза.

Глаза являются источником самой сильной рассеянности.

Читая ночью, вы можете заметить, как надвигается сон по мере того, как начинает слабеть свет вашей лампы. Ночь есть время сна для человека и для животных. Она наступает как в сознании, так и в природе.

Солнце исчезает, — и все засыпает, солнце вновь появляется, — и все пробуждается.

Почти все то, что мы говорим о глазе, можно сказать фигурально и о нашем сознании.

У мужчины существует тесная связь между головкой члена и семенными пузырьками, у женщины — между маткой и грудью. Сосочки груди испытывают эрекцию.

Известное действие, произведенное непроизвольно в природе или внутри нас, влечет за собой длинный ряд идей. Разум похож на безумие в том отношении, что оба эти явления происходит как в нашей голове, так и в природе, с той лишь разницей, что здравомыслящий человек не принимает того, что происходит в его голове, за точную картину мира, а безумец заблуждается в этом. Последний воображает, что то, что ему кажется, чего он желает, существует в действительности в таком же виде.

Таким образом движение ума представляет собою ряд опытов.

Благодаря симпатии мы испытываем боль там, где ее вовсе нет, потому что часто симпатизирующая часть либо более чувствительна, либо более раздражаема симпатией, чем сам орган, испытывающий боль.

Образ плачущего человека передается мозгу. Мозг испытывает соответствующее возбуждение и раздражает те же самые нервы, которые раздражены у плачущего. Это часто дело привычки. Это не наблюдается у детей, ибо они неспособны к дополнительным идеям, присоединяющимся к образам.

Сон

Люди могут спать среди своих палаток. Нет ничего более повелительного, чем сон.

Мы всегда просыпаемся раньше, чем нужно, когда задумали какое-нибудь дело.

Сон — это состояние животного, когда оно не чувствует, не движется, не мыслит, но в то же время живет; если оно при этом все же чувствует, мыслит, действует,

то не в силу, наличия предметов, но в силу самопроизвольного движения внутренних органов, распоряжающихся им вопреки его воле. В состоянии бодрствования его приводит в движение либо наличие предметов, либо он действует произвольно, либо же бодрствует так, как другие спят.

Случается, что бодрствующий человек грезит, точно он спит. Таково его состояние, когда он отдается во власть внутренних органов.

Знать, что находишься там-то, и грезить, что находишься там-то,— две различные вещи.

Грезящий человек ничего не знает; он воображает себя там-то, и он действительно находится там, но он мог бы находиться совсем в другом месте и все же воображает себя там.

Бодрствующий человек знает, где он находится. Если он заблудился в лесу, то он знает, что он в лесу и что он заблудился, и это всегда верно.

Сон происходит либо от усталости, либо от болезни, либо от привычки.

Зевота облегчает легкие.

Надо включить в сон частную волю отдельных органов,— например, желудка,— волю, которой подчинились в силу привычки другие органы.

Продолжительный, глубокий сон бывает в детстве и молодости, короткий и прерывный в старости. День становится длиннее по мере того, как жизнь становится короче.

Сон — это усталость или бесчувственное состояние, которое либо охватывает иногда всю массу нервной сети, либо переходит от начала нервов к волокнам или от волокон к началу нервов. Сон совершенен, когда бесчувственное состояние носит общий характер. Он прерывен, тревожен, беспокоен, когда бесчувственное состояние продолжается в известных частях организма и прекращается в некоторых других частях его. Бессонница имеет своим источником какой-то недостаток в начале нервного пучка.

Сновидение поднимается либо опускается: оно или поднимается от нервных волокон к началу нервов, или опускается от начала нервов к нервным волокнам. Если орган деторождения волнуется, то в мозгу пробуждается образ какой-нибудь женщины; если в мозгу пробуждается этот образ, то детородный орган начинает волноваться.

Переход от состояния бодрствования ко сну представляет всегда своего рода небольшое безумие.

Органы, испытывающие различную степень усталости, подобны разлучающимся между собой путешественникам: один продолжает еще идти, в то время как другой, разбитый, садится.

Этим объясняется смена образов, звуков, вкусов, ощущений, не связанная в начале нервного пучка или *sensorium commune*.

Животные или интеллектуальные функции прекращаются во время сна, жизненные функции — нет.

Когда мы выходим из состояния глубокого сна или глубокого размышления, мы не знаем, где мы находимся. Только воспоминание о прошлых событиях возвращает нас к самим себе.

Самосознание и сознание своего существования — различные вещи.

Ощущения, не связанные друг с другом памятью, вызвали бы в человеке прерывное сознание его существования и вовсе бы не породили самосознания.

Существует родство между сновидением, бредом и безумием. Человек, который оставался бы долгое время в одном из первых двух состояний, стал бы безумным.

Разумный, толковый бред и логическое, связанное сновидение — это одно и то же. Все различие между ними заключается в причине и в длительности.

Внутреннее несвязное сновидение происходит от беспорядочного движения нервных отростков. Один из них заставляет нас слышать какую-то речь, другой вызывает какое-то желание, третий пробуждает какой-то образ. Это — словно беседа нескольких лиц, говорящих зараз о различных предметах, или, еще лучше, это похоже

на ту игру, в которой один человек ищет начало фразы, а другой продолжает ее и т. д.

Сновидения молодых, еще невинных особ имеют своим источником окончности нервных отростков, приносящих к началу нервов неясные желания, смутное беспокойство, меланхолию, причину которой они не знают; они не знают, чего они хотят; благодаря отсутствию опыта они принимают это состояние за вдохновение, за любовь к одиночеству, уединению и монастырской жизни.

Каким образом происходит естественное пробуждение? Его источником являются отдохнувшие волокна, которые начинают шевелиться сами по себе в силу потребностей, чувствительности, хорошего состояния, дурного состояния и т. д. Они живут.

Воображение

Если связь между ощущениями и органами жива и быстра, то мы имеем точное, верное воображение.

Если связь нарушается, то перед нами нервная память и воображение.

Так как в разуме все связано, то, если ощущения и движения органов направляются вне предмета, получается смешение памяти и воображения.

Экстаз

Человек, останавливающийся во время речи под влиянием какого-нибудь ощущения и сцепления посторонних органических движений, не знает больше, где он находится; слушатели должны ему напомнить это.

Если этот порядок ощущений и органических движений нарушается каждую минуту, то мы имеем перед собою рассеянность, первую ступень безумия.

Рассуждение: сладкое на вкус, приятное на запах, хорошее для еды; это связывается в памяти.

Были люди, которые воображали, что они животные, волки, змеи. (Объяснить это явление.)

Нет воображения без памяти, нет памяти без воображения.

Есть разница между человеком, пишущим, говорящим или мыслящим под влиянием воображения, и человеком, который действует, пишет или говорит под влиянием памяти.

Память — иногда иллюзия воображения.

Когда человек с памятью пишет или говорит, следуя человеку с воображением, то он просто хороший или дурной подражатель.

Воображение распоряжается чувствами, глазами, показывая предметы там, где они не находятся; вкусом, осязанием, слухом.

При несколько более значительном усилии воображения мы видим наяву несуществующие вещи. Так, один ребенок заставил целый класс увидеть на крыше змею.

В сновидении чувства распоряжаются воображением благодаря существующей между органами связи и связи между предметами.

Природа создала лишь довольно незначительное количество существ, придав им только бесконечное разнообразие; может быть, она создала даже только одно существо, из которого путем сочетания, смешения, разложения образовались все прочие существа.

Образы — ложные представления, ибо можно отнять часть мозга, оставив нетронутыми воображение и память.

Если обратить на это должное внимание, то мы найдем, что эти картины кажутся нам вне нас на более или менее значительном расстоянии. Мы найдем, что мы видим эти воображаемые картины точно так же, как мы видим глазами реальные картины: более ярко части и менее ярко целое.

Мы найдем, что образы сновидения очень часто более интенсивны и ярки, чем реальные образы.

Мы найдем, что образы, пробужденные в мозгу раздражением органов, тоже более ярки, чем образы, пробужденные раздражением самого мозга. Мозг, когда он пассивен, может быть больше, чем когда он активен.

Можно последовать дальше за моей гипотезой: поднимающееся вверх сновидение более ярко, чем спускающееся вниз.

У меня есть и другая идея о воображении, а именно, что это — способность рисовать себе отсутствующие предметы, точно они присутствуют.

Это — способность заимствовать у чувственных предметов образы, служащие для сравнения.

Это — способность связывать с каким-нибудь абстрактным словом известный предмет.

Возможно, что воображение доставляет нам большее счастье, чем реальное наслаждение.

Лишенный воображения любовник желает свою любовницу, но он не видит ее. Обладающий воображением любовник видит ее, слышит ее, говорит с ней, она отвечает ему, вызывая в нем всю ту сцену сладострастия, которую он ждет от ее нежности и снисходительности. Воображение вкладывает в эту сцену все то, что может быть в ней, но что бывает в действительности лишь редко.

Воображение есть источник счастья, которое на самом деле не существует, и отрава счастья, которое реально наступает. Это — способность, преувеличивающая все и обманывающая нас. Этим объясняется то, почему неожиданные удовольствия возбуждают больше, чем удовольствия, к которым мы приготовлены: воображение не имело времени испортить их обманчивыми посулами.

Как воображение может расстроить правильную работу разума? Дело в том, что оно вызывает в человека голоса, звуки, всякие неожиданности, образы, которые и вводят наш разум в заблуждение.

Человек с воображением прогуливается мысленно так, как какой-нибудь любопытный прогуливается во дворце; на каждом шагу его внимание привлекают интересные вещи: он идет в одну сторону, затем возвращается, он не может выбраться из дворца.

Воображение как бы повторяет детство, когда все привлекает нас беспорядочно.

Сила образа или представления

Какой-то бедняга — виновный или невинный — был заключен в тюрьму по обвинению в совершении преступления. Стали разбирать его дело. Судьи начали приходить к мысли о необходимости доследования его, и так как голоса разделились, то они склонялись *in mitiorem partem*. Но вот подошел один советник, который совершенно не знал этого дела и которому вкратце изложили его. Он высказывается за применение пытки. И вот начинают пытать, терзать, мучить этого несчастного, от которого, однако, нельзя добиться ни жалобы, ни вздоха, ни слова. Палач заявляет судьям, что этот человек должно быть колдун. Между тем он не был ни колдуном, ни более бесчувственным, чем другие люди. Чем же объяснялась эта беспримерная твердость характера и выдержка? Угадайте, если вы можете. Это был крестьянин. Готовясь к пытке, он нарисовал на одном из своих деревянных башмаков виселицу, и в то время, как его пытали, он не отрывал своих глаз от этой виселицы.

Но какая разница, начертан ли образ на деревянном башмаке или в мозгу?

Только на основании некоторых исторических примеров мы знаем, до чего можно довести людей силой образов идей чести, стыда, фанатизма, предрассудков.

Наш разум распоряжается нашими чувствами. Если мне кажется, что я слышу какой-нибудь звук, то я слышу его, что я вижу какой-нибудь предмет, то я вижу его. Испытывают ли глаз и ухо в этих случаях такое же раздражение, как если бы я действительно видел и слышал? Я думаю. Или же органы эти находятся в покое и весь процесс происходит в сознании? Трудно ответить на этот вопрос.

Любовник, думающий о своей возлюбленной. Вытекающие отсюда явления.

Мстительный человек, думающий о своем враге. Вытекающие отсюда явления.

Эти явления ясно доказывают воздействие разума на органы, движение органов, их действие на разум.

Это действие и это противодействие свидетельствуют о соответствии между бодрствованием и сном.

Память

Я склонен думать, что все, что мы когда-нибудь видели, узнали, заметили, слышали, вплоть до деревьев обширного леса — что я говорю? — вплоть до расположения ветвей, до формы листьев и разнообразия красок и освещения, до вида песчинок на морском берегу, до неровностей волн, то колеблемых легким ветерком, то пенящихся и поднимаемых бурным ветром, до массы человеческих голосов, животных криков и физических шумов, до мелодии и гармонии всех мотивов, всех музыкальных вещей, всех услышанных нами когда-нибудь концертов, — я склонен думать, что все это существует в нас без нашего ведома.

Просыпаясь, я вижу в настоящее время вторично все леса Вестфалии, Пруссии, Саксонии и Польши.

Я их вижу в сновидении столь же ярко окрашенными, как если бы они были на какой-нибудь картине Верне. Во сне я оказываюсь на концертах, исполняемых точно так, как я их слышал в действительности.

Через тридцать лет я вижу перед собою исполнявшиеся когда-то трагедии и комедии. Это — те же самые актеры, тот же самый партер, в ложах те же самые мужчины, те же самые женщины, одетые в те же самые одежды, тот же самый шум от аплодисментов или свистков.

Какая-нибудь картина Ван-дер-Мойлена³⁵ не показала бы мне парада на равнине Саблон в прекраснейший летний день с такой массой разнообразных инцидентов в огромной собравшейся толпе, как это сделало сновидение по истечении очень-очень многих лет.

Я увидел снова все картины одной выставки, происходившей двадцать лет назад, точно так, как я ви-

дел их тогда, гуляя по галлерее. Но я прибавлю к моему личному опыту, который может встретить возражения, один общеизвестный факт.

Один рабочий, любивший в праздничные дни посещать театр, заболел лихорадкой от какого-то ядовитого лекарства, неблагоприятно прописанного ему. И вот этот человек стал произносить вслух целые сцены из пьес, о которых он ровно ничего не помнил в здоровом состоянии. Мало того, у него после этого осталась несчастная склонность к стихоплетству. Он ровно ничего не помнит из стихов, которые он произносил во время болезни, но у него появилось бешеное желание сочинять стихи.

Является ли память источником воображения, ума, пронизательности, гения? Объясняется ли все разнообразие умов разнообразием памяти?

Можно сколько угодно видеть, слышать, вкушать, осязать, обонять,—но если мы ничего не запомнили, то все это ни к чему.

Рассматривайте мягкое вещество большого мозга, как массу чувствительного и живого воска, способного принимать всякого рода формы, не теряющего ни одной из полученных форм и беспрестанно получающего новые формы, которые он сохраняет.

Отлично; такова книга, но где же читатель? Читатель? Это — сама книга, ибо эта книга чувствует, живет и говорит, т. е. сообщает либо звуками, либо знаками порядок своих ощущений.

Но как она читает самое себя? — Чувствуя то, что она есть, и обнаруживая это звуками.

Либо вещь оказывается написанной, либо она не оказывается написанной.

Если она не оказывается вовсе написанной, то ее не знают. В тот момент, когда она записывается, ее узнают.

В зависимости от того, как она записана, ее знают недавно или же давно.

Если запись бледнеет, то ее забывают.

Если запись стирается совсем, то она забыта.

Если запись воскресает, то ее вспоминают.

У каждого чувства свои особенные знаки и свой особенный резец.

Память есть источник пороков и добродетелей. Она сопровождается страданиями и удовольствиями.

Память констатирует я. Она ставит это я посреди вещи.

Один человек впал в глубокую меланхолию, доведшую его до иднотизма. Этот иднотизм длился сорок лет; за несколько дней до своей смерти он пришел в нормальное состояние. Он осуществил сон Эпименида³⁶.

Что делала его душа во время этого огромного промежутка времени? Спала ли она?

Где находится душа утопленника, которого возвращают к жизни из состояния смерти или из состояния, настолько похожего на смерть, что если бы ему не помогли, то он продолжал бы пребывать в этом состоянии, не испытывая никаких изменений, кроме погружения в более глубокое оцепенение?

Была ли в это время душа отделена от тела? Вернулась ли она в него?

Если душа не была отделена от тела, то когда она отделится от него? И что такое смерть?

Вот животное, не обнаруживающее ни движения, ни чувствительности, ни жизни; в нем с трудом можно заметить немного теплоты; если предоставить его самому себе, то оно умирает, не обнаруживая ни малейшего признака жизни. Чем же оно было? Оно было мертво, но способно к жизни.

Ребенок, воспитывавшийся до пяти лет в России, забывает русский язык, говорит на нем в бреду, но детским голосом. Он выздоравливает и снова забывает русский язык.

Впечатления, полученные при помощи органа зрения, сохраняются в нас, причем мы совершенно не знаем этого. Впоследствии вспоминаем их в сновидении или в лихорадке.

Тридцать шесть тысяч имен были повторены молодым корреспондентом в том порядке, в котором он их услышал один раз. Мюре³⁷ был свидетелем этого факта.

Пико де ла Мирандола³⁸ прочитывал после трех чтений две страницы слов в обратном порядке.

Вот первый факт, объясняющий нам, каким образом Кардан³⁹ мог изучить греческий язык за одну ночь и встать утром, зная его.

Паскаль⁴⁰, начиная с сознательного возраста, не забывал ничего из того, что он сделал, прочел или о чем думал.

Память влияет на волю меньше, чем воображение.

Память многословна, методична и однообразна.

Воображение столь же богато, но неправильно и разнообразно.

Память проявляется сразу и спокойно.

Воображение иногда сдерживается, но проявляется внезапно.

Память — точный копировальщик.

Воображение — колорист.

Мы говорим так, как мы чувствуем.

Говорят, будто воображение лжет, потому что людей с воображением больше, чем людей с памятью; но пусть люди с памятью станут редким, а люди с воображением более частым явлением, и тогда начнут лгать первые.

Власть памяти над разумом

Я слышу звук голоса, замечаю присутствие какого-нибудь предмета, вижу известное место... и вот я вспоминаю некоторый предмет, мало того, длинный период своей жизни...

И вот я погружен в удовольствия, в сожаления или в печаль.

Эта власть памяти проявляется как в самозабвении, так и в состоянии рассеянности.

Орган памяти кажется мне всегда пассивным; он не вспоминает никогда ничего сам собою; необходима

какая-нибудь причина, которая привела бы его в действие.

Я слышал от некоторых людей, будто они никогда не забывали ничего из того, что они однажды узнали.

Если бы не было памяти, то чувствующее существо при каждом ощущении переходило бы от сна к яви и от яви ко сну; у него едва хватало бы времени сознаться себе в том, что оно существует. При каждом ощущении оно испытывало бы только мгновенное удивление; оно выходило бы из небытия и возвращалось бы вновь к нему же обратно.

Привычные движения связываются между собою благодаря повторным актам или повторным ощущениям в чувствующих и живых органах.

Таким образом, если в некотором органе происходит определенное движение, то за этим следует определенное ощущение и определенный ряд других движений в данном органе или в других органах.

Привычка связывает даже ощущения различных органов.

Таким образом обширная память — это связь всего того, чем человек был в известный момент, со всем тем, чем он был в следующий момент; состояния эти, связанные актом памяти, будут напоминать человеку все то, что он испытывал за свою жизнь.

И вот я утверждаю, что всякий человек обладает этой памятью.

Затем нетрудно будет извлечь отсюда выводы.

Существует закон непрерывности состояния, подобно закону непрерывности вещества. Этот закон свойствен чувствующему, живому, организованному существу.

Этот закон непрерывности состояния укрепляется благодаря повторным актам, ослабляется при отсутствии упражнения и никогда не нарушается у здорового человека; у него только имеются скачки, да и эти скачки связываются между собой при помощи некоторых качеств, при помощи места, пространства, времени. Обдумать, как явление, которое остается, указывает на отсутствие дру-

гих явлений, как исчезает целостное состояние и как различные состояния перемешиваются между собой и т. д.

Обширная или целостная память — это состояние полного единства; частичная память — состояние неполного единства.

Дети учатся быстро, но не запоминают. Хронические болезни отнимают память. Старики вспоминают прошлое, но забывают настоящее. Мы легче запоминаем слова, чем вещи.

Удачно сравнение сновидения с деревом, волнуемым ветром. Когда восстанавливается спокойствие, то дерево остается тем, чем оно было.

Таким образом в природе существует естественная связь предметов; они соединены между собою, и их нельзя отделить друг от друга так, чтобы это не оказало соответствующего влияния на наши суждения; их нельзя соединить между собою, не производя соответствующего эффекта.

Если вследствие отсутствия опыта эти явления не связываются между собою,

если вследствие отсутствия памяти они не могут связаться между собой,

если вследствие потери памяти они отрываются друг от друга,— то человек кажется сумасшедшим.

Если страсть сосредоточивается на одном каком-нибудь явлении,— то же самое.

Если страсть разъединяет их,— то же самое.

Если она соединяет их,— то же самое.

Ребенок благодаря отсутствию опыта кажется сумасшедшим; старик благодаря отсутствию памяти кажется идиотом; неустойчивый старик кажется сумасшедшим.

Памяти быстрые и медленные, счастливые, или точные, и неточные; памяти, обнаруживающие связь представлений и не обнаруживающие этой связи.

Привычка связывает длинный ряд ощущений и слов и последовательных, образующих цепь, движений органов.

Доказательство этого: люди, занятия которых преры-

вают очень часто и которые переходят быстро от одной вещи к другой, теряют привычку.

Специфическое средство потерять память: читать словарь, менять часто предметы своего внимания.

Если обратить хорошенько внимание на представление виденного когда-то пейзажа, то оно оказывается мгновенным явлением, столь же поразительным, как последовательное припоминание слов, составляющих длинное произведение, которое прочли лишь один раз.

Разумение

Мы испытываем известное ощущение, мы имеем известное представление; мы произносим звук, либо представляющий это ощущение, либо напоминающий об этом представлении.

Если налицо вновь ощущение или представление, то память вспоминает, а орган голоса издает тот же самый звук.

Вместе с опытом умножаются ощущения, представления и звуки.

Но каким образом получается связь между ощущениями, представлениями и звуками, так что они образуют не хаос изолированных и рассеянных ощущений, представлений и звуков, а разумный, осмысленный и последовательный ряд?

Вот объяснение этого. В природе существуют связи между предметами и между частями предмета. Эта связь необходима. Она влечет за собою связь или необходимую последовательность звуков, соответствующих необходимой последовательности замеченных, увиденных, почувствованных, осязаемых и т. д. вещей.

Пример. Мы видим дерево, и вот мы придумываем слово «дерево».

Мы не видим дерева, не видя в то же время непосредственно и постоянно совокупности ветвей, листьев, цветов, не видя коры, сучьев, ствола, корней; и вот, лишь только изобретено слово «дерево», как изобретаются

и связываются между собою в определенном порядке другие знаки, и получается ряд связанных между собою и упорядоченных ощущений, представлений и слов.

Мы видим и обоняем гвоздику, получая от нее сильный или слабый, приятный или неприятный запах; и вот перед нами другой ряд ощущений, представлений и слов.

Благодаря этому возникает способность судить, рассуждать, говорить, хотя мы не можем заниматься двумя делами одновременно.

Тип наших рассуждений, хотя бы самых пространных, их связь, их последовательность даны необходимым образом в нашем разумении, подобно тому как дана в природе взаимная связь действий, причин, предметов, качеств предметов.

Повседневный опыт явлений формирует ряд представлений, ощущений, рассуждений, звуков. К этому примешивается функция, свойственная способности воображения.

Вы воображаете себе дерево, образ его существует в вашем сознании. Если ваше внимание направляется на весь образ, то ваше восприятие неясно, смутно, но его достаточно для вашего удачного или неудачного рассуждения о целом дереве.

Ошибки относительно целых предметов совершаются легко. Существует только один способ познать истину— это переходить от части к части и умозаключать лишь после точного перечисления, да и этот способ не непогрешим. Истина может быть настолько связана с целостным образом, что невозможно высказываться ни положительно, ни отрицательно на основании даже тщательнейшего анализа частей.

Человек с микроскопическими глазами обладал бы также микроскопическим воображением. Имея очень точные представления о каждой части, он мог бы иметь весьма недостаточное представление о целом.

Этим объясняется непроходимая грань и различие между типами глаз, воображения и ума. Один никогда не

смогут ясно представить себе образ целого; у других будут всегда лишь весьма ненадежные сведения о мелких частях.

Вернемся к примеру с деревом. В тот момент, когда мы переходим от общего созерцания целого к рассмотрению частей, когда воображение сосредоточивается на листе, мы перестаем видеть дерево, и мы видим лист в целом менее отчетливо, чем его корешок, его жилки, его зазубрины.

Чем меньше часть, тем, до известного предела, отчетливее восприятие. Я говорю: до известного предела, ибо если внимание сосредоточивается на слишком небольшой части, то воображение устает точно так же, как глаз.

Воображение представляет внутренний глаз.

Мера воображения соотносительна с мерой зрения.

Существует технический способ для измерения воображений, — для этого нужно взять рисунки одного и того же предмета, которые исполнены двумя различными рисовальщиками.

Каждый из них составит себе различное изображение в зависимости от его внутреннего глаза, или воображения, и от его внешнего глаза.

Рисунки относятся между собой, как оба эти органа.

Вы умеете рисовать. Вы прочли *Трактат о насекомых* Реомюра⁴¹. Я прочту вам описание крыла жука. Вы знаете животное в целом; я попрошу вас только об одном, именно, чтобы вы передали мне на своем рисунке отчетливо и ясно детали частей, по мере того как я вам буду читать описание их.

Рассуждение

Рассуждения вовсе нельзя объяснить при помощи какой-то души или какого-то духа. Этот дух не может быть одновременно в двух предметах. Значит, ему необходима помощь памяти, но память есть безусловно телесное свойство,

Суждение

Воздержаться от суждения. Что это значит? Ожидать опыта.

Хорошее рассуждение, хорошее суждение предполагают хорошее здоровье или отсутствие недомогания и страдания, заинтересованности и страсти.

Логика

Рассуждение совершается путем последовательных отождествлений: *Discursus series identificationum*.

Организация, память, воображение являются средствами для получения самого надежного и самого обширного ряда отождествлений.

Время и настойчивость заменяют здесь быстроту. Быстрота есть характерная черта гения. Такой-то человек туп в такой-то области, но обнаруживает выдающиеся способности в другой области.

Философ — это человек, видящий вещи такими, каковы они в действительности.

Поэт — это человек, создающий предмет путем такого подбора разрозненных частей, что ощущение от этого созданного путем подражания искусственного предмета оказывается более ярким, чем оно было бы от натурального предмета.

Логика, риторика и поэзия древни, как человек.

Воля

Страдание, удовольствие, чувствительность, страсти, хорошее или дурное самочувствие, потребности, вожделения, внутренние и внешние ощущения, привычки, воображение, инстинкт, собственное действие органов — все это отдает приказание организму и отдает их ему непринужденно.

Действительно, что такое воля, если отвлечься от всех этих причин? Ничего.

Я хочу - это только выражение; проанализируйте его хорошенько, и вы всегда найдете лишь побуждение, сознание и повиновение, непроизвольное побуждение, сознание или самопроизвольное существование⁴², повиновение или почувствованное привлечение.

Различие между произвольным действием и непроизвольным действием. Действие, называемое произвольным, не более произвольно, чем непроизвольное, только причина его отодвинута на одну ступеньку дальше, ибо хотение не происходит само собою: воля есть результат некоторой причины, приводящей ее в движение и определяющей ее.

В случае произвольного действия работает большой мозг; в случае непроизвольного действия большой мозг пассивен, а действует остальная часть организма.

Далее. Я размышляю и я хожу. Несомненно, первый шаг представляет собой произвольное действие, но остальные шаги совершаются, хотя я совершенно не думаю об этом.

Я хочу прийти на помощь кому-нибудь, и я это делаю.

Здесь имеется лишь одно действие моей воли, это — стремление прийти на помощь. Что же такое движения других частей организма, — движения рук, тела, кистей рук, голоса, — являются ли они результатом солидарности между членами организма или привычки? Во всяком случае воля не играет здесь никакой роли.

Свобода

Если и существует свобода, то вследствие незнания. Когда мы стоим перед двумя возможностями и не имеем никакого мотива для предпочтения одной из них, то лишь тогда мы выбираем ту из них, которую хотим.

Человек, сведенный к одному чувству, был бы безумным.

В живой молекуле остается лишь чувствительность, слепое качество. Она самое безумное, что только есть на свете.

Умный человек представляет собой лишь сочетание безумнейших молекул.

В каждом органе интерес возникает из его положения, структуры, его функций, и, значит, он представляет собой животное, способное испытывать благополучие и неблагополучие, ищущее благополучия и старающееся избавиться от неблагополучия.

Разница между целым и органом: целое предвидит, орган не предвидит. Целое научается, орган не научается. Целое избегает зла, орган не избегает его; он чувствует его и лишь старается избавиться от него.

Привычка, инстинкт

Привычные вещи делаются иногда лучше без размышления, чем с размышлением. То же самое относится к ряду действий, необходимых для организма и для благополучия его: чем меньше думают о них, тем лучше их выполняют.

В животных действует лишь мудрая, чистая и простая природа. Если бы к этому примешивалось размышление, то оно испортило бы или усовершенствовало бы все, оно сперва испортило бы, а затем усовершенствовало бы. Под влиянием природы и потребностей паук стал очень искусным ткачом, ласточка стала очень искусным архитектором, но так как размышление не играет здесь никакой роли, так как и паук, и ласточка будут находиться всегда под руководством тех же самых двух учителей, то они никогда не станут ни более, ни менее искусными.

Привычка устанавливает порядок ощущений и порядок действий. Мы повелеваем нашим органам через посредство привычки.

Если, повторяя одни и те же акты, вы научились легко выполнять их, то вы приобретете привычку к ним. Таким образом первый акт предрасполагает ко второму, второй к третьему, потому что мы желаем делать легко то, что мы делаем; это относится одинаково к духу и

к телу. Таким образом, не будь у нас известных привычек, мы стали бы тушщами. Человек стареет, и привычки тоже. Если организм теряет способность служить привычкам, то возникает скука. Так как привычка к мысли не выносит того, что не поддерживает ее или что рассеивает ее, то она предрасполагает человека к скуке, подобно тому как утонченность чувств предрасполагает к отвращению от грубого. Нет ничего более противоречащего природе живого, одушевленного и чувствующего существа, чем покой. Заставьте органы бездействовать, и вы вызовете скуку. Бездарная, плоская книга усыпляет вас, как однообразный рокот ручья. Таково же действие молчания, мрака, сосновых и еловых лесов, обширных, бесплодных и пустынных равнин.

Актеры приобретают привычку владеть своими глазами, своими губами, своим лицом. Так как это — привычка, то актерская игра не является результатом непосредственного ощущения, — это продукт долгого изучения.

Говорят о гнезде ласточки. Это — слепое сцепление потребностей, органическое сцепление, произведенные или неприятностями, от которых освобождаются, или удовольствиями, которые испытывают.

Связь между матерью и детенышем; это — обезьяничанье.

В самке под влиянием любви и приближения самца происходят изменения.

Овца передает ягненку страх перед волком, курица цыпленку — страх перед ястребом. Это настолько верно, что если хищник не был замечен, то ни мать, ни детеныш не испытывают страха.

Мы не в состоянии познать инстинкт, ибо он уничтожен нашим воспитанием. Он более активен в дикаре.

Душа

Если этот фактор существует, то он играет очень второстепенную роль. Сила его меньше, чем сила страдания, удовольствия, страстей, вина, белены, ядовитого

сморчка, индийского ореха. Что может сделать душа в состоянии лихорадки или ошьянения?

Как бы ни представлять себе душу, это — способное двигаться, обладающее протяжением, чувствующее и сложное существо. Она устает, как тело; она отдыхает, как тело. Она теряет свою власть над телом подобно тому, как тело теряет свою власть над нею.

Мы сознаем начало разума или души таким же образом, как мы сознаем свое существование, существование своей ноги, своей руки, существование холода, тепла, страдания, удовольствия. Отвлечитесь только от всех телесных ощущений, и души больше не будет.

Душа весела, печальна, сердита, нежна, лицемерна, сладострастна. Она ничто без тела. Я утверждаю, что ничего нельзя объяснить без тела.

Пусть попытаются объяснить, как страсти входят в душу без телесных движений; я требую, чтобы объяснили это, не начиная с этих телесных движений.

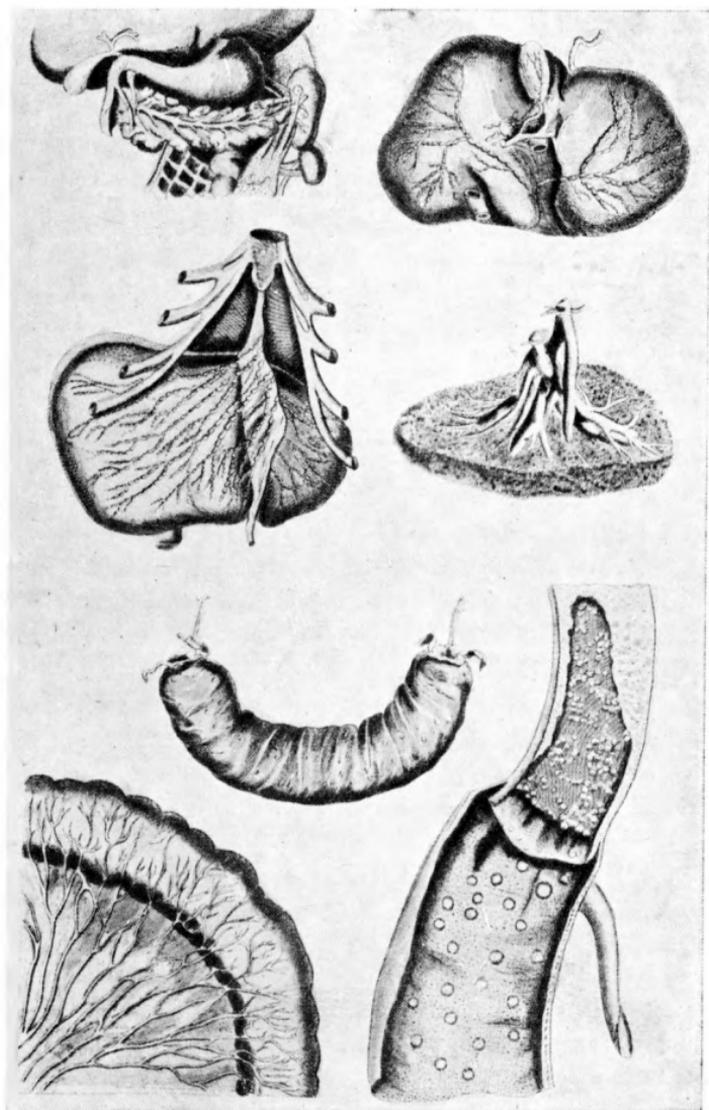
Глупость тех, которые начинают с души и спускаются к телу. В человеке ничто не происходит таким образом.

Марат⁴³ не понимает того, что он утверждает, когда говорит о действии души на тело. Если бы он присмотрелся к этому внимательнее, то он заметил бы, что действие души на тело есть действие одной части тела на другую и действие тела на душу — действие одной части тела на другую.

Насколько ясно, определенно, точно он выражается в своей главе о действии тела на душу, настолько он слаб и расплывчат в следующей главе.

У всех людей постоянно наблюдаются явления связи души с телом. Как это было бы возможно, если бы душа и тело были двумя разнородными субстанциями?

Согласно последователям Сталля⁴⁴, душа есть нематериальная субстанция, причина всех движений тела, которое представляет собой лишь гидравлическую машину, лишенную всякой активности и ничем не отличающуюся

Желудок и печень. С гравюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts» (Энциклопедия Дидро), т. 1, 1762

от всякой другой машины, сделанной из неодушевленной материи.

Даже само тело и выполнение всех естественных, жизненных функций его есть дело души, которая знает все, но которая не всегда относится внимательно ко всему, которая восстанавливает силы организма во сне, которая капризна, фантастична, небрежна, ленива, пуглива, способна в силу своей хорошей или дурной природы удлинить или укоротить жизнь.

Душа является причиной произвольных движений, которые она сознает, и непроизвольных движений, которых она не сознает. Вынужденное действие души, разумное действие ее. Но откуда берется движение после смерти?

Напрасно станут говорить, что душа находится в очень тесном взаимодействии с телом: это лишь увеличивает наше недоумение и трудности всего вопроса.

Это взаимодействие настолько велико, что в связи с желаниями души говорят о движениях, происходящих в теле, а в связи с движениями тела говорят о желаниях души, ибо взаимность их действия доказана.

«Те, кто утверждают, что душа бестелесна, говорят нелепости, ибо если бы она была такова, то она ничего не могла бы ни делать, ни испытывать» (Диоген Лаэртский⁴⁵, *De vita Epicuri* *).

«*Anima dei flatu nata; corporalis effigata* **» (Тертуллиан, *De anima*, XXII).

Почему бог не мог бы сделать так, чтобы души были или испорчены по природе, или способны испортиться сами собою, раз он это допустил по отношению к телу.

Будь это так, в человеке имелось бы два принципа расстройств организма.

Животное есть некое целое, оно едино, и, может быть, это единство — в соединении с памятью — составляет душу, я, сознание.

Нет ничего свободного ни в умственных операциях,

* О жизни Эпикура.

** Душа рождена из дыхания божия; она телесна.

ни в ощущениях, ни в восприятии или усмотрении отношений между ощущениями, ни в рассуждении или размышлении, или более либо менее постоянной внимании к этим отношениям, ни в суждении или в согласии с тем, что кажется истинным.

Различие между чувствующей душой и разумной душой зависит лишь от организации.

Все мысли возникают друг от друга; это кажется мне очевидным.

Интеллектуальные операции тоже связаны между собой: из ощущения возникает восприятие, из восприятия — рассуждение, размышление и умозаключение.

Скрытые причины некоторых весьма известных явлений

Кто знает, как происходит движение в теле?

Кто знает, как пребывает в нем притяжение?

Кто знает, как сообщается движение и как действует притяжение?

Но ведь это факты...

А происхождение чувствительности?

Это — тоже факт. Оставим неизвестные нам причины и будем рассуждать на основании фактов.

Желудок

Если вы станете постоянно кормить человека мясом, то характер его начнет походить на характер плотоядного животного ⁴⁶: тот же желудок, та же кровь, тот же хилус, те же жидкости, то же общее питание частей тела.

Все выделения совершаются в 24 часа; они равны приблизительно 6 фунтам. Эти потери и надо восстанавливать.

Пища во рту; жевание ее зубами; разжижение ее соками.

Источником слюны являются околоушные, подчелюстные, подъязычные и другие железы.

Эти соки отчасти поглощаются обратно венами. Путь пищи: глотка, пищевод, желудок.

Пищевод — это ровная мышечная, цилиндрическая, несколько сжатая трубка.

Существуют животные, которые едят и которые лишены кишек и заднего прохода.

Плотоядные животные более подвержены рвоте, чем травоядные; жвачные никогда не вырывают.

У человека имеется лишь один желудок, неподвижный, расположенный в левой подвздошной области живота, состоящий из наложенных друг на друга оболочек; первая оболочка — клеточная, вторая — мышечная, третья — ворсинчатая.

Покой головного мозга требует, чтобы у человека двигалась нижняя челюсть. У ящерицы движется как раз верхняя челюсть.

Везалий⁴⁷ наблюдал человека, бросившего назад от себя на расстояние в 39 футов *palum ferreum** в 26 фунтов весом, который он держал зубами.

Надо произвести следующий опыт: поместить тяжесть на косточку персика.

Язык и небо.

Жена Фоссия жевала за своего мужа и клала ему в рот увлажненную и разжеванную пищу.

Пищеварительный сок действует на пустой желудок и на пищу в переполненном желудке, вызывает голод или переваривает пищу.

При голоде желудок мучается как животное; он сокращается, он собирается в складки, он думает лишь о себе, его складки касаются друг друга, обнаженные нервы действуют на обнаженные нервы, и вскоре начинаются муки.

Голод ослабляет. Укус голодных змей не опасен. Соки становятся едкими. Пьешь свою мочу, но на следующий день уже не можешь этого, ибо она слишком едка. Людям удавалось жить 28 дней без пищи.

* Железный лом.

У устрицы нет рта.

Существуют животные, которые совсем не пьют. Может быть, человек не испытывал бы жажды, если бы он питался только растениями.

Настоящим аппетитом обладает лишь трудящийся человек.

Существует много животных, насекомых, способных выдерживать голод в течение долгого времени.

Продолжительный пост мужчины, а особенно женщины.

Греческие монахи едят лишь шесть раз во все время поста.

Голод увеличивается по мере приближения к полюсу, и растительная пища из-за холода здесь недостаточна. Здесь живут мясом животных и одеваются в их шкуры.

Голод—болезненное ощущение, возникающее в желудке.

Жажда — болезненное ощущение, возникающее на языке, в глотке, пищеводе и даже в желудке.

Жажда—результат сухости, голод—слабости.

У человека желудок плотоядных животных, у него их зубы, их короткая слепая кишка.

Круговорот пищи совершается в 24 часа, а весь хилус выжимается из нее приблизительно в 3 или 4 часа.

У животных, питающихся трудно перевариваемой пищей, кишечник длинный. У животных, питающихся мясом, он короткий. У животных, питающихся соками, он очень короткий.

Хилус всасывается устьем или отверстием, имеющимся у конца каждой ворсинки ворсинчатой оболочки кишек.

Еда—это акт, отличающий животное от растения, подобно тому как акт всасывания отличает растение от минерала.

Все виды выделений доказывают необходимость питания.

Всякое живое тело находится в непрерывном состоянии траты.

Жидкости испаряются, а твердые элементы, измельченные, доведенные до состояния молекул, поступают в круп-

ные сосуды, через отверстия всасывающих сосудов возвращаются в массу крови и образуют осадок мочи и вещество патологических камней и костей.

Эта трата уменьшается с годами.

Все восстанавливается благодаря хилусу.

Кости первоначально образуются из перепончатых волокон, а клейковина закрепляется между этими волокнами.

Животный организм никогда не находится в неподвижном состоянии; если он не растет, то он уменьшается.

У стариков кровь более красна. Все ослабляется или теряет гибкость, сердце становится твердым. Естественная смерть.

Желудок — это сосуд из оболочек, предназначенный для приема пищи; он расположен в брюшной полости, позади диафрагмы и левых ложных ребер; он немного овальный и тем более продолговатый, чем человек старше. Пищевод входит в него слева и сзади, он кончается справа впереди у привратника.

Он выстлан внутри так называемой ворсинчатой оболочкой, которая является продолжением эпидермы и которая отделяется; оболочка эта слизистая, мягкая, состоит из коротких ворсинок и покрыта крупными складками, параллельными длине желудка. Он очень чувствителен.

Металлы смягчаются и разъедаются в желудке.

У привратника есть клапан.

Пища выходит из желудка лишь после того, как она превратилась в слизистый сок, почти пепельного желтоватого цвета; он — немного плотной и мякотной консистенции. Сперва проходит вода, затем молоко, потом овощи, затем мясо.

Вены, открывающиеся в желудок, поглощают довольно значительное количество жидкости.

Пища переходит в двенадцатиперстную кишку, где она встречает желчь и сок поджелудочной железы.

Жевание подготавливает пищу для пищеварения; слюна ускоряет эту подготовку. Пища, превращенная в своего рода кашу, направляется к глотке.

Гортань поднимается вверх и вперед.

Надгортанник встречает язык и наклоняется. Наклоняясь, он закрывает гортань, а пища проходит над ним, между тем как небные занавески закрывают носовой вход.

Глотка, сжатая как бы сфинктером, поднимаясь, ускоряет продвижение пищи.

Сжатые миндалины выпускают свой сок, и пища движется по пищеводу, каналу, ведущему в желудок.

Путь пищи. Рот, глотка, пищевод, проходящий слева от дыхательного горла, в груди, позади сердца, в промежутке между обеими плевроми; затем он незаметно изгибается немного направо, потом налево, достигает отверстия диафрагмы в промежутке между выдохом и вдохом; затем давление диафрагмы сжимает пищевод по направлению к входу в желудок и закрывает этот орган так плотно, что в нем могут удержаться даже пары. Образ палиновой машины.

Старики не должны были бы никогда отплевываться, а глотать свою слюну.

Она не окрашивает сока гелиотропа в красный цвет, если человек здоров. Она поглощается обратно мелкими венами.

Желчь

Она изливается во вторую складку двенадцатиперстной кишки; несмотря на клапан привратника, она может попасть в желудок.

При рвоте иногда вырывают желчные камешки.

Брюшина

Оболочка, облекающая кишечник, особенно сосуды, изготовляющие хилус. Ее ткань клеточная и плотная; местопребывание грыжи. Она не обладает раздражимостью.

Сальник

Клеточная ткань, облекающая кишечник и не дающая ему слишком качаться.

Селезенка

Некоторые животные лишены ее, другие имеют две селезенки. Она расположена слева, на уровне десятого или одиннадцатого ребра. Она губчатая. Она не имеет ни выделительного протока ни мышечной силы. Она изливает свою кровь в печень. Можно отлично жить без селезенки.

Поджелудочная железа

Это небольшая железа типа слюнных желез. Она состоит из долек; она помещается позади желудка. Она опорожняется. Ее выделительный проток вместе с желчным каналом. Ее сок разбавляет желчь.

Печень

Она занимает верхнюю часть брюшной полости справа. Ее правая часть куполообразна, левая часть — тупа.

Печень — самый крупный из внутренних органов, она занимает значительную часть брюшной полости над брыжжейкой поперечной толстой кишки. Диафрагма находится над ней справа и позади. Она разделена на две доли.

Существует два вида вен в печени, и это единственный в своем роде пример. Существует анастомоз между воротной веной и полой веной, и кровь из первой переходит во вторую.

Кровь в печени движется медленно. Печень подвержена циррозам. Она мало чувствительна.

Последние сосуды воротной вены, полой вены, печеночной артерии и желчных протоков соединены между собою клеточной тканью в виде небольших шестигранных ячеек, где имеется взаимное соединение веток воротной вены и печеночной артерии с началом полой вены и воротной вены с окончаниями печеночных ходов.

Эти ячейки полны, и выделяемая ветвями воротной вены желчь осаждается в них. Оттуда она переходит в оба отверстия печеночного протока, входящего в двенадцати-

перстную кишку на расстоянии шести дюймов от привратника.

Этот желчный проток принимает другой, идущий от желчного пузыря. Желчный пузырь имеет форму груши.

Печеночная желчь проникает в желчный пузырь всякий раз, когда ей трудно попасть в двенадцатиперстную кишку. Таким образом в известных случаях этот пузырь становится очень большим.

Некоторые животные не имеют желчного пузыря.

Из пузыря желчи выделяется очень тонкое испарение; остаток становится кислым, горьким, густеет, принимая темную окраску.

Назначение желчного пузыря—принимать желчь, когда желудок пуст и желчь бесполезна, и изливать ее в избыток и быстро, когда пища проходит в большом количестве в двенадцатиперстную кишку.

Полный желудок сжимает желчный пузырь и заставляет его опорожниться в желчный проток, что доказывается соединением пузырного протока и печеночного протока.

Желчь выполняет функцию мыла, она уничтожает кислотность пищи и подготавливает образование хилуса.

Когда под влиянием каких-либо обстоятельств желчные каналы закрыты, желчь возвращается в печень и поступает в кровь; она вызывает желтуху.

Многие животные лишены желчного пузыря. Он помещается в борозде, разделяющей обе доли печени. Пузырный проток сливается с печеночным протоком.

Существует пузырная желчь и печеночная желчь.

У голубей зеленая желчь, но она не горькая.

Она содержит воздух, воду и летучую соль.

Кишечник, селезенка, поджелудочная железа и брюшина

Кишечник—это состоящий из оболочек резервуар, куда входит пища животного, где она переваривается и от куда она распространяется повсюду.

Полип представляет собой лишь живой кишечник.

У голотурии есть кишечник, но нет сердца.

Кишечник есть продолжение сумки желудка.

Кишки в шесть раз длиннее тела. Их делят на тонкие и толстые.

Тонкие кишки—это двенадцатиперстная, тощая, подвздошная и ободочная. Они состоят из четырех оболочек, соединяемых между собою тремя слоями клеточной ткани: мышечной, слизистой, первой, ворсинчатой. У них есть клапаны.

Хилус образуется в течение шести часов.

Толстые кишки—это слепая и прямая.

Сфинктер прямой кишки.

Проток до яремной вены.

Тонкие кишки

Канал, известный под этим именем, начинается у конца желудка и кончается у самой толстой кишки.

Двенадцатиперстная кишка, тощая кишка и подвздошная представляют в действительности один и тот же канал под тремя различными названиями.

Двенадцатиперстная кишка называется так по своей длине; она вялая и широкая; у нее определенное местоположение.

Остальная часть тонких кишек не имеет неизменного места. Она окружена ободочной кишкой.

Строение кишек очень похоже на строение пищевода или желудка. Внутренняя оболочка—ворсинчатая, покрытая коническими ворсинками. Эта оболочка пронизана крупными и мелкими порами, соответствующими простым железам.

Они очень чувствительны. Они обладают так называемым перистальтическим движением, проталкивающим пищу вниз.

Пищевая кашица, растворенная соком поджелудочной железы, кишечным соком, смешанным с желчью, смоленная слизью и обработанная воздухом, становится це-

нистой, но она лишена кислотности, не густа, бела в начале тощей кишки и слизиста в конце подвздошной кишки.

Минеральная, грубая и едкая часть этой кашицы спускается в толстую кишку. Почти весь хилус выдавливается из нее в течение трех или четырех часов, а весь путь пищи совершается в 24 часа.

Кишки в пять и больше раз длиннее тела.

О толстых кишках

То, что остается после выжимания хилуса, — часть хилуса, но выродившаяся и слизистая. Немного слизи. Значительная часть минеральных веществ, находившихся в пище. Едкие части, которые отвергнуты отверстиями всасывающих сосудов и всех плотных перепончатых волокон под действием кишек и которых переваривание не могло разрушить.

Эта масса переходит из подвздошной кишки в слепую, где она и остается.

Ободочная кишка — продолжение слепой; а прямая кишка — это последняя из кишек, она заканчивается задним проходом.

При входе в ободочную кишку имеются две складки, образованные из первой и ворсинчатой оболочки тонкой кишки. Верхняя складка поперечная и короткая; нижняя — больше, длиннее и поднимается.

Окончание прямой кишки имеет сильные поперечные волокна, образующие овальное и набухшее кольцо, называемое внутренним сфинктером.

Сфинктер — мышца, свойственная этой части. Он широк, мышечен и состоит из двух плоскостей полуэллиптических волокон, перекрещивающихся между собой в направлении копчиковой кости и половых частей.

У растения корни находятся вне его, у животного внутри его.

Полип — это живой кишечник.

У свиреных животных широкий кишечник.

Двенадцатиперстная кишка начинается у привратника.

О человеке, у которого кишечник был раскрыт. При виде правившегося ему блюда его кишки начинали от радости двигаться подобно змеям.

Селезенка

Это один из внутренних органов, посылающих свою кровь в печень. Он мякотен, кровянист, свинцового цвета, немного плотен, овальный, соединен с желудком малым сальником и связкой. Когда желудок полон, он придавливает селезенку к ребрам и заставляет ее опорожниться; вот почему ее находят большой у людей, умерших от истощения, и малой у людей, бывших здоровыми и внезапно умерших. Она опускается вместе с диафрагмой при вдохе и поднимается при выдохе.

Около селезенки иногда находят другую, меньшую. Она мало чувствительна и очень редко воспаляется.

В нее входит гораздо больше крови, чем в какой-нибудь другой орган. Эта кровь почти никогда не свертывается. Она черновата и растворена; она циркулирует по печеночным венам и возвращается в печень, смешивается с медленной, жирной кровью, приходящей из сальника и брыжжейки тонких кишек, разжижает ее, препятствует ей свертываться; она делает более обильным выделение желчи в тот самый момент, когда последняя необходима для пищеварения.

Селезенка подвержена циррозам.

Уничтожение ее у животных не влечет за собой никаких последствий; однако иногда она причиняет опухоль печени; желчь в этом случае бывает менее обильной, более желтой, а животное подвержено газам.

Кровь селезенки служит для кроветворения; это как бы дрожжи. Эта кровь черна и загустела бы, если бы содержащий ее мешок не колыхался постоянно, поднимаясь и опускаясь при каждом вдохе и выдохе. Она медленно и постепенно входит в круговорот крови через

печеночные вены; ее несет туда извивающаяся артерия. Ветви ее велики по сравнению со стволом; этим объясняется уменьшение скорости.

Я думаю, что следует рассматривать все лишние выходы органы — вроде желчного пузыря, селезенки, слепой кишки — как органы, назначение которых — готовить дрожжи или ферменты.

Поджелудочная железа

Желчь — это мыло, но вязкое; для устранения этого недостатка, с ней соединяется сок поджелудочной железы, ибо он водянистый, безвкусный, тонкий, не кислый и не соленый.

Поджелудочная железа — самая большая из слюнных желез. Она продолговата, помещается на брыжжейке поперечной толстой кишки, позади части брюшины, продолжающейся за поджелудочной железой, поперек этой брыжжейки, сзади желудка и селезенки, под печенью, перед левым желчным пузырьком и аортой. Она мало чувствительна. Она состоит из круглых и довольно плотных ячеек, соединенных между собой большим количеством клеточной ткани.

Она опорожняется через канал, отверстие которого соединяется с отверстием желчного протока, а иногда отдельно от него; иногда же у него имеется два различных отверстия.

Ее сжимает множество прилегающих частей, ускоряющих движение сока поджелудочной железы.

Брюшина

Это — крепкая, простая оболочка, заключающая все органы брюшной полости, прикрепленные к ней.

Брыжжейка тонких кишек и брыжжейка поперечной толстой кишки — это два продукта брюшины.

Брыжжейка поперечной толстой кишки образует перегородку в верхней части брюшной полости, в которой

расположены желудок, селезенка, поджелудочная железа, и отделяет эту верхнюю часть от нижней.

Брыжжейка тонких кишек включает в своих многочисленных складках всю длинную цепь тонких кишек.

Сальник. Имеется большой сальник и малый, желчный сальник.

Назначение сальника и брыжжейки тонких кишек — образовать свободные промежутки, где скопляется во время сна и отдыха жир, который затем растворяется во время работы организма и вносится в массу крови поглощающими венами, составляя главную часть желчи. Поэтому сальник бывает иногда толщиной в дюйм, а иногда тонок и прозрачен, как лист бумаги.

У сальника очень мелкие нервы; он нечувствителен и жирен.

Другое назначение сальника — это находиться между кишечником и брюшиной, препятствовать им слипаться между собой, давать свободу движения кишкам, ослаблять их трение друг о друга и о брюшину и смазывать очень мягким жиром мышечные волокна.

Брыжжейка тонких кишек служит опорой для кишек и закрепляет их на их месте, не стесняя их.

Почки, мочевого пузыря, моча

Поглощенный кровью хилус имеет много, слишком много воды; часть ее испаряется через кожу, часть фильтруется через почки.

Почки — это два органа, помещающихся позади брюшины, у боковых частей позвоночника, под диафрагмой, причем правая расположена несколько ниже левой. При помощи складок брюшины они прикреплены к ободочной кишке, к двенадцатиперстной кишке, к печени и селезенке. Они мало чувствительны.

Кровь почечной артерии, уносимая мелкими артериями почки, откладывает значительную часть своей воды в

прямых сосудах сосочков вместе с жиром, соединенным с этой водой, солями и тем, что в ней есть самого жидкого и тонкого.

Мочеточник продолжается в таз. Он спускается в таз очень далеко, позади мочевого пузыря, в который открывается косым отверстием.

Мочевой пузырь, повидному, всасывающий орган.

Величина почечных сосудов доказывает, что в эти органы попадает восьмая часть всей крови, т. е. более тысячи унций крови в час, из которых без труда может выделиться 70 унций воды.

Не у всех животных имеются почки.

Почка является, повидному, совокупностью отдельных малых почек. Каждая почка имеет кору и сосочки.

У женщин мочевой пузырь расположен на матке.

Позади прямой кишки имеются семенные пузырьки, предстательные железы и мышцы, приподнимающие задний проход. Мочевой пузырь довольно чувствителен, мочеточники — мало. Мочевой пузырь выпускает все жидкости, которые вливают в него. Он выносит лишь здоровую мочу.

Моча сочится незаметно, непрерывной струйкой, в мочевой пузырь. Она опорожняется через мочеиспускательный канал. Он — короткий, прямой и поперечный у женщин.

Мочеиспускательный канал широк при выходе из мочевого пузыря; он становится коническим, приближаясь к предстательной железе; цилиндрическим в своей свободной части, более широким в начале луковицы, цилиндрическим вдоль полового члена, расширяясь немного к концу.

У мочевого пузыря есть свой сфинктор.

Моча обладает щелочной едкостью морской соли. Она содержит кислоту. Она осаждается; ее осадок содержит в себе минеральные вещества, жир, соли, воздух, летучую соль, летучую кислоту, фосфор, уголь.

Матка

Этот орган помещается между мочевым пузырем и прямой кишкой.

Круглые пузырьки, полные прозрачной жидкости, в слизистых пазухах между складками верхней части шейки матки; более или менее крупные пузырьки в большем или меньшем количестве.

Трубы. Каналы, которые начинаются у боковых углов матки, расширяются поднимаясь, суживаются у конца направляются к яичнику и затем спускаются.

У верхнего отверстия трубы окружающая ее бахромка, которая соединяется с яичником.

Яичники помещаются позади труб; они подвижны, продолговаты и уплощены, по строению довольно похожи на матку.

В яичнике даже девственниц круглые пузырьки, состоящие из мясистой оболочки, довольно твердой и полной свертывающейся лимфы. Число их неопределенно; до 12 в одном яичнике.

Клиитор имеет глубокие и поверхностные артерии, такие же, как мужской половой член.

Сосуды матки — клубками; они растут до половой зрелости; отлагают в ее полости нечто вроде молока, очень белого у зародыша, серозного у девственниц; тогда они разбухают и испускают янтарную кровь.

Одновременная эрекция сосочков груди и клитора.

Матка не существенна для жизни женщины; при некоторых болезнях древние вырезали ее, причем операция эта не влекла за собой катастрофических последствий.

В детстве будучи неразвитой, она оставляет организм в покое; в старости она — дряблая; в среднем возрасте она безраздельно властвует: она предписывает законы, капризничает, впадает в бешенство, сжимает и душит другие части, как бы это сделало взбесившееся животное. Матка деятельна и чувствует по-своему. Почему она подвержена стольким болезням? Потому что

она является одновременно органом выделения, плодородия и извержения.

У внутренности матки, внутренности фаллопиевых труб и, быть может, внутренности яичников одна и та же полиповая субстанция.

Матка — активный орган, наделенный особенным инстинктом. Сравнение матки с животными, прядущими ткань, в которую они закутываются.

Вследствие колебаний матки семенное вещество попадает то в одно место, то в другое.

Гарвей⁴⁸ наблюдал, как волокна хориона или внешней оболочки зародыша, натянутые от одного угла матки до другого, переплетаются между собой, образуют редкую сетку, затем твердую и плотную ткань.

Амнион, внутренняя оболочка зародыша.

У животных урахус, мочеточный канал зародыша, несет мочу в нечто вроде мочевого пузыря, помещенного между амнионом и хорионом и называемого аллантоисом.

Продолжительность беременности тем короче, чем больше пометы.

Амнион — это внутренняя оболочка зародыша. Она — водяниста и прозрачна, очень гладка, повсюду одинакова и соединяется клеточной тканью с внутренним слоем хориона. Пища зародышу от первого мгновения до последнего, несомненно, приходит через пупочную вену (вена эта образуется из корней испаряющих сосудов матки) и через пупочную артерию, продолжение этой вены:

Новорожденный, вдохнувший воздух и вошедший обратно в матку, умирает. Он умирает, утонув подобно утке; он хочет дышать и вдыхает воду, которая его душит.

Яйцо, приносимое в матку перистальтическим движением трубы. Все происходит иногда в противоположном направлении. Другое сравнение с желудком.

У женщины в тазу помещаются матка, мочевой пузырь и прямая кишка.

Имеются примеры двух маток, двух влагалищ, двух

отверстий, одного в прямую кишку, другого — обыкновенного.

Внутренняя ширина матки у новорожденного ребенка — две линии; у двадцатидвухлетней девушки — три линии, у рожавшей женщины от пяти линий до восьми. Она открыта и мускулиста.

Благалище может сокращаться.

Клитор похож на мужской член; он имеет мышцы, железу, крайнюю плоть, пещеристые тела, уздечку, те же самые движения.

Яичники или яички. Их поверхность у взрослой женщины покрыта бугорками и рубцами.

У слона едва можно заметить яйца; никогда больше 15 яиц в одном яичнике, — от двух до шести.

Регулы. Имеются примеры, что они продолжались до 106 лет. Причина их в полнокровии.

Матка расширяется в то самое время, когда груди закругляются. Они наполняются молоком после беременности.

Нет регул, если нет молока. Молоко направляется от матки к грудям и от грудей к матке.

Яйца у пятилетних девочек.

«Он (врач Соран)⁴⁹ против того, чтобы причислять матку к важным органам человеческого тела; его доводы сводятся к тому, что она смещается и опускается во влагалище, а также к тому, что ее можно удалить, не причиняя смерти, как свидетельствует об этом в своих писаниях Темисон. Он был даже настолько убежден в том, что матка не необходима для жизни, что, — как мы увидим ниже, — дал указания для ее удаления» (*История хирургии*, т. II, стр. 277).

Согласно учению этого же врача, *очень надежный и не обманывающий признак* беременности женщины мальчиком заключается в том, что пульс правой руки чаще, сильнее, больше пульса левой руки, и, наоборот, что женщина беременна девочкой, когда эти признаки обнаруживает пульс левой руки.

Соран мог подобно Гиппократу⁵⁰ распознавать, бес-

плодна ли данная женщина, или плодовита; секрет их заключался в том, чтобы класть ей на ночь, когда она ложилась спать, во влагалище головку облупленного чеснока, обернутую шерстью. Если, пробудившись утром, она чувствовала во рту запах чеснока, то он считал ее способной к деторождению. Все венерические болезни влияют на гортань. Оскопление влечет за собою ряд явлений, свидетельствующих о связи частей полости рта с половыми органами.

«Если выступающая часть матки изъязвляется, вызывая едкость мочи и нечистоплотность, если она гниет, — говорит Соран, — извлеките ее без всяких опасений; имеются примеры, позволяющие нам удалить ее; матку иногда извлекали целиком, и операция эта увенчивалась успехом».

Дальнейшее изложение содержит другие примеры счастливого дерзания, которое рекомендует Соран.

Зарождение

Яичко — клубок мелких каналов.

У некоторых видов имеются и яичник и яички.

У детей нет сперматических червячков, их нет у стариков, нет после частого совокупления, нет у мулов.

Эти микроскопические тельца были найдены в моче, плевках, слюне, крови, слезах, слизи женских детородных органов и в других соках. Следовательно, они не являются чем-то свойственным лишь акту оплодотворения.

При эрекции мужской член полон крови.

Масинисса⁵¹ имел ребенка в 86 лет.

Томас Парр, жизнеописание которого дал Гарвей, женился в 120 лет и имел сношения с женой еще в 140 лет.

Слон способен к деторождению, достигнув 5 месяцев.

Зарождение частей организма совершается постепенно, а не сразу, путем добавления частиц, а не путем разветвления.

Животные, похожие на отца и мать.

Беспользные черви. Одни миллион плодовитых на одного. Черви в червях, и так до бесконечности; бессмыслица.

Недостающие части восстанавливаются у животных без помощи какого-то предсуществующего элемента.

Сердце — сперва канал, затем орган с двумя желудочками и с двумя предсердиями.

Истинная жидкость, производящая при помощи одного лишь студнеобразного сока зубы, мышцы, рачьи клешни.

Эти черви столь же естественно свойственны семенн мужины, как червячки укусу.

Врач Флуайе, страдавший от астмы, говорил, что астма его с такой же точностью зависела от фаз луны, как морские приливы и отливы. Однако решительно каждый день почти столько же женщин имеет ревулы, сколько других их не имеет.

В молодости — мягкие сосуды, в старости — жесткие сосуды, у животных во всякое время — гибкие и жесткие.

Артерии, приносящие кровь в яички мужины, те же самые, что и артерии, приносящие ее в яичники женщины.

Строение яичника очень сходно со строением матки; только в нем наблюдаются, даже у девственниц, круглые пузырьки; их имеется до 12.

У пещеристых тел есть оболочка, губчатая плоть, способная разбухать.

Между ними имеется перегородка, состоящая из сухожильных волокон, параллельных, более узких внизу, образующих пустоты, позволяющие свободное сообщение между двумя пещеристыми телами; другие волокна отделяются от перегородки и внедряются в плотную оболочку.

Эти волокна препятствуют чрезмерному растяжению или аневризме полового члена.

Фаллопиева труба тонка в конце у матки, более широка у другого конца или раструба. Это — проток, по которому движется яйцо или семя матки, в зависимости от теории, которой придерживается ученый.

При зачатии труба сжимает яичник. На внешней оболочке яичника образуется небольшая щель.

Говорят, что через эту щель выходит яйцо, которое движется затем по трубе и спускается в матку. У яичника столько же рубцов, сколько у женщины детей.

Однако необычайная узость трубы и размеры яйца, найденного в матке, не позволяют думать, что целый пузырек может двигаться этим путем.

Никогда не наблюдали, чтобы яйцо, заключенное в желтую чашечку или сгусток, образующийся вокруг пузырька яичника, разрасталось и превращало пузырек в полусферическое желтое тело.

Почему эти яйца не увеличиваются?

Все части человека образуются в яйце.

Никогда не наблюдали в яйце зародыша, который чаще похож на отца, чем на мать.

У девственниц нет желтого тела. Строение этого желтого тела не представляет ничего особенного.

Полли размножается делением. Травяная вошь гермафродитна.

Совокупление улиток -- двоякого рода.

Было высказано столько глупостей по поводу акта деторождения, что я могу позволить себе высказать тоже нечто подобное. Я не могу решиться заставить семя мужчины или его испарение действовать на таком большом расстоянии, на каком находятся яичники женщины от дна влагалища.

Хотя наблюдались иногда случаи зародышей, очутившихся в фаллопиевых трубах, я не могу допустить, чтобы яйцо или какое-нибудь тело могло спуститься по одному из этих двух каналов. А если бы они спустились в матку, то я не вижу никакого средства закрепить его в ней при помощи ножки и тем менее закрепить его в занимаемом им там месте. При своем падении оно должно, кажется, остановиться в самой нижней точке.

Кто наблюдал, чтобы при любовном акте бахромки

трубы охватили яичник, сжали его и выжали из него первые зачатки зародыша?

Я склонен свести зарождение человека к типу размножения полипа.

Первые элементы человека находятся в том самом месте, в котором рождается человек. Для своего развития они ожидают там семенной жидкости мужчины.

Они развиваются, образуется послед, и человек рождается путем деления.

Совокупление мужчины и женщины дает место лишь произведению или развитию нового органа, который есть или становится существом, похожим на одного из них.

Рюйш⁵² нашел семя мужчины и женщины в матке женщины, убитой матросом, с которым она поссорилась непосредственно после совокупления. Но Гарвей вскрывал бесчисленное множество ланей непосредственно после покрытия их оленем и никогда не находил в их матке семенной жидкости.

Чтобы сделать кобылу плодовитой, ее обрызгивают водой.

Я слышал об одном судье, которому удалась эта уловка. Но это несколько не противоречит моей теории.

Если женщина после совокупления испытывает спазмы, настолько похожие на колики, что она может в этом ошибиться, и если ощущение это сопровождается небольшой теплотой в половых частях, то она редко ошибется, признав себя беременной. Это наблюдение мне сообщил один искусный врач, произведший его несколько раз. Она может быть беременной, не испытав обоих этих симптомов.

Когда совокупление сопровождается оплодотворением, то труба сжимает яичник и выжимает из него через образующуюся на его внешней оболочке щель желтое тело, направляющееся по ней в матку.

Желтые тела, заключающиеся в яичниках плодовитых женщин. Постоянная опухоль на яичнике. Столько же рубцов на яичнике, сколько детей. Доказательства.

Однако узость трубы. Никогда не наблюдалось яйцо

в желтой чашечке. Никогда не наблюдалось зародыша в яйце девственницы.

Дрожание вдоль трубы и нечто вроде обморока.

Эти якобы бесплодные яйца без семени самца.

Зародыши, найденные в трубах.

Изменение, происшедшее в оплодотворенном желтом теле. Аналогия с животными, в матку которых спускается после совокупления одно яйцо, хотя их оплодотворено в то же самое время в яичнике несколько.

Имеется ли семя в матке и в трубах? Рюйш говорит — да, Гарвей говорит — нет; Рюйш — на основании одного только факта, Гарвей — на основании тысячи их.

Матка закрывается после зачатия.

В матке кроличихи в первые пять или шесть дней не наблюдается ничего, на седьмой здесь замечают какой-то прыщ, потом пузырек, затем нечто вроде головастика.

Одна женщина была способна — путем приобретенного ли или естественного движения — сокращать влагалище и наружные детородные части с достаточной силой, чтобы сжать и удерживать мужчину при совокуплении, когда страсть уже была удовлетворена.

Менструации, являющиеся первоначально потребностью, приобретают периодический характер в значительной мере под влиянием привычки, подобно всем другим извержениям, подобно голоду в определенные часы.

Яички — совокупность маленьких каналов, в которых сперма отделяется от крови.

У зародыша яички редко находятся в мошонке, а чаще в животе.

Мошонка — мешок, заключающий в себе яички.

Мясистая оболочка — это особенная сосудистая, мышечная оболочка под мошонкой. Когда имеется обилие спермы, она суживается, выпрямляется, сморщивается, поднимает яичко вверх, сперма изливается, и все возвращается на свое место.

Имеется истинное яичко и epididymus — придаток яичка.

Сперма

Сперматические черви

Их нет у ребенка, но вместо них имеются маленькие микроскопические тельца; их нет после частого совокупления, нет у стариков, у бесплодных, в сперме мулов. Подобные животные наблюдаются во всех соках, даже в слизи детородных частей, даже у каллунов. У них имеется оба пола, они совокупляются, они размножаются.

Можно извергать семя, не имея яичек.

Сперма возвращается в кровь и распространяется по всему телу. Она обнаруживается на запах.

Мочатся вследствие сокращения мочевого пузыря.

Семенные сосуды у всех животных расположены по соседству с почками. Двоякая польза органа, способного пускать мочу и семя.

Семя самца образуется в яичке, откладывается в семенных пузырьках, извергается наружу половым членом.

Мошонка — первая оболочка яичка. Мясистая оболочка после мошонки — вторая оболочка яичка: два мешка с перегородкой.

Мясистая оболочка, мышца, поднимающая яичко, расширяются позади в виде футляра, охватывают со всех сторон, поднимают, сжимают, выжимают яичко.

Затем влагалищная оболочка.

Потом белочная оболочка.

Семенная артерия спускается к яичку; она идет от аорты ниже почечной артерии.

Вместе с семенной артерией имеется семенная вена и семенной проток, образующие вместе цилиндрический канатик, продолжающийся в паху, а оттуда в мошонку и в яичке.

Нервы яичка очень чувствительны.

Артерии делятся на мелкие сосуды, продолжающие семенные каналы и образующие клубки, отделенные клеточными перегородками.

В каждой перегородке имеется проток, получающий семя от семенных каналов.

Epididymus — придаток яичка — касается его заднего наружного края и прикреплен к яичку.

Он имеет свой проток, который, образовав сперва спирали, получает название семенного протока, протока, несущего семя в семенные пузырьки.

Семенной пузырек (их два) — это маленький покрытый оболочками орган, закрытый, расположенный ниже мочевого пузыря; из него выходят десять и более слепых отростков, из коих некоторые разделены на различные ячейки.

Этот маленький орган собран в короткий и извилистый клубок.

Отлагаемая в нем жидкость при выходе из яичка желтоватого цвета, разжиженная и водянистая. Она сохраняет эти признаки в пузырьках, только становится здесь более вязкой и желтой.

Не существует более тяжелой животной жидкости.

Микроскопические животные встречаются в семени лишь в зрелом возрасте.

Их не находили в семени импотентов.

Похожи на змеек с крупной головой; их хвост уменьшается и исчезает у людей на старости.

Этих животных наблюдали в жидкости желтого тела и иногда в отварах и настойках из органов животных.

Дети более похожи на отца, чем на мать.

Болезни и пороки, переходящие по наследству от отца к сыну.

Черви — господствующее начало в животном царстве.

Сходство микроскопического животного с первыми очертаниями оплодотворенного зародыша, очертаниями, появляющимися лишь после оплодотворения самки.

Чем больше или меньше носителя семени, тем больше или меньше раздражение.

I теория. Смесь семенной жидкости и семени, извлеченная у самца и самки из всех частей тела (вместе) с способностью к деторождению.

Эта способность представляет собой лишь длинное сцепление причин и следствий, развертывающихся последовательно от начала жизни до смерти.

Семя — такой же сок, как кровь, лимфа, желчь, сок поджелудочной железы; оно имеет овою особую природу и особый фильтр.

По Бюффону и другим, семя — излишек нищи, отвергнутый каждым членом.

Невозможно объяснить послед и оболочки.

Сильное семя и слабое семя у каждого пола. Аристотель учил подобно Гиппократу, с той лишь разницей, что самец дает форму, а самка матерю.

II. Пузырьки в яичнике; теория ящ: мужчина и женщина вполне образованы в яйце, и таким образом до бесконечности.

III. Сперматические животные. Гартсукер⁵³. Мужчины и женщины; а затем то же самое включение зародышей в коробочки, до бесконечности.

IV. Яйца, уколотые червями.

Органические молекулы, живые, представляют лишь материал. Бюффон.

Согласно этой теории семя должно входить в матку, что ошибочно.

V. Другая теория: каждая часть семени вроде полипов. Матка необходима.

Гарвей сперва наблюдал в матке вскрытых ланей и крольчих лишь одну одушевленную точку, вокруг которой последовательно расположились различные органы, составляющие животное.

(Я думаю, что, — если принять во внимание отслойку матки, — может быть, это является причиной небольшого числа детей.)

Наблюдения, которые нужно сделать. Первое: оставляет ли эта отслойка в матке следы, на основании которых можно было бы при наблюдении этого внутреннего органа сосчитать детей, подобно тому, как, уверяют, можно сосчитать их по числу рубцов на яичнике? Второе: может ли образоваться послед в месте, где уже

раньше образовался послед или где произошла первая отслойка?

Вопрос, который нужно было бы задать садовнику: могут ли два плода возникнуть один за другим на месте первой ножки?

Это дало бы объяснение плодовитости и бесплодности некоторых женщин, на основании размеров последа или последовательных отслоек.

Семенное испарение можно узнать по запаху, по виду, когда оно теплое.

В наших странах не имеется семенн до 12 лет. К 50 годам не бывает больше ночных поллюций.

Изобилие пищи порождает подагру. (Известь подагрических узлов дает после дестилляции те же продукты, что и винный камень, только несколько больше летучей щелочи.)

Отличать семя от носителя его. Носитель изолирует друг от друга размножающиеся части и препятствует брожению, происходящему только в массе.

Холодный или горячий темперамент мужчины и женщины зависит от отношения носителя семенн к размножающейся части. Слишком густая размножающаяся часть является источником болезней.

В семенн существуют микроскопические животные, и они существуют только в этом выделении. Но разложение порождает их во всех частях животного.

Где находится семенное вещество евнухов? Где? Там, где оно было у здорового мужчины до отделения его вместе с железами.

Если мужчина не растрачивает семенн путем совокупления или во сне, то значительная часть его, самая летучая, самая пахучая, самая сильная, всасывается кровью, и продуктами ее являются волосы, борода, рога, изменение голоса и характера. Ничего этого не наблюдается у евнухов.

Предстательная железа имеет форму сердца; железа эта, окружающая мочевои канал в начале его, вырабатывает обильную белую, густую, нежную жидкость, кото-

рая распространяется в небольшом углублении в боковых частях семенных пузырьков и которая выделяется вместе с семенем, где она преобладает благодаря своей близине и вязкости.

Семя и смешивающаяся с ним жидкость предстательной железы выделяются через находящийся в напряженном состоянии мочевого канал.

Но каким образом напрягается мочевого канал? Вследствие трех окружающих его пещеристых тел.

А что растягивает и раздувает эти тела? Артериальная кровь.

А что становится с этой кровью? Она всасывается обратно венами.

Между ними имеется перегородка, состоящая из сухожильных, твердых, параллельных и т. д. волокон. Волокна этих перегородок направляются к стенкам пещеристых тел и препятствуют чрезмерному растяжению их в ширину.

У женщин сосочки напрягаются.

Кожа под шейю индюка становится твердой.

Животные, совокупляющиеся без напрягающейся мышцы.

Для эрекции достаточно действия жидкости.

Большое сходство между строением яичек и строением коркового вещества головного мозга.

Утомление происходит не от потери, но от растяжения всех частей под влиянием возбуждающего начала.

Каждая из молекул этой семенной жидкости имеет некоторую аналогию с членами, от которых эта жидкость отделилась. При бурном раздражении каждой молекуле передается действие, соответствующее каждой части. Вследствие этой аналогии молекулы, которые должны быть извержены, обособляются от других молекул, а после этого обособления их координация объясняется той же самой аналогией с той или иной особенной функцией и качеством. Они сцепляются между собой, чтобы выйти; они сцепляются между собой, чтобы координироваться: безумно смелая догадка, более безум-

ная для певежд, менее безумная для знающих людей. Между этими оплодотворяющими частями расположено много бесплодной жидкости; эта жидкость есть носитель. Это объясняет сходства и излишние органы.

Семя

Природа требует пользования им, мудрость регулирует это пользование, воздержание удерживает от него, порок делает из него яд, религия благословляет его, разврат расточает его.

Это — жидкость, исходящая из головного мозга и спускающаяся по большому симпатическому нерву; эта жидкость содержит маленький головной мозг, являющийся зерном или ядром, из которого рождается зародыш.

Сходство семени с головным мозгом. Чем больше мозга, тем—при прочих равных условиях—больше способностей к наукам и наслаждению. Всегда влюбленный человек.

Семенные черви присущи от природы семени человека, равно как и микроскопические животные, которых находят в других местах.

Вследствие какого-нибудь повреждения в яичках или в яичнике вместо Цезаря рождается глиста.

Если семенная жидкость всасывается обратно, то она становится убийственным ядом.

Оболочки зародыша представляют отслойку последа.

Матка является носителем детей, подобно тому, как ветка дерева является носителем плодов. Существуют примеры последа, прикрепленного к отверстию матки; в этом случае для возможности родов приходилось проткнуть послед.

Беременность происходит вследствие испарения; это, кажется, доказано.

Зачатие

Влагалище — дополнительный орган к матке; канал из оболочки, способный к трению, очень способный к расширению; охватывает отверстие матки, направляется

книзу, впереди и ниже мочевого пузыря; помещается над прямой кишкой, с которой оно соединено, и открывается довольно широким отверстием ниже мочевого канала.

Девственная плева, большая створчатая складка, образованная кожей эпидермы, защищает внутренность влагалища от холода и мочи. Девственная плева свойственна только человеческому виду. Она шире около заднего прохода. Сокоупление уничтожает ее, и она исчезает.

Внутренняя поверхность влагалища покрыта грубыми, твердоватыми, чувствительными бугорками, и наклонными пластинками, которые кончаются лезвием и накладываются на эти бугорки. Это сделано, повидимому, для того, чтобы доставить удовольствие и облегчить расширение влагалища.

Влагалище имеет особенную мышцу, сжимающую его отверстие.

Нимфы — это два придатка, помещенные спереди и при выходе из влагалища и представляющие продолжение кожи клитора и кожи его железы; они — клеточные, разбухают и снабжены соляными железами, похожими на железы крайней плоти клитора. Они направляют мочу, которая выходит из мочевого канала между ними, для чего требуется своего рода эрекция нимф.

Клитор — очень чувствительная к щекотанию часть, имеющая два пещеристых тела, железу, крайнюю плоть, эрекцию.

Губы, покрывая все детородные части, образуют сплетение над клитором. В них скопляется кровь, отверстие влагалища сужается, и наслаждение увеличивается.

Сжимающий мускул выходит из сфинктора заднего прохода, направляется вперед вдоль начала губ и входит в основание клитора.

Сокоупление — трение, сопровождаемое судорожным сокращением во всех частях по соседству с влагалищем; набухание клитора, нимф, сплетения губ; извержение,

но не всегда у всех женщины, особой слизистой и клейкой жидкости, происходящей из различных источников. Это в наружной области.

Внутри — трубы набухают, становятся красными, налегают, бахромки приподнимаются и охватывают яичник.

У девушек, достигших половой зрелости, яичник переполнен лимфатической, свертывающейся жидкостью, растягивающей пузырьки.

Иногда до зачатия вокруг какого-нибудь пузырька яичника образуется желтый сгусток, который растет, увеличивается и, повидимому, превращается в полусферическое желтое тело, имеющее форму зерна, полое внутри и содержащее в своей полости если не маленькое яйцо, то по крайней мере маленькую толстую оболочку. Эти тела становятся заметными у женщины впервые после зачатия.

Зачатие может иметь место без удовольствия со стороны женщины, даже при испытываемом ею отвращении.

Зачатия может не быть при наличии величайшего одновременного наслаждения у обоих участников полового акта.

Что же означают этот рубец на яичнике, это сжатие, это яйцо или это семя? Происходит ли все это без чувства сладострастия? Я спрашиваю, может ли изливаться семенное вещество без чувства сладострастия? Если нет, то смешение обоих видов семени не является принципом деторождения; то же самое можно сказать об органических молекулах и о других причинах, которыми объясняли это явление.

Срок родов

Ребенок является неудобным для матки гостем во всякое время, но в особенности в девять месяцев.

Всякий орган стремится автоматически облегчить себя; но чувствительный и живой орган стремится облегчить

себя лишь тогда, когда он чувствует возможность этого. В другие моменты он чувствует, что его страдание или его недомогание увеличивается.

Матка только повредила бы себе, если бы она пыталась извергнуть зародыш, когда она и послед, являющийся лишь отслойкой ее и сильно прикрепленный еще к ней, составляют одно целое.

Но когда выпуклая поверхность последа начинает становиться гладкой, тогда матка начинает чувствовать возможность облегчить себя от беспокоящей ее тяжести; она начинает заниматься этим под влиянием тенденции к сокращению, вызванной ее чрезмерным растяжением, — растяжением, имеющим предел, за которым матка открылась бы или боялась бы открыться, ибо органы имеют свои страхи, антипатии, вкусы, желания, нежелания.

Я поел; спрашивается: в первый ли момент за актом проглатывания желудок стремится продвинуть пищу в кишечник? Ни в коем случае. Далее, когда она продвинута в кишечник, немедленно ли она проталкивается к своему выходу? Ни в коем случае.

Всякая животная операция имеет свои стадии, и стадии эти регулируются той легкостью, которую находит в них орган, страданием, которое он испытывал бы, если бы торопился, регулируются его потребностями, его удовольствием или неудовольствием.

В девять месяцев ребенок вместе со всеми своими оболочками представляет массу, чуждую матке. Но если это постороннее тело чувствует и живет и если его перестают кормить, то оно должно страдать и двигаться. Двигаясь, оно должно беспокоить орган. Испытывающий беспокойство орган должен начать действовать, и он станет действовать в ту сторону, откуда он ждет успокоения, подобно тому как поступают кишки, когда испытывают беспокойство от какой-нибудь пищи.

Если несколько причин вместе вызывают какое-нибудь следствие, то нельзя исключить из них ни одной. Роды — это своего рода рвота. Для объяснения их надо принять

во внимание чрезмерное растяжение матки, испытываемую неудобство, ее тенденцию к сокращению, увеличение веса, изменение положения ребенка, симпатии соседних и действующих совместно частей, стесненного мочевого пузыря, стесненной прямой кишки, а также вен, артерий, связок, мышц, желудка, диафрагмы.

Отделившийся от матери ребенок переходит в ее руки, сжимающие его; ручки ребенка сжимают ее; он находится на ее глазах, она его держит, она его обнимает, она его прикладывает, он сам прикладывается к ее груди, она продолжает его кормить, это два существа, стремящиеся снова стать одним.

Вопрос

Почему мать, ребенок и я — почему мы можем переваривать молоко матери, и почему это молоко, попадая из груди в кишечник матери, не переваривается там? Доказательство необходимости жевания и работы желудка.

Одна из самых поразительных нелепостей, которые я когда-либо читал, заключается в утверждении, будто образование молока в грудях, а не в другом месте, является результатом скорее нравственной благопристойности, чем физической необходимости (Руссель ⁵⁴, *О женщине*).

А сосцы самца? А сосцы осла и лошади, помещенные по соседству с половым членом?

Беременность у однородящих изменяется согласно одному и тому же закону. Если детеныш начинает расти, увеличиваясь резко в объеме и весе, то ножка оторвется скорее, реакция частей на детеныша будет более быстрой.

Чему следует удивляться, так это не разнообразию в продолжительности беременности, а её довольно точному единообразию.

Очень глупо сравнивать высиживание яиц с беременностью.

Если вы отнимете всех детенышей у плотоядного животного, имеющего много сосцов и молока, оно взбесится. Оставьте ему одного, который достаточен для облегчения его, оно удовлетворится этим.

Но матери птиц испытывают то же самое беспокойство.

По какой причине?

Не зависит ли разнообразие любовных страстей от обилия и недостатка пищи? После обильной пищи обильная сперма.

Равенство пищи у человека, равная склонность к любви.

Отрицать действие воображения матери на ребенка на основании механических соображений — это значит забывать, что можно убить человека, щекоча ему пятки ног или под ребрами.

У каждого вида существ своя особая механика. Механика камня не та, что механика огня; механика же огня не та, что механика дерева; механика дерева не та, что механика плоти; механика плоти не та, что механика животного; механика животного не та, что механика человека; механика человека не та, что механика органов.

Начиная с первого момента рождения до последнего момента роста я вижу лишь различные стадии некоторого развития. А начиная с последнего момента роста до конца жизни я вижу лишь различные стадии некоторого разрушения.

Микроскопические животные делятся пополам, и это последовательное деление дает начало последовательным видам животных. Каков последний член этого ряда рас?

Плавники рыб, ломаясь, порождают крохотное животное, похожее на мучного червячка.

Существуют гермафродитные растения, растения-самцы и растения-самки.

Пусть мне укажут в истории развития зародыша момент, когда в него входит душа.

Извлечение

из письма одного полкового врача гарнизона в замке Никльспург или Никлауспург в Моравии, по имени г. Нюк, к г. Лефевру, врачу в Париже

«В первые дни августа 1773 года один солдат, имевший от роду двадцать два года и несколько месяцев, стал жаловаться на мимолетные боли в сердце, на усталость, тошноту и т. д. К этим симптомам скоро присоединилось вздутие живота. Молодого человека стали лечить от водянки, но лекарства не оказывали на него никакого действия, а живот его все больше и больше увеличивался; в остальных отношениях он чувствовал себя неплохо и выполнял все служебные обязанности. Солдат этот, о котором через несколько месяцев перестали думать, предоставив судьбу его целительной силе природы, 3 февраля 1774 года почувствовал сильные боли в поясничной области. Ему дали болеутоляющее питье, но его страдания только усилились. Чтобы успокоить больного, ему сделали прокол, но, к величайшему изумлению, из него не вышло никакой жидкости. Тогда прибегли к кровопусканию, но все средства были бесполезны; страдания его становились все более жестокими, к этому присоединились судороги, и больной, промучавшись девяносто часов, умер.

Случай этот был слишком исключительным, чтобы не произвести вскрытия трупа; но каково же было изумление присутствовавших при этом лиц, когда после вскрытия живота увидели кисту или мешок, в котором по открытии его оказался мертвый и хорошо сложенный мужской зародыш с последом, оболочками и водами! Эта киста была мягкой, снабженной всеми присущими ей частями. Отверстие ее было направлено в сторону прямой кишки, с которой она сообщалась при помощи небольшого протока в виде придатка; в него с трудом можно было ввести ручку от пера. Один только этот орган был у него общий с женским полом; в остальных отношениях он как снаружи, так и изнутри был вполне мужчиной. Расположе-

ние связок этой матки было такое, как это предполагается. Семенные сосуды заканчивались частично у яичника, а частично у яичек. Этот орган был у него двуполоый. Исследование формы костей таза показало, что она такова, какова должна быть у мужчины. соски не были велики, но они содержали молоко, и румянце вокруг них было широко и черно.

Тогда вспомнили, что этот солдат несколько раз жаловался на то, что он чувствует, как нечто движется в его животе, в особенности за тридцать часов до смерти; но этот симптом объясняли водами, которые ему приписывали.

Не оставалось никаких сомнений насчет того, каким образом этот человек мог забеременеть, но, чтобы окончательно в этом убедиться, арестовали его товарища по койке и путем повторных угроз заставили его признаться в том, в чем подозревали...» (*Gazette des Deux-Ponts*, ann. 1775, № XXII).

Имеется другой, вполне достоверный и очень похожий на предыдущий случай. Из соображений благопристойности его не напечатали в *Мемуарах* нашей хирургической Академии. Мне сообщил его Луи, секретарь названной Академии⁵⁵.

Один молодой человек, сильно влюбленный в девушку, требовал от нее удовлетворения своей страсти. Она не имела ничего против этого, но этому противилась ее природа. Она была лишена внешних признаков женского пола; у нее имелось только одно маленькое отверстие, какое имеется у других женщин для испускания мочи. Эта особенность строения не оттолкнула молодого человека от его возлюбленной, но он потребовал от нее одной ласки, в которой она ему не отказала. Через несколько месяцев ее живот вздулся, а грудь набухла. Она послала за хирургом, который, тщательно исследовав ее, заявил, что она беременна. Ей не трудно было убедить его в ложности этого диагноза. Однако вздутие живота и груди все усиливалось, и призванный вторично хирург заявил, что он чувствует, как движется ребенок, хотя не понимает,

каким образом он образовался. Ни девушка, ни ее возлюбленный не обратили внимания на это заявление. Однако сроки этой странной беременности наступили, и после сильных болей, потуг и страшного разрыва путей эта девушка родила ребенка тем же путем, каким она его зачала. Я не знаю, умерли ли мать и ребенок, но я знаю, что ее строение не представляло ничего исключительного... Матка этой девушки вместо того, чтобы открываться в обычном месте, открывалась в прямую кишку, служившую каждый месяц выходом для менструальной крови.

Предсуществующие зачатки

Я допускаю существование этих зачатков, которые, однако, не имеют ничего общего с существами.

Это—продукт, следующий за развитием. Продукт, который не существовал раньше, который начинает существовать и последовательное увеличение которого образует новое существо, похожее на первое.

Глаз образуется подобно анемону. Что общего между клубнем и цветком?

Человек образуется подобно глазу. Что общего между молекулой коры ивы и ивой? Ничего. Однако эта молекула дает иву.

Каким образом? Благодаря первичному расположению, которое, взятое вместе с питательным веществом, не может дать никакого иного результата.

Это кажется мне столь же простым, как дуть в ненадутый пузырь, чтобы сделать из него круглое тело.

Если сравнение с пузырем кажется странным, то потому, что оно слишком просто, но оно тем не менее вполне реально и верно.

Разбросанные молекулы, которые должны образовать зачаток, собираются там необходимым образом. Собравшись, они образуют семечко. Этому семечку предстоит проделать лишь необходимое развитие, это—дерево. И то же самое относится к человеку.

В Америке язвы покрываются в течение 24 часов

червями, их надо соскрести, а язву высушить при помощи настойки табаку. Несмотря на это, черви снова появляются, хотя указанная мера остается.

Случай женщины, лишенной пола, лишенной клитора, груди, губ, влагалища, матки, регул.

Случай этот произошел в Генте. Ламеттри наблюдал эту женщину. Г. Деронвилль⁵⁶.

Протокол гентских врачей и хирургов.

Зародыш

О первых зачатках животного.

Три взгляда: они происходят или от самца, или от самки, или от обоих.

Почему нужно столько животных, чтобы произвести одно животное?

Находится ли зародыш в матери? Наблюдения над растениями склоняют к этому взгляду.

Virgines aphides порождают без самцов⁵⁷. Яйца в матке без совокупления с самцом.

Сходство с родителями, наследственные болезни; мулы и самки мулов имеют потомство.

Галлер не отрицает того, что *exiguo tempore aliquo ovum humanorum in utero liberum esse* *.

Хорион, мягкая желтоватая оболочка, жирно-скользящая; легко разрывается, волокнистая, с переплетенными ворсинками, колеблющимися снаружи; внутри оболочка более ровная, более плотная, ячеистая, пористая. Хорионов столько же, сколько детей.

Вода амниона немного соленая, похожа на сыворотку молока, имеет запах его; испарение возникает подобно околосердечной жидкости. Может ли питать эта жидкость? Да, даже через рот. Эта жидкость всасывается обратно кожей.

* В течение некоторого времени человеческое яйцо свободно в матке.

Зародыш отсылает последу часть своей крови с помощью двух крупных пупочных артерий.

Кровь, повидимому, возвращается из артериальных сосудов последа в вены матки, откуда она переходит в легкие матери.

Питается ли зародыш ртом? Всасывает ли он из полости амниона свернутую лимфатическую жидкость, в которой он плавает?

Наблютали зародыши без пуповины.

Жидкость, находящаяся в желудке зародыша, похожа на жидкость, заполняющую амнион.

Жидкость амниона убывает по мере роста зародыша.

Наблютались непрерывные и как бы застывшие рубцы в амнионе, в ротовой полости, гортани и желудке зародыша.

Толстые кишки и часть тонких заполнены меконием.

Ребенок живет благодаря матери, но питается ли он жидкостью амниона?

Эта жидкость вначале питательна, но под конец, как уверяют, она становится терпкой. Может быть, ребенок тогда страдает от голода, и, может быть, это является одной из причин родового акта?

У зародыша извержение имеется лишь в небольшом количестве. Его мочевой пузырь большой и длинный; в нем имеется моча.

Меконий—это мягкотное зеленоватое вещество, может быть, остаток жидкостей, проникших в кишечник.

Вполне сходное вещество находили в других полостях, заполненных просочившейся жидкостью. Его находили в влагалищной оболочке яичка.

Урахус начинается в верху мочевого пузыря; он полный и продолжается довольно далеко в пуповину.

Если бы существовал аллантоис, этот резервуар мочи был бы продолжением урахуса.

Возможно, что пуповина, очень длинная у человека, будучи губчатой, всасывает мочу зародыша в своих клетках, но ведь мочеточный канал его короткий; однако,

что из того? Он идет до пуповины, но не до последа; и опять-таки что из того?

Но станем следить за ростом зародыша. Из ствола незаметно появляются бугорки, предвещающие образование конечностей и всех частей зародыша.

Сперва образуется голова, потом грудь, потом брюшная полость и конечности.

Его легкие малы по сравнению с сердцем. В воде они тонут, если еще не дышали.

Перегородка, соединяющая правое предсердие с левым, имеет широкую и овальную дырку.

Матка растет непрерывно вместе с зародышем; ее толщина остается той же самой. Питание возмещает растяжение ее.

Матка растягивается особенно ко дну. Тогда трубы кажутся опустившимися.

Ее отверстие никогда не закрыто, но закупорено слизью. Оно сокращается, уплощается, становится широким и раскрывается по мере того, как приближается время родов.

До тех пор голова зародыша находилась между его коленями; вместе с приближением родов он падает вниз, верхушка его головы соответствует расширившемуся отверстию матки, у которой начинаются тогда усилия для удаления его, удаления, которому благоприятствует вес зародыша, болезненные ощущения матери, движения.

Сравнение усилий матери с усилиями, делаемыми, чтобы удалить экскременты, когда прямая кишка переполнена.

Иногда достаточно сократимости матки, чтобы покончить со всей работой.

Амнион, полный вод, входит в виде конуса в отверстие; мешок этот разрывается, воды смазывают проход, и тогда ребенок вылетает, как стрела, с лицом, обращенным к крестцовой кости.

Иногда лобковые кости раздвигаются. Послед отделяется без труда от дна матки.

Матка сжимается, и сжимается с такой силой и так

внезапно, что она стискивает руку повивальной бабки и послед.

Происходит опорожнение. Груды набухают, и через два или три дня после родов вместо незначительного количества сыворотки, заключавшегося в них, они заполняются серозной и разреженной жидкостью, похожей на хилус.

Молоко очень похоже на хилус; оно белое, слегка густое, сладкое, пропитанное очень слабой солью; имеет тенденцию к закисанию, испускает пахучее и летучее испарение, состоит из значительного количества жира и воды и из творожистой и минеральной части, имеющей тенденцию придать ему щелочной характер.

Женская грудь

Крупная конгломерированная железа, выпуклая, состоящая из зерен свинцово-красного цвета, круглых, твердых, покрытых снаружи и соединенных между собой плотной клеточной тканью. Имеющиеся в этом органе сосуды соединяются все вместе в направлении соска.

Бесконечное множество малельких протоков, незрелых, белых, мягких, легко расширяющихся, направляются к основанию соска. Около двадцати из них, но более мелких, открываются там.

Серозное молоко слабит ребенка.

Мужчины, старые женщины, молодые девушки имеют иногда молоко.

Ничего не заметно, даже спустя несколько дней после зачатия.

Бесполое животные рожают внутри себя. Андрогинные животные, двуполые животные. Животные с двумя раздельными полами. Мулы. Бобр охраняет свою самку. Шелкопряд совокупляется со своей мертвой самкой.

Спермы нет в яичнике женщин. Спермы нет в матке.

Совокупление необходимо для здоровья.

Были случаи зачатия при отсутствии отверстия матки.

Одна женщина с закрытой половой щелью забеременела.

Слизь ввела в заблуждение Гарвея.

Функция сфинктера у женщины. У одной незадолго до того лишенной девственности девушки распухло все тело, а особенно шея.

Женщина имеет сперму, но где? В яичнике? Это неизвестно.

В пользу утверждения, будто яичники прикреплены к трубе, мало данных.

Железистое тело яичника не есть рудимент животного.

У беременной женщины яичник наблюдали таким же, как у небеременной.

Не существует органических молекул. Ничего общего в организации яичек женщины и мужчин.

Этих желез не имеется, когда женщина зачала. После зачатия они сокращаются, опорожняются.

Их наблюдали в матке. Они иногда так велики, что не могли бы пройти через трубу. Это — гидатиды. Их не находят ни в матке, ни в трубе.

*Vesiculus ovaris non esse ova, neque esse primordia neque continere animal**.

Однако, если удалить яичники у женщин, то они становятся бесплодными.

Зародыш в животе, зародыш в печени, послед в почках; зародыш между прямой кишкой и маткой; зародыш, прикрепленный к диафрагме.

На третий день после зачатия одной суке перевязали рог матки; на двадцать первый день — две собаки между перевязкой и телом трубы (Нюк).

Из яичника выходит нечто, что становится животным.

Семя распространяется по всему телу женщины. Ее тело пахуче.

Если, как утверждают, яйцо проникает в матку, то через несколько дней его оболочка, бывшая гладкой, по-

* Яичный пузырек не есть яйцо, не первичен и не содержит животного.

крывается по всей поверхности мягкими и ветвистыми ворсинками, которые прикрепляются и переплетаются с испаряющими и всасывающими ворсинками матки.

Эти прикрепления имеют место во всех частях матки, особенно на дне ее.

Но чем питалось до их образования изолированное яйцо?

После образования этих прикреплений в яйце оказывается много прозрачной жидкости, свертывающейся на огне и в спирте.

Зародыш вначале невидим.

Когда он начинает появляться, то голова его велика, тело мало, он лишен конечностей; какой-то головастик.

Пупок велик и плоский, он прикреплен к округлому концу плодного яйца.

Плодное яйцо и зародыш увеличиваются вместе, но неодинаково. Зародыш растет быстрее, чем яйцо, и жидкость яйца уменьшается.

Ворсинки покрываются незаметно непрерывной оболочкой, называемой хорионом, и они оказываются заключенными между этой оболочкой и другой, называемой амнионом.

Значительная часть ворсинок исчезает в хорионе, и лишь часть, поднимающаяся к округлой верхушке плодного яйца, растет и образует мало-по-малу круглое тело, называемое последом.

Таково состояние яйца на второй месяц. С этого момента оно изменяется только в объеме.

Часть яйца, соприкасающаяся с маткой, находящейся над ним, приблизительно третью своей поверхности, образует круглый, плоский, полный сока, обильно снабженный сосудами, диск; он превращается в равные и сходные между собой бугорки, плотно скрепленные с маткой.

Благодаря именно этому скреплению имеется сообщение между последом и маткой, посылающей зародышу сперва какую-то серозную жидкость, а затем самую кровь.

Испаряющие артерии матки сообщаются с венами последа. Артерии последа открываются в крупные вены матки.

Другая часть тела плодного яйца и поверхность последа покрыты наружной ворсистой оболочкой, полной небольших ячеистых ворсинок, пористой, легко разрывающейся, сосудистой и похожей на небольшой послед. Ее называют хорионом.

Хорион тоже прикреплен, но слабее, к поверхности матки, которая тоже покрыта небольшими ворсинками и которая очень похожа на него, — при помощи сосудов более мелких, чем сосуды последа.

Эта оболочка поддерживается внутренней оболочкой, белой и более плотной, которую можно считать внутренним слоем хориона или второй оболочкой зародыша.

Воздействие матери на зародыш

Зародыш представляет одно целое с матерью.

Я готов признать, что не существует нерва, идущего от зародыша к матери; однако если под влиянием какого-нибудь известия мать падает в обморок, то что становится с зародышем?

Если под влиянием оскорбления ее охватывает гнев, то что становится с зародышем?

Если какое-нибудь событие позергает ее в длительную меланхолию, в состояние, когда оказываются здетьми все ее члены, органы, особенно желудок, диафрагма, кишечник, сердце и головной мозг, то что становится с зародышем?

Если под влиянием легкого приступа лихорадки повышается температура всей массы крови, то неужели это не коснется крови ребенка?

Бывают такие нервные припадки, которым организм матери сопротивляется, лишь противопоставляя всю свою силу. Каково же должно быть их действие на слабую, деликатную и почти бесформенную массу зародыша?

Приступ страсти вызывает выкидыш. Мы страдаем, когда мы видим страдающими других; таким образом чужое страдание действует на нас, неужели же страдание матери не будет действовать на зародыш, часть ее самой!

Веселье тоже заразительно.

Вид чахоточного действует на наши легкие.

Факт, что странные ощущения переходят от матери к ребенку и от ребенка к матери, результатом чего могут быть капризные прихоти последней.

Такие прихоти бывают во время болезни и даже при выздоровлении.

Умиравший Декарт захотел поесть картофеля.

Инстинкт руководит животными лучше, чем человеком. У животного он нетронут, у человека его сбивает с пути его разум и его знания.

Я не верю в родимые пятна; однако Галлер, отрицавший действие воображения матери на зародыш, признает, что некоторые дети в течение всей своей жизни были подвержены судорогам, вызванным страхами и другими сильными переживаниями, испытанными матерью во время беременности, хотя нет никакой нервной связи между матерью и ее ребенком.

Я не желал бы, чтобы какая-нибудь беременная женщина вынуждена была видеть в течение всей своей беременности гримасничающее лицо. Гримаса зрелищна, мы подражаем ей; почему не станет подражать ей ребенок, если мать подражает ей? Этот ребенок в течение девяти месяцев является печальной или веселой частью страдающей или радующейся системы.

Уроды

Почему не рассматривать человека, почему не рассматривать всех животных как своего рода несколько более долговечные виды уродов?

Урод рождается и гибнет. Природа истребляет индивида меньше, чем в сто лет. Почему же природа не способна была бы истребить вид в более долгий промежуток времени?

Вселенная кажется мне иногда просто совокупностью уродливых существ.

Что такое урод? Это — существо, длительное существование которого несовместимо с палитчным порядком.

Но общий порядок вещей непрерывно изменяется. Как же может оставаться неизменной продолжительность существования вида посреди всех этих перемен? Только молекула остается вечной и неизменной.

Пороки и добродетели существовавшего в прошлом порядка создали порядок, существующий в настоящее время, пороки и добродетели которого создают порядок, который должен наступить в будущем, причем нельзя утверждать, будто целое улучшается или ухудшается. Улучшение, ухудшение—это понятия, которые относятся к взаимоотношениям отдельных индивидов какого-нибудь вида, либо же к взаимоотношениям различных видов.

Существует столько же уродов, сколько есть в человеке органов и функций: существуют уроды глаза, уха, носа, которые живут в то время, как другие не живут; существуют уроды, зависящие от расположения частей организма, уроды от избытка, уроды от недостатка.

Люди-уроды входят в класс животных, неспособных совершенствоваться. (Рассмотреть этих уродов орган за органом: уроды воображения, уроды желудка, уроды памяти и т. д.)

Если бы у человека были две головы, то одна могла бы быть неверующей, а другая—верующей. Человек в этом случае мог бы испытывать в одну и ту же минуту два противоречивых желания: одна голова хотела бы идти к обедне, а другая на прогулку; одна могла бы страстно влюбиться в какую-нибудь женщину, а другая испытывать к ней отвращение, и, может быть, только с течением времени между обеими головами установилось бы согласие, при котором человек поступал бы так, точно у него есть только одна голова.

Безголовые дети живут, но живут жизнью матери; момент их рождения или отделения от матери является моментом их смерти.

Наследственное строение

Природа приспособляется к привычке. Я готов думать, что если в течение долгого периода времени отрубать у ряда поколений руки, то получится безрукая раса.

Цветное пятно на ноге быка представляет собой стершееся, выродившееся копыто.

У фессалийского кабана, бывшего когда-то однокопытным, теперь раздвоенная нога.

Постоянное отсутствие упражнения уничтожает органы. Непрерывное упражнение усиливает их и увеличивает их размеры. У гребцов могучие руки, у крючников могучие спины.

Воздержанье от женщин превращает монахов в евнухов.

Если пренебрегать памятью, то она утрачивается.

Долгое пребывание во мраке ослабляет зрение.

Существуют, несомненно, расположения органов, различные для жизни. Все внутренние органы, начиная с отверстия пищевода и кончая оконечностью кишечного канала, легкие, сердце, желудок, селезенка и т. д. могут быть расположены в порядке, обратном по сравнению с обыкновенным, так называемым естественным порядком, и это не вызовет никаких пагубных последствий для всего организма.

Я готов думать, что существуют излишние органы, но я не утверждаю этого.

«17 января 1605 г. в Париже родились две девочки-близнецы. У них были две головы, четыре руки, четыре ноги; они обнимались руками; все части тела у них были хорошо сложены; у них были волосы и ногти.

Они были соединены между собой от середины груди до пупка. Они родились восьмимесячными.

При вскрытии, произведенном в медицинской школе, оказалось, что у них одно сердце и два желудка, а части детородных органов у них были отделены общей перепонкой.

Печень была очень велика, расположена посредине,

вверху она была цельной, внизу разделена на четыре доли, в которые впадали две пупочные вены.

Сердце было тоже очень велико, расположено по середине; у него было четыре предсердия, четыре желудочка, восемь кровеносных сосудов, четыре вены и четыре артерии, точно природа желала создать два сердца.

И хотя у них было два живота, но тем не менее была лишь одна грудь, отделенная от животов одной диафрагмой» (*Газета Генриха IV*).

«Одна женщина родила трех детей,—хорошо сложенного мальчика и двух девочек,—соединенных между собой, начиная с верхушки шеи до пупка. У чудовища было спереди только одно туловище, одна грудная кость и одна полость груди, одна пуповина, две ягодицы, четыре почки, двойной кишечный канал, одно сердце с двумя верхушками, направо для одной девочки и налево для другой; это были как бы два соединенных между собою сердца; у него были две головы, глядевшие друг на друга; соединение начиналось ниже ушей и челюстей с кожи шеи; у него были два позвоночных столба, две разделенных сзади шеи, третья рука, помещавшаяся между обоими позвоночными столбами и общая обоим детям; на кисти этой руки было десять отдельных пальцев, причем оба больших пальца соприкасались между собой; эта рука состояла из двух рук, настолько соединенных между собой, что они образовали лишь одну руку, одно предплечье, одно запястье; только под микроскопом можно было видеть обе двойные кисти, расположенные в одной плоскости. Обе эти девочки родились живыми» (*Медицинская газета*, май 1773).

Гермафродиты встречаются среди коз (Аристотель).

Гераис после года супружества стала мужчиной: из отверстия, которое считали влагалищем, у нее вышел мужской член (Диодор Сицилийский).

Плиний наблюдал этот факт *inter nuptias*.

Бык с маткой (Диоген Лаэртский).

Встречается мало примеров соединения в одном и том же индивидуе обоих детородных органов, хотя возможность

такого соединения не лишена известной вероятности (Галлер).

Посмотреть *Трактат о гермафродитах* Гаспара Боэна⁵⁸.

Гермафродит с клитором, снабженным открытым мочевым каналом.

Гермафродиты, которые обладали в большей или меньшей степени мужскими и женскими органами, но у которых оба пола были неразвитыми.

Женщина с мужественным видом не должна нравиться женщинам, которым она не может ничего дать, и мужчинам, в желания которых она вносит смятение. То же самое можно сказать о мужчине с женственным видом.

Болезни

Некоторые болезни имеют своей причиной чрезмерное развитие части организма, что вносит расстройство в весь организм; это как бы слишком могущественный гражданин в демократии. Матка здорова, но ее действие слишком сильно для остальной части организма.

Обыкновенно на организм действует не лекарство, — исцеляет, либо ухудшает болезнь время, возраст.

Существуют болезни, при которых жизнь прекращается внезапно, и другие болезни, когда она покидает человека постепенно. Гниение трупа происходит быстрее в первом случае; можно было бы думать обратное, ибо здесь в трупе есть остаток жизни.

Существует только один способ быть здоровым, но бесчисленное множество способов быть больным.

Этим объясняется немногочисленность веселых темпераментов; число их относится к числу печальных темпераментов так, как моменты хорошего самочувствия к моментам плохого самочувствия. Этим объясняется однообразие веселых характеров и разнообразие печальных характеров.

Этим объясняется тот факт, что веселые характеры часто становятся печальными, а печальные характеры

редко становятся веселыми, если не говорить о детстве, когда организм еще не развился.

Веселость—это свойство ординарных людей. Гениальность предполагает всегда какое-нибудь расстройство в организме.

Опасно для больного знать ходячий медицинский язык. Он выражается техническими словами, связанными с более или менее обоснованными гипотезами, и покидает истинные пути ощущения, всегда означающие что-нибудь истинное.

Наследственные болезни

Каковы бы ни были зародыши человека, они, несомненно, должны были составлять часть некоторого животного, и если органические жидкости этого животного испорчены, то ясно, что оно будет разделять эту их испорченность и будет сифилитичным, цынготным, золотушным, подагричным и т. д. Это должно побуждать начинать заранее борьбу с этими болезнями.

Есть болезни, которые вырождаются в тик. Без сомнения, одна знакомая мне женщина не без причины стала подверженной судорожному подергиванию всей нервной системы, но это подергивание, сделавшись привычным, продолжалось тогда, когда причины уже не было; оно превратилось в настоящую привычку. Доказательством этого является то, что подергивание не причиняло ей никаких неприятностей, и она сохранила его при других болезнях, не имевших никакой связи с указанным тиком. Болезни эти ни усиливались, ни ослаблялись от этого тика, лечение их не требовало других лекарств; лекарства, с своей стороны, не оказывали ни более сильного, ни более слабого действия; тик же продолжался и после излечения других болезней. Первоначальной причиной этого подергивания было преждевременное прекращение менструаций: в возрасте восемнадцати-девятнадцати лет.

Способности человека утрачиваются безвозвратно; равным образом они утрачиваются мгновенно: это та же самая

причина, действие которой продолжается или прекращается.

Примеры можно заимствовать из случаев усталости, болезни, выздоровления, страсти, опьянения, сна.

Таким образом человек бывает попеременно остроумным или тупым, терпеливым или раздражительным и никогда не бывает одним и тем же. Самый постоянный человек — это тот, который меняется меньше всего.

Мне рассказывали здесь (в Голландии) довольно странный факт, именно, что каменотесы, рабстающие над песчаником, погибают от чахотки. Пыль песчаника проникает в запечатанные герметически бутылки, в плавательные пузыри, в яйца, и ни один рабочий не мог заниматься этим ремеслом более четырнадцати лет. То же самое относится к тем, кто работает над изготовлением фаянса или фарфора, а также к рудокопам.

Существует масса вредных профессий: живопись, работа с пюпитурой, работа над оловом, позолотчики по металлу, чесальщики шерсти; они почти все страдают грудью и глазами; наборщики почти все погибают от болезни ног.

В случае столбняка тело теряет гибкость, оно становится нечувствительным, не двигается; живет только голова.

Каталепсия

Нет глубоких мыслителей, нет людей с пылким воображением, которые не были бы подвержены мгновенным каталепсиям.

Достаточно какой-нибудь непривычной мысли, какой-нибудь странной связи, чтобы забыть. Мы возвращаемся из этого состояния, как из сновидения, мы начинаем спрашивать своих слушателей: что было со мной? что я говорил? Иногда продолжаешь свою речь так, точно она не была прервана. Доказательством является случай с голландским проповедником.

Квиетисты преподают уроки каталепсии своим последовательницам, чтобы наслаждаться ими без их ведома. Эти уроки происходят постепенно: от поцелуя до прикоснове-

ния к груди, от прикосновения к груди до прикосновения к детородным частям, от детородных частей до последнего наслаждения во всей его полноте. Лишь тогда, когда духовник целиком в своей исповеднице, она целиком в божестве. Это—искусство.

Чем становится мнимая связь души с телом в случае каталепсии, когда животное доведено до состояния исключительно чувствующего существа, как в случае с высшим наслаждением?

Лихорадка

Если бы мы умели сообщать лихорадку, то мы действительно умели бы делать человека мудрым или безумным, мы могли бы сделать остроумным глупца. Нередки примеры людей тупых в здоровом состоянии и полных живости, остроумия и красноречия во время лихорадки.

Это объясняется тем, что все таланты, которые предполагают энтузиазм, граничат с безумием. Это объясняется тем, что энтузиазм есть своего рода лихорадка.

Посмотрите на этого молодого скульптора: со стержнем в руке, стоящего перед столиком и глиной; его глаза горят; его движения быстры и беспорядочны; он задыхается, пот течет у него со лба; лицо его дышит страстью, которую он хочет передать; он поднимает глаза к небу, он склоняет голову на одно плечо, вот-вот он упадет в обморок; если ему надо выразить гнев, он скрежещет зубами; если—нежность, то он как бы отдается кому-то; если—отчаяние, то черты его лица удлиняются, его рот полуоткрывается, его члены как бы коченеют; если—презрение, то его верхняя губа приподнимается; если—иронию, то он лукаво улыбается. Я щупаю его пульс— у него лихорадка.

*Отличительные особенности человека—в его мозгу,
а не в его внешней организации*

Я видел одного человека-обезьяну. Он думал не больше, чем обезьяна. Он подражал, как обезьяна. Он

был зловреден, как обезьяна. Он непрерывно двигался, как обезьяна. Его мысли были так же несвязны, как у обезьяны. Он сердился, он успокаивался, у него не было стыда, как у обезьяны.

Родные, друзья способны от страха и горя гораздо легче схватить заразительную болезнь, чем равнодушный врач. Страх способствует распространению чумы.

То, что является ядом для одного животного, не является им для другого. Одно какое-нибудь животное питается тем, что убивает другое животное.

Гипотеза о живой молекуле объясняет нам явления, относящиеся к солитерам, круглым глистам, червям, паразитам, явления гноя, язв, ядовитости рака и других болезней, при которых жидкости организма становятся прожорливыми как животные, жгучими, как огонь.

Растения обладают способностью очищать зловонный воздух.

На востоке деревья, посаженные вокруг могил, служат для предупреждения вредных влияний от трупных испарений.

Деревья необходимы на берегах каналов в Голландии.

Бешенство вызывает водобоязнь, сообщая отверстию пищевода чувствительность дыхательного горла.

Особенные случаи выздоровления

О ревности

Одна женщина, ревновавшая своего мужа к служанке, тяжело заболела физически и душевно. Она находилась в ванне, когда ей сообщили о смерти мужа. Она спросила: «Но верно ли это?»—Совершенно верно,—сказали ей. И она выздоровела.

О любви

Один молодой человек, отчаявшись добиться у предмета своей страсти взаимности, выстрелил себе из пистолета в голову. Он остался жив, но лишился рассудка от раны.

Во время его болезни родным пришлось в голову привести предмет его страсти и показать ее ему. Он поднял глаза, увидел ее, воскликнул: «А, мадемуазель, это вы!..» И он сразу выздоровел.

О страданиях

Один французский офицер потерял ухаживавшую за ним сиделку-итальянку, в которую он влюбился. Его друзья нашли одну куртизанку, которая необычайно походила на нее.

Они пригласили своего товарища на ужин. К концу ужина они приказали ввести куртизанку, переодетую сиделкой. Офицер взглянул на нее и воскликнул: «Ах, друзья мои, я вижу их обеих, я схожу с ума...» Тут он упал в кресло и умер.

Об истерических припадках

Я знал одну женщину, которая сильно страдала от истерических припадков. Эта женщина безумно любила своего мужа. Мне пришла в голову мысль воспользоваться страстью этой женщины, чтобы вызвать у нее какой-нибудь живой интерес, ибо в болезнях подобного рода в этом именно и заключается главная трудность: всякий страдающий истерическими припадками человек может вылечиться, если он того захочет, но все дело в том, чтобы заставить его захотеть и использовать этот интерес для излечения его. «Вы посоветовали мужу симулировать болезнь жены?»—Посоветовал.—«И тогда эта женщина забыла свои припадки, чтобы заняться припадками своего мужа?»—Именно.—«Она стала водить его гулять и прогуливаться сама, она заставила его пилить дрова и пилила их сама, заставила его вскапывать землю и вскапывала ее сама, заставила его ездить верхом и ездил верхом сама, заставила его работать и работала сама, заставила его развлекаться и развлекалась сама, добилась того, что он потерял свою симулированную истерию, а она по-

теряла свою действительную истерию?»—И я строго запретил мужу раскрыть ей когда бы то ни было наш секрет.—«Вы поступили благоразумно, очень благоразумно, ибо можно ли доверять человеку, который был способен обманывать нас шесть месяцев подряд?»—Для нашего блага?»—«Для нашего блага!»—Я еще приказал ему притворяться время от времени, будто у него наступают рецидивы припадков, и он продолжает это делать до сих пор.—«Чтобы распорядиться своей женой, как марионеткой, и заставить ее делать все, что ему угодно?»—О, нет, припадки у него возобновляются лишь тогда, когда его жене угрожает повторение ее припадков.—«Это очень остроумно и достойно прекрасного врача».—Я очень доволен, что вы такого мнения...

С кавалером де Лувилем случился удар. Его начинают окликать, вокруг него кричат, но от него нельзя добиться ни слова. Мопертюи⁵⁹, присутствовавший при этой сцене, сказал: «Иду на пари, что я заставлю его говорить». Тотчас же он приближается к умирающему и кричит ему в ухо: «Господин кавалер, двенадцать раз двенадцать?» Кавалер отвечает: «Сто сорок четыре». Но только это он и успел сказать.

Врачи и медицина

Никаких книг я не читаю с такой охотой, как медицинские книги; ни с какими людьми я не беседую с большим интересом, чем с врачами, но лишь тогда, когда я здоров.

Так как всякое ощущение телесно, то отсюда следует, что существует физическая медицина, одинаково применимая к телу и к душе. Но я считаю ее почти неприменимой на практике, потому что необходимо было бы довести до совершенства физиологию, необходимо было бы перейти от целого к органам, от органов к их частям, прийти, одним словом, почти до элементарной молекулы, чтобы предупредить все опасности, связанные с медициной этого рода.

До сих пор существует лишь несколько общих средств, на которые можно положиться, именно: такие средства, как режим, упражнения, развлечения, время и природа. Остальное может чаще оказаться скорее вредным, чем полезным, сколько бы ни сердился на это г. Лекамюс⁶⁰, с таким бесстрашием предписывающий кровопускания, слабительные, ванны, воды, настойки, отвары и все другие прелести медицинского искусства, которые так редко годятся в случае серьезных болезней и которыми так неохотно пользуются великие врачи.

Природа

Что представляет собой этот фактор? Это—усилия самого больного органа или всего организма, усилия, вызываемые болезнью и имеющие целью избавиться от нее. Природа производит во всякое время в больном то, что делает во сне организм, который, чувствуя неудобство, бессознательно ворочается до тех пор, пока не найдет самого удобного положения, исключая случая крайней слабости или усталости. В этом случае при пробуждении чувствуешь себя более уставшим, чем до сна; это неприятное чувство происходит от неудобного положения внешних органов; иное дело, если оно происходит от внутренних органов.

Я не знаю, нельзя ли о морали сказать то же самое, что о медицине, которая начала совершенствоваться лишь тогда, когда пороки человека сделали болезни более обычными, более сложными и более опасными.

Когда у народа нравы чисты, то тела здоровы и болезни просты.

Правила этой тонкой и возвышенной морали, факты этой утонченной и глубокой медицины еще не известны, и у людей до сих пор еще не обнаружился интерес к изучению их.

Где же можно найти великих врачей и великих моралистов? Среди самых многочисленных и самых распущенных обществ, в столицах великих государств.

Заключение

Мир — жилище сильного. Лишь в самом конце узнаю я, что я потерял или выиграл в этом огромном вертеле, где я провел шесть десятков лет с игральными костями в руке, *tesserae agitant*.

*Felices quibus ante annos, secunda malorum
Atque ignara sui, per ludum elabitur aetas* *.

Что я наблюдаю? Формы. А еще что? Формы. Я не знаю сути вещей. Мы прогуливаемся среди теней, мы сами тени для других и для себя.

Я гляжу на радугу на небе и вижу ее: человек, глядящий под другим углом, не видит ничего.

Живым довольно часто приходит в голову вообразить себя мертвыми, стоящими около своих трупов и идущими за своей похоронной процессией. Это напоминает пловца, который смотрит на свою одежду, лежащую на берегу.

Люди, которых больше не боятся, что вы услышите в таком случае?

Философия, привычное и глубокое размышление, удаляющее нас от всего окружающего и превращающее нас в ничто, тоже есть обучение смерти.

Одно из прекраснейших изречений стоиков говорит, что страх смерти это как бы ушко, за которое держит нас сильный, ведя нас туда, куда ему угодно.

Сломите это ушко и обманите руку сильного.

Существует только одна добродетель — справедливость, одна обязанность — быть счастливым, один вывод — не преувеличивать ценности жизни и не бояться смерти.

* Счастливы те, у которых до наступления зрелого возраста — спокойно от бед и в неведении о себе, посреди забав проходит век.

ПРИМЕЧАНИЯ

Добавление к «Путешествию» Бугенвилля

Поводом для написания «Добавления к «Путешествию» Бугенвилля» послужил отчет о кругосветной экспедиции под командой капитана Бугенвилля, напечатанный в 1771 г. (*Voyage autour du monde par la frégate du roi la Boudeuse et la flûte l'Etoile en 1766, 1767, 1768, 1769 sous le commandement de M. de Bougainville*).

Луи-Антуан Бугенвилль (1729—1811) — в юности усердно занимавшийся математикой, первый из французов совершил кругосветное путешествие с 1766 по 1769 г., что совпало по времени с кругосветным путешествием англичанина Джемса Кука (1768). Экспедиция имела целью исследование южной части Великого океана и открытие новых островов и была совершена на хорошо вооруженном королевском фрегате «La Boudeuse».

Дидро живо заинтересовался описанием экспедиции и первый подвергнул книгу рассмотрению, написав в 1771 г. рецензию, опубликованную, однако, лишь в 1875 г. в полном собрании сочинений Дидро, изд. Ассеза, т. II.

«Добавление» было написано позднее, в 1772 г. Рукопись попала в руки одного из посетителей салона м-ль Леспинас, аббата Бурле де Воксель, который и опубликовал ее впервые в 1796 г. в сборнике «Философские и литературные заметки» (*Opuscules philosophiques et littéraires*, Paris 1796), где одновременно был напечатан «Разговор с женой маршала ***». Аббат предпослал «Добавлению» резкую критику взглядов автора, считая его идейным вдохновителем революционных масс, указавшим путь борьбы против трех владык человеческого рода — бога, духовенства и правительства.

Заслуживает внимания то, что ленинградская рукопись «До-

бавления» (Гос. Публ. биб-ка, отдел рукописей, 42/17) разбита на пять глав, вместо обычных четырех, именно: третья глава образует в ленинградской рукописи третью и четвертую главы, а четвертая таким образом превращается в пятую. В настоящем издании разбивка на главы произведена в соответствии с ленинградской рукописью.

Наиболее интересное и важное отличие ленинградской рукописи заключается в том, что третья глава содержит известный в XVIII веке «эпизод» с некоей Полли Бэкер. Содержание этого «эпизода» таково: Полли Бэкер должна была в девичестве разрешиться пятым младенцем и была привлечена к суду в Коннектикуте, недалеко от Бостона, угрожавшему ей за материнство вне брака штрафом или кнутом. На суде обвиняемая выступила с речью, в которой указала, что вся ее вина состоит в том, что она дает государству пятерых верноподданных, а религии столько же добрых христиан. Она отклонила обвинение ее в разврате, говоря, что никого не обольстила, сама предпочитает состояние замужества тому, в котором находится, и была соvrращена впервые человеком, ныне как раз занимающим место в рядах судей. Несправедливость закона, по словам Полли Бэкер, заключается в том, что ее соблазнитель счастлив, тогда как его несчастная жертва опозорена; тем самым законы как бы изменяют природу человеческих поступков и делают из них преступления. Красноречие обвиняемой так растрогало судей, что они оправдали ее, а пристыженный соблазнитель женился на ней.

«Эпизод» с Полли Бэкер был описан Рейналем в «Истории обеих Индий», появившейся в 1770 г. Рейналь заимствовал его из одной английской газеты. Действительным автором «эпизода» является Вениамин Франклин. Франклин в свое время слыл мастером на всякого рода имитации и подражания, и история с Полли Бэкер — одна из его наиболее популярных выдумок, как он сам в этом признался аббату Рейналю, рассказав ему, что, издавая одну газету, он дополнял недостающий материал выдумками*.

Очевидно, что в рукописи «Добавления», копию с которой дочь Дидро переслала Екатерине II после смерти отца вместе с его библиотекой, содержалась и эта вымышленная речь Полли Бэкер. Если принять во внимание, что Дидро вписал свои стра-

* В подробностях вся литературная история «эпизода с Полли Бэкер» рассказана в книге: J. Viktor Johansson, «Etudes sur Dens Diderot», Göteborg 1927.

ницы в «Историю обеих Индий» и что «эпизод» с Полли Бэкер по стилю и содержанию приближается к мыслям, высказываемым в «Добавлении», то возможно, что именно Дидро «написал» эту историю для Рейналя. Первый же издатель, де Воксель, не поместил его в своем издании 1796, так как «эпизод» был всем известен именно из «Истории» Рейналя.

В настоящем издании дан полный текст «речи» Полли Бэкер по ленинградской рукописи в переводе М. Астрахан.

За исключением ряда совершенно несущественных различий, ленинградская рукопись имеет всюду вместо слова «таити» — «отаити». Однако настоящее издание придерживается традиционной транскрипции, как более привычной.

Основная идея «Добавления» — это проблема противоречия естественной морали¹ и морали общества дореволюционной Франции, причем Дидро не без умысла призвал молодого священника практически решать это противоречие, поставив его в условия таитянских нравов. Естественная мораль, основывающаяся на природе человека, извращается религией и слугами церкви, поддерживаемыми правительством. Практическим выводом поэтому является то, что для счастья человека необходимо его освобождение от пут религии.

На «Добавление» ссылались при решении вопроса о влиянии Руссо на Дидро на том основании, что в «Добавлении» дана картина утопического общества, нашедшего счастье в низком уровне культуры.

Дидро действительно дает в «Добавлении» набросок утопии, но она не совпадает с утопией Руссо. Дидро характеризует общество таитян как нравственное, но некультурное, и нигде не выступает против положительного значения наук и культуры. По мысли Дидро, задача заключается не в отказе от культуры, а в преобразовании современного ему общества; для этого же необходимо преобразование гражданских законов, так как в них причина дурных нравов.

Историческое значение этого произведения заключается в его остроумной и разрушительной критике, направленной против религии и построенной на ней ханжеской и лицемерной морали.

¹ Иезуитские миссионеры создали в Парагвае еще в 1610 г. своеобразное теократическое государство, основанное на жестокой эксплуатации индейцев. С проникновением капиталистических отношений в колонии обстоятельства изменились,

и в 1768 г. иезуиты были изгнаны из Парагвая. Это произошло как раз во время посещения Парагвая Бугенвиллем.

² В «Корреспонденции» Гримма (сентябрь 1766) отразилась дискуссия о росте патагонцев, которых *доктор Мати*, секретарь «Королевского общества» в Лондоне, вместе с Биронэм, исследовавшим Патагонию в 1764 г., ошибочно считали великанами, так как слово «патагон» было истолковано испанцами в смысле однозвучного с ним испанского слова, означающего «долговязый». Бугенвиль встретил патагонцев на Огненной Земле.

³ *Лакондамин* (1701—1744) — известный путешественник, по вопросу о росте патагонцев разделял ошибочный взгляд Мати.

⁴ Первая фраза: «Эти прощальные слова были сказаны одним стариком» в издании Ассеза (Paris 1875) является заключительной фразой предшествующей главы. В ленинградской рукописи (Гос. Публ. биб-ка, фонды Дидро, 42/17) эти слова составляют начало второй главы, как это имеет место и в настоящем издании.

⁵ Фальшивый жемчуг.

⁶ Если верить имеющимся сведениям, священник фрегата «La Boudeuse» отец Лавесс был монахом францисканского ордена, специализировавшегося на миссионерской деятельности в колониальных странах. Само собою разумеется, что «разговор священника с Ору» не имеет аутентического характера.

⁷ Все дальнейшее до конца главы III — история Полли Бэкер. Перевод по ленинградской рукописи.

⁸ Точка зрения интереса, как основы связи между людьми и одновременно мерила важности научных открытий и мотива для изменения сущности понятий справедливого и несправедливого, является в известной мере общей у Дидро и Гельвеция. Дидро говорит о роли интереса в общественной жизни в «Размышлениях по поводу книги Гельвеция «Об уме» (см. стр. 112) и возвращается к этому же вопросу в «Опровержении книги Гельвеция «Человек» (см. стр. 321 и сл.).

⁹ Последние реплики А. и В. обычно составляют начало следующей главы. В настоящем издании они заключают гл. IV в точном соответствии с ленинградской рукописью.

¹⁰ *Марк-Аврелий Антонин* (121—180) — римский император, выдающийся представитель философии стоицизма, ставивший в центре внимания проблемы этики. Дидро имеет в виду выражение Марка-Аврелия, которое приводит и в «Философских мыслях»: «соитие — трение известных органов и выбрасывание

семени, соединенное с особыми спазмами». Полный контекст цитаты см. т. I, стр. 460.

¹¹ Перечисленные имена принадлежат героям произведений Дидро: «Это не сказка» и «О непоследовательности общественного мнения о наших частных поступках».

Речь философа, обращенная к королю

«Речь философа, обращенная к королю» написана Дидро в тот же самый период, что и «Опровержение книги Гельвеция «О человеке», т. е. в 1773 — 1774 гг. В обоих этих произведениях содержатся одни и те же мысли о том, как вызвать презрение к ремеслу священников.

Впервые «Речь философа» была опубликована в 1875 г., в собрании сочинений Дидро, изданном Ассеза.

Трудно указать определенное лицо, к которому обращался Дидро. Не исключено, что это только что вступивший на престол Людовик XVI, так как «Речь философа» написана как раз в период, когда духовенство чинило козни Тюрго, пытавшемуся ввести равный для всех сословий налог.

В «Речи философа», вскрывая все противоречия духовной и светской власти, Дидро показывает и существующую между ними тесную связь, говоря о бессилии короля поднять руку на привилегии духовенства, так как иначе потеряют силу его собственные королевские привилегии, а также указывает, что в интересах короля — чтить закон давности, давший ему власть, и сохранять сословное деление, как опору своей власти.

В этом произведении, как и в других работах, Дидро — противник идейного компромисса: философия (материализм) и религия — непримиримые враги. В духе социального рационализма XVIII века для Дидро философы — друзья разума, священники же — носители невежества.

¹ *Добровольные дары* — те суммы, которые духовенство передавало время от времени государству, в отличие от налогов, которыми облагалось во Франции третье сословие.

² *Константин* (306—337) — римский император, использовал в борьбе за власть силу распространившегося к тому времени христианства. В целях привлечения христиан на свою сторону издал в 313 г. Миланский эдикт о веротерпимости.

³ Намек на многочисленные церковно-католические праздники, приносящие духовенству громадные доходы.

Разговор философа с женой маршала де***

«Разговор философа с женой маршала де***» был написан осенью 1774 г. в Гааге, на обратном пути Дидро из Петербурга в Париж, о чем он писал 13 сентября того же года Екатерине II.

Очевидно, не зная этого письма, Ассеза относит «Разговор» к 1776 г., полагая, что диалог составлял часть письма от 23 июля 1776 г., напечатанного в «Корреспонденции», издававшейся в 1787—1790 гг. в Лондоне. Полагали, что это письмо было перепечатано из «Корреспонденций» Метра (1775—1793) за 1776 г., и потому к этой же дате отнесли и «Разговор». На самом деле в «Корреспонденциях» Метра такого письма не содержится.

Впервые «Разговор» был опубликован в 1777 г., якобы в Лондоне, а фактически в Амстердаме, причем издатели приписали авторство итальянскому поэту Томазо Крюдели, известному своим вольным образом мыслей автору сборника «*Rime e prose del dottor Crudeli*», Paris 1805, in-12. Собеседницей Крюдели считали венежанку Паолину Контарини, которой поэт посвятил некоторые из своих од. В действительности собеседницей Дидро была жена маршала герцогиня де Броли, одна из дочерей того барона Тьера, у которого Екатерина по рекомендации Дидро купила для Эрмитажа коллекцию картин. «Разговор» в художественной форме отразил действительно имевшую место беседу.

В ленинградской рукописи «Разговора» (Гос. Публ. биб-ка, отдел рукописей, 42/17) в качестве собеседника прямо указывается Дидро, как это видно из публикуемого в настоящем издании факсимиле первой страницы ленинградского списка. В соответствии с этим и в печатном тексте настоящего издания вместо имени *Крюдели* всюду восстановлено имя *Дидро*. Кроме того в той же рукописи везде вместо *маршал* стоит *герцог* и вместо *жена маршала* — *герцогиня*, хотя заглавие обычное.

Однако следует иметь в виду, что ленинградская рукопись «Разговора» написана не в драматической форме, не в форме пьесы с приведением перед каждой репликой имени действующего лица, а в форме обычного диалога, в котором перед репликами собеседников ставится знак тире. Кроме того каждая реплика не начинается с новой строки, а идет в строчку непосредственно за предыдущей. В целях более легкой ориентировки в тексте настоящее издание сохраняет ставшую уже

привычной и более удобную для чтения разбивку текста по репликам с указанием каждый раз имени собеседника.

Основная идея «Разговора» заключается в разрушении всех доводов, выдвигаемых в пользу религии, в обнажении ее содержания, как вредного предрассудка.

Роль религии в истории человечества ужасна теми злодеяниями, которые она вызывает. Религиозное мировоззрение, его мораль и природа человека — это непримиримые антитезы, в борьбе которых побеждает природа, тайком или открыто ускользающая от оков религии. Как будто сильнейший аргумент как христиан, так и деистов (в том числе Вольтера), согласно которому с устранением религии исчезают и все пороки, сдерживающие разнузданность страстей, а также основа добрых нравов, совершенно отрицается Дидро, который считает, что религия в этом отношении всегда выполняла противоположную роль и никогда в истории основой морали не являлась. По мнению Дидро, только разумное воспитание у просвещенной нации, свободной от религии, укрепляя природные задатки, может укрепить и добрые нравы.

¹ *Сальпетриэр* — исправительный дом в Париже.

Бисэтр — один из фортов Парижа.

² *Бугэ* (1698—1758) — изобретатель гелиометрии, член Французской академии. Дидро имеет в виду высказывание Бугэ относительно анабиоза, открытого голландским натуралистом Левенгуком (1632—1723) в 1717 г.

³ *Жан Лафонтэн* (1621—1695) — французский поэт, от «Сказок» в духе «Декамерона» Боккаччо перешедший к басням, где в остроумной форме высмеивал представителей господствующих классов. Незадолго до смерти поэта аббат Пуже заставил больного Лафонтэна под страхом мук ада признать греховность своих произведений. По выздоровлении Лафонтэн занялся переложением псалмов; после смерти поэта, по словам биографов, на нем нашли власяницу.

⁴ *Янсенисты* — последователи голландского богослова Янсения (1585—1638), учившего, что спасение человека зависит только от искупляющей силы благодати.

⁵ Дидро перечисляет ряд имен античных философов (*Сократ, Марк-Аврелий*), государственных деятелей (*Фокион, Аристид, Катон*) и императоров (тот же *Марк-Аврелий* и *Траян*), которых историческая традиция считает образцами духовного бла-

городства и высоко этического поведения; между тем все они были язычниками; в этом смысл вопроса Дидро.

⁶ Дидро умер через десять лет после написания этих строк. Как известно, незадолго до его смерти приходский кюре принимал все меры к тому, чтобы примирить Дидро с церковью, однако философ отказался и умер «нераскаявшимся» атеистом.

Размышления по поводу книги Гельвеция «Об уме»

Выход в свет книги Гельвеция «Об уме» был использован реакционными кругами как повод для новых нападок на «Энциклопедию». Идеи произведения не оставляли сомнений в духовном родстве автора с руководителем «Энциклопедии»; самые смелые страницы приписывались Дидро. Книга «Об уме» вышла анонимно летом 1758 г., и уже через две недели после выхода, 10 августа, была запрещена Государственным советом. Одновременно требовали запрещения «Энциклопедии». В начале 1759 г. королевский адвокат Омер Жоли де Флери, выступив против целого ряда книг, основной огонь направлял против «Энциклопедии» и книги «Об уме», считая последнюю сокращенным изложением «Энциклопедии», этой, по его словам, книги всех заблуждений. Последовавшим за этим решением парламента книга «Об уме» была осуждена на сожжение, на распространение «Энциклопедии» был наложен запрет, и была создана специальная комиссия из теологов для рассмотрения ее содержания.

На самого Гельвеция правительство обрушилось гонениями, застрельщиком которых выступил влиятельный при дворе иезуит Плесс. По силе нападок иезуитов едва ли не превзошли янсенисты в своем журнале «Nouvelles Ecclésiastiques», и наконец к этому хору присоединила свой осуждающий голос Сорбонна.

Среди самих просветителей книга также вызвала возражения. По вполне понятным причинам, деист и агтиматериалист Руссо нашел ее «отвратительной» и не выступил в печати, как он говорил, лишь потому, что автор и без того подвергался преследованиям; наиболее аристократизированный из всех энциклопедистов, Гримм, назвал «Об уме» непристойным изложением ложной морали. В защиту Гельвеция раздался лишь голос аббата Койо в книжечке «Lettre au R.-P. Berthier sur le materialisme», сожженной одновременно с книгой Гельвеция, да еще Леруа, принявший сторону Гельвеция в теории стра-

стей и интереса в «Examen de critiques du livre intitulé de l'Esprit».

Эта буря, вызванная появлением книги и захватившая и «Энциклопедию», не повлияла на прямоту критического отношения Дидро к идеям Гельвеция. «Размышления по поводу книги Гельвеция «Об уме» написаны в 1758 г. и впервые опубликованы в полном собрании сочинений Дидро под редакцией Ассеза в 1875 г.

В развернутом виде основные мысли «Размышлений» философ высказал значительно позднее — в «Опровержении книги Гельвеция «Человек», в 1773—1774 г., идеи же естественной морали были им развиты в те же годы в «Добавлении к путешествию Бугенвилля». Называя в «Размышлениях» парадоксом принцип всеобщей чувствительности материи, Дидро, с некоторыми, правда, разъяснениями, сам принимает это учение, о чем свидетельствуют его высказывания в 1754 г. в «Мыслях об объяснении природы». В отношении «парадоксов» Гельвеция Дидро всюду обнаруживает более тонкое, чем у Гельвеция, решение проблем, что не мешает ему, однако, отмечая ошибочные принципы в книге, оценить ее с точки зрения бойца как «страшный удар по всякого рода предрассудкам». В этом как раз, а также и в том, что этот удар обнажил некоторые принципы, на которых будет зиждиться мир буржуазной собственности и которые лицемерно им скрываются, заключается не разгаданный Дидро секрет общего недовольства книгой.

¹ *Клод-Адриан Гельвеций* (1715—1771) — французский философ-материалист, сын придворного врача. В 1751 г. оставил после женитьбы должность генерального откупщика, чтобы всецело отдаться научным и литературным занятиям; в 1758 г. после выхода книги «Об уме» был отставлен из придворного штата; находился в близких отношениях со всем кругом просветителей, посещавших его салон на улице св. Анны, переписывался с Юмом. К мнению Гельвеция прислушивался Монтескье, доставлявший ему на просмотр корректурные листы «Духа законов». Отзыв Гельвеция, изложенный в большом письме к Монтескье, был напечатан в 1796 г.

Крупнейшие произведения Гельвеция — «Об уме» (1758; переведено на русский язык, изд. 1917 г., под ред. Э. Радлова) и «О человеке» (1772). Будучи по основным вопросам философии единомышленником Дидро и Гольбаха, он был более

осторожен в своих выводах относительно религии, что в некоторых местах производит впечатление непоследовательности и попытки смягчить свои расхождения с господствующим мнением. Расхождения Гельвеция с Дидро относятся к более частным вопросам мировоззрения.

Идеи Гельвеция были известны в России. В 1788 г. в Тамбове появилась книжечка «Дух Гельвеция», собственно краткое изложение основных мыслей «Об уме»; в журнале «Собрание новостей» за март—апрель 1776 г. была напечатана статья «Из сочинения «Об уме», первоначальные понятия»; в русской периодической литературе XVIII века известны и другие переводы отдельных мест из этой же книги Гельвеция.

² *Исаак Ньютон* (1642—1727) — английский математик и физик.

³ *Мишель Монтэнь* (1533—1592) — французский философ-скептик, «Опыты» которого оказали большое влияние на развитие французского просвещения не только своим содержанием, но и формой и стилем изложения.

⁴ *Шарль-Луи Монтескье* (1689—1755) — французский политический деятель и писатель, член Академии в Бордо и советник бордоского парламента, автор «Персидских писем» (1721) и «Рассуждений о причинах величия римлян и их упадка» (1734). Основное произведение Монтескье, «О духе законов», вышло в середине 1748 г. и оказало большое влияние на политическое сознание и политическую литературу Франции XVIII века. В основу всех правовых установлений и государственных учреждений автор полагает обусловленность их как естественными (почва, климат), так и социальными причинами. Монтескье является родоначальником французского политического либерализма, считая, что цель государства в деле осуществления законной свободы лучше всего достигается в конституционной монархии. Для лучшего охранения этой свободы Монтескье выдвинул идею разделения властей, ошибочно усмотрев ее в государственном устройстве Англии. Идея законности, на которую должна опираться всякая форма государства, явилась косвенной критикой произвола королевской власти современного Монтескье периода абсолютной монархии. Против Монтескье, так же как десять лет спустя против Гельвеция, выступило духовенство, книга была признана вредной в Риме, тринадцать мест в «Духе законов» были заклеены Сорбонной как еретические.

⁵ *Жорж Бюффон* (1707—1788) — французский натуралист,

автор многотомной «Естественной истории». Между прочим, когда вышла книга Гельвеция «Об уме», Бюффон готовил к печати седьмой том этой своей работы. Увидев, каким гонениям подвергся автор «Об уме» и «Энциклопедия» в целом, Бюффон отложил печатание тома, посвященного очеркам о волке, лисице, барсуке, выдре и кунице, опасаясь, как думали современники, что правящие круги усмотрят в этом ряд соблазнительных намеков.

Систематическое опровержение книги Гельвеция «Человек»

Дидро писал «Опровержение книги Гельвеция «Человек» в 1773—1774 г. во время остановок в Гааге в период своего путешествия в Россию и обратно.

В 1773 г. проездом в Петербург Дидро остановился в Гааге у знакомого ему еще по Парижу кн. Д. А. Голицына, бывшего русского посла во Франции, а затем русского посла в Голландии. Ожидая в Гааге Нарышкина, который должен был сопровождать философа в Петербург, Дидро занялся чтением книги Гельвеция «Человек», об издании которой хлопотал в то время кн. Голицын, друг покойного уже Гельвеция. Дидро начал работу в своей обычной манере, набрасывая на полях книги заметки и возражения, вызываемые ходом чтения. Возвращаясь весной 1774 г. из России, Дидро вновь остановился у кн. Голицына, чтобы опубликовать книгу И. И. Бецкого «Планы и статуты различных учреждений, основанных императрицей Екатериной II для воспитания юношества». Здесь он вновь читал Гельвеция, вышедшая книга которого к тому времени уже была осуждена на сожжение постановлением парламента от 10 января 1774 г. *. Перечитывая Гельвеция, Дидро переписал и исправил свои заметки, значительно изменив в более благоприятную сторону первоначальную оценку книги. К переработке своих заметок Дидро возвращался несколько позже еще раз. Часть «Опровержения книги Гельвеция «Человек», в первоначальной редакции, была помещена в «Корреспонденции» Гримма в 1787 г. Целиком и в последней редакции «Опровержение» было впервые опубликовано в полном собрании сочинений Дидро под редакцией Ассеза в 1875 г.

* Страницы книги Гельвеция, указываемые Дидро, даются им по этому первому голландскому изданию.

На основании «Опровержения» высказывалось мнение о глубоких разногласиях между Дидро и Гельвецием по основным вопросам материалистического мировоззрения. Ознакомившись с произведением, читатель убедится, что критика Дидро — это критика единомышленника в основных философских вопросах, направленная лишь к углублению и дальнейшей разработке этих вопросов.

«Опровержение» представляет ряд отрывочных замечаний, последовательность которых определена ходом глав и основных мыслей книги Гельвеция. Значение этого произведения Дидро заключается в постановке и часто решении важнейших вопросов материалистической теории познания, что лишней раз позволяет выделить Дидро из основного ядра материалистов. Французский материализм, нанося удары всей предшествовавшей метафизике, борется против спекулятивного мышления, за опытное знание и построение на его основе философских обобщений. Дидро выступает в «Опровержении» как защитник научной материалистической философии, настаивая одновременно на ее опытном доказательстве; он упрекает Декарта в том, что тот не проверил, насколько соответствуют природе его правила движения, и требует опытного доказательства такой гипотезы, как всеобщая чувствительность материи и переход от инертной материи к живой. Решив проблему источника и содержания нашего познания в духе сенсуализма на материалистической основе еще в 1749 г. в «Письме о слепых», Дидро в «Опровержении» ставит новые задачи. Он далек от того, чтобы, борясь с идеализмом, вычеркнуть совершенно проблему рационального, растворить его в ощущении, как делает Гельвеций, или обойти этот вопрос, по примеру Гольбаха. Подчеркивая единство разума и органов чувств, Дидро ставит проблему специфической роли разума, его значения обобщающего целого по отношению к отдельным органам чувств и необходимости выведения из единого основания — физической чувствительности — всех умственных операций. Эта физическая чувствительность, являясь основой знания, есть в то же время условие человеческой деятельности. И здесь также Дидро ближе к действительности, когда он опровергает утверждение Гельвеция, что физическая чувствительность есть непосредственная причина всех человеческих поступков. Дидро против непосредственного перехода от ощущения к действию, против обусловленности физическим наслаждением человеческого поведения, требуя вскрытия не общих всем животным, а специфических для человека причин

действий и справедливо указывая на социальный характер его переживаний, часто ничего общего не имеющих с физическим наслаждением. Материалистически обосновывая вопросы психологии, Дидро намечает проблему индивидуального и общественного, решая вопрос в пользу примата социальных стимулов в деятельности человека.

Рассматривая человека как продукт ощущений, Гельвеций все внимание направляет в сторону влияния на него внешней среды и делает вывод, что человек со всеми его способностями есть продукт среды, — вывод, высказанный еще в книге «Об уме». В «Опровержении» Дидро верен своей точке зрения, высказанной им в 1758 г. по поводу книги Гельвеция «Об уме». Он не отрицает значения воспитания для образования характера, для исправления и усиления данного природой, но источник всех способностей ума, их степени и направления видит в материальной, точнее — физиологической особенности человека.

Место, какое занимает «Опровержение» в ряду других философских произведений Дидро, весьма значительно. Относясь уже к совершенно зрелому периоду творчества Дидро, написанное шестидесятилетним философом, оно выявляет дальнейшее углубление Дидро в области теории познания, взгляды его на общественное устройство и религию, причем повсюду Дидро неизменно выступает как мыслитель более глубокий из всей плеяды материалистов своего времени.

¹ Дидро имеет в виду министерство *Анри Тюрго* (1727—1781), виднейшего представителя школы физиократов, мероприятия которого начали расчищать от феодальных препятствий почву для буржуазного развития. Министерство Тюрго продолжалось с 1774 по 1776 год, и в это время энциклопедисты получали у министра некоторую поддержку, в частности министерством был задержан «*L'année littéraire*», содержащий оскорбительные нападки на Дидро.

² Людовик XV умер в 1774 г., как раз во время путешествия Дидро в Россию. В фразе Дидро содержится скрытая надежда на изменение политики при новом короле, Людовике XVI. Действительность, как известно, обманула эту надежду.

³ *Жан Даламбер* (1717—1783) — математик и редактор Дидро по «Энциклопедии» до седьмого тома.*

⁴ *Гай-Юлий Цезарь* (102—44 до н. э.) — римский политический деятель, полководец и писатель. *Сципион Старший* (257—183 до н. э.) и *Сципион Младший* (185—129 до н. э.) —

римские полководцы. *Гней Помпей* (106—48 до н. э.)—римский государственный деятель и полководец. *Марк-Туллий Цицерон* (106—43 до н. э.) — римский философ, писатель и политический деятель.

⁵ *Терсит* — действующее лицо в «Илиаде» Гомера. Поэма изображает его презренным и ничтожным человеком. Эту традицию усвоила мировая литература.

⁶ Дальнейшее раскрытие мысли Дидро, приводящего имена великих людей. *Аннибал* (246 — 183 до н. э.) — карфагенский полководец. *Александр Македонский*, или Александр Великий (356 — 323 до н. э.) — царь Македонии, завоеватель Персии. *Ахилл*, легендарный древнегреческий герой-полубог из гомеровской «Илиады».

⁷ *Алкивиад* (451—404 до н. э.) — афинский политик и полководец; по рассказам, словами «берегись сам» Алкивиад в детстве отвечал на крик возчика «берегись», когда, играя на улице, едва не попал под колеса. *Марк-Порций Катон Младший* (95—46 до н. э.) — народный трибун, глава аристократической республиканской партии; по рассказам, словом «брось» Катон отвечал в детстве на угрозу выбросить его за окно, если он не скажет, следует ли нескольким союзным народам дать права римских граждан.

⁸ *Регул* — очевидно, один из представителей знатного плебейского рода Атилиев в древнем Риме. История знает пять Регулов из этого рода с III века до н. э. до III века н. э.: один был цензором, трое — консулами и один — претором; кого имеет в виду Дидро, установить невозможно.

⁹ *Люций-Анней Сенека* (3 до н. э.—65 н. э.) — римский философ-стоик, в этике стремился быть назидательным и поучительным, считая, что первая задача мудреца — воспитывать.

¹⁰ *Жак Вокансон* (1709—1782) — французский механик, конструктор сложных автоматов. Известны его автоматы — флейтист, утка.

¹¹ *Джон Мильтон*, автор «*Потерянного рая*» (1608—1679) — английский поэт, в своем творчестве боровшийся за идеи английской пуританской буржуазии.

¹² Автор «*Гамлета*» и «*Короля Лира*» — английский поэт и драматург Вильям Шекспир (конец XVI, начало XVII века). Художественное творчество Шекспира отразило глубочайший перелом в общественной жизни, переход от феодального общества к буржуазному и столкновение двух различных мировоз-

зрений, все богатство идей и чувств этой эпохи и ее противоречий. Дидро очень высоко ценил гений Шекспира, сравнивая его с колоссом, перед которым остальные писатели подобны пигмеям.

¹³ Автор «Тартюфа» и «Ученых женщин» — Жан-Батист Мольер (1622—1673). Своё мировоззрение Мольер выработал под влиянием материалиста Гассенди. В своих комедиях Мольер бичевал пороки современного общества, ханжество и религиозные предрассудки, подготавливая тем самым оппозиционные настроения третьего сословия. Дидро считал Мольера классическим образцом для молодых поэтов.

¹⁴ *Пьер Корнель* (1606—1684) — французский драматург, один из основоположников французской классической трагедии.

¹⁵ История дружбы и разрыва Дидро и Руссо, так же как и весь эпизод с диссертацией Руссо, см. в книге: И. Лушпол, «Дени Дидро», 2-е изд., Соцэкгиз, М. 1934, гл. III.

¹⁶ *Демосфен* (383—322 до н. э.) — блестящий афинский оратор и политический деятель, представитель умеренно-демократического лагеря.

¹⁷ *Публий-Овидий Назон* (43 до н. э. — 17 н. э.) — римский поэт, автор «Метаморфоз». В «Фастах» Овидий дал поэтический праздничный календарь.

¹⁸ Эти же мысли Дидро высказывает в «Речи философа, обращенной к королю».

¹⁹ В примечании девятом Гельвеций говорит, что все нации упрекают французов в легкомыслии, и приводит слова английского государственного деятеля *Георга Савилля* (1630—1695), утверждавшего, что все нации зависят в своем характере от своих правительств: англичане серьезны и углубленны потому, что они свободны, французы же, не смеющие размышлять о природе, религии и правительстве, поверхностны и легкомысленны; дух писателей тот же, что и дух нации: единственный достойный французский автор — Монтань. Ту же мысль высказывал и упоминаемый Дидро *Чернышев*. Он считал, что французы стоят ниже англичан, так как им запрещено размышлять о трех единственно достойных предметах — природе, религии и правительстве. Сам Гельвеций считает, что следует отличать дух нации от произведений ученых, которые значительно глубже и серьезнее, чем о них полагают.

Жак Нэжон (1738—1810) — французский материалист, друг Дидро, литературный секретарь Гольбаха,

²⁰ *Общество Иисуса* — монашеский орден иезуитов, известный своими учебными и воспитательными заведениями.

²¹ Гельвеций имел в виду учение английского философа *Джона Локка* (1632—1704), эмпирика и сенсуалиста, о том, что человек рождается без всяких врожденных идей и сознание его поэтому можно уподобить «чистой доске», которую исписывает опыт; источником опытных знаний являются прежде всего ощущения. Дидро сам был в теории познания материалистом-сенсуалистом; своей поправкой (в соответствии с исторической истиной) он хотел лишь подчеркнуть, что Локк был далеко не первым в этом пункте своей теории познания.

Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ реалистического направления.

²² В «Трактате о человеческой природе», впервые опубликованном в Англии в 1640 г., английский материалист *Томас Гоббс* (1588—1679) ставил задачей показать основы естественной морали и политики в простых элементах человеческой природы. Качественные определения материи Гоббс сводит к количественным, что характеризует его материализм как механический. Объективными качествами тел являются движение и форма, все остальные качества субъективны, являясь результатом движения, вызываемого телами в субъекте. Говоря о том, что, признав ощущение источником знания, Гоббс вывел из этого почти все следствия, какие возможны, Дидро имеет в виду учение Гоббса об именах, или понятиях и о морали. Имена, или понятия образуются на основе представлений, возникших в результате воздействия тел на нас, и самостоятельного существования не имеют (здесь Гоббс примыкает к номиналистам). Обработка понятий разумом и составляет науку. Представления, дошедшие до сердца, составляют основу страстей. Содействуя жизненному движению организма или нарушая его, эти представления определяются как добро и зло. Степень страстей зависит от строения тела и подвижности «жизненных духов». Исходя из ощущений, как источника знания, Гоббс выводит теорию познания и натуралистически обосновывает психологию и этику. Будучи механическим материалистом, Гоббс сводит не только качества тел, но и страсти,—эти, в понятиях XVIII века, аффекты души,—в конечном счете, к механическому движению.

²³ *Марк-Фивий Квинтилиан* (35—96) — римский педагог и литературный критик; первый организовал государственную школу, главным образом для подготовки ораторов, пользовав-

шуюся большим успехом. Основные произведения Квинтилиана: «Об ораторском образовании», в 12 книгах, и «О причинах порчи красноречия».

²⁴ Гельвеций говорит, что все, выходящее за пределы опыта и философской метафизики, относится к области теологии; под словом «бог» следует понимать неизвестную еще причину порядка и движения; если связывать с этим словом другие представления, то легко впасть в противоречия, как это доказано на примере Робинэ.

Жан-Батист Робинэ (1735—1820) — французский материалист, развивавший идею единства и смены форм природы на основе гипотезы о всеобщей чувствительности материи, состоящей из мельчайших живых организмов. Робинэ таким образом отрицал наличие неорганической материи, считая, что это приводит к разрыву единой природы и к допущению материи, не обладающей собственным движением, а следовательно, приводимой в движение какой-то посторонней силой. Для Робинэ дух всегда связан с телом, определен развитием материальных органов и познает себя лишь через посредство влияния на органы чувств внешних тел. Поэтому взгляд на бога, приводимый Гельвецием и имеющий место у Робинэ, есть не что иное, как дань терминологии времени. Для Робинэ бог — неведомая первопричина вселенной, неотделимая от нее; в то же время природа рассматривается как единая в своем материальном существовании и определяемая свойственным ей материальным движением.

²⁵ *Де Гибер*, автор трактата «О тактике», был человек феноменальной памяти; он раскрывал книгу и запоминал дословно 6 строк; вновь открыв ее, чтобы проверить, схватывал тотчас же 4 новых строчки. *Виллуасон*, будучи еще очень молодым и обладая исключительной памятью, издал в 1773 г. «*Le lexique d'Appolonius sur Homère*».

²⁶ Дидро имеет в виду главу XI «Трактата о человеческой природе», где Гоббс рассматривает имена сверхъестественных объектов и говорит о боге и добрых и злых ангелах. Отсюда не следует делать поспешных выводов в отношении Гоббса, памятуя, что он не без основания навлек на себя обвинение в атеизме. Размышление над связью между причиной и действием приводит, по словам Гоббса, к первопричине; обыкновенно ее называют богом, но это понятие бессодержательно, ибо за ним нет никакого представления, и наука, имеющая своим предметом измеримые тела, должна предоставить вере

область теологии. Религии возникают из невежества, когда люди, не зная причин явлений, создают в своем воображении неведомые и невидимые силы, и шет вещи, которая в свое время не рассматривалась бы как бог или как чорт. Гоббс понимал политическую роль религии, рассматривал ее как орудие в руках князей церкви для удержания людей в подчинении и в «Левиафане» выступал против притязаний духовенства на власть. Таким образом вопросы теологии Гоббс выносит за скобки науки и философии, но в то же время не порывает еще окончательно с учением о двойственной истине.

²⁷ Плебейский род Дециев в Риме (IV—III века до н. э.) дал двух консулов; согласно легенде, *Публий Деций*, руководя войсками перед битвой при Калпе и получив предсказание, что войско победит, если погибнет его вождь, пожертвовал ради победы своей жизнью. То же самое, по преданию, и при аналогичных условиях сделал его сын.

Кодр — царь Аттики, также пожертвовал своей жизнью, получив предсказание, что доряне не завоюют Аттики, если не погибнет ее царь.

²⁸ Оспаривая положение Гельвеция о том, что всякое человеческое действие имеет единственным принципом физическое страдание и удовольствие, Дидро видит всю ошибочность такого общего решения вопроса. Если выразить его мысль на языке нашего времени, Дидро против сведения закономерностей более сложных форм движения к простейшим; однако, выдвигая в отношении человека специфические для него социальные мотивы действий, Дидро не изменяет своей точки зрения на организацию как первоисточник всех способностей и наклоностей человека. Люди, не удовлетворяющиеся чувственными наслаждениями, рискующие своей честью и жизнью ради общего блага, лишь дают тем самым проявиться склонности, полученной ими от природы и возвращенной воспитанием. Этим натуралистическим объяснением, антиисторическим по существу, Дидро пытался обосновать человеческую деятельность.

²⁹ На улице св. Анны жил Гельвеций. Во время французской революции, в 1792 г., она была переименована в ул. Гельвеция и носила это название вплоть до крушения Наполеона в 1814 г.

³⁰ Речь идет о полемике по вопросу о том, кто первый изобрел дифференциальное и интегральное исчисление.

³¹ *Антуан-Леонард Тома* (1732—1825) — французский литератор и профессор, в 1766 г. был избран в Академию, в

«Философских и литературных размышлениях» выступал против Вольтера, оставил ряд панегириков о выдающихся людях.

³² Пытаясь доказать, что и у таких ученых любовь к науке имеет в основе желание физических удовольствий, Гельвеций сравнивает их со скупцами, которые накапливают богатства для того, чтобы приобрести желаемые предметы наслаждения, и в этом накоплении уже обладают наслаждением предвидения, более прочным, чем реальное, так как тело устает, воображение же никогда.

³³ «Отец семейства» и «Побочный сын».

³⁴ Дидро говорит о детях кн. Д. А. Голицына, русского посла в Париже и Гааге. Сам Голицын был типичным вольподумцем XVIII века, личным другом Дидро и Гельвеция. Напротив, жена его была целиком во власти религиозных предрассудков и ревностной католичкой. Сын Голицына, «отличный, кроткий, наивный мальчик», пошел по стопам матери и стал впоследствии фанатическим отцом-иезуитом.

³⁵ Намек на следующие произведения Руссо: «Письмо Даламберу о театральных зрелищах» (1758), в котором Руссо возмущался проектом создания театра в Женеве, как весьма опасного для нравов учреждения; «Деревенский колдун», комическая опера (1751); «Возрождение наук и искусств способствовало ли очищению нравов» (1750) с известным отрицательным ответом и, наконец, «Эмиль, или О воспитании» (1762).

³⁶ *Ромильи* — швейцарец по происхождению, знаменитый парижский часовщик того времени.

³⁷ *Пуавр* — автор «Путешествия философа», нашумевшего произведения, изданного без ведома Пуавра в 1768 г.

³⁸ Гельвеций считает, что, при различных оттенках восприятий одних и тех же предметов разными людьми, эти восприятия схватывают одни и те же отношения между предметами, так как иначе люди не могли бы ни объединять свои знания, ни совершенствовать свой разум, ни работать сообща над бесконечным развитием искусств и наук. Дидро же этот вопрос об обусловленности объективными предметами сходства наших восприятий понял в другом смысле. Если люди всегда схватывают одни и те же отношения между предметами, то нет ни совершенства наук, ни ума, ни остроумия, так как они предполагают как раз различное восприятие людьми одних и тех же предметов.

³⁹ *Индар* (522—443 до н. э.) — древнегреческий поэт. Со-

хранились четыре книги его од в честь победителей на Олимпийских, Истмийских и других состязаниях.

⁴⁰ *Шарль Колле* — французский поэт-песенник, автор комедии «Истина в вине».

⁴¹ *Франсуа Рабле* (1495—1553) — крупнейший французский писатель эпохи Возрождения. В сатирическом романе «Гаргантюа и Пантагрюэль», как и в других произведениях, являясь идеологом восходящего класса буржуазии, Рабле выступает против церковников и схоластов за жизнерадостного, здорового человека.

⁴² *Патлен* — имя адвоката, главного действующего лица фарса, названного тем же именем. Произведение написано в XV веке неизвестным автором и в XVIII веке пользовалось большой популярностью.

⁴³ *Аристофан* (ок. 450—385 до н. э.) — древнегреческий писатель, высмеивавший в комедии «Облака» софистов и Сократа, которого он неправильно причислял к софистам.

⁴⁴ *Шарлеваль* (1613—1693) — французский поэт, приобретший литературную известность своими изящными и меткими мадригалами и эпиграммами; считается автором «Беседы отца Канне с маршалом Окенкуром», в действительности найденной среди работ его современника, французского писателя Сен-Эврémona (1613—1703).

⁴⁵ *Мари-Жанна Рикбони* (1714—1792) — французская писательница, некоторое время выступавшая на сцене, известная своими романами: «Письма мисс Фанни Бутгер», «Амелия» и др. Сохранилось ее письмо по поводу «Отца семейства» Дидро.

⁴⁶ *Тит-Луcretий Кар* (99—55 до н. э.) — римский философ и поэт, материалист, автор дидактической поэмы «О природе вещей».

⁴⁷ *Юстус Ван-Гюйсум* (1659—1716) — голландский художник, избравший основным сюжетом своих картин цветы и натюрморты.

Людовико Ариосто (1474—1533) — итальянский поэт эпохи Возрождения, автор известной поэмы «Неистовый Роланд».

⁴⁸ *Леонард Эйлер* (1707—1783) — крупнейший немецкий математик.

⁴⁹ *Жан-Батист Расин* (1639—1699) — французский драматург, представитель ложноклассической поэзии; долгое время его поэзия считалась образцом изящества и тонкого выражения чувств.

⁵⁰ *Иоганн-Батист Ван-Гельмонт* (1577—1644) — француз-

ский врач, химик, положивший начало биологической химии и учению о ферментах.

Иоганн-Гудольф Глаубер (1604—1668) — немецкий химик и врач, получивший многие хлористые металлы, а также сернокислый натрий (глауберова соль); Глаубер еще не освободился от влияния алхимии.

⁶¹ *Комюс* — псевдоним Ледрю, француз, престижизитатор.

⁶² Рассматривая ум как сравнение ощущений, Гельвеций считал, что верность суждения есть результат познания чувственным путем отношений вещей, которые не меняются от большей или меньшей тонкости органов чувств.

⁶³ *Оливер Кромвель* (1599—1658) — вождь английской революции XVII века. После подавления роялистского восстания 1648 г. очищенный Кромвелем от враждебных партий парламент образовал верховный трибунал для суда над Карлом I, который был казнен 30 января 1649 г.

⁶⁴ *Бернулли* — семья, давшая одиннадцать видных математиков. Проблему брахистохроны предложил Жан Бернулли, решение этой проблемы было одновременно дано его братом *Жаком Бернулли*, Лейбницем, Ньютоном и маркизом Лопиталь.

⁶⁵ *Григорий де Сен-Венсан* — с большой изобретательностью и упорством бившийся над решением неразрешимой проблемы квадратуры круга, автор «Opus geometricum quadraturae circuli et sectionum conii X libris», Anvers 1667.

⁶⁶ *Аврелий Августин* (354—430) — один из отцов христианской церкви и родоначальников патристической философии.

Цецилий-Фасций Киприан — карфагенский епископ, один из отцов христианской церкви, казненный в 258 г. императором Валерианом.

Афанасий (293—373) — епископ александрийский, с большой энергией и изворотливостью боролся против возникшего в начале IV века в христианстве течения — арианства.

⁶⁷ *Унитаристы* — сторонники единобожия в античном мире; *картезианцы* — последователи философии Р. Декарта (1596—1650).

⁶⁸ *Луи Молина* (1535—1601) — испанский теолог. Его попытка примирить учение о свободной воле человека с учением о предопределении послужила одной из причин раскола среди теологов, в борьбе которых затем приняли участие янсенисты.

⁶⁹ *Пьер Ферма* (1608—1655) — один из наиболее выдающихся творческих умов в области математики. Самостоятельно открыл дифференциальное исчисление и приложение анализа

бесконечно малых к геометрии, вместе с Паскалем создал теорию вероятностей.

⁶⁰ *Тюрго*, который, заняв в 1774 г. должность генерального контролера, установил свободу хлебной торговли.

Аббат Галиани, секретарь посольства, а потом посланник в Неаполе, автор «Диалога о торговле хлебом», в котором он выступил противником физиократов.

Аббат Морелле — сотрудник «Энциклопедии», возражавший аббату Галиани в «Опровержении диалога о торговле хлебом».

⁶¹ *Авраам Муавр* (ум. 1756) — друг Ньютона, один из судей в споре между Ньютоном и Лейбницем о первенстве открытия исчисления бесконечно малых. Книга «Об учении о шансах» вышла в 1716 г. на английском языке.

⁶² Сказано по поводу ответа, данного *Фонтенелем* (1657—1757) герцогине Дюэн на ее вопрос, какая разница между часами и ею: «Часы показывают время, а ваше высочество заставляет забывать его».

⁶³ *Саади* (1184—1291) — персидский поэт, жил в тяжелую для Персии эпоху монгольского завоевания. Этим отчасти объясняется преобладание в его лирике мистических мотивов и утверждение непрочности материального мира. Лирика Саади принадлежит к лучшим образцам мировой поэзии.

⁶⁴ Сцена из «Мещанина во дворянстве» Мольера, в которой каждый считает свое искусство самым важным.

⁶⁵ *Шарль-Гуго Сен-Мар* (1682—1757) — автор «Писем об упадке стиля во Франции» и «Размышлений о поэзии», Гаага 1733.

⁶⁶ *Сафо* (VII век до н. э.) — древнегреческая поэтесса, известная главным образом своей лирикой.

Ипатия (IV—V века) — женщина-философ в Александрии, убитая христианами.

⁶⁷ *Публий Теренций* (ок. 185—159 до н. э.) — один из виднейших представителей древнеримской комедии. Язык его комедий положил начало классической латинской речи. Теренцию подражал и Мольер.

⁶⁸ *Екатерина Макалей* (1733—1791) — английская политическая писательница, оставившая несколько работ по истории Англии.

⁶⁹ *Олаф Рёмер* (1644—1710) — знаменитый датский астроном. В 1676 г. из наблюдений над спутниками Юпитера определил скорость света.

⁷⁰ *Этьен Безу* (1730—1783) — французский математик, раз-

рабатывавший теорию уравнений со многими неизвестными и теоремы алгебры, касающиеся свойств многочленов.

⁷¹ Дидро считает, что организация, определяя характер страстей, заставляет их проявиться задолго до зрелого возраста. Гельвеций же говорит, что в люльке все страсти — гордость, скупость, желание славы и другие — еще не чувствуются. Он называет их искусственными и ставит целиком в зависимость от общественного устройства и нравов. Это освобождение способностей ума и страстей от их связи с организацией необходимо Гельвецию для того, чтобы в качестве единственного источника дурных нравов провозгласить общественное устройство.

⁷² *Мопу* — канцлер Людовика XV, проводивший крайне реакционную политику абсолютизма; разогнал парламенты в Париже и провинциях, чем вызвал к себе сильнейшую ненависть всего третьего сословия.

⁷³ Цитируя с похвалой слова прусского короля, которые заканчиваются фразой «и нет ничего хуже самодержавного управления при заурядных королях», Гельвеций хотел показать, что деспотизм лишь исключительными случаями в истории подтверждает первую половину приведенного положения; обычное же самодержавное управление, по словам Гельвеция, это — зародыш общественных бедствий, плодами которого являются несчастья и опустошение. Наиболее опасным врагом общего блага является деспотизм, он всегда меняет в дурную сторону характер нации и несет с собой лишь пороки. Дидро непримиримо относится ко всякому деспотизму, в то время как Гельвеций выделяет нескольких «справедливых» деспотов.

⁷⁴ *Елизавета* (1558—1603) — английская королева. Период ее правления ознаменовался возвышением английского торгового капитала и подготовкой морского могущества Англии; в культурном отношении это — эпоха английского гуманизма и Шекспира.

⁷⁵ *Франсуа Малерб* (1555—1628) — французский поэт, оказавший большое влияние на французскую литературу, предшественник Буало в борьбе за классицизм.

⁷⁶ *Дюбарри* — любовница Людовика XV. Когда Людовик подарил ей карету стоимостью в 60 000 ливров, возмущение Парижа вылилось в целом потоке сатирической литературы.

⁷⁷ Гельвеций рассматривает состояние дикости, когда, по его словам, нет ни общества, ни языка, как состояние, где царит, как и в царстве животных, грубая сила и отсутствует

представление о справедливости. Дидро считает, что уже дикого человека надо выделить из животного мира и что ему не чуждо понятие справедливости, хотя он еще не может выразить его словами; тем самым Дидро хочет предотвратить апелляцию сторонников грубой силы в цивилизованном обществе к закону природы, якобы освещающему насилие.

⁷⁸ *Тит* (40—81 н. э.) — римский император из династии Флавиев. Под его начальством было подавлено восстание евреев за независимость и разрушен Иерусалим; в традиционную буржуазную историю вошел как «справедливый» и мудрый властитель. О *Траяне* и *Марке-Аврелии* в данном контексте см. примечание 5-е к «Разговору философа с женой маршала***».

⁷⁹ Гельвеций считает, что нет абсолютной справедливости и что критерием справедливости является сила. Кромвеля Гельвеций называет несправедливым и опасным разбойником, слепым и преступным орудием будущей свободы своей страны.

⁸⁰ *Пелопид* (IV век до н. э.) — один из вождей демократической партии в Фивах, сыграл руководящую роль в освобождении в 378 г. до н. э. Фив от господства Спарты и в восстановлении демократической формы правления.

Марк-Юний Брут (85—42 до н. э.) — возглавлял республиканский по внешним лозунгам и аристократический по существу заговор против Цезаря; участник его убийства.

⁸¹ *Гай-Крисп Саллюстий* (86—34 до н. э.) — римский историк, плебей по происхождению, автор «Югуртинской войны» и «О заговоре Катилины».

Тит Ливий (59 до н. э.—17 н. э.) — римский историк, автор многотомной «Римской истории» от основания города.

Публий-Корнелий Тацит (56—120) — римский историк, автор «Анналов» и «Германии».

⁸² Гельвеций считает, что народы Европы в результате полученного ими воспитания почитают добродетель, однако лишь в теории; дурные же нравы, сообщаемые нации правительством, на практике заставляют презирать добродетель. Когда же рассматривают добродетель как общее всем желание, стимулируемое политикой правительства, то безнравственность нации должна быть отнесена за счет нелепых законов. Обвиняя Гельвеция в данном случае в идеализме, Дидро имеет в виду свою мысль о первенстве организации над воспитанием.

⁸³ *Эней* — легендарный сын троянского царя Приама, герой «Энеиды» Вергилия, не отличавшийся военными доблестями.

Ахилл — легендарный герой «Илиады», один из двенадцати греческих героев, осаждавших Трои, образец силы и мужества.

⁸⁴ Гельвеций считает, что если бы добродетель была результатом организации или даром неба, то роль законодателя и правителей сводилась бы к нулю.

⁸⁵ *Мальзерб* (1721—1794) — французский государственный деятель, сознававший необходимость реформ, облегчавший буржуазное развитие Франции. Занимая пост начальника управления печати, сочувственно относился к изданию «Энциклопедии». Министр внутренних дел при Людовике XVI.

⁸⁶ В 1765 г. Гельвеций был приглашен Фридрихом II в Берлин, где был милостиво принят. Прусский король, зная связи Гельвеция при французском дворе, дал ему тогда дипломатическое поручение, правда, не имевшее успеха. По мнению Гельвеция, Фридрих II принадлежал к числу просвещенных и справедливых государей.

⁸⁷ *Пьер Николь* (1625—1695) — французский писатель, работавший над вопросами логики.

⁸⁸ *Мишель Монтэнь* (1533—1592) и *Пьер Шаррон* (1541—1603) — философы-скептики, завершающие философию эпохи Возрождения.

⁸⁹ *Карнеад* (213—129 до н. э.) — греческий философ-стоик, затем перешел в ряды последователей Платона; славился даром блестящего красноречия.

⁹⁰ *Учение о двойственной истине* — возникло в средние века во Франции и Италии и послужило началом к освобождению философии от подчинения теологии, в котором она находилась. Этим учением области веры и знания разделялись. Наука имеет свой особый предмет знания, отличный от предмета теологии; истины последней для науки необязательны, так же как истины науки необязательны для теологии. Тем самым устанавливались определенные границы не только теологии, но и разуму. Являясь для своего времени в известном смысле шагом вперед, это учение носит компромиссный характер примирения веры с знанием, выражая еще незрелое состояние идейно-революционных элементов феодального общества.

⁹¹ Автор — *Поль-Тири Гольбах* (1723—1789), представитель основного материалистического ядра «Энциклопедии», неизменным и активнейшим сотрудником которой он был до конца издания, руководя отделом химии, делая массу переводов, отдавая этому предприятию всю свою богатейшую эрудицию. За самостоятельные работы Гольбах принялся лишь после того, как в основном

было завершено дело «Энциклопедии». Основное произведение Гольбаха, «библия материализма XVIII века» — «Система природы», вышло в 1770 г. в Амстердаме, как якобы принадлежавшее Жану-Батисту Мирабо, неперемному секретарю Академии, умершему за десять лет до выхода книги. Вышедшая в 1772 г. книга Гольбаха «Здравый смысл», блестящий атеистический памфлет, представляет собою обработку «Завещания» материалиста начала XVIII века, священника Мелье.

⁹² «Система природы» Гольбаха занимает виднейшее место среди произведений французских материалистов XVIII века. После окончания издания «Энциклопедии», некоторая умеренность тона которой объясняется тем, что она не была делом рук одних материалистов, необходимо было дать произведение, которое раскрыло бы систему действительных взглядов руководящего материалистического ядра «Энциклопедии». Эту задачу и выполнила «Система природы», созданная Гольбахом при близком участии Дидро и Нэжона.

В этой книге Гольбах подводит итог всему предшествовавшему развитию атеистической и материалистической мысли. Взяв природу как всеобъемлющее целое в ее бесконечном существовании и движении, Гольбах разрушает доводы теологов о творении мира и о существовании духовной субстанции. Движущаяся материя существует в многообразии изменяющихся форм, всецело подчиненных механической причинности. Сознание, превращенное теологией в самостоятельную субстанцию, возникает как свойство материального существа и неразрывно связано со способностью ощущения. Критикуя учение о врожденных идеях, Гольбах рассматривает все знание как продукт опыта. Человек — одно из существ природы, подчиненных ее необходимости; несчастным он становится лишь в незнании этой необходимости, в удалении от природы, когда он поработен политическими и религиозными заблуждениями. Вторая часть «Системы природы», объясняя происхождение религии из незнания человеком законов природы, дает критику теологии и деизма. Таким образом, исходя из единого начала движущейся материи, изгоняя бога, Гольбах обосновывает законы физического и духовного мира, теорию познания и поведения человека, нанося систематические удары суеверию и религиозным предрассудкам.

Будучи механическим материалистом, Гольбах рассматривал человека как существо природы, которое должно руководствоваться естественными законами; поэтому он не смог раскрыть

движущих пружин исторического процесса и объяснял его в духе метафизического материализма, приводящего к идеализму в области понимания общественных явлений.

С выходом «Системы природы» происходит окончательный раскол среди просветителей. Против «Системы природы» выступил Вольтер, резкое недовольство высказал Руссо, отрицательную оценку книга вызвала у Галиани, не говоря уже о папике «просвещенного» монарха Фридриха II.

⁹³ *Торквато Тассо* (1544—1595) — итальянский поэт эпохи позднего Возрождения, автор «Освобожденного Иерусалима».

⁹⁴ *Гиппократ Хиосский* (ок. 440 до н. э.) — греческий геометр, в работе над квадратурой круга установил предложение, известное под названием *гиппократовых луночек*. Гиппократовы луночки — фигуры, ограниченные полуокружностью, описанной около катета прямоугольного треугольника как диаметра, и частью полуокружности, описанной около гипотенузы этого треугольника. Сумма площадей обеих луночек равна площади треугольника.

⁹⁵ *Фридрих II Прусский* (1712—1786) — представитель просвещенного абсолютизма, разыгрывавший роль покровителя наук и философии.

⁹⁶ *Роберт Вальполь* (1676—1745) — английский политический деятель, вожь вигов. Возглавляя в течение двадцати лет (1721—1741) кабинет, ввел в практику покупку голосов депутатов и торговлю местами в Палате общин.

⁹⁷ Гельвеций предлагает объявить народ наследником всей науки и разделять богатство, слишком значительное для одного, между несколькими.

⁹⁸ *Этьен-Морис Фальконэ* (1716—1791) — французский скульптор, автор памятника Петру I (в Ленинграде), одно время друг Дидро.

⁹⁹ Речь идет о борьбе за независимость английских колоний в Северной Америке, образовавших в 1776 г. независимую республику Соединенных штатов Северной Америки. Дидро далек от идеализации общественного строя Англии, особенно характерной для Вольтера. Гольбах, проведя немного времени в 1765 г. в Англии, вывез неблагоприятное мнение о стране, в том числе и о ее государственном устройстве.

¹⁰⁰ Основатель ордена иезуитов *Иниго* (Игнатий) *Лойола* (1491—1556) в молодости был испанским офицером. Для борьбы с протестантизмом и со всеми врагами католической церкви Лойола организовал в 1539 г. воинствующий орден иезуитов

(братство Иисуса), построенный на принципах строгой военной дисциплины.

¹⁰¹ *Генрих IV* (1553—1610) — первый французский король из династии Бурбонов, убит фанатиком-католиком Равальяком.

¹⁰² *Маркиза Помпадур* (1721—1764) — любовница Людовика XV, игравшая роль в политике Франции.

¹⁰³ *Цезарь Борджиа* (1475—1507) — представитель итальянского аристократического рода, игравшего в Италии XV—XVI веков видную политическую роль. Борясь за господство над всей Средней Италией, прибегал к подкупам, убийствам, отравлениям.

¹⁰⁴ Гораций, «Сатиры», кн. I, сатира I.

¹⁰⁵ *Франсуа-Жан Шателло* (1734—1788) — военный и литератор, в 1775 г. принятый во французскую Академию, был связан с Вольтером и энциклопедистами. Его книгу, о которой упоминает Дидро, «Об общественном счастье», Амстердам 1772, Вольтер ставил выше «Духа законов» Монтескье.

¹⁰⁶ *Менандр* (342—291 до н. э.) — греческий драматург, глава новой аттической комедии.

¹⁰⁷ *Гай-Цильний Меценат* (ок. 64—8 до н. э.) — римский общественный деятель и писатель, известен более как покровитель искусств.

¹⁰⁸ *Дионисий Лонгин* (213—273) — греческий философ, грамматик и ритор, автор «Трактата о слог».

¹⁰⁹ *Николай Буало* (1636—1711) — французский поэт и критик. В своей поэме «Поэтическое искусство» дал, опираясь на древних теоретиков — Аристотеля и Горация, теорию французской классической поэзии, влияние которой на последующую литературу было подорвано лишь в XIX веке романтиками.

¹¹⁰ *Гюйом-Франсуа Бертье* (1704—1782) — иезуит, с 1745 по 1763 г. редактор «Journal de Trevoux», вел ожесточенную борьбу с энциклопедистами.

¹¹¹ *Эно* — второстепенный деятель французского просвещения, близкий ко двору консерватор умеренного направления.

¹¹² *Лаокоон* — жрец Аполлона в Трое; по Вергилию («Энеида»), расходящемуся в этом с другими авторами, Лаокоон вместе с двумя сыновьями был удушен змеями, после того как предупредил троянцев против возможной хитрости греков, сделавших вид, что они оставили осаду Трои. В 1506 году в Риме была найдена скульптурная группа, изображающая смерть Лаокоона, вскоре заслужившая славу одного из лучших образцов античной скульптуры.

¹¹³ *Анри Тюрени* (1611—1675) — маршал, французский полководец, участник Тридцатилетней войны, восстания Фронды и первых войн Людовика XIV.

¹¹⁴ *Ликург* (IX век до н. э.) — легендарный спартанский законодатель.

¹¹⁵ *Марк Курций* — герой легендарного предания, относимого к IV веку до н. э.: следуя указанию прорицателя, Курций в 362 г. до н. э. бросился в пропасть, грозившую поглотить Рим, желая этим спасти город, так как, согласно прорицанию, пропасть закрылась бы, если бы в нее была брошена самая большая драгоценность города.

¹¹⁶ В марте 1764 г. Гельвеций с двумя дочерьми выехал в Лондон, был дружелюбно там принят и представлен королю.

¹¹⁷ *Петр Александрович Румянцев* (1725—1796) — крупный российский вельможа, административный и военный деятель; командующий войсками в Русско-турецкую войну 1768—1774 гг.; Екатерина дала ему титул графа Задунайского.

¹¹⁸ *Николай Катина* (1637—1705) — французский маршал, один из главнокомандующих Людовика XIV. За измену был сожжен живым.

¹¹⁹ *Томас Гордон* (первая половина XVIII века) — английский публицист, автор ряда памфлетов, в резкой форме нападающих на королевскую власть и духовенство.

Альджернон Сидней (1622—1682) — член «долгого» парламента 1646 г., один из деятелей английской республики, впоследствии отошедший от политической жизни. Из его произведений наиболее известно — «Discourse concerning government», несколько раз переводившееся на французский язык.

¹²⁰ Из басни Лафонтэна «Мор зверей».

¹²¹ Гельвеций, называя религию властолюбивых священников мстительной, жестокой и нетерпимой, считал религию Христа мягкой и веротерпимой.

¹²² *Станислав-Август Понятовский* (1732—1798) — последний король Польши, равнодушно воспринял раздел Польши 1772 г.; в 1792 г. по требованию России отрекся от престола и до смерти проживал в Петербурге.

¹²³ *Лукиан* (ок. 120—180) — древнегреческий писатель, в изящном и едком тоне высмеивал религиозное и философское мировоззрение древнего мира.

¹²⁴ Речь идет о книге И. И. Бецкого, для издания которой Дидро останавливался на обратном пути из России в Голландии; ее полное название: «Планы и статуты различных учреждений,

основанных императрицей Екатериной II для воспитания юношества», Амстердам 1775.

¹²⁵ *Джузеппе Тартини* (1692—1770) — итальянский скрипач, композитор и теоретик. Особой популярностью пользовалась его «Дьявольская соната».

¹²⁶ *Рафаэль Санцио* (1483—1520) — великий итальянский художник, оказавший огромное влияние на последующее развитие искусства.

¹²⁷ *Ривар* — профессор математики и философии в Коллеже Бовэ. Его «Элементы математики» (1740) долгое время считались классическими.

¹²⁸ *Майебуа* — французский генерал, сын маршала; судом маршалов был объявлен клеветником за написанные им мемуары, относящиеся к битве при Гастембеке, — заключен в Дуллене, откуда был освобожден в 1757 г.; умер в 1791 г.

Элементы физиологии

Мысли и заметки Дидро, объединяемые под общим названием «Элементы физиологии», были начаты почти одновременно с «Опровержением книги Гельвеция «Человек», во время пребывания Дидро в Гааге на обратном пути из России. Однако, с одной стороны, мысль о подобной работе зародилась у Дидро, несомненно, раньше, как об этом свидетельствует публикуемое перед «Элементами» письмо доктору Пти, а с другой стороны, работа над ними вышла далеко за пределы 1774 г. и охватывает время до 1780 г.; это можно установить по самому тексту, так как иногда Дидро пишет «здесь», имея в виду Голландию, а один раз упоминает книгу, которая вышла лишь в 1780 г.

Написанные таким образом на протяжении не менее шести лет, «Элементы физиологии» были опубликованы впервые через сто лет в собрании сочинений Дидро под редакцией Ассеза, в 1875 г.

Посылая «Элементы физиологии» Даламберу, Дидро совершенно явственно указывал в письме к своему другу на связь, существующую между «Элементами» и сюитой «Разговор Даламбера с Дидро»*. Специально об «Элементах» он писал: «Не удивляйтесь же, если Вы найдете здесь отступления, неясности, неточные выражения, недопустимые в вопросах такого рода,

* См. вводную заметку в примечаниях к «Разговору Даламбера с Дидро» в I томе.

наброски гипотез, слишком смелые догадки, слишком слабые доказательства и беспорядок, далеко превосходящий то, что дозволено в вольном разговоре. Предлагаемое здесь представляет разбитую статую, но разбитую так, что художнику было почти невозможно восстановить ее. Вокруг нее осталась масса обломков, надлежащего места которых он не мог найти... Мне говорили, что первоначально в этом произведении была оригинальность, сила, увлекательное красноречие, веселость, естественность и даже связность. Большая часть этих качеств, столь существенных для диалога, улетучилась из них, остались только бессвязные намеки на них. Если читатель заметит здесь хоть какой-нибудь след таланта, то и этого довольно».

Эти указываемые самим Дидро стилистические особенности «Элементов», никогда не предназначавшихся автором для печати, представляют в смысле перевода на русский язык особые трудности. Конспективный характер заметок, особенности терминологии, иногда ошибки Дидро, а вернее, заблуждения науки его времени — все это явилось при переводе дополнительным источником трудностей. Между прочим, даже первый французский издатель «Элементов», Ассеза, подчеркивает те их особенности, которые затрудняют чтение в подлиннике: сокращенные обороты речи, пропущенные глаголы и т. п.

Несмотря на эти трудности, в настоящем издании дается *полный* перевод «Элементов физиологии», с восстановлением тех купюр, которые имели место в первом русском издании 1926 года. Это делается потому, что роль «Элементов» в философском наследии Дидро, несомненно, весьма значительна.

В «Элементах физиологии» отчетливее, чем в остальных работах, видно, что, следя внимательнейшим образом за развитием естествознания, Дидро не только был на высоте научной мысли своего времени, но в своих философских обобщениях дал ряд прогнозов, предугадавших пути дальнейшего развития науки. Он прекрасно понимал, что лишь в союзе с естествознанием возможно преодоление идеализма и теологии и обоснование материализма. Отсюда становится понятной та тщательность, с которой Дидро изучает и отмечает факты единства цепи существ природы и их переходных форм, так как в этом единстве материального мира он видит основу философии. Идеи единства вселенной и всеобщей связи существ были высказаны Дидро в самой ранней его работе, относящейся к 1745 г., — в переводе «Опыта о заслуге и добродетели» Шефтсбери. В дальнейшем, в «Мыслях об объяснении природы (1754)», в «Разговоре Далам-

бера с Дидро» (1769), эта же идея единой цепи существ развивается на основе связи органического мира с неорганическим.

Уничтожая барьер между неорганической и органической материей, Дидро делает смелый шаг по сравнению с учеными своего времени, которые разделяли эти два «царства природы», и намечает тем самым естественную классификацию всех существ природы, что отвечало назревшей потребности естествознания XVIII века.

Естественная классификация и установление связи существ, идущей от простейшего к сложному, выдвигают идею видоизменения форм живых существ и их развития. Своей постановкой вопроса о трансформизме существ Дидро поднимается над уровнем современной ему науки до вопросов, разрешенных лишь естествознанием последующего, XIX столетия.

В «Элементах физиологии» эти идеи выражены в такой четливой форме, что, будучи впервые опубликованы в период почти всеобщего признания дарвинизма, вызвали к себе оживленный интерес научных кругов.

Другой линией углубления материализма Дидро в «Элементах физиологии» является изучение материальной организации человека как основы ощущения и мышления. Дидро прекрасно знаком с лучшей в его время «Физиологией» А. фон Галлера и умело направляет все имеющиеся у него под рукой факты физиологии человека и животных против учения идеалистов о духовной субстанции и картезианского дуализма. Если только допустить существование двух субстанций, т. е. уничтожить обусловленность духа материей, то теряется всякая возможность научного объяснения области сознания. В «Элементах физиологии» Дидро предвосхищает идею объективного изучения сознания человека, переводя все время понятия психологии на язык физиологии и обратно, и идет дальше физиологов своего времени в объяснении функций мозга не только из связи его со всей нервной системой и органами чувств, но и из анализа отдельных его участков, на что не обратили достаточного внимания современные ему ученые.

Если в ряде вопросов дальнейшее развитие естествознания вскрыло и исправило ошибки и заблуждения Дидро (например, идея самопроизвольного зарождения), то нужно помнить, что и в этих вопросах Дидро был вместе с передовой наукой XVIII века. Таким образом, кроме сказанного, значение «Элементов физиологии» заключается еще и в том, что они дают прекрасную картину состояния этой науки в XVIII веке.

¹ *Антуан Пти* (1718—1794) — французский врач, блестящая деятельность которого была широко известна за пределами Франции; оставил ряд работ по медицине.

² *Цезарь Вердье* (1685—1759) — французский врач-хирург и анатом, написал работу «Краткое изложение анатомии человеческого тела», читал публичные лекции.

³ *М-ль Бьерон* — была известна в Париже как искусная мастерица анатомических моделей.

⁴ *Жак-Бартелеми Беккари* (1682—1766) — итальянский врач и ученый, профессор физики Института наук и искусств в Болонье, в 1742 г. открыл клейковину.

⁵ *Иоганн-Кристоф Майер* (1747—1800) — немецкий врач, впоследствии профессор ботаники и директор ботанического сада при Берлинском университете; ему принадлежит ряд работ по анатомии, физиологии и медицине.

⁶ *Гийом-Франсуа Руэлли* (1703—1770) — французский химик, член Академии.

⁷ *Пьер-Жозеф Макер* (1718—1784) — профессор химии, доктор медицины, впоследствии академик; являясь учеником Руэлля, сыграл большую роль в деле выделения химии в самостоятельную науку.

⁸ *Опыты Трамбле* (1700—1784) — над полипами пресной воды; опубликованы в 1744 г.

⁹ Невозможность самопроизвольных зарождений была доказана лишь в XIX веке Луи Пастером.

¹⁰ *Феликс Фонтана* (1730—1803) — профессор физики в Пизе, затем директор Музея физики и естественной истории во Флоренции.

¹¹ *Джон Нидгэм* (1713—1781) — английский физик, известен своими микрографическими работами, утверждал самопроизвольное зарождение организмов.

¹² *Адансон* (1727—1806) — французский ботаник, член Академии; в своей работе «Семейства растений» сделал попытку их искусственной классификации. В 1767 г. Адансон открыл *tremella* и назвал его «*oscillatoria Adansoni*».

¹³ Считая невозможным объяснить специфические закономерности жизни из закономерностей механики, Дидро имеет здесь в виду Декарта, рассматривавшего животных как машины, а также распространенный в XVIII веке взгляд на функции организма как механические.

¹⁴ Совершенно неправильный, ненаучный взгляд, существовавший, однако, в XVIII веке.

¹⁵ *Питер Кампер* (1722—1789) — голландский профессор анатомии, с которым Дидро встречался в Гааге во время путешествия в Россию. Труд Кампера о лицевом угле был опубликован лишь после его смерти в 1789 г. Дидро, знакомый с содержанием работы до ее издания, пытается, вопреки взглядам современных ему естествоиспытателей, аргументировать его свое положение об изменчивости животного мира и его единстве, доказанном позднее сравнительной анатомией и палеонтологией.

¹⁶ Дидро отрицательно относился к теории преформизма, которая, основываясь на учении о неподвижности и законченности форм, рассматривала зародыш как подобие взрослого существа, но очень малых размеров. Эта теория дополнялась учением о последовательном включении бесконечно малых зародышей, лишь развертывающихся затем во взрослое животное. Дидро высказывался против преформизма еще в «Разговоре Даламбера с Дидро».

¹⁷ Речь идет о Даламбере.

¹⁸ Даламбер идет к Гольбаху.

¹⁹ *Димитрий Полиоркет* (337—283 до н. э.) — сын Антигона, военачальника Александра Македонского, наместника Фригии. Вместе с отцом воевал за оставленное Александром наследство. Умер после трехлетнего плена в сирийском городе Анамее.

²⁰ *Герман Бургав* (1668—1738) — знаменитый голландский врач, систематик и педагог в области медицины, учитель А. фон Галлера и Ламеттри.

²¹ *Винченцо Малакарне* (1744—1816) — итальянский хирург, был профессором в Акви, один из основателей сравнительной анатомии.

²² *Клод Лоррэн* (1600—1682) — французский пейзажист, один из основателей французского академического классицизма XVII века.

Клод-Жозеф Верне (1714—1789) — французский художник, популярнейший пейзажист XVIII века, один из любимых Дидро художников.

²³ *Иоганн-Фридрих Мекель* (1714—1774) — немецкий профессор анатомии, автор «Исследования о причинах безумия» (1764).

²⁴ Гельмгольц установил 32 метра в секунду.

²⁵ *Жак Давиель* (1696—1762) — французский хирург, специалист по глазным операциям.

²⁶ См. «Прибавление к письму о слепых», т. I.

²⁷ Мысль Дидро, сближающая его с Ламарком (1744—1829).

²⁸ *Кау Бургав* — племянник Германа Бургава. Книга, которую называет Дидро, вышла в Лейдене в 1745 г.

²⁹ *Марцелло Мальпиги* (1628—1694) — итальянский анатом и естествоиспытатель, основатель анатомии растений и гистологии, известен исследованиями строения мозга, сетчатки и селезенки.

³⁰ Явное заблуждение Дидро.

³¹ Случай, рассказанный Бернардом Коннором, медиком польского короля Яна Собесского, и относящийся к 1694 г. Ламеттри упоминает о нем в своей «Естественной истории души».

³² Положение Лейбница: «Природа не делает скачков» пропозывало всю философию и естествознание XVII, XVIII и начала XIX веков; придерживались его и Линней, и Дидро, и все метафизические материалисты XVIII века. Лишь в идеалистической диалектике Гегеля это положение было устранено. Учение о перерыве постепенности, о скачках входит, как известно, составной частью в диалектический материализм. Однако следует иметь в виду, что в XVII и XVIII веках это положение Лейбница в руках материалистов было важным аргументом для доказательства смежности всех «царств природы», и, стало быть, ее единства, против церковного учения о месте человека в природе и о его субстанциальном отличии от животных.

³³ Совершенно ошибочная мысль.

³⁴ *Маленький непонятный музыкант* — душа.

³⁵ *Антуан-Франсуа Ван-дер-Мойлен* (1634—1690) — фламандский художник, баталист, работавший при дворе Людовика XIV.

³⁶ *Эпименид* — полубоготворная, полуйсторическая личность; согласно сказаниям, нашедшим отражение у Плутарха и Диогена Лаэртского, Эпименид — современник семи греческих мудрецов; известен миф о его многолетнем сне в Диктейской пещере.

³⁷ *Пьер Мюре* (1630—1690) — французский проповедник и писатель.

³⁸ *Джованни Пико дела Мирандола* (1463—1494) — итальянский философ-платоник, пытался сочетать греческую и иудейскую философию с христианством, подвергался преследованиям со стороны римской курии.

³⁹ *Джироламо Кардано* (1501—1576) — итальянский философ, врач и математик; приводимый Дидро «факт» сообщается в автобиографии Кардано.

⁴⁰ *Блез Паскаль* (1623—1662) — французский математик и физик, оставивший ряд работ по гидростатике и теории вероятностей, представитель религиозной философии.

⁴¹ *Рене-Антуан Реомюр* (1683—1757) — французский физик и естествоиспытатель.

⁴² *Самопроизвольное существование*, в оригинале — *aseité* — схоластический термин, означающий существование предмета, причина которого — сам этот предмет.

⁴³ *Жан-Поль Марат* (1743—1793) — один из виднейших вождей французской революции XVIII века. Дидро имеет в виду его книгу «О человеке». По своему философскому мировоззрению Марат принадлежал к эклектикам, пытаясь занять промежуточную позицию между материализмом и идеализмом.

⁴⁴ *Георг-Эрнст Сталь* (1660—1734) — немецкий ученый, химик и врач, основатель знаменитой теории флогистона, сторонник *анимизма*, т. е. учения о том, что все органические процессы являются результатом деятельности души, а тело есть не что иное, как орган души.

⁴⁵ *Диоген Лаэртский* (III—IV века) — греческий писатель, историк, автор биографий философов, которые ценны тем, что содержат отрывки утраченных сочинений философов древности.

⁴⁶ Это наивное заключение было высказано Ламеттри в «Человеке-машине».

⁴⁷ *Везалий* (1515—1564) — профессор хирургии в Падуе, создатель анатомической науки.

⁴⁸ *Вильям Гарвей* (1578—1658) — английский биолог и врач, автор знаменитой книги «О движении сердца и крови», в которой были изложены результаты двадцатилетней работы Гарвея — открытие им кровообращения. Дидро имеет в виду другую работу Гарвея — «Исследование о происхождении животных» (1654), положившее основание эмбриологии.

⁴⁹ *Соран Эфесский* (первая половина II века до н. э.) — древнегреческий врач и писатель. Глава школы так называемых методиков в медицине. Первый освободил область медицины от мистики. Среди его работ имеется трактат о половых органах женщины.

⁵⁰ *Гиппократ* (460—377 до н. э.) — древнегреческий врач, сыгравший большую роль в истории медицины и оставивший школу, называемую его именем. Гиппократ написал целый ряд произведений по медицине, основой для которой он считал практический опыт и наблюдение.

⁵¹ *Масинисса* — царь нумидийский, союзник Рима в борьбе с Карфагеном, умер в 149 г. до н. э. на девяностом году жизни.

⁵² *Фридрих Рюйш* (1638—1731)—голландский хирург и анатом, собрал богатый музей анатомических препаратов, купленный Петром I.

⁵³ *Николай Гартсукер* (1656—1725)—голландский физик, врач и микрограф; первый открыл сперматозоиды.

⁵⁴ *Пьер Руссель* (1744—1802)—французский врач и физиолог; полное название указываемой Дидро работы — «Физическая и моральная система женщины».

⁵⁵ *Антуан Луи* (1723—1792)—профессор хирургии в Париже.

⁵⁶ Ламеттри рассказывает об этом случае мимоходом в «Человеке-машине» и более подробно в «Системе Эпикюра». Генерал-лейтенант *Деронвилль* подписал протокол. Упоминание этого имени, возможно, указывает на то, что Дидро слышал об этом случае от Деронвилля. Последний выведен Дидро также в сочинении «Это не сказка».

⁵⁷ Речь идет о бесполом размножении гней, на что указывал (не совсем правильно) в результате своих наблюдений Ш. Боннэ.

⁵⁸ *Гаспар Бозн* (1560—1624)—анатом и ботаник, его произведения по анатомии дают полную картину этой науки в XVI и начале XVII века.

⁵⁹ *Пьер-Луи Мопертюи* (1698—1759)—натуралист и философ, президент прусской Академии.

⁶⁰ *Антуан Лекамюс* (1722—1772)—французский врач, среди других работ оставивший труд об искусстве сохранить красоту, а также несколько литературных произведений.

Указатель имен *

- Абдураман — 315
Августин — 207, 208, 419, 559
Авраам — 320
Агамемнон — 313
Адам — 265, 320
Адансон — 347, 571
Александр Македонский — 123, 552, 572
Алкивиад — 124, 552
Аннибал — 123, 552
Антонин — 283
*Аполлон — 566
Ариосто — 194, 558
Аристид — 101, 259, 545
Аристотель — 141, 142, 207, 225, 263, 265, 505, 527
Аристофан — 184, 308, 558
Архимед — 205, 209, 212
*Ассеза — 539, 542, 543, 544, 549, 568
Афанасий — 207, 559
Ахилл — 123, 157, 258, 313, 552, 563
Аякс — 313

Барре — 49
Безу — 239, 560
Беккари — 342, 571
Бернулли — 203, 210, 559
*Беркли — 12, 26
Бертье — 312, 566
*Бецкий — 549, 567

*Боккаччо — 545
*Боннэ — 575
Боннье — 315
Борджиа, Цезарь — 299, 566
Бохола — 100
Бозн, Гаспар — 528, 575
Бризенда — 157, 258
*Брольи, де — 544
Бруно — 100
Брут — 178, 256, 257, 298, 562
Буало — 312, 313, 314, 561, 566
Бугенвиль — 36—43, 48, 49, 539, 542, 547
Бугэ — 99, 545
Бургав, Герман — 387, 458, 572
Бургав, Кау — 433, 573
Буффлер — 157
Бьерон — 339, 571
*Бэкон Ф.—29
*Бэйль — 9
Бюффон — 118, 194, 314, 345, 353, 354, 505, 548, 549

*Валериан — 559
Вальполь — 288, 565
Ван-Гельмонт — 199, 558
Ван-Гюйсум — 194, 558
Ван-дер-Мойлен — 467, 573
Везалий — 483, 574
Венера — 61, 94, 132, 326
Вергилий — 155, 177, 203, 267, 562, 566

* Звездочками отмечены имена, встречающиеся только во вступительной статье и примечаниях.

- Вердье — 339, 571
 Верне — 410, 572
 Вибий — 412
 Виллуасон де — 145, 555
 Вокансон — 128, 239, 552
 *Воксель де — 539, 541
 Вольтер — 178, 222, 318, 545, 557, 565, 566

 *Галиани, абб. — 560, 565
 Галилей — 212, 225, 230
 Галлер — 517, 524, 528, 570, 572
 Ганимед — 327
 Гарвей — 496, 498, 501, 502, 505, 521, 574
 Гарнье — 195
 Гартсукер — 505, 575
 *Гассенди — 553
 Геба — 327
 *Гегель — 573
 *Геккель, Э. — 21
 Гельвеций — 16, 27, 28, 29, 30, 110, 547
 Гельведий, м-м — 160
 Генрих IV — 299, 527, 566
 *Гельмгольц — 572
 Гераис — 527
 Геркулес — 203, 255, 272, 330, 337
 Гибер де — 145, 555
 Гишпократ Хиосский — 267, 565
 Гишпократ — 458, 497, 505, 574
 Глаубер — 199, 559
 Гоббс — 141, 147, 158, 264, 320, 554, 555
 Голицын, кн. — 162, 549, 557
 Гольбах — 16, 20, 550, 553, 563, 564, 565, 572
 Гомер — 155, 177, 198, 203, 267, 312, 313, 314, 555
 Горацій — 258, 303, 308, 315, 566
 Гордон — 323, 567
 Госсен — 159
 *Гримм — 542, 546, 549

 Давиель — 423, 572
 Даламбер — 122, 145, 194, 196, 210, 232, 234, 239, 551, 557, 568, 572
 *Дамирон — 14
 *Дарвин — 24
 Декарт — 10, 16, 17, 147, 207, 210, 230, 398, 524, 550, 559, 571
 Демосфен — 131, 166, 177, 198, 250, 553
 Деронвиль — 517, 575
 Диоген — 256
 Диоген Лаэртский — 481, 527, 573, 574
 Диодор Сицилийский — 527
 Диомед — 313
 Досс — 61
 Дутрелло — 122
 Дюбарри — 251, 561
 *Дюмэн — 560

 Екатерина II — 221, 322, 540, 544, 549, 567, 568
 Елизавета Английская — 246, 561

 Зороастр — 404

 Иаков Английский — 295
 Игнатий, св. — 297
 Иксион — 236
 *Иогансон, В. — 540
 Ипатия — 221, 560

 Кабэ — 31
 Кампер — 352, 572
 Кардано — 470, 573
 Карл I, Английский — 203, 559
 Карнеад — 264, 563
 Катина — 322, 567
 Катоц — 101, 124, 259, 545, 552
 Квинтилиан — 143, 144, 554, 555
 Кессель — 342
 Киприан — 207, 559
 *Кларк — 14
 Клеро — 234
 Клебенберг — 443
 Кодр — 151, 225, 556

- *Койа, абб. — 546
 Колле — 184, 558
 Колумб — 241
 Комюс — 199, 559
 Кондильяк — 25, 26
 *Коннор — 573
 Константин — 87, 207, 543
 *Контарини — 544
 Корнель — 128, 178, 185, 198, 211, 553
 Кромвель — 203, 255, 559, 562
 *Крюдели — 544
 *Кук, Джемс — 539
 Курций — 319, 567
- *Лавесс — 542
 Лавока, абб. — 299
 Лагранж — 232
 Лакондамин — 39, 542
 Ламарк — 24, 572
 Ламеттри — 22, 23, 517, 572, 573, 574, 575
 Лакоон — 314, 566
 Лафонтен — 100, 211, 545
 *Левенгук — 545
 *Ледрю — 559
 Лейбниц — 11, 19, 129, 155, 159, 205, 206, 230, 559, 560
 *Лекамюс — 535, 575
 *Ленин — 20, 21, 26, 27
 Леонтина — 256
 Леруа — 17, 546
 *Леспинас — 539
 Лефевр — 514
 Ливий — 257, 562
 Ликург — 319, 567
 Линней — 23, 573
 Линшеринг — 271, 272
 *Лойола — 565
 Локк — 10, 11, 16, 24, 25, 26, 141, 142, 143, 144, 176, 332, 554
 Лонгин — 312, 314, 566
 Лоррен, Клод — 410, 572
 *Лопиталь — 559
 Лувиль де — 534
 Луи — 515, 575
 Лукриан — 326, 567
- Лукреций Кар — 193, 558
 *Луппол — 553
 Людовик XIV — 567, 573
 Людовик XV — 120, 551, 561
 *Людовик XVI — 543
- Магомет — 178
 Майебуа — 331, 568
 Майер — 342, 571
 Макалей — 226, 560
 Макарти, абб. — 220
 Макер — 342, 571
 Макнавелли — 323
 Малакарне — 408, 572
 Малерб — 248, 561
 Мальзерб — 259, 563
 Мальшиги — 435, 573
 Марат — 480, 574
 Марк-Аврелий — 80, 101, 254, 542, 545, 562
 *Маркс — 13, 15, 16, 17, 22, 24, 29, 30, 31
 Масинисса — 498, 574
 Мати — 39, 542
 Машо — 299
 Медея — 120
 Мейбомнус — 438
 Мекель — 412, 572
 *Мелье — 564
 Менандр — 308, 566
 Меркурий — 83, 94
 *Метра — 544
 Меценат — 309, 566
 Мильтон — 267, 308, 552
 Минерва — 269, 270, 271
 *Мирабо — 564
 Мирандола, Пико де ла — 470, 573
 Молина — 207, 559
 Мольер — 138, 184, 553, 560
 Момус — 269, 270, 271
 Монтестье — 117, 118, 177, 202, 547, 548, 566
 Монтэнь — 9, 116, 135, 136, 261, 548, 553, 563
 Мопертюи — 534, 575
 Мофу — 244, 561
 Морган, Ллойд — 21

- *Морелле, абб. — 560
 Муавр — 210, 560
 Мюре — 470, 573
- *Наполеон — 556
 Нарцисс — 257
- *Нарышкин — 549
 Нидгэм — 345, 346, 571
 Николь — 261, 563
 Ньютон — 11, 14, 17, 112, 129,
 155, 159, 176, 206, 210, 212,
 225, 230, 238, 239, 548, 559,
 560
 Нэжон — 12, 14, 15, 136, 553, 564
 Нюк — 514, 521
- Овидий — 133, 553
 Оуэн — 31
- Павел, ап. — 101, 208
 Парр, Томас — 498
 Паскаль — 470, 560, 573
- *Пастер, Луи — 571
 Патрокл — 258, 313
 Пелопид — 256, 562
- *Петр I — 565, 575
 Пиндар — 183, 557
 Пифагор — 211
 Платон — 177, 308, 563
- *Плесс — 546
 Плиний — 527
- *Плутарх — 573
 Полиоркет, Дмитрий — 375, 572
 Полифем — 215
 Помпадур м-м де — 299, 566
 Помпей — 123, 552
 Понятовский — 326, 567
 Прометей — 306
 Пти д-р — 337, 568, 571
 Пуавр — 179, 557
- *Пуже — 545
- Рабле — 184, 213, 558
- *Равальяк — 566
- *Радлов — 547
 Расин — 198, 203, 211, 315,
 Рафаэль — 329, 337, 568
- Регул — 124, 552
 Рейналь — 64, 540, 541
 Ремер — 230, 560
 Реомюр — 475, 574
 Ривар — 329, 568
 Риккобони — 185, 186, 558
 Робинэ — 20, 23, 144, 555
 Ромильи — 170, 557
 Румянцев — 322, 567
 Руссель — 512, 575
 Руссо, Жан-Жак — 129, 130, 131,
 132, 137, 147, 166, 194, 223,
 282, 283, 291, 304, 305, 541,
 546, 553, 557, 565
 Руэль — 342, 571
 Рюиш — 501, 502, 575
- Саади — 216, 244, 277, 560
- *Савилль — 553
 Саллюстий — 257, 562
 Саундерсон — 14
 Сафо — 221, 560
 Сен-Венсан, Григорий — 205, 559
 Сенека — 127, 412, 552
 Сен-Мар — 219, 560
- *Сен-Эвремон — 558
 Серапис — 133
 Сидней — 323, 567
- *Собесский, Ян — 573
 Сократ — 101, 202, 207, 259,
 545, 558
 Соран — 497, 574
 Спиноза — 12, 17, 18, 19
 Сталь — 480, 574
 Сципион — 123, 551
- Тартини — 329, 568
 Тассо — 267, 565
 Тацит — 257, 562
 Тезей — 255
 Темисон — 497
 Теренций — 223, 560
 Терсит — 123, 552
 Тертуллиан — 481
 Тит — 254, 562
 Толанд — 18
 Тома — 155, 239, 556

- *Трамбле — 571
 Траян — 101, 254, 326, 545, 562
 Тюрго — 210, 259, 543, 551, 560
 Тюрени — 316, 318, 322, 567
 *Тьер — 544

 Улисс — 215

 Фальконэ — 293, 565
 Ферма — 209, 559
 *Флери де, Омер Жоли — 546
 Флуайе — 499
 Фока — 256
 Фокион — 101, 545
 Фонтана — 345, 346, 347, 571
 Фонтенелль — 213, 560
 Фонтэн — 234, 239
 Фоссий — 483
 *Франклин, Вениамин — 540
 Фридрих II — 283, 563, 565
 *Фурье — 31

 Цезарь, Гай Юлий — 123, 257, 508, 551, 562

 Цицерон — 123, 177, 552
 Чернышев — 136, 553

 Шарлеваль — 184, 558
 Шаррон — 261, 563
 Шателю де — 306, 566
 Шекспир — 184, 185, 552, 553, 561
 *Шефцбери — 8, 569

 Эйлер — 196, 232, 558
 *Эллис — 22
 *Энгельс — 22
 Эней — 257, 258, 562
 Эно — 314, 566
 Эпикур — 265
 Эпименид — 469, 573

 *Юм — 547
 Юпитер — 94, 132, 269, 270, 271, 313, 326, 327

 Язон — 255
 Янсений — 207, 545

Перечень иллюстраций

1. Дидро. <i>С портрета маслом Фрагонара . . .</i>	6—7
2. Страница ленинградского списка «Добавления к «Путешествию» Бугенвилля» (<i>Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде</i>).	56—57
3. Страница ленинградского списка «Разговора философа с женой маршала де***» (<i>Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде</i>).	88—89
4. Титульный лист первого издания «Об уме» Гельвеция	112—113
5. Гельвеций. <i>С литографии Дельпека по рисунку Морена</i>	128—129
6. Скелет. <i>С гравюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts» (Энциклопедия Дидро), t. I, 1762</i>	352—353
7. Мускулатура спереди. <i>С гравюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts» (Энциклопедия Дидро), t. I, 1762</i>	360—361
8. Мускулатура сзади. <i>С гравюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts» (Энциклопедия Дидро), t. I, 1762</i>	368—369
9. Сердце. <i>С гравюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts» (Энциклопедия Дидро), t. I, 1762.</i>	376—377
10. Артерии. <i>С гравюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts» (Энциклопедия Дидро), t. I, 1762.</i>	384—385
11. Вены. <i>С гравюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts» (Энциклопедия Дидро), t. I, 1762</i>	392—393
12. Мозг и мозжечок. <i>С гравюры из «Recueil de planches sur les sciences et les arts» (Энциклопедия Дидро), t. I, 1762.</i>	400—401

13. Нервная система. С гравюры из «*Recueil de planches sur les sciences et les arts*» (Энциклопедия Дидро), t. I, 1762 408—409
14. Желудок и печень. С гравюры из «*Recueil de planches sur les sciences et les arts*» (Энциклопедия Дидро), t. I, 1762 480—481

Содержание

<i>И. К. Лунпол.</i> Основные проблемы философии Дядро . . .	7
Ф и л о с о ф и я	
Добавление к «Путешествию» Бугенвилля. <i>Перев. П. С. Юшкевича</i>	35
Речь философа, обращенная к королю. <i>Перев. П. С. Юшкевича</i>	85
Разговор философа с женой маршала де***. <i>Перев. В. К. Серезжникова</i>	89
Размышления по поводу книги Гельвеция «Об уме». <i>Перев. П. С. Юшкевича</i>	109
Систематическое опровержение книги Гельвеция «Человек». <i>Перев. П. С. Юшкевича</i>	
Том I	119
Том II	274
Элементы физиологии. <i>Перев. П. С. Юшкевича</i>	337
Примечания. Составила <i>М. Д. Цебенко</i>	539
Указатель имен	576
Перечень иллюстраций	581

Редактор И. К. Луппол
Художественная редакция
М. П. Сокольников
Лит.-техническое наблюдение
А. Н. Плавильщиков
Техред Л. А. Фрязинова
Наблюдение на производстве
М. И. Ковлов

* * *

Сдано в набор 1. VIII. 1934
Подп. в печать 7. XII 1934
Уполном. Главлита Б—38966
Тираж 5.300. Зак. тип. № 8244
«Ас». 128. Инд. А—1. Авт. л. 32
Печ. л. 18,25 + 14 вкл. Бум.
82 × 110¹/₃₂. Тип. зн. на 1
бум. л. 128,895

* * *

Отпечатано на фабрике книги
«Красн. пролетарий». Москва,
Краснопролетарская, 18

Цена Р. 9.00
Переплет Р. 2.00

Собрание сочинений
ДИДРО

в десяти томах

под общей редакцией
Н. К. Луппола

Том I

ФИЛОСОФИЯ
(вышел в свет)

Том II

ФИЛОСОФИЯ
(вышел в свет)

Том III

РОМАНЫ И ПОВЕСТИ
(готовится)

Том IV

РОМАНЫ И ПОВЕСТИ
(готовится)

Том V

ТЕАТР И ДРАМАТУРГИЯ
(готовится)

Том VI

ИСКУССТВО
(готовится)

Том VII

СТАТЬИ ИЗ «ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

Том VIII

ПИСЬМА К С. ВОЛЛАН
(готовится)

Том IX

ПИСЬМА К ФАЛЬКОНЭ,
ГРИММУ и др.
(готовится)

Том X

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ,
ОТНОСЯЩИЕСЯ К РОССИИ

«А С А Д Е М И А»

Москва, Б. Вузовский, 1
Ленинград, Пр. 25 Октября
«Дом книги»

ДЕНИ
ДИДРО

СОЧИНЕНИЯ

II

ACADEMIA

